

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

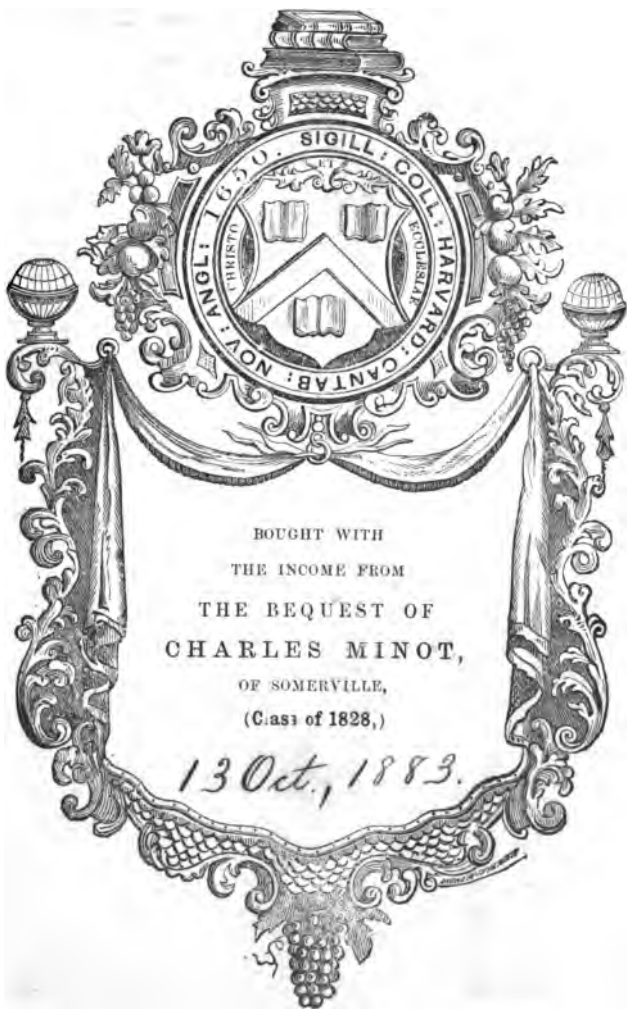
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

The Slavic Annual.
A Collection of Articles on
Slavic Subjects.

Compiled by
Nikolai P. Zoderatskiy.

1878
Third Year of Publication.

(Publication of the Kiev
Slavic Society)

Kiev & St. Petersburg.
1878.

СЛАВЯНСКИЙ ЕЖЕГОДНИКЪ.

СБОРНИКЪ СТАТІИ ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

Составилъ Николай Задерацкій.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 1878. ТРЕТІЙ

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. ОГЛОВЛИНА, БЫВШ. ЛИТОВА
въ Кіевѣ | въ С.-Петербургѣ
На Крещатицѣ, въ д. С. И. Литова. | На Малой Садовой, домъ № 4.

КІЕВЪ.

Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.

1878.

~~VII, 1874~~

~~Стар 52~~

P Slav 646.15

OCT 13 1883

Minor fund.

Дозволено цензурою. Київъ, 15 сентября 1878 года.

Его Святлости, Святлѣйшему Князю
Николаю I Черногорскому.

Ваша доблестная личность, какъ Держав-
наго Вождя народа Черногорскаго и какъ зна-
менитаго народнаго поэта, возбуждаетъ во всѣхъ,
кому дороги слава и интересы Славянъ, чувства
удивленія и глубокаго уваженія.

Руководимый этими чувствами, я беру на
себя смѣлость украсить посвященіемъ имени

Вашей Светлости
Воспокорный слуга
Составитель

Вашей Светлости издаваемый мною сборникъ
статей по Славяновѣдѣнію и лицу себя надеж-
ую, что мое скромное приношеніе будетъ благо-
склонно принято Вами, Светлѣйшій Князь.

Вашей Светлости Воспокорный слуга
Составитель.

Австрійская публицистика предъ введеніемъ дуализма. (1865—1866).

Составъ Австрійской имперіи предъ войной 1866 года.—Судьба и положеніе Галиціи среди остальныхъ земель Австріи.—Брошюра барона Гельферта: „Пятьдесятъ лѣтъ послѣ Вѣнскаго конгресса.“—Статья чешскаго историографа Фр. Палацкаго „объ историческихъ задачахъ Австріи.“—Представитель мадьярской національной партіи Фр. Деакъ и его политическія мнѣнія.—Предложенный имъ въ 1861 году венгерскому сейму отвѣтный адресъ и полемика по этому поводу.—Брошюра барона Этвеша: „вопросъ о народностяхъ“: о вліяніи господствующихъ идей времени на отношенія между народами, объ идеѣ народности вообще и въ Венгрии въ особенности, объ историческихъ правахъ народовъ, объ отношеніяхъ хорватскаго народа къ Венгрии, о препятствіяхъ къ разрѣшенію вопроса о народностяхъ, объ интересахъ государства и требованіяхъ народности, о личной общественной и религіозной свободѣ въ связи съ идеей народности;—какое вліяніе имѣло бы дѣленіе Венгрии по народностямъ на всю Австрійскую имперію?—Партіи велико-германская, мадьярская и славянская въ Австріи съ 1848 по 1864 годъ.—Статья Фр. Палацкаго: „Идея австрійскаго государства.“—Программы централистовъ, автономистовъ и дуалистовъ и разборъ ихъ Палацкимъ.—Идея федерализма и ея объясненіе.—Брошюра графа Гарраха: „Спасеніе Австріи,“ и его политическая программа.—Война 1866 года и ея значеніе для внутренней жизни Австрійскихъ земель.—Вопросъ о новомъ министерствѣ и новой программѣ для внутренней политики.—Приверженцы федеральной партіи въ Венгрии и ихъ требованія.—Борьба централистовъ и дуалистовъ противъ федеральной программы.—Посредническое положеніе автономистовъ.—Надежды и желанія федералистовъ.—Австрія и Восточный вопросъ.

Исторія и политика раздѣлили земли Австрійской имперіи на два главные отдѣла: на земли, въ прежнее время включившіяся въ Германскій Союзъ, и на земли старой Венгерской короны. Между этими двумя отдѣлами австрійскихъ областей существуетъ немалое различіе въ управленіи, въ ре-

литіозномъ и умственномъ развитіи, наконецъ въ экономиче-скихъ условіяхъ жизни. Въ первыхъ преобладаетъ нѣмецкая администрація, во вторыхъ мадьярская; въ первыхъ большин-ство населенія исповѣдуетъ католицизмъ, во вторыхъ, за ис-ключеніемъ Хорватіи или Кроаціи, преобладаютъ евангелики, униаты и православные; въ первыхъ считалось до 1867 года че-тыре университета, во вторыхъ—одинъ университетъ, но за то пять школъ правовѣдѣнія; въ первыхъ женское населеніе превышало число мужскаго, во вторыхъ большинство было на сторонѣ мужчинъ; народонаселеніе первыхъ занято было преимущественно мануфактурною и фабричною промышлен-ностію, жители вторыхъ занимались преимущественно сель-скимъ хозяйствомъ; только въ горномъ производствѣ сходи-лись оба отдѣла провинцій. Въ этихъ главныхъ составныхъ частей Австрійской имперіи были еще двѣ провинціи, не при-надлежавшія ни Германскому Союзу, ни Венгерской коронѣ. Эти земли—Венеція и Галиція. Принадлежали онѣ Габсбург-скому дому не болѣе ста лѣтъ; среди ихъ сельскаго насе-ленія почти не было ни Нѣмцевъ, ни Мадьяръ: первая ко-гда-то входила въ союзъ мелкихъ итальянскихъ государствъ, вторая принадлежала къ числу лучшихъ областей польской Рѣчи Посполитой. И тою и другою австрійское правитель-ство владѣло не безъ борьбы; въ обѣихъ нормальнымъ со-стояніемъ жизни сдѣлалось военное, осадное положеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было и различіе между Венеціей и Галиціей. Почти все населеніе Венеціанской области принадлежало къ итальянскому племени и чувствовало сильное желаніе соеди-ниться съ возродившеюся Италіей, чего и достигло въ 1866 году, предшествовавшемъ введенію въ Австрію политическа-го дуализма. Народонаселеніе Галиціи дѣлилось на двѣ по-ловины: западную и притомъ меньшую, къ которой прина-длежали Поляки и восточную большую, къ которой прина-длежали Русскіе или Русины, какъ называютъ ихъ австрій-скіе этнографы. Если Поляки и могли мечтать о возстановле-ніи своей Рѣчи Посполитой, то этого не могли желать гали-цкіе Русскіе: на этой противоположности желаній народона-селеній восточной и западной Галиціи и основываютъ до сихъ поръ австрійскіе централисты свое господство надъ обѣими, опираясь еще на третій элементъ, весьма многочисленный въ Галиціи,—на Евреевъ.

Королевство Галиція и Лодомерія, какъ значитса оно въ титулѣ австрійскаго императора, то-есть по просту Галицкое и Владимірское, ведетъ свою исторію съ 1772 года, когда нѣ-которые изъ польскихъ воеводствъ достались на долю Габс-

бургскаго дома во время перваго раздѣла Польши. Въ томъ же году назначенъ былъ въ новую провинцію императорскій комиссаръ и особымъ универсаломъ старопольскія учрежденія замѣнены нѣмецкими; только на два года оставлены были въ дѣйствіи прежніе суды для окончанія накопившихся въ нихъ дѣлъ. Въ администрацію и въ школы введенъ былъ языкъ нѣмецкій. Шляхтѣ, которая въ тѣ времена соединяла въ своихъ рукахъ права всего народа, оставлены были ея титулы, право полицейскаго надзора и суда надъ подданными, свобода отъ военной повинности, которая организована была для остальнаго населенія по нѣмецкой системѣ. Королевскія имѣнія мало-по-малу стали поступать въ продажу и были окончательно распроданы не только туземнымъ, но и принятымъ семействамъ къ концу 1811 года. Введены были употребительныя въ австрійскихъ земляхъ монополіи. Вся провинція раздѣлена на округа; во главѣ каждаго изъ нихъ поставленъ *Kreishauptmann* и при немъ помощники. Для шляхты образованы особые суды *nobilium*; въ городахъ дѣйствовали магистраты; а дѣлами сельчанъ завѣдывали такъ называемыя доминіи, членами которыхъ были шляхтичи, подъ контролемъ окружныхъ начальниковъ. Съ 1775 года введены были собранія провинціальныхъ чиновъ по образцу другихъ нѣмецкихъ провинцій, не имѣвшія впрочемъ никакого вліянія на управленіе. Въ 1795 году, послѣ третьяго раздѣла Польши, присоединена была къ австрійскимъ землямъ и западная часть Галиціи. Съ началомъ нынѣшняго столѣтія открылся цѣлый рядъ войнъ между Австріей и Франціей. Провинціальныя чины перестали собираться. 1808 годъ былъ годомъ величайшаго униженія Австріи предъ Наполеономъ. Вся Галиція отошла къ основанному, по желанію Наполеона, герцогству Варшавскому. Но въ томъ же году русскія войска заняли восточную часть ея, и по разграничительному акту 19 марта 1810 года отдѣлена была къ Варшавскому герцогству только западная Галиція; а восточная возвращена Австріи, за исключеніемъ Тарнопольскаго округа и части Чортковскаго, которые перешли къ Россіи. Въ 1812 году австрійская часть Галиціи служила пунктомъ, изъ котораго получалъ свое продовольствіе вспомогательный корпусъ Австрійцевъ при походѣ Наполеона на Россію; а на Вѣнскомъ конгрессѣ Россія возвратила Австріи округа Тарнопольскій и Чортковскій. Западная Галиція также вошла въ составъ Австрійской имперіи, за исключеніемъ города Кракова, который съ своимъ округомъ объявленъ былъ вольнымъ, находящимся подъ охраною Австріи, Пруссіи и Россіи. Въ 1817 году импера-

торъ Францъ I возстановилъ въ Галиціи провинціальные чины и сеймы, но далъ имъ лишь одно право выслушиванія императорскихъ постулатовъ: въ случаѣ же подачи прошенія императору надо было испрашивать каждый разъ предварительное дозволеніе изъ Вѣны. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 30 лѣтъ, имя Галиціи ни разу не занимало вниманія европейскихъ политиковъ. Но въ 1846 году народная и сословная вражда между панами и сельскимъ населеніемъ, борьба, умышленно поддержанная австрійскимъ правительствомъ, разразилась надъ краемъ всѣми ужасами сословной и гражданской революціи. Имя крестьянскаго предводителя Шели стало извѣстно всей Европѣ. Черезъ два года послѣ того вся Австрійская имперія должна была выдержать сильное потрясеніе, котораго не избѣжала и Галиція. Съ 1848 года начинается въ ней движеніе между русскимъ населеніемъ, которое хочетъ добиться равноправности съ Поляками. Крѣпостное право отмѣняется окончательно. Въ Вѣнѣ появляются депутаціи Русскихъ изъ восточной Галиціи. На государственныхныхъ сеймахъ, вѣнскомъ и кромержишскомъ, говорятся рѣчи въ защиту русской народности; во Львовѣ появляется первая русская газета: „Заря Галицкая;“ учреждается такъ-называемый Народный Домъ и Русская Рада, имѣющіе своей задачей поддерживать народное движеніе. Въ 1850 году Галиціи даютъ конституцію: для западной и восточной половинъ ея учреждены отдѣльные другъ отъ друга управленія. Но вскорѣ опять наступаетъ реакція. Централистическая система Баха, стоявшаго тогда во главѣ австрійскаго министерства, старается заглушить народное движеніе въ обѣихъ половинахъ Галиціи. Русская журналистика и литература, только начавшая развиваться, снова замираетъ; ученая дѣятельность общества Русской Матицы встрѣчаетъ себѣ препятствія, была даже попытка побудить Русскихъ къ принятію латинской азбуки вмѣсто кириллицы. Но въ 1859 году для австрійскаго правительства наступили новыя испытанія. Неудачи, понесенныя Австріей въ войнѣ съ Наполеономъ III и Италіей, заставили императора Франца Іосифа еще разъ обратиться къ своимъ народамъ. Въ 1861 году Галиція получила, вмѣстѣ съ другими провинціями новый уставъ, который правительству угодно было назвать конституціей, и который однакожь подвергся измѣненіямъ по принятіи системы дуализма, введеннаго и Галицію съ Букокиной въ составъ Цислейтаніи (или Славяно-Нѣмецкой половины имперіи).

Что же должно было служить политической связью между этими землями, и что въ то же время вело къ ихъ разъ-

единенію?—На этотъ вопросъ отвѣчалъ еще въ 1865 году баронъ Гельфертъ въ своей брошюрѣ: „*Пятьдесятъ лѣтъ послѣ Вѣнскаго Конгресса.*“ „Современные намъ политики, говорилъ Гельфертъ, взирая на различныя народности, составляющія населеніе Австріи, соблазняются мыслью о возможности ея распада. Это одна изъ самыхъ грубыхъ ошибокъ, какими вообще богата современная публицистика. Уважая принципъ народностей, Австрія можетъ только выиграть, а не проиграть. Всевозможные дипломатическіе акты, давніе договоры, браки и обязательныя постановленія земскихъ сеймовъ,—всѣ эти акты были только случайною причиною, по которой различныя земли мало по малу соединились въ рукахъ Габсбургскаго дома. Это внѣшнее единство не имѣло бы никакого значенія безъ того внутренняго, которое главнымъ образомъ выросло изъ земскихъ и политическихъ отношеній различныхъ областей имперіи. Кто хочетъ имѣть ручательство въ дальнѣйшемъ существованіи Австріи, тотъ можетъ найти его *положительнымъ* образомъ въ этой внутренней связи и путемъ *отрицательнымъ*, изслѣдуя вопросъ: выгодно ли хоть одному народу Австріи отдѣлиться отъ нея и примкнуть къ другому государству? Подумайте только, что бы случилось съ народностями мадыарскою, чешскою и словенскою, если бы Венгрія соединилась съ Россіею, Богемія и Моравія съ Пруссіей, а Штирія, Крайна и Каринтія съ Германскимъ Союзомъ. Если всѣ эти народности ищутъ спасенія въ Австріи, то Австрія должна имъ позволить найти искомое. Изъ этого она можетъ извлечь величайшія выгоды и большую крѣпость своего государственнаго организма. Въ народахъ Славянскомъ, Румынскомъ и Мадыарскомъ таится столько преданности и готовности на жертвы, столько жажды и способности къ просвѣщенію, что надо имѣть особенную хитрость, чтобы заставить ихъ быть врагами правительства, а не послушными союзниками его. Но, можетъ быть, труденъ выборъ среди такого богатства народностей, какимъ владѣетъ австрійскій императоръ? „Хочу жить въ мирѣ съ моимъ народомъ!“—было девизомъ покойнаго короля баварскаго. Пускай скажетъ намъ славноцарствующій императоръ: «хочу жить въ мирѣ съ моими народами!» И чѣмъ ближе будутъ эти слова къ исполненію, тѣмъ могущественнѣе и счастливѣе будетъ Австрія. Это такъ ясно само по себѣ, что должны существовать какія-либо особыя причины для сомнѣвающихся въ томъ. Причины эти дѣйствительно существуютъ и ихъ можно искать въ двухъ политическихъ обольщеніяхъ: въ боязни предъ панславизмомъ и въ стараніяхъ о пангерманизмѣ.» Авторъ да-

лѣе говорить, что »подъ именемъ панславизма одни разумѣютъ соединеніе всѣхъ Славянъ въ одно великое государство, другіе—стремленіе славянскихъ народовъ къ взаимному общественному сближенію. Въ первомъ смыслѣ панславизмъ тождественъ съ наклонностію подчиниться Россіи, ибо только Россія могла бы стать во главѣ обширнаго государства Славянъ; но ни польскія отношенія на славянскомъ западѣ, ни стремленія прибалканскихъ Славянъ на югѣ не внушаютъ опасеній на счетъ успѣховъ русскаго панславизма.—Да и въ самой Россіи панславистическія притязанія не пользуются сочувствіемъ. Среди самихъ Чеховъ, образованнѣйшихъ между австрійскими Славянами и пробудившихъ мысль о взаимномъ сближеніи Славянъ, панславизмъ никогда не восходитъ на степень политической агитации. Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ и образованнѣйшихъ между Чехами дѣятелей (Палацкій) въ самыя опаснѣйшія времена для Австріи, что давно бы слѣдовало оцѣнить, произнесъ свое, глубоко отозвавшееся въ славянскихъ умахъ, слово за существованіе Австріи и противъ образованія общеславянскаго государства. Славянскіе народы всегда бились за существованіе Австріи, ибо того требовали ихъ собственные интересы. И намъ слѣдовало бы говорить не о русскомъ панславизмѣ, а объ австрійскомъ славянствѣ. Пора, кажется, перестать дѣлать изъ австрійскихъ Славянъ страшилище, которое представляется слабымъ умомъ опаснымъ для нашего государства“.

Что касается народнаго соревнованія между Славянами и Нѣмцами, то авторъ утверждалъ: «обыкновенно говорятъ о враждѣ народностей не-нѣмецкихъ противъ Нѣмцевъ. Но гдѣ должно искать причины этой вражды? Нѣмецъ, хвалившійся въ прошломъ столѣтіи своимъ космополитизмомъ, сдѣлался, съ теченіемъ нынѣшняго вѣка, исключителенъ въ вопросѣ о народности, нетерпѣливъ и дерзокъ относительно восточныхъ народовъ. Дѣйствуя весьма ревностно въ смыслѣ своей народности при всякомъ удобномъ случаѣ, Нѣмецъ приходитъ въ ярость, если другіе народы, живущіе въ предѣлахъ политическихъ границъ Германскаго Союза, начинаютъ дѣйствовать въ собственномъ интересѣ. Тутъ позволительно все: тутъ является и пангерманизмъ, старшій братъ панславизма и похвальба либеральнымъ направленіемъ. Австрійскіе Нѣмцы любятъ привлекать на свою сторону другіе народы либеральными обѣщаніями. Всего болѣе идутъ на эту удочку Мадыры, и въ союзъ съ ними надѣются Нѣмцы просвѣтить Славянъ, дѣйствующихъ по внушеніямъ народнаго консерватизма и историческаго права»....

«Стремленія современнаго либерализма, продолжатъ Гельфертъ, составляютъ предметъ самыхъ горячихъ стараній вѣнскихъ политиковъ и журналистовъ, между тѣмъ какъ въ Венгріи, Кроаціи, Далмаціи, въ земляхъ Чешской короны и въ Галиціи они стоятъ на второмъ планѣ. Чѣмъ объяснить это? Быть можетъ, въ этихъ земляхъ свободныя государственныя учрежденія пользуются меньшимъ сочувствіемъ, нежели въ нѣмецкихъ провинціяхъ? Никогда! Но въ этихъ земляхъ существуютъ еще другіе вопросы, волнующіе все населеніе ихъ, вопросы, которые въ глазахъ централистовъ, прикрывающихся либеральными рѣчами, представляются или несостоящими вниманія или опасными для ихъ собственныхъ цѣлей. Различіе между политическими интересами, господствующими въ столицѣ Австріи и въ важнѣйшихъ земляхъ имперіи, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что политическая жизнь послѣднихъ имѣетъ программу положительную, а столица довольствуется отрицательною. Австрія въ этомъ смыслѣ представляетъ рѣдкій примѣръ государства, гдѣ отдѣльныя провинціи дышутъ жизнію полною разнообразныхъ интересовъ, столица же только отраженіемъ и отрицаніемъ ихъ. Либеральные политики и публицисты Вѣны не желаютъ ничего серьезнаго; они только заявляютъ, что вопросъ о выполненіи ихъ идеала свободы стоитъ на пути. Вѣнскій либеральничавшій централистъ не допускаетъ, чтобы законы дѣйствовали согласно съ существующими теперь отношеніями; онъ желаетъ, чтобы эти отношенія и обстоятельства времени устраивались согласно его теоріи. Онъ скорѣе готовъ пожертвовать нѣкоторыми землями имперіи, лишь бы только надъ остальными провести господство своей мысли. Быть можетъ, найдутся люди, которые не повѣрятъ этому. Но вотъ тому доказательства! Развѣ не сыпались со стороны либераловъ и централистовъ совѣты правительству, чтобы оно успокоило Венгрію всевозможными уступками, въ надеждѣ еще болѣе скрутить остальные земли? А какъ держала себя либеральная журналистика относительно императорскаго патента, который созывалъ усиленную имперскую думу, не упоминая о малой? Она безпрестанно заявляла, что гораздо необходимѣе малая дума, ибо въ ней только можно найти обезпеченіе для развитія свободныхъ учреждений. Не значить ли это: дай намъ волю, и мы охотнѣе пожертвуемъ единствомъ имперіи, нежели позволимъ потребовать къ отвѣту убѣжище нашихъ либеральныхъ теорій? Неужели думаютъ наши либеральничавшіе централисты, что большая часть чешскихъ и моравскихъ депутатовъ потому удалились изъ Вѣны, что дума не приступала еще къ прѣ-

ніямъ о законѣ объ ассоціаціяхъ? Или, можетъ быть, Мадыры не идутъ въ думу потому, что еще не положенъ на столъ, за которымъ сидитъ президентъ ея, проектъ закона о петиціяхъ? Или, можетъ быть, Хорваты не шлютъ въ думу своихъ депутатовъ потому, что еще не приготовленъ законъ объ отвѣтственности министровъ? Трудно сказать, говоритъ авторъ, какой отвѣтъ можетъ дать на эти вопросы вѣнская журналистика, издѣвающаяся надъ глупостію Тиролецевъ, надъ фантазіями Итальянцевъ, надъ внутренними отношеніями земель Чешской короны“. Различіе жизни въ отдѣльныхъ областяхъ Австрійской имперіи, созданное исторіей и народнымъ характеромъ, и требовавшее себѣ удовлетворенія, заслуживали, по мнѣнію автора, болѣе серьезнаго вниманія отъ всякаго здравогомыслящаго политика, нежели либеральныя теоріи вѣнскихъ централистовъ, которыя скорѣе могли сдѣлать изъ Австріи жертву сепаратизма, нежели создать ея единство,—и онъ былъ правъ.

„Кто бы захотѣлъ поразмыслить объ исторіи и судьбѣ Австрійской имперіи, сказалъ въ пражской газетѣ „Národ“ чешскій исторіографъ *Фр. Палацкій* въ томъ же 1865 году, тому сами собой представились бы слѣдующіе вопросы: имѣетъ ли это государство свою особенную цѣль, или особую задачу, свое призваніе, которыя давали бы ему единство и цѣльность, и опредѣляли бы разъ навсегда кругъ его дѣятельности? А также—есть ли оно организмъ живой, для существованія котораго потребны извѣстная мѣра матеріи и силы, и своего рода внутренній порядокъ? Или же оно есть только случайное соединеніе земель и народовъ безъ внутренняго ладу и складу, созданное внѣшними обстоятельствами, успѣхами оружія или, говоря словами знаменитой пословицы, счастливыми брачными договорами (*et tu, Austria felix, nubes!*) Иначе: было ли Австрійское государство, какъ въ минувшіе такъ и въ наши дни, носителемъ и защитникомъ опредѣленной идеи, возлагающей на него особыя обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ ручающейся за его дальнѣйшее существованіе; или же оно зависѣло только отъ счастливаго случая, отъ щедрости природы, награждавшей величіемъ духа его государей и правителей, отъ измѣнчивой благосклонности богини Беллоны и отъ непостоянныхъ желаній народовъ домашнихъ и заграничныхъ. На такой вопросъ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ былъ даваемъ отвѣтъ болѣе или менѣе мистическій отъ извѣстнаго рода льстецовъ, которымъ и положеніе Австрійскаго герцогства и кровъ Габсбургской династіи представлялись имѣющими въ себѣ нѣчто исключительное, призывающее

и влекущее ихъ къ господству надъ цѣлымъ свѣтомъ“. Число льстецовъ, о которыхъ говорить Палацій, было весьма велико: оно не ограничивалось предѣлами Австріи и не всегда обуславливалось нѣмецкимъ происхожденіемъ. Не одни австрійскіе Нѣмцы, находившіе въ томъ личныя выходы, держались такого образа мыслей; но и люди, примкнувшіе къ нимъ изъ другихъ народностей, населяющихъ обширныя владѣнія Габсбургскаго дома.—Нѣмцы изъ Евреевъ, германизованные Славяне, Мадыяры и Румыны, затѣмъ часть нѣмецкаго населенія въ южной Германіи, католики въ Турціи и тѣ публицисты иныхъ европейскихъ націй, которые привыкли съ чужихъ словъ называть Австрію нѣмецкою державою. Несмотря на то, что такому взгляду сильно противорѣчили не только карты Австріи, этнографическая и историческая, но даже и политическая; несмотря на то, что еще до сихъ поръ ясны черты главныхъ составныхъ частей ея, земель собственно Австрійской, Чешской и Венгерской коронъ, къ которымъ въ послѣднія сто лѣтъ присоединены были Галиція и Далмація; не смотря на то, многія ли изъ европейскихъ газетъ могутъ похвалиться тѣмъ, что онѣ никогда не относились къ Австрійской имперіи, какъ державѣ нѣмецкой? Словомъ, привычка глядѣть на Австрію глазами вѣнскихъ газетъ и нѣмецкихъ публицистовъ заставляеть видѣть въ ней, съ одной стороны, проводницу германизации на юго-востокъ Средней Европы, съ другой—все еще какъ бы преемницу великихъ преданій Священной Римской имперіи. Но ни то, ни другое не справедливо. Съ 1806 года роль Габсбургскаго дома въ дѣлахъ Германіи измѣнилась: изъ императоровъ нѣмецкихъ Габсбурги стали императорами австрійскими: 1866 годъ окончательно вытѣснилъ Австрію изъ состава Германской имперіи; а 1848, 1861 и 1867 года показали, какъ мало расположена Венгрія подчиниться государственному устройству, господствующему въ собственно-австрійскихъ земляхъ, и какъ враждебно смотрять на замыслы германизации австрійскихъ земель Славяне всѣхъ наименованій, хотя и признають, что ихъ собственное существованіе тѣсно связано съ существованіемъ Австріи.

Съ тѣхъ поръ въ ряду австрійскихъ публицистовъ явилось немалое число писателей, которые постоянно указывали какъ на неизбѣжную роль для Австріи,—на обязанность водворить въ земляхъ придунайскихъ принципъ равноправности всѣхъ народностей, населяющихъ эти земли. Мы уже знакомы съ брошюрой Гельферта: *Пятьдесятъ лѣтъ послѣ Вѣнскаго конгресса*, въ основаніе которой положена та же мысль.

Авторъ этой брошюры не стоитъ одиноко среди своихъ нѣмецкихъ собратьевъ. Кто знакомъ съ австрійской журналистикой и литературой послѣ 1848 года, кто слѣдилъ за дѣйствіями имперской думы и земскихъ сеймовъ въ различныхъ провинціяхъ Австріи съ 1861 года, тотъ припомнитъ нѣсколько другихъ именъ, не менѣе громкихъ и вліятельныхъ, нежели имя Гельферта и принадлежащихъ къ той же партіи. Укажемъ здѣсь на дѣятельность депутата штирійскаго сейма Германа, и особенно на его рѣчь 16 Марта 1863 года, которая произвела между вѣнскими централистами волненіе болѣе продолжительное и болѣе сильное, нежели рѣчь Палацкаго, сказанная на чешскомъ языкѣ въ пражскомъ сеймѣ 29-го января 1863 года, имѣвшая предметомъ своимъ томъ же самый вопросъ.

Въ самомъ дѣлѣ цѣлое столѣтіе австрійской исторіи произошло въ самыхъ странныхъ колебаніяхъ: сперва уступки Венгріи за признаніе Прагматической Санкціи и за помощь въ семилѣтнюю войну; потомъ либеральная централизація Іосифа II, и послѣ нея опять внезапныя уступки національнымъ стремленіямъ Венгріи; частая смѣна министровъ во время войнъ съ Наполеономъ I, изъ которыхъ одинъ дѣлаетъ воззваніе ко всѣмъ народамъ Австрійской имперіи почти безъ вѣдома самого императора; послѣ Вѣнскаго конгресса система Меттерниха и вслѣдъ за нею такое униженіе въ 1848-мъ и 49 годахъ, какового Габсбургскій домъ не испытывалъ даже во времена тридцатилѣтней войны и борьбы съ Турціей; далѣе опять германизирующая система Баха, а послѣ нея опять военная гроза, опять роковая необходимость заискивать въ своихъ угнетенныхъ народахъ, рождающая октябрскій дипломъ съ обѣщаніями полной равноправности для всѣхъ ихъ, и снова попытки урѣзать данное,—вотъ колебанія австрійской политики, которыми она, конечно, не можетъ гордиться. Но неудачи, понесенныя приверженцами германизаціи и централизаціи, еще не утомили дѣятельныхъ публицистовъ Вѣны. Впрочемъ подлѣ нихъ, въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, выросли двѣ шумныя и немалочисленныя группы венгерскихъ и славянскихъ патриотовъ, не желающихъ гибели или распада Австріи, но совершенно по своему смотрящихъ на задачу ея существованія, которое имъ, по крайней мѣрѣ, столь же дорого, какъ и для нѣмецкой партіи.

Перечислять всѣхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятелей обѣихъ сейчасъ названныхъ группъ здѣсь не мѣсто. Мы выбираемъ, пользуясь интересомъ именъ и историческимъ значеніемъ людей ихъ носившихъ, двухъ предста-

вители мадырскаго взгляда на задачу Австріи—Франца Деака и барона Этвеша, и одного представителя взгляда славянскаго, Франца Палацкаго. И первый и послѣдній высказались противъ системы, господствовавшей до 1861 года въ Австріи: Деакъ, подобно Палацкому, писавшему въ своей газетѣ, помѣстилъ въ своемъ органѣ „Pesti Naplo“ статью, въ которой разбиралось отношенія, существовавшія тогда въ имперіи Габсбурговъ. Деакъ (родился 13 октября 1803 г.), получившій первую извѣстность на венгерскомъ сеймѣ 1825 г., бывшій министромъ юстиціи Венгріи въ 1848 году и главой либеральной партіи на сеймѣ 1861 г., авторъ знаменитаго адреса, въ которомъ выражены были королю, отъ имени сейма, всѣ желанія венгерскихъ патриотовъ, признаваемъ былъ и Нѣмцами, и Мадырами за единственнаго человѣка, который дѣйствительно могъ бы примирить не только всѣ существовавшія въ самой Венгріи партіи съ Вѣною, но даже и между собою. Какъ государственный человѣкъ, онъ, по словамъ Мадыръ, не только храбръ, но и мудръ (nem bátor, hanem böles). Членъ Венгерской академіи по части исторіи, Лоренцъ Тотъ такъ характеризовалъ перваго публициста своей страны: „Его строгая логика, его быстро внимающій въ дѣло умъ, его обширные свѣдѣнія соединены съ замѣчательною умѣренностію, несравненнымъ тактомъ и полнымъ отсутствіемъ всякаго самолюбія. Все, что онъ ни дѣлаетъ или говоритъ, такъ неизысканно, такъ легко и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко, такъ далеко отъ постороннихъ побужденій, что невольно покоряетъ ему всѣхъ, помимо его исканій. Подобно солнцу, онъ ни съ кѣмъ не кокетничаетъ, но ровно на все льетъ свѣтъ и теплоту. И въ то же время никого не затмѣваетъ: самый мелкій деревенскій Цлцеронъ бываетъ имъ терпѣливо выслушиваемъ, если обращается къ нему съ своимъ доморощеннымъ краснорѣчіемъ во время выборовъ, и хотя потомъ сознаетъ свое величіе, но не замѣчаетъ своего ничтожества. Онъ не поранилъ ничего самолюбія, а самъ сдѣлался предметомъ пылкаго заискиванія со стороны популярности. Онъ исполненъ уваженія къ каждой изъ партій и нерѣдко случалось, что, послѣ энергическаго нападенія на консерваторовъ и реакціонеровъ, рѣчь его покрывалась одобреніемъ съ ихъ стороны. Его краснорѣчіе не столько увлекательно и блестяще, сколько убѣдительно и задушевно, не столько поэзіи и огня въ немъ, сколько мыслей и доводовъ. Языкъ его чистъ и ровенъ, равно свободенъ отъ вычурливости и отъ неправильности. Онъ изъ тѣхъ ораторовъ, чью рѣчь можно читать долго спустя послѣ произнесенія и испытывать то же согрѣвающее чувство, которое она

производила въ минуты, когда ее произносилъ ораторъ. Деакъ-ораторъ мира, порядка, соглашенія, насколько допускаетъ то сущность спорнаго вопроса. Онъ возражаетъ не громозвучно, но никогда не остается въ долгу у противника. Деакъ безспорно былъ лучший между политическими людьми Венгріи: предсказанія его большею частію исполнялись. О его дѣятельности въ должности министра юстиціи такъ выразился одинъ изъ нѣмецкихъ публицистовъ: „Никто не оказался столь способнымъ въ рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ Венгріи, какъ Деакъ. Онъ написалъ бы лучший, основательнѣйшій, наиболѣе отвѣчающій потребностямъ страны кодексъ, еслибъ ему дали время и возможность къ тому. Онъ былъ приготовленъ къ этому дѣлу своими прежними трудами, участіемъ въ предварительныхъ работахъ для уголовного кодекса, параграфы котораго, принадлежащіе Деаку, были одобрены самимъ Меттернихомъ, составленіемъ устава для суда присяжныхъ и передѣлкой урбаріума“. Въ 1848 году Деакъ не участвовалъ въ борьбѣ республиканской партіи противъ имперіи и прожилъ все время войны на мѣстѣ своего рожденія, оставаясь вполнѣ равнодушнымъ къ дѣлу обѣихъ партій. Онъ продолжалъ тотъ же родъ жизни до самаго 20 Октября 1860 года. Когда же появился извѣстный императорскій дипломъ, обѣщавшій имперіи конституцію, а отдѣльнымъ народностямъ ея политическую и общественную равноправность, тогда Деакъ вызванъ былъ придворнымъ канцлеромъ (по дѣламъ венгерскимъ) барономъ Ваемъ и имѣлъ аудіенцію у императора.

Деакъ и Этвешъ во многомъ были не похожи другъ на друга. Первый никогда не принадлежалъ къ числу литераторовъ, хотя и былъ членомъ Венгерской академіи. Онъ не сходилъ съ практической дороги и скоро понялъ, что безъ нѣкоторыхъ уступокъ и обѣщаній другимъ народностямъ, живущимъ въ Венгріи, нельзя добиться вполнѣ возстановленія законовъ 1848 года, хотя самъ и объявилъ эти законы основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ центральной властію. Этвешъ принадлежалъ къ числу тѣхъ венгерскихъ патріотовъ, которые не охотно выслушивали замѣчанія о существованіи другихъ народностей въ Венгріи, кромѣ мадьярской. Болѣе знакомый съ Европою, долѣе путешествовавшій по ней, нежели Деакъ, котораго онъ былъ моложе десятию годами, баронъ Этвешъ въ то же время принадлежалъ къ числу плодовитѣйшихъ писателей между современными ему мадьярами. Поэтъ, романистъ, драматургъ, хорошій переводчикъ, онъ въ то же время былъ журналистомъ и публи-

цестомъ. Многіе изъ его романовъ были только средствомъ для проведенія въ публику мыслей автора. Изъ статей и книгъ политическаго содержанія, писанныхъ Этвешемъ то по-мадьярски, то по-нѣмецки, извѣстны: о пауперизмѣ въ Ирландіи, объ эманципации Евреевъ, о равноправности національностей въ Австріи, о гарантіяхъ силы и единства Австріи, о положеніи Венгріи съ точки зрѣнія единой Германіи, и наконецъ самымъ обширнымъ изъ его сочиненій было: „*O слияніи господствующихъ идей XIX вѣка на государство*“, въ которомъ онъ развивалъ теоріи политической національности. Таковы были люди, приглашенные къ австрійскому императору, послѣ изданія октябрскаго диплома для совѣщаній о дѣлахъ Венгріи. Радикалу Этвешу не было дано никакихъ особыхъ порученій. А Деаку тотчасъ же было предложено заняться устройствомъ судебной организаціи комитетовъ, и онъ скоро положилъ предѣлы тому разрушенію, которое предприняли было во времена Баха нѣмецкіе централисты. Въ 1861 году, будучи избранъ отъ Пешта депутатомъ на венгерскій сеймъ, Деакъ произнесъ двѣ большія рѣчи, 13 мая и 8 августа, въ которыхъ защищалъ предложенный имъ сейму адресъ на имя императора. „Тяжелыя времена, полныя опасности годы пронесли надъ нами, говорилъ онъ въ первой рѣчи. Наша нація находилась въ состояніи полнаго уничтоженія. Теперь лежитъ на насъ, представителей націи, вручившей намъ свою судьбу, трудная и опасная задача. Бывали и прежде времена въ нашей исторіи, когда между страной и ея правительствомъ существовало несогласіе, относительно государственныхъ вопросовъ. Но тогда и государь и нація стояли на одной почвѣ, созданной вѣками. Теперь же предложенъ намъ вопросъ не объ извѣстныхъ политическихъ дѣлахъ, не о смыслѣ нашихъ законовъ, а о существованіи нашего государственнаго права, о цѣнности нашихъ основныхъ учрежденій. Намъ хотятъ дать новую, чуждую конституцію, стрывокъ изъ общаго всей Австрійской имперіи уложенія. Но мы не нуждаемся ни въ какой дарованной—и должны только возвратитъ нашу уже существовавшую конституцію“. Почти три мѣсяца сеймъ занимался прѣвнїями о проектѣ адреса, предложеннаго Деакомъ 8 августа, авторъ его резюмировалъ въ своей новой рѣчи все, что было сказано депутатами различныхъ партій за проектъ и противъ него: адресъ былъ принятъ, что повело за собою закрытіе сейма, а вскорѣ, послѣ нѣкоторыхъ волненій въ Пештѣ, и введеніе осаднаго положенія во всей Венгріи. Несогласіе между Венгріей и вѣнскими правителями, политическая дѣятельность которыхъ сосре-

доточивалась преимущественно въ лицѣ Шмерлинга, не было разрѣшено. Человѣкъ, о которомъ говорили Нѣмцы и Мадыары, что онъ можетъ примирить это несогласіе, опять отпадался отъ такой неблагодарной роли. Мадыарскіе публицисты винили Шмерлинга, нѣмецкіе—Деака. Румыны, Сербы, Хорваты, Сербы, Русскіе, принадлежащіе къ землямъ венгерской короны, Славяне другихъ австрійскихъ земель, Нѣмцы и Мадыары забросали съ 1861 года книжныя лавки Вѣны, Пешта, Загреба, Праги своими брошюрами, въ которыхъ венгерскій вопросъ разсматривался съ различныхъ точекъ зрѣнія. Одинъ Деакъ, который былъ „храбръ“, во время сейма, упорно хранилъ „мудрое молчаніе среди раскричавшейся не въ мѣру австрійской публицистики“. Но въ 1865 году два раза проговорился Деакъ.

Сперва онъ отвѣчалъ на довольно толстую книгу, которую выставила партія вѣнскихъ централистовъ,—книгу доктора Лусткандля: „О венгерско-австрійскомъ государственномъ правѣ“ (Das ungarisch-österreichische Staatsrecht. Zur Lösung der Verfassungsfrage historisch-dogmatisch dargestellt von Wenzel Lustkandl). Мы должны, впрочемъ, здѣсь замѣтить, что Лусткандль, составляя свою книгу, въ значительной степени воспользовался брошюрой венгерскаго Русскаго, бывшаго депутатомъ на сеймъ и членомъ пештскаго намѣстничества, а потомъ совѣтника венгерской придворной канцеляріи, нынѣ находящагося не у дѣлъ Адольфа Ивановича Добрянскаго: „Rede des ungarischen Landtags-Abgeordneten Adolf Ritter von Dobrzansky an der Adress-Angelegenheit“ (Wien, 1861, 130 страницъ). Но Добрянскій въ своей рѣчи стоялъ твердо на пути государственнаго права Венгріи и писалъ, какъ представитель одной изъ негосподствующихъ славянскихъ народностей ея; книга же Лусткандля, члена партіи вѣнскихъ централистовъ, отличается неполнотой, когда дѣло идетъ объ исторіи венгерскаго права и крайнею односторонностію въ выводахъ, когда дѣло идетъ объ отношеніяхъ Венгріи къ Австріи. Какъ бы то ни было, Деакъ отвѣчалъ Лусткандлю брошюрой, о которой съ похвалой отозвались мадыарскія и даже нѣкоторыя изъ славянскихъ газетъ. Но она, будучи написана на мадыарскомъ языкѣ, имѣла ограниченный кругъ читателей. Въ другой разъ Деакъ отвѣчалъ вѣнской газетѣ „Botschafter“, воспользовавшейся странною наклонностію, овладѣвшею австрійскимъ государственнымъ министромъ Шмерлингомъ, въ послѣдніе годы его власти, обвинять предъ имперскою думою Венгровъ, Хорватовъ, Далматинцевъ, преимущественно либеральныя партіи ихъ, въ не-

достаткъ преданности Габсбургскому дому. Обвиненія эти были такъ недвусмысленны, такъ непохожи на прежія, составлявшій своего рода болѣзнь, періодически возвращающуюся къ вѣнскимъ централистамъ, особенно въ минуты ихъ безсилія, наконецъ такъ торжественно заявлены въ упомянутой министерской газетѣ, что даже терпѣливый, предпочитавшій мудрое молчаніе, Деакъ заговорилъ. Онъ напалъ на статью газеты „Botschafter“ или, лучше сказать, на всю систему Шмерлингга, противопоставивъ ей программу своей партіи, которой держалось большинство венгерскихъ патриотовъ. Основываясь на Прагматической Санкціи, политика венгерской либеральной партіи брала двѣ задачи для себя: сохраненіе единства всей имперіи и неприкосновенности конституціонной независимости правъ и законовъ Венгріи. „За эту-то неприкосновенность, писалъ Деакъ, Венгрія будетъ всегда дѣятельно заступаться; но если подобныя стремленія не привели къ распаденію Австрійской монархіи во времена санкціи, если на соблюденіи такихъ условій власть Габсбурговъ приобрѣла новыя силы; то можно ли говорить, не нарушая справедливости, что такія отношенія земель Венгерской короны къ имперіи грозили и грозятъ единству послѣдней? Онѣ могутъ существовать рядомъ, не поглощая другъ друга. Не историческое право Венгріи, а замыслы и притязанія тѣснаго кружка вѣнскихъ централистовъ, органомъ которыхъ считаетъ себя „Botschafter“, были и будутъ причиной несогласій между Венгерской короной и имперіей, источникомъ опасностей, сопряженныхъ съ этими недоразумѣніями. Но справедливость и мудрость нашихъ государей въ самыя трудныя времена полагали конецъ нашему терпѣнію и вѣра въ нихъ не умретъ въ насъ!“... Вся эта статья Деака была не что иное, какъ повтореніе адреса послѣдняго венгерскаго сейма, опиравшася на уставъ 1848 года,—того года, когда распавшаяся Австрійская имперія была спасена дружнымъ дѣйствіемъ Славянъ всѣхъ племенъ и всѣхъ названій, въ томъ числѣ и Русскихъ, судьбою которыхъ со временъ Священнаго Союза было такъ или иначе служить распространенію нѣмецкаго господства на всемъ пространствѣ земель средней Европы.

Въ то время какъ одинъ изъ двухъ писателей, стоявшихъ въ 1865 и 1866 годахъ во главѣ мадьярской публицистики, именно Францъ Деакъ, принялъ на себя роль защитника неприкосновенности обще-венгерской конституціи и въ этомъ отношеніи не могъ пожаловаться на противодѣйствіе со стороны славянской журналистики, другой—баронъ Этвешъ

взялъ на свою долю разсмотрѣніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ народностей, населяющихъ Венгрію. Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ былъ имъ въ особой брошюрѣ, главныя положенія которой и стали программой для газеты: „Politikai Hetilap.“ Содержаніе этой брошюры и нѣкоторыхъ статей упомянутой газеты тогда же вызвало много возраженій въ различныхъ славянскихъ газетахъ.

Въ предисловіи къ своей брошюрѣ баронъ Этвешъ говорилъ, что важнѣйшее затрудненіе въ политическомъ положеніи Венгріи заключается въ необходимости разрѣшить вопросъ о народностяхъ и что вопросъ этотъ грозитъ немалыми опасностями для всего королевства. „Вопросъ объ отношеніяхъ народностей не принадлежитъ какой-либо одной изъ нихъ, говорить онъ, но касается всѣхъ жителей нашей страны; онъ составляетъ собственность всего венгерскаго народа; а потому нельзя его рѣшить поощреніемъ отдѣльныхъ требованій, выставляемыхъ Мадырами, Сербами, Румынами и Словаками. Лишь отъ сохраненія общей связи и единства нашего отечества зависитъ спокойное развитіе этого вопроса.“

Въ первой главѣ брошюры, гдѣ Этвешъ говоритъ о вліяніи господствующихъ идей вообще, высказана была мысль, что съ христіанскою цивилизаціею появилась идея о союзѣ народовъ, и что всѣ временныя направленія, возникшія въ различныя эпохи, исчезали тотчасъ же, какъ только становились преградой для общаго развитія европейскихъ націй. Каждая идея лишь настолько становилась господствующею въ свое время, насколько нуждалась въ ней общая жизнь; но всѣ онѣ утрачивали свою власть, лишь только общая цивилизація чувствовала потребность въ новыхъ путяхъ и новыхъ силахъ. Отсюда авторъ выводилъ три правила: 1) что упразднить идеи, сдѣлавшіяся всеобщими, а равно и отстранить всѣ ихъ послѣдствія, нѣтъ никакой возможности, укрыться отъ нихъ не можетъ ни одна страна; 2) что объемомъ и значеніемъ вліянія такихъ идей зависитъ отъ того состоянія, въ которомъ находились народъ и страна въ ту эпоху, когда новыя идеи проникали къ нимъ; 3) что вліяніе новыхъ идей на общество, будучи проводимо насильственно не можетъ измѣнить общества, и не развяжетъ всѣхъ существовавшихъ въ немъ отношеній, ибо всегда останется болѣе стараго, нежели получится измѣненнаго.

Во второй главѣ своей брошюры баронъ Этвешъ говорилъ объ идеѣ народности и замѣчалъ, что въ наше время три идеи имѣютъ наибольшее вліяніе: идея свободы, идея

равенства и идеал народности; а такъ какъ стремленія нашего вѣка къ достиженію свободы и равенства представляются лишь продолженіемъ давно начатаго движенія, и собственно одна идея народности можетъ быть почитаема такою, которая даетъ нашему времени особый характеръ. „А что такое самая народность? Народность есть ни что иное, какъ сознание той общей связи, которая въ извѣстной массѣ людей возникаетъ изъ воспоминаній о ихъ прошломъ, изъ ихъ непосредственнаго положенія, изъ общности ихъ интересовъ и убѣжденій.

А главнымъ дѣятелемъ, ведущимъ къ такой общей связи, прежде всего является языкъ. Но помимо родства по крови и по слову весьма важнымъ факторомъ въ созданіи народнаго или вѣрнѣе національнаго чувства является исторія. Чувство своей народности есть то же самое для народовъ, что у отдѣльныхъ людей сознание своей личности; и потому каждую отрасль какого-либо племени, въ которой пробудилось сознание своей самобытности, мы должны признать за особую народность. Идея народности не принадлежитъ къ числу новыхъ идей; но она еще никогда не имѣла такого вліянія на людскія отношенія и никогда еще не давала повода къ такимъ требованіямъ, какъ въ наше время“. Чему однакожъ слѣдуетъ приписать это? 1) успѣху, который сдѣлали Европейскіе народы на пути къ просвѣщенію, 2) той логической зависимости, въ которой находится идея народности отъ идей, получившихъ господство еще въ XVIII столѣтіи въ области политики и общественной жизни. Идея о равноправности людей и государствъ неизбѣжно должна была привести къ идеѣ о равноправности народностей.

Третью главу подъ заглавіемъ: идея народности въ Венгріи, авторъ начинаетъ словами: „Нѣтъ страны, на положеніе которой вопросъ о народности имѣлъ бы столь всестороннее и сильное вліяніе, какъ наше отечество. Вездѣ стремленія отдѣльныхъ народностей опираются на историческое право; въ Венгріи же съ одной стороны основаніемъ для нихъ служитъ исторія, а съ другой—желанія, не имѣющія ничего общаго съ историческимъ правомъ“. Мадьяры, по мнѣнію Этвеша, легко заняли обширную страну и легко основали въ ней сильную державу, ибо въ образованіи могущественнаго государства въ этой мѣстности была настоятельная потребность, къ чему обломки народовъ, оставшіеся въ тѣхъ краяхъ, оказались неспособными. Мадьяры послужили связью для различныхъ племенъ, не уничтоживъ однакожъ ихъ народныхъ различій. Отъ введенія христіанства въ Вен-

грии до битвы при Могачь (1526 года) нѣтъ ни одного историческаго документа, который-бы обнаружилъ хотя отдаленную мысль слить воедино различныя народности или подчинить угнетенію хотя бы одну изъ нихъ. Какъ автономія отдѣльныхъ земель—хорватскихъ и трансильванскихъ, такъ и особенности различныхъ народовъ, жившихъ въ государствахъ никогда не подвергались нападеніямъ во имя государственнаго единства, и даже положеніе мадырскаго племени никогда не было обезпечено особенными законами и привиллегіями. Страна пережила много переворотовъ и относилась къ другимъ государствамъ какъ отдѣльный союзъ, но относительно своей народности никогда не могла стать единою. Во времена турецкихъ войнъ вопросъ о народности еще менѣе могъ быть поднятъ, чѣмъ въ прежнее время; между позднѣйшими домашними войнами не было ни одной, основаніемъ для которой послужилъ бы вопросъ о народности. Онъ получилъ вліяніе на дѣла Венгрии лишь въ новѣйшее время. Главною причиною того было обстоятельство, что Венгрія принимала малое участіе въ духовномъ развитіи XVIII столѣтія, и идеи свободы и равенства не могли имѣть въ ней такого непосредственнаго вліянія на возбужденіе идеи народности. Рожденіе ея должно отнести ко временамъ Наполеоновскихъ войнъ. Съ тѣхъ поръ вліяніе ея распространилось на различныя венгерскіе народы: 1) вслѣдствіе успѣха цивилизаціи между всѣми народами Венгрии; 2) вслѣдствіе народныхъ стремленій, возникшихъ въ другихъ государствахъ, и родства по языку и происхожденію народовъ Венгрии съ народами этихъ государствъ; 3) вслѣдствіе устраненія латинскаго языка въ законодательствѣ и въ управленіи, чрезъ что граждане, говорящіе помадырски получили выгоды, которыхъ предъ тѣмъ не имѣли; 4) вслѣдствіе успѣховъ на политическомъ поприщѣ, ибо при существованіи комитатскаго устройства, прѣнія о политическихъ вопросахъ должны были живѣе обнаруживать различіе народностей; наконецъ 5) вслѣдствіе того вліянія на общественныя дѣла, которое, послѣ государственныхъ реформъ въ демократическомъ духѣ, получили всѣ жители Венгрии всѣхъ языковъ и народностей. Когда законы объявили полное политическое равенство всѣхъ гражданъ, удивляться нечего, что того же стали добиваться и всѣ народности; неудивительно, что патриотическое чувство, которое до тѣхъ поръ соединяло всѣхъ жителей Венгрии, стало уступать интересамъ отдѣльныхъ народностей ея. Когда любовь къ своей народности оттѣснила патриотическое чувство къ цѣлому государству на второй планъ, обнаружались стрем-

ленія, которыя противорѣчили политическому единству всей страны. Съ другой стороны—удивительно ли также, что въ Венгріи подобныя стремленія были приняты съ большею антипатіею нежели гдѣ либо? Удивительно ли, что иногда мадьярская партія была несправедлива къ этимъ стремленіямъ и приписывала искусно устроенной агитаціи отдѣльныхъ лицъ то, что было лишь послѣдствіемъ естественнаго развитія дѣлъ, лишь такимъ же благороднымъ стремленіемъ, какъ и намѣренія самихъ Мадьяръ?—„Много было сдѣлано ошибокъ, говоритъ баронъ Этвешъ, и съ нашей стороны и со стороны отдѣльныхъ народовъ. Но оставлять вопросъ о народности неразрѣшеннымъ нельзя; ибо отъ его счастливаго рѣшенія зависитъ вся наша будущность“.

Въ четвертой главѣ авторъ указывалъ условія, при которыхъ этотъ вопросъ можетъ считаться разрѣшеннымъ. Сперва необходимость сохранить политическое единство Венгріи, оставить за ней право исторической народности, потомъ необходимость удовлетворить главнѣйшимъ потребностямъ народности по языку и племени,—должны быть равно приняты въ расчетъ при разрѣшеніи упомянутаго вопроса. Затѣмъ авторъ обращаетъ главное вниманіе на собственно венгерскихъ Славянъ. Онъ напоминаетъ, что множество славянскихъ писателей считаютъ величайшимъ несчастіемъ для Славянъ переселеніе Мадьяръ въ Венгрію, считаютъ ихъ какъ бы клиномъ, вошедшимъ въ славянскій организмъ и мѣшающимъ соединенію западныхъ Славянъ съ южными. Авторъ называетъ такое мнѣніе ошибочнымъ и старается подтвердить свой приговоръ тѣмъ, что славянскія племена не имѣютъ будто бы способности къ созиданію большихъ государствъ; напротивъ того ихъ склонность къ устроенію мѣстныхъ самоуправленій, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ служить желанною помощію для того, чтобъ общественныя отношенія возвысились до той степени, въ которой нуждается благосостояніе и свобода людей вообще. На мѣстѣ Венгріи, при нынѣшнемъ населеніи ея, нельзя устроить крупнаго однороднаго государства; между тѣмъ есть потребность въ образованіи тутъ независимаго государства для того, чтобы малые народы могли охранять себя отъ сильныхъ сосѣдей, а потому сохраненіе государственнаго единства можетъ служить лишь гарантіею для свободнаго развитія всѣхъ народностей Венгріи. Затѣмъ баронъ Этвешъ обращался къ Мадьярамъ, невидящимъ надобности успокоить другія народности и имѣющимъ въ виду единство своего отечества. „Преобладаніе нашей собственной народности надъ всѣми другими, говорилъ онъ, было-бы

главную причину величайшаго погрома, какой только может постигнуть наше отечество. И развѣ для будущности Венгрии нужно благоденствіе только одной мадьярской народности. Каждое препятствіе, поставленное на пути духовнаго развитія остальныхъ народностей, будетъ отнимать у нашей страны по одной изъ прекраснѣйшихъ надеждъ. Представимъ только себѣ нашу родину безъ того обще-патріотическаго сознанія, сила котораго зависить отъ равноправности всѣхъ гражданъ Венгрии, въ ту минуту, когда наступить рано или поздно неизбежная война за Турцію, быстро идущую къ своему распаденію. Что, если какая либо часть венгерскаго населенія, не видя обезпеченія для своихъ существенныхъ интересовъ, или принимая свое родство съ народами другихъ государствъ, обратится противъ своего отечества? А потому существованіе нашей исторической и политической національности мы можемъ обезпечить только удовлетворивъ разумнымъ требованіямъ каждой изъ племенныхъ народностей; и наоборотъ удовлетвореніе этихъ требованій возможно будетъ лишь тогда, когда обезпечено будетъ государственное единство Венгрии“.

Пятая глава брошюры барона Этвеша посвящена была частному вопросу объ отношеніяхъ хорватскаго народа къ Венгрии. Въ шестой главѣ авторъ говорилъ объ условіяхъ, какія необходимо сохранять при разрѣшеніи вопроса о народностяхъ по той программѣ, которую онъ предложилъ въ третьей главѣ. Этихъ условій два: 1) прицѣпляя во вниманіе, съ одной стороны, требованія остальныхъ народностей, а съ другой—интересы государства, должно будетъ отказать въ удовлетвореніи первымъ лишь настолько, насколько будутъ обязывать къ тому послѣдніе; 2) а тагъ какъ такое положеніе дѣлъ требуетъ отъ каждой народности жертвъ, то ни отъ одной изъ нихъ не слѣдуетъ требовать болѣе или менѣе того, что необходимо для достиженія главной цѣли. Основаніемъ, котораго слѣдуетъ держаться при разрѣшеніи вопроса о народностяхъ, можетъ быть только *полная равноправность* между ними. Объемъ ея зависить впрочемъ отъ желаній отдѣльныхъ народностей.

Препятствія, которыя мѣшаютъ разрѣшенію вопроса о народностяхъ, разобраны были авторомъ въ седьмой главѣ и заключались, по его мнѣнію, въ одушевленіи въ пользу исторической и политической народности съ одной стороны, и въ пользу этнографической народности съ другой, говоря иначе—въ попыткахъ, чинимыхъ во имя той или другой народности, и тѣхъ средствахъ, которыя приверженцы каждой

изъ нихъ стараются употребить въ интересахъ своего дѣла. „Если послушать тѣхъ людей, замѣчалъ Этвешъ, которые принадлежать къ числу вождей обѣихъ партій, то можно подумать, что нѣтъ никакой возможности примирить всѣ эти препятствія. Съ одной стороны въ интересахъ государства высказывается желаніе такой централизаціи, при которой развитіе отдѣльныхъ народностей кажется совершенно невозможнымъ, съ другой стороны, во имя различныхъ народностей дѣлаются такія попытки, при которыхъ невозможно представить себѣ стройное и цѣльное отправленіе государственной дѣятельности“. Эти взаимныя противорѣчія между требованіями обѣихъ партій и дали поводъ автору говорить о той степени централизаціи, которую онъ желалъ бы видѣть въ своемъ отечествѣ, и о тѣхъ требованіяхъ каждой отдѣльной народности, которыя необходимо уважить. Эта мысль развита была въ слѣдующей восьмой главѣ подъ заглавіемъ: **Интересы государства и требованія народности.**

Законодательная и административная централизація, по мнѣнію барона Этвеша, потому необходима въ Венгріи, что среди большихъ государствъ, образовавшихся въ послѣднее время въ Европѣ, только такое государство можетъ сохранить свою самостоятельность, которому удалось сосредоточить всѣ свои силы. Для Венгріи было бы совершенно невозможно перенести на свою почву централизацію, подобную французской или прусской; тому будутъ противиться все прошедшее Венгріи, отсутствіе людей, готовыхъ вступить въ ряды бюрократіи, и едва ли не вся разноплеменная венгерская интеллигенція. Баронъ Этвешъ въ концѣ концовъ держался такого мнѣнія о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Венгріи, что гораздо выгоднѣе было бы для ея единства нѣкоторая снисходительность къ требованіямъ отдѣльныхъ народностей, нежели строгая законодательная и административная централизація. Но онъ полагалъ при этомъ необходимымъ отказать въ удовлетвореніи тѣмъ широкимъ программамъ, которыя были представлены отъ лица народностей различными публицистами. Свободное употребленіе родного языка въ церкви, школахъ и мѣстной администраціи, защита со стороны закона народныхъ нравовъ и обычаевъ, вотъ чего собственно требуютъ сами народы. Но религіозная вѣротерпимость, городское и общинное самоуправленіе, по увѣренію Этвеша, давно уже получили широкое развитіе въ Венгріи и служили скорѣе силъ государства, нежели его ослабленію.

Въ десятой главѣ авторъ говорилъ о двухъ системахъ къ разрѣшенію вопроса о народностяхъ. Сколько ни было

людей, писавшихъ объ этомъ вопросѣ въ Венгріи, сколько ни было предложено проектовъ по этому поводу, всё они однакожь сходились на томъ, чтобъ основаніемъ для рѣшенія спорнаго вопроса послужила идея равноправности. Но при этомъ всё проекты распадались главнымъ образомъ на двѣ системы: одни предлагали опредѣлить законнымъ путемъ для каждой отдѣльной народности административный округъ, назначивъ ему точныя границы, другіе надѣялись удовлетворить всѣмъ требованіямъ, выставленнымъ по поводу спорнаго вопроса, если только для каждаго жителя страны вполнѣ будетъ обеспечена личная свобода, какъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ такъ и въ интересахъ его языка и народности. Изъ первыхъ одни желали, чтобы законъ опредѣлялъ особый административный округъ только для важнѣйшихъ народностей, другіе требовали того же для всѣхъ. Изъ вторыхъ одни желали чтобы личная свобода по отношенію къ народности была распространена лишь на главные проявленія общественной жизни; другіе же требовали того и для всякихъ мелкихъ проявленій, свойственныхъ только одной какой-либо народности и тѣмъ отличающихъ ее отъ другихъ. По мнѣнію Этвеша, никакихъ исключеній ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ быть не должно. Государственные законы Венгріи еще въ 1789 году положили идею равенства въ основаніе политическаго бытія, и въ 1848 году дали ей самое широкое примѣненіе, уничтоживъ какъ личныя привиллегіи, такъ и привиллегіи отдѣльныхъ народностей; а потому въ настоящее время нѣтъ надобности отказывать кому бы то было въ пользованіи всѣми льготами, которые даются венгерскою конституціею, точно такъ-же, какъ нѣтъ надобности возстановлять отдѣльныя привиллегіи. Эта глава и двѣ слѣдующія за ней, какъ и надо было ожидать, вызвали самыя сильныя возраженія со стороны славянскихъ газетъ.

Въ десятой главѣ баронъ Этвешъ доказывалъ, что образованіе отдѣльныхъ административныхъ округовъ для каждой народности невозможно. Прежде всего онъ не видѣлъ особыхъ затрудненій въ исполненіи слѣдующихъ правилъ: чтобы въ каждой общинѣ, повѣтѣ, выборномъ округѣ и городахъ дѣловою и вообще правительственною рѣчью была та, которая есть рѣчь большинства жителей въ той общинѣ, повѣтѣ, округѣ или городѣ; чтобы повѣты, комитеты и округа получили то устройство, при которомъ къ каждому повѣту, къ каждому округу могли быть отнесены общины, въ населеніи которыхъ преобладающее большинство принадлежитъ одной какой-либо народности; чтобы выборные округа для

назначенія депутатовъ на сеймъ, какъ въ комитатахъ, такъ и въ привилегированныхъ дистриктахъ и городахъ, устроены были соответственно господствующимъ въ нихъ отношеніямъ отдѣльныхъ народностей, и чтобы это дѣленіе служило самому правительству основаніемъ при рѣшеніи судебныхъ и административныхъ дѣлъ, связанныхъ съ системою выборовъ. Такъ какъ народности живутъ часто очень смѣшанно, то баронъ Этвешъ полагалъ, что округленіе комитатовъ по народностямъ едвали возможно. Дальнѣйшее затрудненіе онъ видѣлъ въ томъ, кому должно предоставить такое округленіе—сейму или правительству и притомъ на какихъ основаніяхъ.

Одиннадцатая глава посвящена была изложенію тѣхъ послѣдствій, которыя произвела-бы вышеупомянутая система относительно личной и общественной свободы и уравниенія народныхъ особенностей: и тутъ баронъ Этвешъ говорилъ, что раздача должностей на основаніи народностей можетъ быть желаніемъ лишь отдѣльныхъ лицъ. Назначенію чиновниковъ, исключительно на основаніи права народности, противорѣчитъ даже принципъ ответственности правительства, признанный въ Венгріи, ибо тогда, на мѣсто уничтоженной привилегированной способности къ администраціи извѣстныхъ аристократическихъ фамилій, явилась бы привилегированная способность какой-либо народности. Существованіе различныхъ народностей въ государствѣ не искажаетъ сознанія о единствѣ этого государства, но совершенно иначе бываетъ, когда сохраненіе народныхъ различій становится главною дѣлюю въ государствѣ, которой стараются подчинить все другія дѣла и интересы. Раздачи должностей только на основаніяхъ народности привела-бы къ тому, что все чиновники стали бы считать себя слугами не государства, а различныхъ народностей; равнымъ образомъ раздѣленіе государства на административныя округа по народностямъ имѣло бы слѣдствіемъ то, что каждый сталъ бы считать себя гражданиномъ не всего государства, а лишь своего народного округа.

Двѣнадцатая глава, разсуждавшая о томъ—какое вліяніе имѣло бы дѣленіе Венгріи по народностямъ на всю Австрійскую имперію? посвящена была австрійскимъ государственнымъ людямъ. „Въ связанныхъ подъ одною короною различныхъ государствахъ, говоритъ баронъ Этвешъ, при разрѣшеніи каждаго вопроса, возникающаго въ одномъ изъ нихъ, прежде всего слѣдуетъ обращать вниманіе на то, какъ онъ отзовется въ другихъ государствахъ, находящихся въ томъ же союзѣ. Вѣнскіе государственные люди, которые считаютъ

необходимымъ раздробленіе Венгрии по народностямъ, вовсе не раздѣляютъ того же мнѣнія относительно земель Чешской и собственной короны. По чувству справедливости, которое всюду и всегда присуще людямъ, лишь тогда можетъ удовлетворить вполнѣ замѣна историческаго и политическаго права принципомъ народности, когда эта замѣна исполнена будетъ со всѣми ея послѣдствіями; и если теперь Венгрия будетъ раздроблена по народностямъ, то весьма естественно, что требованіе такого же раздробленія всей Австріи получить не оборимую силу“. Авторъ совѣтовалъ вѣнскимъ правителямъ подумать о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ привело бы раздѣленіе по народностямъ цѣлой Австрійской имперіи, всѣ народы которой, за исключеніемъ мадьярскаго, имѣютъ своихъ ближайшихъ соплеменниковъ за границей ея, въ сосѣднихъ государствахъ. Принципъ народности, однажды поощренный въ своихъ требованіяхъ, будетъ стремиться къ новому удовлетворенію заключающейся въ немъ идеи, и только на развалинахъ Австрійской имперіи можетъ отпраздновать свое торжество эта идея. Далѣе баронъ Этвешъ указывалъ на приближающееся распаденіе Турціи и на ту важную роль, какая будетъ принадлежать въ этомъ случаѣ Австріи, которой, слѣдовательно, надо заботиться о сохраненіи своего политическаго единства, а не объ уничтоженіи его.

Въ тринадцатой главѣ авторъ сравнивалъ судьбу вопроса о народности съ судьбой вопроса о религіозной свободѣ. Ни попытки составить государственную теорію на основаніи извѣстныхъ религіозныхъ убѣжденій, ни размежеваніе государствъ между собою по господствующей въ нихъ религіи, ни законодательныя попытки, ни кровавыя войны не рѣшили вопроса о свободѣ совѣсти, пока законъ не принялъ на себя простой охранительной роли, предоставивъ отдѣльнымъ лицамъ заботиться о существованіи каждаго изъ вѣроисповѣданій. Точно также, по мнѣнію Этвеша, ни одинъ изъ выше разсмотрѣнныхъ имъ проектовъ, не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ различныхъ народностей. Кромѣ того въ политикѣ не можетъ быть всеобщаго правила, и даже примѣръ религіозной свободы не можетъ служить руководствомъ для законодательныхъ заботъ о полной свободѣ всѣхъ народностей; о ней можно лишь думать настолько, насколько дозволятъ положеніе и интересы самого государства.

Четырнадцатая глава, подъ заглавіемъ: о вліяніи свободы на отдѣльныя народности, посвящена была не—Мадьярамъ; а пятнадцатая глава, резсуждавшая о вопросѣ: правда ли, что полная свобода, данная народностямъ, грозитъ опас-

ностию самому существованію государства? посвящена была Мадьярамъ. Не—мадьярамъ говорилось, что перепутанность въ разселеніи различныхъ народностей по Венгріи, крайняя привязанность всѣхъ венгерскихъ гражданъ различныхъ народностей къ своимъ муниципальнымъ институціямъ, признаніе государственнымъ законами полной свободы всѣхъ вѣроисповѣданій, существованіе комитатскаго устройства, столь враждебнаго административной централизаціи—все это съ одной стороны противится дѣленію Венгріи на большіе округа по народностямъ, а съ другой—вполнѣ достаточно для охраненія личной, религіозной, муниципальной и общинной свободы. Мадьярамъ же авторъ говорилъ, что идея народности не есть идея революціонная и что опасности, порождаемыя ею, значительно уменьшатся отъ восполненія прежнихъ свободныхъ институцій постановленіемъ о свободѣ рѣчи и языка для каждой народности. „Однимъ словомъ, говорилъ баронъ Этвешъ въ заключеніе, разрѣшеніе вопроса о народности въ нашемъ отечествѣ возможно лишь при расширеніи личной свободы и при сохраненіи нашей политической самостоятельности; что же касается практическаго проведенія народной равноправности, отъ чего зависитъ окончательное рѣшеніе спорнаго вопроса, то въ нашемъ отечествѣ желательно лишь совершенное и точное исполненіе законовъ 1848 года, т. е. чтобъ организмъ всей нашей администраціи придерживался системы самоуправленія“.

Но послушаемъ, что говорили тогда же славянскіе публицисты?

Торжество велико-германской партіи, послѣдовавшее за 1849 годомъ, было не продолжительное. Прошло десять лѣтъ, и старая, давно знакомая Габсбургскому дому, военная опасность со стороны Франціи разрушила въ нѣсколько мѣсяцевъ ту систему, надъ созиданіемъ которой съ такимъ усердіемъ трудились и доморощенные вѣнскіе централисты, и пришлые велико-германцы изъ Франкфурта, и даже отрекшіеся отъ своихъ прежнихъ убѣжденій демократы изъ Нѣмцевъ. Правда, на этотъ разъ не было поставлено вопроса о существованіи Австріи: шла рѣчь только о единствѣ Италіи, что влекло за собою отдѣленіе отъ Австріи ея провинцій, населенныхъ Италіянцами, потерю давняго и сильнаго вліянія на Аппенинскомъ полуостровѣ и въ будущемъ ослабленіе исторической связи между папой и Габсбургскимъ домомъ, преданія котораго такъ тѣсно были соединены съ Римомъ. Ни Славянамъ, ни Мадьярамъ нечего было опасаться ни за свои права, ни за цѣлость Австріи. Вся бѣда, принесенная Италіянскою

войной, обрушилась тягестію своею на партію нѣмецкую. 20-го Октября 1860 г. появился знаменитый императорскій манифестъ „Къ моимъ народамъ“, сопровождавшійся дипломомъ „объ устройствѣ внутреннихъ отношеній имперіи на основаніяхъ государственнаго права“. Въ его предисловіи говорилось объ историческихъ правахъ отдѣльныхъ королевствъ и земель, входящихъ въ составъ Австрійской имперіи, объ участи всѣхъ подданныхъ въ законодательствѣ и администраціи. Для содѣйствія при изданіи, измѣненіи и отмѣненіи законовъ по вопросамъ общимъ для всѣхъ земель имперіи учреждена была имперская дума: къ кругу ея занятій отнесены были дѣла государственнаго казначейства, путей сообщенія, военной службы, вопросы торговые, опредѣленіе новыхъ налоговъ, разрѣшеніе новыхъ займовъ и наконецъ государственный бюджетъ. Всѣ прочіе предметы законодательства предоставлены были земскимъ сеймамъ отдѣльныхъ провинцій. Съ этого диплома Австрія начала новую эпоху своей внутренней жизни, подобно тому какъ это случилось съ нею послѣ принятія Прагматической санкціи землями Венгерской и Чешской коронъ. Но, предоставивъ отдѣльнымъ провинціямъ право участвовать въ мѣстномъ законодательствѣ посредствомъ земскихъ сеймовъ, императоръ австрійскій, руководимый нѣмецкою партіею, издалъ 26 февраля 1861 года уставъ для этихъ сеймовъ: королевства и земли, историческому праву которыхъ было польщено въ октябрьскомъ дипломѣ, не участвовали такимъ образомъ въ совѣщаніяхъ о самомъ важномъ для нихъ вопросѣ,—объ условіяхъ выбора на сеймы. Между тѣмъ уставъ, дарованный императоромъ и составленный нѣмецкою партіею, сильно благопріятствовалъ нѣмецкому элементу и тѣмъ слонмъ населенія въ различныхъ областяхъ Австріи, которымъ было выгодно держаться за систему германизации. Съ первыхъ же засѣданій нѣкоторыхъ провинціальныхъ сеймовъ открылась борьба между разнородными интересами: всего болѣе нападокъ приходилось на долю системы представительства, ибо отъ нея зависѣло справедливое постановленіе самыхъ важныхъ для мѣстнаго края законовъ. Изъ сеймовыхъ залъ борьба эта перешла въ журналы и газеты, принимая по временамъ ожесточенный характеръ, при чемъ центральное правительство не всегда оказывалось безпристрастнымъ судьбою. Приведемъ здѣсь только одинъ примѣръ изъ судьбы пражской газеты „Národní Listy“, относящійся къ 1862 г. Редакторъ этой газеты, Юлій Грегръ, былъ вызванъ къ суду за семь статей, помѣщенныхъ въ разныхъ нумерахъ ея и направленныхъ, большею частію, противъ упо-

минутого устава и противъ нарушеній принципа равноправности, признаннаго октябрскимъ дипломомъ. Когда стало известно, что обвиняемый будетъ приговоренъ первою инстанцією къ четыремъ мѣсяцамъ ареста и потерѣ 1,300 гульденовъ изъ залога, то въ чешскомъ обществѣ обнаружилось столь сильное сочувствіе къ дѣлу пострадавшаго редактора, что верхняя инстанція увеличила время ареста на десять мѣсяцевъ, а денежную пеню на 3,000 гульденовъ. Чехи хотѣли открыть подписку, чтобы внести эту сумму; осужденный отказался отъ подписки. Дальнѣйшимъ оваціямъ въ честь его не было конца; противъ участниковъ въ этихъ оваціяхъ начались административныя преслѣдованія. Тогда оваціи усилились; о нихъ открыто и подробно извѣщали въ чешскихъ же газетахъ: 3 города и 23 общины дали осужденному право почетнаго гражданства; 90 городовъ и мѣстечекъ, 260 общинъ прислали ему сочувственные адреса. Чешское населеніе заявило такимъ образомъ, что дѣло это считало оно своимъ, и совершенно справедливо. Хотя газета „Národní Listy“ и впадала въ большія односторонности, однакоже главнымъ ея девизомъ все таки было федеративное ученіе. Къ числу основателей ея принадлежалъ и первый комментаторъ федеративной программы Фр. Палацкій, впоследствии отстранившійся отъ участія въ дѣлахъ этой газеты и отдавшій свое содѣйствіе газетѣ „Národ“. Статья Палацкаго, содержаніе которой мы можемъ передать здѣсь лишь въ самомъ сжатомъ очеркѣ, ясно опредѣляла программу федеральной или славянской партіи въ Австріи.

Приступая къ историческому объясненію идеи, создавшей Австрійское государство, Палацкій останавливался на временахъ крайняго могущества Турокъ и папъ. По его мнѣнію, послѣ битвы при Могачѣ (1526 г.), охраненіе земель средней Европы отъ Турокъ стало первою идеею, которая соединила въ рукахъ Габсбурговъ земли собственно австрійскія съ землями Чешской и Венгерской короны. Вѣрнѣйшими союзниками и помощниками австрійскаго дома въ борьбѣ съ Турками явились римскіе папы. А потому, когда наступили религіозныя войны, нарушившія спокойствіе западной Европы, Габсбурги стали главными защитниками идей, приходившихъ изъ Рима. Такимъ образомъ задача Австріи сдѣлалась двоякою: съ одной стороны ей выпала на долю оборона католическаго христіанства отъ поклонниковъ Магомета; съ другой она стремилась задержать успѣхи церковной реформаціи. Обѣ эти задачи вели къ солидарности церковнаго, государственнаго и умственнаго авторитета, и Австрія на цѣлыя столѣтія, за

исключеніемъ краткаго правленія Іосифа II, втянулась въ борьбу съ новыми идеями во всѣхъ сферахъ жизни. Государственною властію было предписываемо народамъ Австріи, во что и какъ вѣрить; опредѣленъ былъ образъ мыслей и убѣжденій для каждаго изъ нихъ. Отрицаніе всякаго движенія впередъ въ вопросахъ религіозныхъ и политическихъ, крайняя отсталость въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія сдѣлались единственными основаніями внутренней политики Австріи. А между тѣмъ сила Турокъ упала; новыя идеи стали проникать на дальній востокъ Европы; средневѣковое значеніе церкви не удерживалось въ большинствѣ европейскихъ государствъ. У Австріи отняты были такимъ образомъ двѣ главныя идеи, которые составляли ея историческое призваніе и давали ей жизнь, силу и единство. Событія конца XVIII и начала XIX вѣковъ окончательно выбили Австрію изъ ея старой колеи. Даже связь съ Германіей была на нѣкоторое время порвана. Геній Наполеона лишилъ Австрію ея священныхъ традицій въ исторіи Запада; молодыя силы Россіи грозили ей совершенною потерю дорого купленнаго вліянія на Востокъ. Предоставленная на нѣкоторое время самой себѣ, Австрія должна была чѣмъ нибудь наполнить пустоту содержанія, обнаружившуюся въ ея внутренней жизни. Послѣ Вѣнскаго конгресса, запутавъ Россію въ сѣти Священнаго Союза, Австрія нашла внутри себя множество людей, которые объявили ее прибіжищемъ и очагомъ всякой реакціи, не находившей для себя мѣста въ Европѣ. Подъ прикрытіемъ политическаго абсолютизма въ Австріи спѣшили подавать другъ другу руки на тѣсный союзъ ревнители церковной іерархіи, высшей аристократіи, военной субординаціи, неподвижной бюрократіи: казалось, Австріи суждено было сдѣлаться новымъ Эльдorado для людей всѣхъ этихъ классовъ. Событія 1848 года нанесли имъ страшный ударъ. Времена феодализма прошли безвозвратно, и прежній абсолютизмъ, основывавшійся на вѣрѣ въ незрѣлость человѣческаго разума и воли долженъ былъ пасть или перерядиться въ новыя формы. Но для отжившихъ идей не возстаютъ люди изъ гробовъ. Попытались было придать новую жизнь Австріи, объявивъ ее распространительницею нѣмецкой культуры и нѣмецкаго владычества на юго-востокъ Европы. Министръ Бахъ явился представителемъ этой идеи; но встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны пробудившихся народностей въ составныхъ частяхъ Австрійской имперіи. Безъ насильственныхъ мѣръ нельзя было достигнуть цѣлей, предположенныхъ его министерствомъ. Ужъ одна Венгрія, гордящаяся тысячелѣтнею конституціею, была неодолимою

преградою къ тому. Но и помимо земель Венгерской короны Австрія представляла собою такое государство, состоящее изъ многихъ народовъ, которому нельзя найти подобнаго примѣра въ цѣломъ свѣтѣ. Ни Россія, въ которой 84% всего населенія составляютъ русская народность, ни Пруссія, ни Англія, ни Франція, не могутъ быть сравниваемы въ этомъ отношеніи съ Австріей. Въ ней, напротивъ, Нѣмецъ считается не болѣе 23%, Мадырь 14%, Итальянцевъ и Румынъ вмѣстѣ около 17%, Славянъ до 45%. Славяне однакожь, составляя относительное большинство, распадаются на нѣсколько вѣтвей, такъ раздѣленныхъ между собою историческими и литературными преданіями, что едвали могутъ считаться за одинъ народъ. „Я почитаю счастіемъ для народовъ, населяющихъ австрійскія земли, что они слились въ одно государство, говоритъ Палацкій; но въ интересахъ каждаго изъ нихъ лежитъ условіе, чтобъ австрійское правительство не было ни нѣмецкимъ, ни мадырскимъ, ни славянскимъ, ни романскимъ, но австрійскимъ въ широкомъ смыслѣ слова, то есть справедливымъ для всѣхъ своихъ подданныхъ. Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ ожидать отъ государства, носящаго не народное, но географическое имя, которое вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось и его политическою вывѣскою,—ожидать, чтобы такое государство удовлетворяло требованіямъ своей природы. Если бы Мадыры въ 1858 году объявили свой сегодинскій секретъ, признававшій идею народной равноправности, не за нѣсколько дней до своего паденія въ Виллагошъ, а по крайней мѣрѣ за годъ, то судьба Венгрии была бы иная. Однакожь и теперь еще нѣмецкіе централисты удерживаютъ Мадырь въ ихъ прежней ошибкѣ. Видя себя принужденными отказаться отъ полнаго господства надъ цѣлою Австрійскою имперіей, Нѣмцы готовы скорѣе подѣлиться этою властію съ Мадырами, нежели признать справедливую идею о равноправности австрійскихъ народовъ“.

Далѣе Палацкій, переходя къ утвердившейся въ Австріи конституціи, разбиралъ противорѣчія между октябрьскимъ дипломомъ и февральскимъ уставомъ и предлагалъ отъ себя нѣсколько поправокъ въ устройствѣ внутреннихъ отношеній, господствовавшихъ тогда въ Австріи. Онъ впрочемъ не вносилъ при этомъ ничего такого въ про рамму федеральной Австріи, о чемъ не было бы говорено въ разное время приверженцами ея. Съ своей стороны онъ не находилъ никакой трудности для замѣны австрійской конституціи федеративною системою: ибо первая не успѣла еще тогда пережить и пяти лѣтъ, не выросла изъ историческихъ условій, а взята была извнѣ. Вспо-

миная свою статью 1849 года „О централизаціи и народнои равноправности въ Австріи“, гдѣ онъ предлагалъ административное дѣленіе имперіи на этнографическихъ основаніяхъ, Палацкій упомянулъ о соединеніи Богеміи, Моравіи и того кючка, который остался отъ Силезіи послѣ семилѣтней войны, въ одномъ общемъ земскомъ сеймѣ, о чемъ впрочемъ была рѣчь и на Кромержижскомъ имперскомъ сеймѣ и что обѣщало исполнить даже министерство того времени. И въ 1849 году, во время венгерской войны, и предъ австро-прускою войной онъ совѣтовалъ также слить округи различныхъ провинцій, заселенные словенцами (самыми западными изъ южныхъ Славянъ, находящихся въ Крайнѣ, въ марбургскомъ округѣ Штиріи, на югѣ Каринтіи, въ Истріи и т. д.), въ одинъ административный отдѣлъ. Онъ предлагалъ кромѣ того соединить чисто нѣмецкія земли подъ общимъ областнымъ управленіемъ. По крайней мѣрѣ такія мелкія провинціи, имѣющія свои особые сеймы, какъ Буковина, Силезія, Зальцбургъ, Истрія, Каринтія и т. п., существующія подлѣ Венгріи, Галиціи, Богеміи, представлялись ему совершенно излишнимъ бременемъ въ общей системѣ имперскаго управленія. Чтобы избѣжать вавилонскаго смѣшенія языковъ, по мнѣнію Палацкаго, слѣдовало допустить на трансильванскомъ сеймѣ употребленіе только трехъ языковъ—мадырскаго, нѣмецкаго и румынскаго, въ южно-славянскихъ земляхъ—славянскаго, нѣмецкаго и италіянскаго, въ земляхъ чешской короны—чешскаго и нѣмецкаго, въ Галиціи—польскаго и русскаго. Впрочемъ это мнѣніе Палацкаго приводилось постепенно въ дѣйствіе еще съ 1861 года. О Венгріи, гдѣ пришлось бы допустить по крайней мѣрѣ пять языковъ, Палацкій не говорилъ, и вообще въ своей статьѣ онъ касался ея лишь только по вопросу о дуализмѣ. На долю центральной государственной власти Палацкій оставлялъ дѣла касательно: 1) царствующаго въ Австріи дома; 2) сношеній съ иностранными государствами; 3) войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; 4) финансовъ; 5) заграничной и внутренней торговли. Провинціальные же сеймы онъ предлагалъ составить изъ двухъ камеръ, и вообще главное областное управленіе устроить по образцу, существующему въ Венгріи.

Во время печатанія статьи Палацкаго появилась извѣстная уже нашимъ читателямъ статья Деака, съ легкой руки котораго мадырскіе журналисты заговорили о дуализмѣ; а нѣмецкіе начали совѣтовать правительству сдѣлать уступки Мадыраамъ. Тогда же вѣнскіе централисты стали требовать отъ своего правительства, чтобъ оно усерднѣе заботилось о

сохраненіи связи съ Германіей и ея политикой, а славянскіе федералисты указывали ему на Востокъ, какъ на главную цѣль политики австрійской. На все это пришлось Палацкому отозваться, и черезъ то еще яснѣе высказать свои мысли.

„Въ послѣднее время, говорилъ онъ, отовсюду слышатся съ каждыиъ днемъ усиливающіеся голоса о томъ, что уставъ австрійской имперіи, основаніе которому было дано октябрскимъ дипломомъ, но потомъ значительно измѣнено февральскимъ патентомъ, преисполненъ недостатковъ и не удовлетворяетъ ни правамъ общинъ, ни интересамъ отдѣльныхъ земель государства, ни общему устройству цѣлой имперіи. Голоса эти особенно слышатся въ законодательныхъ кружкахъ вѣнской думы, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще возвращается къ мысли о дуализмѣ, какъ о какомъ-то спасителѣ и искупителѣ; даже само министерство, начинающее, кажется, сомнѣваться въ выгодахъ дальнѣйшаго упорства, соблазняется такимъ направлеиіемъ имперской думы и уже не противорѣчитъ ей такъ рѣзко, какъ бывало прежде. Такииъ образомъ современная политическая комбинація въ Австріи обнаруживаетъ быстрый успѣхъ дуалистической системы. Но что такое дуализмъ и каково его значеніе? Чѣмъ онъ былъ и есть въ Австріи? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Палацкій рассказываетъ вкратцѣ исторію того, какъ мало-помалу вѣнскимъ централистамъ удалось отмѣнить историческія права и учрежденія въ бывшихъ земляхъ Чешской короны и лишь отчасти достигнуть того же самаго въ Венгріи. До 1848 г. дуализмъ Австрійской имперіи, писалъ Палацкій, обозначалъ власть раздѣльную и двоякую, въ одной половинѣ конституціонную, въ другой абсолютную; съ 1848 же года, а особенно съ 1860 г. эти отношенія измѣнились такимъ образомъ, что гдѣ прежде власть была абсолютною, тамъ теперь управленіе основано на конституціонныхъ началахъ, въ Венгріи-же съ тѣхъ поръ господствуетъ законъ военный. Въ обоихъ случаяхъ дуализмъ, получалъ ли онъ поддержку сверху или снизу, всегда носилъ на себѣ слѣды болѣе или менѣе революціоннаго происхожденія. Напротивъ того федеральною эпохой можно назвать весь старый періодъ въ исторіи австрійской, когда каждая земля управляема была еще на основаніи своихъ собственныхъ традицій“. Далѣе Палацкій спрашиваетъ: чѣмъ хочетъ быть современный дуализмъ и указываетъ на три слѣдующія формы его: 1) обѣ части имперіи, столицами которыхъ будутъ Вѣна и Пешть, будутъ имѣть только одного и того же государя, а законы совершенно отдѣльные, независимые другъ отъ друга,—

словомъ—чисто личная унія; 2) подъ общимъ государемъ Вѣна и Пешть будутъ договариваться о нѣкоторыхъ общихъ законахъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда потребуютъ того особья обстоятельства, такова теорія Деака: или 3) о всѣхъ общеимперскихъ вопросахъ Вѣна и Пешть будутъ договариваться во всякое время и разсуждать о нихъ вмѣстѣ подъ общимъ правителемъ; всѣ же остальные вопросы объ странѣ будутъ обсуждать съ согласіемъ государя, каждая сама по себѣ,— это дуализмъ по понятіямъ графа Сечени (министра) и Кайзерфельда (депутата имперской думы). Вторая форма составляетъ какъ бы компромиссъ между крайними, первую такъ называемою „революціонною“ и третьею „людей октябрскихъ“.

„Вѣна, сознавая, что прямая и всеобщая централизація не возможна, начинаетъ склоняться къ третьей формѣ и не отказывается подѣлиться съ Пештомъ своимъ центральнымъ значеніемъ въ имперіи. Ея надежды на примиреніе съ Венгріей возросли съ тѣхъ поръ, какъ высказался Деакъ въ пользу этого примиренія. Но, по мнѣнію Палацкаго, дуализмъ въ какой бы формѣ онъ не выразился, былъ бы несчастіемъ для имперіи и даже болѣе гибельнымъ, нежели полная централизація: на самомъ дѣлѣ получатся двѣ централизаціи, и та и другая противныя природѣ и праву, а два зла и по здравому смыслу хуже, нежели одно. Палацкій не вѣрилъ, чтобы само правительство австрійское дѣйствительно имѣло наклонность къ дуализму, иначе ему пришлось бы отказаться отъ той автономіи, которую оно дало Нѣмцамъ и Румынамъ въ Трансильваніи; и „къ какой борьбѣ можетъ привести дуализмъ Хорватовъ, о томъ лучше не упоминать“, замѣчалъ авторъ. Только Нѣмцы и Мадьяры могутъ радоваться дуализму, а не правительство, которое желаетъ спокойствія имперіи. Мадьяризація на востокѣ Австріи и германизация на западѣ ея могутъ лишь воскресить волненія 1848 г., когда австрійская династія узнала на дѣлѣ, къ какой народности принадлежатъ истинные друзья Австріи и ея цѣлости. Если правительство забыло это, то можно напомнить ему, какъ пресловутый Фестеръ обвинялъ предъ трибуналомъ революціонной Европы Чеховъ за сохраненіе Австріи въ своей широкорѣчательной брошюрѣ: „кто измѣнилъ свободѣ?“ (Wer hat die Freiheit verrathen?). Волненія, которыя могутъ возникнуть вслѣдствіе упорнаго проведенія дуализма, на практикѣ будутъ такъ сильны, что неизбѣжно сообщатся остальной Европѣ, а среди такихъ обстоятельствъ уже трудно будетъ Австрію сохраниться въ цѣлости“.

Опредѣливъ недостатки и печальныя слѣдствія для Ав-

стрии обѣихъ системъ централистической и дуалистической, Палацкій упоминалъ о тѣхъ нареканіяхъ, которыя слышались въ 1848 году со стороны противниковъ системы федеральной. Самое названіе ея, говорилъ онъ, уже возбуждаетъ недоразумѣнія. Говорили, что федерація предполагаетъ въ тѣхъ, кто приступаетъ къ ней, положеніе вполнѣ независимое, самостоятельное и правительственное, что сообщеніе такого рода положенія отдѣльнымъ частямъ Австрійской имперіи уничтожить наследственное право государя, что имперія измѣнится въ республику. Съ тѣхъ поръ недоразумѣнія прекратились. Никто рѣшительно не сомнѣвается въ томъ, что федерализмъ австрійскій есть федерализмъ *sui generis*, отличный отъ швейцарскаго и сѣверо-американскаго, непохожій даже на германскій. А я убѣжденъ, что въ немъ главнымъ образомъ заключается *современная идея Австрійскаго государства*.“ Затѣмъ Палацкій сводилъ понятіе объ австрійскомъ федерализмѣ къ той программѣ, о которой мы говорили уже выше, и показывалъ ея превосходство на примѣрѣ, взятомъ съ земель Хорватскихъ, гдѣ именно въ то время въ виду предстоявшаго сейма, совершалась сильная агитація въ пользу всѣхъ трехъ системъ. Относительно этихъ земель, пользовавшихся нѣкоторою автономіей областного управленія, еще не рѣшенъ былъ вопросъ политическій: должны ли онѣ тяготѣть къ вѣнской имперской думѣ или къ венгерскому сейму, который, состоя изъ двухъ палатъ подобно имперской думѣ, отличался тѣмъ отъ прочихъ земскихъ сеймовъ. Палацкій спрашивалъ Хорватовъ: кто можетъ лучше обсудить вопросъ о народномъ образованіи въ ихъ земляхъ.—вѣнская ли дума, стоящая на сторонѣ германизаціи, или пештскій сеймъ, который будетъ заботиться о мадьяризаціи, или же, наконецъ, собственный хорватскій сеймъ? на что отвѣчать приходилось конечно въ смыслѣ національныхъ интересовъ. Въ заключеніе Палацкій обращался къ вопросу объ отношеніяхъ Австріи къ Германіи, которымъ вскорѣ суждено было такъ сильно измѣниться. Въ вѣнской газетѣ „*Presse*“ незадолго предъ тѣмъ было сказано, что разрывъ Австріи съ Германскимъ Союзомъ можетъ стоить ей не только титула первостепенной державы, но и самаго существованія. Палацкій отвѣчалъ на это, что людямъ, такъ думающимъ, гораздо милѣе господство нѣмецкой народности надъ другими, нежели существованіе Австріи, что союзъ съ Германіей всегда обходился дорого Австріи, требовалъ и теперь отъ нея много жертвъ и ждалъ въ будущемъ новыхъ; что славянскимъ подданнымъ Австріи не соблазнительно владычество надъ Италіей и Германіей; что если ав-

стрийскіе Нѣмцы безнаказанно влекутъ Австрію къ своимъ германскимъ собратьямъ, то нельзя ставить въ вину австрийскимъ Славянамъ, если они будутъ сочувствовать Славянамъ внѣ ея. „Въ этомъ отношеніи, заключалъ онъ, одни только Мадьяры могутъ разыграть роль невинности, не имѣя причинъ приходить въ умиленіе по поводу своихъ урало-алтайскихъ соплеменниковъ. Во всякомъ случаѣ день, когда будетъ провозглашенъ дуализмъ, будетъ днемъ возрожденія панславизма въ формѣ наименѣе желательной. Мы, Славяне, будемъ смотрѣть на встрѣчу ему безъ боязни, мы были до Австріи, будемъ и послѣ нея“.

Если бы мы захотѣли привести здѣсь все, что сказано было въ Австріи по поводу статей Палацкаго, то намъ пришлось-бы еще столько же прибавить къ сказанному, сколько мы написали. Кажется, довольно будетъ того, если упомянемъ, что не было почти ни одной изъ славинскихъ газетъ, издававшихся въ различныхъ провинціяхъ австрийскихъ, въ которой бы не сказали хотя нѣсколько сочувственныхъ словъ. Многія изъ газетъ посвятили отъ себя обширныя статьи вопросу, поднятому чешскимъ исторіографомъ. — Особенно замѣчательны были въ этомъ отношеніи статьи далматинской газеты „*Il Nazionale*“, словенской газеты, издававшейся въ Цѣловцѣ (*Klagenfurt*), „*Slovenec*“, русской газеты въ Галиціи „*Мета*“, газеты „*Pest-Budinske Vedomosti*“ и т. д. Эта послѣдняя газета, органъ Словаковъ, живущихъ въ сѣверной Венгріи, долго колебавшаяся на счетъ федеральной программы, послѣ статьи Палацкаго рѣшительнѣе другихъ заговорила въ пользу ея. Наконецъ, какъ самое интересное въ этомъ отношеніи явленіе, должно назвать брошюру, изданную въ провинціи съ чисто нѣмецкимъ населеніемъ въ главномъ городѣ Верхней Австріи, Линцѣ, подъ заглавіемъ „*Politische Briefe aus Oberösterreich*.“ Въ этой брошюрѣ съ истинно-нѣмецкою аккуратностію развивалась система государственнаго провинціального и окружнаго управления по федеральной программѣ. Брошюра, впрочемъ, писана была очевидно до напечатанія статей Палацкаго; но, появившись одновременно съ ними, получила особое значеніе въ глазахъ австрийской журналистики.

Въ то время какъ нѣмецкіе централисты, прикрываясь программой провинціальной автономіи, стремились удержать свое господство въ западной половинѣ Австрийской имперіи, а Мадьяры, не останавливаясь ни предъ какими программами, приводили въ исполненіе свои планы относительно земель Вонгерсной короны, партія австрийскихъ федерали-

ство, которая должна быть названа по преимуществу славянскою партією, продолжала напрягать свои усилія въ борьбѣ съ гибельнымъ для нея дуализмомъ. Въ концѣ 1865 года въ Прагѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ: „Sprása Rakouska“ (Спасеніе Австріи). Она написана однимъ изъ чешскихъ аристократовъ, графомъ Гаррахомъ, и вышла въ свѣтъ тотчасъ же послѣ отказа графа Кламъ-Мартиница принять на себя званіе намѣстника Богеміи. Приведемъ здѣсь важнѣйшія мѣста изъ этой брошюрки, обратившей на себя въ то время вниманіе не только славянской, но и нѣмецкой журналистики. „Сильная Австрія должна быть вполне независимою отъ Запада, должна быть *Ostreich* (Восточное государство) въ истинномъ значеніи этого слова. Она должна глядѣть на Востокъ, тамъ искать своей будущности, а не тянуться, какъ это было до сихъ поръ, къ коварному Западу, по склону солнца; въ утренней зарѣ возрождающихся восточныхъ народовъ развѣстаетъ и будущность Австріи. Хотя до сихъ поръ традиціонною политикою Австріи были нѣмецкіе интересы и усилія возвратить утраченную съ паденіемъ римско-нѣмецкой имперіи власть; однакожъ мы этимъ путемъ ушли недалеко. Не смотря на то, до сихъ поръ еще мы ожидали и ожидаемъ спасенія нашего отъ Германіи, которая покидаетъ насъ при каждомъ затрудненіи. Въ 1848 году Германія заявила требованіе, чтобы значительная часть Австріи отошла къ Германскому Союзу, и если бы не двинулись Славяне на защиту Австріи, то она была бы подѣлена между Нѣмцами и Мадырами. Славяне, какъ извѣстно, составляютъ главную часть населенія въ Австрійской имперіи. До 1848 года едва ли было что—нибудъ извѣстно о положеніи Славянъ въ Австріи; они были, можно сказать, паріями, которыхъ въ различныхъ частяхъ имперіи германизовали, мадыризовали, итальянизовали. Слыть Славяниномъ, говорить по—славянски, считалось величайшимъ стыдомъ. И все-таки эти Славяне удержали Австрію отъ паденія цѣною своей крови. Благодаря ихъ усиліямъ и великодушной помощи Россіи, этой природной союзницы нашей, Австрія была спасена. Только при посредствѣ Славянъ, Австрія могла возродиться къ новой жизни съ неизбежнымъ условіемъ отрѣшиться отъ всего прежняго. Однако же послѣ 1850 года старая политика приобрѣла господство въ Австріи и едва не привела ее на край гибели: о Славянахъ было забыто, Россіи отплатили черною неблагодарностію: страшилище наслѣдство снова заставило возвышать Мадырѣ, Нѣмцевъ и Итальянцевъ въ ущербъ Славянамъ. А между тѣмъ только среди этихъ Славянъ живетъ мысль о единой,

*

сильной и независимой Австріи, только они одни не имѣютъ сепаратныхъ замысловъ; только они одни ищутъ центра тяготѣнія въ Австріи. Въ то время, когда всѣ другія австрійскія народности грозятъ ей отпаденіемъ, только въ Славянахъ она имѣетъ силу притягательную: ибо Славяне южные и восточные связаны глубокими симпатіями съ Славянами австрійскими. Уже по этой одной причинѣ намъ слѣдовало оставаться въ добромъ согласіи съ Россіей и оказывать покровительство Славянамъ турецкимъ. Напротивъ того, мы вооружились противъ Россіи и совершенно разорвали всѣ связи съ этой вѣрной союзницей нашею; за то соединились съ архиврагами австрійскаго владѣтельнаго дома. Послѣдствія такой политики не замедлили обнаружиться: Россія сдѣлалась нашимъ неприятелемъ, давнее соперничество Пруссіи пробудилось съ новою силою, война съ Наполеономъ III въ Ломбардіи нанесла намъ кровавыя раны, ослабила и произвела лихорадку внутреннихъ несогласій, которая не прекратилась и до сихъ поръ. Равнымъ образомъ и въ политикѣ своей относительно Турціи намъ слѣдовало бы вести себя, какъ подобаешь христіанской державѣ⁴.

Далѣе авторъ, переходя къ описанію положенія Славянъ въ самой Австріи, говорилъ, что, несмотря на свою сравнительную численность, Славяне не пользуются такимъ значеніемъ, какое принадлежитъ Нѣмцамъ, Мадыарамъ и Итальянцамъ; все еще принято называть Австрію государствомъ Нѣмецкимъ, ея земли нѣмецкими, венгерскими и италіянскими, ея войско австрійско-нѣмецкимъ или же венгерскими полками. Главною причиною такой подчиненности Славянъ въ Австріи авторъ вышеназванной брошюры считалъ существовавшее до тѣхъ поръ въ Австріи устройство школъ и отреченіе отъ своей народности большей части дворянства и вообще образованнѣйшей и богатѣйшей части населенія славянскихъ земель.

Окончивъ общій обзоръ тогдашняго положенія различныхъ народностей въ Австріи и указавъ на колебаніе вѣнскаго правительства въ вопросахъ внутренней политики, авторъ отвергалъ системы централизма и дуализма и предлагалъ новую систему политическаго устройства Австріи, хотя близкую къ феодальной программѣ, но отличающуюся отъ нея въ нѣкоторыхъ частностяхъ; онъ дѣлилъ Австрійскую имперію на семь королевствъ, или коронныхъ земель: Венгерское королевство, Чешское, Галицкое, Ломбардо-Венеціанское, Южно-Славянское (Триединое), Иллирское и королевство соединенныхъ Нѣмецко-Австрійскихъ земель. Каждое изъ этихъ королевствъ предлагалъ подѣлить на административныя округа,

которые пользовались бы внутреннею автономіей; одно Венеціанское королевство осталось бы нераздѣльнымъ. Дѣленіе Галицкаго, Чешскаго и Южно-славянскаго королевствъ не нарушило бы давняго дѣленія ихъ на округа: ибо къ первому отнесены были Буковина, русская Галиція и польская Галиція; ко второму Богемія, Моравія и Силезія; къ третьему Далмація и Хорватія съ Славоніей, между которыми должны быть распредѣлены округа существовавшей еще тогда Военной границы. Иллирское королевство авторъ предлагалъ составить изъ всей Истріи, Каринтіи, Крайны и южнаго округа Штиріи по рѣку Драву, заселеннаго Словенцами. Въ составъ собственно Австрійскаго королевства авторъ вводилъ четыре округа: Нижнюю Австрію, Верхнюю Австрію съ Зальцбургомъ, Тироль съ Форарльбергомъ и Штирію по рѣку Драву. Наконецъ Венгрія раздѣлена была имъ на четыре округа: Венгерскій или Мадьярскій, Словацкій, Трансильванскій и Сербскую воеводину съ Банатомъ. Относительно послѣдняго дѣленія слѣдуетъ замѣтить, что сами федеральныя газеты называли его идеальнымъ. Не говоримъ уже о томъ, что авторъ брошюры ставилъ необходимымъ условіемъ предложеннаго имъ дѣленія Австріи коронованіе Франца Іосифа во всѣхъ семи королевствахъ особо и ссылался при этомъ на обѣщаніе, данное императоромъ чешской депутаціи въ 1860 году. Что касается общаго министерства, то оно, по мнѣнію графа Гарраха, должно бы состоять изъ 12 членовъ: президента, министра иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, военныхъ дѣлъ, юстиціи и семи канцлеровъ отъ упомянутыхъ выше королевствъ. Всѣ члены этого министерства должны присутствовать въ обѣихъ палатахъ общаго имперскаго сейма,—въ палатѣ господъ и въ палатѣ депутатовъ. Имперскій сеймъ долженъ ежегодно собираться въ Вѣнѣ. Въ палату депутатовъ члены назначались бы сеймами королевствъ изъ ихъ же среды. Предметами занятій для имперскаго сейма должны быть всѣ дѣла, подчиненныя первымъ пяти министрамъ. Кромѣ того, въ каждомъ королевствѣ долженъ быть высшій судъ, имѣющій право предлагать министру юстиціи проекты законовъ. Сеймы въ каждомъ отдѣльномъ королевствѣ собирались бы ежегодно: депутаты для этихъ сеймовъ избирались бы окружными собраніями. Канцлеры должны присутствовать въ этихъ сеймахъ, которые могутъ представлять чрезъ нихъ имперскому сейму проекты законовъ для своихъ королевствъ. Канцлеры должны управлять всѣми дѣлами въ своихъ королевствахъ, быть высшею инстанціей для нихъ и постоянно жить въ Вѣнѣ. Намѣстники отдѣльныхъ округовъ числомъ двадцать, должны быть

непосредственно подчинены канцлерамъ. Далѣе бы слѣдовали окружныя собранія, въ рукахъ которыхъ должно находиться все мѣстное управленіе, земскіе фонды и учрежденія, низшія и среднія школы, церковныя дѣла, сельское хозяйство и т. п. Только при такомъ внутреннемъ устройствѣ, по мнѣнію автора, Австрія могла бы быть спокойною, сильною и независимою отъ Германскаго Союза и вообще образовать изъ себя особый, самостоятельный союзъ государствъ съ однимъ государемъ во главѣ. Славяне австрійскіе не дождались идеальныхъ обѣщаній автора относительно внутренняго преобразования Австріи; но имъ скоро пришлось увидѣть, какъ Австрія удалась изъ Германскаго Союза. Имъ помогла въ этомъ Пруссія войной 1866 года.

Когда прусское правительство обратилось съ своими, надѣлавшими тогда много шума прокламаціями, „къ прославленному чешскому королевству“ и къ „королевству венгерскому“, въ рядахъ вѣнскихъ централистовъ и членовъ велико-германской партіи раздались крики о необходимости возстановить конституцію, основанную на февральскомъ дипломѣ (1861 г.). О возстановленіи этой конституціи сказано было даже въ томъ адресѣ, который былъ поданъ австрійскому императору вѣнскою депутаціей. Императоръ сухо встрѣтилъ заявленіе жителей Вѣны и выразилъ желаніе, чтобы рѣчь о внутреннихъ вопросахъ была отложена до болѣе благоприятнаго времени. Мадыяры, главныя и почти единственныя въ глазахъ дипломатическаго міра представители земель Венгерской короны, заявили съ своей стороны, что Венгрія не можетъ дѣйствовать на пользу имперіи; ибо у нея связаны руки, ибо она лишена парламентскаго образа правленія и не имѣетъ своихъ отвѣтственныхъ министровъ. Тогда вѣнскіе централисты обнаружили готовность пожертвовать февральскимъ дипломомъ и ограничиться октябрьскимъ патентомъ (1860 г.), допускаяшимъ болѣе широкія основанія для самостоятельности отдѣльныхъ народностей, но съ условіемъ, чтобы политическая полноправность дава была только Нѣмцамъ и Мадыярамъ. Такимъ образомъ вопросъ о господствѣ дуализма въ Австріи, поднявшійся тотчасъ же послѣ паденія министерства Шмерлинга и остававшійся безъ разрѣшенія съ тѣхъ поръ, выдвинуть былъ опять впередъ. Славянскія газеты успѣли возразить противъ такой постановки вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ австрійскихъ народностей. Но вѣнскія газеты продолжали твердить свое, и издаваемая славянскою партіей газета „Zukunft“, въ номерѣ отъ 25-го іюля 1866 года, должна была помѣстить протестъ отъ имени

Славянь, живущихъ въ земляхъ Чешской короны, въ Галици и въ Триединомъ королевствѣ, противъ вѣнскихъ публицистовъ. Въ этомъ протестѣ было сказано между прочимъ: „Великая, точная и справедливая программа разрѣшенія государственнаго вопроса на основаніи сентябрскаго манифеста (1860 года, изданнаго не задолго до патента), противъ которой съ нѣкотораго времени поднялась цѣлая буря въ Вѣнѣ, Грацѣ и Пештѣ, будетъ поддерживаема федеральною партіею съ крайнею энергіею. Партіи централистовъ и дуалистовъ нахвѣваются разрѣшить самый жизненный для Австріи вопросъ въ благопріятномъ для себя смыслѣ; но это никоимъ образомъ невозможно, ибо превратило бы только-что нараждавшійся миръ въ новую борьбу болѣе опасную, чѣмъ только что окончившаяся“. Въ то же время самъ императоръ, или, по крайней мѣрѣ, его министерство, отступили отъ своей мысли отложить рѣшеніе внутренняго вопроса до окончательнаго разрѣшенія вопроса внѣшняго. Императоръ принималъ 24-го іюля въ частной аудіенціи бывшаго въ 1860 году министромъ, графа Агенора Голуховскаго, автора сентябрскаго манифеста и октябрскаго патента, а въ 1866 году считавшагося истиннымъ представителемъ желаній Галиціи; съ другой стороны, съ согласія графа Белькреди, вызваны были въ Вѣну истолкователи желаній чешскаго народа, историографъ Палацкій и докторъ Ригеръ; затѣмъ приглашены были изъ Триединаго королевства архіепископъ Штросмайеръ и Кукулевичъ—Сакцинскій. Вѣнскія газеты, сообщая о томъ, говорили, что графъ Белькреди открыто ищетъ поддержки въ славянской партіи. „Въ то самое время, говорила газета „Presse“, какъ графъ Бисмаркъ созываетъ *нѣмецкій парламентъ*, чтобы при его помощи удловить въ свои сѣти сѣверную, а можетъ быть и южную Германію, графъ Белькреди вызываетъ къ себѣ предводителей славянской партіи и проситъ *consilia prudentium* о введеніи федерализма въ устройство Австрійской имперіи. Итакъ „чешское государственное право“ должно получить господство въ Австріи. Но оно встрѣтитъ сильнѣйшую оппозицію со стороны Нѣмцевъ и Мадьяръ. Мы не хотимъ ничего предсказывать объ участи подобной программы; мы будемъ только имѣть дѣло еще съ *однимъ новымя, обшчающимъ такую же неудачу, какъ и прежніе, опытомъ*. Страсть Славянь въ владычеству уже блистательно заявила себя въ Богеміи; Нѣмцы и Мадьяры слишкомъ далеки отъ того, чтобы отречься отъ своихъ правъ въ пользу національности полуобразованной, раздробленной на племена и имѣющей свой центръ тяготѣнія внѣ имперіи. Мы ограничимся только вопросомъ: не-

уже ли правительство думаетъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, а можетъ быть даже и по заключеніи мира, обойтись безъ поддержки не-славянскихъ народовъ? Федерализмъ опасенъ въ такихъ государствахъ, составныя части которыхъ не имѣютъ общаго центра тяготѣнія; государства же, которыми управляетъ центробѣжная сила, онъ ведетъ къ разложению. Разложеніе нашей имперіи ясно даже теперь: оно совершается не только по землямъ и народностямъ, но даже по вѣроисповѣданіямъ⁴. Почти то же самое говорили и другія газеты нѣмецкой и мадьярской партіи. Онѣ очевидно преувеличивали намѣренія графа Белькреди, который даже не успѣлъ получить надлежащей поддержки отъ славянской партіи. Наконецъ громкимъ заявленіемъ вѣнскихъ газетъ вызвали появившуюся во всѣхъ концахъ Европы телеграмму отъ 25 іюля того же года, въ которой было сказано: „*Всѣ газеты требуютъ увольненія графа Белькреди изъ министерства*“. Но это было несправедливо, ибо оставляло въ сторонѣ заявленія газетъ славянскихъ и румынскихъ.

Какъ бы то ни было вопросъ о судьбѣ федеральной партіи въ Австріи поставленъ былъ самимъ министромъ. Другое дѣло, желали ли такого господства австрійскіе Славяне, какое имъ приписывали тогда нѣмецкіе централисты и мадьярскіе дуалисты. Программа австрійскихъ федералистовъ ни для кого не составляла тайны, или новости. Набросанная въ первый разъ въ 1848 году, распространенная и передѣланная въ позднѣйшее время, она предлагала уничтожить средневѣковое дѣленіе Австріи и замѣнить его новымъ, соответствовавшимъ не только политическимъ, но и этнографическимъ границамъ *); оставить только четыре министерства въ Вѣнѣ: двора, военныхъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ и финансовъ; предоставить всѣ остальные вопросы внутренняго управленія генеральнымъ сеймамъ и окружнымъ представительствомъ помянутыхъ въ примѣчаніи земель, изъ которыхъ каждая должна имѣть въ Вѣнѣ свою придворную канцелярію. Но во всякомъ случаѣ возможный успѣхъ федералистовъ не заключался въ самой ихъ программѣ. Программа эта могла сулить золотыя горы, нескончаемое счастье для Австріи, и все таки ее нельзя было принять, пока Нѣмцы и Мадьяры оставались въ союзѣ между собой. Но при малѣйшемъ коле-

*) Послѣ потери Венеціи Австрія, по федеральной программѣ, должна была дѣлиться такъ: 1) Галицкія земли; 2) Чешскія земли; 3) Австрійскія земли; 4) Иллирскія земли; 5) Хорватскія земли; 6) Трансильванія; 7) Венгрія.

бани со стороны тѣхъ или другихъ, славянская партія могла бы получить—разумѣется не преобладаніе, котораго напрасно опасались ея противники, но хотя нѣкоторую самостоятельность въ управленіи внутренними дѣлами своихъ земель.

До австро-прусской войны федеральная партія была сильна болѣе въ западной половинѣ Австрійской имперіи, нежели въ восточной; послѣ войны она получила еще большую силу на западѣ вслѣдствіе пораженія, нанесеннаго нѣмецкому элементу въ Австріи, потерявшему связь съ Германскимъ Союзомъ. Но ея будущность главнымъ образомъ зависѣла отъ успѣховъ, которые она могла сдѣлать въ Венгріи, гдѣ до тѣхъ поръ она была слаба. При этомъ, конечно, не могли идти въ счетъ Хорваты, земли которыхъ издавна пользовались известною долей самостоятельности въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Борьба федеральной партіи противъ дуализма должна была завязаться въ собственной Венгріи, и первый шагъ къ тому былъ сдѣланъ, когда Сербы, Румыны, Словаки и Карпаторуссы подали чрезъ своихъ депутатовъ въ комиссію венгерскаго сейма, разсматривавшую вопросъ объ отношеніяхъ народностей къ государству, свои программы для разрѣшенія этого вопроса. Всѣхъ подробнѣе была программа, предложенная Сербами: она состояла изъ 48 параграфовъ, и кромѣ общихъ постановленій о венгерскихъ народностяхъ, заключала въ себѣ опредѣленіе тѣхъ отношеній, въ которыя должна бы стать каждая народность къ муниципіямъ, комитатамъ, общинамъ и корпораціямъ, а равно къ властямъ судебнымъ, исполнительнымъ и законодательнымъ. Къ этой программѣ присоединились Словаки и Русскіе. Но кромѣ того послѣдніе подали особую петицію, состоявшую изъ 19 статей, гдѣ говорилось специально объ интересахъ русскаго населенія въ Венгріи. Румынская программа состояла изъ 27 статей: въ ней вкратцѣ изложено было почти то же самое, что находилось и въ сербской программѣ.

Намъ нѣтъ надобности приводить здѣсь полный текстъ всѣхъ трехъ программъ, которыя начинались одинаково: „Венгерская конституція признаетъ шесть народностей: Мадыарь, Словаковъ, Румыновъ, Сербовъ, Русскихъ и Нѣмцевъ, въ качествѣ націй (nemzetek), которыя, по своей численности, развитію своей народности и политическому значенію, должны считаться равноправными участниками въ государственной жизни Венгріи. Конституція обезпечиваетъ имъ всѣ условія какъ политическаго, такъ и культурнаго развитія. Всѣ шесть помянутыхъ языковъ признаются языками публичны-

ми; административнымъ же языкомъ въ округахъ и общинахъ долженъ быть тотъ языкъ, на которомъ говоритъ большинство мѣстнаго населенія; въ судахъ, школахъ и церквяхъ допускается свободное употребленіе каждаго изъ упомянутыхъ языковъ“. Румынская программа требовала даже раздѣленія Венгріи на округа по народностямъ, изъ которыхъ каждый можетъ имѣть свой сеймъ, свое народное знамя. При этомъ знамя и гербъ Венгерскаго королевства будутъ только внѣшнимъ выраженіемъ единства всей Венгріи, заселенной столь разнородными народностями почти въ одинаковой пропорціи. „Наименованія: Венгрія, Венгерецъ, Венгерскій, должны имѣть лишь политическое значеніе, равно общее всѣмъ народностямъ. Общевенгерскій сеймъ рассуждаетъ только о дѣлахъ общихъ всему королевству и есть его высшее представительное учрежденіе; а потому какъ въ законодательной, такъ въ судебной и административной дѣятельности, всѣмъ венгерскимъ народностямъ принадлежитъ равное участіе“ Изъ этихъ главныхъ положеній выводилось множество частныхъ, которыя и были высказаны въ помянутыхъ программахъ, гдѣ съ болѣею, гдѣ съ меньшею подробностію. Что касается требованій русской народности, то ей представители требовали между прочимъ округленія границъ комитатовъ, выборныхъ округовъ и сельскихъ общинъ согласно этнографическимъ условіямъ. Изъ частныхъ же требованій не лишены интереса слѣдующія, которыя мы и приводимъ буквально: „Всѣ тѣ рѣшенія и опредѣленія, которыми бы свободный привозъ гдѣ нибудь за границую на русскомъ языкѣ печатанныхъ или письменныхъ произведеній, книгъ, повременныхъ изданій запрещаемъ или затрудняемъ быть, должны быть отмѣнены. При министерствѣ дѣлъ въроисповѣданія и народнаго просвѣщенія, ради управленія, представленія и улучшенія состоянія нашихъ школъ и церквей, духовные и свѣтскіе наши люди, по смыслу 20 ст. сейма 1848 года, соразмѣрно числу нашего народа, да содержатся. Въ такихъ общинахъ, въ которыхъ народъ по убожеству или по инымъ причинамъ не можетъ платить своихъ учителей или выстроить домъ для школы,—сей недостатокъ, по 20 ст. сейма 1848 года, изъ государственной казны выполняется. Понеже старинная Мункачевская епархія сталася родительницею многихъ иныхъ епископій—изъ ней произошла епархія Пряшевская, ея выполнены епархіи Велико-Варадская и Самошь-Уйварская, уже по сей причинѣ достойна повышенія на архіепископію. Если Румыны имѣютъ своего архіепископа, то почему бы не можно имѣти и намъ Русскимъ своего архіе-

епископа? Для умноженія славы и важности церкви нашей, такъ давно упраздненныя архимандріи и почетныя каноническія мѣста, съ увольненіемъ отъ приходящей за сіе платы—архидіаконства же по комитатамъ, съ наградою имъ изъ церковнаго фонда, чрезъ представленіе епископа, Его Величествомъ да заполняются. Созиданіе церквей и парохіальныхъ домовъ въ убогихъ селеніяхъ, по смыслу 20 ст. 1848 года, да производится на счетъ церковнаго фонда. А понеже для сей цѣли отъ управленія церковнаго фонда греко-католикамъ весьма рѣдко и съ великимъ трудомъ удавалось чтото получить: для того желательно раздѣлѣти сей фондъ и принадлежащую намъ часть, нашімъ духовнымъ начальствамъ передать для управленія“.

На всѣ эти заявленія венгерскихъ народностей нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто неожиданное. Эти заявленія возникли еще въ тридцатыхъ годахъ, когда венгерскій сеймъ своимъ постановленіемъ изгналъ изъ официальныхъ сферъ латинскій языкъ и замѣнилъ его мадьярскимъ. Послѣ 1848 года, опасаясь силы мадьярской аристократіи и стремленій мадьярской народности къ политической независимости, австрійское правительство, руководимое то Бахомъ, то Шмерлингомъ, само старалось всячески поднять противъ Мадьяръ подчиненныя имъ народности. Находясь въ союзѣ съ Германіей, опираясь на силы обще-германскаго отечества, и угнетая Чеховъ и Словенцевъ въ западной половинѣ имперіи, на востокъ вѣнскіе централисты надѣялись ослабить Венгрію, возбудивъ внутреннюю борьбу въ ея населеніи. Но въ 1866 году германское отечество унизило въ глазахъ австрійскихъ народовъ нѣмецкую партію, управлявшую въ Вѣнѣ, и послѣдняя стала искать опоры въ Мадьярахъ, чтобы поддержать свое господство надъ остальными народами имперіи, надъ партіей федералистовъ. А между тѣмъ въ той же самой Венгріи нѣмецкая партія приготовила сильную помощь для федералистовъ. Сербы, Румыны, Словаки прежде были поддерживаемы нѣмецкою партіей противъ Мадьяръ; теперь она перешла на сторону послѣднихъ и чрезъ то должна была возбудить противъ себя непримиримую вражду первыхъ. Такимъ образомъ нѣмецкій элементъ, навлекшій на Австрію вѣнскую войну, сталъ причиной еще болѣе опасной для нея внутренней борьбы. И дѣйствительно, въ то время какъ Пруссія, послѣ побѣдъ надъ своею прежнею союзницею въ Шлезвигъ-гольштейнскомъ спорѣ и надъ болшею частію членовъ бывшаго Германскаго Союза, перешла къ дипломатическимъ заботамъ объ устройствѣ своихъ отношеній къ

имѣющимъ возникнуть на сѣверѣ и югѣ Германіи отдѣльнымъ союзамъ, Австрійская имперія стала прискивать комбинаціи, при помощи коихъ можно было бы образовать такое министерство, противъ котораго не раздавалось бы возраженій ни со стороны Нѣмцевъ, ни со стороны Мадьяръ, ни со стороны Славянъ и Румыновъ. Задача эта не принадлежала къ числу легко разрѣшаемыхъ: ибо всѣ прежнія министерства въ Австріи составлялись большею частію изъ приверженцевъ велико-германской партіи, большею частію выѣхавшихъ въ Вѣну изъ земель покойнаго Германскаго Союза; а изъ туземцевъ къ нимъ примыкала только не очень многочисленная партія централистовъ, да тѣ придворные и аристократическіе кружки, которые умѣли сживатьсъ съ каждамыъ министерствомъ, не много впрочемъ заботясь о ихъ судьбѣ. Послѣ побѣды Пруссіи стали спрашивать: какая партія можетъ взяться за государственное управленіе въ Австріи, не опасаясь большихъ неудачъ? Такихъ партій, имѣвшихъ опредѣленную программу для внутренняго переустройства Австріи, было, какъ мы уже знаемъ, три. Первая партія носила имя автономистовъ и состояла преимущественно изъ туземныхъ австрійскихъ, непришлыхъ изъ Германіи Нѣмцевъ; но уже самое названіе ея указывало, что она не беретъ за управленіе дѣлами всей имперіи, признавая право автономіи за главными частями ея. Вторая партія, такъ называемые дуалисты, состояла преимущественно изъ Мадьяръ, и самыя пылкія желанія ея не простирались въ то время дальше образованія особаго отвѣтственнаго министерства для земель Венгерской короны. Къ третьей партіи принадлежали многочисленные федералисты изъ Славянъ и Румыновъ; но эта партія никогда еще не была—что называется у дѣлъ, и лучшіе представители ея, авторы ея программы, отказались въ 1848 году дважды отъ чести засѣдать въ вѣнскомъ министерствѣ, видя трудность примѣненія своихъ теорій къ дѣйствительности. Но, можетъ быть, Австрія, въ которой повсюду такъ много говорилось послѣ битвы при Садовой о необходимости самыхъ широкихъ преобразованій во внѣшней и внутренней политикѣ, готовилась вступить на путь, покинутый ею въ 1849 году? Можетъ быть, она успѣшила возобновить дѣло своихъ законодательныхъ сеймовъ,—Вѣнскаго въ 1848 году и Кромержижскаго (Kremsier) въ 1849 году, выработавъ общими силами конституцію для себя и потомъ ввѣривъ управленіе государствомъ отвѣтственному министерству, составленному коллективнымъ способомъ изъ всѣхъ партій? Но такого рѣшительнаго шага нельзя было ждать,

и Австрійцы всѣхъ партій говорили, что такой шагъ едва ли былъ возможенъ. А между тѣмъ съ прежнимъ министерствомъ ни одна изъ вышеупомянутыхъ партій не хотѣла и не умѣла ладить. Какое же министерство возможно было въ Императорской Австрій при ея тогдашнемъ положеніи? Вотъ вопросъ, отвѣты на который мы поищемъ въ австрійскихъ газетахъ того времени, о которомъ у насъ идетъ рѣчь.

Нѣмецкіе централисты, страшно напуганные совершившимся послѣ войны въ положеніи Австрій переворотомъ, утверждали тогда, что матеріальныя преимущества и высшая степень культуры, сами по себѣ безъ поддержки свыше, не могутъ еще распространять германизации въ земляхъ съ населеніемъ разноплеменнаго происхожденія; а потому они и принялись пугать нѣмецкое населеніе Австрій федерализмомъ и преобладаніемъ Славянъ, этого грубѣйшаго, по ихъ увѣренію, элемента. Болѣе увѣренные централисты допускали, что всѣ перемѣны ограничатся сообщеніемъ землямъ Чешской Короны и Галиціи нѣкоторой автономіи; но въ такъ называемыхъ Иллирскихъ земляхъ, лежащихъ на югѣ отъ Дравы къ Триесту, по прежнему будетъ поддерживаемо господство нѣмецкой партіи. О Венгрии и Трансильваніи централисты говорили, что онѣ будутъ принесены въ жертву Мадырамъ, съ подчиненіемъ общей имперской думѣ. Но, даже и при такихъ перемѣнахъ въ системѣ государственнаго управления, неизбѣжна была перемѣна въ самомъ министерствѣ, и прежде всего по отношенію къ дѣламъ иностраннымъ. „Развѣ можетъ человекъ, спрашивали нѣмецкіе автономисты, привыкшій измѣрять дипломатическія отношенія Австрійской имперіи съ Франкфуртской точки зрѣнія, вести ихъ далѣе, когда онъ не освоился съ собственно австрійскими интересами? Еще болѣе хлопотъ выпадаетъ по заключенію мира на долю министровъ, которымъ будутъ поручены различные внутренніе вопросы“. Партія централистовъ отказывалась отвѣчать на такіе запросы: ея главные органы ограничивались только подозрѣніями на счетъ ненасытнаго властолюбія Славянъ и молчали на запросы автономистовъ—Нѣмцевъ. Послѣдніе, однакожъ, серьезно обсуждали задачи для дѣятельности будущаго министерства. Ихъ вѣнскій органъ, газета „Wanderer“, говорила: „Чисто австрійское министерство, австрійское не только по происхожденію, или по акклиматизации, но министерство, которое наконецъ оторвалось бы отъ преданій, господствовавшихъ до сихъ поръ въ нашей политикѣ, и усвоило бы себѣ новую политику, согласную съ интересами государства, съ потребностями и же-

ланиями австрійскихъ народовъ; министерство только для блага Австріи, не преслѣдующее какой либо односторонней цѣли въ ущербъ всѣмъ другимъ; короче сказать—министерство, которое воздавало бы коронѣ то, что ей должно, а народамъ то, что имъ принадлежитъ: только такое министерство могло бы стать въ уровень съ тѣмъ положеніемъ, въ которое низвергнута Австрія, но котораго не заслуживали ея народы, и могло бы дать благоприятный исходъ всѣмъ нашимъ затрудненіямъ. Одинъ миръ, заключенія котораго такъ жаждетъ громадное большинство австрійскихъ народовъ, не можетъ еще сотворить чудесъ, если люди, которымъ удастся заключить его, останутся равнодушными зрителями дальнѣйшихъ судебъ Австріи. Гибельныя послѣдствія войны, которая упала на австрійскіе народы не по ихъ винѣ, будутъ тяготѣть на нихъ еще долго и по заключеніи мира; рана, глубоко проникшая въ самыя жизненные отправленія государства, еще не скоро будетъ исцѣлена. Потребны будутъ чрезвычайныя усилія для того, чтобы выйти на новую дорогу; надо будетъ навсегда отказаться отъ прежнихъ политическихъ фантазій и предубѣжденій, если пожелаемъ, чтобъ миръ былъ проченъ и послужилъ исходнымъ пунктомъ для лучшей будущности. Нашимъ государственнымъ людямъ предстоитъ такое же испытаніе, какое выдержала послѣ Крымской войны держава болѣе могущественная чѣмъ Австрія, Россія, и которое заставило русскихъ государственныхъ людей приступить къ самымъ обширнымъ реформамъ внутри и собрать всѣ свои силы противъ чужеземныхъ притязаній. Это самособраніе принесло Россіи тѣ неизмѣримыя выгоды, свидѣтелями которыхъ мы были еще такъ недавно. Та самая Россія, которая послѣ Крымской войны не могла и вмѣшиваться въ европейскія дѣла, которой предстояло столько внутреннихъ затрудненій чисто социальнаго характера, по прошествіи немногихъ лѣтъ послѣ войны оказалась на столько сильною, что во время польскаго востанія оставила безъ вниманія требованія почти всей Европы. Эта самая Россія теперь уже настолько могущественна, что ведущія нынѣ войну державы усердно заботились о сохраненіи нейтралитета съ ея стороны. Преобразованная внутри Россія снова является такимъ факторомъ въ иностранныхъ дѣлахъ, безъ котораго едва ли можетъ произойти какое либо серьезное измѣненіе европейской карты. Мы вове не принадлежимъ къ почитателямъ русской политической системы и ни мало не преклоняемся предъ величиемъ русскихъ государственныхъ людей; мы только не хотимъ оставаться слѣпыми предъ со-

вершающимися событиями и глухими къ урокамъ исторіи; ибо вполне убѣждены, что дѣло русскихъ государственныхъ людей можетъ увѣнчаться еще большимъ успѣхомъ, если оно вполне будетъ поставлено на чисто-русскую точку зрѣнія, и если навсегда усвоить ее себѣ. Мы не знаемъ, имѣютъ ли желаніе австрійскіе государственные люди почерпнуть для себя поученіе изъ чужихъ бѣдствій; но мы держимся той мысли, что государственная мудрость не должна пренебрегать подобными уроками, и въ настоящую минуту мы не сочтемъ за несчастіе, если Австрія станетъ искать опоры въ себѣ самой. Въ этомъ смыслѣ будущее австрійское министерство не должно ни въ чемъ походить на предшествовавшія. До сихъ поръ, во время частыхъ смѣнъ австрійскихъ министерствъ, мы видѣли только государственныхъ кормчихъ, рожденныхъ или натурализованныхъ Австрійцевъ, которые управляли съ большою или меньшею отвагою, но чаще въ ущербъ, нежели въ пользу Австріи; чисто же австрійскаго министерства, которое было бы воплощеннымъ выраженіемъ австрійской государственной идеи въ смыслѣ народной политики, мы не могли видѣть въ тѣхъ изобрѣтателяхъ новыхъ безчисленныхъ податей, которые по временамъ были выбрасываемы на верхъ бурными волнами событий. Предпочтеніе и любовь къ чужеземному, управлявшему долгое время австрійскою политикою къ невыгодѣ собственной страны, должны наконецъ исчезнуть. Начиная учебными книгами съ направленіемъ, враждебнымъ Австріи, и восходя до назначенія въ правительственные и придворные совѣтники чужестранныхъ (нѣмецкихъ) журналистовъ, которые не знали Австріи и вся служба которыхъ состояла лишь въ возбужденіи австрійскихъ народовъ другъ противъ друга и противъ правительства, во всемъ и всегда преимущество оставалось за иностранцами. Австрія какъ будто не могла существовать безъ людей, воспитанныхъ въ такихъ университетахъ, гдѣ о ней отзывались дурно, — безъ людей, не имѣвшихъ часто мѣста на своей родинѣ, гдѣ они могли бы приложить голову. Въ то время какъ въ Швейцаріи, населенной Нѣмцами, Французами и Итальянцами не развивалось ни одной жалобы на угнетеніе которой-либо изъ этихъ народностей, пользовавшихся равноправностію, австрійскіе министры дѣлали все съ своей стороны, чтобы возбудить вражду между народностями, не только у себя дома, но и за-границей. Они, во времена Меттерниха, поддерживали въ Испаніи на австрійскія деньги революціонную партію Карлистовъ, во времена Баха оказывали покровительство польской партіи въ Россіи; во времена Шмерлинга на счетъ Австріи тоснали

каштаны изъ огня въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, услуживая тѣмъ Пруссіи. Результатомъ такой политики было то, что Сардинія получила нѣсколько королевствъ въ Италіи, а Пруссія въ Германіи, на долю же Австріи достались бѣжавшіе изъ нихъ короли. Такія послѣдствія должна принести всякая политика, для которой чужая рубашка дороже своей, и которая оставляетъ свой домъ въ огнѣ, а спасаетъ домъ сосѣда. Австрія никогда не знала такой политики, которая равно заботилась бы о всѣхъ подданныхъ; въ ней всегда возвышался какой-либо одинъ народъ на счетъ всѣхъ остальныхъ. Меттернихи и Седльницкіе, умѣвшіе понизить народный духъ въ Австріи, а не возвысить его, Шварценберги и Стадіоны, насильственно распустившіе законодательный сеймъ въ Кремзирѣ (Кромержижъ въ Моравіи), Бахи, Туны и Бруки, и нынѣшніе такъ называемые юные централисты, всѣ они были австрійскими министрами и ни одинъ изъ нихъ не былъ честнымъ австрійскимъ патріотомъ. Конкордатъ, итальянская война, шлезвигъ-голлштейнскій вопросъ, нынѣшнее поражение, — вотъ дѣла ихъ политики. Прошедшія ошибки указываютъ намъ, какимъ не должно быть австрійское министерство; а отъ этого можно заключать и о томъ, какимъ оно должно быть (*). Но въ самомъ ли дѣлѣ это было возможно? Въ приведенныхъ словахъ опредѣлялась задача будущаго министерства лишь путемъ отрицательнымъ, но не сообщалось подробной программы его дѣятельности. Ссылка на Швейцарію — была только неловкою фразою; династія Габсбурговъ не могла же въ самомъ дѣлѣ идти въ сравненіе съ швейцарскимъ центральнымъ правительствомъ, возможнымъ лишь въ республикѣ. Правда, въ приведенной статьѣ было сказано: „будущее министерство должно быть чисто австрійское;“ но не было сказано, чѣмъ именно отличается эта *австрійская* теорія отъ *федеральной*, которая также именуетъ будущую политику имперіи Габсбурговъ австрійскою. Вѣрно лишь одно, что эпитетъ „австрійскій“ уже самъ по себѣ долженъ былъ отвергать исключительное господство партіи мадыарской, которое повело бы Австрію къ такому же раздѣленію, къ какому привела

*) Обстоятельнѣе изложены были потомъ годъ спустя взгляды партіи нѣмецкихъ автономистовъ А. Фингофомъ, сперва въ газетѣ „Neue Freie Presse“, а затѣмъ въ особой брошюрѣ: „Oesterreich und die Bürgerschaften seines Bestandes“, нѣвшей нѣсколько изданій въ короткое время. Но появленіе этой брошюры относится уже ко времени, находящемуся за предѣлами 1865—1866 годовъ, избранныхъ для нашей статьи.

бывшій Германскій Союзъ война 1866 года: въ Германіи создавались тогда сѣверный и южный союзы; въ Австріи могли образоваться западный и восточный. Очевидно, что такое дѣленіе лежало внѣ намѣреній партіи автономистовъ, которые шли въ виду удержать земли Австрійской имперіи въ общемъ союзѣ между собой и противодѣйствовать ихъ распаденію. При томъ автономисты, думавшіе угодить всѣмъ народамъ Австріи, очень хорошо знали, что дуализмъ былъ бы противенъ Славянамъ, ибо поставилъ бы ихъ на западѣ въ зависимость отъ нѣмецкаго элемента, а на востокѣ отъ мадьярскаго. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ—спрашиваемъ еще разъ—отличались теоріи нѣмецкихъ автономистовъ отъ теорій славянскихъ федералистовъ? и такъ-какъ автономисты не касались этого вопроса, то послушаемъ въ послѣдній разъ, не говорили ли чего-нибудь о томъ защитники федерации.

Въ пражской газетѣ „Politik“ и вѣнской газетѣ „Zukunft“, болѣе другихъ ратовавшихъ за славянскую программу, въ то время, о которомъ мы ведемъ свою рѣчь, напечатаны были четыре статьи, въ коихъ обсуждались вопросы о коллективномъ министерствѣ и объ отношеніяхъ Австріи къ Востоку, разбирались намѣренія централистовъ и дуалистовъ, и при этомъ опредѣлялись тогдашнія отношенія къ нимъ федеральной партіи. „Здѣшнія партіи централистовъ, сказано было въ газетѣ „Zukunft“, въ продолженіе послѣднихъ дней чинила немалыя демонстраціи, исходомъ которыхъ, какъ при дворѣ, такъ и въ журналистикѣ было счастливое... фiasco. Правительство отвѣчало централистамъ, требовавшимъ возстановленія правительственной системы: „мы также желаемъ ея“: но потомъ оказалось, что вѣнскіе мудрецы подъ предстательною системою разумѣли блаженной памяти имперскую думу, правительство же разумѣло сентябрскій манифестъ (1860 года), который ясно указывалъ на конституціонные пути и средства, при помощи коихъ должно быть выработано общее представительство для всѣхъ земель имперіи. Не только федеральныя газеты, но и дуалистическія, произнесли строгій приговоръ надъ демонстраціями вѣнскихъ политиковъ. Все это показало невозможность возвращенія къ прежнему образу правленія, отъ котораго отказался въ прошломъ году самъ императоръ. Принципъ политической централизаціи побѣждаетъ у насъ вмѣстѣ съ пораженіемъ велико-германской партіи; но система административной централизаціи, со всѣми ея послѣдствіями, здравствуетъ еще и теперь, а равно и проводникъ ея въ жизнь, нѣмецкая бюрократія. Послѣдняя не замедлитъ употребить всѣ возможные усилія съ своей

стороны, чтобы политическіе вопросы рѣшены были въ ея смыслѣ; ибо безъ этого условія не можетъ существовать въ Австріи и административная централизація. Но дѣло въ томъ, что бюрократія у насъ поранена въ самое сердце съ тѣхъ поръ, какъ въ Венгерскихъ и Хорватскихъ земляхъ совершены были первыя попытки къ политической автономіи. Такой же автономіи требуютъ теперь Галиція и земли Чешской короны, что будетъ имѣть важное послѣдствіе не только для нихъ, но и для всей имперіи. Съ этимъ согласны не только мадьярскіе дуалисты, но и нѣмецкіе автономисты. Но этого мало: послѣ земской автономіи долженъ быть постановленъ принципъ народной равноправности, какъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для дальнѣйшаго развитія политической и общественной жизни у всѣхъ австрійскихъ народовъ. Наша многочисленная партія будетъ всѣми силами противиться каждой политической программѣ, въ основѣ которой будетъ лежать гегемонія одного или двухъ народовъ надъ остальными. Главною задачею нашей программы будетъ уравниеніе обязанностей и правъ для всѣхъ австрійскихъ народовъ, согласно словамъ сентябрскаго манифеста, провозгласившаго простую истину: „равныя тяжести, равныя права“. Дуализмъ еще былъ бы возможенъ, если бы нынѣшняя война не вытѣснила Австріи одинаково какъ изъ сѣвернаго, такъ и изъ южнаго нѣмецкаго союза. Съ нынѣшней минуты вопросы славянскій и венгерскій потеряли свою связь съ вопросомъ германскимъ и сдѣлались вопросами чисто-австрійскими. Партія автономистовъ думаетъ разрѣшить ихъ путемъ административныхъ преобразованій. Мы, федералисты, не можемъ успокоиться на такомъ формальномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ. Мы готовы многое и уступить изъ прежнихъ нашихъ требованій; въ случаѣ призыва нашей партіи къ дѣятельности, въ нашу программу войдутъ новые элементы, но вопросъ объ уравниеніи между собою австрійскихъ народностей останется навсегда главнымъ вопросомъ для насъ. Наша программа настолько велика и обширна, что въ ней есть мѣсто для каждой народности нашей монархіи,—и въ этомъ заключается ея спеціальнѣйшій, *австрійскій* характеръ. Мы смѣло можемъ обратиться къ нашимъ противникамъ съ приглашеніемъ: „Introite, nam et hic dii sunt!“; чего не можетъ сказать никакая другая программа. Газета „Politik“, исходя также изъ точки зрѣнія федеральной партіи и разбирая условія, при которыхъ было бы возможно въ Австріи существованіе коллективнаго министерства, обсуждала всю прежнюю дѣятельность нѣмецкой и мадьярской партій, по ихъ

отношеніямъ къ остальнымъ народностямъ Австріи, п въ та-
кихъ выраженіяхъ отыгивалась о проектѣ коллективнаго ми-
нистерства, который былъ предложенъ оппозиціоною газетой
венгерской партіи „Debatte“: „Намъ предлагаютъ образовать
подлѣ венгерскаго министерства, еще коллективное мини-
стерство, которое было бы составлено изъ нѣмецкихъ авто-
номистовъ, одного Чеха и одного Поляка. Мы должны ска-
зать, что слово *коллективный*, въ настоящемъ случаѣ, есть
пустое слово, ибо предлагаемое министерство, не соответ-
ствуетъ этому союзу народовъ, который называется Австрій-
скою монархіей. Есть люди, которые утѣшаютъ себя мыслию,
что предлагаемое нашими противниками министерство есть
только первая уступка съ ихъ стороны, за которую послѣ-
дуютъ со временемъ другія. Мы думаемъ иначе: предлага-
емая газетой „Debatte“ комбинація есть неудачная попытка
замаскировать дуалистическіе замыслы. Что же касается нѣ-
мецкихъ автономистовъ, то мы столь же мало полагаемся на
ихъ обѣщанія, какъ и на обѣщанія ихъ предшественниковъ-
централистовъ“. Затѣмъ газета „Politik“ старалась доказать,
что внутреннія дѣла Австріи стояли въ тѣсной связи съ ея
внѣшними интересами, и что счастливое разрѣшеніе внут-
реннихъ недоразумѣній можетъ возвратитъ Австріи внѣшнее
могущество, которое должно быть направлено въ другую
сторону, чѣмъ до тѣхъ поръ. Иначе говоря, федералисты
начинали увлекать австрійское правительство на Востокъ по-
добно тому, какъ централисты постоянно увлекали его въ
Германію. „Нѣмецкое признаніе Австріи кончено, говорила
«Politik», она должна теперь вспоминать завѣщаніе своего
героя Евгенія Савойскаго. На югъ и востокъ отъ нея лежали
страны, которыя, въ случаѣ присоединенія ихъ къ ней, возвы-
сятъ нашу торговлю на степенъ всемірной, нашу промыш-
ленность на степенъ всеобщей, наше политическое появле-
ніе на степенъ первоначальной державы. Тамъ скрывается гѣ-
нарство для нашихъ рабъ; тамъ надо искать новой славы
для нашихъ значачь, новаго богатства для нашихъ пѣчно
страдающихъ финансовъ“. Но такъ какъ ни нѣмецкая, ни
мадьярская партіи не могли бы оказать Австріи въ ея стрем-
леніяхъ на Востокъ такой существенной услуги, какъ партія
славянская, то газета «Politik» и требовала исполненія фе-
деральной программы внутри и назначенія въ министры ино-
странныхъ дѣлъ чеховца, который суждѣнъ бы понять при-
званіе Австріи въ восточныхъ дѣлахъ. Славянскіе публицисты
твердо убѣждены были, что ни одна судьба нѣмецкаго только
вопроса зависѣла отъ Вѣны, но что отъ нея же зависѣла и

судьба вопроса Восточнаго. Они не хотѣли видѣть, что нѣмецкій вопросъ двинулся впередъ только потому, что Австрія потеряла право на участіе въ его разрѣшеніи, и что того же самаго слѣдовало бы ожидать и для Восточнаго вопроса. Австрійскіе федералисты, надѣясь воскресить имперію Габсбурговъ на счетъ присоединенія къ ней южно-славянскихъ земель Турціи, съ одной стороны вели свои расчеты, не справляясь о томъ, желаютъ ли послѣдніе присоединиться къ нимъ, а съ другой обнаруживали недоувѣріе къ однимъ собственнымъ силамъ для утвержденія предложенной ими программы. Во всякомъ случаѣ тогда уже можно было предвидѣть, что это наталкиванье Австріи федеральною партіей на Востокъ не принесетъ федералистамъ такой силы и значенія въ дѣлахъ внутреннихъ, какихъ они добивались. Вѣнское правительство могло принять ихъ совѣты относительно внѣшней политики, но сколько бы славянскіе федералисты ни услуживали ему, оно осталось бы въ сущности правительствомъ нѣмецкимъ, опирающимся на вѣнскихъ централистовъ, вѣрныхъ своей миссіи германизовать придунайскія земли. Внутренніе же планы славянскихъ федералистовъ въ Австріи могли бы исполниться лишь въ томъ случаѣ, если ихъ собственные силы приобретутъ имъ достаточное вліяніе на государственную жизнь Австріи. Тутъ не помогутъ никакія искусственныя возбужденія со стороны. Турецкіе Славяне столь же далеки отъ замысловъ австрійскихъ федералистовъ, какъ далеки были сѣверные Нѣмцы отъ плановъ великогерманской партіи. Захватить турецкихъ Славянъ можно только силой, и этотъ захватъ, если вообще мыслимъ, то мыслимъ лишь при содѣйствіи и согласіи сосѣднихъ державъ; а ихъ три—Россія, Германія и Италія. Къ тому же нѣтъ ни широка программа федералистовъ, но число народовъ и земель въ самой Австрійской имперіи, для которыхъ она предлагается, слишкомъ велико для того, чтобы федеральная программа и основанное на ней, нигдѣ на свѣтѣ невозможное, коллективное министерство не встрѣтили важныхъ затрудненій внутри самой Австріи. Можно и теперь сомнѣваться въ томъ что когда нибудь наступитъ минута, въ которую для австрійскихъ народовъ получатъ выгодный смыслъ слова Лудовика Святаго: «*Insuperabiles si inseparabiles*», и, быть можетъ, никогда еще это сомнѣніе не имѣло столько глубокихъ основаній, какъ въ настоящее время.

Ниль Цюповъ.

Забытый польскій поэтъ.

Съ именемъ *Томы Зана* соединяется воспоминаніе о *Мицкевичѣ* и *Обществѣ Лучезарныхъ*; но, какъ поэтъ, *Занъ* извѣстенъ слишкомъ мало. Мы обязаны *О. М. Ковалевскому*, товарищу и другу *Зана*, указаніемъ на нѣсколько забытыхъ его стихотвореній и сообщеніемъ интересныхъ свѣдѣній объ этомъ польскомъ поэтѣ и объ основанномъ имъ *Обществѣ Лучезарныхъ*. Къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. *Ковалевскимъ*, присоединимъ то, что уже извѣстно въ печати о *Томѣ Занѣ*.

Онъ происходилъ изъ бѣднаго шляхетскаго дому и родился, подобно *Мицкевичу*, въ *Новогрудскомъ уѣздѣ* въ 1791 году; учился сначала въ *Молодечнѣ*, а потомъ въ *Вильнѣ*, гдѣ подъ попечительствомъ извѣстнаго князя *Адама Чарторьскаго* процвѣталъ польскій университетъ. *Занъ* поступилъ въ *Виленскій Университетъ* одновременно съ *Мицкевичемъ* (въ 1815 году), познакомился съ нимъ передъ пріемными экзаменами, и съ тѣхъ поръ сталъ его другомъ, какъ разсказываетъ объ этомъ *Лукіанъ Сьменскій* ¹⁾.

„Въ 1815 году семнадцатилѣтній юноша (*Мицкевичъ*) отправился въ *Вильно*, куда призывалъ его далекій родственникъ, ксѣндзъ *Осипъ Мицкевичъ*, бывшій іезуитъ, каноникъ *Жмудскій* и въ то время деканъ философско-математическаго факультета.—Явившись на пріемный экзаменъ, онъ вмѣстѣ съ другими кандидатами долженъ былъ ждать своей очереди въ боковой залѣ. Случайно онъ очутился на лавкѣ рядомъ съ незнакомымъ юношею, котораго выразительное и умное лице и привлекательныя и благородныя манеры его поразили. Почувствовавъ невыразимое влеченіе къ сосѣду, *Мицкевичъ* вступилъ съ нимъ въ разговоръ, познакомился, и черезъ нѣсколько дней ихъ соединили неразрывныя узы тѣснѣйшей дружбы. Только въ юношескіе годы дружба заключается такъ легко, но навсегда этимъ другомъ поэта былъ *Томъ Занъ*“...

1) Portrety literackie str. 276—7.

Занъ поступилъ на математическій факультетъ и весьма серьезно занимался науками; но природа создала его поэтомъ, и минуты отдыха онъ посвящалъ поэзіи: его пѣсни свободно лились изъ его вдохновеннаго сердца, не подчиняясь никакимъ правиламъ піитики. Каждымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ онъ дѣлился съ товарищами посредствомъ пѣсни. Въ пѣсняхъ онъ описывалъ свои чувства и мысли, свои развлечения и прогулки, свою жизнь во время вакацій и разныя мелкія приключенія. Этими пѣснями онъ оживлялъ вечернія собранія пріятелей. Эти воздушныя по формѣ пѣсни поражали необыкновенною прелестью, силою чувства и искреннею правдивостью. Одна изъ элегій Зана, написанная по случаю отъѣзда его молодой пріятельницы Фели, произвела такое сильное впечатлѣніе на Мицкевича, что онъ носилъ ее постоянно при себѣ, пока она не порвалась, и, перечитывая ее, восклицалъ: „не думалъ, чтобы въ обыденной жизни было столько поэзіи!“¹⁾

Случай далъ новое направленіе поэзіи Зана: на одно изъ вечернихъ собраній, студентъ Чернявскій, сынъ профессора русской литературы, принесъ только-что вышедшую тогда балладу Жуковскаго, „Людмила“; эта баллада произвела на всѣхъ весьма сильное впечатлѣніе, и подъ ея вліяніемъ Занъ на другой же день написалъ свою *Нерину* (*Nergupa*)—*первую балладу на польскомъ языкѣ*, за которою вскорѣ послѣдовали его-же *Цыганка* и *панъ Твардовскій*, и только послѣ нихъ появились баллады Мицкевича (*Switezianka*, *Lilie* и др.)²⁾.

По вліянію и инициативѣ Зана, студенты Виленскаго университета образовали *Общество Филоматовъ* (*Towarzystwo Filomatów*), цѣлью котораго было облегчать бѣднѣмъ, но способнымъ юношамъ вступленіе въ Виленскій университетъ, доставлять имъ средства къ существованію и возбуждать ихъ къ занятіямъ науками и польскою литературою. Въ числѣ членовъ этого Общества былъ и Мицкевичъ; но въ 1820 г. онъ уѣхалъ на службу въ Ковно и возвратился въ Вильно черезъ два года, когда издалъ первый сборникъ своихъ стихотвореній, посвященный Яну Чечотъ, *Волкъ Зану*, Осипу Ежовскому и Франциску Малевскому, „пріятелямъ“,—„на память счастливыхъ минутъ юности“. Въ одно изъ произведеній, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, именно въ романсъ „*Dudarz*“ включенъ триолетъ, написанный Заномъ для Маріи Верещакъ,

1) Dwie konwersacye z przeszłości, przez Jgu. Chodźkę, str. 203—5.

2) Ibid. 206—208.

въ которую былъ влюбленъ Мицкевичъ. Когда Мицкевичъ снова очутился въ кружкѣ своихъ университетскихъ товарищей, они составили *Общество Лучезарныхъ* (*Towarzystwo Promienistych*), основанное Заномъ въ 1820 году. Оно получило такое названіе отъ теоріи любви, придуманной Заномъ: по этой теоріи, любовь сообщается отъ одного лица другому посредствомъ *лучей* (*promieni*), исходящихъ изъ глазъ одного лица и встрѣчающихся съ такими же лучами другаго. Это была теорія любви платонической. Последователи этой теоріи, можно сказать, обоготворяли женщину, а потому женщины были ревностными распространительницами этой теоріи. Взаимная любовь и помощь была лозунгомъ Лучезарныхъ. Заць составилъ статутъ Общества, который былъ утвержденъ ректоромъ Университета. Общество было правильно организовано: предѣдателемъ былъ Заць, котораго называли *Arcypromienistym* или просто *Arcy*; при немъ былъ дворъ или *свалка*; по числу цвѣтовъ радуги Общество раздѣлялось на семь кружковъ, называвшихся *воеводствами*; каждое воеводство имѣло своего воеводу. Порядокъ въ собраніяхъ поддерживать *Маршалъ* (*Marszałek*): эту обязанность исполнялъ широкоплечій весельчакъ *Лозинскій*, по прозванію *Szerok*. Еловая дубина замѣняла ему маршалскій жезлъ. Онъ занимался устройствомъ загородныхъ прогулокъ, распределялъ издержки и порядокъ развлеченій. Обыкновенно Лучезарные собирались въ Поплавахъ подъ Вильномъ, гдѣ пили свѣжее или йли кислое молоко, упражнялись въ гимнастикѣ и читали свои литературные опыты въ стихахъ и прозѣ. Бромъ молока и воды, всякій иной напитокъ былъ строго воспрещенъ; пьяницы, картежники и развратники предавались всеобщему позору.

Пародіею на это Общество было *Общество Антилучезарныхъ* (*Towarzystwo Antipromienistych*), основанное гулякою Заблоцкимъ. Члены этого Общества объявили войну водѣ и молоку и обязались пить только пуншъ, вино и портеръ, вообще много пить и много ѣсть, играть въ карты, ухаживать за дѣвушками и ничему не учиться.

Общество Лучезарныхъ имѣло громадный успѣхъ: основанное на первой маювкѣ (въ первыхъ числахъ мая) 1820 года 60 членами, оно считало на второй маювкѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ первой, уже до 200 членовъ.

Когда Мицкевичъ возвратился въ Вильно, при Обществѣ Лучезарныхъ было уже особое отдѣленіе *Филаретовъ*. Въ число ихъ поступилъ Мицкевичъ. Изъ написанной имъ *Писни Филаретовъ* видно, что они не довольствовались молокомъ и

водою и платонической любовью, а попивали „польскій медъ“ и иностранное вино и „элементы сладости тянули изъ любимыхъ устъ“, видно также, что они преслѣдовали не научныя, а политическія цѣли: поэтъ подсмѣивается надъ классиками и натуралистами и совѣтуетъ веселиться погречески и биться поримски; восхваляя народную пѣсню и братній родъ, въ противоположность чужеземциѣ, онъ восклицаетъ: „сегодня нужна десница, а завтра нужны права“. Изъ другой пѣсни Мицкевича „Тосты“ узнаемъ, что Лучезарные мистически объясняли понятія *свѣта, тепла, магнетизма и электричества*.

Подъ вліяніемъ Филаретовъ Общество Лучезарныхъ перестало быть студентскимъ Обществомъ: въ члены его стали поступать профессора Виленскаго Университета, польскіе помѣщики и чиновники. Враждебная намъ, тайная политическая агитация этого общества не могла оставаться долго незамѣченною правительствомъ. Виленскій генераль-губернаторъ, Римскій—Корсаковъ поручилъ Попечителю Округа, князю Адаму Чарторыскому, произвести слѣдствіе; но, какъ и слѣдовало ожидать, слѣдственная коммиссія ничего подозрительнаго не открыла, между тѣмъ какъ Чарторыскій по-отечески посовѣтовалъ Зану и его товарищамъ добровольно закрыть ихъ Общество, что и было исполнено въ 1822 году. Занъ сжегъ всѣ бумаги и обязалъ всѣхъ клятвою хранить строжайшее молчаніе.

Но политическая демонстрація въ Виленской гимназіи въ маѣ слѣдующаго года дала поводъ къ болѣе строгому слѣдствію. Начальникомъ слѣдственной коммиссіи былъ назначенъ сенаторъ Новосильцовъ, завѣдывавшій въ то время Коммиссіею Народнаго Просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ. Былъ произведенъ обыскъ въ гимназіи и въ университетѣ. У студента Янковскаго были найдены компрометирующія его бумаги, и онъ былъ арестованъ. На допросъ онъ высказалъ все, что зналъ о Филаретахъ, и вслѣдствіе его показаній были арестованы (23 октября 1823 года) Занъ, Чечотъ, Ежовскій, Мицкевичъ и нѣкоторые другіе. Слѣдствіе тянулось шесть мѣсяцевъ, пока Занъ не рѣшился, для освобожденія товарищей, принять всю отвѣтственность на себя, какъ основатель Общества Лучезарныхъ. Его примѣру послѣдовали Чечотъ и Сузинъ¹⁾. Но самопожертвованіе Зана не при-

¹⁾ *Orędownik Naukowy* (Poznań 1842, № 31, str. 2407 —Сравни III. часть *Dziadów* Мицкевича (париж. изд. 1860 г. т. III, стр. 183) и письмо его къ Чечоту изъ Москвы отъ 5-го января 1827 г. (*Pisma VI*, 353).

несло никакой пользы его товарищамъ, и всѣ они были удалены изъ Литвы (1824): Заць и Чечотъ были сосланы въ Оренбургъ, другіе въ Казань, Вятку и т. д.; Мицкевичъ съ Жковскимъ былъ отправленъ сначала въ С.-Петербургъ, а потомъ въ Одессу.

По всей вѣроятности, во время своего заключенія въ Базилианскомъ монастырѣ въ Вильнѣ Заць написалъ трогательное стихотвореніе „Узникъ (*Wizien*)“, напечатанное, какъ рѣдкость, покойнымъ вроцлавскимъ профессоромъ, *Войтхломъ Цыбульскимъ* въ его *Лекціяхъ о польской поэзіи въ первой половинѣ XIX вѣка* ¹⁾. Это стихотвореніе любопытно для характеристики внутренняго состоянія поэта въ это время, а потому мы приведемъ его въ переводѣ:

«Свистить вѣтеръ, смѣшанный съ градомъ; темная полночь — глухая полночь, и не слышно даже духа. Мрачныя стѣны молчатъ, а въ комнаткѣ арестанта синій пламень свѣчи то подымется и запылаетъ, то снова гаснетъ и снова свѣтитъ. Но кого-же, Бога ради, злой духъ гонить въ самую полночь? Звукъ желѣза звенить въ ушахъ, по полу топочетъ нога. — Ахъ, это солдаты! какъ левъ дикій, онъ стережетъ юныхъ арестантовъ, безъ милости и безъ сожалѣнія; сердце у него каменное. Но вотъ по молча данному знаку огромный ключъ поворачивается въ замкѣ, трижды протрещали запоры караула, — вводитъ хитрый, какъ змѣя, блюститель вѣжливости и порядка и обращается къ арестанту съ ласковымъ словомъ: „какъ ваше здоровье, мой милый? Кого вы оплакиваете, юный узникъ? Отца или мать, или родимую катку, или возлюбленную, или свободу?“ Я не оплакиваю ни отца, ни матери, ни родной хатки, ни возлюбленной, ни свободы: я оплакиваю свою недолю. Ты, безпрекословный слуга, можешь-ли облегчить голосъ терпѣнія? Лица, ты тайно кусаешь. Прочь отъ меня, прочь отъ меня!»

Въ Оренбургѣ Заць просидѣлъ подъ арестомъ годъ, а Чечотъ ²⁾ полгода. Получивъ свободу, Заць долженъ былъ снискивать себѣ пропитаніе частными уроками. Между прочимъ онъ училъ дѣтей генерала Наратова; черезъ него онъ познакомился съ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, Перовскимъ, и очень ему понравился; Перовскій, узнавъ, что онъ съ увлеченіемъ занимался естественными науками, причислилъ его къ своей канцеляріи и поручилъ ему объѣхать

¹⁾ *Odczyty o poezji polskiej w pierwszej połowie XIX wieku* str. 124.

²⁾ *Якъ Чечотъ*, извѣстный собиратель народныхъ пѣсень съ береговъ Нѣмана и Двины и даровитый лирическій поэтъ.

весь Оренбургскій край до Киргизскихъ степей для геологическихъ и ботаническихъ изслѣдованій. Зацъ весьма добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученіе, а потому, когда въ 1836 году ожидали прибытія императора Николая въ Казань, Перовскій послѣдовалъ туда съ представленіемъ объ увольненіи Зана изъ Оренбурга; но государь пріѣхалъ въ Казань только въ слѣдующемъ году, и тогда-то, въ слѣдствіе усиленныхъ стараній Перовскаго, Зану было разрѣшено ѣхать изъ Оренбурга, куда онъ пожелаетъ.

Ко времени пребыванія Зана въ Оренбургъ относятся три письма къ нему и Чечоту Мицкевича изъ Москвы. Въ первомъ изъ нихъ, отъ 9 Іюня 1826 г. Мицкевичъ жалуется на долгое молчаніе Зана: „Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались на станціи Понѣменской донинѣ, въ теченіе, не знаю сколькихъ лѣтъ, я получилъ отъ тебя только одно письмецо; потомъ опять наступило нѣсколькомѣсячное молчаніе помимо нашихъ писемъ: это возбуждаетъ въ насъ сильное безпокойство¹⁾. Изъ другаго письма, отъ 5 Января 1827 года, видно, какъ дорожитъ Мицкевичъ дружбою съ Заномъ и Чечотомъ: „Добрый Ѳома неразъ писалъ намъ, а теперь прислалъ намъ много твоихъ писемъ (т. е. Чечота). Я читалъ ихъ съ полнымъ интересомъ, какой можетъ возбуждать *столь давняя дружба, упроченная столькими обстоятельствами и имѣющая быть вѣчною*. Спасибо Ѳомѣ, что не сожигалъ писемъ, по твоему совѣту.... *Вспомни, какимъ былъ Ѳома въ заколдованной замкѣ (въ Базилианскомъ монастырѣ)*. Скажу по правдѣ, что *нѣсколькомѣсячная жизнь Ѳомы больше стоитъ, чѣмъ десять лѣтъ нашей нынѣшней непоколебимости*. Онъ далъ доказательства любви! Я увѣренъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ также поступилъ бы и теперь. Твой нынѣшній стоицизмъ въ сравненіи съ тогдашнимъ его присутствіемъ духа и терпѣливостью имѣетъ столько-же заслуги, сколько жизнь отшельника въ сравненіи съ мужествомъ богатыря. Когда въ прошлую зиму Ѳомѣ въ ужасномъ положеніи удавалось изрѣдка подышать свѣжимъ воздухомъ, когда онъ провозносилъ сердца чувствительныя къ его несчастіямъ, когда онъ искалъ утѣшенія въ разговорахъ съ пріятелями о воронахъ, голубяхъ и мышахъ: я читаю эти подробности почти съ такимъ-же умиленіемъ, съ какимъ ты слушалъ рассказы адъютанта, который былъ при нашемъ славномъ генералѣ.... *Если Ѳома можетъ писать, то пусть пишетъ, писать желаю ему*

¹⁾ L. с. 342—3.

сердечно, но не принуждаю, потому что писать не то же, что шить сапоги на заказ“....¹⁾ Наконецъ въ третьемъ письмѣ, отъ 3 мая 1828 г., читаемъ слѣдующія любопытныя строки: „Очень радъ, что ты любишь читать (можетъ быть, и писать возмѣстъ тебя охота), что ты стараешься усладить долгое свое пребываніе въ тамошнихъ краяхъ. Жаль, что нѣтъ достаточно книгъ, а еще больше жаль, что ты не научился хорошо ни польмецки, ни по англійски.... Постараюсь прислать тебѣ книгъ.... Выѣзжая изъ Петербурга, я поручилъ купить немного, потому что въ то время я былъ не очень богатъ; увѣдомъ, получилъ-ли ты эту посылку... Прилагаю при семъ сто рублей ассигн. половину для тебя, половину для Янка“²⁾....

Вслѣдствіе-ли побужденій со стороны Мицкевича, или просто подъ вліяніемъ вдохновенія Занъ снова принялся за стихи и прозу: намъ извѣстны семь стихотвореній и двѣ статьи прозою, какъ плодъ его литературныхъ занятій въ Оренбургѣ. Онѣ напечатаны въ польскихъ альманахахъ того времени съ подписью *T. Z. или Z.* именно: въ альманахѣ *Znicz*, издававшемся въ Вильнѣ Осипомъ Кржечковскимъ, за 1834 и 1835 годы находимъ пять стихотвореній Зана: *Nigdyż się nie połączym? — Śpiwceł ukraiński. On mnie kochał zszczerze. — Jesień* (все три въ 1834 г.) — *Po smutku radość* и *Jdylla. Co to znaczy* (за 1835 г.); а въ альманахѣ, издававшемся въ Петербургѣ пиаристомъ Адамомъ Станиславомъ Красинскимъ, — *Noworocznik literacki*, за 1838 годъ помѣщены два стихотворенія (*Do...* и *Kwiaty Klosi*) и двѣ статьи прозою (*Dobry człowiek* и *O charakterach*). Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ произведеній Зана.

Изъ стихотворенія *Никогда не соединюсь?* видно, что ни года, ни долгая разлука не могли изгладить изъ сердца поэта воспоминаній объ его возлюбленной (Фели): „къ тебѣ стремится сердце, ты—солнце моихъ чувствъ, за тобою вьржится мысль моя и преслѣдуетъ тебя, какъ тѣнь.—Твой голосъ вѣчно звучитъ мнѣ, твой взоръ ускоряетъ дыханіе; я живу и чувствую только тобою.“ Поэтъ въ отчаяніи мечтаетъ о вѣчномъ соединеніи съ нею—по смерти.

Въ стихотвореніи, названномъ „Украинскою пѣсенкою: *онъ меня искренно любилъ*“ поэтъ говоритъ, что желалъ-бы имѣть орлиныя крылья, чтобы во всякое время летать къ своей милой, которой онъ остался вѣреть, несмотря на отдаленность мѣста жительства и на суровость судьбы.

¹⁾ Ibid. 350, 352--4.

²⁾ Ibid. 364—5, 369.

Стихотвореніе „Осень“ отличается необыкновенною простотою и задумчивостію: Вѣтеръ осенними вѣяніями дуетъ въ дубровы; пожелтѣвшій листъ съ шелестомъ летитъ съ дерева къ землѣ. На полѣ, въ садахъ—пустыни; листьяютъ горы; стихъ и скрылся въ кустарники пѣвецъ природы.— Уже журавли, эти искусные вожди, направляются надъ нашими головами въ полуденный край по вѣтренной дорогѣ.— Бьются бѣлые туманы въ тихой долинѣ; смѣшанный съ ними, сельскій дымъ плыветъ по небу.—Смутная и тихая стоитъ подъ скалою дѣвица, смотритъ на обмершую осень, печально вздыхаетъ.—Утѣшься, печальная дѣвица! вѣдь только дремлетъ обмершая природа, снова она подыметъ.—Съ весною все помолодѣетъ; съ сильною радостью природа снова одѣнетъ брачную одежду“.

Стихотвореніе „По печали радость“ написано подъ вліяніемъ извѣстнаго Мицкевича: „Ciemno wszędzie, głucho wszędzie.—Co to będzie? co to będzie“. Поэтъ отвѣчаетъ, что послѣ ночи настанетъ день, что уже занимается заря, что со временемъ пройдетъ недоля и что по печали настанетъ радость.—Понятно, о чемъ мечтаетъ поэтъ.

Въ *Идилліи* «Что это значитъ»? въ формѣ разговора парня съ дѣвикою изображается сила любви. Это самое большое и едва ли не лучшее изъ извѣстныхъ намъ стихотвореній Зана. Нѣкоторые стихи напоминаютъ Мицкевича. Приведемъ его вполнѣ въ переводѣ: „Дѣвица! скажи, что это значитъ? Съ той минуты, какъ я увидѣлъ тебя, все измѣнилось въ сердцѣ, на землѣ, на небѣ.—Горное эхо поетъ твое имя,—боры, скалы тобою населены; черезъ тебя грубое принимаетъ формы красоты, а красивое дѣлается еще болѣе красивымъ.—Ты все мнѣ наполняешь собою. Куда взглянешь, куда придешь,—я ищу тебя, хотя я всегда съ тобою; тоскую, хотя тебя вижу повсюду.—Приближаешься—начинаю тревожиться; если же увижу твое око, услышу твой голосъ, то прихожу въ забвеніе. Дѣвица! скажи, что это значитъ?—Сестра говоритъ, что это чары; братья говорятъ, что я дурю; мать, что это—Божья кара: ты мнѣ скажи, что это значитъ?—“

Дѣвица. Скажи-же мнѣ, что это значитъ? Съ той минуты, какъ я узнала тебя, все измѣнилось во мнѣ и около меня.—Сяду я за пилыцы, и что-то мнѣ мечтается, вздыхаю и плачу; залаетъ песь, а я уже смотрю въ окошечко, и сердце скачетъ.—Бѣгу на прекрасную долину на берегу веселой рѣчки—что-то меня томить ежеминутно, чего-то я жду, пока вью въ-ночки.—Порхнеть вѣтерокъ между листьями—я вскакиваю, прячусь.—Мое зеркало—тихая вода, посмотрю въ него, и

сердце забьется.— Не знаю, какъ это всегда случается: каждый вънокъ, который я сплету, такъ тебѣ къ лицу, что я должна отдать его тебѣ.— Когда невзначай вспомню твое имя, какой-то пламень жжетъ мнѣ лице. Приближаешься—я терю сознание, удаляешься—я печальна.— Мы повторяемъ одинъ и тѣже пѣсни; такъ твой голосъ подходитъ къ моему! Бѣгу—встрѣчаемся, скрываюсь—ты меня находишь.— Солнце при-
иде, время бѣжить скорѣе, когда тебя увижу; желала-бы нѣтъ тебя всегда при себѣ.— Скажи-же мнѣ, что это значить?—Подруга говорить, что это чары; сестры говорятъ, что я дую; мать, что—это Божья кара: ты мнѣ скажи, что это значить“?

Парень. Съ одинаковымъ горемъ и весельемъ небо посылаетъ къ намъ Ангела: я долженъ быть твоимъ другомъ...

Дѣвица. А я твоею подругою! Боже! пока мы живы, да не измѣнимся!

Парень. Когда-бы нанали разбойники и увезли меня въ плѣнъ въ далекій край, ни по чемъ были бы мнѣ нужда и трудъ; но чужія горы и рѣки, чужое небо, чужіе люди; жить на чужомъ хлѣбѣ, получая плату ниже труда,—безъ родственниковъ, безъ друзей и безъ тебя! Что-бы ты сказала на это?...

Дѣвица. Что бы на это?—въ очахъ у меня темнѣть, краса исчезла съ усть и лица, свѣтъ разсыпался передо мною, умираетъ... умерла дѣвица!

Парень. Ахъ! ты хотѣла-бы моей смерти: перестанемъ, будемъ веселы!—Онъ вздохнулъ, она заплакала—нѣтъ, нѣтъ, ничто насъ не раздѣлитъ!

Пронялъ меня любовною страстью голосъ сельской невинности, я вздохнулъ и заплакалъ... А васъ спрашиваю: что это значить?

Въ маленькомъ стихотвореньи До... (Къ Филъ?) поэтъ воспѣваетъ неустанную сердечную болѣзнь, единственнымъ облегченіемъ въ которой служить ему слезы.

Стихотвореніе „*Цвѣты Клотильды*“ содержанія нраво-учительнаго: науки и добродѣтели и лучшее украшеніе чело-
вѣка, это—цвѣты, краса коихъ вѣчна и неизмѣнна.

Дидактическія статьи Зана прозою „Добрый человекъ“ и „О характерахъ“ имѣютъ только интересъ субъективный: онѣ показываютъ, какія мысли занимали умъ поэта и какъ онъ легко и увлекательно писалъ прозою.

Съ богатыми матеріалами, собранными для изученія Оренбургскаго края, и съ рекомендательными письмами Перовскаго Занъ отправился въ С.-Петербургъ и, благодаря

какъ тѣмъ, такъ и другимъ, онъ получилъ разрѣшеніе поселиться на родинѣ, въ Литвѣ, и за труды его была пожалована ему Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ деревня, куда онъ и отправился на жительство. Здѣсь онъ женился, обзавелся семьею и наконецъ умеръ въ 1855 году.

Проживая въ деревнѣ, онъ напечаталъ въ одномъ альманахѣ за 1844 годъ самое обширное изъ своихъ произведеній — *Кошечку* (Koteczka), повѣсть въ двухъ частяхъ стихами. Къ сожалѣнію, мы не могли достать этого альманаха и знаемъ объ этой повѣсти Зана только по указанію въ польской энциклопедіи.

Еще большаго сожалѣнія заслуживаетъ утрата балладъ Зана—первыхъ балладъ на польскомъ языкѣ.

Всѣ извѣстныя намъ стихотворенія Зана отличаются простотою и легкостію формы, правдивостію и искренностію чувства. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаемъ тѣ-же мысли, образы и выраженія, что и у Мицкевича. Такъ оба поэта вліяли другъ на друга.

Викентій Макушевъ. .

Варшава 10 Октября 1877 г.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ
ХОРВАТОВЪ,
записанныя въ XVI вѣкѣ ¹⁾.

I.

Марко Королевичъ и Андриашъ.

(Kraljević Marko i Andrijaš)

Долго дружны—неразлучны были двое бѣдняковъ;
Всею добычею дѣлились вѣрно, честно, пополамъ,
И опять на новый промыслъ отправлялися вдвоемъ.
Какъ-то разъ и удалось имъ трехъ коней заполучить—
Двухъ коней они тотчасъ же раздѣлили межъ собой.
Третій конь причиною спора сталъ для нихъ при дѣлѣжѣ.
Тутъ впервые разбранились бѣдняки между собой.....
Да признаться надо, братцы, были то не бѣдняки,
А родные братья: старшій—Марко, младшій—Андриашъ.
Витязь Марко вынимаетъ быстро саблю изъ ноженъ
И вонзаетъ въ сердце брату. Пораженный Андриашъ
Брата за руку хватаетъ и чуть слышно говоритъ:
„Умоляю, милый братъ мой, умоляю объ одномъ:
„Не моги изъ сердца вынуть саблю острую свою,

¹⁾ Собрание старинныхъ Хорватскихъ пѣсней издаю Миклошичемъ: Beiträge zur kenntnis der slavischen Volkspoesie. I. Die Volksepik der Kroaten. Wien. 1870.

Последняя пѣснь: „Мать—сестра“ переведена съ текста, изданнаго Кукульевичемъ—Самцкискимъ во второмъ выпускѣ „Pjesnici hrvatski“, Zagreb. 1858.

Историко-литературное обозрѣнiе этихъ памятниковъ читатель найдетъ въ статьѣ г. Пыпина: „Первыя слухи о сербской народной поэзiи“, помѣщенной въ XII книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1876 годъ.

„Не моги, пока два слова, братъ, тебѣ я не скажу...
„Какъ вернешься ты къ родимой нашей матери, мой братъ,
„Такъ смотри—добычей нашей ты ея не обдѣли:
„Часть мою сполна, какъ должно, ты старушкѣ передай:
„Отъ меня вѣдь ей добычи, знаю, больше не видать!
„Если мать—старушка спросить, витязь Марко, у тебя:
„Отчего въ крови вся сабля у тебя, любезный сынъ?—
„Не моги ей молвить правду, не печаль ея мой братъ!
„Ты родимой нашей лучше такъ на это отвѣчай:
„На дорогѣ повстрѣчался мнѣ молоденькій олень,
„И свернуть съ пути—дороги почему-то не хотѣлъ.
„Неуступчивы, упорны оказались оба мы;
„Прямо въ сердце этой саблей я оленя поразилъ.
„Но когда взглянулъ случайно, какъ несчастный издыхалъ,
„Жалко стало мнѣ бѣдняжку, словно брата своего.....
„Попадись не на дорогѣ—и остался бы онъ живъ.
„Если же снова мать старушка спросить: гдѣ-же

Андріашъ?—

„Не моги сказать ей правду—отвѣчай родимой такъ:
„Далеко, въ землѣ нездѣшней, поселился братъ—юнакъ.
„На чужбинѣ онъ влюбился, тамъ красавицу нашель;
„Съ той минуты пересталъ онъ на войну со мной ходить,
„Съ той поры своей добычей не дѣлился онъ со мной.
„Та красавица юнаку притороту поднесла,
„Опоила Андріаша позабывчивымъ виномъ.
„Не дождаться Андріаша, знать, родима, тебѣ!...
„Если-жъ ты случайно встрѣтишь на дорогѣ гайдуковъ,
„Ты отъ нихъ не вдумай, Марко, укрываться и бѣжать;
„Только въ вычный голосъ влихни: „милый братецъ

Андріашъ“!—

„И хоть я на зовъ подобный предъ тобой не появлюсь,
„Но, услышавъ это имя, какъ бывало наждый разъ,
„Всѣ въ минуту разбѣгутся предъ тобою гайдуки.
„И съ любимой дружиной оставайся, милый братъ,
„Неповинно погубившій нынче брата своего“.....

Счастливъ будь съ своей дружиной, нашъ любимый
господарь!
Эта пѣснь поется нами въ славу милости твоей...

II.

РАДОСАВЪ и ВЛАДИСАВЪ.

(Radosav.)

Радосавъ, съ своей дружиной вѣрной,
Выѣзжалъ съ тоской изъ Сиверина.
Часто онъ на городъ озирался,
Говорилъ онъ городу родному:
„Сиверинъ, мой чудный, славный городъ!
„Я тебя надолго оставляю;
„Можетъ быть, тебя я не увижу,
„Можетъ быть, меня ты не увидишь!“
Задержавъ лихихъ коней, дружина
Говорить на это воеводѣ:
„Если ты недобрѣя примѣты
„Увидалъ, нашъ славный воевода,
„Такъ теперь же повернемъ обратно“.
Радосавъ, оставивъ безъ отвѣта
Молодцовъ своихъ, коня прищпорилъ,
И впередъ къ горѣ понесся черной.
И когда онъ вѣхалъ на средину
Той горы со всей своей дружиной,
Приказалъ сойти съ коней, усѣться
Подкрѣпить себя виномъ въ дорогѣ,
Не забывъ разставить всюду стражу.
Вдругъ бѣжить и извѣщаетъ стража,
Что вблизи стоянки показался
Караванъ турецкій на дорогѣ,
Что его къ рукамъ прибрать не трудно.
Радосавъ на это отвѣчаетъ:
„Молодцы, не троньте каравана,
„Только мѣхъ вина себѣ возьмите,
„Да и то его возьмите честию,
„За него какъ должно заплатить!“
Молодцы вина достали честию,

За него какъ должно заплатилъ,
 Стали пить—и вдругъ вторая стража,
 Прибѣжавъ, доносить воеводѣ:
 „Не къ добру ты пьешь вино съ дружиной,
 „Радосавъ, нашъ славный воевода!
 „На тебя Удбинскій воевода
 „Владисавъ идетъ съ своей дружиной.“
 Въ тотъ же мигъ дружина Радосава
 На коней юнацкихъ борзыхъ сѣла,
 Радосавъ лишь безъ коня остался:
 Борзый конь его на лугованѣ
 Забѣжалъ далеко, разыгрался.
 Радосавъ, гоняся понапрасну
 За конемъ своимъ, кричалъ: „Постой же,
 „Борзый конь, постой же ты, проклятый!
 „Чтобъ тебѣ проклятому погибнуть,
 „Какъ и мнѣ изъ-за тебя придется!“
 Радосавъ не могъ коня настигнуть,
 И щитомъ прикрывшись, съ острой саблей:
 И копьемъ пошелъ пѣхтурю,
 А за нимъ Удбинскій воевода
 Владисавъ направился въ погоню.
 На своемъ лихомъ конѣ юнацкомъ
 Налетѣлъ, настигъ онъ Радосава,
 И ударъ копьемъ готовилъ въ спину;
 Радосавъ удачно увернулся,
 И, ударъ копья на щитъ принявши:
 Пересѣкъ его юнацкой саблей.
 И сказалъ Удбинскій воевода:
 Владисавъ юнаку Радосаву:
 „Я тебя испытывалъ: съумѣешь
 „Ты въ бѣдѣ—напасти увернуться,
 „Или нѣтъ? Теперь же, храбрый витязь,
 „Я въ тебѣ увѣрилъся: ты смѣло
 „Можешь быть начальникомъ дружины,
 „Отложи юнацкіе доспѣхи—
 „Мы должны привѣтствовать другъ друга!“
 Радосавъ отбрасываетъ саблю,
 Владисавъ тотчасъ къ нему подходить
 И велитъ связать его; отводитъ
 Молодца къ себѣ, въ свои палаты
 Вкругъ него и дѣвушекъ—невесты
 Собрались, и молодыя вдовы
 Собрались, кричали Радосаву:

„Вотъ и ты попался, восвода!
„Сколькохъ ты несчастными подѣлажь,
„Нарядивши въ черныя одежды!
„Знать судьба такая Владисаву,
„Что тебя, юнакъ, перехитрилъ онъ;
„А не то жёнѣ его ходитъ бы,
„Какъ и мы, въ такомъ же черномъ платьѣ.“
Радосавъ, разсерженный, воскликнулъ:
„Владисавъ, какъ ты не вѣрешь въ словѣ,
„Такъ тебѣ жена твоя!!“... Услышавъ
Тѣ слова, разгнѣвался ужасно
Владисавъ; онъ позвалъ слугъ надежныхъ
И велѣлъ покѣнчить Радосава.

А тебѣ во всемъ желаемъ счастья,
Господарь, здоровья и веселья.

Ш.

МАТЬ - СЕСТРА.

(Majka Margarita.)

Горевала птичка ласточка,
Причитала долго за полночь:
Солнце сѣло ужъ на западъ,
На востокъ мѣсяцъ выглянулъ.
Не была то птичка ласточка,
А родная мать Иванова
И сестра Петрова — старшая,
Маргарита горемычная.
И сына, и братца младшаго
Выкликала она въ горести,
А явилась Вила горная;
Вила горная, красавица.
Поведа съ старухой рѣчь она:
„Что, старушка, такъ печалишься,
„Проливаешь слезы горькія?“

Отвѣчала Вилѣ мать—сестра:

- „У меня двѣ раны на сердцѣ;
„Знать отъ нихъ мнѣ не оправиться;
„Тяжело отъ нихъ сердечушку.
„У меня былъ малый братецъ Петръ,
„У меня былъ милый сынъ Иванъ.
„Я вскормила, горемычная,
„Ихъ обоихъ возрастила я;
„Но заря востока ясная
„Позвала обоихъ юношей;
„И тогда же, горемычная,
„Я обоихъ ихъ отправила.
„Съ той поры ужъ я не вѣдаю,
„Гдѣ они теперь, и живы-ли?
„И недоброю примѣтою
„Я сегодня перепугана:
„Съ окровавленными крыльями
„Черный воронъ вился въ воздухѣ.
„По-надъ бѣлымъ Задромъ—городомъ.
„Начала я, горемычная,
„Умолять его, упрашивать:
„Ты скажи мнѣ правду—истину,
„Птица черная, зловѣщая!
„Я слезами освѣжу тебѣ
„Крылья, летомъ утомленные....
„Не взглянувши, не отвѣтивши,
„Птица черная, зловѣщая
„Понеслась далеко на горы,
„И въ слезахъ меня покинула“....
Вила горная, красавица,
Отвѣчала бѣдной матери:
„Отвѣчай, старушка бѣдная,
„На слова мои по божьему:
„Еслибъ эти двое юношей
„Въ руки Турокъ вразъ попались,
„Ты чего не пожалѣла бы
„Чтобы ихъ изъ плѣна выкупить?“
И старушка Вилѣ молвила:
„Если Турки полонили ихъ,
„Посестрима—Вила добрая,
„Я бы ихъ изъ плѣна вывела:
„Я за брата хоть на казнь пойду,
„А за сына хоть живьемъ сгорю—
„За дитя мое любимое“....
И сказала Вила горная:

„Знай же ты, старушка бѣдная,
„ Не въ плѣну Турецкомъ юноши:
„ Братецъ твой въ иной попался плѣнъ—
„ Полобился онъ Гречаночкѣ;
„ Опоевъ водой забытливой,
„ О тебѣ—сестрѣ—не вспомнить онъ.
„ А какъ съ сыномъ разставалась ты
„ На прощаньи, ты безъ чувствъ была.
„ Лишь пришелъ въ Приморье бурное
„ Бѣдный юноша, какъ встрѣтилась
„ Съ нимъ красавица Приморянка.
„ Изъ волшебныхъ розъ вѣнокъ вила
„ Та красавица Приморянка. . . .
„ Молодые да пригожіе—
„ Засмотрѣлись они взорами,
„ Загорѣлись сердечками,—
„ И красавица вѣнкомъ своимъ
„ Увѣнчала парня милаго.
„ Онъ ужъ больше не покажется
„ На глаза твои, убогая.
„ Плачь, старушка горемычная,
„ Лей въ печали слезы горькія;
„ Никогда ужъ имъ не высохнуть
„ На лицѣ сестры и матери:
„ Не увидишь братца милаго
„ Не дождешься сына милаго.“

М. П—ій.

Очерки изъ новой польской литературы.

I. Разборъ поэмы Мицкевича „Pan Tadeusz“ съ исторической точки зрѣнія

Глава I.

Не смотря на то, что домашняя и общественная жизнь Поляковъ представляла неисчерпаемый источникъ эпическихъ элементовъ, въ литературѣ ихъ до появленія „Папа Тадеуша“ не было однако эпопеи.

Въ политическомъ отношеніи Польша никогда не была государствомъ сильно организованнымъ, жила и стояла она личностями, индивидами. Отсюда—разнообразіе ея исторіи: частые фазисы процвѣтанія и паденія. Темпераментъ Поляка былъ и есть живой, сангвиническій; благородные порывы быстро раздуваютъ въ его груди сильный огонь, но столь же быстро огонь этотъ и потухаетъ. Воодушевленіе дѣлаетъ чудеса, но не въ силахъ создать условий прочнаго существованія. Любовь къ отечеству доставляетъ народу много славныхъ побѣдъ извнѣ, но внутри вкрадываются пагубныя сѣмена раздора, несогласій и кастовыхъ различій. Появляется множество проектовъ политической реформы, а между тѣмъ сейму рѣдко удается спокойно окончить болѣе важную, органическую работу.

Все это, правда, доказываетъ политическое безсиліе народа; но за то даетъ силу отдѣльной личности и производитъ громадное обиліе и разнообразіе эпическихъ характеровъ и происшествій. Государство со строго—опредѣленными законами, съ прочно-установившеюся административною и военною организаціей можетъ быть сильнымъ и грознымъ для сосѣднихъ державъ, но оно же вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, затушевываетъ характеръ, силу и физиономію отдѣльной личности. Постоянныя арміи, напр., представляютъ для непріятеля болѣе опасности, чѣмъ кучка волонтеровъ; тѣмъ не менѣе поэтически гораздо прекраснѣе образъ героя, сражающагося по своей волѣ и на свой собственный манеръ.

Гораздо красивѣе Ахиллъ и Гекторъ, которые съ военнымъ пыломъ наираютъ другъ на друга, а утомившись, отдыхаютъ одинъ возлѣ другаго для того, чтобы черезъ минуту снова начать бой не на животъ, а на смерть, — чѣмъ двѣ перенги, стрѣляющія издали по командѣ одна въ другую).

Польша соединила въ себѣ всѣ условія, необходимыя для того, чтобы создать эпопею, не уступающую по достоинству Илиадѣ и Одиссеѣ. Тѣмъ не менѣе она не создала его въ теченіе цѣлыхъ десяти вѣковъ своего существованія, вплоть до самаго своего паденія.

Янъ Кохановскій, замѣчательный и многосторонній поэтъ имѣлъ намѣреніе создать эпопею; началъ даже писать „Władysława Warneńczyka“, но отъ этого произведенія осталась только весьма незначительный отрывокъ. Самуилъ Твардовскій, третьестепенный поэтъ, описывалъ стихиамп всѣхъ современныхъ войнъ Рѣчи-Посполитой: съ Русью и Швеціею, съ Козаками и Турками; здѣсь можно найти много исторической правды и матеріала, но стихотвореніямъ этимъ недостаетъ *моржественнаго* взгляда на свой предметъ; здѣсь много мѣстъ, свидѣтельствующихъ объ описательномъ искусствѣ автора, есть даже и возвышенныя картины, — но все это не въ силахъ еще замѣнить ни того великаго вдохновенія и поэтической способности, которыми создаются безсмертныя произведенія искусства, ни отсутствія тѣхъ условій, въ которыхъ долженъ находиться народъ для того, чтобы создать подобное произведеніе. Почти тоже самое должно сказать и о „Wojnie Chocińskiej“ Вацлава Потоцкаго, хотя этотъ послѣдній несравненно выше Твардовскаго и владѣетъ лучшимъ, чѣмъ тотъ, и болѣе чистымъ языкомъ и стихомъ; будучи оригинальнымъ по отношенію къ содержанію, онъ однако рабски подражалъ классической формѣ. Онъ, правда, рисуетъ намъ довольно обширную картину народа, заботливо высчитываетъ „каталогъ“ польскихъ грѣховъ, не забываетъ о гетманскихъ рѣчахъ, которыя, какъ напр. рѣчь Ходкевича, не дурно иногда изображаютъ бѣдствія, происходящія отъ войны и нападений »злаго Турчина«; однако во всемъ этомъ авторъ »Хотимской войны« является не столько художникомъ, сколько громающимъ стихотворцемъ: ему недостаетъ простоты, спокойнаго и вдохновеннаго разсказа. Стихъ его прекрасенъ; теченіе стиха, можно сказать, величественное; замѣчается однако извѣстное однообразіе, односторонность: мы видимъ здѣсь лагерь, войско, войну, общественную жизнь, но почти совсѣмъ не находимъ домашнихъ семейныхъ — частныхъ отношеній, столь важныхъ для эпопеи. »Chocińska wojna«

Игнатія Красицкаго совсѣмъ не удалась, а »Stefan Czarniecki« Козьмяна, независимо отъ многихъ достоинствъ, ровно ничѣмъ не отличается отъ поэмъ стараго покроя.

Всѣ эти произведенія могутъ, пожалуй, быть героическими поэмами, можно даже читать ихъ съ удовольствіемъ, но народными назвать ихъ положительно не возможно, что между прочимъ подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ они, хотя и существуютъ въ литературѣ, не живутъ одинаково въ народѣ.¹⁾

Мы не станемъ рѣшать здѣсь вопроса, почему польскій народъ, представляющій въ себѣ столько эпическихъ элементовъ и гордящійся значительнымъ числомъ великихъ поэтовъ, вплоть до самаго паденія своего не произвелъ такой оригинальной поэмы, каковы напр. Илиада и Одиссея; не станемъ потому, что вопросъ этотъ лежитъ внѣ задачи, поставленной себѣ авторомъ настоящаго разсужденія; мы констатируемъ только фактъ, что до появленія „Пана Тадеуша“ у Поляковъ не было произведенія, которое можно было бы назвать поэмою въ полномъ смыслѣ. Авторъ названнаго произведенія, по опредѣленію самихъ же Поляковъ, выше всѣхъ польскихъ поэтовъ, не исключая даже такихъ гениевъ, какъ Словацкій или Красицскій. „Панъ Тадеушъ“ же является высочайшею степенью творчества Мицкевича, самымъ замѣчательнымъ фактомъ въ исторіи польской поэзіи. Въ виду этого историческій разборъ этой поэмы, составляющій задачу предлагаемаго сочиненія, имѣетъ свое „ratio entis“ и, смѣемъ думать, далеко не лишенъ интереса для русскихъ читателей.

Глава II.

Прежде чѣмъ приступить къ подробному разбору „Пана Тадеуша“, считаемъ необходимымъ передать вкратцѣ содержаніе этой поэмы.

Жили на Литвѣ по сосѣдству двѣ семьи: Соплицы, шляхта извѣстная своимъ древнимъ гербомъ и вѣрною службой Рѣчи-Посполитой, и Орѣшки, сильные и гордые магнаты. Яцекъ Соплица, натура живая и страстная, неспособная къ тихому и медленному труду, рано отличился мужествомъ, отвагою и всѣми качествами, свойственными рыцарскому юношѣ. Никто не могъ сравняться съ нимъ ни въ схваткѣ, ни на охотѣ; никто не имѣлъ такого молодцоватаго, дѣльнаго вида, какъ онъ. Неудивительно поэтому, что Яцекъ

¹⁾ Ср. „Rys Dziejów Literatury Polskiej“ A. Zdanowicza. Т. III.

былъ коноводомъ всей окрестной молодежи, да и у старшихъ пользовался большимъ уваженіемъ. Не нуждаясь въ милости пановъ, онъ не только имѣлъ доступъ къ нимъ, но даже считался милѣйшимъ ихъ гостемъ, ибо, незамѣнимый на охотѣ и неисчерпаемый въ разказахъ, сверхъ того готовый всегда выпить и подраться, былъ этотъ панъ-братъ милъ въ обществѣ и могъ быть полезенъ ихъ честолюбивымъ цѣлямъ. Любили его всѣ сосѣди. Добржинъ и четыре застѣвка всегда готовы были поддержать его, подать на сеймикѣ голосъ въ пользу того, на кого онъ укажетъ, и пролить за Яцка всю свою кровь.

Изъ числа многихъ сильныхъ пановъ стольникъ Орѣшко оказывалъ ему особенную дружбу: любилъ его, казалось, какъ брата, или сына; часто за столомъ предлагалъ тостъ за его здоровье и громко заявлялъ, что нѣтъ у него друга милѣе Яцка Соплицы.

Гордому молодому человѣку тѣмъ болѣе по сердцу приходилось радушіе стольника, что онъ сильно полюбилъ дочь послѣдняго, скромную и тихую Еву. Благосклонное, фамиллярное и почти братское обхожденіе Орѣшки ободрило его; и такъ какъ всѣ думали, что стольникъ готовъ душой подѣлиться съ Соплицею, то и этотъ послѣдній не допускалъ мысли, что надежды его обманчивы; при томъ же онъ былъ молодъ, отваженъ и былъ увѣренъ, что

szlachec „urodzony“

Iest zarówno z panami kandydat krony!

Wszakże Tęczyński niegdyś z Królewskiego domu

Zażądał córy a król mu oddał ją bez sromu. *

Но Яцекъ горько ошибся. Хитрый стольникъ, оказывая ему дружбу, притворялся, что ему и въ голову не приходитъ, чтобы тотъ старался получить руку его дочери, его любви къ ней онъ какъ будто и не замѣчалъ, и даже настаивалъ на томъ, чтобы тотъ чаще посѣщалъ его. Яцекъ приходилъ въ отчаяніе. Унизиться передъ паномъ до просьбы ему не хотѣлось: онъ боялся отказа, который былъ бы оскорбителенъ для имени Соплицъ. Поэтому онъ рѣшился покинуть родину и поѣхалъ попрощаться къ стольнику, думая, что послѣдній, растрогавшись, не позволитъ ему увѣзжать и

* „Шляхтичъ по происхожденію наравнѣ съ панамъ можетъ даже претендовать на корону. Вѣдь Тенчинскій посмѣлъ же гнѣвкогда просить руки королевской дочери, и король, ни мало не оскорбившись этимъ, отдалъ ему ее.“

окажется хоть сколько нибудь сострадательнымъ. Ева, слышавъ объ отъѣздѣ Яцка, лишилась чувствъ. Яцокъ, видя это, понявъ, какъ было для нея дорого; впервые въ жизнь свою съ радости и вмѣстѣ съ отчаяннѣмъ онъ залился слезами, залился и чуть не сошелъ съ ума. Онъ уже хотѣлъ было упасть къ ногамъ ея отца, какъ вдругъ узрюмый, холодный, но вѣжливый стольникъ завелъ съ нимъ равнодушнымъ тономъ рѣчь о предполагаемой свадьбѣ Евы: „Panie Sopliso! skazał Orędko, przyjechał do mnie swat kasztelanicza

Ty jesteś mój przyjaciel, cóż ty mówisz na to?

Wiesz Wasze, że mam córkę piękną i bogatą:

A kasztelan witebski—wszakże to w senacie

Nizkie, drążkowe krzesło. Cóż mi radzisz, bracie? *

Отчаяніе Соплицы достигло при этихъ словахъ своего апогея; онъ не сказалъ ни слова, вскочилъ на коня и помчался. Разныя мысли приходили ему въ голову. Онъ могъ бы разрушить замокъ кичливаго пана и увести силою дочь его; но вѣдь она—слабое и нѣжное созданіе—непремѣнно умерла бы отъ непривычки къ грозному звуку оружія. Явно мститъ! Приступомъ разрушить замокъ—стыдно: стали бы говорить, что онъ мститъ стольнику за отказъ. Гордость и надменность подавали другіе совѣты, лучше: перестать бывать въ замкѣ, погасить въ сердцѣ любовь, позабыть Еву, жениться на другой, а потомъ... потомъ найти какой нибудь предлогъ; придратъся къ нему и отомстить за себя.

Обманывая самого себя, Соплица женился на первой подвернувшейся дѣвушкѣ, къ которой не питалъ ни малѣйшаго расположенія. Страдалъ онъ страшно; напрасно старался заняться хозяйствомъ, домашними дѣлами; ни въ чемъ не находилъ онъ уже утѣшенія и съ горя сталъ пить. Несчастливая жена его померла, оставивъ малютку—Тадеуша.

Между тѣмъ Ева была обручена; говорили, что, надѣвая обручальное кольцо, она падала безъ чувствъ, что у нея развилась чахотка, что она постоянно плачетъ; вѣроятно, тайкомъ любить другаго, не жениха. Но стольникъ по прежнему спокойный, веселый задавалъ въ замкѣ пиры и угощалъ друзей; Яцка уже не приглашалъ, потому что тотъ не былъ ему теперь нуженъ: постыдная страсть дѣлала его жалкимъ

* „Соплица! Приѣхалъ ко мнѣ сватъ каштеляничка. Ты мнѣ другъ; что ты на это скажешь? Тебѣ извѣстно, что дочь моя красива и богата. Но вѣдь и витебскій каштелянъ—сенаторъ. Какъ ты мнѣ совѣтуешь?“

въ глазахъ всѣхъ знакомыхъ. Несчастный ѣднлгь вокругъ замка и думать: столярникъ убиваетъ свою дочь; его. Яцка. онъ уже убилъ, и неужели это должно пройти ему безнаказанно. Стоитъ только подумать о мести, а нечистая сила сейчасъ же и оружіе въ руку сунетъ. Во время безпорядковъ въ край Русскіе осадили замокъ Орѣшки, случайно былъ при этомъ и Яцекъ. Злорадно смотрѣлъ онъ на штурмъ, ожидая, скоро-ли загорится и рухнетъ вражескій домъ. Но защита была дѣльная, и столярникъ остался побѣдителемъ. Злость обуяла Соплицу при мысли, что врагу его все удастся. Вдругъ въ это самое время вышелъ на балконъ столярникъ

I brylantową spinką ku słońcu migotał,
I was pokręcał dumnie, i wzrok dumny mictał. *

Яцку казалось, что столярникъ узналъ его, что надъ нимъ-то онъ особенно издѣвался, что это онъ къ нему вытянулъ руку съ угрозой. Соплица схватилъ солдатское ружье и выстрѣлилъ не цѣлясь: столярникъ упалъ за-мертво. Ключникъ Гервазіи, вѣрный слуга Орѣшки, прицѣлился въ Соплицу, котораго отчаяніе словно пригвоздило къ землѣ, дважды выстрѣлить, но дважды не попалъ. О, пуля была бы для него сущюю милостью, но, видно, впереди ожидало его тяжелое покаяніе. Съ тѣхъ поръ позоръ присталъ къ нему, какъ чума: сосѣди сторонились отъ него, прежніе друзья убѣгали; а кто и кланялся ему, старался быть отъ него какъ можно подальше; даже простой хлопъ, или жидъ, поклонившись, пронзалъ его съ боку злостной улыбочкой.

Соплицѣ одарили значительною частью имѣній покойника. Яцекъ сталъ богачемъ, и однакоже онъ покинулъ родину, и долго не было объ немъ никакого извѣстія. Дочь столярника померла въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ крошечную дочку, Зосю, которую Яцекъ, прежде чѣмъ уйти изъ края, поручилъ попеченію своего брата. Между тѣмъ какъ Яцекъ подвергается различнымъ превратностямъ судьбы, братъ его трудолюбіемъ дослуживается чиновъ, а своею рѣдкою честностью снискиваетъ уваженіе всѣхъ сосѣдей. Доблесть побѣждаетъ презрѣніе, которымъ покрытъ Яцекъ имя Соплицъ; брата его дѣлаютъ судьей, что уже служитъ достаточнымъ доказательствомъ высокаго довѣрія къ нему сосѣдей, и живетъ себѣ въ деревнѣ скромно, но съ достаткомъ.

* „Самодовольно покручивая усы и бросая надменные взгляды: и видно было, какъ сверкала отъ солнца его бриллиантовая запонка.“

Въ двухъ тысячахъ шагахъ отъ дома судьи красовался величественный, но опустѣлый замокъ Орѣшковъ. По смерти столчника имѣнія его, разстроенныя правительственными секвестрами, беспорядочною опекою и судебными постановленіями, перешли отчасти къ ближайшимъ родственникамъ покойнаго, отчасти къ заимодавцамъ. Замокъ брать никто не хотѣлъ,

bo w szlacheckim stanie

Trudno byłoby łożyć koszt na utrzymanie. *

Но дальній родственникъ Орѣшковъ „po kadzieli,“ молодой и богатый графъ, побывавшій по свѣту, человекъ съ новымъ вкусомъ, возвратясь изъ-за границы, заявилъ притязаніе на замокъ, который особенно понравился ему своею, какъ казалось молодому графу, готическою архитектурою; но и судья почему-то вдругъ вздумалось быть владѣльцемъ замка. Отсюда споръ:

Zaczęli proces w ziemstwie, potem w głównym sądzie,

W senacie, znowu w ziemstwie i gubernskim rządzie;

Aż po wielu kosztach i ukazach licznych

Sprawa znowu wróciła do sądów granicznych. **

И вотъ въ домъ судьи собирается довольно большое общество на пограничный судъ, который долженъ былъ окончательно порѣшить дѣло о замкѣ.

Вечеромъ, когда всѣ гости пошли въ лѣсъ и въ поле, пріѣхалъ Тадеушъ, сынъ Яцка, двадцатидѣтній красивый молодой человекъ. Онъ еще ребенкомъ отданъ былъ въ школу, а теперь вернулся домой по требованію дяди, который, уступая волѣ своего брата, объявленной ему чрезъ бернардинскаго монаха, Робака, намѣренъ былъ женить Тадеуша и передать въ его руки все хозяйство. Съ дѣтскою радостью глоталъ Тадеушъ воздухъ, которымъ нѣкогда такъ приятно было дышать, бѣгалъ по всему дому, отыскивая комнату, въ которой нѣкогда жилъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ нашель въ ней женское платье, здѣсь, въ домѣ холостаго дяди, сестра котораго проживала, какъ ему было извѣстно, въ Петербургѣ. Вдругъ, въ комнату вбѣжала че-

*) „Нбо шляхтичу трудно было бы заботиться объ его цѣлости“

**) „Началось дѣло въ земствѣ, потомъ въ главномъ судѣ, въ сенатѣ, снова въ земствѣ и въ губернскомъ правленіи; наконецъ послѣ многихъ расходовъ и указовъ дѣло опять перешло въ пограничный судъ.“

резь окно молоденькая, красивенькая дѣвочка въ утреннемъ дезабилье, испугавшись, вскрикнула и убѣжала. Это была Зоя, внучка стольника Орѣшки, дочка Евы.

Возный Протась, душевно преданный Соплицамъ, ловко пользуется уходомъ гостей и выполняетъ планъ, имѣющій большое значеніе на пограничныхъ судахъ: онъ распорядился вынести изъ дома судьи столы съ приборами для ужина и поставить ихъ въ замковыхъ сѣняхъ. Когда судья выразилъ удивленіе по поводу этого передвиженія, возный объяснялъ его тѣсною помѣщеніемъ въ домъ судьи, но видно было, что истинную причину онъ знаетъ лишь про себя.

Гости разошлись, весело болтая между собою; одинъ только Тадеушъ сидѣлъ, какъ бы не свой, горя желаніемъ узнать, кому это оставлено мѣсто воадъ него, и догадываясь, что здѣсь сядетъ, вѣроятно, та красивая дѣвочка. Наконецъ, вошла молодая и пригожая женщина и, шибко обѣжавъ столъ, сѣла рядомъ съ Тадеушемъ. Въ ней онъ мало, правда, находилъ сходства съ тою, которую видѣлъ раньше, но, вскорѣ объяснилъ онъ себѣ это тѣмъ, что волосы той показались ему яснѣе этихъ отъ солнечныхъ лучей, что эта—выше ростомъ потому, что и вообще женщина въ парадѣ выше обыкновеннаго и проч., и съ живымъ увлеченіемъ и юношескимъ замѣшательствомъ сталъ присматриваться къ своей сосѣдкѣ. Она тотчасъ завязала съ нимъ разговоръ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, и равнодушная въ началѣ болтовня перешла вскорѣ въ интимную, фамиллярную. Мужчины говорили съ жаромъ, а двое изъ нихъ—Ассесоръ и Реентъ—ссорились изъ-за гончихъ; затѣмъ всѣ разошлись спать. Тадеушъ заснулъ лишь на разсвѣтѣ.

На слѣдующее утро долженъ былъ рѣшиться споръ о гончихъ: Кусамъ и Соколѣ. Все общество выѣхало въ поле. Въ то самое время, какъ замѣченъ былъ заяцъ, явился и графъ въ сопровожденіи цѣлой свиты лакеевъ. Хотя и такъ было поздно, онъ все таки приостановилъ свою лошадь и сталъ созерцать замокъ, который, позолоченный лучами утренняго солнца, имѣлъ величественный и, что особенно важно, романтическій видъ, т. е. обладалъ такимъ именно качествомъ, котораго было вполне достаточно для того, чтобы заинтересовать романтическую голову графа; при томъ же послѣдній увидѣлъ здѣсь и стараго ключника Орѣшковъ, Гервазія. Это былъ еще сильный и черствый старецъ, свидѣтель славы и упадка дома Орѣшковъ и смерти послѣдняго изъ нихъ—стольника: онъ жилъ лишь мыслью—отмстить за смерть своего господина. Узнавъ, что графъ, которому надобѣлъ процессъ

съ судьбою изъ-за замка, порѣшплъ подчиниться приговору пограничнаго суда, старшій слуга—шляхтичъ показываетъ ему всѣ комнаты и рассказываетъ всю исторію ихъ, прежнюю славу Орѣшковъ и трагическую смерть стольника, погибшаго отъ руки Яцка Соплицы. Графу понравилась эта исторія, напоминающая собою романтическія приключенія въ нѣмецкихъ и англійскихъ замкахъ, и онъ рѣшается отстаивать свои права на замокъ во что бы то ни было. Самыя странныя мысли приходятъ ему въ голову:

Szkoda, że ten Széplica stary'nie ma żony,
 Lab córki pięknej, której ubóstwiałbym wdzięki!
 Kochając i nie mogąc otrzymać jej ręki,
 Nowaby się w powieści zrobiła zamiłóść:
 Tu serce—tam' powinność; tu zemsta—tam miłość!*

Ксендзъ Робакъ, появившійся въ это время въ Соплицовѣ, часто посѣщавшій литовскую шляхту, былъ квестаремъ только съ виду. Разъѣзжая по Литвѣ съ единственною будто бы цѣлью—собирать милостыню для монастыря,—онъ въ сущности былъ эмиссаромъ, ловко пользовавшимся малѣйшею оказіею для возбужденія умовъ и приготовленія ихъ къ приближающимся событіямъ (дѣло происходитъ въ 1811 году). Въ такой именно роли выступаетъ онъ въ корчмѣ Янкеля, который слылъ честнымъ жидомъ и имѣлъ на Литвѣ большія связи. У Янкеля собиралась шляхта изъ нѣсколькихъ застѣнковъ. Бернардинъ успѣваетъ склонить ее къ своимъ тайнымъ цѣлямъ. Между тѣмъ случилось происшествіе съ виду незначительное, но въ своихъ послѣдствіяхъ крайне важное и совершенно парализующее планы Робака: когда гости судьи отправились на медвѣдя, неосторожно вылѣзшаго изъ своей трущобы; Тадеушъ и графъ, стоявшіе вдаль отъ другихъ, увидѣли звѣря, идущаго прямо на нихъ, выстрѣлили оба, но безъ послѣдствій. Опасность была велика; оставалось защищаться рогатиной; но рогатина у нихъ была только одна. Каждый изъ нихъ хотѣлъ имѣть исключительно за собой славу добраго охотника, и потому они стали вырывать другъ у друга рогатину; между тѣмъ медвѣдь былъ уже близко и смерть ихъ была несомнѣнна. Спасъ ихъ отъ нея мѣткій вы-

* „Какъ жалъ, что у этого старца Соплицы нѣтъ жены или красивой дочери, которую я обожалъ бы! При моей любви къ ней и невозможности получить ея руку образовалась бы въ повѣсти новая коллизія: съ одной стороны сердце; съ другой—долгъ; здѣсь мѣсть, тамъ любовь!“

стрѣль, убившій медвѣдя на-повагъ. Выстрѣлъ этотъ сдѣлалъ Рыбикомъ, который, не желая гордиться заслуженною славой, сейчасъ же скрылся. Послѣ охоты—ужинъ; всѣ удивляются изысканности молаха. Нагонелъ, зашла рѣчь о томъ, кому слѣдуетъ дать медвѣжью шкуру. Подкоморій, котораго просили разсудить это дѣло, заявилъ, что изъ всѣхъ охотниковъ наибольшей опасности подвергались Тадеушъ и графъ; но первый, какъ помощникъ и при томъ же хозяинъ дома, долженъ уступить шкуру графу. Послѣднему рѣчь эта показалась несправедливою: надъ его промахомъ; къ тому же вспомнилась ему давняя вражда Сожницъ съ Орѣшками и споръ о замкѣ, въ которомъ судья угощаетъ его, какъ въ своемъ собственномъ домѣ:

Rzekł więc z gorzkim uśmiechem: Mój domek zbyt mały,
Nie ma godnego miejsca na dar tak wspaniały;
Niech lepiej niedzwiedz czeka pośród tych rogaczy¹⁾
Aż mi go sędzia razem z zamkiem oddać raczy*. *

Подкоморій, видя, къ чему это клонится, и желая замѣти неприятный разговоръ, выразилъ похвалу графу за то, что тотъ, не слѣдуя примѣру современной молодежи, даже за столомъ не забываетъ о своихъ дѣлахъ. Но какъ бы наперекоръ мирнымъ стремленіямъ Подкоморія, появился въ сѣняхъ ключникъ Гервазій и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на гостей, съ большимъ шумомъ сталъ заводить старыя, давнымъ-давно испорченные часы покойнаго стольника. Операция эта, сопровождавшаяся страшнымъ скрежетомъ, неприятно поразила всѣхъ присутствующихъ и заглушила умную рѣчь Подкоморія. Послѣдній попытался было замѣтить ключнику, какъ не въ пору исполняетъ онъ свои обязанности; но ключникъ отвѣчалъ на это какою-то дерзостью; а графъ поддерживалъ его. Тогда завязалась ссора, перешедшая въ свалку, въ которой пуценны были въ ходъ стаканы, бутылки, ножи и проч., и кончившаяся тѣмъ, что Подкоморій вызвалъ графа на дуэль, а послѣдній вмѣстѣ съ ключникомъ удалился. Ссора эта, сама по себѣ столь непредвидѣнная и изъ-за та-

* „Домъ мой, произнесъ онъ съ горькой улыбкой, слишкомъ малъ: не найдется въ немъ мѣста на такой величественный подарокъ; пусть ужъ лучше медведь постоитъ среди этихъ трюфелей дольшихъ норъ; пока судья не заблагоразсудитъ отдать его мнѣ вмѣстѣ съ замкомъ.“

¹⁾ Слѣдъ въ возмущеніи (восклицаніи), бытъ употребленъ но стѣнать оленя-на-рогахъ, и дружна охотничьяхъ трюфеляхъ.

нихъ пустяковъ происпедшал, сдѣлала невозможнымъ мирное разрѣшеніе дѣла о замкѣ и сообщила этому дѣлу совершенно иной оборотъ. Гервазій, пользуясь раздраженіемъ графа, сталъ уговаривать его собрать застѣнковую шляхту, испоконъ вѣка ненавидѣвшую Соплицъ, и вмѣстѣ съ нею привести вооруженный набѣздъ на судью, отобрать у него несправедливо захваченный замокъ, равно какъ и ту часть его земель, которая нѣкогда принадлежала стольнику, наконецъ, для покрытія неизбѣжныхъ расходовъ лишить судью его собственнаго имѣнія. Умы застѣнковой шляхты были, какъ намъ уже извѣстно, сильно возбуждены рѣчами Робака; ключнику стоило только обратить этотъ духъ шляхты въ свою пользу. Работа оказалась не трудная тѣмъ болѣе, что большинство „пановъ-братья“ дѣйствительно ненавидѣло Соплицу. Вечеромъ произведено было нападеніе на домъ судьи. Такъ-какъ о вооруженномъ сопротивленіи послѣдняго не могло быть и рѣчи, то шляхта, сдѣлавъ свое, преспокойно расположилась пировать послѣ трудовъ и наѣвшись,—напившись, заснула богатырскимъ сномъ. Между тѣмъ въ деревню явился отрядъ русскихъ солдатъ, и нападающіе проснулись въ колодахъ. Шляхтѣ угрожала серьезная опасность, ибо правительствомъ могло счесть бунтомъ ея вооруженный набѣздъ на судью. Но хитрость Робака спасаетъ ее. По его совѣту судья постарался подпоить солдатъ и ихъ начальника, майора Плута. Послѣдній, охмѣлѣвъ, поцѣловалъ Талимену, за это получилъ пощечину. Несвоевременный выстрѣлъ Тадеуша послужилъ сигналомъ къ бою. Несмотря на дѣльное сопротивление, егеря должны были уступить. Во время битвы Робака своею грудью спасъ графа и Тадеуша отъ неизбѣжной смерти, но самъ, пораженный въ прежнія раны, полученные имъ подъ Лейпцигомъ и Гогенлиндомъ, чувствуетъ приближающуюся кончину. Призвавъ къ себѣ ключника, онъ открываетъ ему и судьѣ свое настоящее имя и рассказываетъ имъ исторію своего преступленія и покаянія.

Гервазій, узнавъ, что Робака—это Яцекъ Соплица, хотѣлъ было исполнить свой обѣтъ мести, но видя, съ какимъ спокойствіемъ монахъ ожидаетъ смерти, и, вспомнивъ, что и стольникъ, умирая, простилъ своего убійцу и что этотъ послѣдній дважды спасъ графа, единственнаго потомка Орѣшковъ, подаль ему руку примиренія.

Шляхта, опасаясь грозящаго ей наказанія, убѣгаетъ за Нѣманъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя появляются въ Соплицовѣ передовые отряды наполеоновской арміи. Мы встрѣчаемъ въ нихъ графа—полковникомъ и Тадеуша—поручикомъ.

Въ виду этого прекращаются всякія ссоры и передрыги. Близость войны и ненадежность судьбы побуждаютъ нашихъ знакомыхъ ускорить окончательное рѣшеніе давно тянущагося процесса: Зою, представительницу Орѣшковъ, обручаютъ съ Тадеушомъ, сыномъ Яцка Соплицы, и такимъ образомъ полагаютъ конецъ распрѣ этихъ двухъ семействъ. Этому благополучному исходу дѣла долго была помѣхой Телимена, увлекшая въ свои сѣти Тадеуша и графа; первый, впрочемъ скоро выпутался изъ нихъ; что же касается до графа, то долго ничего положительнаго нельзя было сказать объ его намѣреніяхъ, такъ какъ его болѣе занимали романическіе планы; но Ташмена, предпочитавшая быть „kobieta piż planeta“, рѣшила покончить со своимъ дѣвичествомъ и отдала руку Реенту. Кончается все пиромъ и попойкой.

Глава III.

Вышеописанное происшествіе положено авторомъ въ основу всей поэмы не только потому, что оно само по себѣ весьма занимательно, но главнымъ образомъ потому, что представляло въ Польшѣ частыя аналогіи, вслѣдствіе чего съ одной стороны могло затронуть много индивидуальныхъ отношеній, а съ другой открывало широкій просторъ интереснымъ и многозначительнымъ эпизодамъ. Преступленіе Яцка Соплицы, которое, какъ мы видѣли выше, составляетъ основаніе и завязку цѣлаго хода поэмы, если и не встрѣчало въ Польшѣ столь много себѣ подобныхъ, чтобы можно было почитать его характеристическимъ знаменіемъ народа, то все таки проистекало изъ извращенія общественныхъ и семейныхъ отношеній, каковое извращеніе поражаетъ всякаго, сколько нибудь свѣдущаго въ исторіи Рѣчи-Посполитой.

Споръ судьбы съ потомкомъ Орѣшковъ изъ-за замка представляется намъ во всѣхъ своихъ частностяхъ не одиночнымъ лишь и случайнымъ, но характеристически—народнымъ: такіе пограничные споры бывали въ Польшѣ очень часто. Что же касается до эпизодовъ, которыми изобилуетъ эта поэма, то всѣ они группируются вокругъ этого происшествія, какъ статуи и архитектурныя украшенія вокругъ замѣчательнаго произведенія зодчества: не отдѣляются отъ него и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне самостоятельны, закончены и цѣльны.

По опредѣленію пѣтики ситуація, въ которой открывается передъ нами эпическое состояніе народа, по самой сущности своей должна состоять изъ противоположности и

коллизій, а такъ какъ высочайшею коллизією бываетъ война, то состояніе народа во время послѣдней является наиболѣе соотвѣтственной, наиболѣе подходящей къ дѣлу ситуацией. И въ самомъ дѣлѣ: война возбуждаетъ рѣшительно весь народъ, который принимаетъ въ ней болѣе или менѣе активное участіе; она взволновываетъ умы, выводя ихъ изъ однообразія обыденной жизни, и оказываетъ значительное вліяніе на всякаго рода дѣйствіе. Военное время, какъ основаніе эпическаго дѣйствія, представляетъ громадное разнообразіе фактовъ и происшествій, въ которыхъ воинственность играетъ, правда, главную роль, но въ которыхъ большое значеніе имѣютъ также и многія другія особенности народной жизни.

Удовлетворяя этому требованію циттики, Мицкевичъ изобразилъ событіе, лежащее въ основѣ его поэмы, на фонѣ наполеоновскихъ войнъ. Сила здѣсь, впрочемъ, не въ самой лишь войнѣ; у поэта была еще и другая задача: онъ долженъ былъ изобразить намъ не одинъ лишь внѣшній, но и внутренній антагонизмъ; онъ долженъ былъ познакомить насъ, такъ сказать, съ сердцемъ народа, съ его темпераментомъ, нравами и обычаями, ибо не далеко было время, въ которое неминуемо должны были затереться многіе слѣды прошлаго. Поэтомъ Мицкевичъ указалъ на войну, какъ на главную ось описываемыхъ имъ происшествій; существенною же задачею его было: представить образъ коллизій, существовавшихъ въ народѣ, и изобразить тѣ строки жизни послѣдняго, которыя, противорѣча одна другой, производили несогласія, раздоры и чрезвычайную вольницу, что и было причиною упадка Польши, между тѣмъ какъ, разумно направленное, могло стать источникомъ ея возрожденія. Опредѣляя ближе основную мысль поэмы, мы должны замѣтить, что такъ какъ дѣйствіе ея происходитъ на Литвѣ, далѣе, такъ какъ всѣ выведенныя въ ней лица—Литовцы, то и она, эта мысль, заключается въ желаніи автора изобразить ополченную Литву со всѣми частными и общественными польскими порядками въ послѣдней. Насколько желаніе это исполнено поэтомъ, увидимъ ниже.

Какъ бы нѣкоторые польскіе историки литературы ни негодовали на Мицкевича за его излишнюю привязанность къ „литовщинѣ“, а другіе опять какъ бы ни старались оправдать его въ этомъ, все же слова, которыми начинается поэма: „Litwo, ojczyzna moja!“, являются фактомъ неопровержимымъ и многозначительнымъ. Изъ нихъ ясно, что Мицкевичъ подъ отечествомъ разумѣлъ не Польшу, а Литву. Они же доказываютъ, что поэтъ и въ этомъ произведеніи

не сумѣлъ сдѣлаться вполне обстоятельнымъ, что и здѣсь онъ не могъ совершенно отрѣшиться отъ своей личности. И действительно, во многихъ мѣстахъ поэмы поэтъ то говоритъ о себѣ, о своей семьѣ, о друзьяхъ своей юности, то изливаетъ свою тоску по родинѣ, то скорбитъ о судьбѣ эмигрантовъ или же старается поселить въ нихъ надежду на лучшую долю.

Такъ, въ первыхъ же 13-ти стихахъ „Пана Тадеуша“ поэтъ изливаетъ свою тоску по родинѣ, описываетъ свое чудесное избавленіе отъ смерти, когда онъ былъ еще ребенкомъ, и выражаетъ надежду на то, что само небо облегчитъ эмигрантамъ возвращеніе въ отчизну:

Litwo, ojczyzna moja! Ty jesteś jak zdrowie;
Nie cię trzeba cenić, ten tylko się dowie
Kto cię stracił. Dziś piękność twą w całej ozdobie
Widzę i opisuję, bo tęsknię po tobie.

Panno święta, co jasnej bronisz Częstochowy
I w Ostrej świecisz Bramie! Ty, co gród zamkowy
Nowogródzki ochraniasz z jego wiernym ludem!
Jak mnie dziecko do zdrowia powróciłaś cudem,
(Gdy od płaczącej matki pod Twoją opiekę
Ofiarowany, martwą podniosłem powiekę;
I zaraz mogłem pieszo, do Twych świątyń progu
Iść za wrócone życie podziękować Bogu)
Tak nas powróciłaś cudem na ojczyzny łono! *)

Слѣдующіе стихи въ началѣ II-й книги изображаютъ жалобу поэта на печальную долю эмиграціи и его глубокую привязанность къ мирнымъ занятіямъ его соотечественниковъ:

*) „Литва, моя отчизна! Ты—словно здоровье: сколько слѣдуетъ цѣнить тебя, узнаешь лишь тотъ, кто лишился тебя! Нынче вижу и описываю тебя во всей твоей красѣ, ибо грущу по тебѣ. Св. Дѣва, которая защищаешь Ченстоховъ и свѣтишь въ Острой Брамѣ! Ты, которая охраняешь новогрудскій замокъ и вѣрный людъ его! Подобно тому, какъ мнѣ возвратила Ты чудомъ здоровье (когда, приведенный матерью къ Твоимъ стопамъ, я раскрылъ обмершія было уже вѣки и тотчасъ же получилъ возможность самъ прійти пѣшкомъ въ Твою святиню—поблагодарить Господа), такъ точно и насъ возвратишь Ты въ отчизну“⁽¹⁾).

¹⁾ Считаемо необходимымъ замѣтить, что мы пользовались варшавскимъ изданіемъ сочиненій Мицкевича: 1858 г. Мерцбахъ.

*

Kiedyż nam Pan Bóg wrócić z wędrówki dozwoli,
I znowu dom zamieszkać na ojczystej roli,
I służyć w jeździe, która wojuje szaraki,
Albo w piechocie, która nosi broń na ptaki;
Nie znać innych prócz kosy i sierpa grynztunków
I innych gazet oprócz domowych rachunków! *

Стихи эти, по нашему мнѣнію, весьма многозначительны: они показываютъ, что авторъ ихъ, трезво глядя на вещи, порицалъ заграничную дѣятельность польскихъ эмигрантовъ и былъ того убѣжденъ, что отечество ихъ гораздо больше выиграетъ, если они вмѣсто оружія возьмутся за серпъ и косу, а вмѣсто газетъ займутся домашними счетами! Мысль, которую польская эмиграція стала понимать лишь съ очень недавняго времени!

Наконецъ тоска по родинѣ и вмѣстѣ горячая любовь къ ней поэта выражается въ воззваніи къ литовскимъ лѣсамъ, которымъ начинается IV книга поэмь:

.
Drzewa moje ojczyste! Jeśli niebo zdarzy
Bum wrócił was oglądać przyjaciele starzy,
Czyli was znajdę jeszcze? Czy dotąd żyjecie?
Wy, koło których niegdyś pełzałem jak dziecie! **)

Послѣдній изъ приведенныхъ стиховъ показываетъ, съ какою любовью авторъ обращается къ воспоминаніямъ давно—минувшихъ дней, къ той порѣ жизни, когда умъ не знаетъ еще никакихъ сомнѣній, а сердце не испытываетъ никакихъ тревоженій. Таковы между прочимъ начальныя стихи II-й книги:

Kto z nas tych lat nie pomni, gdy młode pachole,
Ze strzelbą na ramieniu świszcząc szedł na pole. ***)

*) „Когда же Господь дозволить намъ вернуться изъ нашего странствованія и поселиться на родной землѣ; служить въ кавалеріи, воюющей только съ зайцами, или въ пѣхотѣ, носящей ружье только на птицъ, не зная иного оружія, кромѣ серпа и косы, и иныхъ газетъ, кромѣ домашнихъ счетовъ.“

**) „Отечественныя деревья мои! Если небо дозволить мнѣ снова увидѣть васъ, старше мои друзья, найду-ли васъ еще? Живете-ли дониндѣ, вы, около которыхъ ползалъ я нѣкогда, какъ дитя!“

***) „Кто изъ насъ не помнитъ тѣхъ лѣтъ, когда юношей идешь, свистя себя, въ поле, съ ружьемъ на плечахъ!“

Тяковы и стихи на 143 стр. составляющіе продолженіе упомянутого нами уже выше начала IV-ой книги:

Ja ileż wam winienem, o domowe drzewa!
Błahy strzelec uchodząc szyderstw towarzyszy,
Za chybioną zwierzynę, ileż w warzej ciszy,
Upolowałem dumań, gdy w dzikim ostępie
Zapomniawszy o łowach usiadłem na kępie. *)

Съ воспоминаніями о дѣтствѣ и юности тѣсно вяжутся семейныя воспоминанія, а также память о друзьяхъ юности. И то, и другое находимъ мы въ „Панѣ Тадеушѣ.“ Такъ, въ I-й книгѣ (въ томъ мѣстѣ, гдѣ передается содержаніе упомянутой книжки вознаго) упоминается о процессѣ Мицкевича съ Малевскимъ; во II-й—поэтъ хвастаетъ своимъ княжескимъ происхожденіемъ (стр. 158):

„Poraj, krzyknął Mickiewicz, z mitrą w polu złotem
Herb książęcy, Strykowski gęsto pisze o tem. **

Въ преніяхъ добжинской шляхты (кн. VII, стр. 13) принимаютъ участіе также и трое Мицкевичей. Въ VII-ой книгѣ (на 28-й стр.) упоминаются Занъ и трое Четотовъ (какъ извѣстно, университетскіе товарищи поэта), которые спасаютъ Мицкевича, вооружившаго противъ себя шляхту добжинскаго застѣнка. Наконецъ, въ IX-й кн. на помощь той же шляхтѣ въ битвѣ ея съ егерями являются въ числѣ другихъ сосѣдей и Мицкевичъ съ Заномъ (стр. 85).

Глава IV.

Коль скоро поэтъ останавливается на дорогахъ ему воспоминаніяхъ съ такою любовью, что не пропускаетъ малѣйшаго случая упомянуть объ нихъ, хотя бы только вскользь, то естественно ожидать, что картины своей родины изобразить онъ мастерски, если только онъ надѣленъ поэтическимъ талантомъ въ такой мѣрѣ, какъ авторъ разбираемой

*) Сколько обязанъ я вамъ, мои родимыя деревья! Плохой стрѣлокъ, избѣгая насмѣшекъ своихъ сотоварищей за промахи на охотѣ, сколько продумалъ я думшекъ подъ вашею сѣнью, когда, позабывъ объ охотѣ, сидѣлъ я бывало гдѣ нибудь въ глуши на бугрѣ!“

**) „Poraj, krzyknął Mickiewicz, z mitrą w polu złotem, гербъ княжескій: Сtryковский не мало пишетъ объ немъ.“

нами поэмы. И, въ самомъ дѣлѣ, картины литовской природы принадлежатъ къ лучшимъ мѣстамъ этой поэмы Мицкевича, по мнѣнію котораго нѣтъ въ мирѣ страны живописнѣе Литвы. Всѣ онѣ дышатъ глубокою любовью поэта къ родинѣ и обнаруживаютъ въ немъ высокую поэтическую восторженность.

Вотъ, напр., какъ изображаетъ польскій поэтъ восходъ солнца (кн. II-я, стр. 59):

Nad Soplicowem słońce weszło, i już padło
Na strzechy i przez szpary w stodołę się wkradło;
I po ciemnozielonem, świeżem, wonnem sianie,
I którego młodzież sobie zrobiła posłanie,
Rozpływały się złote migające pręgi
Z otworu czarnej strzechy, jak z warkocza wstęgi,
I słońce usta sennych promykiem poranka
Drażni, jak dziewcze kłosem budzące kochanka. *

А вотъ—закатъ солнца (кн. I, стр. 12):

Słońce ostatnich kresów nieba dochodziło,
Mniej silnie, ale szerzej niż we dnie świeciło,
Całe zaczerwienione, jak zdrowe oblicze
Gospodarza, gdy prace skończywszy rolnicze
Na spoczynek powraca: już krąg promienisty
Spuszcza się na wierzch boru, i już promyk mglisty,
Napełniając wierzchołki i gałęzie drzewa,
Cały las wiąże w jedno i jakoby zlewa;
I bór czernił się naksztalt ogromnego gmachu,
Słońce nad nim czerwone, jak pożar na dachu;
Wtem zapadło do głębi; jeszcze przez konary
Błysnęło, jako świeca przez okienne szpary
I zgaśło. **

*) „Въ Соплицовѣ солнце уже взошло, пало уже на кровли домовъ и севозъ щели прокралось въ житницу; и золотомъ сверкающія полосы, какъ ленты въ косѣ, падали севозъ отверстіе въ черной кровлѣ на темно-зеленое, свѣжее и пахучее сѣно, изъ котораго молодежь сдѣлала себѣ постель; утреннимъ лучемъ щекочетъ солнце спящихъ, какъ дѣвица, которая соломенкою будить своего возлюбленнаго“.

**), „Солнце достигало уже послѣднихъ предѣловъ неба и свѣтило слабѣе, но шире, чѣмъ днемъ; оно—красно, какъ здоровый цвѣтъ лица земледѣльца.“

Въ книгѣ VIII-ой (стр. 32—4) находимъ описаніе сельскаго вечера, изъ котораго приводимъ отрывокъ:

..... niebo zdawało się zniżać
Ścieśniać i wraz bardziej ku ziemi przybliżać,
Aż oboje skrywszy się pod zasłonę ciemną
Jak kochankowie wszczęli rozmowę tajemną
Tłómacząc twe uczucia w westchnieniach tłumionych,
Szeptach, szmerach i słowach na wpróż wymówionych
S których składa się dziwna muzyka wieczora *).

За симъ слѣдуетъ поэтическое описаніе вечерняго концерта, задаваемаго мошками, комарами, жуками, птицами и лягушками.

Въ той же книгѣ (стр. 60—2) встрѣчаемъ прекрасное изображеніе двухъ прудовъ, которое вмѣстѣ съ описаніемъ литовскихъ пущъ представляетъ прекраснѣйшія картины пера Мицкевича.

Dwa stawy pochyliły ku sobie obliska
Jako para kochanków, prawy staw miał wody
Gładkie i czyste jako dziewicze jagody.
Lewy ciemniejszy nieco, jako twarz młodziana
Smagława i już męskim ruchem osypana.
Prawy złocistym piaskiem połyskał się wokolo
Jak gdyby włosem jaszczym, a lewego oszoło
Najeżone łozami, wierzbami szubate
Oba stawy ubrane w zieloności szatę**)

который, окончивъ свои полевныя занятія, возвращается домой отдыхать: уже лучистый кругъ опускается на верхушку лѣса и туманный лучъ, расширяясь по вышкамъ и вѣтвямъ деревьевъ, какъ будто связываетъ въ одно цѣлое весь лѣсъ; лѣсъ чернѣетъ, какъ громадное зданіе, а надъ нимъ багровое солнце, словно пожаръ на кровлѣ; и вдругъ оно пало куда-то въ глубь; еще разъ блеснуло сквозь вѣтви, какъ свѣча сквозъ оконныя щели и—погасло.“

*) Небо какъ будто понижалось, служивалось и все болѣе приближалось къ землѣ; наконецъ и та и другая, срывшись подъ темною завѣскою, какъ любовники завели тихій разговоръ, выражая свои чувства въ подавляемыхъ взглядахъ, шепотѣ, неслыхъ и полу-прозрачнымихъ словахъ, изъ чего составляется чудесная вечерняя музика.“

**) „Два пруда наклонились другъ къ другу, какъ любовная пара; вода

Вотъ описаніе литовскихъ пущъ, сдѣланное въ высшей степени художественно и помѣщающееся на четырехъ страницахъ; приводимъ небольшой отрывокъ (кн. IV, стр. 164):

..... gdybys przeszedł bory i podszyte knieje.
Trafisz w głębi na wielki wał pniów, kłód, korzeni.
Obronny trzesawicą, tysiącem strumieni
I siecią zielsk zarosłych i kopcami mrowisk,
Gniazdami os, szerszeniów, kłębami węzowisk,
Gdybys i te zapory zmógł nadludzkiem męztwem
Dalej spotkać się z większem masz niebezpieczeństwem;
Dalej cò krok czyhają, niby wilcze doły,
Małe jeziorka, trawą zarosłe na poły,
Tak głębokie, że ludzie dna ich nie dosłędzą;
(Wielkie jest podobieństwo, że djabły tam siedzą)
Woda tych studni skłni się, plamista rdzą krwawą,
A z wnętrza ciągle dymi zionąc woń plugawą,
Od której drzewa w koło tracą liść i korę;
Łyse, skarłowaciałe, robaczliwe, chore,
Pochyliwszy konary mechcem kołtunowate
I pnie garbiąc brzydkimi grzybami brodate,
Siedzą wokoło wody, jak czarownice kupa
Grzejąca się nad kotłem, w którym warzą trupa.
Za temi jeziorkami już nie tylko krokiem;
Ale daremnie nawet zapuszczać się okiem
Bo tam już wszystko mglistym zakryto obłokiem и т. д. *).

праваго пруда была чистая и гладкая, какъ дѣвичьи ланиты; лѣвнй прудъ—потемнѣе, какъ лицо юноши, смуглое и осипанное пушкомъ; правый сверкалъ вокругъ золотистымъ пескомъ, словно свѣтлыми волосами; а лѣвнй окруженъ былъ дозою и вербой; оба одѣты въ платье изъ зелени.“

* „Пройдя глѣбъ и глухія дебри, наткнешься на громадный валъ пней, колоды, корневиць, охраняемый болотомъ, тысячею ручейковъ, сѣтью заросшей травы, муравьиными кучами, гнѣздами осъ, шершеней, логовищами змѣй; а если бы тебѣ при нечеловѣческомъ мужествѣ удалось преодолѣть и эти препятствія, то дальше встрѣтишь еще большую опасность. Далѣе, на каждомъ шагѣ, какъ волчьи ямы, маленькія озерка, полузаросшія травой и такія глубокія, что дна имъ нѣтъ. (Большая вѣроятность, что тамъ водятся черти). Вода въ этихъ колодцахъ блеститъ кровавой ржавчиной; а оттуда постоянно идетъ паръ, распространяя отвратительную вонь, отъ которой сосѣднія деревья лишаются листьевъ и корни. Кругомъ этой воды, какъ колдуны, грядущія возлѣ котла, въ кото-

Въ заключеніе этой главы позволимъ себѣ выписать еще отрывокъ изъ описанія бури, мастерское изображеніе которой считается лучшимъ описаніемъ, какое только можно встрѣтить во всей польской поэзіи. Изобразивъ состояніе атмосферы до бури и признаки, по которымъ можно судить о ея приближеніи, поэтъ заканчиваетъ свое длинное описаніе такимъ образомъ (кн. X, стр. 119):

A już deszcz wciąż pluszczy,
Jak s sita w gęstych kroplach; wtem rykły pioruny.
Krople zlały się razem; to jak proste struny,
Długim warkoczem wiążą niebiosa do ziemi.
To jak z wiader buchają warstwami całemi,
Już zakryły się całkiem niebiosa i ziemia,
Noc je z burzą od nocy czarniejszą zaciemnia.
Czasem widnokrąg pęka od końca do końca,
J anioł burzy nakształł niezmiernego słońca,
Rosławieci twarz, i znowu okryty całunem
Uciekł w niebo i drzwi chmur zatrzasnął piorunem.
Znowu wznaga się burzą, ulewa nawałna,
I ciemność gruba, gęsta, prawie dotykalna.
Znowu deszcz ciszej szumi, grom na chwilę uśnie;
Znowu wzbudzi się, ryknie, i znów wodą chluśnie.
Aż się uspokoiło wszystko; tylko drzewa
Szumią około domu i szemrze ulewa. *

Существеннѣйшее достоинство всѣхъ этихъ картинъ природы заключается въ ихъ правдѣ; всѣ онѣ до такой степени реальны и такъ пластичны, что при чтеніи ихъ тотчасъ же въ головѣ возникаютъ и самыя оригиналы ихъ.

ромъ варится мертвецъ, найдешь деревья лысыя, приземистыя, червивыя, болыны съ повисшими вѣтвями, которыя покрыты мхомъ, какъ колуномъ, и съ горбатыми пнями, на которыхъ растутъ отвратительные грибы. Далѣе, за этими очерками не только ногой и глазомъ запускаться напрасно, ибо тамъ все уже покрыто туманомъ и пр...“

* „А дождь въ густыхъ кашляхъ льетъ, какъ севозъ рѣшето, вдругъ загремѣло; всѣ капли слились вѣсть; то, какъ натанутыя струны, длинной косой соединяють они небо съ землею; то, какъ изъ ведра, бушуютъ цѣлыми потокомъ; небо и земля уже закрылись совѣтъ; ихъ затемняетъ ночь и буря, темнѣе самой ночи. Небосклонъ по временамъ допается съ одного конца до

Глава V.

Столь же художественно изображаетъ поэтъ въ „Панѣ Тадеушѣ“ и всю внѣшнюю обстановку литовской шляхты.

Сообразно съ установившимся издавна въ Польшѣ подраздѣленіемъ всего шляхетскаго сословія на „мелкую“ или бѣдную шляхту, среднюю или зажиточную, и панскую или магнатовъ, Мицкевичъ даетъ намъ въ своей поэмѣ характеристическое описаніе трехъ видовъ жилищъ ея: застѣнка, шляхетскаго дома и замка.

Застѣнкою называлась деревня, населенная исключительно шляхтой. Нѣкогда такіе застѣнки бывали весьма многочисленны и ими-то по преимуществу пополнялся контингентъ „*pospolitego ruszenia*“. Въ мирное время застѣнковая шляхта предпочитала состоять на службѣ у богатыхъ пановъ, исполняя обязанности экономовъ, конюшихъ, крайчихъ и даже лавеевъ (*rajuków*), чѣмъ сидѣть дома и, не заискивая въ панахъ, воздѣлывать землю. Независимо отъ пресловутаго „равенства“, фактическую сущность котораго мы будемъ имѣть случай выказать позже, шляхта не только не брезгала такого рода службою, но даже сама на нее напрашивалась, стараясь всѣми силами найти ее, для чего родители зачастую отдавали своихъ дѣтей въ молодые годы на панскіе дворы: сыновей—въ услужіе къ пану, дочерей—въ дѣвичью цѣли. Такой порядокъ дѣлъ существовалъ у застѣнковой шляхты до потери Польшею ея политической независимости. Съ этого времени магнаты перестали уже нуждаться въ „панахъ-братьяхъ“, ибо обычный въ прежней Польшѣ способъ рѣшенія политическихъ дѣлъ буйствомъ и дракою, въ которыхъ побѣждаетъ, конечно, тотъ, на чьей сторонѣ была большая физическая сила, оказывался уже неумѣстнымъ со введеніемъ въ бышую Рѣчь-Посполитую строго организованной государственной системы. Шляхтѣ пришлось взяться за соху и отказаться отъ всякихъ расчетовъ на панскую помощь. Но гораздо легче было прійти къ сознанию о необходимости собственнымъ трудомъ

другаго, и ангелъ бури, словно громадное солнце, озарить ликъ свой и снова окутавшись покровомъ, убраться въ небо и двори тучъ захлопаетъ трескомъ грома. Буря опять усиливается, страшнѣйшій ливень и густой, почти ошущаемый мразъ. Дождь снова тише шумитъ; громъ на мгновеніе заснетъ, снова проснется, зареветъ и снова ринется вода. Наконецъ, все успокоилось; только деревья шелестятъ возлѣ дома и ливень шумитъ.“

пролагать себѣ путь, чѣмъ рѣшиться на этотъ, далеко не легкій „хлопскій“ трудъ.

Впрочемъ, и здѣсь, за сохой безшабашный шляхтичъ долго еще не могъ забыть прежней славы своего „Клепота“ и чтобы отличиться отъ „сшапа“ не переставалъ одѣваться по-шляхетски, наряжаясь въ праздничные дни даже въ козтушъ; подобнымъ же образомъ и „шляхцянки“ ходили не иначе какъ въ башмакахъ, а жали или пололи въ перчаткахъ (кн. VI, стр. 258—9).

Такого-то рода шляхту, извѣстную подъ именемъ застѣнковой, изобразилъ Мицкевичъ въ 6-й, 7-й, 8-й и 9-й книгахъ своей поэмы. Изображеніе это, какъ уже замѣчено выше, весьма характеристично. Въ шляхтѣ добрыинскаго застѣнника мы видимъ ту же неохоту къ земледѣльческому труду, ту же готовность ко всякаго рода буйствамъ, ту же самую, наконецъ, страсть къ ѣдѣ и питью (особенно къ послѣднему), какими польская шляхта отличалась за все время самобытности своего отечества. Ко всему этому присоедините низкій уровень умственного состоянія, просто даже тупость, сдѣлавшую еѣ неспособною постигать то, что непосредственно не относилось къ пьянству и грабежу,—и вы получите образъ застѣнковой шляхты, которая и теперь еще, ссылая подъ именемъ „мелкой“ (drobnej), представляетъ печальнѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ явленіе польской жизни.

Въ подтвержденіе того, что представленная нами характеристика застѣнковой шляхты далеко не произвольна, а составлена по Мицкевичу, надо было бы привести болѣе тысячи стиховъ изъ его поэмы; отсылаемъ, повѣтому, мнительныхъ къ 6-й, 7-й, 8-й и 9-й книгамъ „Шана Тадеуша“, а здѣсь позволимъ себѣ привести только рѣчь жида Янкеля, которому онъ увѣщевалъ шляхту не дѣлать сумасбродствъ, не поступать, какъ дурачье, очертя голову (кн. VIII, стр. 19—21):

Nu, panowie, Dobrzyńscy, ja sobie żydzisko;
Mnie sędzia ni brat, ni swat; szanuję Sopliców
Iak panów bardzo dobrych i moich dziedziców;
Szanuję też Dobrzyńskich Bartków i Maciejów,
Iako dobrych sąsiadów, panów dobrodziejów;
A mówię tak: jeżeli państwo chcą gwałt zrobić
Sędziemu, to bardzo źle, możecie się pobić,
Zabić—a asessory, a sprawnik, a turma?
Bo w wiosce u Soplicy żołnierzy jest hurma,

Wszystko jegry! Assessor w domu; tylko świąnie,
Tak wraz przymaszerają, stoją jak umyślnie.
A co będzie? A jeśli czekacie Francuza,
To Francuz jest daleko jeszcze, droga duża.
Słysząc że Francuz stoi nad rzeką Łososną,
A wojna jeśli będzie, to chyba aż wiosną
Nu, mówię tak, czekajcie; wszak dwór Soplicowa
Nie budka kramna, co się rozbierze, w woz schowa
I pojedzie: dwór jak stał, do wiosny stać będzie;
A pan sędzia to nie jest żydek na arzędzie,
Nie uciecze, to jego można znaleźć wiosną;
A teraz rozejdźcie się, a nie gadać głośno
O tem, co było, bo to gadać, to daremno!
A czyja łaska panów szlachty, proszę ze mną.
Moja Siora powiła małego Iankielka,
Ia dziś traktuję wszystkich, a muzyka wielka!
Każę przynieść kozicę, basetłę, dwie skrzypice;
A pan Maciek dobrodziej lubi stary lipiec
I nowego mazurka, mam nowe mazurki.
A wuczyłem śpiewać fein moje bachurki! *)

*) „Ну, господа Добржинские, я себя—жидокъ; мнѣ судья ни братъ, ни свать; я уважаю Соплицъ за то, что они добрые господа и мои пощѣники; я уважаю также и Добржинскихъ—Бартковъ и Матефевъ—за то, что они хорошие сосѣди; и вотъ я такъ разсуждаю: если вы хотите сдѣлать судью „гвалтъ“, то—это очень нехорошо, вы, пожалуй, подеретесь, убьете кого, а что тогда ассессоръ, исправникъ, а тюрьма? У Соплицы въ деревнѣ солдатъ—пропастъ, и все—егера. Ассессоръ дома; ему стоитъ только свистнуть—и сейчасъ они примаршируютъ, стоятъ, какъ нарочно! А что изъ этого будетъ? А если вы ждете француза, то французъ еще далеко,—путь великъ. Слышно, французъ стоитъ возлѣ р. Лососны; а войнѣ если и быть, такъ развѣ весной. Ну, такъ я говорю: ждите; вѣдь деревня Соплица—не жидовская лавчонка, которую можно разобратить, уложить въ телегу и поѣхать: деревня, какъ стоитъ теперь, такъ и до весны стоять будетъ. А судья—не жидъ-арендаторъ, не убѣжить; можно найтти и весной. А теперь, разойдитесь и не толкуйте громко о томъ, что было, ибо это ни къ чему не поведетъ! А кто изъ пановъ шляхты согласенъ—милости просимъ ко мнѣ. Моя Сура родила маленькаго Инкелька, поэтому я сегодня всѣхъ угощаю и задаю большую музыку. Ведаю принести дудочку, басетлю ¹⁾ и двѣ скрипки; а панъ Машекъ любитъ старый медъ и новую мазурку, у меня есть новыя; а мои бахурки поютъ ихъ fein!“ [1] Басетля—родъ виолончели].

Какъ просты и вмѣстѣ какъ разумны резоны Янголя! И однакоже—характеристическая черта—они не убѣдили шляхты; разъ только было поколебалась послѣдняя въ своемъ предпріятіи, да и то стимуломъ этой кратковременной нерѣшительности было неуразумѣніе всей глупости своихъ затѣй, а необыкновенно милая для шляхетской глотки перспектива наѣсть и напиться хотя бы даже на жидовскихъ родинахъ.

Эта страсть шляхты къ ѣдѣ и попойкѣ необыкновенно удачно изображена въ томъ мѣстѣ поэмы, гдѣ говорится, какъ эти воители, отыскивая врага, попали въ кухню (кн. VIII, стр. 66—1):

..... gdy do kuchni weszli, widok garków
Ogień ledwie zagasły, potraw zapach świeży,
Chrupanie pełów, gryzących ostatki wieszery,
Chwyta wszystkich za serca, myśl wszystkich odmienia,
Studzi gniewy, zapala potrzebę jedzenia.
Marszem i całodziennym strudzeni sejmikiem,
„Jeść, jeść“ potrzykroć zgodnym wezwali okrzykiem,
Odpowiedziano: „pić, pić!“, między szlachty zgrają
Stają dwa chóry: ci pić, a ci jeść wołają;
Odgłos leci echami; gdzie tylko dochodzi,
Wzbudza oskome w ustach, głód w żołądkach rodzi.
I tak na dane s kuchni hasło, niespodzianie
Rozeszła się armija na furazowanie. *)

Шляхетскій домъ въ poemѣ, это—такъ сказать—типъ жилища зажиточной шляхты, о домашней жизни которой скажемъ ниже; вотъ какъ изображенъ онъ поэтомъ (кн. I, стр. 4—6):

*) „Когда они вошли въ кухню, то видъ горшковъ, огня, только-что потушеннаго, свѣжій запахъ яствъ, собаки, гложущія остатки ужина, все это трогаетъ ихъ сердце, измѣняетъ мысли, умѣрляетъ гнѣвъ и напоминаетъ о необходимости—поѣсть. Утомленные маршемъ и сеймикомъ, продолжавшимся цѣлый день, они всѣ за-одно трижды возопили: ѣсть, ѣсть! Въ отвѣтъ слышалось: пить, пить! шляхта дѣлится на 2 хора: одни кричатъ: пить, другіе: ѣсть. Это званіе возгласовъ, куда только доходить, возбуждаетъ слюнки во рту, и порождаетъ голодъ въ желудкѣ. Такимъ образомъ по данному изъ кухни знаку, вся армія неожиданно разсыпалась на фуражировку“.

..... nad brzegiem ruczaju
Na pagórku niewielkim, w brzozowym gaju,
Stał dwór szlachecki z drzewa, lecz podmurowany;
Swieciły się zdaleka pobielane ściany,
Tem bielsze, że odbite od ciemnej zieleni
Topoli, co go bronią od wiatrów jesieni,
Dom mieszkalny niewielki, lecz zewsząd chędogi
I stodołę miał wielką i przy niej trzy stogi
Uzątku, co pod strzechą zmieścić się nie może;
Widać, że okolica obfita w zboże;
I widać z liczby kopic, co wzdłuż i wszere smugów
Swiecą gęsto jak gwiazdy; widać z liczby pługów
Orzących wcześniej łany ogromne ugoru
Czarnoziemne, zapewne należne do dworu,
Uprawne dobrze nakształt ogrodowych grządek,
Że w tym domu dostatek mieszka i porządek.
Brama na wciąż otwarta przechodniom ogłasza,
Że gościnna, i wszystkich w gościnę zaprasza *).

Войдемте вмѣстѣ съ Тадеушемъ въ комнаты; онъ

Wbiega i okiem chciwie ściany starodawne
Ogląda czule, jako swe znajomo dawne.
Też same widzi sprzęty, też same obicia,
S którymi się zabawiać lubił od powicia;
Lecz mniej wielkie, mniej piękne, niż się dawniej zdały.
I też same portrety na ścianach wisiały.
Tu Kościuszko w szmarce krakowskiej, z oczyma
Podniesionemi w niebo, miecz oburącz trzyma;

*) на берегу ручья, на небольшомъ холмѣ, въ березовой
рощѣ стоялъ на каменномъ фундаментѣ деревянный шляхетскій домъ; издали
блестѣли побѣленные стѣны, тѣмъ болѣе, что отражались отъ темной зелени то-
полей, охранявшихъ его отъ осеннихъ вѣтровъ. Жилой домъ не великъ, но всю-
ду опрятенъ съ большою житницей, а при ней три стога убора, который не могъ
помѣститься подъ навѣсомъ; видно, что окрестность богата хлѣбомъ; а по числу
вопней, которыя вдоль и вширь бороздъ густо свѣтятся, какъ гнѣзда и по числу
пługовъ, рано обрабатывающихъ огромныя нивы пара, черноземныя, навѣрно
двору принадлежація, и воздѣланныя на манеръ садовыхъ градъ, видно, что въ
этомъ домѣ царитъ достатокъ и порядокъ. Постоянно отпертыя ворота возвѣ-
щаютъ прохожимъ, что—гостепріимны, и всѣхъ просить погостить.

Dalej w polskiej szacie

Siedzi Rejtan żadośny po wolności stracie,
W rękę trzyma nóż ostrzem zwrócony do łona,
A przeb nim leży Fedon i żywot Katona;
Dalej Jasiński, młodzian piękny i posepny,
Obok Korsak, towarzysz jego nieodstępny.
Nawet stary stojący zegar kurantowy
W drewnianej szafie poznał, u wniścia alkowy;
I z dziecinna radością pociągnął za sznurek,
By stary Dąbrowskiego usłyszyć mazurek *).

Мы потому рѣшились привести эти стихи, что, какъ уже замѣчено нами, домъ судьи Соплицы—это типъ шляхетскаго дома, какой нерѣдко можно встрѣтить еще по сію пору въ любомъ захолустыи Польши.

Шляхетскому дому противопологается панскій замокъ, въ описываемую эпоху пустой и полуразрушенный. Какая жизнь кипѣла въ немъ въ былое время видно изъ разсказа Гервасія, послѣдняго ключника Орѣшновъ (кн. II стр. 67—9):

..... Gerwazy stanął w progu sieni:
Tu, rzekł, dawni panowie dworem otoczeni,
Często siadali w krzesłach w posiedniej porze;
Pan godził spory włościan, lub w dobrym humorze
Gościom różne ciekawe historye prawił,
Albo ich powieściami i żarty się bawił.
A młodzież na dziedzincu biła się w palcaty,

*) вбѣгаетъ и жадно озираетъ старыя стѣны, какъ давнихъ своихъ знакомыхъ. Онъ видитъ ту же самую утварь и тѣ же обои, которыми съ младенкомъ любилъ заниматься; но они уже не столь велики и не столь прекрасны, какъ казались ему прежде. На стѣнахъ висѣли тѣ же портреты: здѣсь—Костюшко въ краковской чамаркѣ, съ глазами возведенными къ небу, держитъ мечъ въ обѣихъ рукахъ. Далѣе, въ польскомъ вострогѣ сидитъ Рейтанъ, плачущій о потерѣ свободы, въ рукѣ держитъ ножъ, остриемъ обращенный къ груди, а передъ нимъ лежитъ Федонъ и жизнеописаніе Катона; далѣе, Ясинскій, красивый, но печальный на видъ молодой человѣкъ; рядомъ Корсакъ, его неразлучный товарищъ. Тадеушъ узналъ даже старыя часы съ курантами, стоящіе въ деревянномъ шкафу у входа въ комнату; съ дѣтскою радостью потянулъ онъ за шнурокъ, чтобы услышать старую мазурку Домбровскаго.

Lub ujeżdżała pańskie tureckie bachmaty“.
 Weszli w sien. Rzekł Gerwazy: „Wtej ogromnej sieni
 Brukowanej, nie znajdziesz pan tyle kamieni,
 Ile tu pękło beczek wina w dobrych czasach;
 Szlachta ciągnęła kufy s piwnicy na pasach,
 Sproszona na sejm albo sejmik powiatowy,
 Albo na imieniny pańskie, lub na łowy;
 Podczas uczty na chòrze tym kapela stała
 I w organ, i w rozliczne instrumenta grała.
 A gdy wnoszono zdrowie, trąby jak w dniu sądnym
 Grzmiały s chòru; wiwaty szły ciągiem porządnym
 Pierwszy wiwat za zdrowie Kròla-Jegomości,
 Potem prymasa, potem Kròlowej—jejności,
 Potem szlachty i całej Rzeczypospolitej,
 A nakoniec po piątej szklanicy wypitej
 Wnoszono: kochajmy się. Wiwat bez przestanku,
 Ktòry dniem okrzykniony, brzmiał aż do poranku:
 A już gotowe stały cugi i podwody
 Aby każdego odwieść do jego gospody“ *).

*) Гервасій остановился у порога въ сѣнях: „Здѣсь, сказалъ онъ, пре-
 жне паны, окруженные дворомъ, часто въ послѣ-обѣденное время садились въ кре-
 слахъ; панъ мирилъ тяжбы крестьянъ, или, будучи въ хорошемъ расположеніи
 духа, рассказывалъ гостямъ курьезныя исторіи или же самъ забавлялся ихъ раз-
 сказами и шутками. А молодежь играла на дворѣ въ палки или объѣзжала гос-
 подскихъ турецкихъ бахматовъ“. Они вошли въ сѣни. Гервасій продолжалъ:
 „Въ этихъ большихъ мощеныхъ сѣняхъ вамъ не найти столько камней, сколько
 въ добрыя времена лопнуло здѣсь бочекъ вина. Шляхта вытягивала ихъ изъ по-
 греба на своихъ поясахъ, собравшись здѣсь на сеймъ или уѣздный сеймикъ,
 или именины пана, или же на охоту. Во время пира на этихъ хорахъ стояла
 капела и играла на органѣ и на разныхъ иныхъ инструментахъ. А когда про-
 возглашали тостъ, то съ хоромъ гремѣли трубы, какъ въ судный день; виваты
 шли по порядку: первый вивать за здоровье короля, потомъ—примаса, потомъ—
 королевы, затѣмъ—шляхты и всей Рѣчи-Посполитой, а наконецъ послѣ пятого
 ставана провозглашали: „будемъ любить другъ друга!“ Этотъ вивать, провозгла-
 шенный днемъ, гремѣлъ до самаго утра. А уже наготовѣ стояли коляски и те-
 лѣги, чтобы каждаго отвезти домой.

Какъ видимъ, и въ замкѣ бражничали не хуже, чѣмъ въ застѣнкѣ; гостей приходилось развозить по домамъ: до такой степени безчувствія напивались они!

Но въ изображаемое поэмою время замокъ былъ пустъ; изъ предыдущаго мы знаемъ, что о немъ то и спорили между собою Орѣшко и Соплица и что для разрѣшенія этого спора и собрались у послѣдняго гости. Возный Протасъ, желая убѣдить всѣхъ въ правотѣ Соплицы, распорядился накрыть столъ въ сѣняхъ замка. Сѣни эти замѣчательны (кн. I, стр. 17):

Sieć wielka jak refektarz z wypukłem sklepieniem
Na filarach, podłoga wysłana kamieniem,
Ściany bez żadnych ozdób, ale mur cegdogi;
Sterczały w koło sarnie i jelenie rogi
Z napisami: gdzie, kiedy te łupy zdobyte;
Tuż myśliwców herbowne klejnoty wyrte,
I stoi wypisany każdy po imieniu;
Herb Horeszków—Półkoczic jaśniał na sklepieniu.*)

Послѣдніе стихи указываютъ на одну изъ характеристическихъ особенностей польской шляхты—на кичливое чванство ея и хвастовство гербами. Явленіе это тѣмъ болѣе замѣчательно, что оно существовало въ Польшѣ наряду съ пословутымъ „равенствомъ“. Какъ могло оно мириться съ послѣднимъ, пойметъ лишь тотъ, кому извѣстно, что равенство между шляхтою существовало въ Польшѣ только на словахъ; на самомъ же дѣлѣ никогда его тамъ не было. Шляхтичъ отъ шляхтича разнился не только неодинаковою степенью матерьяльнаго благосостоянія, которое создавало между ними дѣльную пропасть, но еще и большею или меньшею знатностью своего рода. Простой, застѣнковый шляхтичъ, котораго со стороны ничѣмъ нельзя было отличить отъ обыкновеннаго крестьянина, громко заявлялъ свое презрѣніе къ послѣднему, указывая, какъ на особенную свою заслугу, на

*) Сѣнь большая, какъ трапезная, съ выпуклымъ потолкомъ на столбахъ, полъ вымощенъ камнемъ; стѣны безъ всякихъ украшеній, но чисты. Вокругъ торчали рога оленей и серны съ надписями: гдѣ и когда одержаны эти трофеи здѣсь же висѣли и гербы охотниковъ, и имя каждого изъ нихъ написано; гербъ же Орѣшкови—„Пулковидъ“—красовался на потолкѣ.

то обстоятельство, что у него въ родѣ были когда-то митры (кн. IV, стр. 157—8).

Быть въ услуженіи у болѣе богатаго, подобоострастно цѣловать его руки и ноги шляхтичь не находилъ для себя постыднымъ; но взять себѣ въ жены дѣвицу изъ менѣе знатнаго по гербу дома—было для него унижительно. Отдѣленные отъ богатыхъ цѣлою пропастью, бѣдные утѣшали себя бессмысленною фразою: „Szlachcic na zagrodzie równy wojewodzie“; но какъ строго сѣдили за равенствомъ по происхожденію, видно изъ характеристической поговорки: „ożenił się równy z równą - burmistrz z burmistrzówną“.

Изъ приведенныхъ въ этой главѣ выдержекъ изъ „Пана Тадеуша“ ясно, что, какъ ни различались между собою въ общественномъ отношеніи разные виды шляхты, въ нравственномъ вся она представляла поразительное сходство: вся она изображается въ поэмѣ тщеславною, праздною и склонною къ попойкамъ и буйствамъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ обобщая ея характеристика.

Глава VI.

Кромѣ вишней, въ поэмѣ изображается и внутренняя, домашняя жизнь польской шляхты. Поэтъ подробно описываетъ ея пиры, забавы; вездѣ, гдѣ только представляется ему случай, касается мельчайшихъ подробностей жизни: описываетъ завтраки, обѣды и ужины, распространяется о приготовленіи кофе, сливокъ, бигоса—этого національнаго польскаго блюда—и проч. Особенно интересно описаніе старопольскаго пира и перечень любимѣйшихъ кушаній польской шляхты (кн. XII, стр. 208—9):

I wnet zaczęli wchodzić parami lokaje
 Roznoszący potrawy; barszcz, królewskim zwany,
 I rosół staro-polski sztucznie gotowany,
 Do którego pan wojski z dziwnymi sekrety
 Wrzucił kilka perełek i sztukę monety—
 Taki rosół krew czyści i pokrzepia zdrowie—
 Dalej inne potrawy, a któż je wypowie!
 Kto zrozumie nieznanie już za naszych czasów
 Te pólmski kontuzów, arkasów, blemasów
 Z ingrediencyami pomuchł, figatelów,
 Cybetów, piżm, dragantów, pinelów, brunelów;
 Owe ryby! łososie tuche, dunajeckie

Wyżyny i kawiory weneckie, tureckie,
Szezuki główne i szezuki podgłówne, łokietne,
Flądre i karpie-ćwiki i karpie szlachetne!
W końcu sekret kucharski: ryba niekrojona,
U głowy przyzmażona, we środku pieczona,
A mająca potrawkę z sosem a ogona. *)

Какъ ни интересны были сами по себѣ всѣ эти блюда,

Goście ani pytali nazwiska potrawy,
Ani ich zastanowił ów sekret ciekawy:
Wszystko prędko z żołnierskim jedli apetytem,
Kieliszki napełniąc węgryzmem obfitem **).

Обычнымъ времяпровожденіемъ шляхты были: охота, разнаго рода забавы и бражничаніе; рѣдкое собраніе не оканчивалось попойкой и буйствомъ. Вспыльчивый по природѣ, польскій шляхтичъ былъ сверхъ того крайне щекотливъ ко всему тому, что касалось его личности и задѣвало его амбицію. Кичливый до крайности, онъ готовъ былъ пойти на ножи, лишь бы только доказать превосходство своей лошади или собаки надъ чужою. Неугоманный, онъ рѣдко бывалъ въ ладахъ со своими сосѣдями: страсть къ сутяжничеству была у него столь велика, что иной разорялся въ конецъ на судебныя издержки по дѣлу, изъ-за котораго и судиться бы не стоило. Доказательства всему этому читатель найдетъ въ любой глѣснѣ „Пана Тадеуша“.

Но, изображая дурныя стороны шляхты, поэтъ не прошелъ молчаніемъ и тѣхъ, которыя представляютъ для наблю-

*) Сейчас же стали входить по-парно лакеи, разносящіе кушанья: борщи, называемый королевскимъ, и искусно приготовленный супъ старо-польскій, въ который панъ войскій бросилъ нѣсколько жемчужинъ и монету: такой супъ очищаетъ кровь и поддерживаетъ здоровье. Далѣе, другія блюда: кто ихъ перечислитъ; кто пойметъ неизвѣстныя въ наше время блюда контизовъ, арказовъ, блемасовъ съ прибавленіемъ помухль, фигателей, цибетовъ, мускуса, трагагантовъ, панелей, брнеловъ? Эти рыбы! лосось сухой, дунайскій; бѣлуга и икра венеціанская, турецкая, шуен головня, подголовня, локотня; камбала, старый карпъ и карпъ шляхетскій. Въ заключеніе поварскій секретъ: неразрѣзанная рыба, въ головахъ поджаренная, въ середкѣ—печеная, а возлѣ хвоста—подъ соусомъ“.

**) Гости не спрашивали названій блюдъ, не заинтересовалъ ихъ даже этотъ замѣчательный секретъ: повѣдали все быстро, съ солдатскимъ аппетитомъ, обильно наполнивъ рюмки венгерскимъ

дателя известную долю привлекательности, особенно, когда онъ очерченъ перомъ столь склоннымъ къ идеализованію, какъ перо Мицкевича.

Таковы, напр., привязанность слугъ къ своимъ господамъ, олицетворенная въ ключникъ Гервасіи, отношенія „резидентовъ“ (нахлѣбниковъ) къ своимъ кормителямъ; нагляднымъ примѣромъ этихъ отношеній служатъ: войскій Гречеха и возный Протась, жившіе на хлѣбахъ у судьи. Другія качества шляхты, какъ напримѣръ, ея религіозность, чистота нравовъ и въ особенности супружеская вѣрность (ради которой судья по смерти своей невѣсты не женился на другой) представлены въ поэмѣ слишкомъ идеалью и потому разборъ ихъ неумѣстенъ въ изслѣдованіи, главною задачею котораго—не расходиться съ исторической правдой.

Въ „Панѣ Тадеушѣ“ представлены два поколѣнія: старое и молодое. Главными представителями перваго суть подкоморій и судья. Подкоморій солиденъ, важенъ и необыкновенно вѣжливъ съ дамами за столомъ: самъ мѣняетъ имъ тарелки и подаетъ блюда. Онъ защитникъ всѣхъ народныхъ обычаевъ и всего того, что имѣетъ отношеніе къ народности. Вотъ какими словами порицаетъ онъ подражаніе французскимъ нравамъ и обычаямъ (кн. 1. стр. 23—4).

„Ach, ja pamiętam czasy, kiedy do ojczyzny
Pierwszy raz zawitała moda francuszczyzny!
Gdy raptem paniczki młode s cudzych krajów
Wtargnęli do nas hordą gorszą od Nogajów
Prześladując w ojczyźnie Boga, przodków wiarę,
Prawa i obyczaje, nawet suknie stare.
Żalosiście było widzieć wyzółkłych młokosów,
Gadających przez nosy, a często bez nosów,
Opatrzonych w broszurki i w różne gazety,
Głoszących nowe wiary, prawa, toalety.
Miała nad umysłami wielką moc ta tłuszcza;
Bo Pan Bóg, kiedy karę na naród przypuszcza,
Odbiera naprzód rozum od obywateli“ *).

*) Ахъ, я помню время, когда въ отчизнѣ впервые появилась французская мода, когда молодые паны вторглись вдругъ къ намъ изъ чужихъ странъ хуже, чѣмъ ногайская орда, преслѣдуя въ своемъ отечествѣ Бога, вѣру предковъ, законы и обичаи, даже прежнее платье. Жалко было смотрѣть на этихъ пожел-

Судья тоже строго держался народной традиції (кн. I, стр. 13—14):

Sędzia w domu dawne obyczaje chował
I nigdy nie dozwalał, by chybiano względu.
Dla wieku, urodzenia, rozumu, urzędu.
„Tym ładem, mawiał, domy i narody słyną
Z jego upadkiem domy i narody giną“. *)

Онъ одѣвается по старо-польски; умѣетъ другимъ внушить къ себѣ уваженіе; не любитъ проявлять наружу своихъ нѣжныхъ чувствъ:

Krótkie były sędziego z synowcem witania,
Dał mu poważnie rękę do pocałowania
I w skroń pocałowawszy uпрzejmie pozdrowił;
A choć przez wzgląd na gości nie wiele z nim mówił,
Widać było z łez, które wylotem kontusza
Otarł prędko, jak kochał pana Tadeusza **). (ib).

Въ домѣ у него необыкновенный порядокъ и аккуратность во всемъ, благодаря тому обстоятельству, что онъ самъ входитъ во всѣ частности домашняго хозяйства:

Sędzia choć utrudzony, chociaż w gronie gości,
Nie chybił gospodarskiej ważnej powinności,

тѣсныхъ молокососовъ, говорящихъ въ носъ, а иногда и безъ носа, съ брошюрками и разными газетами въ рукахъ, провозглашавшихъ новую вѣру, законы и туалеты. Большое вліяніе на умы имѣло это скопище, ибо Господь, желая наказать народъ, прежде всего лишаетъ гражданъ ума.

*) Судья соблюдалъ у себя прежніе обычаи и никогда не позволилъ не оказать должнаго уваженія возрасту, происхожденію, уму и чину. „Этихъ порядкомъ, говорилъ онъ, живутъ семьи и народы; а съ паденіемъ его, семьи и народы погибаютъ“.

***) Коротки были привѣтствія судьи съ племянникомъ. Солидно далъ онъ ему поцѣловать свою руку и самъ, поцѣловавъ его въ лобъ, поздоровался съ нимъ. И хотя, во вниманіе къ гостямъ, не много разговаривалъ съ нимъ, однако въ сѣсть, которая обтеръ онъ рукавомъ контуша, видно было, какъ любитъ онъ pana Tadeusza.

Udał się sam ku studni; najlepiej z wieczora
Gospodarz widzi w jakim stanie jest obora;
Dozoru tego nigdy sługom nie poruczy,
Bo sędzia wie, że oko pańskie konia tuczy (ib. str. 15). *)

Судья недоволенъ современною молодежью, замѣчая въ ней отсутствіе старо-польской вѣжливости; по этому поводу онъ произноситъ длинную рѣчь, въ которой сѣтуетъ на заброшенный обычай отдавать молодежь въ магнатскіе дворы, гдѣ она училась жизни (кн. I. стр. 20—22):

Co dzień postrzegam, jak młodź cierpi na tem,
Że nie ma szkół, uczących żyć z ludźmi i światem;
Dawniej na dwory pańskie jechał szlachcic młody,
Ja sam lat dziesięć byłem dworskim Wojewody. **)

Далѣе, распространяясь о вѣжливости, онъ говоритъ:

Grzeczność wszystkim należy, lecz każdemu inna;
Bo nie jest bez grzeczności i miłość dziecinna,
I wzgląd męża dla żony przy ludziach, i pana
Dla służ swoich, a w każdej jest pewna odmiana.
Trzeba się długo uczyć, ażeby nie zbłądzić
I każdemu powinna uczciwość wyrządzić! ***)

Представителями иностраннаго воспитанія въ молодомъ поколѣніи являются графъ и Телимена.

*) Судья, хотя и былъ утомленъ, и при гостяхъ однакоже не пренебрегъ своею важною хозяйскою обязанностию, и самъ направился къ колодцу; вечеромъ лучше всего видитъ хозяинъ, въ какомъ состояніи хлѣвъ; присмотрѣвъ за нимъ онъ никогда не поручаетъ слугамъ, ибо знаетъ, что свой глазъ всего вѣрнѣе.

**) Ежедневно замѣчая, какъ дурно для молодежи, что нѣтъ школъ, въ которыхъ учатъ жить съ людьми и свѣтомъ; прежде, бывало, молодой шляхтичъ поступалъ въ придворные къ пану; я самъ десять лѣтъ былъ при дворѣ воеводы.

***) Вѣжливость должно оказывать всѣмъ, но каждому—иную ибо не бовъ вѣжливости и дѣтская любовь; и обращеніе мужа къ женѣ при постороннихъ, и господина—со своими слугами, а въ каждой известная разница. Долго надо учиться, чтобы не ошибиться и каждому оказать должное уваженіе.*

Мечтательный поклонникъ женщинъ, графъ Орфино рискуетъ для нихъ жизнью въ какомъ-то „Вирбанто-Рокко“, забываетъ о военныхъ предприятияхъ для того, чтобы привести въ чувство обомлѣвшихъ женщинъ, отличается элегантностью и вѣжливостью, которыя заставляютъ его жить съ Соплицами, независимо отъ тяжбы съ ними; образованный и проникнутый западными теоріями, онъ досадуетъ на обскурантизмъ шляхты, но тѣмъ не менѣе не корчитъ изъ себя проповѣдника—новатора.

Итальянское небо нравится ему больше польскаго, заграничные виды для него красивѣе своихъ отечественныхъ, и все же онъ живетъ на родинѣ, принимаетъ участіе во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни и жертвуетъ для неѣ своимъ состояніемъ. Болѣе изъ романтической страсти ко всему необыкновенному, чѣмъ изъ-за ненависти къ Соплицѣ, вооружаетъ онъ на послѣдняго всю застѣнковую шляхту; но за то безъ шума и огласки снаряжаетъ на свой счетъ цѣлый полкъ на народное дѣло. Мицкевичъ, какъ кажется, хотѣлъ сдѣлать его представителемъ той части молодежи, которая, пща на западѣ цивилизации и просвѣщенія, не отрезалась отъ своихъ народныхъ чувствъ и, присвоивъ себѣ нѣкоторыя маловажныя иностранныя привычки, могла внести въ край не одно полезное начало, не одну здравую мысль.

Телимена—старая грѣшница, кокетка—увлекаетъ въ свои сѣти Тадеуша, графа и реента, котораго держать въ резервѣ. Она притворяется чувствительною, сантиментальною; но это не мѣшаетъ ей выйти за мужъ, за реента, котораго она предпочла графу только изъ-за опасенія не остаться „планетой“. Она до свадьбы еще успѣла завладѣть реентомъ вполне. Такъ что заставила его отказаться отъ контуша и нарядиться во фракъ. Графу же, идѣлающему ей упреки, она говоритъ, что если онъ надумается жениться на ней, то она тотчасъ же броситъ реента. Но графъ платитъ ей за это презрѣніемъ.

Совершенную противоположность съ нею представляетъ Зося, воспитанная по старо-польски: она застѣнчива, кланяется какъ мальчикъ, время проводить въ заботахъ о цвѣтахъ и курахъ; она всегда послушна старшимъ и любитъ Тадеуша, „повинуясь волѣ старшихъ и неба“:

„Wiem, że wszyscy mówili iż za mąż iść trzeba
Za pana; ja się zawsze zgadzam z wolą nieba
I z wolą starszych“ (кн. XI стр. 168). *)

*) „Всѣ говорятъ, что нужно идти за васъ за мужъ; я всегда послушна волѣ неба и старшихъ“.

Середину между старымъ и новымъ воспитаніемъ представляетъ самъ герой поэмы—Тадеушъ. Онъ учился у ксендзовъ въ Вильнѣ, сохранилъ, не смотря на свой двадцатилѣтній возрастъ, чистоту души и любовь къ природѣ; онъ полюбилъ военную службу и хотѣлъ поступить въ нее, дядя приказывалъ ему возвратиться въ деревню, гдѣ имѣеть намереніе женить его на Зосѣ. Тадеушъ

Wiedział że był przystojny, szał się rzeski, młody,
A w spadku po rodzicach wziął szersztwość i zdrowie.
Dobrze na koniu jeździł, pieszo dzielne chodził
Tępy nie był, lecz mało w naukach postąpił;
Choć stryj na wychowanie niczego nie skąpił;
On wołał z flinty strzelać albo szablą robić,
Wiedział, że go myślano do wojska sposobić;
Ustawicznie dobiehna tęsknił siedząc w szkole (кн. I. стр. 33—4). *)

Онъ имѣлъ доброе сердце и благородные порывы; но ему недоставало рѣшительности характера и силы воли: въ сѣтяхъ Телимены онъ запутывается очень легко, самъ не зная, какъ и почему, ибо не любить ея. Но онъ не лишень извѣстной дѣвственности чувствъ, какъ скоро самъ сознаеть, что недостойнъ Зоси. Изъ любви къ отечеству онъ вступаетъ въ слѣды либераловъ и освобождаетъ своихъ крестьянъ.

Глава VII.

Если домашняя жизнь польской шляхты представлена въ „Панѣ Тадеушѣ“ съ мельчайшими подробностями, то далеко нельзя того же самого сказать объ ея жизни общественной. Какъ на такія проявленія послѣдней, которыя нашли себѣ мѣсто въ поэмѣ Мицкевича, можемъ указать лишь на вооруженные наѣзды, судебные порядки и старо-польскіе сеймики. Ко всему этому поэтъ относится съ большимъ увлеченіемъ, даже подчасъ съ болышимъ, чѣмъ бы слѣдовало. Такъ,

*) Зналъ, что онъ красивъ собою, онъ чувствовалъ себя бодрымъ, молодымъ, а отъ родителей унаслѣдовалъ силу и здоровье. Онъ хорошо ѣздилъ верхомъ, бодро ходилъ пѣшкомъ; тупъ не былъ, но въ наукахъ оказалъ мало успѣховъ, хотя дядя ничего не жалѣлъ на его воспитаніе. Онъ предпочиталъ стрѣлять изъ ружья, или махать саблею; онъ зналъ, что его предназначали въ военную службу, и постоянно скучалъ въ шюахъ за барабаномъ.

напримѣръ, описывая сеймиковые порядки, изображенные на какомъ-то сервизѣ, поэтъ влагааетъ въ уста войскому слѣдующій панегирикъ шляхтѣ (кн. XII, стр. 207):

Ach, wy nie pamiętacie tego, państwo młodzi!
Jak wśród naszej burzliwej szlachty samowładnej,
Zbrojnej, nie trzeba było policyi żadnej;
Dopóki wiara kwitła, szanowano prawa,
Była wolność z porządkiem i z dostatkiem sława!*)

Въ патетическомъ увлеченіи ко всему старо-польскому поэтъ видимо забылъ, что двумъ послѣднимъ изъ вышеприведенныхъ стиховъ его какъ нельзя болѣе противорѣчить сложившаяся въѣками шляхетская пословица: „Polska niezadaniem stoi“ (Польша стоитъ веурядицей).

Не меньшею симпатією поэта пользуются и судебные порядки прежней Польши, и столь часто производившіеся въ ней вооруженные наѣзды. Чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о первыхъ, позволимъ себѣ привести то мѣсто поэмы, которое описываетъ, какъ ключникъ Гервазій вводилъ графа во владѣніе имѣніемъ Соплицы (кн. VIII, стр. 67—8):

Gerwazy,

Jako człek doświadczony i biegły w prawnictwie,
Chce hrabiego osadzić na nowém dziedzictwie
Legalnie i formalnie; więc za woźnym biega,
Aż go po długich śledstwach za piecem dostrzeżga,
Wnet porywa za kołnierza, na dziedziniec wlecze
I zmierzwszy mu w serce scyzoryk, tak rzecze:
„Panie woźny! Pan hrabia śmie waćpana prosić,
Abyś raczył przed szlachtą bracią wnet ogłosić
Intromissyą hrabi do zamku, do dworu
Sopliców, do wsi, gruntów zasianych, ugoru,
Słowem cum gais, boris et graniciebus,
Cmetonibus, scultetis, et omnibus rebus
Et quibusdam aliis. Jak tam wiesz, tak szczekaj
Nic nie opuszczaj!“ **).

*) „Вы, молодые господа, не помните, что для нашей бурной, вольной и вооруженной шляхты никакой не нужно было полиціи. Пока процвѣтала въра и уважались законы, была свобода и порядокъ, богатство и слава!“

**) Гервазій, какъ человекъ опытный и свѣдущій въ законахъ, хочетъ ввести

Возыный возражаетъ:

„Gotów jestem wypełniać wszelkie stron roskazy,
Ale ostrzegam, że akt nie będzie miał mocy,
Wymuszony przez gwałty, ogłoszony w nocy.“
— „Co za gwałty, rzekł klucznik, tu nie ma napaści,
Wszak proszę pana grzecznie; jeśli ciemno waści,
To scyzorykiem skrzeseam ognia, że waszeci
Zaraz w ślepiach, jak w siedmiu kościołach zaświeci.“ *)

Хотя главный предметъ поэмы—шляхта, но въ ней говорится также и о другихъ созловіяхъ, а именно, о крестьянскомъ и духовномъ.

Такъ, мы видимъ, что крестьяне принимаютъ участие въ празднествахъ шляхты.

Напримѣръ, по случаю обрученія Тадеуша съ Зосей (кн. XII, стр. 202):

Pan sędzia włościan traktował gromadę,
Zebrawszy ich za stołem na dwa staje długim
Sam siadł na jednym końcu, a pleban na drugim;
Tadeusz i Zofia do stołu nie siedli,
Zajęci częstowaniem włościan, chodząc jedli.

графа формально и легально во владѣніе новымъ имѣніемъ; повсюду ищетъ онъ возынаго; наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ находитъ его за печкой; тотчасъ же хватаетъ его за шиворотъ, тащитъ на дворъ и, приставивъ къ его груди свой мечъ, говоритъ: „Господинъ возыный! Графъ сиѣтъ просить васъ, чтобы вы благоволили объявить предъ лицомъ братьевъ—шляхты о вступленіи графа во владѣніе замкомъ, домомъ Солидъ, деревней, засѣянными полемъ, паромъ, сѣвомъ: cum gais, boris et graniciebus, сметonibus, scultetis et omnibus rebus et quibusdam aliis (средневѣковая формула: съ лѣсами, родами, границами, крестьянами, рабами и со всякими вещами, и съ оними прочими). Какъ знаешь, такъ брешы, не пропускай ничего!“

*) „Я готовъ исполнять всякія приказанія тяжущихся сторонъ, но предостерегаю, что актъ сей не будетъ имѣть значенія, потому что онъ произведенъ насильно и объявленъ ночью.“— „Какое тутъ насиліе, воскликнулъ ключникъ, вѣдь я вѣжливо прошу васъ; а если вамъ темно, то мечемъ я высѣку такой огонь, что въ глазахъ у васъ заблеститъ, какъ въ семи церквахъ!“

Starożytny był zwyczaj, że dziedzice nowi
Na pierwszej uczcie sami służyli ludowi. *)

Презрѣніе къ простому народу поэтъ вложилъ въ уста
эконому, ключнику и застѣвковой шляхтѣ, которая за от-
сутствіемъ всякихъ другихъ достоинствъ, старалась импо-
нировать своими гербами. Экономъ, напр., говоритъ (лн. II.
стр. 88):

Chłopi i radzi temu, kiedy w ich jarzynie
Wskoczy chart, niech otrząśnie dziesięć kłosów żyta
To pan im kopę oddasz i jeszcze nie kwita:
Często chłopi talara w przydatku dostali;
Wierz mi pan, że się chłopotwo bardzo rozzuchwali! **)

Или напр. въ жидовской корчмѣ, когда какой-то крестья-
нинъ осмѣлился было замѣтить ксендзу, какимъ бременемъ
ложится на нихъ война, (кн. IV, стр. 157):

„Cham! Skołuba krzyknął,
Głupi, tobiec to lepicj, tyś chłopie przywyknął
Jak węgorz do odarcia; lecz nam „urodzonym,
Nam wielmożnym, do złotych swobód wzwyczajonym!“ ***)

А Гервазій, услышавъ, что Тадеушъ хочетъ отпустить
своихъ крестьянъ на волю, разсуждаетъ (кн. XII, стр. 229):

„Wszak wolność nie jest chłopska rzecz, ale szlachecka!
Prawda, że się wywódziłi wszyscy od Adama:

*) Судья угощалъ крестьянъ, собравъ ихъ за длиннымъ столомъ: на одномъ
конецъ его сѣлъ, онъ самъ, а на другомъ—священникъ. Тадеушъ и Зося не сѣли
за столъ; угощая крестьянъ, они кушали на ходу. Иадреме былъ обычай, что
новые помѣщики на первомъ иршествѣ сами прислуживали своимъ крестья-
намъ.

**) „Мужики и рады, когда на ихъ ничѣ покажется гончакъ, пусть страхнетъ
она только десять колосевъ хлѣба, вы имъ отдадите цѣлую копу и все еще не
винты: мужики часто въ добавокъ получали и таларъ: повѣрьте, что мужичье
сншкомъ узе смѣло!“

***) . . . „Хамъ! воскликнулъ Сколуба, дуракъ, тебѣ же лучше—ты „мужи-
чье“, привинь въ этому, какъ угорь; но намъ „урожденнымъ“ (т. е. „столбо-
нымъ“), намъ, вельможнымъ, привинимъ къ золотой свободѣ....“

Alem slyszal, ze chłopi pochodzą od Chama,
Żydowie od Jafeta, my szlachta od Sema,
A więc panujem jako starsi nad obiema. *).

И, наконецъ, соглашается лишь подъ условіемъ предоставленія крестьянамъ шляхетскаго герба—Półkołosa i Leliwy (ib. стр. 230):

Natenczas i Rembajło uzna chłopa głównym,
Gdy go ujrzy szlachcicem wielmożnym, herbownym! **).

Либеральныя и просвѣщенныя идеи, которыя должны были войти въ жизнь, если народъ имѣлъ желаніе исправить то, что грозило ему гибелью, представляетъ Тадеушъ, говорящій Зося:

„Sami wolni, uczynimi i włościan wolnymi,
Oddajmy im w dziedzictwo posiadanie ziemi,
Na której się zrodzili, którą krwawą pracą
Zdobyli, z której wszystkich żywią i bogasą. (ib стр. 227).***).

Поэтъ заставляетъ генерала Домбровскаго осушить бокаль за здоровье крестьянъ:

„Wnoszę ludu zdrowiel
Rzekł Dąbrowski; lud krzyknął: „Niech żyją wodzowie!“
(ib. стр. 232).****).

*) „Вѣдь воля—дѣло вовсе не мужицкое, а шляхетское; правда, что всѣ мы происходимъ отъ Адама; но я слышалъ, что мужики происходятъ отъ Хама, жида—отъ Іафета, а мы, шляхта—отъ Сема; а потому, какъ старшіе, мы и властвуемъ надъ этими обоими“.

**) „Тогда и Рембайло признаетъ мужика равнымъ себѣ, увидѣвъ его вельможнымъ, гербовнымъ шляхтичемъ!“

***) „Сами—свободные освободимъ мы и крестьянъ, отдадимъ имъ въ собственность землю, на которой они родились, которую приобрѣли кровавыми трудами и которою они всѣхъ кормятъ и обогащаютъ.“

****) „Пью за здоровье простаго народа“, провозгласилъ Домбровскій; народъ воскликнулъ: „Да здравствуютъ вожди!“

Этимъ поэтъ какъ бы хотѣлъ сказать, что Польша только тогда можетъ быть свободна и счастлива, когда она станетъ нѣжною матерью, одинаково любящею всѣхъ своихъ дѣтей, когда сдѣлается отчизною рѣшительно всѣхъ сыновъ своихъ.

Идеаломъ ксендза является монахъ Робахъ, родной братъ судьи Соплицы, вступившій въ монастырь вслѣдствіе совершеннаго имъ убійства. Въ поэмѣ онъ является въ качествѣ политическаго эмиссара, побуждающаго шляхту къ возстанію. Вотъ какъ изображаетъ его поэтъ (кн. I, стр. 49—50):

Postać bernardyna

Wydawała, że mnich ten nie zawsze w kapturze
Chodził, i nie w klasztornym zestarzał się murze.
Miał on nad prawem uchem, nieco wyżej skroni,
Blisnę wyciętej skóry na szerokość dłoni,
I w brodzie ślad niedawny lancy lub postrzału;
Ran tych nie dostał pewnie przy czytaniu mszału.

.....
Spraw także politycznych był Robak świadomości
Niżli żywotów świętych, a jeżdżąc po kweście
Często zastanawiał się w powiatowym mieście;
Miał pełno interesów: to listy odbierał,
Których nigdy przy obcych ludziach nie otwierał,
To wysyłał posłańców, ale gdzie i poco
Nie powiadał; częstokroć wymykał się nosą
Do dworów pańskich, z szlachta ustawicznie szeptał
I okoliczne wioski do koła wyteptał,
I w karczmach z wieśniakami rozprawiał nie mało,
A zawsze o tem, co się w cudzych krajach działo. *)

*) Личность бернардина показывала, что монахъ этотъ не всегда ходилъ въ кптурѣ, и состарѣлся не въ монастырской оградѣ; надъ правимъ ухомъ, нѣсколько выше виска, былъ у него шрамъ шириною въ ладонь, а въ бородѣ— недавній слѣдъ копы или пули; раны эти получены имъ, вѣроятно, не при чтеніи евангелія.

Робахъ больше свѣдущъ былъ въ политическихъ дѣлахъ, нежели въ жилахъ святыхъ; а развѣзжая за милостыней, онъ часто останавливался въ уѣздныхъ городкѣ; тамъ у него всегда было много дѣлъ: то онъ получалъ письма, которыхъ никогда не распечатывалъ при зрителяхъ, то расписалъ носильныхъ, но куда и зачѣмъ,—не говоритъ; очень часто отиравался ночью въ господскіе

Вмѣстѣ съ нимъ подготовлялъ возстаніе и жидъ Янкель, личность котораго изобразилъ поэтъ слишкомъ ужь идеально. Исторически извѣстно, что жида съ самой поры своего появленія въ Польшѣ вплоть до настоящаго времени остаются чужды польской націи, ея духу и стремленіямъ. Всѣ они, не исключая даже, такъ называемыхъ, цивилизованныхъ, составляютъ совершеннѣйшее зло Польши, которому послѣдняя въ значительной степени обязана своимъ разложеніемъ.

А между тѣмъ Мицкевичъ не задумался представить Янкеля въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ и, что еще важнѣе, не позаботился о томъ, чтобы, хотя бы только въ видахъ рельефности, противопоставить ему типъ болѣе правдоподобный, типъ жида—ростовщика, процентщика и живодера.

Глава VIII.

Историческое событіе, лежащее въ основѣ поэмы Мицкевича, есть война 12-го года. Военные подвиги Наполеона живо интересовали собою весь современный цивилизованный міръ; всѣ народы и правительства жили, такъ сказать, подъ ихъ впечатлѣніемъ: одни—исполненные надежды, другія—страха. На остріѣ своего меча несъ этотъ великій герой, этотъ гениальный «*homo novus*» свободу и радость однимъ, рабство и гнетъ—другимъ.

Ów mąż, bóg wojny

*Otoczon chmurą pułków, tysiącem dział zbrojny,
Wprzągłszy w swój rydwan orły złote obok srebrnych,
Od puszczy Libijskich latał do Alpów podniebnych,
Ciskając grom po gromie w Piramidy, w Tabor,
W Marengo, w Ulm, w Austerlitz. Zwycięstwo i Zabor
Biegły przed nim i za nim.*)*

дома; постоянно шатался со шляхтой и исходилъ всѣ окрестныя деревни; не мало рассуждалъ онъ и съ крестьянами, и всамай разъ о томъ, что дѣлалось за границей.

*) „Сей мужъ, богъ войны, окруженный тучей полковъ съ тысячами орудій, впрягну въ свой волешику золотыхъ орловъ рядомъ съ серебрянными, леталъ отъ Ливійскихъ степей до поднебныхъ Альпъ, бросая громъ за громомъ въ Пирамиды, въ Таборъ, въ Маренго, въ Ульмъ, въ Аустерлицъ. Побѣда и Завоеваніе шли передъ нимъ и за нимъ“.

И, конечно, ни одинъ народъ не возлагаетъ столько надеждъ на этого „бога войны,“ какъ Поляки, такъ недавно еще наслаждавшіеся полною независимостью своего отечества. Ободренные основаніемъ Варшавскаго Княжества и униженіемъ двухъ сосѣднихъ государствъ, главныхъ виновниковъ раздѣла Польши, они стали смотрѣть на Наполеона, какъ на олицетворенную справедливость, ниспосланную на землю для воздаянія „коемуждо по дѣломъ его;“ а такъ какъ содѣйствовать возстановленію поправѣй справедливости—дѣло святое, богоугодное, то они цѣлыми массами шли подъ знамена Бонапарта, ничуть не подозрѣвая, что, благодаря своей недалекости, становятся орудіемъ грубаго эгоизма и ненасытнаго честолюбія. Шляхта наполняетъ собою ряды французской арміи, не щадитъ ни состоянія, ни жизни, снаряжаетъ на свой счетъ цѣлые полки, подготовляетъ въ присоединенныхъ провинціяхъ возстаніе, рискуя собственной шкурой,—и все это въ видахъ отвоеванія свободы своему отечеству.

Въ „Панѣ Тадеушѣ“ всѣ патріотическія движенія Поляковъ направлены противъ Россіи.

Изображая столкновенія Поляковъ съ Русскими, поэтъ не могъ не внести въ свое произведеніе и тѣхъ возрѣній на послѣднихъ, которыя составила себѣ польская шляхта. Типъ русскаго человѣка представленъ въ капитанѣ Никитѣ Никитичѣ Рыковѣ. Это храбрый и честный офицеръ, пропикнутой сознаниемъ своего долга, неисполненіе котораго, оцъ удивренъ, опозорило бы на вѣки его ничѣмъ незапятнанный мундиръ Чуждый всякаго племеннаго антагонизма, онъ не прочь подчасъ и покутить съ Поляками; но, вѣрный своему долгу, онъ дерется съ ними до послѣдней капли крови и сдается только тогда, когда сами же они, отдавъ полную справедливость его храбрости, завѣряютъ, что сдачею онъ нисколько не осрамить себя передъ ними. Признавъ себя побѣжденнымъ, онъ однако не въ претензія за это на Поляковъ, а напротивъ обдумываетъ, какъ бы оградить ихъ отъ отвѣтственности, которая неминуемо должна постигнуть ихъ за мятежныя дѣйствія. Возымѣвъ такое великодушное намѣреніе, онъ съ негодованіемъ отвергаетъ червонцы, предлагаемыя ему Поляками и, упрекая ихъ въ желаніи подкупить его, говоритъ: (кн. X. стр. 123).

„A wy te grosze sobie zabierzcie, panowie;
U mnie jest kapitański mój żołd ładajaki,
A dosyć mnie na pończuk i lulkę tabaki.“ *)

*) „А эти гроши, вы себѣ, господа, возьмите; у меня есть кое-какое капитанское жалованіе: хватить мнѣ его на пуншикъ и трубку табаку.“

Эти немногія слова такъ прекрасно характеризуютъ честнаго суворовскаго солдата, что не требуютъ, думаемъ, никакихъ дальнѣйшихъ комментарій. О Полякахъ выражается онъ симпатически; любитъ ихъ за то, что они одинаково мастера и подраться, и выпить:

Ja was, państwo Lachy, lubię,
Ze wy ludzie weseli, dobrzy do wypitki,
I także ludzie śmiali, dobrzy do wybitki (кн. X, стр. 121). *)

къ ихъ мечтамъ и надеждамъ относится съ большою снисходительностію:

„Ojczyzna! Ja to czuję wszystko, ja rozumiem!“ (кн. I, стр. 28). **).

Какъ истый суворовскій воинъ, онъ нимало не преклоняется предъ военнымъ гениемъ Наполеона; будь Суворовъ живъ, онъ увѣренъ, никогда бы Наполеону и не вздумалось воевать съ Россіей; безъ Суворова онъ, пожалуй, поколотитъ Русскихъ. Военные успѣхи Французовъ Рыковъ приписываетъ не генію главнаго вождя, а его способности дѣйствовать чарами; успѣшно бороться съ нимъ могъ бы только одинъ Суворовъ, который самъ былъ чародѣемъ и при томъ болѣе хитрымъ, чѣмъ Бонапарте:

„Raz w bitwie gdzie podział się? szukać Bonaparta
A on zmienił się w lisa, tak Suworów w charta,
Tak Bonaparte znowu w kota się przerzuca,
Dalej drzeć pazurami, a Suworów w kusa. ***).

Анекдотъ этотъ, подобныхъ которому ходили въ то время тысячи, весьма характеристиченъ: онъ показываетъ, каковаго высокаго мнѣнія о рымникскомъ героѣ были его солда-

*) „Я васъ, господа Ляхи, люблю за то, что вы—люди веселые, мастера выпить, и смѣльчаки, умѣющие подраться“.

***) Отчество! Я все это чувствую и понимаю.

***) „Разъ въ битвѣ, куда дѣлся? Искать Бонапарте, а онъ перекинулся въ лисицу, такъ Суворовъ—въ гончугу; Бонапарте—въ кошку и давай сарести котами, а Суворовъ—въ кукушку.“

ты; Рыковъ въ этомъ отношеніи не представляетъ исключенія; подобно тысячѣ другихъ, и его поражаетъ необычайный гений великаго русскаго полководца, а гений этотъ высказывался образно именно въ подобнаго рода анекдотахъ.

Вообще типъ русскаго воина очерченъ Мицкевичемъ вполне безпристрастно, и это дѣлаетъ польскому поэту, конечно, великую честь. Если затѣмъ въ майорѣ Плутѣ мы видимъ грубаго, спесиваго солдата, взяточника и труса, то не должно забывать, что Плутъ—не Русскій, а Полякъ (кн. IX, стр. 80), и въ этомъ случаѣ поэтъ не хотѣлъ лишь отступать отъ традиціи, повсюду одинаково приписывающей прозелитамъ самыя дурныя качества.

Далеко не такими же красками, какъ русскій человекъ, изображены въ поэмѣ Нѣмцы. Въ разсказѣ шляхтича Бартка—Пруссака (кн. VII стр. 5—6) они представлены трусами, полными самоуниженія въ злой часъ и несноснаго чванства—въ добрый. Всѣ эпитеты, употребленные здѣсь разсказчикомъ, свидѣтельствуя о глубокомъ презрѣннн Поляковъ къ германской націи:

wszystkie landraty, hofraty,
Komissarze i wszystkie podobne poubraty
Kłaniają się nam nisko; każdy drży, blednieje
Jako owad prusaczy, gdy wrzątkiem kto zleje.
. Wszystkie wielko-polskie drogi
Pełne uciekających; Niemczyska jak mrowie
Pełną, ciągną pojazdy, które lud tam zowie
Wagony i fornalki; męszczuzni, kobiety,
Z fajkami, z imbryczkami wleka pudła, bety и т. д.*)

До какой степени доходитъ это презрѣннн можно судить изъ того, что тотъ же разсказчикъ нисколько не стѣсняется сказать, что онъ одинъ поколотилъ четырехъ Нѣмцевъ (ib.

*) „Всѣ эти ландраты, гофраты, комиссары и подобная сволочь кланяются низко; всякъ дрожитъ, блѣднѣетъ, какъ прусское насекомое, когда его обварить кто кипяткомъ.“

. Всѣ велико-польскія дороги полны убѣгающихъ, нѣмчура какъ муравьи, ползетъ, тащитъ за собою телеги, которыя тамъ зовутся вагелами и формальками, женщины съ трубками, съ кофейниками волочатъ моробки, постель“ и т. д.

стр. 9); и—замѣчательно—никому и въ голову не приходитъ усумниться въ истинности разсказа.

Ничего подобнаго не замѣчаетъ читатель въ описаніи битвы Поляковъ съ Русскими. Последнимъ въ этомъ описаніи (кн. IX) воздается похвала чуть не въ каждомъ стихѣ:

Kapitan Rykow wcale nie prosił pardonu (стр. 99).

Już tylko ósmiu jęgrów z sierżantem na czele
Bronią się, bieży klucznik, oni stoją śmieie (стр. 110).

Rykov sam został, krzyczy, że broni nie złoży
(стр. 111) и т. д.*

Какъ бы ни было лестно изображеніе Русскихъ, сдѣланное Мицкевичемъ въ «Панѣ Тадеушѣ», все же нельзя не замѣтить желанія поэта выказать превосходство надъ ними своихъ соплеменниковъ; желаніе это сказывается въ томъ тонѣ разсказа, въ тѣхъ оттѣнкахъ его, различіе которыхъ ощутительно лишь для чувства, но отнюдь не для ума. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: какъ бы ни старался поэтъ быть объективнымъ, ему, конечно, никогда не удастся отрѣшиться отъ своихъ симпатій, которыя могутъ вылиться въ стихѣ иногда совершенно безсознательно, такъ сказать, безъ его непосредственнаго участія въ этомъ. Такихъ безсознательныхъ изліяній будетъ въ данномъ произведеніи тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе придется поэту предметъ, имъ воспѣваемый.

Это то обстоятельство и составляетъ причину того, что вся польская шляхта въ „Панѣ Тадеушѣ,“ независимо отъ многихъ дурныхъ сторонъ, составляющихъ ея принадлежность, представлена въ какомъ-то привлекательномъ, симпатичномъ свѣтѣ, всѣ ея недостатки вызываютъ на лицѣ читателя улыбку, но не презрѣнія, а снисхожденія; это потому, что на всемъ этомъ лежитъ идеальный отпечатокъ чувствъ самого автора, что онъ самъ не негодуетъ на нее и даже не сѣтуетъ, а лишь снисходительно улыбается, какъ улыбается взрослый при видѣ ребяческихъ шалостей, напоминающихъ ему время, когда онъ самъ былъ ребенкомъ.

*) Капитанъ Рыковъ вовсе не просилъ пардона.

Уже только восемь чловѣкъ егерей съ утеромъ впередъ защищаются—ключники бѣжить—они стоятъ смѣло.

Рыковъ остался одинъ, кричить, что оружія не сложить.

Несмотря однакоже на тотъ высоко-идеальный колоритъ, который сообщилъ поэтъ своему произведенію, холодный безпристрастный критикъ все же можетъ составить себѣ по немъ ясное представленіе о характеристическихъ особенностяхъ польской шляхты описываемаго поэмою времени; насколько удовлетворительно выполнено это въ предлагаемомъ разборѣ— пусть благосклонный читатель рѣшаетъ самъ.

II. О поэмѣ Зальскаго: „Духъ степи“.

Иосифъ-Богданъ Зальскій, составившій себѣ громкую извѣстность своими украинскими думками, родился въ 1802 году на Украинѣ въ деревнѣ Богатыркѣ. Дѣтство свое проводилъ онъ подъ скромною кровлею украинскаго землепашца, а первыя впечатлѣнія получилъ въ необозримыхъ степяхъ своей родины среди народа, въ которомъ сохранились древніе нравы, простота жизни, множество воспоминаній о быломъ времени и живая вѣра въ сверхъестественный міръ. Въ 1815 году онъ поступилъ въ школу въ Умани, гдѣ свелъ дружбу съ Севериномъ Гоцинскимъ (поэтомъ той же украинской школы), а въ 1820 вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ поступилъ въ новооткрытый варшавскій университетъ. Нѣкоторое время онъ былъ домашнимъ учителемъ у Гурскихъ, потомъ у генерала Шембека; вообще жизнь далеко не улыбалася Зальскому, и весьма вѣроятно, что постоянныя лишенія, имъ испытываемыя, въ связи съ глубокою тоскою по родинѣ не мало повліяли на проявленіе въ немъ поэтическаго таланта. Послѣ 30-го года онъ покинулъ Польшу, удалился во Францію, откуда предпринялъ нѣсколько путешествій, между прочимъ и въ Италію. Поселившись въ Парижѣ, онъ вошелъ въ самыя близкія дружественныя отношенія съ Мицкевичемъ. Умъ свой обогатилъ онъ собственными научными занятіями и путешествіями; зналъ почти всѣ славянскіе языки и нѣсколько европейскихъ; переводилъ сербскія пѣсни, а также нѣкоторыя произведенія Петрарки, Гёте, Шиллера и Вальтеръ-Скотта. Мицкевичъ такъ отзывался о Зальскомъ: „Зальскій, безъ сомнѣнія, величайшій изъ всѣхъ славянскихъ поэтовъ. Онъ, такъ сказать, бросилъ букетъ цвѣтовъ въ заключеніе поэтическаго игрища Славянъ; онъ всегда будетъ приводить въ отчаяніе тѣхъ, кто хотѣлъ бы любить искусство для искусства, ибо имъ исчерпаны всѣ способы, всѣ рифмы,

все, что только можетъ быть самаго блестящаго въ колоритѣ и самаго нѣжнаго въ оттѣнкахъ“¹⁾; Судь Мохнацкаго²⁾ отличается большею умѣренностью, ограничивая размѣры поэтического гения Залѣскаго одною только Польшею, а не распространяя ихъ, подобно Мицкевичу, на всё славянскія земли. Цибульскій³⁾ выражается объ немъ крайне-сдержанно и то только мимоходомъ; во всякомъ случаѣ съ мнѣніемъ Мицкевича онъ не согласенъ. Положительно протестуетъ противъ этого мнѣнія одинъ изъ современныхъ польскихъ критиковъ, г. Хмѣлевскій⁴⁾, сводящій всю заслугу Залѣскаго къ внесению въ польскую поэзію новаго (народно-украинскаго) элемента и къ усовершенствованію имъ одной лишь внѣшности стиха.

Хотя настоящая статья и не претендуетъ на полноту изложенія, все же авторъ ея не можетъ пройти молчаніемъ того мнѣнія о Залѣскомъ, которое русскій читатель найдетъ въ книгѣ Пыпина и Спасовича⁵⁾. Сравнивая Мальчевскаго съ Залѣскимъ, Спасовичъ говоритъ, что первый догадывался только о сокровищахъ, тающихся въ украинской почвѣ, между тѣмъ какъ второй вскрылъ эти сокровища, раскопалъ курганы, извлекъ оттуда груды драгоцѣнныхъ камней и выгравилъ ихъ съ такимъ искусствомъ, которое въ отчаяніе приводитъ переводчика и дѣлаетъ всякое подражаніе невозможнымъ. Далѣе этотъ критикъ говоритъ: „Нѣтъ ни одного польскаго писателя, который бы въ такой степени приближался къ идеалу объективной поэзіи, какъ Залѣскій, который бы такъ мало вносилъ въ эту поэзію своего собственнаго, личнаго; можно сказать, что онъ не господствуетъ надъ матеріаломъ“ а напротивъ подчиняется ему, подобно золотой арфѣ, изъ которой каждое дуновеніе вѣтра извлекаетъ чудные звуки. Матеріаль этотъ — козацкая дума, малороссійская пѣсня и сказка. „Для того чтобы выйти изъ круга чисто-украинскихъ представлений, Залѣскому недоставало широкаго философскаго образованія. Еще и въ томъ отношеніи онъ близокъ и вѣренъ простонародью, что никогда не сомнѣвался, не мудрствовалъ,

1) Mickiewicz: Kurs Literatury Słowianskiej (Левція 28-го Іюня 1842 г.)

2) Mocbański: O literaturze Polskiej w wieku dziwnym (стр. 128)

3) Cybulski: Odczyty o literaturze Polskiej w pierwszej połowie wieku dziewiętnastego.

4) Chmielowski: „Poezye J. B. Zaleskiego“. Niwa. 1877 г. Выпускъ 65—66.

5) Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича (стр. 465—463).

не колебался, но отъ начала до конца былъ вѣрнымъ сыномъ церкви и мѣологій христіанской. Отсутствіемъ философскаго элемента объясняется и то, что Залѣскій не создалъ ни одного великаго и цѣльнаго произведенія, для чего необходима философская мысль въ качествѣ цемента¹.

Поэтъ однако пробовалъ создать нѣчто большее и написалъ поэму „Духъ степи“, которая доставила ему въ польской поэзіи громадную извѣстность и долго почиталась образцомъ творческой фантазіи.

Произведеніе это представляетъ собою родъ лирической поэмы, въ которой поэтъ какъ будто въ неземной жизни витаетъ надъ Украиной и всею Славящиной, изображаетъ характеръ Славянъ, говоритъ объ историческомъ призваніи ихъ и прорицаетъ ихъ судьбу. Первенствующая роль въ будущемъ великомъ славянскомъ мірѣ принадлежитъ, конечно, Польшѣ, которую поэтъ представляетъ въ образѣ Магдалины: грѣшной, кающеюся и торжествующей. „Польша въ былыя времена нагрѣшила немало; за это Богъ наложилъ на нее свою тяжкую, но справедливую десницу; она многу выстрадала, многу перенесла; наконецъ, время искупленія кончилось и, свободная отъ всякаго грѣха, она лжуетъ въ средѣ своихъ сестеръ—другихъ славянскихъ земель“. Вотъ главная идея „Духа степи“ насколько можно уразумѣть ее изъ этой темной, запутанной и крайне-мистической поэмы. Нѣкоторыя строфы послѣдней написаны такимъ страннымъ языкомъ, что невольно рождается вопросъ, понималъ-ли самъ авторъ писанное. Напримѣръ, столь часто повторяемые стихи:

Miliony światel, cieni,—
Światy w kwiaty—Światów dzieje,
Na kadziłło Panu wieje...

или не менѣ частые: Któż ogarnie i wypowie

Drobny promyk w Bożem Słowie?

трудность пониманія которыхъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что недоумѣваешь, къ чему отнести ихъ и зачѣмъ это авторъ поставилъ ихъ въ данномъ мѣстѣ. Эти и подобные имъ стихи и выраженія дѣйствительно „приводятъ переводчика въ отчаяніе“, но причина послѣдняго вовсе не есть столь превозносимое Спасовичемъ искусство ихъ, а просто-полюйшая ихъ бессмыслица. Подтверженіемъ сказаннаго можетъ служить фраза, въ родѣ слѣдующей: „W świat zieleni się myśl żyzna“ (стр. 11)¹). Развѣ

¹) Duch od stepu przez Bohdana Zaleskiego. Lipsk. Brockhaus et Avenarius. 1847.

мысль может зелениться? Правда, по-польски есть пословица: „*prstro i zielono w głowie*“ (означаетъ глупую голову); но, вѣдь, здѣсь „зелень“ (т. е. глупость-по пословицѣ) приписана „*żuznej*“, т. е. плодотворной, мысли!...

Содержаніе поэмы слѣдующее:

Въ 1-й главѣ поэтъ говоритъ, что онъ родился на Украинѣ и первыя впечатлѣнія своего дѣтства получилъ именно тамъ, подъ влияніемъ пѣсенъ и сказокъ своей няньки (стр. 1-я и 2-я); любопытны три заключительныхъ стиха этой главы:

Chcę opiewać wiekom dzieło,
Lecz natchnienie przeminęło,
Niech się święci Wola Boża!...

въ которыхъ поэтъ наивно признается, что для написанія произведенія, достойнаго памяти потомковъ, у него не хватаетъ повгического вдохновенія. По нашему крайнему разумѣнію, коль нѣтъ вдохновенія, такъ и писать незачѣмъ! Поэтъ и самъ, какъ видно, сознавалъ это; тѣмъ не менѣе восклицаетъ: „*Niech się święci Wola Boża!*“, т. е. иными словами: „будь, что будетъ, а я всетаки напишу!“

Во 2-й гл. Украина напутствуетъ его, своего сына, словами, которыми убѣждаетъ его мужественно нести свой жизненный крестъ (стр. 3); она увѣрена, что послѣ многихъ испытаній сынъ ея сосредоточится, наконецъ, въ самомъ себѣ и пѣснью, унаслѣдованною отъ Бояна, никогда не перестанетъ захочивать своихъ соотечественниковъ къ великимъ дѣламъ (стр. 4). Въ 3-й гл. поэтъ припоминаетъ себѣ свою неземную жизнь:

Luby, dziwny, gdzieś przed laty,
Żywot czysty i skrzydlaty,
Pierworodny swój początek (стр. 5).

(Милая, чудная, гдѣ-то во времена оны чистая и крылатая жизнь, первородное свое начало).

Въ 4-й гл. поэтъ, или лучше, духъ его проникъ въ небесную сферу и предсталъ предъ лицомъ Создателя, окруженнаго мирадами святыхъ избранниковъ. Послѣдніе посылаютъ духъ поэта на землю, гдѣ онъ долженъ подвергнуться испытаніямъ:

Czas wypełnia się twej próby,
Zlec iskierko do otchłani,
Czeka oto ziemia rada!...
Zgaśniesz—biada ci! o biada! (стр. 7).

(Настало время твоего испытанія; летя, искра, въ пропасть; съ радостью ожидаетъ тебя земля; если потухнешь—горе тебѣ, горе!).

Въ 5-й гл. ангелъ усыпляетъ поэта и низводитъ его на землю.

Слѣдующая глава содержитъ въ себѣ описаніе земной жизни поэта. Тотчасъ послѣ рожденія его, умираетъ его мать; въ дѣтствѣ другіе играютъ, смѣются, а онъ склоняется по могиламъ, тоскуетъ и молится; ни въ комъ онъ не встрѣчаетъ любви къ себѣ; въ школѣ онъ ищетъ себѣ друзей по сердцу и

Na pustkowi marzy—wzrasta (стр. 11).
(живетъ и думаетъ въ одиночествѣ).

Въ головѣ его впервые зарождаются мечты о женщинѣ. Прямо со школьной скамьи поэтъ вступаетъ въ жизнь; тутъ онъ прежде всего исполняетъ свой долгъ по отношенію къ отечеству и—неизвѣстно ради чего—покидаетъ его (стр. 11—12).

Na чужбинѣ онъ Służy zgasłych plemion sławie
Stare bratnie waśni jedna (стр. 12).

(Служить славіи вымершихъ племенъ и мирить старую братскую вражду). О какихъ это вымершихъ племенахъ (въ оригиналѣ: погасшихъ) говорить поэтъ—догадаться трудно; еще труднѣе узнать, какимъ образомъ мирилъ онъ „старую братнюю вражду“.

Увлекаемый духомъ времени поэтъ покидаетъ вѣру въ Бога и вѣрить только въ свой разумъ:

Tknięty kolcem czarta—pęchy,
Wdziewa rogi już na głowę;
Suszy mózg—i myśl wyteża
Na zamachy wciąż jałowe (стр. 14).

(Побуждаемый исчадіемъ ада—гордостью—онъ надѣваетъ уже на голову рога, работаетъ мозгами, напрягаетъ мысль

и все это на пустыя лишь предиріятя). Затѣмъ, убѣдившись, что „*madrość wieku—bałamutna*“ (т. е. что все суется-суется), онъ кается и молить у Бога прощенія. Поэтъ снова глубоко вѣрить, и къ нему снова возвращается поэтическое вдохновеніе:

Na skinienie—biegna—zbiegły—
Pieśń i Czystość—dwie siostrzyce;
Na rumieniec grzeją lice,
Gdzieś na rajskie gody wiodą... (стр. 15).

(Бѣгутъ, приближали по мановенію Пѣснь и Невинность—двѣ сестры, производятъ на лицѣ румянецъ и ведутъ куда-то на райскую свадьбу). Вслѣдъ за этимъ наступаетъ для поэта пора любви, на которую онъ однако налагаетъ передъ читателемъ завѣсу, наглядно изображенную рядомъ точекъ на двухъ страницахъ (16—17). Онъ принужденъ разстаться со своей возлюбленной и съ этихъ поръ „*mętne życia fale mgłą się straszniej*“ (мутныя волны жизни все темнѣй и темнѣй). (стр. 17).

Поэтъ снова обращается къ вѣрѣ и небу; тогда друзья отшатнулись отъ него и за его слѣпую вѣру стали его врагами. Онъ только молится за нихъ и поетъ пѣсни о дорогой своей отчизнѣ. Ему нѣтъ дѣла до того, какъ люди принимаютъ эти пѣсни; онъ только сознаетъ, что всякъ долженъ трудиться, а пѣсни—его трудъ. Вотъ, какими словами жалуется поэтъ на свое одиночество:

Długo żył on dla Rodziny,
Dla przyjaźni—dziś niczyja
Dłoi nie wspiera;—sam, jedyny,
Jako cień podniebny mija.....

(Долго жилъ онъ для семьи, для дружбы; нынче ничья рука не поддерживаетъ его и онъ самъ, одинокій, блуждаетъ, какъ поднебная тѣнь). Сжалившись надъ поетомъ, ангель снова позволяетъ ему возвратиться въ прежнее его отечество, т. е. къ жизни неземной (м. VI и VII).

Изъ предвѣдущаго видно, что, какъ ни темно содержаніе разобранныхъ нами первыхъ семи главъ „Духа Степи“, все же можно положительно утверждать, что въ нихъ поэтъ имѣлъ намѣреніе рассказать свою жизнь и представить, такъ сказать, исторію своего поэтического призванія. Въ виду этого мы не находимъ возможнымъ согласиться съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ Спасовича, якобы Залѣскій осуществилъ собою идеаль объективнаго польскаго поэта.

Далѣ, въ виду собственного признанія поэта нельзя принимать въ расчетъ и тѣхъ словъ Спасовича, въ которыхъ онъ заявляетъ, что Залѣскій никогда не волебался, не мудрствовалъ, но отъ начала до конца былъ вѣрнымъ сыномъ церкви и мисологій христіанской.

Послѣ этого краткаго отступленія возвращаемся къ нашей поэмѣ.

Въ 8-й гл. поэтъ уже вѣтаетъ надъ Украиной; его прѣтствуетъ тамъ Боянь—„златогрунный гуслирь“. Дуновение вѣтра, деревья, бѣлый орелъ, соколъ, сѣрый волкъ—все это напоминаетъ поэту старославную пѣснь Бояна. Звуки ея становятся все тише и тише и, наконецъ, умолкають.

Въ слѣдующей главѣ вѣтеръ носитъ поэта по всей Украинѣ, „jak pelikan przez pustynię swoję piskłę z sobą posi“ (подобно пеликану, носящему съ собою по пустынь своего дѣтеныша). Начинаются видѣнія поэта. Изображается рай, въ которомъ невинная человѣческая чета ведетъ блаженную жизнь; вотъ какъ изображено поэтомъ это блаженное состояние:

Pieszczoch Pański po widomu
Z roskosznicą piękną, młoda
Błogie oto życie wiodą.
Ani cienia smutku-sromu.
Ziemia sługa w strojnym wdzięku
Do snu słodką pieśń świegoce,
Śniącym nosi aż do rękę
Miód i mleko-i owoce,—
Wieczność pieszczot-śród uśmiechu!...
Kochać, nucić, śnić po cichu.... (стр. 25).

(Любимецъ Бога ведетъ счастливую жизнь съ молодою, прекрасно очаровательницею. Ни малѣйшей тѣни печали или стыда. Роскошно убранная земля-рабыня поетъ сладкую пѣснь ко сну и подноситъ къ самымъ устамъ (въ оригиналѣ: къ рукамъ) мечтателей медь, молоко и плоды, Цѣлая вѣчность и вѣги среди довольства (въ ориг.—улыбки); любовь, пѣснь и тихое мечтаніе).

Но за всѣ получаемыя первыми людьми жизни они платятъ Творцу черною неблагодарностью; за это Господь изгоняетъ ихъ изъ рая и въ доказательство своихъ щедротъ дѣлаетъ ихъ смертными. Смерть, по мнѣнію поэта, благодѣяніе для людей:

Śmierć u boku

Czuwa—wiecznie ma na oku;
Jak o dzieci wciąż się troska;
By, gdy zwątlą w trudach siły,
Zapchnąć brzemię do mogiły. (стр. 26).

(Смерть бодрствует тут же, съ боку, постоянно имѣетъ ихъ (т. е. людей) въ виду: печется объ нихъ, какъ объ маленькихъ, всегда готовая свалить въ могилу бремя, если истощатся силы въ трудѣ).

Непосредственнымъ плодомъ познания, къ которому пришли люди, были грѣхи и преступленія, покрывшія съ тѣхъ поръ всю землю.

Patrzaj rajskie plemię,
Wiek po wieku bliźni gorzej:
Wszereż i wzdłuż pustoszy ziemię.
Brat zabija brata w złości.
Są już biedni, są bogaci;
Ów chleb chowa, ów zazdrości;
Hurmem bracia nuż na braci!
Owoż Owoc Wiadomości
Posuwajcie. O! wyrodni,
Co okrucieństw, sprośnych zbrodni?
Jad Wężowy w świat się sączy... (ib.)

(Смотри: райское племя съ каждымъ въномъ хуже кощунствуетъ: оно опустошаетъ землю вширь и вдоль. Въ злобѣ братъ убиваетъ брата. Есть уже бѣдные и богачи, тотъ прячетъ хлѣбъ, а этотъ завидуетъ; ну же, братья, гурьбой на братьевъ! Вкушайте-жъ теперь плодъ познания! О, исчадіе! Сколько жесткости, мерзкихъ преступленій! Ядъ змѣиный проникаетъ въ свѣтъ).

Въ наказаніе за все это ниспосылается потопъ. Нѣкоторое время на землѣ—миръ и любовь; потомъ человѣческій разумъ подымаетъ знамя бунта и строитъ вавилонскую башню; за это люди разсѣяны, а языки ихъ перемѣшаны; кромѣ того погибаютъ Содомъ и Гомора. Человѣкъ приходитъ къ сознанию о своей собственной волѣ, но результатъ этого сознания самый плачевный:

Nowe puszają się narody!
Wozpustują nowe grody! (стр. 28).

(Новые народы кичатся, новые города развратничаютъ).

Богъ избираетъ одинъ народъ носителемъ своей идеи: являются Израильтяне съ Моисеемъ, но и они вскорѣ забываютъ о своемъ призваніи; между тѣмъ возникаютъ Греки и Римляне.

Въ 10-й гл. повѣствуется о воплощеніи Христа, Его земной жизни, страданіяхъ и смерти; о призваніи апостола Павла, о дѣятельности св. Іоанна, Петра и объ избраніи послѣднимъ Рима основою новой церкви.

Языкъ этой главы представляетъ странную смѣсь торжественности предмета съ комическимъ нерѣдко наложеніемъ его. Такова напр. послѣдняя строфа:

„Na krzyż,—na krzyż Apostoła“,
Woła lud—i Paweł woła:
„Appeluję do Cezara;
Jam świadectwo—i Ofiara!“
A szamocę w tłum rękoma:
„Pietrze, Roma—nasza Roma!“

(„На крестъ, на крестъ апостола!“ кричитъ народъ; а Павелъ кричитъ: „Аппелирую къ цезарю; я—свидѣтельство и жертва!“ И барахтается руками въ толгѣ (крича): „Петръ, Римъ нашъ!“ (т. е. наша взяла!).

Читатель, конечно, недовѣрчиво улыбнется, если мы скажемъ, что вслѣдъ за этою курьезною сценою, изображающей чуть-ли не потасовку авторитетныхъ лицъ церкви, идутъ исполненныя благочестія слова:

Któż ogarnie—i wypowie,
Choćby promyk w Bożem słowie

(Кто пойметъ и выразить хотябы малѣйшее въ Божьемъ Словѣ).

Но мы смѣемъ завѣрить читателя, что все это—сущяя правда, и въ подтвержденіе сказаннаго ссылаемся на 35 страницу.

Въ 11-й гл. говорится о Римѣ „pięknem mieście“ (прекрасномъ городѣ).

W mieście
Wieczne gody:—a boleście
Po pieczarach. Od ciemnicy,
Jęki sierot,—lzy niewieście.
Dzwonią na gwałt Męczennicy... (стр. 36).

(Въ городѣ вѣчное веселіе, а въ катакомбахъ—печаль. Изъ тюрьмы слышны стоны сиротъ, слезы женщинъ. Мученики возвѣщаютъ о своихъ страданіяхъ).

(Въ оригиналѣ: мученики трезвонятъ изо всѣхъ силъ)... Далѣе, описывается походъ варваровъ на Римъ, и это мѣсто принадлежитъ безспорно къ лучшимъ по художественному изображенію предмета:

W stal zakuty wódz na przedzie,
Przez bezdroża, jedzie—wiedzie,—
Konny posąg Al-hun-ryka,
Niedźwiedziami strzepi kudły;
Suchożyły, w kość zachudły,
Boży Gniew,—twarz groźna, dzika;
Wzrok co nigdy się nie zmyka,
Bo powieki wrosły w czoło...
Jako rzeka w skałach strona,
Pluszcze za nim gwar wokoło:
„Roma, Roma! gdzie ta Roma“?
Konny posąg—Wódz na przedzie,
Nieprzystępny, głuchy, niemy,
Przez bezdroża jedzie—wiedzie;
Nagle staje.

„Tu spoczniemy.

„Strona w stepach ta! czy nie ta?

„W nocy wskaże nam kometa!...

„Roma-Roma—niedaleko...

(Grzmi ku swoim wieść ponurą):

„Tam za siódmą tylko górą...

„Za dziewiątą tylko rzeką!“ (стр. 37—38).

(Впереди ѣдетъ вождь закованный въ сталь, ведетъ ихъ по безпутьямъ статуя на конѣ—Альхунрика—взъерошивъ свою медвѣжью шерсть; мускулистый, сухой гнѣвъ Божій—лицо грозное, дикое—никогда не смыкаетъ глазъ, ибо вѣки врослись въ чело... Подобно быстрой рѣкѣ въ скалахъ, повсюду шумить за нимъ говоръ: „Римъ, гдѣ-жъ этотъ Римъ?“ Конная статуя—вождь впереди—недоступный, глухой, нѣмой, ѣдетъ, ведетъ по безпутьямъ. Вдругъ останавливается. „Здѣсь отдохнѣмъ. Та-ли, не та въ степяхъ страна,—покажетъ ночью комета! Римъ недалеко... (Гремитъ къ своимъ угрюмою вѣстью): всего только за седьмой горой, за девятой рѣкой!“

Въ 12 й гл. выступаетъ другой избранный Богомъ народъ—Славяне. Едвали въ какой славянской поэзіи существуетъ

богѣ идеальное изображеніе ихъ; поэтъ считаетъ ихъ „вѣт-кой Адама непосредственно пересаженной изъ шатровъ Авраама“ (стр. 41); на нихъ почиваетъ особенная благодать Божія; даже въ языкѣ ихъ отражается это: отъ слова Богъ и хлѣбъ у нихъ зовется „zboże“: отъ Бога же и—богатыри (sic!); отъ Бога—убогій и богатый; они не вѣдаютъ

Ani znoju—ani boju—
Wolni—równi w pokoju (стр. 42).

(Ни труда, ни боя; они—свободны, равны и предаются мирнымъ мечтаніямъ). Поэтъ восхищается ихъ политическою жизнью:

Wezycich ręku patrzaj losy!
Och! Królują im dziewice,
Roskochane, krasnolice!
Krótki rozum,—długie włosy!...
Patrzaj—patrzaj—przed Tatrami
Słynie córa w świat Krakusa!
Patrzaj—patrzaj—za Tatrami
W bratnich Czechach znów Lubusa!
Przy Królowych—w ślad gęślarze:
Za oczyma, za pieśniami
Ludy—do nóg chyłą twarzel!... (ib).

(Въ чьихъ рука ихъ судьба. Царствуютъ у нихъ красныя дѣвицы, дышашія любовью! Умъ коротокъ, волосы длинны. Гляди: передъ Татрами на весь міръ слыветъ дочь Кракуса, а за Татрами, въ братней Чехіи—Любуша. При королевнахъ—гусяры. Народъ падаетъ ницъ передъ глазами, передъ пѣснью). Описываются ихъ религіозныя вѣрованія, обычаи и мирныя занятія. Увлеченные общимъ потокомъ, они вмѣстѣ съ варварами идутъ на Римъ.

Въ 13-й гл. изображается старый развратный Римъ съ его забавами и игрищами, съ его коллизеями и люпанарами.

Въ 14-й находимъ идеальное изображеніе римскаго первосвященника, просвѣтительную дѣятельность христіанскихъ миссіонеровъ, Средніе вѣка и ихъ „свѣтлую сторону“—борьбу за вѣру. Въ 15-й нашествіе турокъ на юго-славянскія земли; безбожіе и волномысліе Новыхъ вѣковъ, негодованіе на критическое отношеніе людей къ дѣламъ чувства и на эманципацию женщинъ. Глава эта заключаетъ въ себѣ много ма-

теріала для характеристики умственного состоянія поэта. Вотъ, какъ, напр., понимаетъ онъ возрожденіе наукъ и искусствъ:

Widzę, Ludzkość milczy zdala,—
Już się czemuś lepszą mieni;
Rozum—rozum swój wyzwala!
Miecz—precz;—ręce na kieszeni;
A szamoce się—wykrzyka:
„Proch—i Druk—i Ameryka!“
Duch czy wróci?...

Mnich się żeni;
W ślady za nim waśń złowroga;
Skróś duchowni już cieleśni!
Smutno—pusto—nigdzie Boga—
A ni w sercach—ani w pieśni!
Drobne czyny,—nudne dzieje;—
Duch pochłania skry zapału,—
Człowiek studzi się pomału—
Jako kruszec:—świat kupczeje! (60—61 стр.).

(Вижу: человечество молчитъ и почему-то считаетъ себя уже лучшимъ; освобождаетъ свой разумъ, мечъ бросило, а руки — на карманъ; оно барахтается и провозглашаетъ: „порохъ, книгопечатаніе и Америка!“ Вернется-ли духъ?... Монахъ женится; вслѣдъ за этимъ—злая вражда; духовные уже насквозь тѣлесны; грустно, пусто—нигдѣ-то нѣтъ Бога: ни въ сердцахъ, ни въ пѣснѣ; дѣла все мелкія, исторія—скучна; духъ поглощаетъ искры воодушевленія; человекъ становится понемногу все холоднѣй, какъ металлъ; міръ—торгуетъ!). А вотъ взглядъ на французскую революцію:

Świtać—świtać—och! zaczyna —
Może jutrznia? Gilotyna!... (стр. 63).

(Начинаетъ разсвѣтать. Можетъ, это заря?... гдѣ тамъ—гильотина!).

Въ 16-ой гл. духъ поэта переносится въ Польшу; поэтъ изображаетъ ея страданія и униженное состояніе. Глубокую грусть и любовь къ родному языку высказываетъ онъ въ слѣдующихъ, по истинѣ—прекрасныхъ стихахъ:

Mowa nasza głuchońie wszędzie
Mowa w sercach wykochana,

Jak anielskich rąk narzędzie,
Taka strojna i ograna:
Toż do szeptów służyć będzie?
Panie! (стр. 67).

(Язык нашъ повсюду гложеть, языкъ, всѣмъ сердцемъ любимый и такой стройный—и музыкальный, какъ инструментъ ангельскихъ рукъ. Неужели только для шепота онъ у насъ будетъ? Господи!

Изображая несчастье Польши, поэтъ, несмотря на увѣренность въ правосудіи божьемъ, наивно вопрошаетъ:

Panie! Panie! a zapłata?
Darmoż polską pieśń Prorocy—
Jęczą oto z całej mocy,—
Jęk przeciągły—jak sierocy!... (ib).

(Господи! Чѣмъ же это Ты намъ заплатишь? Неужели даромъ пророкамъ (т. е. поетамъ) пѣть изъ всѣхъ силъ польскую пѣснь и стонать протяжнымъ стономъ, какъ сиротамъ!..).

Такая коммерческая выходка поэта наряду съ важностью матеріи, о которой только что говорилось, производитъ одинъ лишь комическій эффектъ и совершенно парализуетъ впечатлѣніе, какое могъ бы получить читатель отъ всей этой главы.

Въ 17-ой гл. Польша представлена въ образѣ кающейся Магдалины.

Grzeszna ciałem—cierpi w ciele;
Pokutnica piękna, miła,
Zawiniła wiele, wiele.
Och! kochała, swawoliła...
Lata kłęczu na popiele!... (стр. 68—69).

(Грѣшница тѣломъ, она и страдаетъ тѣломъ; прекрасная, милая покаяница много, много провинилась; любила, шалила... А теперь, цѣлые годы стоитъ на цепляхъ). Въ слѣ-

дующей главѣ грѣшница получаетъ прощенье свыше. Боянь подаетъ ей свои гусли и въ длинной пѣснѣ пророчить ей великое будущее.

Глава 19-я представляетъ какую-то странную аллегорію, смыслъ которой, несмотря на завѣренія автора, считающаго ее достаточно прозрачною, недоступенъ пониманію пишущаго эти строки. Слѣдующая глава содержитъ въ себѣ воспоминанія поэта о дняхъ его дѣтства и юности, и о первыхъ его впечатлѣніяхъ, и такимъ образомъ читатель еще разъ убѣждается, что Залѣскій—далеко не вполне объективный поэтъ. Собственно этимъ и оканчивается поэма, ибо въ 21 гл. находимъ только завѣренія автора, что все, сказанное имъ—не сонъ, а—откровенье свыше; въ слѣдующей за нею—философскія мысли поэта на тему человѣческаго ничтожества и Божьяго величія; наконецъ, въ послѣдней (23-ей гл.)—излишняя привязанность къ вѣрѣ совсѣмъ сбиваетъ съ толку поэта, такъ что онъ, не зная, видимо, чѣмъ кончить поэму, упрекаетъ людей въ томъ, что они не вѣрятъ чудесамъ... въ рѣшетѣ.

Считаемъ излишнимъ останавливаться въ этомъ мѣстѣ на характеристикѣ поэта, такъ какъ изъ представленнаго разбора его главнаго произведенія читатель успѣлъ уже, думаемъ, отчетливо составить ее.

Въ заключеніе позволимъ себѣ лишь привести сужденіе Сѣменскаго о Залѣскомъ. Не находя словъ для выраженія похвалы нашему поэту за его глубокую привязанность къ вѣрѣ (какъ будто и въ самомъ дѣлѣ извѣстная степень ортодоксіи въ поэтѣ является уже вполне резоннымъ основаніемъ къ превозношенію его творческаго таланта), Сѣменскій такими словами заключаетъ одинъ изъ немногихъ своихъ „Литературныхъ портретовъ“:

„Сынъ вѣка, странникъ, онъ (Залѣскій) однако можетъ быть названъ счастливымъ; ибо развѣ не забросилъ онъ своего якоря въ той пристани вѣры, надежды и любви, откуда не вырвутъ его противные вѣтры, откуда самый даже голосъ сирены не выведетъ его на мель. А голосъ этотъ, развѣ не соблазнителенъ! Это—не минестрель,—это—какъ бы холодокъ украинскихъ роць, вѣющій съ береговъ Средиземнаго моря и поющій въ окно пустытника Эндоуме:

„Słowiczku mój, a leć, a piej!
Na pożegnanie piej
Wyłanym łzom, spełnionym złom

Skończonej piosnce twej.
Bo wyszedł głos i padł już los
I tajne brzemie lat
Wydało płod i stał się cud
I rozraduje świat. *)

(Соловушка мой, лети и пой, вой на прощанье съ влѣтлыми слезами, съ исполненными снами, съ оконченною твоею пѣсенкой. Ибо раздался уже гласъ и жребій уже палъ, и тайное сѣмя вѣковъ произвело плодъ, и сталося чудо, и обраду ть мѣръ).

„И соловушко, продолжаетъ нашъ витиеватый критикъ, полетѣлъ, но не увидалъ ни чуда, ни конца своимъ слезамъ. Отчего же? Не оттого-ли, что ему не хотѣлось настроить свой духъ на высокій тонъ; или оттого, что наивный вѣрищій какъ дитя, какъ народъ, опъ:

„Służy Panu i chwali jak unie

i jak go kościół—matka nauczył?“ (служить Господу и хвалить Его, какъ умѣть и какъ его научила церковь—мать)?

Изъ этихъ темныхъ словъ читатель можетъ вывести лишь то неутѣшительное заключеніе, что въ польской литературѣ, если трудно понимаешь инагѣ писателя или поэта, то критика его во сто разъ труднѣе понять.

*) Стихи Мицкевича, которыми онъ извѣщаетъ Зальскаго о появленіи новаго пророка—Тавіанскаго (ср. нисма Мицкевича въ Зальскому).

Емельянъ Каль.

О Славянской народной поэзии.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ АКАД. ПРОФ. В. ЯГИЧА.

Читано въ засѣданіи историко-филологич. отдѣленія юго-славян. акад. наукъ и искусствъ въ Заг. ебѣ, 14 октября 1876.

Изъ хорватскаго журнала: „*Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti*“.

Кн. XXXVII. Загребъ. 1876. Стр. 33—137.

Часть первая.

Историческія свидѣтельства о пѣніи и пѣсняхъ Славянскихъ народовъ.

I.

Идея пѣсни. Древнѣйшія славянскія пѣсни были духовныя и обрядовыя.
Сила народнаго пѣнопѣнія у Славянъ.

§ 1. Появленіе пѣсни тѣсно связывается съ появленіемъ языка. Можно сказать, что, какъ нѣтъ народа безъ своего языка, такъ нѣтъ его безъ своей поэзіи. Первые звуки, которые вырвались изъ человѣческихъ устъ, какъ зародышъ языка, были вмѣстѣ съ тѣмъ и первою пѣсней. Тайственный процессъ появленія человѣческаго слова стоилъ чело-
вѣку столько усилій, что первыя слова въ непривычныхъ ухахъ звучали, какъ возвышеннѣйшая поэзія. Итакъ, сперва говорить и пѣть значило одно и то же, подобно тому какъ напр. у пѣвчихъ птицъ пѣніе служить, хотя и въ ограниченной мѣрѣ, средствомъ взаимнаго пониманія. Въ языкахъ остается еще и теперь довольно слѣдовъ прежней тѣсной связи между тѣмъ, что мы теперь различаемъ: говорить и пѣть. Тотъ же глаголь, который въ одномъ индоевропейскомъ языкѣ значить пѣть, часто употребляется въ другомъ съ значеніемъ говорить и наоборотъ. Напр. глаголь, которымъ Грекъ поетъ (*ἀείδω* или *ᾄδω*), одинаковъ съ санскритскимъ глаголомъ говорить (*vadāmi*), который въ литовскомъ имѣетъ значеніе: звать (*vadinti*), а въ славянскомъ: кричать (*vaditi* старослов.—кричать на кого, шутить). А глаголь, которымъ мы теперь „говоримъ“ [славянскія племена одни (восточныя и южныя) „говорятъ“, другія „молвятъ“ (сѣверо-западные)] значилъ нѣкогда: шумѣть, кричать, а въ санскритскомъ языкѣ: извѣщать громко (причастіе *joguvānas*—извѣщающій отъ кор. *gu*), славить. Въ хорватскомъ языкѣ только голубь или горлица „*учатъ*“ (корень *гѣлк*), но у вен-

герскихъ Словенцевъ вообще люди „ючаютъ“ (вм. нашего глагола: *юворятъ*); такъ точно и въ русскомъ встрѣчается провинциализмъ *юмчатъ* вм. обычнаго *юворить*, напр. приходи ко мнѣ *юмчатъ* (твер. губ.)

Лишь только поднялась пѣсня, какъ сильнѣйшая потенція разговора, до своей высшей ступени, она явилась въ болѣе тѣсной сферѣ значенія: пѣніе отдѣлилось отъ разговора. Но между индоевропейскими языками нѣтъ единства въ выраженіи понятія: нѣтъ и пѣши. Только оба азіатскіе члена (санскритъ и zendъ) совершенно сходятся въ корнѣ *gá*, откуда *gáthā* пѣсня; въ другихъ языкахъ нѣтъ согласія. Тотъ же корень *gá* живетъ напр. у насъ съ ограниченнымъ значеніемъ въ словѣ *я*—дать и, по всей вѣроятности, въ латинскомъ того же значенія: *vātes*. Между тѣмъ лат. *canere*,—которое одни производятъ изъ *canere* (ср. *carmen* вм. *casmen*) и приводятъ въ связь съ санскр. кор. *çans*¹⁾. Другіе отъ корня *kan*²⁾, откуда, по всей вѣроятности, и нѣм. *singen* (гот. *halan*—пѣвецъ, пѣтухъ),—стоитъ точно также особнякомъ, какъ и нѣм. *singen* (гот. *siggvān*) и т. д. Даже между Славянами и Литовцами нѣтъ единства: послѣдніе не знаютъ нашего *пѣти*, мы—ихъ *gėdoti*, праес. *gėdu-gėdmi*. Было бы, разумѣется, невѣрно и несправедливо, если бы мы стали отсюда выводить, что индоевропейскіе народы не умѣли пѣть, пока еще жили гдѣ-то въ пераздѣльности. Противъ этого протестуетъ уже и языкъ, доказывающій, что глаголы, которые означаютъ пѣніе, всѣ—древнее наслѣдіе старины, и можно найти слѣдъ ихъ въ другихъ языкахъ, только не въ значеніи пѣнія, но голоса, звука, шума, зова, разговора. При всемъ томъ я сказалъ бы, что это несогласіе въ языкахъ—несовсѣмъ безъ причины. Оно доказываетъ, по моему мнѣнію, что въ ту давнюю индоевропейскую эпоху пѣсня еще не перешла первой стадіи своего развитія; подобно языку, и она считалась общимъ даромъ всѣхъ и каждаго, и именно изъ-за этого она не выдѣлялась, какъ нѣчто особое и исключительное, чтó бы обращало на себя вниманіе чловѣка настолько, чтобы для означенія этого исключительнаго, нужно установить особое выраженіе. Какъ въ природѣ миллионы самыхъ различныхъ звуковъ сливаются въ одну великую гармонию, такъ праотцы будущихъ великихъ индоевропейскихъ народовъ

¹⁾ Ср. Pott, Etym. Wörterb. №-ro 715

²⁾ Гр. *κάνειν*—звучать. Curtius Grundz. IV Aufl. 140.

въ беззаботной простотѣ своей своимъ *словомъ* обращались къ обожествляемой природѣ, которая имъ казалась то доброю, то страшною, сообразно чему и слова ихъ были полны то спокойствія и веселья, то заботы и боязни. Никто ихъ не училъ, какія слова къ чему пригодны, еще не было ни поэта, ни опредѣленныхъ пѣсень, но каждый пѣлъ, какъ умѣлъ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ окружающей человѣка природы.

Мы можемъ себѣ и теперь до извѣстной степени представить, какими пѣснями наши праотцы развеселились и потѣшались, молились и поклонялись обожаемой природѣ; ибо для насъ сохраняется старинный, за тысячу лѣтъ до нынѣшняго лѣтосчисления достигающій образчикъ хвалебной пѣсни въ молитвѣ индійскаго колѣна, которое тогда еще, пока эти пѣсни жили въ устахъ народа, не слишкомъ далеко ушло по пути развитія и можетъ до нѣкоторой степени служить представителемъ цѣлаго рода, какъ въ поэзіи *pars pro toto*.

Въ индійскомъ сборникѣ святаго знанія (*vêda* ср. чеш. *veda*), — который сохранился въ тройномъ видѣ, какъ сборникъ гимновъ или пѣсень вообще (*ṛc* значитъ пѣсня, стихъ, ср. *ръчъ*, санскр. корень *arc* = слав. *рек*, откуда *рч* — *вьда* по законамъ индійской фонетики *ṛgvêda* или выговору европейцевъ, не знающихъ вокальнаго *ṛ*, *ṛgvêda*), затѣмъ какъ сборникъ стиховъ, назначенныхъ для служебнаго пѣнія (*sâman*, отсюда *sâmarêda*) и какъ сборникъ формулъ, назначенныхъ для жертвенныхъ обрядовъ (*jagjus*, отсюда *jagjurgvêda*), — находится пѣсни, т. е. молитвы и гимны, въ которыхъ духъ индійскаго человѣка выразилъ свои рефлексіи о *небѣ*, *чагуна* (образѣ), о *свѣтѣ* (*mitra*, что нѣкоторые объясняютъ = слав. *міръ*, все—*міръ*), обь *огнѣ* (*agni*), о *солнцѣ* (*sûrja*, ср. лит. *saule*, слав. *съл-нъ-це* и серб. прил. *sûr*), о *зари* (*uśas* = лат. *auroga*, лит. *aušrà*), о *ночи* (*gâtrî*), о *вѣтрѣ* (*vâta*, ср. лит. *vėjas*, слав. *вѣтръ*), о *бурѣ* и ея вѣстникахъ (*rudra* и *marut*), о *матери земли* (*prthivî*, ср. слав. *плѣть*) и т. д. Все здѣсь вмѣстѣ, — явления природы, небесныя силы и боги: индійская религія того времени не знала еще приведенной въ порядокъ небесной іерархіи съ точнымъ числомъ боговъ и богинь, хотя въ пѣсняхъ этихъ прославляются уже *все боги* (*viśvê dēvās*), а въ отдѣльности могучій *Индра* (сан. *indra* можетъ быть родственъ словинскому *jedar*, старосл. *ждръ*). Какъ я сказалъ, до извѣстной степени могутъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, древнѣйшіе, гимны индійской „вѣды“ быть разсматриваемы, какъ отраженія не только индійскаго, но об-

ще-индоевропейскаго духа, хотя и нельзя скрыть, что въ нихъ прежде всего проявляется отраженіе исполненной индійской природы. Съ полною надеждою можемъ полагаться, что сравнительной наукѣ скоро удастся открыть признаки, по которымъ можно найти, какіе изъ этихъ гимновъ всего ближе къ древнимъ индоевропейскимъ воззрѣніямъ.

§ 2. Перенесемъ за много сотъ, можетъ быть, и тысячъ лѣтъ назадъ въ то время, когда славянское племя составляло отдѣльное цѣлое. Какъ бы важно знать намъ, какъ славянскіе праотцы разговаривали со своими богами, какія пѣсни имъ пѣли, какія приносили жертвы! Въмѣсто гимновъ, которыхъ сотни находятся въ Ригведѣ, здѣсь является единственнымъ стариннымъ свидѣтелемъ слово — *пѣти*, *пѣсь*. Какъ ни мало, тѣмъ не менѣе свидѣтельство это что-нибудь значить. Въ противоположность упомянутому выше несогласію индоевропейскихъ языковъ въ словахъ, обозначающихъ пѣніе, всѣ славянскія племена одинаково употребляютъ и стари употребляли одинъ и тотъ же глаголъ „*пѣти*“, одно и то же существительное — „*пѣсь*“. Это согласіе, это сходство и единство въ названіи доказываетъ, по моему мнѣнію, единственно то только, что наши праотцы во время своего племеннаго единства понятіе пѣсни даже развили, точнѣе опредѣлили и обособили. Пѣсня перестала быть простымъ проявленіемъ индивидуума, она получила уже теперь значеніе общественное, заняла опредѣленное мѣсто въ семьѣ и общинѣ, какъ отдѣльный факторъ народной жизни. Но самому слову нельзя точно судить, какія творенія были тѣ первыя славянскія „пѣсни“, но уже единство слова говорить за то, что такъ обозначенное понятіе носило на себѣ довольно признаковъ единства, что оно довольно рѣзко выдѣлялось изъ цѣлой массы другихъ понятій народной жизни, какъ нѣчто отдѣльное, какъ нѣчто само по себѣ единое. Слово „*пѣсь*“—старога образованія, одинаково образованныхъ словъ въ славянскихъ языкахъ не много¹⁾: уже это доказываетъ, что его происхожденіе совпадетъ съ раннею эпохою славянскаго этническаго единства. Корень его, по всей вѣроятности „*п*“, который означать звучанье голоса, что видно еще въ словахъ: *пшкъ*, *пшцать*

¹⁾ Должно упомянуть, что рядомъ со словомъ *пѣсь* существуетъ еще одинаково образованное слово *баснь*; и значеніе обоихъ словъ оч. сродно, что доказываетъ чешское *басникъ* равнозначащее хорватскому *пѣсникъ*—портъ.

и проч. Отсюда легко вывести, что пѣсня первоначально, какъ и глаголь пѣть, и т. п., означала только пѣніе (cantus), слѣдов. по нынѣшнему дѣленію—лирическую пѣсню. Итакъ всего раньше славянскія „пѣсни“ были воспѣваніями, гимнами, молитвами, какъ мы сказали было въ древней Индіи и что, какъ извѣстно, или вѣроятно было и у остальныхъ членовъ великой индоевропейской семьи. Съ этою теоріей дѣйствительно вполне соглашается фактическое значеніе слова пѣсня въ древнѣйшихъ образцахъ. Только лирическія пѣсни были въ древнѣйшую эпоху „пѣснями“ par excellence, а всѣ другія назывались: „повѣсти,“ „сказанія“ и т. д. Въ надписяхъ краледворскаго сборника называется только лирическій отдѣлъ „пѣсни“: *rosinacie kapitule osmmezcieta* (т. е. 28) *tretich knih o piesniech* (т. е. начинается 28 глава 3-ей книги о пѣсняхъ), въ заглавіяхъ историческихъ пѣсенъ этотъ терминъ не встрѣчается ¹⁾. „Вѣщій“ Боянь, миѣическій представитель южно-русской народной поэзіи, не слагалъ своихъ „повѣстей“ по „былинамъ,“ но по „замышленію,“ возносилъ на многострунной арфѣ славу киевскимъ и южно-русскимъ князьямъ; за то его творенія были „пѣсни,“ стоя какъ бы на распутьи эпоса и лирики, какъ и теперь еще маорусскія думы. Но авторъ „слова“ о полку Игоревѣ не одобрялъ этого выпрежняго полета Боянова, по его мнѣнію нужно, чтобы эпическое сказаніе было „по былинамъ,“ т. е. какъ было на самомъ дѣлѣ.

Не желая удалиться отъ исторической истины, мы не будемъ слишкомъ глубоко пускаться въ размышленія о древнѣйшихъ славянскихъ „пѣсняхъ.“ Ограничимся двумя-тремя чертами изъ языка. Постоянный эпитетъ „вѣщій,“ которымъ характеризуется Боянь—а это, по всей вѣроятности, было не одно лице, какъ мы увидимъ позже—доказываетъ, что въ праславянскую эпоху поэты въ обществѣ имѣли значеніе вѣщуповъ, чародѣевъ и пророковъ. Прежде указанная связь

¹⁾ Въ чешскомъ языкѣ глаголь *пѣть* вышелъ почти изъ обычая, его стали замѣнять составнымъ *сѣвать*. Съ нѣкоторой поры *пѣть* и *пѣние* получили значеніе церковное, означая церковный речитативъ. Пречекъ приводитъ такой примѣръ изъ 1421 года: *pieti budú jasnym hlaholem toto pienie: kristus hosrodin etc. pakli chtieti zpievati, ale takto zpievajte* (Königinhof. Handschrift. 79). Въ провинціальноймъ діалектѣ хорватскаго языка вытѣсненъ также простой глаголь *pěti* составнымъ: *porpěcati*, отсюда и *porpěka*.

нашего глагола гадать съ индйскимъ значеніемъ пѣть свидѣтельствуемъ еще о томъ, что прорицаніе, которое играетъ роль во всякой религіи, принимало поэтической обликъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и этими функціями завѣдывалъ священникъ который въ старослав. языкѣ носитъ названіе *жрьци* отъ глагола *жрьти*, т. е. по коренному значенію: хвалитель, славитель—въ литовскомъ еще и нынѣ „*girti*“ значитъ славить,—отсюда славянскіе *жрецы* были *par excellence* славители боговъ, ихъ *жертвы* (жрътва) состояли въ цѣни славы богамъ, къ которому, конечно, присоединилось обдариваніе, призываніе. Изъ всего этого можетъ быть выведенъ *церковный* характеръ древнѣйшихъ славянскихъ „пѣсенъ“: онѣ были пѣснями во славу боговъ, которыя пѣль нѣкогда старѣйшина рода, бывшій за одно и *жрецомъ* цѣлаго рода, а впоследствии ихъ пѣль особый классъ людей поэтовъ—жрецы.

§ 3. Гератскою функцію не исчерпано понятіе „пѣсени,“ но мы о ней не знаемъ ничего больше, такъ-какъ это лежитъ внѣ историческихъ свидѣтельствъ. Вторая важная задача „пѣсни“ была обрядовая, *ритуальная*, и о ней мы можемъ судить довольно вѣрно по нынѣшней жизни славянской народной поэзіи. Какъ вездѣ гдѣ сохранилась старина, и теперь нѣтъ народныхъ обычаевъ безъ пѣсенъ и при томъ опредѣленныхъ пѣсенъ, которыя приличны именно тому обычаю: такъ мы можемъ сказать, что въ давнія, долготорическія времена простая, правильно движущаяся жизнь славянскихъ народовъ всецѣло была проникнута пѣсней; при всякомъ случаѣ, праздновалось ли празднество въ хатѣ, совершалась ли какая-нибудь работа внѣ хаты, народъ умѣлъ ихъ встрѣтить хорошо извѣстными, старыми пѣснями, которыя къ нимъ привязаны были по давней традиціи, безъ которыхъ тотъ обрядъ или обычай не былъ бы полонъ. Нѣкогда всякій народный обычай или обрядъ исполнялся гораздо правильнѣе, общительнѣе и обильнѣе съ болѣе строгимъ церемоналомъ, чѣмъ теперь. Въ частности, что касается пѣсенъ, нѣтъ сомнѣнія, что нѣкогда между обрядомъ или обычаемъ и пѣсней, такъ сказать, содержаніемъ того, что пѣлось при этомъ обрядѣ была связь, которой теперь или совершенно нѣтъ, или мы ее не видимъ, такъ-какъ она затемнилась, ибо обычай измѣнился, или пѣсня перемѣнилась. Наконецъ я хочу и то еще поставить на видъ, какъ было бы несправедливо, если бы мы дали себя обмануть письменными показаніями; по которымъ не было пѣсенъ, кромѣ случаевъ разнузданнаго веселья какъ это, къ сожалѣнію, все сильнѣе становится правиломъ нынѣшней „культурной“ жизни. Ни за что. Хотя старыя лито-

писныя свидѣтельства и не говорятъ о народной пѣснѣ иначе, какъ съ укоризной, мы знаемъ, что они—пристрастные свидѣтели, они всѣ безъ исключенія обвинители, а кто обвинить, тотъ не хвалить. Сообразно духу времени въ среднѣе вѣкъ не было чего хвалить въ народной пѣснѣ; то, что съ нашей точки зрѣння достойно всякаго уваженія, въ старыя времена было лишь терпимымъ и *potest sustineri*—вотъ наибольшая уступка, которую римская курія допускала относительно сословія средневѣковыхъ юкудаторовъ, которые потѣшались пѣніемъ эпическихъ пѣсенъ и религиозныхъ легендъ. А на какой народной обычай смотрѣли такъ индифферентно, какъ то показываютъ слова *potest sustineri*, тамъ средневѣковые лѣтописцы не находили причины—еще подробно говорить о дѣлѣ. Итакъ изъ свидѣтельствъ, которыя оставила намъ старина, мы получаемъ только очень неполную, почти вездѣ отрицательную картину,—вернуть ее на позитивную сторону, дополнить и оживить, это задача не особенно трудная для нашего времени. Я здѣсь не берусь за это, такъ какъ для меня главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы соединить одни свидѣтельства, представить борьбу за существованіе народной поэзіи съ новыми факторами: христіанствомъ и цивилизаціей; соединить какъ бы въ одинъ фокусъ тѣ лучи, которые прозвели встрѣча и столкновение старыхъ обычаевъ съ новыми идеями. Здѣсь не одинъ простой антикварскій интересъ и имѣю предъ глазами: у меня идетъ дѣло о томъ, чтобы этимъ путемъ объяснить кое-что,—историческое изложеніе и здѣсь, по моему мнѣнію, не остается безъ результата.

§ 4. Во славу поэтической силы славянскихъ народовъ было написано много панегириковъ. Кому не извѣстенъ энтузіазмъ къ славянской народной поэзіи пылкаго автора „Дочери Славы,“ или его даровитаго друга Штура? Я не стану здѣсь повторять ихъ похвалъ, но хочу выставить здѣсь, какъ непреоборимый результатъ сравнительной этнографіи, что иностранцы такъ же теперь, какъ и нѣкогда признаютъ за славянскимъ членомъ палеоевропейской семьи необыкновенную наклонность къ поэзіи. Особенно важны свидѣтельства о тѣхъ краяхъ, гдѣ славянскую народность окружаютъ инородныя племена, и сравненіе представляется само собою. Именно на этихъ мѣстахъ, по единогласному свидѣтельству этнографовъ, Славянннъ превышаетъ богатствомъ своей поэтичности всякаго сосѣда. Много такихъ свидѣтелей найдетъ читатель въ приложеніяхъ къ Колларовой „Дочери Славы“ къ 48 совету первой книги, и покойный Вразъ охотно занимался этимъ вопросомъ, ср. замѣтку къ Djulabija'mъ II. 37. Я хочу изъ са-

маго новаго времени прпвстия од сои ловидѣтеля, который значить тѣмъ больше, что нимаю не склоненъ къ похвалѣ. *Andree* въ своемъ этнографическомъ описаніи Лужиць ¹⁾ не пропускаетъ случая, гдѣ только можно, сказать что-нибудь въ укоръ этому послѣднему остатку Славянства въ сѣверо-западной Германіи, гдѣ можетъ чѣмъ-нибудь унизить бѣдныхъ Лужичанъ-Сербовъ, какъ они отстали въ сравненіи со своими господами—Нѣмцами. А все такъ п онъ хвалить ихъ добрый п веселый нравъ. „На ярмаркахъ истинное веселье—смотрѣть на радостныя, живыя п часто бѣшенныя шутки молодежи п стариковъ, п каждая свадьба, каждая крестныя, каждый церковный праздникъ, каждый танцевальный вечеръ въ корчмѣ (*Kegsta*) показываетъ ихъ беззаботность. Самое ясное доказательство на это представляютъ самыя пѣсни... въ пѣсняхъ ихъ мы находимъ почти сплошь самый живой п недвусмысленный отпечатокъ веселаго легкомыслія, радостнаго оживленія, нескоренно хорошаго расположенія духа въ противоположность къ *грубому и тяжеловатому добродушію Нѣмцевъ* (*derben und treuherzigen Gemüthlichkeit der Deutschen*). *Andree* нехотя подтверждаетъ то же самое, что за двѣста лѣтъ предъ нимъ сказано о Лужичанахъ въ одной латинской книжкѣ ²⁾: „извѣстно, что они посѣщаютъ корчмы, въ особеннсти въ праздничное время п тамъ за бокаломъ (веселья) поютъ соотвѣтствующіе времени священные гимны п изъ нихъ тѣ преимущественно, которые относятся къ символу вѣры, п послѣ этого молодые люди проводятъ даже нѣкую ночь, крича, веселья, распѣвая, танцуя до насыщенія, если не до безумія“. Разказы иностранцевъ выносятъ на свѣтъ необычайную склонность славянскихъ племенъ къ пѣснѣ, какъ бы нѣкоторую глубоко въ характерѣ укорененную черту, какъ старину, которая въ настоящее время во многихъ мѣстахъ почти стерта. Кто не знаетъ, что народъ вообще сильно консервативенъ, что ему тяжело разставаться со своими обычаями; особливо о славянскихъ племенахъ

1) *Wendische Wanderstudien*. Stuttgart. 1874. 73 sq.

2) *De Serbis Venedorum natione vulgo dictis die Wenden*. О Сербахъ Вендскаго происхожденія, называемыхъ вообще Вендами, *Wittenbergae*, 1675: „*Constat illos xenodechia praecipue diebus festis frequentare ibidemque poculo hilaritatis exhausto pro ratione temporis hymnos sacros ex iisque maxime quae symbolum apostolicum spectant exercere,—post iuniores jubilando, ovando, vociferando, choreisque ducendis ad satietatem, nolo dicere insaniam usque totam fere noctem consumere*“.

можно съ полнымъ правомъ сказать, что они къ нѣкоторымъ изъ своихъ обычаевъ привязаны до самоотверженія. Легко намъ отсюда вывести, что все или почти все, что недавно или въ наше время нашли этнографы, идетъ изстари, и начала его исторія не помнитъ. Удовольствуемся картинами нынѣшняго состоянія славянской народной поэзіи и скажемъ: такъ вѣроятно стояло у Славянъ дѣло многія сотни лѣтъ тому назадъ. Кто такъ сказалъ бы—не особенно далеко уклонился бы отъ правды. Ибо когда станешь иностранцу, напр. ученому Нѣмцу, (*experto crede Ruperto*), подробно рассказывать о нынѣшнихъ сербскихъ или южнорусскихъ слѣпцахъ, объ ихъ чтеніи речитативомъ или пѣніи народныхъ пѣсенъ, объ общенародномъ представленіи—что такое народная пѣсня и поэтъ, онъ перенесется мыслями въ свою германскую древность, въ тѣ давнія времена, когда и Нѣмцы по словамъ Юрнарда „*majorum facta modulationibus citharisque canebant*“ (подвиги предковъ воспѣвали подъ звуки китаръ). Такъ вѣрное описаніе нынѣшняго состоянія славянской народной поэзіи предъ глазами изслѣдователя германской древности получаетъ значеніе интереснаго комментарія къ тѣмъ историческимъ чертамъ, которыя остались о бывшей нѣкогда у нихъ народной поэзіи. Этимъ объясняется тотъ великій интересъ, который братья Гриммы проявили къ разнымъ явленіямъ славянской народной поэзіи. Но это особенное обстоятельство, что у Славянъ отчасти отъ большого консерватизма, отчасти отъ слабаго прогресса въ культурѣ осталось необыкновенно много старины даже до нашихъ дней, не можетъ насъ никоимъ образомъ освободить отъ обязанности—самимъ вернуться въ свое, славянское прошлое, поставить себѣ вопросъ: можно ли найти о нынѣшней поэтичности славянскихъ племенъ свидѣтельства и подтвержденія въ прошедшемъ? что вообще минувшее говорить о славянской народной поэзіи и о пѣніи народныхъ пѣсенъ?

Матеріалъ для рѣшенія такого вопроса найдетъ читатель въ этомъ моемъ изслѣдованіи. Разбросанно кое-гдѣ много о томъ говорилось, но нигдѣ не было собрано въ одно цѣлое, не довольно было обсуждено. И здѣсь недостаетъ еще многого для полноты, но я надѣюсь, что если кто захочетъ искать и читать,—въ этихъ строкахъ найдетъ и кое-что новое. У меня собраніе этого матеріала втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ сопровождало всякое мое изслѣдованіе; но если результатъ не соотвѣтствуетъ ни труду, ни времени, это истекаетъ изъ того, что во многой старинѣ, во многихъ хроникахъ, во многихъ запискахъ, напрасно производили мы свои поиски.

II.

Стараніе церкви замяти народныя пѣсни церковныя. Киріелейсонъ. Запрещеніе народныхъ забавъ и пѣнй. Сокращеніе церковныхъ текстовъ съ народныя котиавки. Источковеніе разныхъ народныхъ обычаевъ и чрезъ то и пѣсенъ.

§ 5. Свидѣтельство о прошедшемъ славянской народной поэзіи очень мало, но мы тому не удивляемся, зная, что во всѣхъ средніе вѣка, до недавняго времени, господствовало такое направленіе мыслей, что не достойно касаться явленій престонародной жизни. И на всемъ томъ, что объ этомъ замѣчено,—лежитъ отпечатокъ случайности; по большей части бросалось религиозному автору въ глаза, какъ обычай нехристіанскій, который достоинъ укора и запрета. Главную роль при этомъ играла церковь, какъ власть, которая руководилась заботою обо всѣхъ явленіяхъ духовной жизни народа. Поэтому прежде всего необходимо разсмотрѣть, какъ обнаруживалось стараніе церкви—стать на пути нѣкоторыхъ изъ языческихъ обычаевъ, между которыми конечно не послѣднее мѣсто занимала и народная поэзія. Церковь устранила пѣніе народныхъ пѣсенъ то спеціальными запрещеніями, то рекомендаціею пѣть христіанскія, угодныя Богу пѣсни или слова. Въ средніе вѣка, особенно въ самомъ началѣ, когда было введено христіанство, самую пзвѣстную пѣснию или молитвою, которую церковь рекомендовала народу, была: *киріе элейсонъ*. Объ этомъ подробно говорится также и въ исторіи славянскихъ народовъ. Титмаръ мерзебургскій разсказываетъ о лужицкихъ Сербяхъ такой фактъ. Его предшественникъ на епископскомъ столѣ—„Вово, чтобы тѣмъ легче склонить къ себѣ души вѣранныхъ ему, написалъ славянскія слова и просилъ ихъ пѣть киріелейсонъ, указывая на пользу, происходящую изъ этого“¹⁾. Разумѣется, что здѣсь не сказано собственно, что благочестивый епископъ, рекомендующій пѣніе *киріелейсона*,²⁾ тѣмъ самымъ отвращалъ отъ пѣнй свѣтскихъ пѣсенъ,

1) Mon. Germ. Script. III. 755. Vovo—ut sibi commissos eo facilius instrueret, *slavonica* scripserat verba et eos *kirieleison* cantare rogavit, exprensens eis huius utilitatem.

2) Сначала не только рекомендовалось не пѣть ничего кромѣ „киріелейсонъ“, но запрещалось и прибавлять къ нему что-нибудь. Ср. Hoffmann von Fallersleben, *Geschichte des deutschen Kirchenliedes* 1861, 9 ss. Но по сло-

о которыхъ Титмаръ конечно и не заботится. Но народу не была понятна новая пѣсня *kirieleisonъ* и потому, какъ говоритъ Титмаръ, „*recordes hoc in malum irrisione mutabant ikrivolsa*“ (т. е. по лужицкосербски: *w krji wólša*,—въ кустахъ ольха), прибавляя въ насмѣшку: *sic locutus est Voso*. (Глупцы, издѣваясь, перемѣнили на худое слово... такъ сказалъ Восо). Въ другихъ мѣстахъ мы читаемъ, какъ пѣлась эта церковью назначенная пѣсня. У разныхъ историковъ или дѣтописцевъ упоминается часто, какъ народъ пѣлъ *kyrie eleison*, по чешскому выговору: *krleš, krlešu*. Когда торжественно вводили перваго пражскаго епископа Дитмара, который былъ изъ Саксоніи, но „*slavonicam perfecte linguam sciebat*,“ (зналъ отлично славянскій языкъ), пѣлъ священникъ и вельможи (можетъ быть ради гостей нѣмцевъ, которые сопровождали новаго епископа) пѣмедкіе стихи ¹⁾: „*Christe keinado, kirie eleison, und die haligen alle helfuent unse* „*Kyrie eleison*,“ (См. пер. выше въ прим.) а простой народъ чешскій (*simpliciores autem et idiotae*) восклицалъ: *kerlessu* (Cosmas. I. 23). Или когда вновь избранный священникъ являлся, народъ восклицалъ въ знакъ радости: *Kirlesu* (id. I. 42). Вообще пѣсня *kirieleison* называется „приятнымъ напѣвомъ“ (*captilena dulcis id. II. 14*), который пѣли по случаю всякаго праздника, (ср. Cosm. II. 4. 27). Въ тринадцатомъ вѣкѣ упоминается уже вмѣсто одного слова „*krlešu*“ первый стихъ старинной чешской пѣсни: „*hospodine pomiluj ny*,“ какъ въ 1249 г., когда вводили въ церковь Вячеслава I: *populo ac nobilibus terrae qui tunc aderant hospodin pomiluy ny resonantibus*. ²⁾ (Добровскій *Gesch. der böhm. Spr.* 79.). При всемъ томъ нельзя думать, что и вездѣ, гдѣ упоминается *kyrie eleison* или *krleš*, именно та пѣсня разумѣлась, которую въ 13 вѣкѣ присвоивали св. Войтѣху. Продолжатель Козьмы говоритъ подъ 1260 г., что въ битвѣ, гдѣ Отокаръ побѣдилъ Белу, чехи во всю глотку пѣли пѣсню св. Войтѣха: Чехи, поднявши сильный крикъ къ небу, распѣвали гимнь, сочинен-

вавъ „*slavonica scripserat verba*“ у Титмара—можно думать, что ревностный Восо еще что нибудь къ тому добавилъ, можетъ быть переводъ словъ: „*Christe gnade kirieleison und die Heiligen alle helfet uns, kirieleison*,“ т. е. Христе Спасе, киріе элейсонъ, и всѣ святые помогите намъ...

¹⁾ Эти пѣмедкія слова были въ то время оч. популярны въ Германіи, ср. Hoffmann v. Fallersleben *Gesch. d. dent. Kirchenliedes* 1861. 39 ss.

²⁾ Народъ и присутствовавшая тогда знать пѣла: Господи, помилуй ны!

ный свитымъ Войтѣхомъ (Адальбертомъ), гимнь, который по отдѣльнымъ воскресеніямъ и другимъ праздникамъ народъ при процессіяхъ поетъ и пр. ¹⁾

По моему мнѣнію это прежде упомянутое мѣсто Козьмы, гдѣ уже при первомъ пражскомъ епископѣ упоминается пѣніе *krleša*, не противорѣчитъ тому, будто Войтѣхъ и въ самомъ дѣлѣ—составитель пѣсни: *hospodine pomiluj ny*, если бы какія-нибудь соображенія вынуждали къ тому, чтобы мы этому историческому преданію присваивали историческую достовѣрность. Ибо пѣніе *krleša* оставалось, конечно, и у Чеховъ долгое время безъ текста, какъ отвѣтъ простого народа на тексты, пѣтые духовенствомъ на латинскомъ языкѣ ²⁾ Составителемъ этой пѣсни не былъ Мсводій, какъ нѣкоторые думали, ибо онъ навѣрно хѣра перевелъ бы: *iospodi*, а не *iospordine*. Однако уже Добровскій замѣтилъ въ текстѣ пѣсни нѣсколько чертъ церковнославянской фразеологіи (*помилуй, спась, мѣрь* или *весь мѣрь*). Такъ „*krleš*“, какъ *hospodine pomiluj ny*“ или польская „*bogarodzica*“ были нѣкогда *бесовыми* пѣснями, которыми христіанскіе ратники замѣнили прежнія свои языческія военныя пѣсни: „Наши, при нападеніи радуясь въ душѣ, поютъ *kirielejсонъ*.... Замѣтивъ палатки и узнавъ, гдѣ лагерь, громкимъ голосомъ чрезъ *kirielejсонъ* созывая другъ друга, прогнали враговъ“ ³⁾. Въ битвѣ между Рудольфомъ и Премысловъ Отокаромъ 1278 г. пѣли Чехи, какъ упоминаетъ нѣмецкій писатель: „*gospodina pomiloi do*“, т. е. конечно *iospordine помилуй ны* ⁴⁾. Это правило приложимо ко всемъ христіанскимъ

¹⁾ Mon. Germ. Script. IX. 186. Bohemi valido in coelum clamore excitato capentes hymnum a S. Adalberto editum, quod populus singulis diebus dominicis et aliis festivitibus ad processionem cantat etc.

²⁾ Уже Шембера, какъ послѣ я самъ замѣтилъ, высказалъ ту же мысль. въ *Dějiny řeči a literatury české*, изд. 3-е 1872. 51. Что пѣніе дѣйствительно долгое время ограничивалось словами *kyrie eleison*, это многими свидѣтельствами доказано въ книгѣ Гоффмана I. с.

³⁾ *Nostri in ereptione interius gaudentes kirieleison canunt (Thietmar)... ut primum castra visis agnovere tentoriis, alta voce per kirieleison socios convocantes hostes effugarunt (Thietmar). Bielowski. Mon. pol. I. 258. 271.*

⁴⁾ Diesen ruof heben an
Sant Mari mautez unde meit
Al unsriu not si diz gekleit
Die Beheim ouch riefen so:
Gospodina pomiloi do.
Pez. Script. Rer. Austr. III. col. 149.

Поднимаютъ такой крикъ:
Пресвятая Марія мать и дѣва!
На всѣ свои бѣды тебѣ жалуемся.
Чехи молятъ тоже такъ:
Господи помилуй ны!

народамъ. И Киевляне, какъ пишетъ русскій лѣтописецъ, найдя своего князя Изяслава раненымъ, „въсхитиша и руками съ радостію яко царя и князя своего и тако възваша „*кирелейсонъ*“ „вся полци радующеся“ (П. С. Р. Л. II. 64. г. 1151), и когда въ 1115 г. переносили мощи св. мучениковъ Бориса и Глѣба, то, по словамъ церковнаго историка Макарія ¹⁾, „народъ на протяжении всего пути възвѣщалъ киріе елейсонъ.“ И Владиміръ Мономахъ говоритъ въ поученіи своемъ сыновьямъ: „аще и на кони вѣдѣте... аще и нѣхъ молитвъ не оумѣете молвити, а *Господи помилуй*и зовѣте беспрестани втайнѣ, та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпцию вѣдѣ.“ И о Полякахъ упоминаетъ русскій лѣтописецъ подъ 1249 г., что идучи на Василька, пѣли ²⁾ „*керлешъ*.“ „Видѣвъ же Данилъ Ляхы крѣпко идуща на Василька, *керлешъ* поюща“ П. С. Р. Л. II. 183.

Конечно, не иначе было и у южныхъ Славянъ, особенно Хорватовъ, хотя я и не имѣю ни одного свидѣтеля подъ рукою ³⁾. Въ средневѣковой литературѣ получаетъ отдѣльное имя тотъ отдѣлъ церковныхъ пѣсней, который обыкновенно заключается словомъ *kyrieleison*. Такія пѣсни находились не

¹⁾ Исторія рус. церкви. II. изд. Спб. 1868. II. 232. Отсюда не слѣдуетъ еще выводить, что въ то время въ русской церкви пѣли греческія пѣсни. Еще я приведу примѣръ, который доказываетъ, что и греки точно также пѣли свой *kyrie eleison*, когда находились въ бѣдѣ: это видно изъ словъ

Πέπτετ σαρών με τῆν βοή, ὁ κόσμος σκωτῶσεται, (послѣдуетъ землетрясеніе... свѣтъ темнѣетъ ἀπὸ τὸν φόβον ὁ λαὸς τὸ „*κῆρυε εἰλεσον*“ κρῖται, (отъ страха народъ „*кирелейсонъ*“ кричитъ.

²⁾ И о польской „*Bogarodzici*“ свидѣтельствуетъ между прочимъ такой примѣръ: Въ книгѣ „*Albertus z woyny*“ (напечатанной въ 1613 въ Краковѣ, и перенечатанной I. I. Крашевскимъ въ 1843 г. въ книгѣ: *Pomniki do historii obyczajów w Polsce z XVI i XVII wieku*) есендзь спрашиваетъ: *Wzdyć ten dawny a święty obyczaj chowaia;* а Альбертъ отвѣчаетъ: *Już dziś o niemnie- słyhać, babom ią oddali.* Есть одно извѣстіе, что уже св. Войтъхъ (Адальбертъ) приказалъ, чтобы въ польскомъ войскѣ пѣли „*Boga rodzico*“, но оно не несомнѣнное. ср. *Roczniki towarz. rozpoznńskiego*. I. стр. 105 прим. 8.

³⁾ Я нашелъ у Фомы архидіакона Сплѣтскаго, что одна *гора* называлась *Kirieleison*: „на скалахъ горы названной *Кирелейсонъ*“ in *rupibus montis Kirieleison* *appellati* сар. XVIII. Она, вѣроятно, такъ прозвана, какъ и мѣсто у попа Дуклинина (сар. XXXIII), что называется *божья милость* отъ того, что отецъ, когда на него набросился сынъ, кричалъ: *боже, помилуй! боже, помилуй!*

только въ нѣмецкой, но и въ славянской словесности, напр. въ чешской. ¹⁾

§ 6. Рядомъ съ рекомендаціей, чтобы пѣлась „сладостная“ пѣсня „*kyrie eleison*“, являются разныя запрещенія свѣтскихъ пѣсенъ. Изъ безконечнаго ряда такихъ запрещеній упомянемъ только два—три, которые ближе касаются славянскихъ народовъ. Всего строже запрещалось это священникамъ: *clerici... mimis, histrionibus et jocularibus non intendant* (духовныя лица не должны посѣщать представленія мимиковъ, актеровъ или фигляровъ),—говорить одно постановленіе будимскаго собора 1279 года, или другими словами на провинціальномъ польскомъ соборѣ 1326 г.: *clerici—joculotaribus, istrionibus, goliardio et buffonibus non intendant nullaue eis sub roena excommunicationis dona tribuant* (... не должны имъ давать никакихъ подарковъ; подѣ страхомъ отлученія отъ церкви), или какъ говорится въ сборникѣ статута Николы Тромбы 1420 г.: *Clerici choreis et publicis spectaculis non intersint* ²⁾—(духовныя лица не должны участвовать въ балахъ и публичныхъ зрѣлищахъ). Еще рѣшительнѣе говоритъ запрещеніе вратиславскаго епископа Вячеслава 1415 г.: *clerici in tabernis cantilenas nundanas turpes... non proferant neque cantent...* (духовныя лица не должны произносить или пѣть позорныя свѣтскія пѣсни), и опять нѣскольکو спустя епископа Коурада: *etiam ut (clerici) plausus manuum more gentili vel cantilenas saeculares cantare non praesumant* (тоже чтобы духовныя лица не аплодировали и по народному обычаю не исполняли свѣтскихъ пѣсенъ) ³⁾.

¹⁾ Ср. Grimm verm. Schriften IV. 338. V. 112—143; Koberstein Grundriss der Gesch. der d. Nationalliteratur I. 81; Koch E. E. Geschichte des Kirchenliedes. Stuttgart. 1866. 89, 173 ss. Sembera: Dŷjiny etc. 51—52. Въ нѣмецкомъ назывался такой родъ пѣсенъ „leisen“, „leise“ и „kirleise“ ср. Hoffmann v. Fallersleben 46 ss. 71, 77.

²⁾ Fabisz P. W., Wiadomość o synodach, Kęрно 1861. 53. 65. 89. Параллельное запрещеніе встрѣчается въ одномъ постановленіи оломуцкаго собора. XV вѣка: *Nullus clericorum nostrae dioeceseos deinceps aliquid joculari seu histrioni imo ex nuptiis transmissio per quemcunque aliquid habere debeat seu possit* (Collectio synod. et statut. ed. Arsenio Theod. Fesseau, Rezii 1766. Такое же запрещеніе есть въ decretum Gratiani; его возобновленіе на разныхъ соборахъ доказываетъ лишь то, что были поводы возобновлять его.

³⁾ Montbach, Statuta synod. Vratisl. Vratislaviae. 1595. 40. 52.

Что у южныхъ Славянъ, особенно у далматинскихъ хорватовъ, достаточно было поводовъ къ запрещенію священникамъ участвовать въ народныхъ забавахъ, слѣд. и въ *тнни тнсенъ*—это мы могли бы предполагать, если бы даже нѣсколько такихъ запрещеній не было внесено въ акты провинціальныхъ соборовъ. Въ Задарскомъ синодѣ 1598 г., запрещено было духовнымъ лицамъ: „устроить домашніе либо публичные танцы, особенно въ ночное время (*choreas vel privatas vel publicas praecipue nocturno tempore non exerceant*. *Illyr. Sacr. V. 147*), и скадарскій соборъ, который былъ собранъ въ 1679 г. при епископѣ Доминикѣ, установилъ: „чтобы никто (изъ священниковъ) не участвовалъ въ публичныхъ танцахъ и тѣмъ менѣе, сбросивъ священническое облаченіе, самъ танцовать и стучалъ ногами (*nemo choreis publicis intersit ac multo minus deposito habitu clericali ipse choreas ducat et pedibus plaudat*. *Illyr. Sacr. VII. 30*). Что здѣсь, при упоминаніи *choreas*, молча разумѣется и пѣніе, это можно видѣть изъ положительнаго запрещенія *тнниа народныхъ тнсенъ* въ заключеніяхъ шибеницкаго синода 1564 г. Тамъ мы читаемъ слѣдующія постановленія: „чтобы духовные старались избѣгать публичныхъ корчмъ и сборищъ, на которыхъ поются преимущественно *ponasnine* какъ вообще говорится, или игры въ кости, въ карты и всякой соблазнительной игры въ своемъ или чужомъ домѣ.“ Далѣе: „Духовные, которые, выходя ночью съ огнемъ, будутъ пѣть развратныя и любовныя пѣсни (*matinatas?*) или присоединятся къ поющимъ, будутъ подвергнуты заключенію“ (*in carcerem*). Наконецъ: „Духовные, которые, забывши честь занимаемой ими службы, позволяютъ себѣ идти по городу въ маскахъ или участвовать въ женскихъ танцахъ и шествіяхъ, присуждаются къ трехмѣсячному заключенію на одномъ хлѣбѣ и водѣ“ (*Illyr. Sacr. IV. 482*)¹⁾.

¹⁾ Clerici tabernas publicas et conventicula commessantium, in quibus potissimum cantantur *ponasnine* ut vulgo dicitur, in propria vel aliena domo taxillorum, cartarum et quemcunque alium illicitum ludum evitare studeant... Clerici qui etiam cum lumine de noctu exeuntes cantaverint lascivas et amatorias cantilenas, quas *matinatas* vocant, seu cantantibus se associaverint, carceri mancipabuntur,... Clerici, qui oblitii decoris militiae in qua sunt adscripti, ausi fuerint ire mascarati per civitatem aut muliebribus choreis et pompis interesse, per tres menses in carcerem aqua tantum et modico panu sustentandi condemnentur.

Хотя здѣсь послѣдніи два постановленія указываютъ повидимому на итальянскую городскую жизнь, однако въ первомъ употреблено именно выраженіе, которое показываетъ ясно, что пѣсни были хорватскія: лишь слово „*ropasnine*“ ошибочно намечатано, и я не знаю, что оно собственно значитъ: *ropasnine*? или *poskочnine*? (плясовая пѣсня) или *по насъ мытъ*?

Что здѣсь рѣчь только о священникахъ, объясняется тѣмъ, что церковь прежде всего заботилась о томъ, чтобы ея служители уклонились отъ всего противнаго христіанскимъ предписаніямъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и христіанскому народу не было дозволяемо сохранять свои народные обычаи. Прежде всего необходимо было противостоять большому злу, а потомъ позаботиться объ искорененіи его. О народныхъ обычаяхъ говорится, большею частію, лишь настолько, насколько они мѣшаютъ отправленію службы или оскверняютъ освященное мѣсто. Такъ въ одномъ постановленіи выше упомянутаго будимскаго собора говорится такъ: „Духовные пусть не допускаютъ подъ страхомъ отлученія отъ церкви танцевъ на кладбищахъ и въ храмахъ“ (Helzel, I, 373), ¹⁾ и при епископѣ Андрѣ Змаевичѣ въ Барѣ упоминается синодальное запрещеніе 1702 г.: „Не должны быть допускаемы игры и свѣтскія пѣсни внутри церковной ограды... и долженъ быть устраненъ проклятый обычай—исповѣдываться и причащаться предъ самыми дверьми церкви при свѣтскихъ пѣсняхъ и поздравленіяхъ.“ ²⁾ Для объясненія этихъ запрещеній упомянемъ здѣсь болгарскій обычай, о которомъ братья Младеновы говорятъ такъ: „Въ Струга предъ неколку година въ големи-те празници *хоро-то стъ чинеше около църква-та* каде сѣ виеха три хора: едно одъ девойки, друго одъ невѣсти, третьо одъ юнаци“ (Милад. пѣсни. VI).

§ 7. Изъ этихъ примѣровъ, число которыхъ можетъ быть значительно увеличено,—я же не думаю, что выбралъ самые типическіе ³⁾—выходить наружу энергическое стара-

¹⁾ Prohibeant sacerdotes, sub poena excommunicationis, choreas in coemeteriis vel in ecclesiis duci.

²⁾ *Iudi et cantus non sacri inter ecclesiae septa non admittantur nec detestabilis saecularium toleretur abusus, sacramentum Poenitentiae et Communionis ante ipsos fores ecclesiae cantationibus et salutationibus profanis praecedendi et subsequendi....* (Ulyg. sacr. VII 163).

³⁾ Очень бы насъ обязалъ, кто издастъ бы сборникъ церковныхъ соборовъ разныхъ вѣнославянскихъ епископій. Въ синодальныхъ постановленіяхъ

ние церковной власти объ искорененіи плевелъ неправовѣрія изъ сердець своего стада, но съ тѣмъ вмѣстѣ и тѣмъ же подъ пепломъ огонь народныхъ обычаевъ. Разверните плевель, и огонь разгорится пламенемъ. Оттого и наблюдаю бдительное око церкви, чтобы она съ неумолимою строгостью осуждала все, что ей казалось хоть мало опаснымъ. Не было довольно, чтобы въ церкви не пѣли народныхъ пѣсней, но напр. казалось опаснымъ даже дозволеніе—пѣть въ церкви религиозныя пѣсни на народномъ языкѣ. Такъ напр. на пражскомъ соборѣ 1406 года запрещено было пѣть на чешскомъ языкѣ какія-либо церковныя пѣсни, кромѣ этихъ четырехъ: buoh všemohúci (Vybor I. 322), hospodine pomiluj ny (ib. 27). Jezui Kriste štedrý kněže (ib. II. 21—24), svatý náš Václave (ib. I. 521). Запрещеніе гласитъ такъ: „... приказываетъ архіепископъ, чтобы священники и старосты храмовъ въ своихъ наставленіяхъ сообщили, что запрещены всѣ новыя пѣсни, кромѣ начинающихся съ *Богъ* и т. д. Въ противномъ же случаѣ поющіе или позволяющіе пѣть пѣсни будутъ наказаны мѣрами закона“.

„Item mandat d. Archiepiscopus, quod plebani et ecclesiarum recto,

есть много важныхъ матеріаловъ для культурной исторіи нашего народа. Вотъ два—три прѣбра.

О народной одеждѣ: Въ одномъ постановленіи закарскаго синода 1596 года запрещается: *Militares etiam vestes, quas creaticas appellant, prorsus a chore nostro exulare iubemus, tum vero etiam ab omni cleri nostri usu, nisi cum peregre proficisci aut de civitate sive mari sive terra exire contigerit.* „Воинную одежду, которая называется *крдатской*, мы приказываемъ не только воспретить въ обществѣ, но и отъ всего нашего духовенства, исключая разнѣ случаевъ, когда придется отправиться въ путешествіе изъ города или по морю или по сушѣ.“ (Илуг. sacr. V. 144).

О народномъ суевѣріи: „Magna est superstitio diabolica apud quosdam qui cum matrimonia in ecclesia contrahunt cavent ne per eandem portam exeant per quam sunt ingressi. Id prohibeat parochus (ibid.). „Есть у нѣкоторыхъ великое дьявольское суевѣріе, по которому они, заключивъ бракъ въ церкви, боятся выйти чрезъ ту самую дверь, въ которую вошли, — этому должны препятствовать приходской священникъ.“ (тамъ же).

О народномъ обычаѣ стриганія: При Андрѣ Зманчѣ было установлено для монаховъ—миссіонеровъ барской архіепископіи: „Ne ritum primos tonsendi capillos pueris puellisque exercent. (Илуг. sacr. VII 168). Не слѣдовать обычаю—стричь первые волосы у мальчиковъ и дѣвочекъ.“ (Илуг. sacr. VII 168).

res in predicationibus nuntient prohibitas esse novas cantilenas omnes praeter Vnoh etc. Alias contra cantantes et cantare permittentes per remedia juris punientur“. (Höfler. Concil. prag... 1862, 52 nro 26).“

Въ 1415 г. укоряется нѣкій „Jacobus de Misa Bohemus the ologus et pastor Pragensis“ (Яковъ изъ Миши, чешскій богословъ и пражскій пасторъ) за то, что въ его паствѣ есть „много духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которые думаютъ, что будутъ спасены, проповѣдуя по всѣмъ угламъ и расцѣвая въ церквахъ, на площадяхъ и въ корчмахъ пѣсни, неодобренныя церковью“ (Hardt. Concil. Const. 3. 386).

„Multos spirituales et saeculares qui credunt se salvari per angulos praedicando et cantilenas ab ecclesia non approbatas in ecclesiis, in foro et in tabernis cantando“.

Въ Чехи строгость и осторожность со стороны католиковъ вызывалась тѣмъ, что гуситы особенно любили церковную пѣсню на народномъ языкѣ. Итакъ дѣло шло о томъ, чтобы правовѣрныхъ заслонить отъ еретиковъ. Но очень больша строгость не только не принесла никакихъ плодовъ, но и вызвала неодобрительную критику, какъ видно изъ слѣд. замѣтки: „Пѣсни св. Войтѣха поются до нашего времени на томъ языкѣ, на какомъ онъ ее написалъ, т. е. *hospodine potilij ny* и т. д., и ея поютъ Чехи до настоящаго времени и будутъ пѣть всегда по волѣ Божьей, но не по волѣ людей, которые запрещаютъ хорошия народныя пѣсни, соответствующія закону, Божію, св. евангелію и словамъ пророковъ и апостоловъ, и не запрещаютъ безстыдныхъ пѣсенъ, которые ведутъ къ распутству и сладострастію.“¹⁾

О разныхъ ересевахъ и чародѣйствахъ говорится обширно въ закарскомъ соборѣ 1.98 г. у Фарлатта V. 151.

О пляскахъ кола подлѣ церквей: In festo nativitatıs Domini cum duobus diebus sequentibus, Paschatis pariter cum duobus diebus sequentibus et Pentecoste omnino prohibemus saltationes praecipue ecclesias.“ Въ день Рождества Хр. и въ слѣдующіе два дня, на Пасху и въ слѣдующіе 2 дня и въ день св. Троицы ни совершенно запрещаемъ танцы, особенно вблизи церквей. (Иллг. sacg. IV. 487).

Объ обычаяхъ собирается въ церкви во время заклинаній имѣется заключеніе синодальное при Вилемъчѣ (Иллг. sacg. VII. 163) и примѣръ тому изъ чешской исторіи упоминается Schwandtner. III. 658.

1) Эти замѣтки приводитъ Фейфахъ въ Altösch. Leishe, Lieder u. Sprüche, 643, ср. еще его же Königshöfer: Hdschr. 70 ss., Ueber. altböhm. Vers- und Reimkunst II. 295 op. 16; Döbrowsky Gesch. der böhm. Spr. u. Lit. 251 n. J. Jireček Čas Mat. Mor. V. 1873, 2 ss.

„Cantio sancti Adalberti usque ad nostra tempora proprio linguagio mansit, quam ipse composuit, videlicet hospodine pomiluj ny etc. quam Bohemie homines temporibus nostris canunt et cantabunt usque ad voluntatem dei et non *voluntatem hominum qui bonas vulgares canciones prohibent* quae sunt ex lege dei, sanctis evangeliiis ac epistolis et prophetis et apostolicis dictis et non *prohibent cantus meretricum* qui ad lasciviam et adulterium provocant“.

Не станемъ удивляться, что на Констанцскомъ соборѣ 1417 г. статью 17 запрещены всѣ пѣсни, составленныя „на униженіе святаго собора и мужей католиковъ всякаго сословія, которые противостояли послѣдователямъ Виклефа и Гуса, или на прославленіе осужденныхъ еретиковъ Іоанна Гуса и Іеронима“.

„In praeeudicium sacri concilii et vikorum catholicorum cuiusque status qui Wyclefitis obstiterunt et Husitis vel *cantilenae in commendationem Johannis Hus et Hieronymi haeticorum condemnatorum*“.

§ 8. Гдѣ были лучшія условія, тамъ церковь не поступала такъ строго. Напр. Хорваты завоевали себѣ оч. давно особыя права на употребленіе славянскаго языка въ церкви. Такъ даже самъ папа не былъ пораженъ, когда его въ 1177 г. Хорваты встрѣтили въ церкви славянскимъ пѣніемъ. Бароній пишетъ объ этомъ: „Отсюда, обходя остальные острова Далмаціи, въ слѣдующее воскресенье, прежде чѣмъ взошло солнце, несли того же папу, здороваго и проворнаго, въ Ядерскій городъ, который лежитъ какъ-бы во главѣ венгерскаго королевства. И такъ какъ до сихъ поръ ни одинъ папа не былъ въ самомъ городѣ, то по причинѣ прибытія папы общая радость завладѣла духовенствомъ и народомъ; невыразимое веселье восхваляющихъ и благословляющихъ Господа наполняло городъ. Итакъ, приготовивъ по римскому обычаю бѣлаго коня, вели его по городу въ процессіи къ большой церкви блаженной Анастасіи, прѣчрезвычайномъ восторгѣ и съ пѣснями, распѣваемыми на ихъ *славянскомъ языкѣ* (sclavica lingua)“.

„Exinde ceteras Dalmatiae insulas transcendentem in proxima dominica priusquam sol illucesceret ad civitatem Jaderae quae sita est in capite Hungariae regni eundem pontificem sanum et alacrem portaverunt. Et quoniam nondum quisquam Romanus pontifex civitatem ipsam intraverat, de novo ipsius papae adventu facta est in clero et populo illius loci communis letitia et ineffabilis exultatio collaudantium et benedictantium dominum. Itaque preparato sibi de romano more albo caballo processionaliter duxerunt eum per mediam civitatem ad beatae Anastasiae maiorem ecclesiam, *immensis laudibus et canticis resonantibus in eorum slavica lingua*“.

Здѣсь „*sclavica lingua*“ названъ по имени, въ другихъ мѣстахъ онъ разумѣется самъ по себѣ, когда напр. Paulus de Paulo въ своемъ меморіалѣ подѣ 1408 г. говоритъ о какомъ-то большомъ церковномъ праздествѣ, когда носили образъ Богородицы и архангела Гавриила „съ великими церковными гимнами и музыкою“... (Schwandtner. III. 753).

„um maxima solemnitate et comitata d. Archiepiscopo cum clero, rectoribus, militibus et nobilibus multis, civibus et forensibus ac popularibus, dominabus et feminis, puellis virginibus et maritatis cum magnis cantionibus ecclesiasticis et musicis instrumentis...“

Кто задался бы цѣлью составить историческій гимнологій Далмаціи и Хорватіи, тотъ принесъ бы большую услугу исторіи литературы.

О Польшѣ доказано, что она въ старину находилась подѣ влияніемъ іерархіи чешской. Слѣды чешскаго языка въ польской христіанской терминологіи ясны искони, недавно къ опять на основахъ изслѣдованія Миклошича констатировалъ проф. Nehring (Archiv für slav. Philologie I. 78 sq.). Даже самыя древнія польскія церковныя гѣсны или составились по образцу чешскихъ, или прямо были переведены съ чешскаго (Ср. I. Пречка, Č. Mat. Mor. V. 1873, 3 ss.). Тѣмъ не менѣе, въ Польшѣ оч. рано народный языкъ нашелъ безопасное пристанище въ церкви; еще болѣе—именно церковь была, судя по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, первой охранительницей настоящаго польскаго языка. Уже въ 1233 (?) г. на одномъ польскомъ соборѣ были сдѣланы такія важныя постановленія¹⁾: „Приказываемъ, чтобы всѣ священники, поставленные по всей діоцезіи польскаго народа, для чести ввѣренныхъ имъ церквей и для славы Божіей, имѣли школы, установленныя по законамъ, и не допускали къ управленію ими Нѣмцевъ, если тѣ не подготовлены къ объясненію мальчишамъ латинскихъ авторовъ по-польски.... Приказываемъ сверхъ того для сохраненія и возвышенія польскаго языка

¹⁾ Fabisz P. Wł., Wiadomość o synodach, Kęпно 1861, стр. 29. У Гельца, я долженъ сказать, этихъ постановленій подѣ 1233 г. нѣтъ, но подѣ 1253 г. упоминается то первое (Starodawna prawa polskiego pomniki I. 358), а подѣ 1258 г. второе постановленіе (ib. 384); ср. также ib. I. 403, и изслѣдованіе о польскихъ соборахъ Ябчинскаго: Prawodawstwo i prawa kościoła w Polsce, въ I томѣ Rocznik'a Roznauński'го. 1860. Въ томъ же выпускѣ Rocznik'a читатель найдетъ мнѣніе Яна Остророга о нѣмецкомъ языкѣ въ Польшѣ въ 15 столѣтіи, стр. 279.

при кафедральныхъ, приходскихъ и другихъ церквахъ назначать учителями отлично знающихъ польскій языкъ могущихъ по-польски объяснять авторовъ мальчикамъ“.

„Statuimus ut omnes ecclesiarum rectores seu plebani per universam dioecesim polonicae gentis constituti pro honore suarum ecclesiarum et ad laudem dominicam habeant *scholas* per licentiam dominicam statutas, non ponant *teutonicam gentem ad regendum ipsas, nisi sint polonica lingua* ad auctores exponendos pueris in latinum polonice informati... Statuimus insuper ad conservationem et promotionem lingua polonicae; in singulis locis ecclesiarum cathedralium et aliis quibuscunque locis non ponantur rectores scholarum nisi linguam polonicam proprie sciant et possint pueris auctores exponere in polonica lingua“.

А на соборъ 1285 г. было постановлено ¹⁾), чтобы всѣ священники, по воскресеньямъ во время богослуженія вмѣсто проповѣди объясняли по польски символъ вѣры, молитву Господню и Богородицѣ... а если кто настолько знаетъ языкъ, то и Евангеліе... Также постановляемъ, чтобы въ кафедральныхъ и приходскихъ церквахъ нашей провинці имѣлась въ числѣ книгъ и исторія св. Войтѣха, которую обязываемъ употреблять для чтенія и цѣннѣя“.

„Ut omnes presbyteri singulis diebus dominicis intra missarum sollemniam dictum symbolum et oracionem dominicam et salutationem virginis glorio-sae loco sermonis exponere populo debeant in polonico... si qui autem adeo periti fuerint, exponant ewangelium... Item statuimus, ut in omnibus ecclesiis nostrae prouincie cathedralis et conuentualibus *hystoria beati Adalberti habeatur in scriptis et ab omnibus usitetur et cantetur.* (Helcel. I. 383—384)“.

1) Это постановленіе въ интересъ церкви оч. часто было высказано во многихъ мѣстахъ. Что о Польшѣ засвидѣтельствовано словами 13 столѣтія, то самое говорить о 17 вѣкѣ слѣд. предисловіе шибеницкаго епископа: „Пусть во всѣхъ приходскихъ церквахъ и каплицахъ священники по воскреснымъ днямъ удобопонятно на иллирскомъ языкѣ говорятъ предъ народомъ—молитву Господню, Богородицѣ, символъ вѣры, 10 заповѣдей и формулу исповѣди, какъ принято въ нашемъ кафедральномъ соборѣ“. In omnibus ecclesiis parochialibus aliaque capellis diebus dominicis a sacerdote intellegibili voce coram populo dicatur *illyrico sermone* oratio dominica, salutatio Angelica, symbolum apostolicum, decalogus et confessio generalis juxta formulam in nostra cathedrali usitatam (Illyr. Sacr. IV. 491). О пражской епископіи говорить о томъ же статутъ 1553 г. Höfler (Conc. Prag. N-ro 1), 1355 г. (ib. N-ro 2) и т. д.

Здѣсь, можетъ быть, разумѣется польская *passio* (мученичество) св. Адалберта (Войтѣха), которая въ опредѣленные дни обычно въ церкви пѣлась предъ народомъ. (Извѣстно, что Бѣлевскій I, 153 сл. издалъ старый латинскій текстъ одной *Passio Adalberti s. saec. XI*). Параллельный примѣръ я приведу изъ исторіи сръбтской церкви. Фарлатти (I. 676) говорятъ о житіи св. Георгія слѣдующее: „Я узналъ, что оно написано по-славянски и находится въ употребленіи и чести у жителей Салонны; оно раздѣлено на три части и ежегодно по древнему обычаю въ день св. Георгія въ георгиевскомъ храмѣ съ возвышенія каеодры читается предъ народомъ нараспѣвъ“.

„Eandem Slavonice scriptam in usu esse comperi atque in pretio apud Salonitanos, quippe haec in tres lectiones distributa singulis annis ex antiquissima consuetudine ipso die festo s. Georgii in templo Georgiano agri Salonitani pro suggestu ad populum canoro modulamine recitari solebat“.

§ 9. Послѣ того какъ церковь, стараясь такими средствами поднять народъ въ вѣрѣ и благочестіи, достигла своей цѣли въ официальномъ кругѣ дѣятельности, чтобы въ богослуженіи исполнились церковныя предписанія, стихи; ея стараніе пошло дальше къ тому, чтобы всю общественную жизнь, насколько возможно, напирать въ духъ христіанской вѣры, чтобы изгнать изъ семьи, изъ ея обычая, все языческое, тѣмъ самымъ и все народное, что не было проникнуто церковнымъ духомъ. Въ этомъ направленіи западная церковь превосходила восточную, которая всегда легче примирялась съ мѣстными особенностями, и никогда не стремится къ такому абсолютному и универсальному господству, какъ ея западная сестра¹⁾. Я не сьумѣлъ бы на славянскомъ

¹⁾ Въ мою задачу не входитъ—пускаться въ разсмотрѣніе отношеній іерархіи восточной и западной къ народу, чтобы показать, какая была къ нему по образу мыслей и чувствъ ближе, хотя, можетъ быть, по общему развитію и ниже. Безпристрастный изслѣдователь въ югославянскомъ прошедшемъ найдетъ для этого вопроса въ историческихъ источникахъ оч. много матеріаловъ. Для образованнаго чловека нашего вѣка особенно пріятно, когда онъ можетъ получить на свидѣтельство, что безъ различія вѣры нѣкогорнихъ святымъ поклонились восточной и западной церкви христіане. Изъ такихъ мѣстъ видна извѣстная вѣроисповѣдная толеранція нашего простаго народа.—Только одну изъ чертъ да будетъ мнѣ позволено здѣсь привести изъ 16—17 вѣка, изъ которыхъ будетъ видно, какая была разница между восточнымъ и западнымъ духовенствомъ въ ту эпоху въ земляхъ югославянскихъ. Бывшій въ половинѣ 17

Востокъ и Юговостокъ, гдѣ господствуетъ восточная церковь, найти такіе примѣры, какіе встрѣчаются на западѣ, гдѣ господствовалъ католицизмъ,—чтобы церковь имѣла починъ распространять господство церковныхъ текстовъ среди народа вмѣсто народныхъ пѣсень, предоставляя народу на волю пѣть по известнымъ народнымъ мотивамъ. На это особенно краснорѣчивый примѣръ сохраненъ въ лекціонаріи загреб. епископа Петретича, изданномъ въ 1651 г. въ нѣм. Градцѣ. Здѣсь приводится нѣсколько пѣсень, которыя „пастырльмъ духовнымъ и простому народу въ селахъ полезны и потребны, сочинены же въ давнее время однимъ монахомъ іезуитомъ“.

Вѣка архіепископъ барскій, излѣздивъ нѣвѣшнюю Ченую Гору, Гердеговину и еще нѣкоторыя области, въ которыхъ жили православные, написалъ объ этомъ извѣстіе, которое можно найти въ латинскомъ переводѣ въ VII томѣ Фарлатта стр. 128 и ісл. Образованный итальянецъ, вѣроятно, кое-что пренебрежительно, говорить о православныхъ: „Никто изъ нихъ не знаетъ христіанскаго катихизиса и не умѣетъ говорить проповѣди и потому въ деревняхъ и селахъ неграмотныхъ культурой, едва ли найдешь и одного, чтобы зналъ молитву Господню и 10 заповѣдей; даже священники этого не знаютъ“. Особенно интересно слѣдующее мѣсто: „Нѣтъ ничего у нихъ чаще, ничего употребительнѣе, ничего славнѣе, какъ обрядъ, обозначаемый словами: *pojati sveto Mesta* (читай: *sveto maslo*); т. е. пѣть священное масло, и они употребляютъ этотъ обрядъ не только надъ больными, какъ предписываетъ Требникъ, но даже не строятся домъ, не празднуется свадьба, не совершается никакое общественное утѣшеніе и празднество безъ предшествующаго или заключительнаго обряда подобнаго рода, который совершается въ той же формѣ, что и послѣднее миропомазаніе“ *Nullus apud illos neque concinis neque christianaе catecheseos usus, quapropter in pagis villisque integris vix unum reperies qui orationem dominicam sciat et numerum praeceptorum divinae legis teneat, id quod vel ipsi presbyteri ignorant. Eo ritu quem hisce verbis designant: Pojati sveto Mesta (читай sveto maslo), quod idem est ac canere sanctum oleum, nihil apud eos crebrius, nihil usitatius, nihil solemnius, neque enim solum id genus caerimoniae adhibent infirmis ut praescribit Euchologium, sed nulla aedificatur domus, nullae celebrantur nuptiae, nihil denique publicae privataeque laetitiae aut solemnitatis peragitur, quin huiusmodi caerimoniae vel praecedat vel sequatur, eisdem plane verbis ac ritibus adhibitis, quibus extremae unctionis formula continetur* Illyr. Sacr. VII. 128). Что здѣсь авторъ нѣсколько насмѣшливо говоритъ яко-бы о вымалываніи милостыни православнымъ духовенствомъ посредствомъ церковныхъ обрядовъ, мы этому тѣмъ меньше удивляемся, что изъ

Тенденція рѣзко обозначена такими словами: „Эти первыя и за ними слѣдующія пѣсни здѣсь помѣщены съ намѣреніемъ, чтобы ихъ пѣть не только въ церквахъ въ праздники, во время обѣдни, или въ процессіяхъ, идя отъ одной церкви къ другой; но также и при работахъ, во всякаго рода мѣстахъ, а именно: на поляхъ при косльбѣ, паханьи, жнитвѣ и пр., на виноградникахъ при копаніи, щепленіи и пр., вмѣсто *обычныхъ старинъ прежнихъ языческихъ и срамныхъ пѣсенъ, которыя простой народъ, преимущественно женскаго пола, очень часто поетъ, съ пляской, танцами, работая дома и внѣ его, на полѣ, на виноградникѣ, срамно шути, оговаривая другихъ людей, которыхъ нѣтъ на лицо, при чемъ такіе грѣхи принимаются за шутку или за ничто*“. Лишь нѣкоторыя изъ пѣсенъ, встрѣчающихся въ этомъ приложеніи, показываютъ правильный размѣръ и именно къ нимъ прилагается народный мотивъ, какъ напр.: Ave maris stella (въ переводѣ: *здрава звѣзда морска*) поется на мотивъ: „Хранила дѣвочка три синіе соколы“ и пр.; O gloriosa domina (въ переводѣ: *О ти юста одичена*) поется на мотивъ: „Ирало коло широко“; Ave Maria (здрава буди Марія) на мотивъ: „Посыля самъ бажулекъ, посыля драга любя“; пѣсня: *смилуйсе мене о боже*, на мотивъ: „Льпо ми поје чрни косъ“. Въ концѣ обращается благочестивый издатель еще однажды къ тѣмъ же пѣснямъ: „До-

историческихъ свидѣтельствъ 16 вѣка извѣстно, что въ нѣкоторыхъ областяхъ католической Далмаціи не было ничего лучшаго. Напр. гдѣ идетъ рѣчь въ 1564 г. о соборномъ церковномъ соборѣ, указывается и на то, что на соборницкую снисканію, ради турецкаго ига и бѣдности, не можетъ быть распространено то церковное предписаніе, чтобы священникъ не могъ быть замѣненъ безъ beneficium'a, но разсказывается, что тамъ многіе священники поддерживаютъ свое существованіе „arte piscatoria, navigationibus, mercaturis et artificibus“. (Шуг. засг. VI. 483), т. е. рыбной ловлей, плаваніемъ, торговлей и искусствами.

О религіозно-интеллектуальномъ состояніи сербскихъ священниковъ и сербскаго народа подъ конецъ XVII вѣка есть нѣсколько чертъ въ путешествіи во Турціи протестанта Gerlach'a, которыя извлекъ и въ сербскомъ переводѣ сообщил Ч. Міяновичъ въ „Гласникѣ“ кн. XXXVI, стр. 209—213. Въ этой статьѣ нигдѣ не упомянуто, что Герлахъ и о Болгарахъ также неблагоприятно думаетъ. На стр. 515 говоритъ, напр., что болгарскій народъ этого края—ниже Шовдива—не знаетъ даже „отче нашъ“. На стр. 524 упоминаетъ о монастырской школѣ св. Дмитрія, въ которой учатъ пѣть только „болгарскую обѣдню“.

tańcując a djabeł też skasze raduje się że mu krzesczyanie czynią modłę a chwałę a o miłego boga nie dbają abowiem dzień świętego Jana wieśniaków przy chwale miłego boga żadnego nie będzie a około sobótki będą wszyszcy czynić rozmaite złości. *Wójcicku, (Gawędy. III. 98).* Между тѣмъ по новѣйшимъ показаніямъ Кольберга этотъ обычай теперь уже исчезаетъ. Польскій этнографъ говоритъ (Lud. V. Krakowskie I. 296), что обычай сожиганія соботки на силезской границѣ не существуетъ болѣе. Надъ Вислой и Премшей празднуютъ его еще кое-гдѣ. Въ краковскомъ окружіи и по границамъ царства польскаго жгутъ костры и теперь еще, а за Олькушемъ, Мѣховомъ и Скалмѣржемъ къ сѣверу этого нѣтъ болѣе. Въ Повисліи еще до извѣстной степени обычай уцѣлѣлъ. Больше всего празднуется, судя по описанію, въ Сандомірской околицѣ (ср. Кольбергъ, Lud II. 108 сл.), но пѣсни, приведенныя изъ этой околицы у Кольберга, не даютъ намъ возможности добиться какого-нибудь болѣе глубокаго смысла. Очевидно, это уже не тѣ „*plugawe pieśni*“ (непристойныя пѣсни), о которыхъ съ негодованіемъ говорилъ авторъ 16 вѣка. Да и самый обычай теперь уже носить на себѣ слѣдъ довольно невинной забавы (пляска дѣвушекъ вокругъ огня, пѣніе пѣсень и надѣваніе вѣнковъ).

Еще строже говорить объ этомъ праздникѣ у Русскихъ того времени Стоглавъ¹⁾ — современное извѣстіе (родъ протокола) о московскомъ церковномъ соборѣ 1551 г. Тамъ произносится въ вопросѣ или главѣ 24 такой судъ надъ русскимъ празднованіемъ ночи Ивана Купалы: „...Сходятся мужіе и жены, и дѣвицы на nocturnое плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на бѣсовскія пѣсни, и на плясаніе, и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла, и бываесть откромкомъ оскверненіе, и дѣвашь растлѣніе. И егда нощь мимоходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсни, и умываются водою“. Съ полнымъ правомъ нашли русскіе археологи въ этомъ описаніи упоминаніе о тѣхъ „игрищахъ межи селы“, о которыхъ говоритъ Несторъ²⁾, гдѣ также были ночныя сборища людей обоаго пола, и они условливались объ „умыкиваніи“ — „съ неюже кто съвѣщашеся“. Теперь еще существуетъ этотъ

¹⁾ О Стоглавѣ ср. Мазарія Ист. рус. церкви. VI, 220 сл.

²⁾ Очень остроумныя комбинаціи о значеніи русскаго праздника Ивана Купалы въ связи съ индоевропейской мифологіей можно найти въ статьѣ Буславя. (Р. В. 1872. X. 668). И болгарскій синодикъ упоминаетъ „възшвенна и плодовъ влаченна и скърваа танства“ Ивановой, ночи, ср. Гильфердинга, Соч. I. 135.

праздникъ въ особенной силѣ у Бѣлоруссовъ, тамъ удержалось множество пѣсень, среди которыхъ нѣкоторыя съ загадочнымъ содержаніемъ; если съ ними будутъ сопоставлены тѣ, которыя при такихъ же обстоятельствахъ поются въ южной Россіи, можетъ составиться довольно богатый матеріалъ для разъясненія этого стариннаго обычая¹⁾.

Такъ матеріалъ, собранный въ одномъ мѣстѣ, даетъ по собіе для объясненія народныхъ пѣсень и обычаевъ другого края, у другого родственнаго или сосѣдняго племени или нарѣчія. Къ описанію польскихъ субботокъ 16 вѣка служатъ лучшимъ комментариемъ нынѣшнія бѣлорусскія пѣсни, чѣмъ сами польскія. Еще я приведу одно интересное сказаніе, помѣщенное въ одномъ русско-славянскомъ сборникѣ XVII вѣка, какъ Богъ однажды наказалъ „дѣвиць Смоленскѣхъ“ за подобное празднованіе ночи Ив. Купалы; сказаніе—очевидная „благочестивая ложь“, вымышленная съ намѣреніемъ устрашить народъ. Это было, говоритъ сказаніе, недалеко отъ г. Черныгова, на большой равнинѣ, близъ дороги. Собралось множество жень и дѣвъ на „бѣсовское сборище“ въ ночь, когда рождается „пресвѣтлое солнце“, великій Іоаннъ Креститель, первый проповѣдникъ покаянія, которому обрдовалась всякая тварь. А эти несчастныя были обмануты дьяволомъ. Но Господь, желая ихъ убѣдить для поученія людямъ, послалъ къ нимъ св. великомученика Георгія. Святитель явился и сталъ ихъ уговаривать, чтобы оставили это бѣсованіе, но они воспротивились тому съ великимъ поруганіемъ на святителя. Тогда онъ ихъ проклялъ, и всѣ они въ тотъ же часъ окаменѣли, и еще и теперь на одномъ полѣ видны стоящіе какъ бы окаменѣвшіе люди въ поученіе намъ грѣшнымъ, чтобы мы не дѣлали такъ, иначе будемъ осуждены на муки вѣчныя²⁾.

Этими чертами я заключу рассказъ о борьбѣ народной поэзіи о прпятствіяхъ, которыя ставили ей на пути новыя идеи христіанства и развитіе культуры. Сила одного и другого фактора не была вездѣ одинакова. И дѣйствительно, славянскія племена, насколько они ни сродны, чтобъ не ска-

¹⁾ Купальскія пѣсни см. у Безсонова, Бѣлорусскія пѣсни, М. 1871, стр. 29—70 со многими объясненіями, которымъ не всегда можно вѣрить, и у Шейна, Бѣлорусскія пѣсни, Сиб. 1874, стр. 146—170. Южнорусскіе обычаи совмѣстно съ пѣснями помѣщены въ „Народномъ Дневникѣ“ Трудомъ этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край. III. Сиб. 1872. 183—222.

²⁾ Вуслаевъ, Очерки, II. 14.

зять—одинаковы въ своихъ природныхъ особенностяхъ, наложили втеченіе вѣковъ своей исторической жизни столько разныхъ слоевъ на свое первоначальное состояніе, что ихъ нынѣшній видъ оч. разнообразенъ. равно и народная поэзія теперь далеко не одинакова у всѣхъ Славянъ, какъ это часто указывается у неславянскихъ историковъ и этнографовъ, которые разсматриваютъ лишь поверхностно нашу народную жизнь. Потому-то я и хочу, оставивъ общія разсужденія о славянской народной поэзіи, теперь же перейти къ частностямъ.

III.

Свидѣтельства о поэзіи славянской въ 7. 9 и 10 вѣка. Какова была давняя поэзія въ Польшѣ. Доказательства изъ летописцевъ: Мартина, Кадлубка, Дугоша. Слѣды народной поэзіи въ литературѣ 16 столѣтія.

§ 11. Самая ранняя черта, гдѣ кой что упоминается о славянскихъ пѣвцахъ или лучше сказать о соглядатаяхъ встрѣчается у византійскаго писателя Теофилакта Симокатскаго (VII вѣка): „на другой день ¹⁾ получилъ царскую милость три человека славянскаго племени, которые не были одѣты ни въ желѣзо, ни въ какое ратное вооруженіе, единственный товаръ ихъ были кивары и ничего другого они съ собой не имѣли. Они сказали, что они по прозвищу Славяне — и вооружены киварами потому, что не научились надѣвать оружіе, такъ какъ ихъ родина не знаетъ желѣза. и потому жизнь ихъ мирная и спокойная, и на лирахъ они играютъ потому, что не умѣютъ трубить въ трубы (военныя). ²⁾ Хотя эта идиллическая черта и есть, можетъ

¹⁾ Τῇ δὲ ὑστεραίᾳ ἄνδρες τρεῖς Σχλαβηνοὶ τὸ γένος μηδὲν τι σιδήρου περιβαλλόμενοι ἢ ὄργανον πολεμικῶν ἐπέλασαν ἀπὸ τῶν τοῦ βασιλέως ὑπασιπτοῶν κιθάραι δὲ αὐτοῖς τὰ φορτία καὶ ἄλλο τι οὐδὲν ἐπέφεροντο. — οἱ δὲ τὸ μὲν ἔθνος ἔφασαν πεφοκέναι Σχλαβηνοὶ — — κιθάρας τε ἐπιστρέφουσαι διὰ τὸ μὴ εἰησκήσθαι ὄπλα τοῖς ὁμοῖσι περιβάλλεσθαι τῆς Χώρας αὐτοῖς ἐγνωσῆς τὸν σίδηρον κεντεῦθεν τῶν εἰρηναίων καὶ ἀστασίας τὸν παρεχόμενης τὸν βίον αὐτοῖς, λίρας τε καταβάλλεσθαι περιλαλεῖν οὐκ εἰδῶτας ταῖς σάλπιγγιν. (Вѣловскій. Момум. I. 3—4).

²⁾ Если предположить, что эта исторія вымышленна славянскими соглядатаями, чтобы прикрыть свою хитрость, тогда бы я, прии ра ради, привелъ подобный же обманъ русскаго богатыря Добрыни Ничитича, который, вернувшись

быть, ничто иное, как лукаво вымышленный рассказ, которым хотѣли воспользоваться соглядатая, чтобы легче что-нибудь разузнать о неприятеляхъ, все же она доказываетъ въ то же время и то, что съ начала 7 вѣка, входи на Дунай въ столкновения съ Греками, воспользовались ихъ посланники ложью, заимствованною изъ своей народной жизни, въ которой музыка и пѣніе въ то время занимали видное мѣсто. Греческій писатель означаетъ словами *κίθαρα* и *λύρα*, по всей вѣроятности, южнославянскіи „гусли“, а *σαλπίγγες* означаетъ здѣсь метафорически войну и военное дѣло, такъ какъ нельзя думать, чтобы Славяне не знали въ то время свирѣлей и трубъ. Противъ такого мнѣнія можно бы привести свидѣтельства изъ славянскихъ языковъ, которые имѣютъ нѣсколько старинныхъ словъ отъ корня: *сур* или *свир* (свирѣль, *свирала*, *surla*... и пр.), *соп* (сопѣль, *сопачъ* и пр.), *звэг* (*žveglá*), всё со значеніемъ звука, получаемого на духовомъ инструментѣ. И Титмаръ, говоря о полабскихъ Славянахъ, упоминаетъ, что они выходили въ бой *tubicinis praecedentibus* (ар. Bielowski I., 952).

Изъ девятаго вѣка есть упоминаніе мимоходомъ о нѣкоемъ *Sclavus saltans*. *Ermennricus Augiensis* IX вѣка (*Pertz. Script. II. 101*) говоритъ: *tu psalterium arripe puto non alius nisi ante ianam stantis sed neque sclavi saltantis* (т. е. бери ты инструментъ не у стоящаго у дверей мима, но и не у славянина танцующаго)—отсюда можно заключать, что въ ту пору можно было видѣть въ Германіи Славянъ, которые подъ свой народный инструментъ (можетъ быть гусли) плясали и пѣли. Появлялись ли они съ той своей народной музыкой въ города, или Эрменрихъ какъ нибудь иначе узналъ объ ихъ плясно-музыкальной наклонности, этого нельзя понять изъ его краткихъ словъ.

Также точно является неяснымъ то, что Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи *de caeremoniis aulae* (lib. I. cap. 72) нѣкоторымъ Славянамъ, которые жили въ Константинополѣ при царскомъ дворѣ, приписываетъ придворную службу *τὰ βραβια φούβου*. (*Συλάβου; τὸς τὰ βραβια φούβου*тс

послѣ долгаго скитанія по свѣту домой, узналъ, что его жена вѣнчалась съ противникомъ его Алашей Поповичемъ. Тогда онъ переодѣлся нищимъ и съ гуслими съ руки пошелъ на дворъ и сталъ такъ „но гуслими какъ проводити“ играть.

μη εἶν ἵστασθαι ἐκεῖος). Раскъ переводить это мѣсто такъ: Sclavi igitur adhibebantur ut mancipia calcandis follibus qui fistulas organicas animarent—(т. е. Славяне слѣдовательно служили какъ рабы, для раздуванія мѣховъ, которые должны были оживлять свирѣли въ органахъ) это значило бы, что люди славянской народности просто-на-просто мѣха надували! Недавно одинъ Словакъ ¹⁾ взялъ на себя сбросить съ шеи Славянъ это униженіе; онъ доказываетъ, что это *brava fosa* не значить топтать мѣхъ, но именно дуть въ музыкальный инструментъ. Такимъ образомъ мы имѣли бы изъ IX—X вѣка два извѣстія о музыкальности Славянъ: одно съ сѣвера изъ Германіи, другое изъ центра тогдашней культуры—изъ Цареграда. Оба, къ сожалѣнію, могутъ толковаться спорѣе къ поруганію, чѣмъ къ чести нашихъ предковъ. Но къ чему обманывать самихъ себя и придавать этимъ свидѣтельствамъ значеніе, котораго они не заслуживаютъ? Истина утаена быть не можетъ, а она не говорить въ пользу славянскаго прошлаго. Хотя въ 10—11—12 вѣкѣ по всемъ областямъ славянскаго свѣта были туземные, самостоятельные князья, и однако всѣ они, или стоя на низкой ступени развитія, или покоряясь господствующимъ христіанскимъ идеямъ, были больше заняты введеніемъ чужого, чѣмъ сохраненіемъ своего. О такомъ извѣстіи, которое Эингардъ сохранилъ о Карлѣ великомъ (*Barbara et antiquissima carmina quibus veterum regum actus et bella canebantur scripsit memoriaeque mandavit, Pertz Mon. Germ. II. 458*) т. е. „грубыя и древнѣйшія пѣсни, которыми дѣянія и войны древнихъ королей воспѣвались, онъ записалъ для памяти“, напрасно будете искать упоминанія у лѣтописцевъ, которые говорятъ о славянскихъ дѣлахъ. Ничего такого никто не говоритъ потому, что такихъ людей между Славянами нигдѣ не было. Только невольно подвернется подъ перо лѣтописца какое-нибудь упоминаніе о пѣннѣ, да и то такое, что изъ него почти ничего нельзя вывести. Посмотримъ.

§ 12. Когда польскій князь Болеславъ храбрый умеръ (3. 4. 1025), описываетъ лѣтописецъ Мартинъ, vulgo Gallus, то сожалѣніе народа было всеобщее: „nullus plausus, nullus cytharae sonus audiebatur in tabernis, nulla cantilena puellaris, nulla vox laetitiae resonabat in plateis“ т. е. ни

¹⁾ Смотри въ статьѣ „Slovania i hudba,“ въ лѣтописи Матицы Словацкой 1867 стр. 14—20, опровергаетъ мнѣнія Раска обстоятельной критикою.

рунопеснянiя, ни звуки кнeары не раздавались въ корчмахъ, ни женскiя любовныя пѣсни, ни голоса радости на улицахъ (Mart. Gall. ар. Bielowski I. 412). Отсюда мы только узнаемъ то, что и безъ того могли предполагать, какъ въ обыкновенное время народъ по корчмамъ веселился и забавлялся, а *днeушки на улицахъ пѣли*; но что онѣ пѣли, этого лѣтописецъ не говоритъ, такъ-какъ ему до этого нѣтъ дѣла. Когда въ 1111 г. Згибнѣвъ шелъ на встрѣчу брату своему Болеславу III, то былъ „cum simphonia musicorum, tympanis et cytaris modulantium praecinente“ (M. Gall. III. 25, Biel. I. 479)—и опять ничего больше. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорится именно о пѣсняхъ, которыя въ честь того или другаго событiя составлены были, напр. когда Болеславъ Кривоустый успѣшно ударилъ на Кольбергъ въ 1107 г. При этомъ случаѣ пѣта была пѣсня, изъ которой сцѣплено 6 стиховъ у лѣтописца: „Соленую и вонючую рыбу приносили другіе, трепещущую и свѣжую приносятъ нынѣ сыновья. На города нападали въ древности наши отцы, эти не боятся ни бурь, ни морского шума. Охотились предки наши за оленями, верями и козами, эти же за водяными чудовищами и морскими сокровищами“.

Pisces salsos et foetentes apportabant alii,
 palpitantes et recentes nunc apportant filii.
 Civitates invadebant patres nostri primitus,
 hi procellas non verentur neque maris sonitus.
 Agitabant patres nostri cervos, apros, capreas,
 hi venantur monstra maris et opes aequoreas. Biel. I. 447.

Объ этихъ стихахъ говорится что они обратились въ пословицу: „unde etiam in proverbium cantilena componitur, ubi satis illa probitas et audacia convenienter extollitur т. е. пѣсня обратилась въ пословицу ради того, что въ ней удачно превознесена доблесть и отвага“, но не говорится была ли она на латинскомъ или на польскомъ языкѣ. Прeжніе польскіе литературные историки, какъ Мацѣевскій, Войцицкій и др. не задумываясь нашли въ этихъ стихахъ переводъ польской народной пѣсни. Если бы это было и такъ, то тутъ наибольшее, что мы могли бы уступить этому свидѣтельству, было бы то, что въ этихъ нѣсколькихъ стихахъ сохранилось то краткое отраженіе народн. смѣтливости, которой столько доказательствъ въ нынѣшней польской народной повѣи. Но почему нельзя въ этихъ стихахъ искать указанія, что ста-

рые Поляки имѣли историческія, эпическія пѣсни. Или когда одинъ лѣтописецъ говоритъ, какъ въ 1109 г. Болеславъ прогналъ непріятеля, что даже нѣмецкіе войны, слѣд. противники, въ честь его пѣли пѣсню, изъ которой многорѣчивый лѣтописецъ приводитъ 21 стихъ на латинскомъ языкѣ (ар. Bielowski. I 470)—кто захочетъ въ этомъ искать указавій на польскія историческія пѣсни, какъ нѣкогда захотѣлось Мацѣвскому, а за нимъ и другимъ. Сообразно ли вѣрить, чтобы тѣ противники, о которыхъ лѣтописецъ говоритъ: „ночью всѣ спали вооруженные, или оставались на караулахъ, другіе оставляли стражу и вновь другіе обходили постоянно ночью лагерь.“

(in nocte cuncti loricati dormiebant vel in stationibus resistebant, alii vigiliis faciebant, alii castrum nocte continuacircuibant,.)—

пѣли славу своему, столь лютому противнику? Не стали бы они его скорѣе проклинать и ругать за то, что онъ причинилъ имъ столько горя? Да если бы это была и правда, чего нѣтъ на дѣлѣ, могли ли Нѣмцы въ честь своего противника слагать *польскія пѣсни*? Итакъ, не станемъ обманывать самихъ себя—и этотъ примѣръ ничего другого не доказываетъ, какъ то, что Мартинъ Gallus хотѣлъ услужить своему князю и сочинилъ пѣсню, какъ риторическое украшеніе еще возможную, но какъ историческое свидѣтельство ничего уже не стоящую. И самъ Мартинъ буквально выражается, что онъ написалъ эту хронику „чтобы не ѣсть даромъ польскій хлѣбъ“

(„ne frustra panem polonicum manducarem“ ар. Biel. I. 460.)

О Болеславѣ Храбромъ, говоритъ Длугошъ (II. p. 169), что онъ на границахъ своей державы помѣстилъ стражу: „приказалъ вмѣнить въ обязанность по многимъ деревнямъ, какъ обывателямъ такъ и крестьянамъ, каждую ночь попеременно стоять на стражѣ и звучнымъ перекликаніемъ и пѣснями доказывать, что они надежная стража,“

(Decrevit etiam plerasque villas colonisque earum et rusticis id officium mandavit ut noctibus singulis excubias nocturnas per vices facerent et voce sonora atque cantu fideles excubias se facere declararent)

но и здѣсь нѣтъ ничего больше и опять невѣдомо, что они пѣли.

§ 13. Но есть нѣсколько свидѣтельствъ, что у Поляковъ нѣкоторые замѣчательные моменты народной жизни дѣйстви-

тельно давали материалъ для пѣсень, только не можетъ быть доказано, чтобы это были настоящія эпическія пѣсни, которыя, гдѣ дѣйствительно живутъ въ народѣ, обличаютъ въ немъ такія особенности, какихъ, кажется мнѣ, у польскаго народа никогда не было. У польскаго народа недостаетъ для эпикн нужнаго спокойствія, тихости, объективности; онъ былъ нѣкогда, какъ и теперь еще, слишкомъ быстръ, скоръ, подвиженъ и субъективенъ. У Поляка не достало бы терпѣнія—объ одномъ событіи пѣть пѣсню въ нѣсколько сотъ стиховъ: его живой, подвижной духъ схватилъ бы суть дѣла и съ мѣткою краткостью сосредоточилъ бы ее въ нѣсколькихъ строкахъ. Такъ дѣйствуетъ духъ польскаго народа теперь и эта его характеристическая особенность явилась не недавно, но изстари; если бы ложно понятыи патриотизмъ польскихъ историковъ за 50 лѣтъ предъ симъ не ставилъ ихъ въ фальшивое положеніе, то между строками, какъ говорится, можно бы прочесть боязливыхъ, что польскій народъ будетъ меньше славенъ, если не докажутъ во что бы ни стало, что онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, нѣкогда, хотя теперь болѣе не имѣетъ, такую же эпическую поэзію, какъ сербскій; иначе такіе остроумные и заслуженные ученые, какъ Мацѣевскій, изощряли бы своихъ способностей для софистическихъ доказательствъ, которыя все что угодно доказываютъ, кромѣ существованія эпическихъ пѣсень. Вотъ нѣсколько такихъ примѣровъ.

У Кадлубка читаемъ о пораженіи, понесенномъ польскимъ войскомъ отъ Пруссаковъ, „что разнообразныя сѣтованія разными лицами различно высказанныя, до нашего времени печально звучать“ *Bielowski II, 375.*

(quod lamentationum varietates a diversis diverso modo deploratae usque hodie lugubriter deplangunt.)

Изъ этого свидѣтельства никакъ не слѣдуетъ, что эти „lamentationes“ были народныя эпическія пѣсни, тѣмъ болѣе что прибавка *diversis a diversis diverso modo* говоритъ не за это, но противъ этого, не говоря уже о томъ, что народъ въ своихъ эпическихъ пѣсняхъ склоненъ не столько вспоминать о пораженіяхъ, сколько—прославлять побѣды, подвиги.

Длугошъ (7.832) говоритъ, что еще до его времени уцѣлѣла пѣсня объ убійствѣ Лукерды, дочери Николая Кашубскаго, жены Премыслава князя великопольскаго († 1283), въ которой молитъ она своего супруга, чтобы хотя въ рубицѣ возвратилъ ее въ родительскій домъ и пощадилъ бы ее жизнь:

„Князь Пржемысль хотѣлъ скрыть свое тайное злодѣяніе вѣчнымъ молчаніемъ, какъ совершенное тайно и при помощи немногихъ. Тѣмъ не менѣе, по волѣ Божіей, онъ, къ стыду своему, слышалъ, какъ воспѣвается оно въ общенародной пѣснѣ, которая, какъ извѣстно, дошла до нашего времени и поется въ театрахъ нашего вѣка“ *).

(*Facinus suum Przemislaus dux occultum perpetuoque tegendum silentio crediderat velut a paucis consensu et obscure actum. Quod tamen deo efficiente publico et vulgari carmine in suum dedecus audiebat cantari, quod etiam in nostram usque aetatem constat pertigisse nostrique saeculi illud concinunt theatra*).

Мы не имѣемъ основанія не вѣрить словамъ Длугоша. Весьма трагическій случай былъ воспѣтъ, даже на театрѣ воспроизведенъ, т. е. нашлись люди, которые употребили этотъ мелодраматическій случай, чтобы выставить его на театрѣ или, можетъ быть, только на картинахъ показать народу съ подходящими стихами. Легко могло случиться, что нѣсколько стиховъ, какъ „*proverbium*“, на долгія и долгія времена удержались въ памяти народа. Но и это свидѣтельство Длугоша нигдѣ не говоритъ, что эта пѣсня, „*in dedecus*“ князю составленная, была именно народная эпическая пѣсня. Только популярность событія могла сохранить нѣсколько стиховъ въ памяти народа, точно такъ же, какъ, по словамъ того же Длугоша (VI. 598 с.) еще въ его время въ пѣснѣ поминалась побѣда подъ Завихостомъ **) (1205).

*) Еще подробнѣе говорить объ этомъ Длугошъ. VII. 840 с: „объ умерщвленіи же упомянутой жены князя Пржемысла Лукьерды... для наказанія такого гнуснаго злодѣяства, по волѣ Божіей, народныя пѣсни, сочиненныя безискусственно крестьянами на польскомъ языкѣ, пѣлись до нашихъ временъ... въ пѣсняхъ упомянутая Лукьерда умоляла князя Пржемысла не лишать ея жизни, но отослать въ отцовскій домъ хоть въ лаптяхъ“. (*De iugulatione autem uxoris praefatae ducis Przemislai Lukierdis... in execrationem tam foedi sceleris deo permittente carmina vulgaria, ab agrestibus ruditer composita lingua polonica usque ad nostra tempora canebantur, in quibus praefata Lukierdis obsecrabat ducem Przemislaum sibi vitam non eripi sed in paternam domum etiam in pannis vilibus deduci*). Судя по этимъ словамъ тотъ трагическій случай долженъ былъ дать поводъ къ народной балладѣ. Но прибавка „*ab agrestibus ruditer composita*“ нѣсколько затрудняетъ. Не были ли это только версифицированныя „*Mordgeschichten*“.

**) „Самая же побѣда сдѣлалась столь извѣстной и славной, что прославлялась многими рассказами сосѣднихъ племенъ и народѣвъ. Поляки, которыхъ

Если познанскій епископъ Андрия *), по случаю выслушавши свидѣтеля 1422 г., говорить, что помнить, какъ 40 лѣтъ назадъ слышалъ еще народную пѣсню, въ которой были слова: „король Казимиръ, ты тогда будешь въ мирѣ съ Пруссаками, когда Гданскъ перейдетъ въ твои руки“—изъ этой политической рефлексіи, которая едвали пристала къ эпической народной пѣснѣ, видно, что и эта пѣсня не была народною въ нашемъ нынѣшнемъ смыслѣ.

Нѣкій Станиславъ Цюлекъ (Ciolek), род. 1382 г., говорить, собиралъ старыя историческія пѣсни у Поляковъ, и даже самъ сочинялъ „гимны“ (Wiszniewski hist. lit. pol. III. 367). Не говорится **), что онъ собиралъ ихъ среди народа, какъ это дѣлается напр. въ 19 вѣкѣ, но то было поэтическое добро, которое сочинялось по дворянскимъ домамъ, вѣрно тогда же заносилось на бумагу, когда какая пѣсня была составлена. Такія пѣсни, содержащія историческія воспоминанія, во дворахъ польскаго вельможи и дворянина охотно читались, выучивались наизусть и распѣвались въ веселыхъ компаніяхъ. (In convivii Polonorum cantilenaе gentiliū,

досталась она, превозносимые за богатство и славу, воспѣвали тоже ее и слѣдовавшіе за нею побѣды стихами, которые имъ слышимъ, какъ прозвонятся звучнымъ голосомъ въ театрахъ“. (Victoria quoque ipsa tam sonora et famosa fuit ut vicinarum nationum gentiumque crebris celebraretur sermonibus. Poloni quoque quibus provenerat quosque fama divitiis et honore extulerat variis illam et seriem eius prosequerantur carminibus, quae etiam in hunc diem саnога voce in theatris audimus promulgari.) Здѣсь прямо указываются составителями пѣсни люди высшаго круга.

*) Это свидѣтельство я беру изъ Цейсберга „Ueber die poln. Geschichtschreib. des Mittelalters (стр. 418), такъ какъ подлинника здѣсь я не могъ найтн.

***) Вищневскій ссылается на это мѣсто: „Такъ какъ онъ преимущественно занимался поэзіей, то онъ не только выконалъ, такъ сказать, изъ мотыль въ глубочайшихъ темницъ и вынесъ на чистый воздухъ свѣта древнѣйшіе стихи, въ которыхъ, по обычаю и законамъ древнихъ, заключались свѣдѣнія о дѣлахъ молодцаки, храбро, умно и удачно совершенныхъ Поляками, но и самъ сочинилъ новыя сіяюя своего дарованія“. (Nis cum poëticae rei imprimis favore studio non antiquissima solum quibus more institutoque veterum res a Polonis strenue, fortiter, prudenter feliciterque gestae continebantur carmina e sepulcris suis et profundissimis tenebris in dias luminis auras produxit, sed et suapte ingenio elaboravit.) По всей вѣроятности, здѣсь не разумѣется польскій, но латинскій языкъ.

plausus manuum mosque salutantium servatur usque ad hunc diem, т. е. на польскихъ пирахъ, народныя пѣсни, рукописанія и обычай поздравленій сохраняются до сихъ поръ, говорить одно средневѣковое извѣстiе). Итакъ, это были, если надо говорить о такомъ различii, народныя пѣсни, но не польскаго народа, но польской шляхты, по способу происхождения, по содержанию и по всему характеру своему совершенно отличныя отъ настоящихъ народныхъ эпическихъ пѣсенъ.

Чтобы не подумали, что это только мое предположенiе, которое не имѣетъ достаточнаго историческаго подтвержденiя, вотъ прямыя доказательства, что дѣйствительно все, что упоминается о средневѣковыхъ польскихъ историческихъ пѣсняхъ, должно быть понято въ упомянутомъ смыслѣ. Сарницкiй, написавшiй *Triumphus hoc est descriptio moris veterum* 1581 г., говорить подлинно слѣдующее: *) „Обычай воспѣвать славу знаменитѣйшихъ мужей подъ звуки лиры до сихъ поръ сохранился у Поляковъ, о чемъ свидѣтельствуютъ пѣсни о Владиславѣ Ягеллоновичѣ, который погибъ при Варнѣ, о Витольдѣ и войнѣ прусской, о Струсяхъ, родныхъ братьяхъ Феликсѣ и Георгиѣ, объ оршевскомъ сраженiи, о славныхъ подвигахъ короля Матвѣя“.

(*Mos decantandi laudes virorum illustrium adhibita lyra hactenus apud Polonos retentus fuit, quod testantur cantilenaе illае de Vladislao Jagiellonide qui ad Varnam periit, de Wittoldo et bello prutenico, de Strusiis germanis fratribus Felice et Georgio, pugna orzeusis, Matthiaeque regis illustria facta*).

Если бы въ средневѣковой Польшѣ дѣйствительно народъ развивалъ эпикку: былъ ли бы онъ такимъ побирушкой въ исторiи? Не создалъ ли бы онъ себѣ одинъ или нѣскольکو центровъ вокругъ народныхъ богатырей, о которыхъ опять таки нѣтъ ни слѣда, ни намека. Или развѣ „*Cantilena polonica in laudem Io. Wicleff*“, (польская пѣсня въ честь I. Виклефа) которую сообщаетъ *Pamiętnik Warszawski* 1816 № 20,— народная пѣсня? или же пѣсни въ *Dodatki* Мацѣвскаго 137—141 дѣйствительно народныя? или, можетъ быть, тѣ, такъ наз., силезскiя, о которыхъ Мацѣвскiй говоритъ въ первой книгѣ своей исторiи на стр. 168? или та о Болеславѣ Кривоустомъ на стр. 165?! Хорошо замѣчаетъ самъ историкъ (I. 172), что всѣ эти творенiя составлены отдѣльными пѣвцами, о которыхъ простой народъ ничего не хочетъ

*) Мацѣвскiй *Pismennictwo polske*. II. 411.

знать. Ни та у Войццикаго (I. 457) перепечатанная пѣсня о побѣдѣ подъ Грунвальдомъ (1410) не имѣетъ въ себѣ ничего народнаго. Не доступенъ мнѣ текстъ польской современной (?) пѣсни, воспѣвающей возстаніе въ Краковѣ 1461 г., въ которой разсказывается объ убіеніи разъяреннымъ народомъ Андрея Тенчинскаго (ср. Zeissberg Poln. Geschichtschreib. 416); но изъ какого круга вышла пѣсня—можно судить по тому, что она стоитъ на сторонѣ дворянства и убогаго Тенчинскаго. Кольбергъ перепечаталъ въ своемъ сборникѣ II, стр. 255—256 изъ *Pamiętnik'a Sandomirski'ю* (Warszawa 1830) двѣ пѣсни, одну конца 16 вѣка, другую 17 ст., отсюда видно, какія въ то время популярны были пѣсни въ смыслѣ народныхъ: обѣимъ можно указать совершенно сродныя параллели изъ пѣсенъ нынѣшняго времени. Еслибы нашлись пѣсни 12—13 вѣка, то онѣ были бы вполнѣ одинаковы съ нынѣшними, если не по содержанию, то, по крайней мѣрѣ, по пошибу разуужденій.

§ 14. Итакъ въ Польшѣ, судя по всѣмъ этимъ извѣстіямъ, если ихъ трезво обсудить, какъ и по нѣкоторымъ незначительнымъ остаткамъ текстовъ, очень рано развилась нѣкоторая полународная поэзія малой шляхты, которая всего охотнѣе занималась предметами изъ польской исторіи. По языку это была полу-латинская, полу-польская поэзія, безъ особыхъ поэтическихъ достоинствъ, но, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя самыя сильныя мѣста перешли въ память общества, и поэзія сдѣлалась напр. въ томъ смыслѣ у польской шляхты народною (т. е. общеизвѣстною), какъ въ Далмаціи „Разговоръ уюдни“ Качича у крестьянъ. Нѣсколько такихъ примѣровъ собралъ Вуйццикій въ своей книгѣ: *Obrazy starodawne* I. 204 сл., какъ напр.

Witold idzie po ulicy

Za niem niosą dwie szablisy (взято изъ Станислава Сарницкаго: *Księgi hetmańskie*),

или (изъ М. Бѣльскаго): Za króla Olbrachta
Poginęła szlachta,

или: Pan Zaklika z Wojsławicy

gnał tatarow do granic (или *pedził tataru aż do granic* *),

или: Za czasów pana Pretwica

sprała od Tatar granica и пр.

*) Эту послѣднюю толкуютъ иначе, а не изъ народной пѣсни, Верига-Даровскій стр. 103.

М. Бѣльскій говоритъ, что Поляки привѣтствовали короля Казимира, когда онъ возвратился домой, такими словами: „A witajże nam witaj, miły hospodynie!“; но что это не была пѣсня, а только привѣтствие—видно изъ самыхъ словъ.

Мацѣвскій и Вуйцицкій имѣютъ сверхъ того ту заслугу (Maciejowski въ Исторіи литературы II. 382 сл., Вуйцицкій *Historya lit. polsk. Warszawa 1859. I. 464 сл.*), что обратили вниманіе на мелкіе поэтическіе труды, которые въ 16 и 17 вѣкѣ напечатаны въ разныхъ брошюрахъ, гдѣ находится много очевидныхъ воспоминаній объ истинной народной поэзіи или, по крайней мѣрѣ, описаній народныхъ обычаевъ, съ которыми была связана и народная пѣсня. Такихъ брошюръ нѣсколько собралъ и исчерпалъ Вл. Вуйцицкій въ книгѣ „*Stare gawędy i obrazy*“ Варшава 1840, I—IV. Напр., по содержанию и формѣ нѣкоторыхъ отрывковъ, напечатанныхъ тутъ изъ анонимной брошюры времянь Сигизмунда Августа 1548—1572: *Kiermasz wieśniacki*,—легко увѣриться, что они составлены вполне въ духъ простонародной поэзіи. Ср. здѣсь I. 94—95. II. 38. Такова же книжка „*Regregrynasya dziadowska*“, изданная въ Краковѣ въ 1614 г. „*synod kłechów podgórkich*“ изъ 17 вѣка и пр. Былъ бы оч. почтенный трудъ, если бы кто снова предпринялъ собраніе такихъ, хотя и незначительныхъ, но для исторіи польской поэзіи очень важныхъ, анонимныхъ книжекъ 16 и 17 вѣка, и издалъ бы ихъ новымъ *) изданіемъ. О польскихъ посло-

*) Нѣкоторыя изъ этихъ книжекъ перепечатаны въ сборникѣ В. Вуйцицаго: *Biblioteka pisarzy starożytnych*, Варш. 1843—1844, 6 вып. и у Крашевскаго: *Pomniki do historij obyczajów w Polsce*, Варш. 1843. Я приведу отсюда нѣкоторыя свидѣтельства: „*Albertus z Wojny*“ на вопросъ ксендза, заболѣетъ ли свѣтъ объ ихъ „*мотахъ*“ (благочестивыя пѣсни) отвѣчаетъ:

Bynajmniej, ani pitać tam nabożny rzeczy,
rychley co franczowskiego kaźdy ma na pięsy,
rzadko tam drzał wrompióna, szczęście słuchać bywa
onę dawne: *Młó więc, kiedy się zagrzewa,*
albo też o Curydzie, bądź *Dłbanie pisanym*. (Краш. 49).

„*Regregrynasya Dziadowska*“ очень интересно описываетъ жизнь и обычаи нищихъ—слѣпцовъ, ихъ разговоръ и разсужденіе, на какой сторонѣ и какими образомъ можно добыть наиболѣе хлѣба и денегъ. Изъ всего содержанія видно, что тогда (въ XVI и XVII вѣкѣ) „*dziady*“ или „*kałiki*“—это слово

видахъ, въ которыхъ есть историческое содержаніе, позаботился и ихъ кое въ чемъ прекрасно объяснить покойный Верыга-Даровскій *).

III.

Чешскія свидѣтельства о пѣніи пѣсенъ. Слѣды народной лирики въ рукописяхъ. Историческія пѣсни вообще до народной лирики. Вліяніе нѣмецкое въ Чехіи. *Joculator*'ы и *Vagant*'ы.

§ 15. Точно также отрывочнаго характера извѣстія современныхъ лѣтописцевъ о чешской народной поэзіи. Лишь мимоходомъ и какъ-бы нехотя дѣлается упоминаніе о пѣніи пѣсенъ, игрищахъ и другихъ недозволенныхъ забавахъ. Козма хвалитъ князя Брѣтислава (1092) за то, что онъ искоренилъ много языческихъ обычаевъ изъ Чехіи: „Воспламененный усердной заботливостью о христіанской вѣрѣ онъ выгналъ изъ предѣловъ своего государства всѣхъ чародѣевъ, предсказателей, гадателей, равно какъ предалъ огню роши и деревья, во многихъ мѣстахъ чтимыя народомъ. Онъ искоренилъ также суевѣрные обряды, которыхъ придерживались крестьяне—полуязычники на третьей и четвертой недѣляхъ великаго поста, совершая возліянія надъ источниками, убивая жертвенныхъ животныхъ и принося ихъ въ жертву духамъ; истребилъ обычай погребенія въ лѣсахъ и на поляхъ, и тризны, которыя устраивались на перекресткахъ яко-бы для успокоенія душъ; уничтожилъ безстыдныя шутки и игры, которыя совершали надъ своими мертвыми, призывая ихъ бездушныя тѣни и надѣвая на лица маски... Эти и подобные скверные и богохульные обычаи изгналъ добрый князь, чтобъ не повторились впредь въ народѣ Божіемъ“. Кн. III. гл. 1.

(*Christianae religionis zelo succensus nimio omnes magos, ariolos et sortilegos extrusit regni sui e medio, similiter et lucos sive arbores quas in multis locis colebat valgnus ignobile, extirpavit et igne cremavit. Item et superstitiosas institutiones, quas villani adhuc semipagani in pentecostem*

встрѣчается въ польскомъ точно такъ же, какъ въ русскомъ—обширенно только умѣли пѣть свѣтлыя пѣсни, но одинъ „*dziad*“ говоритъ исключительно:

Nie wadzi też *kantycycki iakiekolwiek* miewać,
gdy się gdzie Konkurrenz trafi, *piosenkę* zaśpiewać. (Крам. 69).

*) Въ книгѣ, изданной въ 1874 въ Познани, подъ заглавіемъ: „*Przyelowie polskie odnoszące się do nazwisk szlacheckich i miejscowości*“.

tertia sive quarta feria observabant, offerentes libamina super fontes mactabant victimas et demonibus immolabant, item sepulturas quae fiebant in silvis et in campis atque scenas (соб. cenas) quas ex gentili ritu faciebant in bivis et in triviis, quasi ob animarum pausationem, item et iocos profanos quos super mortuos suos, inanes cientes manes ac induti faciem larvis bachando exercebant; has abominationes et alias sacrilegas adinventiones dux bonus ne ultra fierent in populo dei exterminavit).

Это знаменитое мѣсто, дѣйствительно *locus classicus* о языческихъ обычаяхъ древнихъ Чеховъ, довольно темно того ради, что Козма не желаетъ говорить вразумительно, но фразами, заимствованными изъ другихъ писателей; дѣйствительно, нѣтъ сомнѣнія, что ударъ, который при Брѣтиславѣ *) постигъ оставшіеся слѣды язычества въ Чехіи, захватилъ, по крайней мѣрѣ, отчасти и народную поэзію, но, разумѣется, не искоренилъ ея. Въ XIV вѣкѣ неизвѣстный переводчикъ объясненія десяти заповѣдей божіихъ вновь горюетъ такими словами:

Třetí v svatě časy hrají
a na svatě nic netbají,
lépe by bylo orati
než v neděli tancěvati.
Potom usta ofěrují
d'áblu když v tanci zpievají
o smilstvie piesni nesličné
a k tomu v čas nekázané.
Uši také ofěrujú
když radějši poslúchajú
zlych piesní, zlého pravenie,
prázdné piščby i hudenie
a o svatě duši netbají... Vyb. I. 237.

Третьи въ святые часы играютъ
и на святое не глядятъ,
лучше бы было пахать
чѣмъ въ воскресенье танцовать.
Затѣмъ устами жертвуютъ
дьяволу, когда въ танцѣ поютъ
о развратѣ неприличныя пѣсни
и при томъ въ неуказное время.
Ушами также жертвуютъ,
когда охотнѣе пряслушиваюся
къ злымъ пѣснямъ, злымъ рассказамъ,
праздному смеху и музыкѣ,
небрегутъ о святой душѣ.

Трудно сказать, насколько здѣсь авторъ имѣлъ предъ глазами конкретные случаи изъ народной жизни. Но и безъ того мы знали бы все, что намъ здѣсь рассказывается, то есть, что чешскій народъ, какъ и остальные славянскія пле-

*) Пуцкава, летописецъ XIV вѣка, утверждаетъ, что слава князя Брѣтислава еще въ его время жила „между людьми“: nebo chválá jeho i slovutnost' do dnešního dne slovutně zní mezi lidmi. Cap. 30.

мена, имѣлъ множество своихъ обычаевъ и забавъ, отъ которыхъ онъ легко не отставалъ. Также само собою разумѣлось бы, что народъ въ минуты общаго веселья игралъ, плясалъ и пѣлъ, если бы мы у лѣтописца и не читали такихъ описаній, какъ при коронаціи Вячеслава II въ 1297 г.:

Тогда народъ радуется, зала криками оглашается
И все превращается въ хоръ подъ звуки поющаго
духовенства,

Одни пѣсни поютъ, другіе же пляшутъ!...
Говорятъ: пусть царь будетъ славенъ и долговѣченъ,
Пусть царствуетъ, здравствуетъ и сдѣлается счастливымъ
всѣхъ.

(Tunc plebs exultat, clamoribus aula resultat,
sit totusque chorus clero psallente sonorus,
Hi tunc exaltant *cantus* aliique quoque saltant...)

Dicunt: rex divus sit vita perpete vivus

regnet, proficiat, felix super omnia fiat (Königsaltar Geschichtequellen. ed. Loserth in font. rer. austr. Scriptores VIII. Wien 1875, 152.)

или по другому случаю:

Нѣтъ улицы, которая не была бы полна
Одна чехами, другая нѣмцами,
Одни умѣютъ пѣть, другіе читать стихи...

(Non est platea quae non sit plena corea,
ista Boemorum sed et altera Teutonicorum,
Hic scit *cantare*, *quidam carmen recitare*. ib. 155).

Въ 1310 г. по случаю одного угощенія, при которомъ присутствовалъ и лѣтописецъ, рассказывается: „хотѣла отдохнуть дѣвица (Елисавета), но ее разбудило неприятное ей веселье всѣхъ другихъ пирующихъ; пѣли, кричали, плясали днемъ и ночью и наслаждались многими сладкозвучными пѣснями и танцами.“

(Quiescere puella (Elisabeth) voluit, sed aliorum omnium exaltantium gaudium sibi incommodum excitavit; *cantabant*, clamabant, saltabant die quoque et nocte, *plurimis himnis dulcisonis* et in tripudis personabant ib. 265).

А при коронаціи Яна 1311 г. по словамъ того же лѣтописца: „Толпа богемцевъ поетъ то, что знаетъ на своемъ языкѣ, но большая часть изъ нихъ—нѣмцы, поетъ по-нѣмцки.“

(*Turba Bohemorum canit hoc quod scivit eorum lingua, sed ipsorum pars maxima towtonicorum cantat teutonicum (ibid 316).*

Изъ такихъ свидѣтельствъ, конечно, не можетъ быть еще ничего конкретнаго выведено; все это, къ сожалѣнiю, сказанное слишкомъ общё, подтверждаетъ только то, что мы и безъ того могли бы считать за вѣрное, что народъ чешскiй въ 13 и 14 вѣкѣ также пѣлъ свои пѣсни при разныхъ случаяхъ, какъ и въ 11 и 12 вѣкѣ. Но какія это были пѣсни? Отсюда еще ничего не видно. Въ лѣтописи встрѣчается подъ 1145 г. упоминанiе о какомъ-то *carmen bellicum*, а подъ 1158 г. говорится, что Чехи, подъ предводительствомъ Владислава направлявшiеся на Миланъ: „противъ Милана берутся за оружiе и преимущественно стремятся сюда стойкая и знатная молодежь, подъ ея пѣсни и рассказы ведется осада Милана.“

(*Contra Mediolanum saeviunt in arma et maxime nobiliam ad hoc strenua fremit iuventus, in eorum cantibus et in eorum sermonibus Mediolani resonat obsessio).*

Тутъ бы по ситуации отлично подошли юнацкiя, т. е. эпическiя пѣсни, но и въ этихъ словахъ нѣтъ еще никакихъ указанiй на этотъ отдѣлъ народной поэзи. И здѣсь мы можемъ сказать: пѣсни были, но какія—того мы не знаемъ. По моему мнѣнiю, есть полное вѣроятiе думать, что эти пѣсни ничѣмъ не отличались отъ другихъ, напр. отъ нѣмецкихъ и латинскихъ тогдашнихъ пѣсенъ, кромѣ того, что были на чешскомъ языкѣ, ибо иначе, кажется мнѣ, авторы довольно подробныхъ мемуаровъ своего времени (XIV вѣка) не преминули бы указать нѣкоторые моменты, какъ необыкновенна т. е. необычна у нихъ манера пѣнiя, или особенный какой-нибудь музыкальный строй и т. д.

Довольно интересно показанiе одного лѣтописца XIV вѣка объ измѣненiи народныхъ обычаевъ, подъ влiянiемъ, конечно, нѣмецкимъ и французскимъ: „Объ искусныхъ, серьезныхъ и приличныхъ хороводахъ теперь не хлопочутъ, но теперь въ ходу *lagii* (?) короткiе и быстрые.“

(*Choreae magistratales morosae et delicatae non curantur sed lagii breves et cursorii nunc frequentantur (Jireček König. Handschrift 117).*

То же подтверждается аулорегинской *) хроникой, которая

*) Въ этомъ драгоценномъ источникѣ для внутренней жизни Чеховъ въ 14 вѣкѣ есть много интересныхъ чертъ, я приведу одну изъ нихъ: въ живо-

посвящаетъ цѣлую главу „de novitatibus morum“ (ed. Loserth, 459. s.) и о новизнѣ въ музыкѣ такъ говоритъ: „Пѣніе съ полунотами и квантами, употребляемое нѣкогда только совершенными музыкантами, уже слышится теперь вездѣ въ хороводахъ и на улицахъ“...

(Cantus fractis vocibus per semitonium et diapente modulatus, olim tantum de perfectis musicis usitatus, iam in chorcis ubique resonat et plateis a laicis et pharisaeis.)

Я ни за что не соглашусь съ мнѣніемъ I. Иречка, что хроника подѣ „cantus olim tantum de perfectis musicis usitatus“ разумѣла бы и что-либо изъ народной поэзіи. Уже прибавка *choraeae magistrales* и *de perfectis musicis usitatus* доказываютъ противное. Мы не можемъ ни въ одномъ изъ этихъ свидѣтельствъ найти подтвержденіе о народной эпикѣ въ Чехіи. Скорѣе смѣемъ сказать, если современные писатели замѣтили такіа перемѣны, какъ только что упомянутую перемѣну въ пѣніи, въ музыкѣ, въ одеждѣ и еще кое-въ чемъ, или когда ихъ интересовало сообщить такой фактъ: „во всѣхъ почти городахъ государства и при дворѣ болѣе употребителенъ нѣмецкій языкъ, чѣмъ чешскій.“

(in omnibus civitatibus fere regni et coram rege communior est usus linguae Teutonicae quam Boemicae 1334, Losert Königsaal. Gesch. Quellen 502).

описаніи короля Вячеслава II говорится (145 ed. Loserth) такъ: „мы видѣли богослововъ и много блага духовенства не только изъ всѣхъ сторонъ Италіи, Франціи и всей Германіи, но либо изъ Россіи, либо изъ Пруссіи либо изъ Греціи, а иногда и изъ отдаленной Венгріи и приморскихъ странъ,—собравшимся у этого за повѣстнаго цара, изъ нихъ одни носили отпущенныя бороды, другіе волосы по чужому или греческому обычаю, и иногда пославились служили обычаю въ присутствіи самого цара... (Vidimus non solum de Italiae, Franciae totinaeque Germanie partibus universis, sed nunc de Russia nunc de Prussia nunc de Graecia et nonnunquam de ultimis Ungarorum et de maritimis finibus ad hunc famosum regem conflare religiosos et etiam clericos plurimos saeculares, quorum qui dam barbam; alii comam more barbarico nutrentes seu ritum graeco quandoque etiam in slavico idiomate celebrant missarum solemnium saepe coram rege.) ср. еще ib. 163. какъ говорилъ Поляси, когда предлагали Вячеславу польскую корону.

то, говорю, они, навѣрно, замѣтили бы обработку народной эпики, если бы ея слѣды гдѣ нибудь были.

Итакъ справедливо можно сомнѣваться, чтобы чешскій народъ въ 13 и 14 вѣкѣ имѣлъ иную народную поэзію, чѣмъ теперь. Я разумью разрядъ, характеръ и весь строй, а не содержаніе отдѣльныхъ пѣсенъ. Содержаніе, — какъ листья, которые осенью съ дерева опадаютъ, а весною распускаются новые, но одинаковыя съ прежними. Это можетъ быть подтверждено, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми малыми доводами. Между рукописными сборниками свѣтской, не народной, но искусственной лирики, есть еще кое-гдѣ пѣсня сплошь народная, или распѣваемая какъ имитация народной. Фейфаликъ (Alttech. Leiche, Lieder und Sprüche, 699 с.л.) приводитъ такіе примѣры, ч. 21: „stratila s' jsem milého,“ ч. 22: „šla dva tovařiše,“ № 23: „viem t' jednu dúbavku“ и еще нѣсколько отрывковъ. Почему мы думаемъ, что это народныя пѣсни? Именно потому, что онѣ такъ удивительно сходны съ нынѣшней лирикой. Слѣдъ, въ пятьсотъ лѣтъ чешскій народъ нисколько не измѣнилъ характера своей народной лирики. Этотъ аргументъ слѣдовало бы помнить литературнымъ историкамъ, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ они рѣшались говорить объ эпической поэзій. Сравни. еще Ć. Ć. M. 1838, 1839. V ýbor, II. 639—646, Jungmann hist. česk. lit. odd. II. pro. 30.

Начатки нѣкоторыхъ лирическихъ пѣсенъ открыты въ двухъ старыхъ рукописныхъ книгахъ изъ 16 вѣка (Юнгм. hist. Ć. lit. отд. IV, № 201, 202) и вотъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ опять можно найти совершенно одинаковыя параллели между нынѣшними пѣснями: надр. начало „stojí lipka v širém poli listu širokého“ сравни. народную пѣсню у Сушила № 153 или 756; начало „proč kalina v struze stojí“ сравни. № 433 у Сушила или стр. 150 у Эрбена; начало „vim já hájek zelený“ ср. пѣсню на стр. 754 у Сушила. Такихъ примѣровъ есть, конечно, и больше, и я желалъ бы, чтобы кто ихъ тщательно собралъ и съ параллельными мѣстами издалъ, такъ какъ они дѣйствительно оч. важны для исторіи народной поэзій. Но и того, что я здѣсь указалъ, довольно, чтобы засвидѣтельствовать, что чешскій народъ въ своей лирической поэзій дѣйствительно съ 14 вѣка нисколько не измѣнился. И какъ бы могъ онъ потерять безъ слѣда и звука свою эпическую поэзію, если бы имѣлъ онъ ее въ дѣйствительности? Я думалъ бы, что гуситскія войны и иезуитская реакція такъ сильно коснулись характера чешскаго народа, что могли бы повернуть духъ чешскаго народа на новое тече-

не и уничтожить изъ его памяти, да и то едва ли исполнѣ, воспоминаніе о старой славѣ, если бы онъ ее хотя отчасти уберечь въ эпическихъ пѣсняхъ; но конецъ 13 и первая половина 14 вѣка, не обращая вниманія на прогрессъ германизации въ городахъ, никакъ не были въ силахъ стереть эпическую поэзію. Напротивъ мы знаемъ изъ исторіи, что еще до тѣхъ поръ укрѣпленіе нѣмецкой народности въ Чехіи не совершалось безъ большого отпора со стороны даже чешскаго дворянства. Когда въ 1318 г. у короля Яна родился второй сынъ, хроника рассказываетъ даже о распрѣ между чешской и нѣмецкой партіей относительно имени, которое дать новорожденному: „Нѣкіе знатные мужи съ Рейна, коихъ присутствовало много, хотѣли назвать мальчика по имени дѣда императора Генриха, нѣкоторые же, родомъ Чехи, голосъ которыхъ тогда больше значилъ, отстаили имя Оттокаръ, которое принадлежитъ чешскимъ королямъ“.

(Nobiles quidam viri de Rheno, quorum plures aderant, puerum volebant nominare nomine avi sui imperatoris Henricum, alii vero de Boemia geniti, quorum tunc clamor praevaluit, nomen obtinent Ottocarum, quod regibus convenit Boemorum ed. Loserth p. 401).

Въ этой мелкой чертѣ выказывается довольно рельефно народная оппозиція даже въ самыхъ высшихъ придворныхъ кругахъ. Итакъ въ ту пору, когда народное возбужденіе проявляется первымъ громомъ, предвѣстникомъ послѣдующей бури, совпадаетъ именно смерть чешской народной эпки? Я бы всякому, кто хотѣлъ бы меня въ этомъ увѣрить, отвѣтилъ *magnum dicis, vix credibile*.

Наталкиваюсь опять на сильный аргументъ *ex silentio*. О чешскомъ народѣ гораздо больше и подробнѣе извѣстно въ средніе вѣка сравнительно съ какимъ либо другимъ славянскимъ. Туземные и иностранные писатели, которыми была наполнена Чешская земля, написали обширныя лѣтописи о своемъ и предшествующемъ времени. Даже о народныхъ сказаніяхъ, о народныхъ преданіяхъ *) много говорится. Но

*) Огромный энтузіазмъ къ народной поэзіи нашель нѣкогда въ исторіи. Та Ливія цѣлыя стихи изъ народнаго эпоса, во что теперь уже мало кто вѣритъ. Точно также были люди, которые по Козимъ толковали о народной чешской эпикѣ. Трезво разсуждаегь объ этомъ Небескій въ Ч. Ч. М. 1852 4, 148 сл., доказывая съ полнымъ правомъ, что мы не имѣемъ еще никакого основанія, подъ словомъ *fabulosa narratio* разумѣть именно народные пѣсни.

нигдѣ нѣтъ ни въ этихъ лѣтописяхъ, ни у сѣсѣднихъ писателей, которые посѣщали Чешскую землю, никакихъ свидѣтельствъ, чтобы чешское племя изъ своихъ народныхъ преданій, изъ своихъ сказаній, развило народную эпикю. Я никакъ не соглашусь съ тѣми, которые рассуждаютъ по аналогіи и оттуда, что Сербы или Русскіе имѣютъ народную эпикю еще и теперь, выводятъ, что всѣ остальные славянскія племена, конечно, должны были ее имѣть, по крайней мѣрѣ, нѣкогда. Такая аргументація не можетъ быть признана достаточною, какъ нельзя повѣрить, хотя бы то и много разъ было высказано, что славянскій народъ въ давнюю пору своего единства имѣлъ какой-то великій мифологическій, что-ли, эпосъ, коего атомы, предполагаютъ, и теперь летаютъ по воздуху. Такого мнѣнія, правда, были нѣкогда братья Гриммы, но теперь вообще думаютъ иначе. Источникъ эпической поэзіи *больше юный*, чѣмъ сага. Изъ саги выдѣляется исторія: всякій народъ, имѣющій исторію, имѣетъ и сагу; но есть народы и безъ исторіи, они не вышли изъ саги. Въ сагѣ сплетается божеское съ человѣческимъ, одно связывается съ другимъ, отыскивая родственныя связи, смѣшеніе крови и т. под. Особенно благоприятныя условія нужны для того, чтобы народъ содержаніе своихъ сагъ превратилъ въ эпическую поэзію, это превращеніе идетъ лишь у тѣхъ немногихъ народовъ благополучно, у которыхъ въ удобный моментъ подойдетъ къ сагамъ какой-нибудь необыкновенный фактъ, который цѣлый народъ приведетъ на нѣкоторое время въ движеніе: этотъ фактъ долженъ показаться особенно блестящимъ извнѣ, напр. геройскія побѣды надъ непріятелемъ, но такъ, чтобы онъ не измѣнилъ духовнаго состоянія народа. Если бы эпическая поэзія у Сербовъ и Русскихъ была какимъ-нибудь остаткомъ ихъ доисторическаго единства, въ ней было бы, конечно, болѣе тождественнаго, болѣе сроднаго содержанія, чѣмъ въ дѣйствительности есть. Но этого нѣтъ потому, что Русскіе, именно какъ особая народная единица, развили свои былины, соединивши свои давнишнія саги съ блестящимъ вѣкомъ кievскаго княжества въ одно эпическое цѣлое, въ циклъ владимірскихъ богатырей. Точно также получили Сербы, какъ отдѣльное югославянское племя, импульсъ къ юнацкимъ пѣснямъ, и довольно поздно, т. е. въ четырнадцатомъ вѣкѣ, развился даже эпическій циклъ, коего центромъ представляется борьба южнаго славянства противъ Турокъ. Какъ у однихъ и у другихъ эпическая поэзія досегодня сохранилась хотя и не безъ большихъ модификацій, такъ и извѣстно о ней очень издавна; по крайней мѣрѣ, замѣчена

она уже въ 14, 15, 16 и т. д. столѣтїи; малыя, хотя и случайныя черты о ней были внесены въ разныя домашнія и иноземныя записки. Обо всемъ этомъ ни для чешскаго, ни для польскаго племени нѣтъ упоминанїя; и я думаю, если бы чешскїй народъ когда-нибудь развилъ цикль народныхъ эпическихъ пѣсенъ съ однимъ или нѣсколькими главными представителями народной славы, народнаго богатства, мы уже прежде объ этомъ что-нибудь узнали, чѣмъ былъ случай что нибудь узнать объ эпикѣ русской или сербской, такъ какъ, мы сказали, о Чехахъ гораздо больше писано, чѣмъ о Русскихъ или Сербсахъ.

§ 17. Остается только еще вопросъ объ отдѣльныхъ историческихъ пѣсняхъ, которыя хотя и возникли въ народной средѣ, не достигли до развитїя народной эники, но какъ случайно какаа пѣсня появилась въ честь того или другого факта, такъ и пѣлась она безъ связи, не оставивъ слѣда. Что такія пѣсни были между Чехами, полагаю, нельзя и сомнѣваться, и въ доказательство можетъ быть приведено нѣсколько историческихъ пѣсенъ изъ Краледворскаго сборника. Если бы кто хотѣлъ изъ этихъ пѣсенъ вывести доказательство, что Чешскїй народъ имѣлъ свою народную энику въ родѣ Русскаго или Сербскаго, долженъ бы также доказать, что въ Краледворскомъ сборникѣ дѣйствительно народныя пѣсни. Но такое доказательство никому еще не удавалось, тѣмъ болѣе теперь должно вѣрить, что историческія пѣсни Краледворскаго сборника имѣютъ книжное происхожденіе, что ихъ нигдѣ никогда простой чешскїй народъ не пѣлъ, какъ напр. поютъ Сербы о своемъ королевичѣ Маркѣ или Русскіе—про своего Илью Муромца. Одно только можно утверждать, что составитель (или составители) этихъ пѣсенъ хорошо знал народную поэзію и глубоко проникалъ въ ея вѣдра. Но сколько въ Краледворскомъ сборникѣ (я всегда разумѣю историческія пѣсни) чисто народнаго элемента, столько его можно всегда найти въ чешской народной поэзїи, напр. хотя бы и въ нынѣшней.

Читатель можетъ замѣтить изъ этихъ моихъ словъ, что я съ нѣкоторыми главными мыслями послѣдняго труда, который посвященъ критикѣ Краледворской рукописи, нѣсколько не согласенъ. По моему мнѣнію въ книгѣ Иречковъ, Лосифа и Герменегильда (*die Echtheit der Königinhofer Handschrift*, Prag. 1862); не вполне правильно обозначена точка зрѣнїя, съ которой слѣдуетъ оцѣнивать Краледворскїй сборникъ. Вѣрнѣе то, что говорить Ганушъ въ книгѣ *das Schriftwesen*

und Schrifttum (Prag. 1867, 77 ss). Недавно доказалъ I. Гебауэръ (Filolog. a paedag. Listy II. 103 ss.), что стихи 40—60 пѣсни „Ярославъ“ взяты изъ путешествія Марко Поло, именно изъ чешскаго Милліона, перевода сочиненія Марка Поло. Чешскій переводъ сдѣланъ съ латинскаго, когда-то въ 14 вѣкѣ, всячески послѣ 1320 г., около котораго сочиненіе Марка Поло было переведено на латинскій языкъ, въ оригиналъ составленное, по общепринятому мнѣнію, на старофранцузскомъ языкѣ (ср. Le livre de Marco Polo par M. G. Pauthier, Paris 1865 и Yula: The book of ser Marco Polo).

Проф. Гебауэръ приводитъ нѣсколько аргументовъ изъ чешской стилистики, по которымъ авторъ „Ярослава“ имѣлъ подъ рукою не лат. переводъ, но именно чешскій переводъ латинскаго Милліона. Эта аргументація проф. Гебауэра оч. важна, и я оставляю чешскимъ литературнымъ историкамъ оцѣнку ея высокаго значенія. Мнѣ достаточно, что и на этотъ разъ я снова получаю свѣдѣніе, что составителемъ „Ярослава“, не былъ никто изъ народа въ тѣсномъ значеніи этого слова, но человекъ изъ разряда образованныхъ людей, который читалъ современныя книги. Тутъ вновь я прихожу къ мысли, которую оч. давно высказалъ покойный Палацкій, что составитель „Ярослава“, по всей вѣроятности, относился къ людямъ изъ высшаго сословія (Wiener Jahrbücher B. 48 S. 147 ss.). Противъ Палацкаго впоследствии возсталъ Небескій (С. С. М. 1852, 3, 165 ss.), но его аргументы, которыми онъ отстаиваетъ простонародное происхожденіе пѣсни, не довольно сильны. Конечно, о Заявшѣ Витковичѣ не думаетъ нынче никто больше, и покойный Палацкій отказался самъ отъ этой гипотезы, ср. Dejiny národa českého II. I., 1874, стр. 236 и 266.

Я былъ намѣренъ этими строками лишь коснуться труднаго и запутаннаго вопроса о значеніи пѣсенъ Краледворской рукописи въ чешской литературѣ. Для меня было единственною цѣлью—оправдаться, почему, говоря объ историческихъ свѣдѣтельствахъ о чешской народной поэзіи, я не ставилъ во главѣ Краледворской рукописи. Она остается въ моихъ глазахъ еще и сегодня таинственной книгой, запечатанной семью печатями, которая оч. много произвела шума, но еще всегда вызываетъ на новыя изслѣдованія, изысканія, которыхъ бы я желалъ много подобныхъ тому изслѣдованію проф. Томка въ Час. Чеш. Муз. 1849, 2, 21—44, которое, по моему убѣжденію, есть драгоцѣннѣйшій до сихъ поръ вкладъ для объясненія этого памятника.

И въ такъ наз. Далимидовой хроникѣ напечатано нѣсколь-
ко стихоплетеній въ формѣ историческихъ пѣсенъ. Но это
никакъ не народныя пѣсни. Достаточно ихъ одинъ разъ про-
честъ, чтобы въ томъ увѣриться. Такъ могли пѣть только
полуграмотные бродяги, показывающіе народу, „schreckliche
Mordthaten“ и другія сцены. И сама хроника, изъ которой
отсвѣчиваетъ духъ чешской оппозиціи противъ Нѣмцевъ,
которая пространно толкуетъ старую народную сказку о
почтеніи къ чешскому королевству, нигдѣ ни слова не гово-
рить ни о чешскихъ пѣсняхъ, ни о юнакахъ, что были бы
прославляемы въ этихъ пѣсняхъ, но тутъ же сообщаетъ, что
Нѣмцы одного чешскаго витязя настолько боялись, „až jej
Berúnškým Dětíichom zověšchu“! (Dal. ed. H. 184).

Итакъ я отрицаю и у чешскаго племени истинную на-
родную эпикку въ томъ значеніи, въ которомъ мы говоримъ
о сербскихъ юнацкихъ пѣсняхъ или о русскихъ былинахъ.
Одиночныя историческія пѣсни, какъ напр. пѣсни въ Кра-
ледворскомъ сборникѣ, если и признаемъ, что всё—остатки на-
стоящихъ народныхъ пѣсенъ, могутъ скорѣе послужить до-
казательствомъ огромной разницы между старочешскими ис-
торическими и сербскими юнацкими пѣснями, чѣмъ сродства
и даже имитациі, какъ предполагалъ нѣкогда Кошитаръ. Это
и братья Иречки хорошо видѣли, и я совершенно согла-
сенъ съ этой ихъ замѣткой на стр. 54: „Слѣдуетъ прямо по-
ставить на видъ, что народная эпика Чеховъ ближе стоитъ
къ малорусской, чѣмъ къ югославинской“.

(„Namentlich muss hervorgehoben werden, dass die Volksepik der
Boehmen der kleinrussischen viel näher steht, als der südslawischen“).

Неродственность еще ничему не мѣшала бы, какъ
средство ничего не подтверждало бы само по себѣ, но не-
достатокъ внутренней связи, отсутствіе типичности, изли-
шекъ писаній и субъективныхъ рефлексій при мало опредѣлен-
ныхъ ситуаціяхъ, маломъ эпическомъ дѣйствіи,—все это при-
знаки—довольно вѣскіе, что въ историческихъ пѣсняхъ Кра-
ледворскаго сборника въ той формѣ, въ какой онѣ дошли до
насъ, мы не можемъ видѣть произведеній простаго Чешскаго
народа. За это и внѣшняя форма пѣсенъ: она очень неод-
накова, неопредѣленна. Если чешская народная эпика, для
которой думаютъ и въ Любушиномъ судѣ видѣть образецъ,
болѣе развита эпическій десятисложный стихъ, а Любушинъ
судъ долженъ служить тому доказательствомъ,—тогда никакъ
нельзя постичь, почему позднѣйшія историческія пѣсни Кра-
ледворской рукописи нарушили то, что однакожь соорудить

народъ. Метрика Краледворскаго сборника относительно Любушина суда стоитъ примѣрно въ такой несоразмѣрности, какъ метрика южнорусскихъ думъ къ сербскому десятисложнику, или какъ размѣръ хорватскихъ старыхъ „bugaršćica“ (стихъ въ 15—16 слоговъ) къ нынѣшнему десятисложнику.

§ 18. Я сказалъ, что о прошедшемъ Чехіи соразмѣрно съ другими славянскими племенами еще имѣются кое-какія свѣдѣнія. Къ этому надо присоединить, что сосѣдство съ нѣмецкой державой, столкновение съ нѣмецкими государственными, юридическими и социальными институціями внесло много такого въ Чешскую землю, чего или совсѣмъ не было, или въ видѣ исключеній было у остальныхъ Славянъ. Къ такимъ социальнымъ институціямъ относятся *тѣщи*—*joculatores* ¹⁾ какъ сословіе, коего задачею было занятіе музыкою и пѣніемъ. Это была главнымъ образомъ придворная служба и сначала, по всей вѣроятности, въ Чехіи занимались ею одни Нѣмцы. Многіе чешскіе государи были прославляемы, пожалуй, за свою пред-

¹⁾ О *joculator*'ахъ вообще ср. Léon Gautier, *Les Epopées françaises* I, Paris 1866 p. 346 ss. Въ средніе вѣка различались два разряда *joculator*'овъ, какъ видно изъ этого классическаго свѣдѣтельства одного текста 13 вѣка: „Есть третій родъ людей, которые имѣютъ музыкальные инструменты для увеселенія людей. Но такихъ людей есть два рода: одна досѣщаютъ публичныя питейныя заведенія и худыя общества съ тѣмъ, чтобы пѣть развратныя пѣсни; такого рода люди заслуживаютъ наказаніе, какъ люди увлекающіе другихъ къ разврату. Но есть опять люди, такъ называемые шуты, которые воспѣваютъ подвиги князей и житія святыхъ, доставляютъ утѣшеніе людямъ въ ихъ скорбяхъ и несчастіяхъ, и не дѣлаютъ такихъ подлостей, какъ танцоры и танцовщицы... Если они не дѣлаютъ подлостей, но воспѣваютъ подвиги князей подъ свои инструменты для утѣшенія людей, какъ было сказано, то такіе люди могутъ быть терпимы, какъ говоритъ папа Александръ“. Gautier l. c. I. 352. „Est tertium genus hominum qui habent instrumenta musica ad delectandum homines. Sed talium duo sunt genera: quidam enim frequentant potaciones publicas et lascivas congregationes ut cantent ibi lascive cantilenas et tales dampnabiles sunt sicut alii, qui dicuntur joculatores qui cantant gesta principum et vitas sanctorum et faciunt solacio hominibus in egritudinibus suis vel in angustiis suis et non faciunt inumeras turpitudines sicut faciunt saltatores et saltatrices... Si non faciunt talia sed cantant gesta principum instrumentis suis ut faciant solacia hominibus, sicut dictum est, bene possunt sustineri tales, sicut ait Alexander papa“.

рость къ нѣмецкимъ jocular'амъ (ср. объ этомъ Небескаго въ ч. ч. м. 1852, 3, 167 и Feifalik, Ueber König Wenzel etc. p. 331 ss.). Но время беретъ свое: къ этому обычаю присоединились, какъ кажется, впоследствии и Чехи. Правда, объ этомъ обычаѣ насколько касается онъ настоящихъ Чеховъ, известно очень мало, почти ничего, одни имена. Въ 12 вѣкѣ упоминается одинъ, судя по имени чешскій jocular—Dobřeta или Dobrata. Владиславъ II подарилъ въ 1167 г. одной церкви землю (terram illam), которую отецъ его (Владиславъ I) нѣкогда подарилъ *своему* пѣвцу Добратѣ (quam pater meus joculari suo, nomine Dobrietę in villa Zalažás dederat) Ergben Reg. 139, Jireček König. Handschr. 102. Подъ 1176 г. есть упоминаніе о нѣкоемъ jocular'ѣ Коятѣ въ дипломѣ Собѣслава II. Оба имени свидѣлствуютъ довольно ясно, что это были люди чешской національности, отсюда мы смѣемъ вывести, что въ 12 вѣкѣ дѣйствительно находились въ Чехии, го крайней мѣрѣ, при дворѣ и, можетъ быть; и индѣ, чешскіе люди, которые увеселяли своихъ „господъ“ музыкой и, можетъ быть, также пѣніемъ, по всей вѣроятности, чешскихъ пѣсенъ. Но я не согласенъ съ тѣми, которые хотѣли бы этихъ jocular'овъ поставить въ связь съ народными славянскими пѣвцами, какъ не кажется мнѣ правдоподобнымъ, чтобы у Славянъ когда-нибудь развился бы пѣвческій цехъ *), какъ нѣчто народное. Напротивъ, въ доказательство, какъ далеко распространялась эта средневѣковая, но, съ точки зрѣнія славянскихъ народовъ, чуждая, т. е. нѣмецкая, инсти-туція, я хочу сослаться на нѣкоторые мѣста, которыя находятся въ словенскомъ переводѣ номоканона, о родинѣ котораго и пр. ср. мое изслѣдованіе въ *Старинѣ* VI, 60 ss. Тамъ

*) Козма упоминаетъ (III с. 21 ad an. 1107) одинъ разъ кнеариста въ ряду разныхъ сословій, но на послѣднемъ мѣстѣ, даже ниже портного, какъ бы желая этимъ означить кнеаристовъ, какъ людей бѣдныхъ: „не было навѣрно ни одного аббата, не было настоятеля, не было духовнаго лица, жиды, купца, мѣшани, не было кнеариста, который бы добровольно не приподнесъ чего-нибудь между изъ своего запаса.“ (Certe non abbas non prepositus, non clericus non laicus, non Judeus, non mercator, non trapezeta non citarista fuit qui non conferret invitus aliquid duci de sua apotheca). То были, значить уже тогда бѣдняки, которые музыкой зарабатывали хлѣбъ слѣд. совсѣмъ отличный классъ людей отъ придворныхъ, одаренныхъ землей, jocular'овъ.

нѣсколько разъ упоминается слово *шпильманъ* (средненѣм. Spilman): о шпильманѣхъ и въ глагольцѣхъ и въ плещнѣхъ, съ глоссой: шпильманъ *сказати се играць*, и опять: *еще есть шпильманъ рече глагольць*, съ глоссой: *еще кто... шпильманчъ рече глагольць дѣють* (Старине, *ib.* 81—82). Греческій текстъ не давалъ повода славянскому (по моему мнѣнію болгарско-словенскому) переводчику Номоканона употребить именно слово шпильманъ; если же нѣсколько разъ даже противъ греческаго оригинала это слово, какъ глосса, вошло въ болгарско-словенскій и сербско-словенскій текстъ, то это почти вѣрно доказываетъ, что нѣмецкіе бродяги тогда (въ 10—12 вѣкѣ) подъ нѣмецкимъ именемъ, но вѣроятно въ найнизшемъ значеніи этого слова, достигали даже до южныхъ Славянъ *). Поэтъ Ветраничъ-Чавчичъ поетъ также пѣсню „*lanci alemani*“, въ которой говоритъ, какъ пришли „тамо далече“ изъ „Аламани“ съ запада какіе-то „ланци трубетари, добри мештри, ки трубимо подъ пифари“ и не ищетъ другой платы за то, что будетъ Дубровчанамъ „трубетати“, и ихъ учить „у трубуне трубетати“ лишь „да съ вами *потринкамо* кадъ свршимо пимфарату.“ И то были своего времени „шпильманы“, которые искали счастья даже въ гостепріимномъ Дубровникѣ, общая дубровничанамъ за то похвалить ихъ своимъ „лимфрамъ“ (лимфра=нимфа); когда вернутся домой. Въ такомъ смыслѣ, какъ шуты, шпильманы, *joculator*’ы были извѣстны и въ Польшѣ. Такъ въ 13 вѣкѣ (1235) упоминаетъ одна грамота одного „*joculator Juricus*“, который подарилъ цѣлое село (*villam*) одной церкви (ср. *Raszynski cod. dipl. p. 14*). Въ 14 вѣкѣ было постановлено Казиміромъ В.: „Сверхъ того мы желаемъ, чтобы при самой свадьбѣ было восемь шутовъ, но не больше...“

*) Слово „шпильманъ“ встрѣчается еще въ Златоустрѣ—итакъ опять въ памятникѣ югославянскаго извода (ср. Микл. lex. v. s.)—и въ олвомъ прологѣ подъ 17-мъ апрѣля называется мученикъ Ардалионъ „Шпильманъ“ (по-гречески *πίλος*). Если Востоковъ когда-то думалъ (Опис. Рум. Муз. 456), что это слово—свидѣтельство западнаго происхожденія этого жинія святого, въ томъ мы теперь больше не находимъ доказательствъ, поелику знаемъ, что „шпильманъ“ было слово довольно извѣстное южнославянскимъ писцамъ X—XII вѣка. Потому излишне было г. Петрову (О происхожденіи и составѣ Пролога, 1875, 102) повторять слова Востокова.

(*Insuper volumus quod in ipsis nuptiis octo joculatores habeantur et non plures, cantantibus et loquentibus conciones qui rymarii dicuntur, nec non vendentibus nuroch*).

§ 19. Есть еще одна институція, которую Чехія получила отъ западныхъ сосѣдей—то были *vagant*'ы, ученики, которыхъ дѣломъ было между прочимъ составленіе и распѣваніе латинскихъ пѣсень, которыми они вмѣстѣ и поддерживали свое существованіе. Обыкновенно ваганты занимались латинской поэзіей (ср. Giesebrecht, *Die Vaganten oder Goliarden und ihre Lieder*, Allg. Monatschrift, Kiel, 1853), но для Чехіи есть доказательства на то, что чешскіе, „ученики“ (*žáci*) сочиняли также и чешскія пѣсни. Объ этомъ подробно говорилъ Фейфаликъ (*Altčech. Leiche, Lieder u. Sprüche* 643 ss.), который нѣкоторыя ихъ пѣсни и вновь издалъ. Живо обрисовываетъ поведеніе такихъ учениковъ въ корчмѣ чешская сатира (*Výbor I.* 943—956). Такъ-какъ эти „убогіе черти“ стояли въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ простымъ народомъ, то можно вѣрить Фейфалику, когда онъ утверждаетъ, что нѣкоторыя народныя пѣсни, или, по крайней мѣрѣ, очень по народному пѣтыя, спасены отъ вѣчной гибели именно благодаря ученикамъ. Никто при этомъ пусть не думаетъ, чтобы эти ученики могли быть носителями народной эпики или ея стражами. Еще менѣе вѣроятія думать это о нихъ, чѣмъ объ упомянутыхъ выше *joculator*'ахъ.

V.

Свидѣтельства о книгѣ пѣсень у Русскихъ. Церковь возметъ противъ разныхъ обичаевъ. Латинскіе упоминаютъ Азешу Поковича, Добриню, но молчатъ объ Илзѣ Журонца. Упоминаніе объ Илзѣ въ 16 и 17 столѣтіяхъ. Слѣды въ нѣмецкой сагѣ.

§ 20. Въ то время какъ объ обоихъ западнославянскихъ племенахъ, польскомъ и чешскомъ, не можетъ быть подтверждено никакими доказательствами, чтобы въ старину имѣли они другого рода народную поэзію, чѣмъ въ нынѣшнее время, можно напротивъ о тѣхъ славянскихъ племенахъ, которые и понинѣ еще имѣютъ народную эпикю, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми, хотя и не особенно значительными свидѣтельствами изъ старины доказать то, что извѣстно и безъ того, т. е. что ихъ нынѣшняя эпика дѣйствительно держится изстари.

Начнемъ съ *Русскихъ*. Для полноты обзора, я приведу прежде нѣкоторыя мимоходомъ упоминаемыя случайныя черты о пѣсняхъ и пѣннн, изъ которыхъ точно также и здѣсь не можетъ быть почти ничего болѣе выведено, какъ и жь прежде указанныхъ случаяхъ изъ польскихъ или чешскихъ лѣтописцевъ. Владиміръ Мономахъ говоритъ въ своемъ поученіи между прочимъ такъ (1096 г.):² а сноху мою по-слати ко мнѣ за не нѣсть въ ней ни ала, ни добра, да быхъ обуймъ оплакаль мужа ея и оны сватьбы ею въ *пѣсьннн* мѣсто не видѣхъ бо ею первѣе радости. (Ипат. лѣт. 167). Эти слова весьма общѣ упоминаютъ о *свадебныхъ пѣсняхъ*, безъ которыхъ нѣкогда не обходилось ни одно празднество—это чистая правда, которая даже не нуждается въ подобномъ подтвержденіи. И на Руси воевала церковная власть противъ нехристіанскихъ обычаевъ, слѣд. и противъ свѣтскихъ, не божиихъ, но дѣвольскихъ пѣсекъ, какъ тогда уже говорилось. Изъ XI вѣка существуетъ сборникъ каноническихъ отвѣтовъ митрополита, родомъ Грека, Іоанна II (ок. 1077—1088) на вопросы русскаго черноризца Іакова, которыми митрополитъ даетъ Іакову нѣкоторыя наставленія. Изъ вопросовъ, поставленныхъ послѣднимъ, мы получаемъ нѣкоторыя интересныя черты о тогдашнемъ состояніи Руси въ вопросахъ христіанской вѣры. Яковъ признаетъ, что есть люди въ его паствѣ, „иже волхвованія и чароданія творяща,“ и „ежъ жрутъ бѣсомъ и болотомъ и владезимъ;“ есть и такіе, которые думаютъ, что только боярамъ и князьямъ подобаетъ вѣнчаться по церковному обычаю, а простому народу достаточно брать своихъ женъ „съ плясаніемъ и гуденіемъ и плесканіемъ,“ т. е. по стариннымъ языческимъ обычаямъ; даже по нѣскольکو женъ имѣлъ иной, или, прогнавъ одну, бралъ другую (безъ труда и безъ страха и безъ срама двѣ женѣ имѣють,—и много поймають—ижъ свои жены пуцають и прилѣпляють ся имѣмъ). Особенно было распространено уже въ то время пьянство и неумѣренное пиrowанье, между боярами равно какъ и между священниками *), и не обходи-

*) Текстъ отвѣтовъ Іоанна напечатанъ раньше всего въ Русскихъ Достоинатностяхъ I. М. 1815, 89—103, затѣмъ у Макарія въ приложеніяхъ ко второму тому церковной исторіи № 12. Въ новѣйшее время удалось проф. Павлову найти греческій оригиналъ отвѣтовъ Іоанна, которые онъ совмѣстно съ параллельнымъ славянскимъ текстомъ напечаталъ въ Запискахъ Имп. Акад. Наукъ, т. XXII, № 5. Въ греческомъ текстѣ оставлены почти всѣ русскія особенности, удержано только то, что имѣло общее значеніе и для нерусскихъ христіанъ.

лось безъ „играиа и бѣсовскаго пѣвiа и блуднаго глаумленiа.“ Я уже раньше привелъ изъ Нестора извѣстное мѣсто о „бѣсовскихъ игрищахъ,“ и церковный уставъ князя Ярослава *) упоминаетъ между поводами, изъ-за которыхъ мужъ можетъ разойтись съ женою: „аще жена начне ходити по *ирищамъ* опрочъ воли мужа своего.“ Въ рукописи, извѣстной подъ названiемъ „Златая цѣпь“ (XIV вѣка), найдено между другими текстами „Слово нѣкоего христолюбца и ревнителя поправой вѣрѣ,“ гдѣ обстоятельно говорится о языческихъ обычаяхъ; благочестивый писатель заклинаетъ христіанъ оставить ихъ и между прочимъ говоритъ: „того ради не подобаетъ крестьяномъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть *пльсаніе, худба* (соб. гуденье), *пѣсни бѣсовскыя* (соб. мѣрскыя) и жертвы идольскыя еже молаться подъ швиномъ огневи и виламъ и Мокоши і Симу і Реглу и Перуну и Волосу скотью богу и Роду и Рожаницамъ“ (**). То, что въ одной рукописи называется мѣрской, т. е. свѣтской, не церковной, не христіанской, пѣсней, то въ другой замѣнено словомъ „бѣсовская“—вполнѣ по мировоззрѣнію того времени, которое все недопущенное прямыми постановленіями церкви запрещало, какъ дѣло дьявола, не божье. Въ знаменитомъ Паисіевомъ сборникѣ, который также ок. 1400 г. писанъ, есть еще другіе благочестивыя слова, которыя, отверщая христіанъ отъ вслѣдскихъ предрасудковъ суевѣрія и языческихъ обычаевъ, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ историку культуры богатый матеріалъ для картины того времени. Въ одномъ мѣстѣ проповѣдникъ вооружается противъ неправильнаго почитанiа *недѣли* и говоритъ: „*послушайте любимицы вѣрнии кому вы вѣдите писанье светое кланятися а не дни тому, но празнуите во нь не дѣлающе ни гнѣвающая клеветѣщи ни осужающе ни пьюще ни играюще иръ бѣсовскихъ... но мнози сѣ дѣнѣять и азѣ живить, макоже иминѣ не вѣдати чтомыхъ книгъ, тоже и срамѣють ся тѣмъ... но аще пльсци или худци или инѣ что ирещъ позоветъ на ирище или зборище идольское, то вси*

*) О разныхъ редакціяхъ Ярослава устава ср. Макарія ист. рус. церкви 2 изд. II. 269 сл. Приведенна въ текстѣ слова я привелъ изъ Суздальскаго лѣтописца (изд. Оболенскаго М. 1851 стр. 44).

**) Текстъ этого знаменитаго слова напечатанъ у Срезневскаго въ „Памятникахъ русскаго письма“ 269, другіе отрывки изъ той же рукописи въ христоматіи Буслаева 477 сл., и отрывокъ того же слова по другой рукописи *ibid.* 519 сл.

Владимира, который тогда былъ у Переславца на Дунаѣ, ударилъ Володаръ съ Половцами на Кіевъ и настало великое замѣшательство въ Кіевѣ, тогда „изыде ноцію на стрѣтеніе имъ *Александръ Поповичъ* и уби Володаря и брата его и иныхъ множество Половецъ изби а иныхъ въ поле прогна. И слышавъ Володимеръ возрадосая зѣло и вьложи на-нъ гривну злату и сотвори вельможа въ полатѣ своей;“ а подѣ 6509 г. (1001) говорится тамъ же о другомъ подвигѣ Александра Поповича: „Александръ Поповичъ и Янъ Усмошвецъ убивая печенѣжскаго богатыря, избиша множество Печенѣгъ и князя ихъ Родмана и съ трема сыны его въ Кіевъ къ Володимеру приведоша. Володимеръ же сътвори празднованіе свѣтло и милостыню многу раздаде по церквамъ и по монастырямъ и убогимъ и ипщимъ и по улицамъ больнымъ и немощнымъ (?) великіа кади и бочки меду и квасу и перевары и вина поставляше и мяса и рыбы и всякое овозіе что кто требоваше;“ наконецъ подѣ 6519 (1104) г. говорится: „Идоша Печенѣзи на Бѣлградъ, Володимеръ же посла на нихъ *Александра Поповича* и Яна Усмошвеца съ многими силами. Печенѣзи слышавше побѣгоша въ поле.“ Сопоставивъ эти извѣстія объ Александрѣ Поповичѣ съ извѣстіемъ хронографа, находимъ различіе не только въ годахъ, но и въ дѣлѣмъ содержаніи. По Никоновскимъ источникамъ (т. е. тѣмъ, откуда Никоновскій сводъ черпалъ свой матеріалъ) выходитъ Александръ Поповичъ богатыремъ Владимірова времени, который отличался, отбивая Половцевъ и Печенѣговъ всегда, разумѣется, съ успѣхомъ; за то и былъ пожалованъ Владиміромъ золотою гривною на шею и повышеніемъ въ число придворныхъ вельможъ. По хронографу онъ жилъ въ 13 вѣкѣ, участвовалъ въ междоусобіяхъ русскихъ князей и погибъ въ битвѣ на рѣкѣ Калкѣ 6731 (1223) г. вмѣстѣ съ остальными богатырями: „въ лѣто 6731 брань бысть велика на калкахъ всѣмъ княземъ русскимъ съ погаными Половцы и побиша поганіи много князей русскихъ и воинство истониша въ рѣцѣ безчисленно множество. *Тогда же убиша Александра Поповича и иныхъ многихъ такихъ же богатырей* (по другому тексту: и иныхъ *семьдесятъ* сильныхъ такихъ же богатырей). А. Поповъ. Изборникъ 38. *).

*) О гибели Алены Поповича въ битвѣ на Калкѣ упоминаютъ разныя раннія и позднія русскія лѣтописи, какъ троїцкая первая (П. С. Р. Л. I. 219), новгородская четвертая (П. С. Р. Л. IV. 28), воспресенская (П. С. Р. Л. VII.

Эти два варианта не могут быть приведены въ соглашеніе, понимая ихъ какъ историческій фактъ: если исторически вѣрно — первое, не можетъ быть второе; если второе, не можетъ быть первое. Если напротивъ принять, что оба варианта, независимо одинъ отъ другого, внесены въ хронографъ и лѣтописныя компиляціи изъ богатаго источника народныхъ преданій, тогда повѣстически оба могутъ быть истинными. Ибо народная эпика, передаваясь отъ одного поколѣнія къ другому, захватываетъ жизнь своихъ богатырей цѣлые вѣка. Итакъ съ точки зрѣнія народной эпики можно еще кое-какъ объяснить, почему Алеша Поповичъ по однимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ богатырствовалъ въ XI вѣкѣ, въ эпоху Владиміра, а по другимъ жилъ и погибъ именно въ первой половинѣ XIII вѣка. Но хотя это толкованіе и могутъ поддержать разныя аналогіи объ отношеніяхъ русскихъ богатырей, какъ историческихъ личностей, къ мѣсту, занимаемому ими въ поэзіи *), но не удовлетворяетъ вполне нашему ожиданію. Ибо если эти черты внесены въ лѣтописныя сказанія изъ народной традиціи, — по крайней мѣрѣ, одна ихъ часть — что естественнѣе, — какъ ожидать, что въ теперешнихъ былинахъ, которыя упоминаютъ Алешу Поповича, найдутся кое-какіе слѣды тому, что сообщаютъ лѣтописи; чтобы можно было подтвердить тожество Алешы Поповича народныхъ былинъ и Александра Поповича лѣтописныхъ сказаній нѣкоторыми, сколько-нибудь ясными общими чертами? Къ удивленію, такой общности между былинами и лѣтописями почти нѣтъ, судя напр. по былинамъ, которыя дошли до насъ, Алеша Поповичъ отличался больше дерзостью, чѣмъ храбростію, былъ лукавъ и опасенъ женщинамъ больше, чѣмъ врагамъ князя Владиміра. Даже тотъ единствен-

132) и др., ср. Бестужевъ—Рюминъ, Лѣтоп. занятій арх. комиссіи IV, 154. Въ Никоновской лѣтописи говорится: воинственныхъ людей только бысть побѣдо, яко ни десятый отъ нихъ възможе избѣжати, и Александра Поповича имену сего Торопа и Добрыню Рязанича златого пояса, и семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей вся побѣдо быша.

*) И Бестужевъ—Рюминъ не можетъ ничего объ этомъ сказать кромѣ, какъ: „преданія о богатыряхъ, записанныя въ лѣтописи позднѣйшія могутъ быть отголосками народныхъ сказаній и съ этой точки зрѣнія представляютъ вопросъ достойный обсужденія тѣхъ, которые занимаютъ народною словесностію“. Лѣтоп. Зап. Археогр. Ком. IV. 69.

ный подвигъ, который онъ совершилъ, овладѣвъ Тугариномъ Змѣвичемъ, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ въ связи съ невѣрностию жены князя Владиміра. Если этотъ Тугаринъ дѣйствительно народное прозвище князя, извѣстнаго въ лѣтописи, Тугархана, который былъ побѣжденъ въ 1096 г.,—такъ предполагаетъ П. Безсоновъ въ сборникѣ Бирѣвскаго IV. стр. СХV—тогда еще болѣе странно, почему лѣтописи ничего не знаютъ о фактѣ, о которомъ даже спустя семьсотъ лѣтъ вспоминаетъ народная память. Все, что я могу найти въ былинахъ, какъ слабый отголосокъ лѣтописнаго сказанія, ограничивается двумя пунктами, довольно незначительными: въ лѣтописномъ сказаніи, т. е. по крайней мѣрѣ въ Хронографѣ, упоминается Алеша Поповичъ рядомъ съ Добрыней, и въ былинахъ Алеша Поповичъ былъ точно тѣсно связанъ съ Добрыней, хотя не какъ пріятель (не смогри на то, что былъ его „названный братъ“), но какъ соперникъ и похититель его жены. Во вторыхъ: въ хронографской замѣткѣ упоминается у Александра Поповича слуга Торопъ *) (отъ торопиться), и по былинамъ онъ имѣлъ „паробка“ (=раба) Акима. Но второе еще менѣе значитъ, чѣмъ первое, ибо, кромѣ столь незначительнаго сродства, Алеша Поповичъ не одинъ въ былинахъ, что имѣетъ при себѣ „паробка“. Намъ остается на выборъ сказать одно изъ двухъ: или лѣтописныя сказанія черпали свои извѣстія не прямо изъ былинъ, но изъ какихъ-нибудь непостыическихъ, отличныхъ отъ былинъ народныхъ преданій; или старинное оригинальное содержаніе былинъ съ теченіемъ вѣковъ измѣнилось, стерлось и уступило мѣсто новому содержанію. Я болѣе склоненъ принять эту послѣднюю гипотезу, уже и потому, что мнѣ кажется, Алеша Поповичъ не былъ бы достоинъ воспѣванія въ былинахъ, если бы онъ искони игралъ такую незавидную роль, какъ теперь. Мнѣ кажется, что характеръ этого „богатыря“, который по нынѣшнимъ былинамъ едва и заслуживаетъ это имя, искаженъ народнымъ пониманіемъ того ради, что богатырь назывался „Поповичъ“ (поповъ сынъ), и у народа мало-по-малу составилъ такой образъ этого человѣка: Алеша—„Поповичъ“ полуграмотный человѣкъ, который отдѣлился отъ своего званія, и свои знанія и преимущ-

*) Слуга Торопъ встрѣчается еще однажды у одного богатыря Демьяна въ Никоновскоѣ лѣтописномъ сводѣ П. С. Р. Л. IX. 177—178, ср. Бесгузевъ—Рючичъ, Лѣтописъ запятій. 87.

щества, въ сравненіи съ другими, употребляетъ единственно во зло; онъ соблазняетъ коварствомъ чужихъ женъ, отымаеъ чужое имущество, обманываетъ и поощряетъ тѣхъ, которые лгутъ или что незаконно — дѣлають, заводятъ сплетни *) и непристойности и пр. Таковъ напр. человекъ былъ и тотъ Алеша Поповичъ, о которомъ есть одна малорусская дума (Алексѣй поповичъ и буря на Черномъ морѣ, № 44 въ 1 вып. сборника Антоновича и Драгоманова). Хотя дума по своему принципиальному характеру значительно отличается отъ былинъ, но въ некоторыя основныя черты въ характерѣ „Олексіа“ ясно напоминають великорусскаго „Алешу“.

*) Проф. Вуслаевъ, принимая во вниманіе, что въ былинахъ Алеша Поповичъ называется сыномъ попа *Ростовскаго* (ср. напр. Рыбникова III. 20 стр. 95, гдѣ самъ Алеша говоритъ: какъ у моего государя было у батюшки, у Левонты попа: было *Ростовскаго*), даетъ историческое преимущество тому показанію хронографа, которое и я поставилъ на первомъ мѣстѣ, гдѣ Алеша помогаетъ Константину *Ростовскому*. Итакъ мы встрѣчаемъ на Алешѣ Поповичѣ, и, какъ мы увидимъ ниже, еще на некоторыхъ богатыряхъ, случай расширенія эпического круга, такъ сказать, регрессивнымъ путемъ: богатырь XIII вѣка отодвинуть въ кругъ Владиміровыхъ богатырей XI вѣка. Я, къ сожалѣнію, не имѣю подъ рукою тверскаго лѣтописца, который, хотя и относится къ позднѣйшимъ компиляціямъ, очень обширно повѣствуетъ объ участіи Алешы въ выше упомянутой битвѣ (Липецкой), затѣмъ тотчасъ стоитъ въ связи и пораженіе при Калкѣ. Тутъ разсказывается, что Алеша послѣ Липецкой битвы, въ которой поддерживалъ Константина, боясь его брата и своего противника Юрія, особенно потому, что убилъ „безумнаго боярина Ратибора“, отошелъ въ одинъ городъ и тамъ созвалъ вокругъ себя „иже знаше храбрыхъ прилучившихся въ то время“, то есть всѣхъ богатырей того времени, и говорилъ съ ними, „аще служити начнутъ княземъ по разнымъ князьямъ, то и не хотя имуть перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе и части боеве“: рѣшено было „яко служити имъ единому великому князю отъ матери градомъ Киевъ“. Этими лѣтописнымъ разсказомъ освящено единство эпического цикла: богатыри русскіе порѣшили службу служить одному великому князю отъ матери городовъ Киевъ, русская былина сохраняетъ это святое обѣщаніе. Алеша первый даетъ приябрь этому и всѣмъ своимъ существованіемъ переселяется въ былинахъ во время Владимірово. Ср. Ж. М. Н. Пр. 1871, № 4, стр. 237; Д. Корсаковъ, Мера и Ростовское княжество, Казань 1872, стр. 158. 214.

§ 23. Нѣсколько отчетливѣе сохраняется связь между лѣтописнымъ разсказомъ и былинами о Добрынь. О немъ говорятъ уже древнѣйшія лѣтописи, какъ объ исторической, родственными связями съ княземъ Владиміромъ соединенной личности. Въ Лавр. лѣтописи читаемъ подъ 6478 (967) г.: „и рече Добрыня просите Володимера. Володимеръ бо бѣ шѣ Малуши ключницѣ шльзины, сестра же бѣ Добрыня. штъцъ же бѣ има Малъ клюбечанинъ, бѣ бо Добрыня оуй Володимеру... и иде Володимеръ съ (До) брыною во емъ (чит. оуемъ) своимъ Новугороду“... Подъ 6488 (980) годомъ: „Володимеръ же посади Добрыню оуа своего въ Новѣ городѣ и пришедъ Добрыня Нову городу постави гумира надъ рѣкою Волховомъ и жраку ему люде Новугородѣсти аки богу“... Подъ 6493 (985) г.: „Иде Володимеръ на Болгары съ Добрыною съ во емъ (чит. оуемъ) своимъ въ лодыхъ, а Горьки берегомъ приведе на конихъ и побѣди Бол(г)ары. Рече Добрыня Володимеру съ-гладахъ колодникъ оже суть вси въ сапозѣхъ симъ дани намъ не даіати, поидемъ искать лапотниковъ“... Эти краткія черты достаточно обрисовываютъ Добрыню, какъ знатное лице; онъ отличается особымъ политическимъ тактомъ, былъ основателемъ державной власти Владиміра и, вѣроятно, его правую руку. Противъ „полуваряжскаго“ Владиміра, который въ началѣ своего княженія по неволѣ опирался еще на неславянскую дружину, Добрыня былъ съ перваго начала представителемъ исключительно славянства и, кажется, противникомъ этихъ чужеземцевъ; его принципомъ было—ихъ силу, насколько она совершила свое призваніе, однажды навсегда сокрушить.

Изъ исторіи извѣстно, что умному смѣльчаку планъ этотъ удался: Владиміръ, его чадо, его воспитанникъ, славится, какъ отецъ славянско-христіанской русской державы. Кое-что изъ этого есть еще и въ былинахъ, только перетолковано по позднѣйшему народному воззрѣнію¹⁾. Въ народной памяти

¹⁾ Я удивляюсь, какъ г. Квашнинъ-Самаринъ (Бесѣда. V. 229) могъ такъ неправильно рѣшить, что лѣтописный „Добрыня“—„общаго съ богатыремъ ничего не имѣлъ“?! Что лѣтописный Добрыня—человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, почти старикъ, а народный „вѣчный юноша“, кто на этомъ остановится, какъ на неодолимомъ противорѣчій? Развѣ народная поэзія въ болѣе значительныхъ моментахъ не отступила отъ историческаго преданія? А тождество имени развѣ ничего не доказываетъ? Это-то и есть важнѣйшее *indicium* и *criterium*. Правда, авторъ нашелъ въ Никоновской лѣтописи подъ 1004 г. такое извѣстіе: „тогожь

стояла свѣтлая личность князя Владиміра такъ высоко въ своемъ величїи, что Добрыня не могъ быть старше, или умнѣе „свѣтлаго солнышка“, самого князи. Итакъ былины поняли ихъ положеніе наоборотъ: Владиміръ выходитъ старше, а Добрыня—моложе, но родственная связь сохраняется въ томъ только, что въ нѣкоторыхъ былинахъ Владиміръ зоветъ Добрыню „дядею“; а гдѣ нѣтъ и этого, тамъ выступаетъ, по крайней мѣрѣ, долговременная (девятилѣтняя) служба Добрыни при дворѣ Владиміра. Лишь столько значенія придаю я тѣмъ мѣстамъ въ былинахъ, гдѣ упоминается придворная служба Добрыни, и не могу отсюда еще выводить, какъ нѣкогда Хомяковъ и потомъ Ор. Миллеръ¹⁾, что Добрыня былъ представителемъ „варяжской стихїи“. Большое значеніе Добрыни при князѣ Владимірѣ выразилось, по моему мнѣнію, въ былинахъ въ личности его матери, которая не только у сына пользуется большимъ почетомъ, но и съ Владиміромъ обращается, какъ съ равнымъ. По всей вѣроятности, этотъ высокій почетъ Добрыниной матери первоначально, пока не было опредѣлено еще отношеніе Добрыни къ Владиміру, относился къ Добрыниной сестрѣ, которая была Владиміровой матерью. Понятно, что если дальнѣйшее содержаніе былинъ о Добрынѣ не имѣетъ болѣе никакого отношенія къ русской исторїи, это—по моему мнѣнію оттого, что и тутъ, какъ и въ Алешѣ Поповичѣ, первобытный чисто-историческій слой заслоненъ всякими новыми наносами, другими словами: чѣмъ глубже въ старину заходилъ образъ Добрыни, тѣмъ болѣе густая мгла покрывала его личность, изъ исторической она становилась миеологической. Мимоходомъ упомяну, что въ Никоновскомъ лѣтописномъ сводѣ подъ 6733 (1225) г. Добрыня называется не только „златымъ поясомъ“, но и „Рязанцемъ“—это очевидно въ связи съ нѣкоторыми былинами, гдѣ Добрыня ведетъ родъ изъ Рязани; напр. у Калайдовича (Кирша-Даниловъ) № 45; но я не думаю²⁾, чтобы это былъ

лѣта *Андрѣха Добрянкова храброю отравою окормиша свои его слуги*“ и въ радости восклицаетъ: „*готъ наше искомое!*“ И такъ къ народному Добрынѣ ближе этотъ загадочный Добрянковъ, чѣмъ настоящій Добрыня?

1) Хомяковъ, собр. доч. I.; Ор. Миллеръ, Илья Муромецъ, 416.

2) Къ такой мысли склоняется Ор. Миллеръ стр. 417, ссылаясь на диссертацию А. Майкова, которой, къ сожалѣнію, я не имѣю. И Буслаевъ въ своихъ рецензіяхъ на книгу Миллера какъ будто допускаетъ (ср. Ж. М. Н. Пр. 1871, 4, стр. 236, отчетъ о четырнадцатомъ присудж. наградѣ гр. Уварова. Сиб. 1872, стр. 76), что историческій Добрыня былъ изъ Рязани XIII вѣка. Я захожу правдоподобнѣе, что историческій „Кіево-Новгородскій“ Добрыня впоследствии приобрѣлъ локализацию въ Рязани, въ то время, когда Суздальскій

особенный, отъ обыкновеннаго отличный Добрыня. Ибо иначе мы должны бы думать, что были и два Александра Поповича. Здѣсь случилось, по моему мнѣнію, совершенно обратное съ тѣмъ, что мы видѣли въ Алешѣ. Историческій „Ростовецъ“ Ал. Поповичъ былъ притянутъ единствомъ эпического цикла къ Киеву и Владиміру, а „Кіевскій“ Добрыня лѣтописныхъ сказаній былъ усвоенъ сѣверо-востокомъ въ такъ наз. суздальскій періодъ развитія русскаго государственнаго единства.

§ 24. Только въ Алешѣ Поповичъ и въ Добрынѣ Никитичъ соглашается лѣтописное сказаніе съ нынѣшней народной эпикой, по крайней мѣрѣ, настолько, какъ мы видѣли, что оба и тутъ и тамъ являются народными богатырями. Во всемъ дальнѣйшемъ нынѣшняя поэзія идетъ своимъ, а лѣтописное сказаніе опять своимъ путемъ. Лѣтописи говорятъ о богатыряхъ, которыхъ нынѣшнія быдины, по крайней мѣрѣ, подъ тѣми же именами—не вспоминаютъ; а народныя пѣсни прославляютъ опять своихъ богатырей, которыхъ лѣтописи, правда, знаютъ, но только какъ историческія личности, не

вѣкъ русской народнои жизни все сильнѣе вліялъ на формацию русской эпикки. Слѣдствіемъ историкъ 13 вѣка, Ѳома архидіаконъ, зналъ нѣчто о „суздальской землѣ“ и, говоря о Татарлахъ, прибавляетъ: „И сначала большой христіанскій городъ, по имени *Суздаля*, окружили и, осаждаю долго, не такъ силою, какъ хитростію взяли и разрушили, а царя, по имени Георгія, съ большимъ множествомъ народа предали казни“. Et primo quidem civitatem maximam Christianorum, nomine *Susdaliam*, circumdantes obsederunt et obsessam diu non tam vi quam fraude ceperunt et destruxerunt regemque ipsius nomine *Georgium* cum magna multitudine sui populi neci dederunt. Здѣсь имя князя приведено правильно: это былъ великій князь Юрій Всеволодовичъ, но „*civitas maxima Christianorum Susdalia*“, по всей вѣроятности, не значить только городъ Суздаль, который теперь болѣе не имѣлъ прежняго значенія, сколько всю суздальскую землю. Русскіе лѣтописцы вотъ какъ говорятъ объ этой катастрофѣ: „нѣсть мѣста, ни веси, ни сель тацѣхъ рѣдъ, идѣже не воеваша на *суздальской землѣ*“ (П. С. Р. Л. I. 198), „Сотворися велико зло *суздальской землѣ*, якоже зло не было“ (ib. 197), „Батневи же устремльшюся на *землю суздальскую*“ (ib. 176), „Бурундай, иже взя болгарскую *землю и суздальскую*“ (ib. 177) и т. д. И Длугошъ говоритъ: „въ *землю Суздальскую* проникли, и, опустошивъ всю *землю*, князя Георгія убили“ VI. 640. *In terram Susdali et terra universa pervastata etiam Georgium ducem..... interficiunt.* Итакъ, „*civitas*“ Ѳома должна быть исправлена въ „*terra*“.

приписывая имъ, какъ обоимъ выше упомянутымъ, характера народныхъ богатырей *par excellence*. Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ упоминается богатырство Алеши Поповича, въ лѣтописяхъ прославляется нѣкій *Янъ Усмошвецъ* и *Рогданъ* (или *Рогдай*) *Удалой*; но былины о нихъ ничего не знаютъ ¹⁾. И нѣкоторые другіе эпизоды изъ русской старины эпического характера лѣтописи передаютъ съ такимъ поэтическимъ колоритомъ, что едва можешь разстаться съ мыслию, что лѣтописи изъ былинъ черпали свой матеріалъ; тѣмъ не менѣе нынѣшняя народная пѣсня о нихъ ничего не знаетъ. Я не пускаюсь далѣе на этотъ скользкій путь, только замѣчу, что теперь, когда великій энтузіазмъ къ народной поэзіи утихъ, осторожный историкъ не станетъ болѣе всякое поэтически настроенное сказаніе лѣтописца провозглашать остаткомъ или обломкомъ народной пѣсни. Надо на это еще нѣкоторыя особыя типическія черты, напр. въ одномъ вариантѣ разсказа о Рогдѣдѣ (П. С. Р. Л. I. 131), который оч. поэтически говоритъ несогласное съ исторіею, замѣчено подъ конецъ слѣдующее: „о сихъ Всеславичахъ сице есть яко сказапа *вѣдуции* преже“. Лѣтописецъ, ссылаясь на „вѣдущихъ“, имѣлъ, вѣроятно, въ умѣ поэтовъ, которые дѣйствительно слыли „вѣщцами“ ²⁾.

Особымъ богатствомъ поэтическаго содержанія отличается такъ наз. волынская лѣтопись (XIV вѣка), которую Костомаровъ предложилъ назвать галицко-волынскою. Издана она во второмъ томѣ „Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей“ и въ самомъ началѣ говоритъ о Романѣ Мстиславичѣ словами и фразами, которыя гораздо ближе къ слогу „Слова о полку Игоревѣ“, чѣмъ къ сухому лѣтописному изложенію ³⁾.

§ 25. Въ противность этому народная поэзія прославляетъ свой кругъ богатырей, о которыхъ въ свой чередъ лѣтописное сказаніе или совсѣмъ ничего не знаетъ, или помнитъ лишь одни голыя имена. Всего страннѣе во всякомъ случаѣ то, что значительнѣйшая личность нынѣшней велико-

¹⁾ Таково мнѣніе С. Геденова, ср. „О Варяжскомъ вопросѣ“ Зап. Ак. Н. III. 1. 259 и Вестужевъ-Рюминъ, стр. 43.

²⁾ Комбинацію Безсонова, что Янъ Усмошвецъ—тогъ самый, что въ народныхъ сказкахъ Кожемяка или малорусскій „Швецъ Семень“ читатель можетъ найти въ приложеніи къ 4 вып. сборника Еирѣевского стр. СХLI. Я не нахожу, что это доказано. Точно также не могу я согласиться съ гипотезой Квашнина-Самарина, о которой будетъ рѣчь ниже, что Рогдай—одно лице съ Ильей!

³⁾ Ср. Вестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, Спб. 1872. I. 28 сл.

русской эпике, средоточіе дѣлаго круга былинъ. *Илья Муромецъ*, не нашелъ мѣста въ русскихъ лѣтописяхъ. Русскія лѣтописи ничего не говорятъ намъ объ Ильѣ Муромцѣ. По лѣтописямъ Ильи Муромца нѣтъ. Мы стоимъ здѣсь предъ загадкой, которую едва ли удастся когда-нибудь изслѣдователю рѣшить. Мало или ничего намъ то не поможетъ, что онъ представитель грома или молніи, или силы русскаго народа и т. д. Ибо, скажемъ, пусть и такъ;—но вѣдь мы захотѣли бы узнать, какъ и почему народная эпика это олицетвореніе свое привязываетъ къ такъ конкретно—обрисованной личности—къ человѣку по имени Ильѣ, родомъ изъ села Карачарова, близъ города Муромъ, у котораго отецъ назывался Иванъ и т. д. Весь этотъ конкретный, точно опредѣленный образъ не можетъ быть простою случайностью, онъ имѣетъ какой-нибудь особый поводъ, котораго только мы не можемъ болѣе открыть¹⁾.

1) Проф. Буслаевъ обращаетъ вниманіе на то знаменательное обстоятельство, что по лѣтописнымъ сказаніямъ, и отчасти по былинамъ, главнѣйшія лица Владиміровой богатырской дружины ведутъ родъ изъ сѣверовосточныхъ странъ: Илья изъ *Мурома*, Добрыня изъ *Рязани*, Алеша изъ *Ростова*—т. е. изъ областей, которыя въ исторіи русскаго народа приобрѣли послѣ паденія Кіева великую задачу—проложить путь новому объединенію около московскаго центра. Но осторожно прибавляетъ онъ такую оговорку: „не историческія лица изъ Суздальцевъ были возведены въ почетный ликъ Владиміровыхъ богатырей, но событія позднѣйшей исторіи были опозитизированы, сближеніемъ ихъ съ богатырствомъ стародавнимъ. Но такъ—какъ въ памяти народа эта эпическая старина утратила свои прежнія краски, историческія и мѣстные, то естественно и была подновлена тѣми подробностями, которыя находили кругомъ себя лѣтцы позднѣйшіе“. Ж. М. Н. Пр. 1871, IV, 238. Другими словами, проф. Буслаевъ допускаетъ, что прежде Ильи *муромскаго* могъ быть въ русской эпикѣ другой Илья (можетъ быть вообще *русскій* какъ *Iliaz von Riuzen*), затѣмъ суздальскій періодъ въ развитіи русской былинны этого Илью локализовалъ въ бывшей муромской окрестности.

А если Квашнинъ-Самаринъ думаетъ, что Илья Муромецъ скрывается въ Никоновской лѣтописи подъ именемъ Рохдая (Рохдай Удалой), который былъ при Владимірѣ славнымъ богатыремъ (Лѣтописецъ подъ 1000 г. даже говоритъ, когда этотъ богатырь умеръ: „плакалъ по немъ Владиміръ и погребе его съ отцемъ своимъ митрополитомъ Леонтіемъ“),—то это пустое предположеніе, для котораго нѣтъ никакого достойнаго упоминанія основанія. „Русскія былинны въ ист.—геогр. отношеніи“, Бесѣда, 1871, V, 226 сл.

Только въ XVII вѣкѣ выступаетъ онъ на видъ: его св. мощи почитаютъ въ Кіевѣ, въ пещерѣ Антоніевой или, какъ гласитъ другое сказаніе, въ одномъ придѣлѣ соборной церкви св. Софій; и даже его ликъ былъ въ томъ же столѣтіи и еще позже печатанъ и продавался народу съ надписью: „Преподобный Ильѣ Муромскій, иже вселися въ пещеру прежде Антонія въ Кіевѣ, идѣже нынѣ нетлѣненъ пребываетъ“. Оставимъ достовѣрность Ильиныхъ мощей и лика, насъ занимаетъ лишь фактъ, что еще въ XVII в. жила память объ Ильѣ Муромцѣ въ Кіевѣ. Нѣкій Эрихъ Лассота, который въ 1594 г. путешествовалъ къ запорожскимъ казакамъ, описывая Кіевъ, между прочимъ упоминаетъ: *) „Въ другомъ придѣлѣ, со внѣшней стороны церкви, была гробница Ильи Муровлина; онъ былъ знатный герой или, какъ говорятъ, богатырь, рассказываютъ о немъ много басенъ.“ Последнія слова особенно важны. Теперь нѣтъ болѣе между Малороссами воспоминанія объ Ильѣ, ни въ пѣсняхъ, ни въ сказкахъ, **) но Эрихъ Лассота свидѣтельствуетъ, что нѣкогда было иначе: еще въ его время знали Кіевляне, конечно, и другіе Малороссы, „богатыря“ Илью, они рассказывали, можетъ быть не пѣли болѣе, о немъ „viel fabeln.“ Было бы опасно пускаться въ измышленія, какого содержанія были эти „viel fabeln;“ я хочу обратить вниманіе только на слово „богатырь“ ***); которое по моему мнѣнію, свидѣтельствуетъ, что тогдашнія сказанія объ Ильѣ имѣли скорѣе характеръ вымышленныхъ былинъ, гдѣ „богатырство“ играетъ главную роль, чѣмъ южнорусскихъ пѣсенъ или думъ, гдѣ нѣтъ болѣе „богатырей“, но „казаки“ заняли ихъ мѣсто. Можетъ быть, что именно въ ту пору (вторая половина XVI вѣка) „богатыри“ и „былины“ начали окончательно уступать мѣсто новой ка-

*) Въ книгѣ: Erich Lassota v. Steblau, herausgeg. von Reinhold Schottin, Halle, 1866; p. 203—204.

**) Говорятъ, правда, что есть на Украинѣ кое-гдѣ сказки объ Ильѣ Муромцѣ, но это, по всей вѣроятности, вновь заимствованные мотивы отъ соціальныхъ Великооруссовъ.

***) Слово „богатырь“ не славянскаго корня, но къ Русскимъ и Полякамъ занесено отъ Монголовъ; въ лѣтописяхъ первоначально имѣетъ значеніе эпитета къ личнымъ именамъ, какъ-то: Себедай Богатуръ и Бурундай Богатырь. П. С. Р. Л. II. 177. или: Батый воротился есть изъ Угоръ и оградилъ есть на ты два богатыря възвѣскати тебе, Монъ-мана и Балаа, ib. 180. Кто захогѣлъ бы отсюда выводить, что цѣлая институція—богатырство—неславянская, точно такъ

зацкой поэзіи у южноруссовъ; я не говорю, разумѣется, о формѣ, но о содержаніи, ибо что въ южной Руси искони вѣровъ эпическія народныя пѣсни вѣшностью своею, т. е. особенностями изложенія предмета походили скорѣе на нынѣшнія „думы,“ чѣмъ на „былины,“ это намъ ниже покажетъ „Слово о полку Игоревѣ.“ Извѣстія, которыя изъ XVII вѣка доходятъ объ Ильѣ, говорятъ о немъ только, какъ объ угодникѣ божьемъ и о бывшемъ нѣкогда храбромъ воинѣ, о богатырствѣ молчатъ. Нѣкто Калнофойскій, южно-русскій писатель 17 вѣка, упоминаетъ только то, что по народному вѣрованію, этотъ Илья долженъ быть великаномъ, но онъ, измѣривъ останки, нашелъ, что, хотя онъ и былъ высокъ, однако „ludzi wiele podobnych wzrostem świętemu i teraz żyjących znalazłem.“ А благочестивый странникъ (паломникъ) ок. 1701 г. говоритъ: „видыхомъ *храбраю воина Илью Муромца* въ нѣтлвннн, *подъ покровомъ златымъ, ростомъ яко нынѣшніе крупніе люди*; рука у него лѣвая пробита копьемъ, язва вся знать, а правая его рука изображена крестнымъ знаменіемъ.“ Замѣчательно, что упомянутый Калнофойскій, говоря объ этомъ своемъ святителѣ Ильѣ, прибавляетъ: „tego darimo ludu *pospolicity Czobotkiem* zowie.“ Нѣтъ ли тутъ только какого недоразумѣнія, т. е. не простонародное ли это прозвище другаго богатыря? Иначе могъ бы намъ ради сходства названія придти въ голову выше упомянутый лѣтописный „Усмошвецъ,“ и посредствомъ Чоботка мы открыли бы Илью даже въ лѣтописяхъ, только скрытаго подъ другимъ названіемъ. Для такой гипотезы въ свою очередь оч. мало вѣрныхъ основаній.*)

же былъ бы далеко отъ истины, какъ по русскому слову „лошадь“ хотѣлъ бы доказать, что Русскіе до Монголовъ не знали коня, или кто бы по сербскому слову „сокак“ (улица) хотѣлъ бы доказать, что именно Турки научили Сербовъ, какъ строить „сокаки“ т. е. улицы. Въ южнорусскомъ нарѣчнн „богатырь“ значитъ вообще: богатъ, а великорусскіхъ „богатырей“ южная Русь не знаетъ. Г. Квашинынъ-Самаринъ стремится еще и послѣ того, какъ Буслаевъ и Срезневскій уступили происхожденіе слова восточнымъ народамъ, защитить его славянское начало (Бесѣда, 1871, V, 237), чѣмъ доказываетъ, что не знакомъ съ филологіей.

*) Эрихъ Лассота въ своемъ выше упомянутомъ дневникѣ—*Tagebuch*—говоритъ также о „богатырѣ“ Чоботѣ, но не отождествляетъ его съ Ильей: „Есть также одинъ великанъ или богатырь, называемый *Чоботка*; говорятъ, что на него напало однажды много неприятелей въ то время, когда онъ надѣвалъ сапогъ, и такъ-какъ въ торопяхъ онъ не могъ схватить никакого оружія, то началъ защищаться другимъ сапогомъ, котораго еще не надѣлъ, и имъ одолѣлъ всѣхъ, отчего и получилъ такое прозвище.“

Если народное міропозрѣніе Илью сдѣлало святымъ, то этимъ довольно вѣрно выраженъ глубоко христіанскій характеръ главнаго богатыря великорусской эпикн и русскихъ былинь вообще. Не напрасно Илья въ своей жизни много вращался съ „каликами“ (паллигримы, благочестивые путники и нищіе), воевалъ противъ невѣрныхъ („идолища“) въ Цареградѣ и Іерусалимѣ и т. д., въ награду, по народному повѣрью, досталась ему заслуженная святость. *).

§ 26. Кромѣ Владиміра, которому нѣтъ надобности въ свидѣтельствахъ, встрѣчаются въ русскихъ былинахъ еще такія имена, которыя воспоминаются и въ лѣтописяхъ, и будетъ интересно—посмотрѣть, есть ли между лѣтописнымъ и народнымъ сказаніемъ какая нибудь параллель.

На пиру у Владиміра является въ былинахъ вдова *Блудова*; о самомъ *Блудѣ* не упоминается ничего, но о его сынѣ Хотенѣ *Блудовичѣ* есть былина. Лѣтописи дѣйствительно говорятъ о *Блудѣ*, какъ приверженцѣ князя Владиміра противъ брата его Ярополка: Ярополкъ противъ брата заперся въ Кіевѣ „с людьми своими и съ *Блудомъ*... Володимеръ же

*) Хотя Илья М. вообще отличается глубокою набожностью, на которую даже высшіе мнѳилы могли бы обратить нѣсколько большее вниманіе и прежде чѣмъ въ Ильѣ искать слѣдовъ представителя молніи и грома, постараться выяснитъ христіанско-благочестивый характеръ этого богатыря,—однако всего сильнѣе выдвигается именно первое начало, первое появленіе его богатырской силы, какъ божье чудо. Тридцать лѣтъ „сиднемъ сидѣлъ“ Илья, безъ рубъ—безъ ногъ, кажется, за грѣхи своего дѣда; тутъ въ *отсутствіи* отца и матери совершается чудо: пришли добрые, благочестивые люди, но нѣкоторыми вариантами, даже самъ Іисусъ съ апостолами, и возвратили Ильѣ силу, словомъ или напитокомъ, разница не большая. Проф. Миллеръ упоминаетъ въ своей книгѣ (174—177 стр.) большое число параллелей въ сагахъ и сказкахъ о нежданномъ пробужденіи богатырской силы. Но, по моему мнѣнію, ни одинъ примѣръ не выясняетъ состоянія Ильи такъ, какъ два параллельные разсказа изъ самой же русской древне-христіанской старини. Въ житіи св. Авраамія *Ростовскаго*—опять въ Суздальской окрѣпѣ—говорится объ этомъ божьемъ чловѣкѣ, что „до оснадесать лѣтъ бысть въ *разслабленіи великомъ*. Случися же быти изъ Новгородцевъ *благочестивыхъ* мужей во градъ ихъ и въ домъ отца его и бесѣдоваху о вѣрѣ въ Господа нашего І. Христа и бываемыхъ чудесахъ въ христіанской вѣрѣ. Отрокъ же лежа на одрѣ внимаше бесѣдъ ихъ, оудивлялся зѣло, и егда вси розыдохаша, нача въ себѣ помышляти, како оу отца моего много боговъ есть а мнѣ не помогутъ, а у Новгородцевъ единъ богъ и многимъ исцѣле-

посла къ Блуду воеводѣ ярополчю съ лъстью глаголя: попри-
май ми, аще оубью брата своего, имѣти ты хочю во отъца
мѣсто и многу честь возьмеша от мене, не азъ бо почалъ
братю бити но онъ, азъ же того оубоявъ ся придохъ на нь.
И рече Блудъ къ посломъ Володимиримъ азъ буду тебе в
срьдце и въ примзньство...“ Изъ этихъ словъ и нѣкоторыхъ
размышленій лѣтописца видно, что Блудъ съ измѣническимъ
намѣреніемъ заперся съ Ярополкомъ въ Кіевѣ: „се бо Блудъ
затворися съ Ярополкомъ лъстя ему, слаше къ Володимеру
часто веля ему пристряпати къ граду бранью а самъ мысли
оубити Ярополка, гражены же не бѣ лъзѣ оубити его. Блудъ
же не възмогъ како бы погубити и замысли лъстью веля ему
излазити на брань изъ града. Лъстяче же Блудъ Ярополку,
Кыиане слютъ ся къ Володимеру глаголюще: приступай къ
граду, яко предамы ти Ярополка, побѣгни за градъ. И по-
слуша его Ярополкъ избѣгъ предъ нимъ затвори ся въ
градѣ Родни на усть рѣки, а Володимеръ вниде в Кіевъ и
осѣде Ярополка въ Роднѣ. И бѣ гладъ великъ въ немъ, есть
притча до сего дъне: бѣда аки въ Роднѣ. И рече Блудъ Яро-
полку: видиши колько воинъ у брата твоего, нама ихъ не
перебороти, твори миръ съ братомъ своимъ, лъстя подъ нимъ
се рече. И рече Ярополкъ: такъ буди. И посла Блудъ къ
Володимеру спце глаголя: яко сбысть ся мысль твоя, яко
приведу к тобѣ Ярополка и пристрой оубити и. И Володи-

не даетъ. Еслибъ мнѣ оной Богъ далъ здравіе, я бы сталъ ему вѣровать и
служить вѣрно и пошелъ бы въ ту ихъ страну. И въ тѣхъ мысляхъ призываетъ
себѣ на помощь Господа нашего І. Христа, недоужъвая надозѣ, едва ли помо-
жетъ ему. *И абіе внезапно ощутивъ нашедшую свыше силу на него нача пре-
вращатися на одръ руками и ногами владѣти и вскорѣ воста съ одра сво-
его, возрадова ся зело. И видѣ яко родителей его не бы въ храмѣхъ, изиде
от той же часѣ изъ дому своего и поиде на западъ.* (Макарій, ист. р. ц. I. 271).
Другой совершенно подобный разсказъ встрѣчается подъ именемъ Владкира, какъ
онъ крестившися хотѣлъ отпуститъ отъ себя и за какого нибудь боярина ви-
дать бывшую жену свою—азычницу Рогнѣду, но она послѣдовала его примѣру
и крестившися пошла въ монастырь. Слушавъ и видя все, что мать его дѣлала,
онъ ея, Ярославъ („хромъ снѣ отъ чрева матери“) вздохнулъ и сталъ благо-
словлять: „и отъ сего словеси Ярославъ воста на ночу своєю и хождааше, а
вржеде бо бѣ не ходилъ.“ (Бесг. Рѣч. о составѣ... прих. 20). Читая такіе раз-
сказы, которые были въ древней Руси особенно популярны и глубоко трогали
новообращенныхъ христіанъ, мы еще и теперь какъ будто видимъ, какъ изъ нихъ
воспроизведеніемъ народнымъ рождается образъ тридцатилѣтняго „сидна“ Ильи.

жерь же то слышавъ, въшедь въ дворъ теремны и отень, о нем же преже сказахомъ, съде ту съ дружиною своею. И рече Блудъ Ярополкъ: поиди къ брату своему. И рече му: что ми ни вдали, то азъ прииму. Поиде же Ярополкъ, рече же ему Варяжко: не ходи, княже, оубьють ти, побѣгни в Печенѣги и приведеши ми. И не послуша его и приде Ярополкъ къ Володимеру. Яко побѣзе въ двери и подымаста и два Варяга мечѣми подъ пазусъ. Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ. И тако оубленъ бысть Ярополкъ.“ (Лавр. лѣт. подъ 6488 г.). Эта сцена, описанная съ эпической шириной, была бы оч. пригодна для былины—и кто знаетъ, не было ли дѣйствительно нѣкогда народной былины объ этомъ; но нынѣшняя народная повѣзья ничего подобнаго больше не знаетъ. То, что теперь поется о Блудовѣ сынѣ, какъ онъ отомстилъ за обиду, нанесенную его матери на Владиміровомъ пиру и силой отнял ту самую невѣсту, которую мать явно въ укоръ Блудовой матери унизила на пиру и предложенную чашу пролила возлѣ нея,—это содержание былины, кажется намъ, менѣе значительно, менѣе достойно народной памяти, чѣмъ приведенная сцена изъ лѣтописи; но народное воззрѣніе не всегда сходится съ нашими взглядами, народъ имѣетъ свои воззрѣнія и свои интересы, которые зачастую намъ непонятны. Потому мы нерѣдко не можемъ разобрать: почему народная память именно одно удерживаетъ, другое забываетъ; вообще должно признать даже и то, что не всегда значительнѣйшіе моменты изъ исторіи народа, и замѣчательнѣйшіе ея люди удержаны народомъ въ его пѣсняхъ.

§ 27. Подобно Блуду сохраняется въ народныхъ былинахъ слѣдъ о нѣкоемъ *Путятѣ* и воспоминается онъ единственно ради своихъ потомковъ. Лѣтописное сказаніе относитъ Путятю подъ конецъ XI и къ началу XII вѣка. Онъ былъ человекъ могучій при князѣ Святополкѣ Изяславичѣ, Длугошъ называетъ его „Putata palatinus“ (кн. III. 321 подъ 1094 г.). Послѣ смерти этого князя, который, кажется, не особенно былъ угоденъ народу, обратилось недовольство Кіевлянъ противъ Путяты: разъяренный народъ разорилъ *Путятинъ дворъ*, желая ему, можетъ быть, отомстить за какую-нибудь неправду, которую перенесъ отъ него, пока былъ живъ Святополкъ. Замѣчательно, что, по свидѣтельству Татищева, еще въ прошломъ вѣкѣ упоминался въ народной пѣснѣ „Путятинъ дворъ“ и „старога Путяти темный лѣсъ“ (въ 4 вып. Кирѣвскаго, въ прил. стр. LVIII), и еще и теперь говорится о садѣ его дочери или внучки *Путятичны*, Забавы Путя-

тишны: Соловей Будиміровичъ желаетъ соорудить свой волшебный дворець „среди того полюшка чистаго, среди того садочку Путятинова“ (Гильф. Он. был. 953). И сынъ Путятинъ встрѣчается еще въ народной пѣснѣ: онъ даетъ *дурной советъ* Владимиру, какъ ему жениться на чужой женѣ. Можетъ быть, что и это еще слабый остатокъ историческаго воспоминанія. Путята русскихъ лѣтописей давалъ вообще всякіе совѣты своему князю, по всей вѣроятности, и такіе, которые не были пріятны народу, и вотъ Путятинъ сынъ нынѣшнихъ русскихъ пѣсней даетъ странный совѣтъ своему князю—отнять чужую жену. О князѣ Святополкѣ, которому Путята служилъ, говорится въ старыхъ сказаніяхъ: ¹⁾ „при немъ много было насилія отъ князя людямъ, дома вельможъ безъ вины искоренилъ, имѣніе у многихъ отнял; великое было тогда нестроение и грабежъ беззаконный.“ Я привожу всѣ эти свидѣтельства потому, что по нимъ не является невѣроятнымъ, что дѣйствительно въ именахъ Путятинъ и Путятина сына сохраняется память того же историческаго Путяты, только народная пѣсня, разумѣется, перенесла ситуацію во время Владимира, въ средоточіе русской народной поэзіи. ²⁾

Таковъ и бояринъ *Ставръ*, о которомъ новгородская лѣтопись подъ 1118 г. только и упоминаетъ, что онъ впалъ въ немилость у князя Владимира Мономаха и посланъ былъ въ заточеніе: „приведе Володимеръ съ Мстиславомъ вся бояры Новгородскыя Кыеву и заводи я къ честному хресту и пусти я домовъ а иныя у себе остави; и разгнѣва ся на ны, оже то грабили Даньслава и Ноздрю и на сочьскаю на *Ставра* и затоци я вся.“ Изъ этихъ словъ легко разобрать, что *Ставръ* пользовался большимъ уваженіемъ въ Новгородѣ и стоялъ, по всей вѣроятности, во главѣ недовольныхъ послѣ удаленія Мстислава изъ Новгорода въ Кіевъ. ³⁾ Итакъ Мономахъ призвалъ его прежде всего въ Кіевъ, гдѣ оставилъ его на нѣкоторое время, и потомъ прогналъ его—неизвѣстно куда. Въ народной былинѣ о Ставрѣ главную роль играетъ

¹⁾ Ср. исторію Соловьева. II. 75. вр. 152.

²⁾ Путятинъ сынъ зовется въ былинахъ Путятинъ Путятювичъ или *Мишатичка*. Это имя (Кирѣевскій. III. 33—34) есть ничто иное, какъ испорченная форма изъ *Вышатичъ*, а изъ исторіи извѣстно, что Путята велъ свой родъ отъ *Вышаты*; въ ту пору были два брата: Янъ и Путята *Вышатичи*. Ср. Арцыбашевъ, Пов. о Рос. I, 359. Соловьевъ, II. 81.

³⁾ Бѣляевъ, Разказы изъ рус. ист. II. 221.

его умная жена, которая, переодевшись въ мужское платье, пришла изъ Чернигова въ Кіевъ, чтобы спасти своего мужа Ставра, который былъ брошенъ въ темницу за то, что оскорбилъ Владиміра, побожившись, что жена его перемудритъ всѣхъ и самого князя. Ставрова жена дѣйствительно перемудрила князя. Содержание былины хотя и приспособлено къ характеру престопаднаго повѣствованія, но, сопоставляя ее съ лѣтописнымъ сказаніемъ, находимъ нѣкоторыя, хотя и очень затемненныя, черты, въ которыхъ народный разсказъ сходится съ исторіею: а) Ставръ не былъ кіевлянинъ, но бояринъ со стороны, правилъ со своею мудрою женою въ своемъ городѣ; б) Ставръ не былъ въ милости у князя, который, по соглашеніи съ другими богатырями, велѣлъ его бросить въ тюрьму, откуда освобождаетъ его умная жена. Спасенный рѣшимостью и мудростью своей богатырской жены, Ставръ, по нѣкоторымъ былинамъ, убѣжалъ отъ Владиміра, чтобы, вѣроятно, избавиться отъ заточенія, о которомъ говоритъ лѣтопись. И на этой исторической личности мы видимъ, что поэтически сцена перенесена изъ времени Владиміра Мономаха въ эпоху Владиміра перваго.

Еще есть для одной личности русской эпической повѣи интересное подтвержденіе въ русскихъ лѣтописяхъ. Въ былинахъ упоминается богатый купецъ *Садко* или *Садке*, новгородецъ. Сдѣлавшись чудеснымъ образомъ богачемъ, онъ странствовалъ со своимъ богатствомъ на ладьяхъ по морю и на пути испыталъ всякія удачи и невзгоды; напоследокъ его благочестіе счастливо избавило его ото всякой опасности. По былинамъ онъ соорудилъ одинъ или нѣсколько храмовъ въ Новгородѣ. Въ параллель народному сказанію—особенною полнотою содержанія отличается былина № 70 въ сборникѣ Гильфердинга—лѣтописи знаютъ о Садкѣ слѣдующее: „6556 (1048) года мѣсяца марта въ 4 день субботный сторѣ стая Софѣя. Бѣаше же чсто оустроена и оукрашена, 13 верхи имоуци. А ту стояла стое Софѣя конецъ пшкупцѣ оулицѣ, идеже нынѣ поставилъ Сетѣке церковь каменую стго Бориса и Глѣба надъ Волховомъ“ (Бестужевъ-Рюминъ. 45).¹⁾

¹⁾ Чтобы это мѣсто легче понималось, я напомню, что старчій Новгородъ (на Ильменскомъ озерѣ) дѣлился на двѣ части: Софійскую и Торговую. Софійская была на лѣвомъ, торговая на правомъ берегу рѣки Волхова. Софійская въ свой чередъ имѣла три „конца“, одинъ конецъ „перевскій“, простирался одною стороною въ берегу Волхова, то и была епископская улица, гдѣ Садко впослед-

Что здѣсь сказано „нынѣ“, то это относится къ 6675 т. е. 1167 году, ибо подъ этимъ годомъ упоминается въ первой новгородской лѣтописи ¹⁾: „На ту же весну заложи Сѣдо Сытениць церковь камену святую мученику Бориса и Глѣба“ (П. С. Р. Л. III. 14). Этотъ „Сѣдо“ или „Сотѣке“ называется въ одномъ позднѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ „Сотко небогатый“, что прямо указываетъ на заимствование изъ народной былины, гдѣ прилагательное „богатый“ служить ерѣтетич. „жупца“ Садка. Итакъ и объ этой личности соглашается народное воспоминаніе съ лѣтописнымъ рассказомъ, по крайней мѣрѣ, настолько, что а) здѣсь и тамъ Садко—новгородецъ и б) строить на поминъ души церкви въ Новгородѣ.

О третьемъ новгородцѣ *Василии Буслаевичѣ*, о которомъ есть много былинъ, но содержаніе ихъ носить небогатырскій характеръ (Василій Буслаевичъ, молодой безпутный новгородецъ, необыкновенной своей силой тревожить и обижаютъ согражданъ) есть только въ одной поздней лѣтописи такое краткое извѣстіе подъ 1171 годомъ: „того же мѣсяца преставися въ Новѣ городѣ посадникъ *Васка Буславичъ*“ (Безсоновъ у Кирѣвскаго 5. стр. LXV сл.).

§ 28. Проходя молчаніемъ разныя личности изъ Татарскаго періода, которыхъ народная поэзія, не обращая вниманія на хронологическія несообразности, ставитъ въ связи съ кн. Владиміромъ кіевскимъ и цикломъ его богатырей, упомяну еще только о знаменитомъ *Ермакѣ Тимофѣевичѣ*, освободителѣ Сибири. Хотя хорошо извѣстно, что онъ именно подъ конецъ 16 вѣка прославился своими разбойническими подвигами съ шайками донскихъ казаковъ, пока судьба не привела его къ покоренію Сибири подъ власть „блага царя“ московскаго и тѣмъ у царя Ивана Васильевича къ почету и милости, — однако разстояніе въ 500 лѣтъ слишкомъ не помѣшало народной фантазіи—присоединить и этого русскаго „богатыря“

ствія построилъ церковь св. Бориса и Глѣба. Русское слово „конецъ“ имѣеть въ городахъ большое юридико-топографическое значеніе. Замѣчательно, что въ г. Вараждинѣ одна улица съ своими нобозными называлась нѣкогда „дуи (долгій) конецъ“, который позже, къ сожалѣнію,颠倒了 въ „дуга улица“. Такъ одинъ остатокъ совсѣмъ невинной старинной сгертъ.

¹⁾ О лѣтописныхъ извѣстіяхъ, относящихся къ Садку, подробно говорить Безсоновъ въ 5 ч. пѣсенъ Кирѣвскаго, прил. Стр. LVII сл.

къ кругу старыхъ владимірскихъ богатырей, отождествить его съ Ильей. Въ былинѣ, напечатанной у Кир. I. 58—66, найдете Ермака въ обществѣ всѣхъ старыхъ богатырей, особенно Ильи Муромца, который даже называется его дядей! Но, несмотря на такую свободу въ перескакиваньи цѣлыхъ вѣковъ, поэтическая истина остается ненарушенною: Ермакъ — *самый младшій* среди юнаковъ, съ которыми состоитъ въ общеніи. Но народная поэзія не всегда поступаетъ съ Ермакомъ так. обр.: есть также пѣсни, въ которыхъ ближе къ исторической истинѣ поется о немъ, какъ о казакѣ и завоевателѣ Сибири (напр. у Кирши Данилова № 13, у Гильферд. № 202). Кто бы отсюда заключилъ, что только этотъ Ермакъ тожественъ съ историческимъ лицомъ, а первый нѣтъ, доказалъ бы, по моему мнѣнію, что не понимаетъ вѣрно народной поэзіи. Различіе между поэтическимъ воспроизведеніемъ Ермака здѣсь и тамъ происходитъ отъ того, что мѣстами старый циклъ эпическаго содержанія настолько еще все-таки крѣпокъ, что всѣ новые факты поглощаетъ или, по крайней мѣрѣ, какъ магнитъ къ себѣ притягиваетъ. Гдѣ нѣтъ болѣе такой силы, или вообще гдѣ о владимірскихъ богатыряхъ лишь мало пѣсенъ поется, тамъ Ермакъ Тимофѣевичъ остается въ своей исторической обстановкѣ. Много такихъ пѣсенъ найдете въ 6-й части сборника Кирѣевскаго.

29. Это сопоставленіе народной эпикѣ съ историческими свидѣтельствами относительно содержанія—я по неволѣ ограничился личными именами, оставивъ нетронутою топографію и прочую обстановку, о которыхъ пришлось бы много говорить *)—хотя и не привело къ слѣшкомъ большимъ результатамъ, но какое обиліе матерьяла для исторіи народной русской эпикѣ представляется въ тѣхъ же чертахъ, если сравнимъ молчаніе о Полякахъ и Чехахъ, о которомъ была рѣчь выше! Тутъ ясно видно, что эпическая поэзія, гдѣ дѣйствительно живетъ въ народѣ, не можетъ такъ легко исчезнуть или быть забытою. Чтобы въ самомъ дѣлѣ было, если бы русскія былины были раньше записаны! Но, наткнувшись на этотъ вопросъ, мы найдемъ, что документальная исторія текстовъ русской эпикѣ достигаетъ, по край-

*) Ср. изслѣдованіе Н. Д. Квашнина—Самарина, напечатанное въ „Бесѣдѣ“ (1871, № 4 и 5), подъ заглавіемъ „Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи“. Хотя я съ многими, что сказано въ этомъ изслѣдованіи, не согласенъ, но рекомендую прочесть его тѣмъ, кто интересуется вопросомъ.

ней мѣръ, до начала XVII вѣка. Въ 1619 г. прибылъ въ Россію нѣкій англійскій священникъ Ричардъ Джемсъ (Richard James) въ англійское посольство въ Москвѣ. Онъ остался въ Москвѣ не долго (отъ января до августа того же года), возвращаясь домой, едва не погибъ (близъ Архангельска произошло крушеніе его корабля), но вернулся благополучно въ Оксфордъ и привезъ, какъ рѣдкость, 6 русскихъ пѣсенъ, которые тамъ еще и теперь находятся. *) Изъ этихъ пѣсенъ одна (послѣдняя) составлена совершенно въ характерѣ обыкновенныхъ былинъ и можетъ съ полнымъ правомъ называться перломъ среди позднѣйшихъ произведеній русской народной эпикѣ, начинается такъ:

А не сильная туча затучилася;
А не сильніи громы грянули:
Куде ѣдетъ собака Крымской царь? и т. д.

Съ этой поры находится непрерывный рядъ слѣдовъ народныхъ русскихъ пѣсенъ въ разныхъ сборникахъ. По словамъ Безсонова, который всего больше подобнаго матерьяла имѣетъ подъ рукою, въ большинствѣ записаны былинны новаго содержанія, изъ московской эпохи: это легко объясняется: новое историческое содержаніе возбуждало болѣе интересъ, чѣмъ былинны старшаго времени, въ которыхъ съ разными остатками старины собрано множество рассказовъ о предметахъ, которые хотя и интересны для простаго народа, въ глазахъ богатныхъ людей того времени не имѣли большого значенія. Богатѣйшій и замѣчательнѣйшій такой сборникъ былъ Кирши Данилова, который жилъ подъ конецъ XVII или въ началѣ XVIII вѣка, и собиралъ народныя пѣсни гдѣ-то на сѣверовостокѣ Россіи и, можетъ быть, даже въ Сибири. Этотъ сборникъ въ изданіи Калайдовича имѣетъ и теперь еще драгоценное значеніе, особливо потому, что подлинная рукопись потерялась.

§ 30. Еще одно очень интересное свидѣтельство о русской эпикѣ я оставилъ въ заключеніе, это *рефлексъ русской народной эпикѣ въ германской сагѣ*. Прежде сообщу фактъ. Въ Сток-

*) Пѣсни эти, числомъ 6, напечатаны въ приложеніяхъ къ первому тому „Извѣстій Имп. Р. Академіи“ 1852 г., затѣмъ въ хрестоматіи проф. Буслаева 1861 г., стр. 1031, впоследствии въ 7 ч. сборника Кирѣевскаго, въ приложеніяхъ Безсонова стр. 57. слѣд.

гольмской королевской библиотекѣ найдена рукопись на пергаментѣ, которую по языку и другимъ признакамъ относятъ къ 13 вѣку, содержаніе ея „сага“ о Дитрихѣ бернскомъ на скандинавскомъ, старошведскомъ языкѣ, которая, по словамъ неизвѣстнаго автора въ прологѣ саги, составлена по рассказамъ нѣмецкихъ людей, отчасти даже по ихъ пѣснямъ. Называютъ ее также Вилькина сага потому, что главное содержаніе ея относится къ сѣверному королю Вилькину. Въ первый разъ она въ оригиналѣ была издана въ 1725 г. въ Стокгольмѣ Peringskiold'омъ, теперь есть критическое изданіе 1853 г. въ Христианіи О. Р. Унгера. По-нѣмецки перевелъ ее въ 1814 г. Hagen (въ 1855 г. вышло 2-е изданіе того же перевода), а въ 1863 г., по новому Унгерову изданію, сдѣлалъ точнѣйшій переводъ и анализъ этой саги Рассманнъ, въ книгѣ „die deutsche Heldensage.“ Въ этой сагѣ рассказывается, какъ могущественный король „Vilcinus“ воевалъ въ Польшѣ и на Руси, и взял Смоленскъ, Кіевъ и Полоцкъ (Palltesk), наконецъ и главный городъ Гертнита, по имени „Holmgard“, въ которомъ къ удивленію нашелъ много золота и серебра. Гертнитъ долженъ былъ заключить миръ и признать надъ собою власть Вилькина. Но когда тотъ умеръ и вмѣсто его власть перешла къ сыну его Нордіану, отмстилъ русскій Гертнитъ и точно также побѣдилъ Нордіана, какъ нѣкогда его—Вилькинусь. Вся земля Вилькинова признала надъ собою господство русскаго Гертнита. Этотъ Гертнитъ имѣлъ отъ своей законной жены двухъ сыновей, которые назывались Осантриксъ и *Вольдимаръ* и отъ наложницы третьяго, по имени *Илю*. Осантрикса сдѣлалъ владѣтелемъ Вилькиновой земли, *Вольдимара* поставилъ королемъ надъ Русью и Польшей, а *Илю* сдѣлалъ ярломъ (княземъ) Греціи. То, что сага говоритъ далѣе о нихъ и о другихъ богатыряхъ „короляхъ“, мы можемъ пройти молчаніемъ. Довольно сказать, что Осантриксъ и Вальдимаръ имѣли битвы съ Аттилой и Дитрихомъ бернскимъ, въ которыхъ Илія, „графъ Греческой земли“, помогалъ своему брату Вальдимару. Наконецъ добылъ Аттилагородъ Smaland (Смоленскъ) и Palteskup (Полоцкъ) и поставилъ государемъ русской земли какаго-то Ирона, который тоже былъ братомъ Вальдимара. Очень трудный и темный вопросъ въ германской филологіи, въ который намъ здѣсь не слѣдуетъ пускаться: въ какомъ отношеніи находится эта сѣверная редакція нѣмецкой саги (что сага нѣмецкаго происхожденія—признаетъ самъ ея составитель) къ нѣмецкимъ редакціямъ цѣлой группы одинаковыхъ или родственныхъ сагъ, какъ-то: король Ротерь, Ортнитъ, Вольфдитрихъ. Наше:

вниманіе обращаютъ преимущественно тѣ мѣста Вилькина-саги, гдѣ упоминается „Valldimar,“ какъ государь русской земли, его города: Смоленскъ, Полоцкъ, Кіевъ и Holmgard, затѣмъ братъ его „Hias,“ ярль (т. е. графъ или князь) Греческой земли, или прямо „Hias von Riuzen.“ Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ именемъ „Valldimar“ разумѣется въ сѣверной сагѣ кіевскій князь Владиміръ, какъ само собою разумѣется—Смоленскъ, Полоцкъ, Кіевъ (въ сагѣ Kiu) и Holmgard (—Новгородъ) *) русскіе города, хорошо знакомые по имени. Этому еще мы не удивляемся: князь Владиміръ кіевскій или вообще Владиміры, русскіе князья, были въ средніе вѣка столько извѣстны даже внѣ границъ Руси, особенно у своихъ сѣверныхъ германскихъ сосѣдей, что поэтически могъ какой-то Владиміръ быть внесенъ въ широкую, почти всю Европу обнимающую нѣмецкую сагу, точно такъ же, какъ напр. Атилъ. И Villecinus ничто иное, какъ олицетвореніе извѣстнаго славянскаго племени Вильцы или Велетабы, которые назывались также Лютичи. Германскіе витязи доходили въ своихъ походахъ до славянскихъ земель, непріятельская встрѣча изображена поэтически такъ, что германскій витязь Starkatherus одолѣлъ славянскаго: „Вошедши въ предѣлы Польши, онъ побѣдилъ въ бою великана, котораго у насъ называютъ Ваше, Германцы различнымъ отъ того именемъ: Вильцы“ и т. д. **).

Итакъ пока нѣтъ еще никакого свидѣтельства въ германской сагѣ, что содержаніе свое, насколько оно касается Руси, она черпала изъ русскаго народнаго преданія, другими словами, что составитель германской саги, который приплелъ въ нее Владиміра и Holmgard, Смоленскъ, Полоцкъ, слышалъ о томъ русскія народныя преданія. Все это могло войти и безъ русскаго участія, безъ русской народной эпикѣ. Совсѣмъ другой обликъ получаетъ весь вопросъ, когда при Владимірѣ упоминается еще братъ его „Hias van Riuzen,“ если

*) Holmgard значитъ собственно: ильменскій градъ, т. е. городъ на Ильменскомъ озерѣ, какъ говоритъ русскій лѣтописецъ: „Словѣне же сѣдоша около озера и имена и прозваша ся своимъ именемъ и сѣлаша городъ и нарекоша и новгородъ.“ Ср. другія доказательства у Müllenhof'a Haupt's Zeitschrift XII. 346.

***) Poloniae partes aggressus (Saxo, VI, 281), atletam quem nostri Wasche, teutones vero diverso literarum rhemate Wilze nominant duelli certamine superavit.

этотъ „Hias“ германской саги—никто иной, какъ менно русскій Илья Муромецъ! Въ оправданіе этого толку нія составилъ проф. Мюлленгофъ (Haupt's Zeitschrift XI. 331 сл., 342 сл.) столько остроумныхъ комбинацій, что для меня по крайней мѣрѣ, трудно отказаться отъ убѣжденія, что этотъ Hias дѣйствительно русскій Илья Муромецъ. Правда, въ послѣднее время проф. Кирпичниковъ *) вздумалъ опровергнуть Мюлленгофа; но кто сравнить роль, которую играетъ въ германской сагѣ „Hias af Greka“ или „von Riuzen“ съ Ильей Муромцемъ русскихъ былинъ, тотъ легко пойметъ, почему русскому ученому не вѣрится, чтобы это могла быть одна личность. Мнѣ же кажется, что Кирпичниковъ въ своемъ отрицаніи зашелъ слишкомъ далеко. Онъ напр. не допускаетъ, чтобы „Hias af Greka“ и „Hias von Riuzen“ былъ одинъ и тотъ же (стр. 107), что каждому безпристрастному читателю прямо бьетъ въ глаза. „Смѣшеніе Греція и Россія не можетъ имѣть никакого филологическаго основанія“, говоритъ Кирпичниковъ (стр. 9); но кто же ищетъ „филологическаго основанія?“ Тутъ весь вопросъ въ томъ, есть ли основаніе вѣрить, чтобы тотъ же Илья, который одинъ разъ названъ „von Riuzen“ могъ быть и „af Greka,“ отвѣчаетъ ли такое смѣшеніе понятіямъ того времени? Кто припомнитъ тѣсныя связи, *), которыя въ старое время соединяли Русь съ Царегородомъ въ религіозномъ отношеніи, кто не упуститъ изъ виду, что даже въ русскихъ былинахъ Илья походы свои доводилъ до Царегорода и Иерусалима и пр. тотъ, полагаю, скорѣе согласится съ отождествленіемъ Мюлленгофа, чѣмъ съ отрицаніемъ Кирпичникова, даже если бы и не было параллельныхъ примѣровъ, которые Мюлленгофъ приводитъ изъ Адама Бременскаго. Самъ Кирпичниковъ допускаетъ только (стр. 109), что „сѣверно-нѣмецкіе бродячіе пѣвцы и Скандинавъ—

*) Въ книгѣ: Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса. Поэмы ломбардскаго цикла. Москва. 1873, 8.; XI. 208.

*) Что въ нѣмецкихъ сагахъ Русь и Греція упоминаются рядомъ, видно изъ слѣд. мѣста въ Нибелунгахъ:

Здѣсь ѣздятъ много Русскихъ и Грековъ; Von Riuzen unt von Kriechen reit dá
vil manec man:

Вотъ ѣдутъ и Полякъ, и Валахъ... Polonen und Vlâchen den sah man
ebene gân...

Изъ Кіевской земли тоже много людей... Von den Lânde úz Kyewen reit ouch
dá manec man. .

авторъ саги замѣнили незнакомыя имъ южныя имена сѣверными,“ можетъ быть и такъ; но Илья нигдѣмъ не замѣненъ: онъ упоминается, какъ въ сѣверной, такъ и въ южной редакціи саги (въ Ортнитѣ „*Þias von Riuzen*“—дядя короля Ортнита, въ Вилькина сагѣ *Þias*—сынъ русскаго короля Гертнита, братъ Владиміра и Осантрикса). Откуда именно у этого „*Þias*“ такое постоянство? Далѣе Кирпичниковъ, не признавая тождественности этихъ эпитетовъ „*af Greka*“ и „*von Riuzen*“ объясняетъ ихъ такъ: „въ сознаніи позднѣйшихъ поэтовъ эти два имени должны были отдѣляться и произносила странность такого рода: пѣвцы сѣверные отправляли *Þiasa* подальше отъ себя въ Грецію, а южные подальше отъ себя въ Россію“ (стр. 110). И это не совсѣмъ вѣрно. Въ сѣверной сагѣ русское происхожденіе Ильи не вполне стерто: онъ и здѣсь сынъ русскаго короля Гертнита; если его сѣверная сага подвинула дальше къ югу, какъ „*jarl af Greka*“, то на это была, можетъ быть, та причина, что въ самой Руси его мѣсто занялъ „*Valldimar*“. Но его сыновья, Гертнитъ и Осидъ, вновь поступаютъ въ службу къ Осантриксу, государю Вилькина—земли, и онъ самъ является къ брату Вальдимару на помощь противъ Гильдебранда, какъ „графъ греческой земли“ *Villcinasaga* (285—286). Итакъ, не обращая вниманія на эпитетъ „*af Greka*“, русская народность Ильи въ сѣверной сагѣ намѣчена такими крупными чертами, что я никакъ не осмѣлюсь видѣть въ немъ „забѣгаго богатыря изъ далекихъ странъ“. Наконецъ есть еще одинъ сагтъ, вполне филологическаго характера, который, кажется мнѣ, Кирпичниковъ игнорируетъ: это форма нѣмецкаго слова *Þias*. По законамъ нѣмецкаго языка мы ожидали бы всегда *Elias*, ибо въ готскомъ переводѣ Ульфилы греческія слова съ выражены гласной *e*: *Ἰродῆς*, гот. *Herôðes*, слав. *Иродъ*. Правда, Мюлленгофъ и въ нѣмецкомъ языкѣ привелъ нѣсколько формъ словъ кромѣ этого съ *I* (ib. 354), но отъ этого не теряетъ въ нашемъ случаѣ своего значенія это замѣчательное совпаденіе германскаго *Þias von Riuzen* съ русскимъ Ильей.

§ 31. Итакъ для меня и послѣ аргументаціи проф. Кирпичникова противъ Мюлленгофа показывается оч. близкою къ истинѣ гипотеза Мюлленгофа, что „*Þias von Riuzen*“ или „*Þias af Greka*“—русскій Илья Муромецъ. Для моей цѣли достаточно, если есть въ гипотезѣ правдоподобіе. Вмѣшалъ ли составитель сѣверной саги, какъ „грамотный“ человекъ, въ Вилькинасагу Илью, или нашелъ готовый вариантъ въ сказаніи нѣмецкихъ людей, о которомъ говоритъ въ прологѣ,—это остается въ данномъ случаѣ безразлично. Мы толь ко желаемъ изъ

того факта, что въ XIII вѣкѣ въ сѣверногерманской сагѣ упоминается Илья Муромецъ подлѣ Владиміра, какъ его братъ, вывести новое свидѣтельство объ устойчивости русской эпикн. Германцы, которые бывали въ Новгородѣ и въ другихъ торговыхъ пунктахъ въ оч. живомъ общеніи съ Русскими, могли оч. легко познакомиться съ большимъ почетомъ, который Русскіе оказывали своему Владиміру и его главнѣйшему богатырю Ильѣ,—вернувшись домой, рассказывали своимъ и т. обр. сдѣлались имена русскихъ богатырей, Владиміра и Ильѣ, популярными между ихъ сѣверо-западными сосѣдями. Такъ могъ о нихъ узнать и самъ составитель Вилькинасаги, если бы мы захотѣли взять Кирпичниковскій мінімш, который въ общемъ тоже допускаетъ возможность, что этотъ незнакомецъ „слышалъ какое-нибудь имя и впутываетъ его куда—попало, чтобъ только замазать прорѣху“ (стр. 97). И я совершенно согласенъ съ Кирпичниковымъ, что „русскаго въ рассказѣ Vilkinasaga *кромя имени* ничего нѣтъ“, то есть, и я не вѣрю, чтобы тѣ Нѣмцы, которые слушали на Руси рассказы о Владимірѣ и Ильѣ, особливо объ этомъ послѣднемъ, перенесли бы домой къ своимъ какой-нибудь ясный, конкретный образъ объ этихъ русскихъ личностяхъ. Даже если бы и принесли, онъ не подошелъ бы къ рамкѣ германской саги въ своемъ первоначальномъ обличіи. Я самъ въ другомъ мѣстѣ примѣрами старался доказать, какъ народъ, у котораго есть эпическая жилка, умѣетъ совершенно чуждые, со стороны заимствованные мотивы такъ переработать, такъ конкретно одѣть народнымъ характеромъ или, по крайней мѣрѣ, замаскировать, что въ большинствѣ лишь по имени богатыря—и то не всегда—можно угадать истинное происхожденіе цѣлаго сказанія, рассказа или пѣсни. Итакъ, даже имена не неподвижны: подвергаются переименованію по прихоти народа, внося въ неразрѣшимое скопленіе звуковъ такой или иной смыслъ. Но гдѣ есть еще и столько воспоминаній въ именахъ, какъ тутъ въ Вальдимарѣ, Ильѣ, въ городахъ: Смоленскѣ, Полоцкѣ, Киевѣ, Holmgard ѣ,—здѣсь нужно намъ крѣпко держаться этого единственнаго якоря.

VI.

Старыя кievскія воспоминавія, сохранившіяся только у Великоруссовъ. Почему такъ въ южной Руси былія. Слово о полку Игоревѣ. Вліяніе на Задохщину.

Духи.

§ 32. Идеальный центръ сѣверно—или великорусскихъ эпическихъ пѣсней (=былинъ) есть южнорусскій Киевъ. Новая загадка. Какъ совершилось то, что о кievскомъ князѣ Влади-

міръ и о его богатыряхъ ни слова не умѣють пропѣть ближайшіе сосѣди Кіева, вообще вся южная Русь, прежняя „Русь“ *par excellence*, но все это пѣсенное достояніе сохранилось въ видѣ исключительной собственности великорусскаго народа, на сѣверѣ и сѣверовостокѣ великой Россіи? Откуда напр. у нынѣшнихъ обитателей Олонецкой губерніи (подлѣ Ладожскаго оз.) столь живое воспоминаніе о далекомъ прошедшемъ далеко на югѣ жившаго нѣкогда великаго князя кіевскаго? А жители Украины, окружающіе Кіевъ, Черниговъ и т. д., о немъ ничего не знаютъ! На рѣшеніе этой загадки было потрачено много остроумныхъ комбинацій, много гипотезъ, среди которыхъ заслуживаетъ наиболѣе быть упомянутою здѣсь одна: покойный Погодинъ, хотя и не былъ филологомъ, но ему нельзя отказать въ широтѣ взгляда и твердости въ умозаключеніяхъ. Читая древнія русскія лѣтописи, онъ набрелъ однажды совершенно инстинктивно на мысль*), что въ древнѣйшихъ южно русскихъ лѣтописяхъ въ языкѣ нѣтъ ничего нынѣшняго малорусскаго; онъ сразу вспоминаетъ и народныя быліны, которыхъ также нѣтъ между малороссами, и такъ въ его головѣ готово слѣдующее заключеніе: въ южной Руси до татарскаго ига жили Великороссы, въ 13 и 14 вѣкѣ они переселились на сѣверъ и востокъ, которые до того времени, по видимому, незаселены были, а въ южную Русь спустились съ Карпатскаго нагорья новыя поселенцы, и вотъ это и есть нынѣшніе южноруссы или малороссы. Несмотря на то, что гипотеза Погодина о выселеніи Великороссовъ и послѣдовавшемъ переселеніи Карпатороссовъ въ Украину не принялась въ русской историко-этнографической наукѣ**), тѣмъ не менѣе фактъ,

*) Онъ эту мысль развилъ въ статьѣ „записка о древнемъ языкѣ русскомъ“ въ 5 т. „Изв. Имп. Ак. Н. по отд. р. яз. и слов.“ 1856, стр. 70—92. Аргументація о былінахъ тамъ такая: „Малороссіянне есть народъ самый чуждый: почему же не сохранилось у нихъ никакихъ пѣсенъ, о древнемъ нашемъ времени, между тѣмъ какъ эти пѣсни о Владимірѣ и его витязяхъ поются у насъ вездѣ, въ Архангельскѣ и Владимірѣ, Костромѣ и Сибири. Слѣдовательно опять тоже заключеніе: не Малороссіянне жили въ Кіевѣ во время Володимира, а Великороссіянне, которые разнесли тамошнія пѣсни по всему пространству Русской земли“. (Стр. 77).

**) Къ Погодину присоединился уже прежде выразившій ту же мысль П. А. Лавровскій (ср. его диссертацию: „о языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“ Спб. 1852 и статью: „обзоръ особенностей нарѣчія малорусскаго“ въ Ж. М.

что въ южной Руси нѣтъ былины о временахъ кievскаго княженія, остаётся еще нерѣшеннымъ вопросомъ. Легко было Максимовичу разбить Погодина, гдѣ шло дѣло о южнорусскомъ нарѣчii; но рѣшить загадку, почему въ южной Руси теперь нѣтъ уже болѣе пѣсень о кievскомъ князѣ Владимірѣ, не удалось ни Максимовичу, ни послѣдующимъ литературнымъ историкамъ. Максимовичъ думалъ, что святость князя Владимира—его святымъ мощамъ поклоняется народъ и тепе ь съ оч. большимъ усердіемъ—задержала у южноруссовъ народную пѣсню, чтобы не привлечь и его въ свой кругъ (что теперь поется о Владимірѣ—то это болѣе благочестивыя молитвы, чѣмъ народныя пѣсни), но что это совсѣмъ не объясненіе—видитъ всякій. Ибо если дѣйствительно святость помѣшала Владиміру, почему нѣтъ, по крайней мѣрѣ, пѣсень о другихъ историческихъ личностяхъ того времени, которыхъ церковь не освятила? Новѣйшіе издатели „исто-

Н. Пр. 1859, № 6) и до новѣйшаго времени держится тогоже мнѣнія П. Безсоновъ, довѣряя ему болѣе всего изъ-за былины; ср: напр. въ 7 выш. сборника Кирѣвскаго, въ прил. стр. 88, слѣд. заключеніе, которое вполне наполняетъ Погодина: „когда по заустѣннiи прежней югозападной или кievской государственной области, обращенной въ становище восточныхъ выходцевъ, старожилы, одного племени и языка съ общимъ русскимъ или великорусскимъ, ушли отсюда навсегда и размѣстились вокругъ занятаго ужъ Московскаго средоточія, по окраинамъ его, болѣе или менѣе отдаленнымъ, гдѣ и сберегли былины богатырскаго періода—ихъ смѣнили новыя поселенцы, того племени и нарѣчiя, которое съ тѣхъ поръ понынѣ отличается болѣе узкимъ именованіемъ Малорусскаго. Подвинувшись въ старую область, по мѣрѣ ослабленія восточниковъ, изъ Волыни и Подолiи, и еще далѣе изъ нижнѣйшей Галиціи и Карпатъ, они ничего не знали, какъ не знаютъ доселѣ, изъ былины о древнемъ кievскомъ періодѣ: ихъ думы прямо начинаются съ казачества, не старше его, не выше и не ниже, съ казачества малорусскаго, украинскаго, потомъ запорожскаго. Начало ихъ—не старше XVI вѣка, языкъ—нижнѣйшее малорусское нарѣчiе... Рѣшительнымъ противникомъ гипотезы Погодина былъ покойный М. А. Максимовичъ, личность оч. симпатичная, человекъ широкаго образованія, хотя и не филологъ по профессіи. Его отвѣтъ Погодину „Филологическія письма“ въ „Рус. Бесѣдѣ“ (1856, III, 73—139) и „Отвѣтныя письма“ (ib. 1857, II, 80—104) и еще другія критико-полемицескія разсужденія прочтеть еще и теперь всякій съ особымъ удовольствіемъ, хотя о строго грамматическихъ особенностяхъ южнорусскаго нарѣчiя мы имѣемъ теперь изслѣдованія гг. Потебни и Житецкаго.

рических“ пѣсень малорусскаго народа (гг. Антоновичъ и Драгомановъ) употребили также всѣ силы, чтобы доказать, что есть хотя и не собственно въ южнорусскихъ былинахъ—которыхъ теперь нѣтъ—то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ другихъ южнорусскихъ пѣсняхъ, воспоминаніе о княжескихъ временахъ; но и ихъ глубокая ученость и тщательныя разысканія не дали почти никакихъ результатовъ. О большинствѣ пѣсень, которымъ они приписываютъ стародавній историческій, характеръ, едва ли кто съ ними согласится: только горячимъ патриотизмомъ согрѣтое сердце могло въ этихъ пѣсняхъ найти—или, скажу лучше, внести въ нихъ—старинный смыслъ. Но если и примемъ, что нѣчто историческое осталось въ пѣснѣ № 11 (княгиня Иванко) или № 12 (князь Романъ) или № 18 (Журило, гдѣ издатели вспоминаютъ былины о Чурилѣ Пленковичѣ)—это все, гдѣ я еще нѣсколько могъ пристать къ ихъ толкованію,—сколько великихъ переворотовъ должно было случиться въ народной южнорусской поэзіи, пока она дошла до такихъ коротенькихъ пѣсенокъ обряднаго значенія, чтобы въ нихъ сохранить послѣднее воспоминаніе о своихъ прежнихъ герояхъ!

§ 33. Есть тѣмъ не менѣе довольно убѣдительныя доказательства на то, что и южно-русскій народъ пѣлъ нѣкогда былины о южно-русскихъ князьяхъ и ихъ славу. Уже аргюи трудно бы намъ повѣрить, что тотъ же народъ, который позднюю эпикку своей жизни, казачество, освятилъ такимъ числомъ замѣчательныхъ пѣсень—ограниченное число теперешнихъ думъ есть только остатокъ гораздо большаго прежняго богатства—не пѣлъ бы о прежнихъ событіяхъ. Наклонность народа къ воспѣванію въ эпическихъ пѣсняхъ, такъ сказать, своихъ событій ни терется, ни приобрѣтается столь легко. Легче понять, что народъ, потрясенный въ душѣ своей новыми великими событіями, подъ давленіемъ свѣжихъ впечатлѣній, изглаживаетъ воспоминаніе о прошломъ и обновляетъ содержаніе пѣсень. Итакъ поозрѣніямъ, которые я составилъ лично, изучая славянскую народную поэзію, возможно, изъ существованія думъ о казацкой эпохѣ малорусскаго народа, заключать о существованіи въ прежнее время такихъ же народныхъ пѣсень о княжеской эпохѣ. То были малорусскія „былины“, принимая это слово въ его древнѣйшемъ значеніи, сохранившемся въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. И дѣйствительно—это не только мое предположеніе, не одна гипотеза, но историческій фактъ. Къ счастью нашлось „Слово о полку Игоревѣ“

пѣ“, внесенное довольно неискусной рукой въ старыя книги и сохраненное въ одномъ—одной рукописи 15 или 16 вѣка, которая, къ сожалѣнію, въ послѣдствіи сгорѣла въ Москвѣ. Что такое „Слово“, не обращая вниманія на его нарушенный внѣшній обликъ? Ничто иное, какъ малорусская „дума“ 12—13 столѣтія или малорусская „былина“ того времени. Одно и другое названіе подходитъ. Если скажемъ, что „Слово“—дума, то этимъ признаемъ его ближайшую связь въ манерѣ поэтическаго творчества съ позднѣйшими думами—объ этомъ послѣ доказательства Максимовича и Буслаява *) нельзя даже сомнѣваться. Если скажемъ, что „Слово“—былина, то этимъ обозначимъ его значеніе и положеніе въ южно-русской литературѣ и вмѣстѣ выразимъ, что „Слово“, дѣйствительно, благодаря своей ближайшей связи съ думами, еще оч. родственно съ сѣверо-восточными былинами, во всякомъ случаѣ родственнѣе позднѣйшихъ думъ. Южно-русскій народъ имѣлъ свои былины, какъ и сѣверно-русскій; авторъ „Слова“ говоритъ: начати же ся той пѣсни по *былинамъ* сего времени а не по замышленію Болюю—этимъ прямо выражено, что его пѣсни, держась вѣрно того, какъ что *было* (былина=быль), сама стремится быть „былиною“, т. е. истиннымъ разсказомъ, истинною былью: „то старина, то и дѣянье“—какъ заключаются иногда нынѣшнія велико-русскія былины. Итакъ отношеніе пѣвца къ пѣснѣ было въ южно-русскихъ былинахъ, судя по „Слову“, то же, какое теперь еще замѣчаемъ въ сѣверно-русскихъ былинахъ, напоминаетъ скорѣе послѣдующія думы, чѣмъ современные или нынѣшнія сѣверно-русскія былины. Развѣ недостойно упоминанія, что въ „Словѣ“ и въ „Задонщинѣ“, единственныхъ остаткахъ старой малорусской и южной великорусской эпической поэзіи, пѣвецъ прославляетъ поражение, оплакиваетъ неудачу, какъ во всякой думѣ, содержаніе же великорусскихъ былинъ обыкновенно прославляетъ подвигъ, увѣнчанный полнымъ успѣхомъ?

Въ „Словѣ“ упоминается также еще Владимірскій циклъ народныхъ пѣсень, хотя и нѣсколько темно. Что значать

*) Я имѣю въ виду Максимовичево изданіе народныхъ южнорусскихъ пѣсень, особливо 1849 года, гдѣ въ примѣчаніяхъ подѣ текстомъ приведены параллельныя мѣста изъ „Слова о полку Игоревѣ“, затѣмъ прекрасную монографію Буслаява: „объ этическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи“ въ его „Очеркахъ“ I. 210—230. Ср. также примѣры, приведенные изъ рус. лѣтописей, у Срезневскаго въ „Изв. Им. Ак. Н.“ VI. 342—344 стр.

слова пѣвца „Слова“—я, разумѣется, имѣю въ виду „Слово“ въ его первоначальномъ видѣ, который нарушенъ и теперь едва узнается—гдѣ говорится: „Почнемъ же братіе повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря“, какъ не то, что и онъ хочетъ свою „былинну“ связать съ тѣмъ славнымъ кругомъ Владиміровыхъ временъ? Тотъ же смыслъ получить и это частое упоминаніе „вѣщаго“ Баяна, который въ „Словѣ“ трактуется, какъ историческая личность, какъ бывший нѣкогда знаменитый пѣвецъ „старого Ярослава“ (1019—1054), „храбраго Мстислава“ (Владимірова сына) и „краснаго Романа Святославича“ († 1079). Хотя былъ, о которой говоритъ „Слово“ (1185—1186), случилась сотнею лѣтъ позже, однако Боянъ, этотъ мнимый, можетъ быть, пѣвецъ XI вѣка, вышелъ вполнѣ миѳическимъ. Онъ пѣлъ на многострунной арфѣ, „своя вѣщія прѣсты на живая струны въскладаше“, его пѣсни были настолько знамениты, что пѣвецъ „Слова“ приводитъ еще изъ нихъ цѣлая фраза, какъ „припѣвы“; „ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути“, или: „тяжко ти головъ вромѣ плечю, зло ти тѣлу вромѣ головы“, но съ другой стороны Боянъ былъ чудомъ между пѣвцами: онъ умѣлъ превращаться въ сизаго орла, или сѣраго волка, или ласковаго солонья, и самое пѣніе его поэтому выражено глаголомъ „ущекотати“; наконецъ онъ называется внукомъ бога Велеса и носить эпитетъ „вѣщаго“. Т. обр. личность Бояна расплылась въ миѳъ, или если примемъ, — что будетъ ближе къ истинѣ, что пѣвцу „Слова“ было хорошо извѣстно множество былинъ или южно-русскихъ думъ—„пѣснь старымъ княземъ“—о старыхъ князьяхъ, начиная отъ „старого“ Владиміра и его сыновей, — то для тѣхъ былинъ, которыя были распространены въ народѣ и которыя всякій хорошо знаетъ, но не былъ извѣстенъ ихъ авторъ или пѣснетворецъ, народная фантазія, въ которой участвовалъ также авторъ „Слова“, представила конкретный образъ такого пѣвца въ Боянѣ. По народному воззрѣнію Боянъ былъ составителемъ этихъ пѣсней о славѣ старыхъ временъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ „вѣщій“ человѣкъ, умѣвшій превращаться въ животныхъ. Точно также говоритъ Лидирандъ (Pertz, Mon. Germ. V. 309) объ одномъ сынѣ болгарскаго царя Симеона, который также назывался Баякъ: „имѣлъ двухъ сыновей, одного Баяна, другаго Петра; Баянъ же до того изучилъ магическое искусство, что можно было видѣть, какъ изъ человѣка дѣлается волкъ или другой какой-нибудь звѣрь“ *).

*) Duos filios habuit, unum nomine Bajanam, alterum Petrum, Baja-

того мнѣнія (ср. изслѣд. объ ист. Болгарь, М. 1849, 263), что этотъ въ „Словѣ“ упоминаемый Боянъ и былъ никто иной, какъ тотъ же болгарскій царевичъ Баянъ. Это мнѣніе не такъ неосновательно, чтобы о немъ и теперь не слѣдовало упоминать. Я желаю сказать, что и у Болгарь и у Русскихъ былъ одинаковый мнѣе, общее народное сказаніе о „вѣщемъ“ Боянѣ—Баянѣ: въ Болгаріи рассказывали о немъ, по свидѣтельству Ліудпранда, какъ о сынѣ царя Симеона (Ліудпрандъ говоритъ о немъ, какъ о бывшемъ, а о Петрѣ нарочно прибавляетъ: „онъ и теперь еще существуетъ“ *), въ Россіи какъ о внукѣ Велеса: тамъ онъ былъ только царскаго, здѣсь божескаго рода **).

§ 34. Что въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ сохранился лишь одинъ образчикъ, которому подобныхъ въ южнорусской старинѣ было великое множество, въ томъ не станеть сомнѣваться тотъ, кто будетъ имѣть въ виду съ одной стороны отраженіе „Слова“ въ многихъ частностяхъ въ старыхъ южнорусскихъ лѣтописяхъ, съ другой стороны въ нынѣшнихъ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ. *Naturam expellas furca, ta men usque recurret*. Всего яснѣе сказывается зависимость отъ „Слова“, его постройкѣ, образовъ и даже словъ въ томъ поэтическомъ разсказѣ и описаніи пораженія, которое подъ заглавіемъ „Слово о Задонщинѣ“ или „Сказаніе о побойцѣ“, „Повѣсть о побойци“ и пр. относится къ грозной битвѣ на Куликовѣ полѣ въ 1380 г. Совершенно напоминаетъ старую былинку или думу тотъ текстъ „Задонщины“, который въ числѣ другихъ издалъ Срезневскій въ 1858 г. въ VI т. „Извѣстій“, а за нимъ перепечаталъ Эрбенъ въ 1870 г (ср. также сокращенный текстъ въ пятой книгѣ „Ученыхъ Записокъ“ 1859 III, 57--60); но и въ другихъ вариантахъ того же „Ска-

um autem adeo fuere magicam didicisse ut et homine subito fieri Iurim quatvesunque serperes feram.

*) Qui nunc usque superest.

*) Я присоединяюсь къ кн. Виземскому, который говоритъ (замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ. Сиб. 1875), стр. 504: „подъ словомъ „Боянъ“ лѣвецъ русскій совершенно правильно обозначаетъ цѣлый кругъ пѣвцовъ“—съ такимъ ограниченіемъ, что Боянъ—ни коллективное, которымъ вся прежняя народная поэзія получаетъ свою персонафикацію, свое личное начало. Большая часть другихъ комбинацій ученаго комментатора останется не безплоднымъ и остроумнымъ гаданіемъ.

занія“ есть больше или меньше поэтических остатковъ Значеніе „Задонщины“ состоитъ именно въ томъ, что даетъ новое подтвержденіе подлинности „Слова о полку Игоревѣ“; ибо въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, что составитель „Задонщины“ хорошо знаетъ „Слово“, когда цѣлыя мѣста изъ него, почти слово въ слово, внесъ въ свое описаніе. Вотъ для доказательства нѣсколько параллельныхъ мѣстъ:

Задонщина.

Лудчи бо намъ братие начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалу.

... Начати повѣдати по дѣломъ и по былинамъ.

Не проразимся мыслию по землямъ помянемъ первыхъ лѣтъ времена...

Той бо вѣщій Боянъ восклавъ свои златыя персты на живыя струны пояше славу русскимъ княземъ...

Кони ржутъ на Москвѣ, бубны бьютъ на Коломнѣ, трубы трубятъ въ Серпуховѣ, звенитъ слава по всей землѣ русьской...

Славій птица чѣтобы еси выщекотала...

Ти бо бѣша въ сторожевыя полки на щѣтѣ рожены, подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣтѣны конецъ копія вскормлены...

Судлай брате Ондрей свои борзые козони, а мои ютови...

... Грянуша копія харалужныя...

... Тогда поля костыми насыяны, кровью помяны, бѣды возниша.

Трудно рѣшить, какимъ образомъ бралъ составитель „Задонщины“ упомянутые образы и фразы изъ „Слова о пол-

Слово.

Не льпо ли ны бѣшетъ братие начати старыми словесы трудныхъ повѣстий...

Начати же ся тѣмъ пѣснемъ по былинамъ сего времени...

Распекашется мыслию... помяшетъ бо... перзытъ время усобицы...

Боянъ же... своя вѣщія прѣсты на живая струны възкладаше, они же сами княземъ славу рокотаху...

Козони ржутъ за Сулою, звенитъ слава въ Киевѣ, трубы трубятъ въ Новѣградѣ...

Соловию с стараго времени абы ты сія плѣкы ущекотилъ.

А мои ти Куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣтѣны, конецъ копія възкормлены...

Судлай брате свои брѣзы козони а мои ти ютови...

Трепчатъ копія харалужныя въ поля незнаемѣ... чрѣна земля—

... костыми была посяяна и кровью помяна...

ку Игоревъ“: изъ записаннаго ли текста или изъ стараго преданія, какъ кажется Срезневскому? Книжный обликъ „Слова“ и „Задонщины“ даетъ большую правдоподобность первому способу; но если примемъ, что въ старое время было, по крайней мѣрѣ, нѣсколько такихъ „былинъ“ или „думъ“, въ чемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго; тогда, можетъ быть, что многіе повѣстическіе образы и фразы переходили, посредствомъ заимствованія изъ одной пѣсни въ другую, какъ общественное достояніе, какъ матерьялъ, болѣе или менѣе неизбѣжный, во всякой былинѣ или думѣ. Я склоненъ думать, что авторъ „Задонщины“ имѣлъ именно текстъ „Слова“ предъ глазами, зналъ ли онъ его наизусть, или лежалъ онъ предъ нимъ въ книгѣ *). Думаютъ, что та рукопись, въ которой найдено „Слово“, была даже позднѣе рукописи съ „Задонщиною“ (рукопись „Слова“, по догадкѣ Тихонравова, не была старше конца XVI вѣка, а про рукопись „Задонщины“ извѣстно, что она изъ второй половины XV вѣка. Ср. Уч. Записки. V. III.).

§ 35. Самыя раннія думы казацкой эпохи относятся по содержанию своему къ концу 16 вѣка. Итакъ между „Словомъ“ или „Словами“, если примемъ, что ихъ было много, которыя были составлены въ 12—13 вѣкѣ, и самыми ранними думами лежитъ пустое пространство въ три—четыре столѣтія, о которомъ мы ничего не знаемъ. Но мы можемъ живо представить себѣ всѣ скорби, которыя претерпѣлъ южнорусскій народъ въ эту пору грозной тишины. Вѣчная скорби, которую окрашено все до настоящаго времени въ народной южнорусской поэзіи, говорятъ слишкомъ ясно, что это были за времена. Если ужъ одно воспоминаніе, спустя цѣлыя вѣка, вызываетъ на глаза слезы, что же было на дѣлѣ? Южнорусскіи отличался богатствомъ чувства, былъ склоненъ къ сентиментальности; долговѣчное страданіе еще больше его

*) Главнѣйшее основаніе чисто книжной имитациі „Слова“ въ „Задонщину“ я нахожу въ упоминаніи Бояна, которому нѣтъ никакого псевда въ „Задонщину“. Кажется также, что авторъ „Задонщины“ даже не понялъ роли, которую Боянь играетъ въ „Словѣ“. Въ „Словѣ“ Боянь былъ олицетвореніемъ русскаго народнаго творчества о славіи старыхъ временъ, начиная съ Владиміра; авторъ „Задонщины“, не зная этого, преувеличиваетъ его функцію и говоритъ, что Боянь пѣлъ славу *всѣмъ* русскимъ князьямъ подъ рядъ: „первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу, Ярополку, Владимиру Святославичю, Ярогладу Владимировичю“. Это ничто иное, какъ безмысленная амплификація.

такъ настроило. И въ послѣдствіи поставленный между двухъ вражескихъ огней, между Турчиномъ и Ляхомъ, вѣчно притѣсняемый и гонимый съ той и съ другой стороны, а иногда и съ обѣихъ, онъ долженъ былъ, правда, одичать въ своихъ обычаяхъ—близорукая Европа и теперь еще страшится казака,—но его душа, которой чистѣйшее выраженіе было въ народной пѣснѣ, осталась все такою же доброю, мягкою, чувствительною Южно-руссь не имѣлъ бы недостатка въ сюжетахъ, подобно Сербу, если бы въ своихъ пѣсняхъ захотѣлъ прославить богатство, храбрость и отвагу своихъ витязей, но онъ предпочитаетъ вспоминать свои тяжкія скорби, свои страданія за вѣру Христову. Это было задачею его думъ казацкаго періода совершенно такъ же, какъ, кажется, и прежнихъ дотатарскихъ.

Число думъ, о которыхъ можно съ увѣренностью сказать, что онѣ чисто народныя, въ настоящее время оч. незначительно. Когда то, напр. еще въ прошломъ столѣтіи, ихъ было значительно больше, но никто не позаботился о ихъ собраніи. Нѣтъ сомнѣнія, что польская интеллигенція въ 17 и 18 вѣкѣ хорошо знала русскія думы, это видно еще изъ того, что нѣкій польскій писарь Станиславъ Теберскій, въ книгѣ, напечатанной въ Краковѣ въ 1669 году (*Chronologia synoptica palmitis Corybutei* 16—17), изложилъ по латыни содержаніе одной думы: о мученической смерти Дмитрія Вишневецкаго (1564), которая еще и теперь поется, хотя уже и не о Дмитріи Вишневецкомъ, но о нѣкомъ Байдѣ (ср. у Антоновича и Драгоманова, № 40). Жегота Паули напечаталъ даже изъ старой рукописи, XVII, повидимому, вѣка, одну пѣсню о взятіи Варны, которая, хотя и не есть настоящая дума, но очень похожа на думу. (Ж. Паули, *Pieśni ludu ruskiego w Galicyi*, I. 134). Въ польской литературѣ 16 и 17 вѣка упоминаются чаще пѣсни съ названіемъ, «дума», и это слово получило гораздо болѣе широкое значеніе и стало употребляться какъ для всякой жалобной пѣсни, такъ и для малорусской думы; напр. Петрусу, польскій философъ 16—17 вѣка († 1626), въ переводѣ Аристотелей политики въ одномъ своемъ примѣчаніи говорить: «Иное пѣніе нѣжное, каковы плачи, думы; иное пѣніе мужское, какъ на войнѣ. Греки давали имъ постоянныя имена отъ областей: Дорійскія, Фригійскія, подобно тому, какъ у насъ Русскіе плачи, Подольскія думы»^{*)}.

^{*)} Insze jest śpiewanie pieszczone, jako są lamenty, dумы; insze śpiewanie mężkie jak na wojnie. Dawali im Grecy pewne przezwiska od powiatów Doryka, Frydika, jak u nas *Ruskie lamenty, Podolskie dумы*.

Замѣчательно, что польскій философъ относитъ подольскія думы къ женскимъ, лирическимъ пѣснямъ (*śpiewanie pieśszzone* = нѣжное пѣніе); какъ кажется, онъ ихъ не зналъ ближе по содержанию, но судилъ по вѣншимъ признакамъ, по пѣнію, полному чувства, подъ музыку на многострунной бандурѣ или кобзѣ. Повесть Czahrowski (1597) обращается однажды къ своей лирѣ съ такими словами: „скажи, благодарная моя кобза, знаетъ ли что твоя дума*”), это, конечно, лишь фигура, но вполне заимствованная изъ народной малорусской поэзіи, гдѣ кобза и дума—неразлучные друзья **).

§ 36. Уже прежде коротко упомянуто, что нынѣшнія думы и нынѣшнія былины не имѣютъ почти ничего общаго въ содержаніи. Кромѣ Олексія Поповича и очень проблематическаго Чурила (чаще Журило), который встрѣчается лишь въ одной свадебной пѣсеннѣ (ср. № 18 у Антоновича и Драгоманова)—доныцѣ не нашлось ничего.

Но свидѣтельства изъ XVI и XVII столѣтій, что въ то время Кіевъ еще что зналъ объ Ильѣ Муромцѣ и другихъ «богатыряхъ», оправдываютъ, по моему мнѣнію, гипотезу тѣхъ литературныхъ историковъ (напр. Ор. Миллера), которые изъ-за новаго слоя нынѣшнихъ южно-русскихъ думъ (т. е. думъ казацкихъ) разыскиваютъ старинный слой южно-русской эпикѣ, предполагаютъ старинныя южнорусскія думы (ср. Слово о полку Игоревѣ), содержаніе

*) *Powiedź wdzięczna kobzo moja, umie li co дума twoja.*

1) Въ польской пѣсни „*światowa rozkosz*“ (Героина Моритина 1606 г.) упоминаются „думы“ именно, какъ принадлежность казака:

.... Обокъ стоятъ буйное стадо каза- obok przeraźliwe stado <i>kozactwa</i>
ковъ: ему играютъ трубачи войну вспо-	stoi: tym surmacze grają <i>wajnopamięt-</i>
минающія думы ..	<i>ne dумы</i> .. и нѣсколько далѣе:

Казакамъ буйные трубачи игра-	<i>Kozakom też surmacze przeraź-</i>
ють военныя пѣсни, къ которымъ они	<i>liwi grają psalmi wojenne, których</i>
усердно прислушиваются.	<i>tak trzezwo słuchają.</i>

Поэтъ не затрудляясь называлъ малорусскія пѣсни „военными псалмами“.

Въ книгѣ „*Oekonomia albo porządek zabaw ziemianskich*“, изданной въ 1648 году въ Краковѣ (перепечатанной въ II т. кн. „*Biblioteka starożytna*“), упоминается тоже кобза, какъ принадлежность Украини: „На веселой скрипкѣ заграмини, на Украинской кобзѣ. W sekwyrce zagrawszy skoszno, w *kobzę ukraińską.* стр. 237.

которыхъ, по всей вѣроятности, было такое же, какое мы имѣли въ великорусскихъ былинахъ, пока время и ихъ не истребило, пощадивъ лишь главную основу, т. е. нѣскольکو личныхъ и мѣстныхъ именъ.

Южнорусская эпика служить крупнымъ доказательствомъ главной мысли, которую старается подтвердить мое настоящее изслѣдованіе; она вновь подтверждаетъ оч. знаменательнымъ образомъ, что эпическая поэзія не такъ легко утрачивается тамъ, гдѣ ея таинственный источникъ лежитъ въ духѣ народа. Цѣлые вѣка была большая часть южнорусскаго народа въ государственномъ единеніи съ польскимъ племенемъ, господство польской шляхты проникло глубоко въ предѣлы южнорусскіе—и что же мы видимъ? Не было южнорусское племя настолько сильно, чтобы передать или навязать свою эпическую поэзію польскимъ сосѣдямъ, ни эти польскіе сосѣди, или скорѣе господа, не могли истребить тотъ особенный поэтическій даръ у своихъ русскихъ племенниковъ. Вѣка пораженія, страданія, смѣнившіеся вѣками борьбы и стоянія на стражѣ между двухъ враговъ, не были достаточно сильны, чтобы уничтожить южнорусскую эпiku, они могли вытѣснить изъ души народа память объ однихъ и замѣнить ее памятью о другихъ событіяхъ: содержаніе южнорусскихъ думъ подвергалось перемѣнамъ, но обликъ и вся основа остались неизмѣнными.

Этимъ я желалъ подтвердить самый фактъ, разъяснить его—не удалось еще никому и никогда не удастся. Это остается для насъ точно такъ же тайной, какъ то напр., чего мы не сумѣемъ объяснить, почему изъ нѣсколькихъ родныхъ братьевъ у одного брата есть особая наклонность къ музыкѣ, у другого къ поэзіи, у третьяго ни къ тому, ни къ другому и т. д. Ничто подобное мы, действительно, видимъ и у славянскихъ братьевъ: братъ Чехъ одаренъ особою способностью къ музыкѣ, Полякъ—къ танцамъ; сравнительно съ этимъ и ихъ народная поэзія отличается лирическою нѣжностью, живою подвижностью мысли и выраженія, но она не обнаружила ни искусства, ни наклонности къ широкой и спокойной эпикѣ, содержаніе ихъ эпическаго вѣка осталось выраженнымъ въ сказкахъ, сагахъ, которыя не сложились въ поэтическій кругъ, не приняли поэтическаго облика. Въ противоположность тому „братъ“ Русскій и „братъ“ Сербъ, члены той же славянской семьи, не прильнули съ такой же охотой ни къ музыкѣ, ни къ танцамъ, къ обоимъ искусствамъ они менѣе способны, ме-

нѣе живы; но ихъ серьезный, спокойный характеръ пришелся весьма кстати къ эпической поэзіи, которой явились на помощь событія изъ ихъ жизни, ихъ исторіи. Итакъ ихъ сила обнаруживается въ эпическихъ народныхъ пѣсняхъ. Труднѣе найти главныя черты народнаго характера у нѣкоторыхъ другихъ братьевъ, напр. у Болгаръ и Хорватовъ, которые, кажется, рѣшительно примыкаютъ къ восточной, эпикой одаренной половинѣ Славянства, межъ тѣмъ какъ Словенцы сближаются съ тою второй, западной, лирической половиной ¹⁾.

VII.

Югославянскія изтолпи либо не говорятъ о нихъ, либо очень мало. Обязательства изъ 14, 16, 17 и 18 столѣтій. Далматинско-дубровницкая письменность исключаетъ одобреніе народную поэзію. Сладки народной поэзіи у старѣйшихъ хрватскъ, у Гекторича, Гундулича, Палькотича. Первые собраны въ 16 вѣкѣ. Качать.

§ 37. Посмотримъ еще на минувшее народную поэзію у южныхъ Славянъ. И здѣсь прошли королевства и царства, не внеся ни одного воспоминанія въ великую книгу народной исторіи, не записавъ ни одного пѣвца, ни одной пѣсни на пустую страницу письменныхъ традицій. Если станешь

¹⁾ Если бы кому показалось страннымъ, почему нѣкоторые Славянскія племена не показали ни образцовъ, ни искусства въ народной эпикѣ,—тогда пусть приметъ въ соображеніе, что такъ было и у другихъ народовъ. Довольно будетъ привести въ примѣръ французскій народъ. Сѣверная Франція имѣла съ VI по X вѣкъ множество эпическихъ народныхъ пѣсенъ: изъ нихъ въ XI—XIII вѣкѣ развились безчисленныя *Chansons de Geste* (считается около 80 такихъ эпопей, а все богатство рукописное превышаетъ 800!) а *южная Франція* не участвуетъ въ этомъ изобиліи, кромѣ одной пѣсни: все остальное заимствовано съ сѣвера. И у Французовъ, думалъ нѣкогда извѣстный M. Fauriel, надо спасти честь французскаго юга и ему уступить часть французской эпикѣ, но „Les arguments superficiels dont faisait bruit le patriotisme méridional de M. Fauriel ont été ruinés par une critique plus pénétrante et l'on s'accorde à reconnaître que, sauf une exception, la littérature provençale ne compte d'autres poèmes épiques que ceux qu'elle a traduit ou imités de l'épopée du Nord.“ M. Ch. Aubertin, *Histoire de la langue et de la littérature française au moyen âge*. I. Paris, 1876, 152; ср. также *Bibliothèque de l'École des Chartes* XXVIII, 40—50, изслѣдованіе П. Меѣра о провансальской эпикѣ.

листъ за листомъ перебирать записки то домашнихъ, то иноземныхъ писателей о жизни югославянскихъ народовъ,—одна кровавая черта тянется съ начала до конца: вѣчный раздоръ внутренней, нападеніе извнѣ, грабежи, пожары и кровопролитія, насиліе и жестокость—такими чертами описано югославянское минувшее въ мемуарахъ, лѣтописяхъ и актахъ того времени. О многихъ сторонахъ народной жизни, о большинствѣ народныхъ институцій въ семьѣ и общинѣ, о различныхъ обычаяхъ народа—для такихъ свойствъ не имѣетъ перо ни чужого, ни туземнаго писателя никакого импульса. Кто напр. не цѣнитъ высоко Ѳому, архидиакона сплѣтскаго? Акую же картину прошедшаго рисуешь его изложение? Всяма печальную. Хорватскій элементъ былъ въ презрѣніи и гоненіи и съ неслыханною жестокостью вытѣснялся сплѣтскими „латинскими“ господами. По одному случаю возстали Сплѣтяне противъ „Хорвата“ Волчеты, который утвердился было въ городѣ Острогъ со своимъ родомъ. Вотъ что объ этомъ рассказываетъ образованный латинецъ: лишь только Сплѣтяне получили въ свои руки непріятелей съ женами и дѣтьми, то ихъ связанныхъ повлекли къ себѣ. Тогда „*in toto consilio*“ разорили у нихъ все, не пощадивъ ни церквей, даже гробовъ не оставили въ покоѣ, но „*sparsim ea proiecerunt in campum.*“ Плѣнниковъ бросили въ тяжкую неволю, гдѣ они три дня „*sine cura jacentes, cum famis sitisque tabescentia resoluti tum carceris squalore suffocati, plures eorum ibidem expirarunt.*“ (сар. 30). Ѳома не находить нужнымъ ни однимъ словомъ упрекнуть за такую жестокость. Могли ли впоследствии и Турки, смѣнившіе латинскихъ господъ, поступать свирѣпѣе? Вотъ видите, изъ какого матерьяла слагалась народная мысль о латинской невѣрности. Кто захочетъ ждать тонкихъ описаній о жизни и обычаяхъ народа, на который смотрѣли съ такимъ презрѣніемъ, или отъ котораго отворачивались съ ужасомъ? Эта одна черта объясняетъ намъ, почему о народной поэзіи Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ не слышно почти ничего до начала XVI вѣка, пока славянскій элементъ въ Далмаціи и Дубровникѣ не достигъ культурнаго и литературнаго развитія.

§ 38. Прежде чѣмъ перейти къ народной далматинско-дубровницкой литературѣ, я хочу привести два—три мѣста, которыя мною найдены въ разныхъ историческихъ источникахъ.

Византійскій лѣтописецъ Никифоръ Грегора описываетъ свое путешествіе 1325—26 г. чрезъ Македонію и Сербію. Дойдя на Пасху до Струмицы, онъ сожалѣетъ, что не можетъ съ

цареградскою торжественностію провести праздникъ, потому что жители этого города простаиваютъ: „ибо они говорятъ на варварскомъ языкѣ“—(quippe quum barbara fere lingua utantur) и земледѣльцы: „имѣютъ такіе нравы, которые достойны плуга и кирки“—(et iis moribus qui agratrum et ligonem imprimis deceant). Особенно греку не нравится болгарскій языкъ и пѣніе: „они издавали звуки, которые, будучи полуварварскими, безъ всякой взаимной связи, не могли быть названы ни полулидіійскими, ни полуфригійскими, и скорѣе звучали позвѣрски, дико, на подобіе голосовъ кочевниковъ, которые поютъ, идя впереди своихъ стадъ по лѣсамъ и горамъ“—(neque enim cum sonum edebant qui etsi semibarbarus tamen modulatus foret et aliquis ipse quoque esse censeretur et semilydius et si fas dicere semifrygius, sed belluinum plane et montanum sonabant, quo ritu nomades ipsi caperent, gregibus suis praeceuntes ad juga et silvas). Когда послѣ церковной службы онъ пошелъ на отдыхъ, смотрѣль, какъ жители этого города, Болгары, празднуютъ свѣтки и праздникъ *шраниемъ кола*: „Тамъ мы остались цѣлый день, частію ради важности праздника, частію ради отдохновенія и освѣженія духа, и, глядя со стѣнъ, какъ съ облаковъ, на низлежащую равнину, видѣли мы все, что происходитъ въ праздники: хороводы мужей, юношей и мальчиковъ“—(ibi quum toto die consisteremus partim solemnitatis reverentia partim acquiescendi et recreandi animi causa, e moenibus tamquam e nubibus in subjectam vallem prospectantes, tum alia quae in festivitatibus fieri solent tum *choreas virorum, adolescentum et puerorum* spectabamus). Въ его свитѣ были Болгары и Сербы. Путешествуя по пустыннымъ мѣстамъ, лѣсамъ и дебрямъ, гдѣ и разбойниковъ надо было бояться, удивляется Грекъ, что тѣ его спутники не боятся подобно ему, но поютъ въ грустной мелодіи славу юнаковъ, которыхъ онъ не слышалъ, не видѣлъ. (τῆς γὰρ μὲν ἐπομένης θεραπείας οἷς οὐδὲ πάντοτε τῶν παρόντων ἔμελλε φόβων ἦσαν οἱ φωναῖς εὐχρῶντο καὶ μέλεσι τραγικοῖς ἦδον δ' ἄρα κλέα ἀνδρῶν ὧν οἶον κλέος ἀκούομεν οὐδὲ τοι ἴδομεν). Ихъ пѣнію вторило эхо по тѣснинамъ, усиливая шумъ, который и безъ того былъ грозенъ, что ему, бѣдному, еще больше страха задавало. Позже онъ, какъ умѣетъ, живо описываетъ этотъ эффектъ лѣснаго эха: „окружающія насъ ущелья и глубины окрестныхъ горъ, какъ живые воспринимая звуки и сохраняя ихъ всецѣло, поочередно звучали въ отвѣтъ, какъ бы участвуя въ хороводѣ и отвѣчая на мелодію мелодіей.“ (αἱ τε περὶ ἡμᾶς φάροντες καὶ ὅσα μεταῦ κοιῶν τῶν περὶ ὀρῶν περιλαμβανούσαι τὴν κραυγὴν καὶ ὡς περ εἰμυχοὶ τινες ἀκῆρατον φυλάττουσαι

τάυτην καὶ ἀπαθῆ καὶ τῶν ἄρθρων ἰσοίως ἔχουσαν κατὰ διαδοχὴν οἷον ἀντήχουσαν καὶ ἀντερώουσαν ὡς περ ἐν ταῖς χορείαις ἐπόμεναι καὶ αὐταὶ καὶ ἀντάδουσαι πρὸς τὸ τοῦ μέλους ἐνδύσιμον). Какъ ни обще это мѣсто, тѣмъ не менѣ заслуживаетъ, чтобъ къ нему нѣсколько ближе присмотрѣться. Какъ я сказалъ, этотъ рассказъ относится къ 1325 г. Самые славные юнаки, о которыхъ поетъ нынѣшняя юнацкая сербская или болгарская пѣсня, Релја († 1343), Момчило († 1360), Кралевичъ Марко († 1394), Вукашинъ и Угльша († 1371), Богданъ Югъ, Лазарь, Вукъ, Милошъ и т. д. относятся по своимъ подвигамъ къ позднеjšíшему 1325 года времени. И тѣмъ не менѣ указываетъ Грегора, что его спутники пѣли κλέα ἀνδρῶν. Итакъ мы получаемъ въ словахъ греческаго путешественника, насколько угодно намъ ему вѣрить, — противъ чего я не вижу основанія, — очень важное свидѣтельство о давней сербско-болгарской эпикѣ, которой содержаніе было болѣе раннее, болѣе древнее, чѣмъ то, о которомъ теперь поется. Новое подтвержденіе для моей мысли, что народная эпика не начинается неожиданно, какъ также скоро и не устанавливается, но ея содержаніе лишь мѣняется, при чемъ новые сюжеты вытѣсняють старыя; но обликъ пѣсенъ, весь эпическій матерьялъ остается. По свидѣтельству Никифора Грегора, отходить сербско-болгарская эпическая поэзія назадъ къ эпохѣ, предшествовавшей турецкому нашествію, въ 13, 12 и т. д. вѣкъ. Кто сумѣетъ теперь сказать, о чемъ пѣлось въ то время? Этого мы за вѣрное не знаемъ, но до известной степени можемъ предполагать, что то были пѣсни о разныхъ подвигахъ, можетъ быть, даже о тѣхъ князьяхъ, о которыхъ много говорить дуклянскій лѣтописецъ. Вообще весь этотъ „libellus Gothorum“ содержитъ столько поэтическихъ вещей, что легко можно повѣрить, что неизвѣстный компиляторъ черпалъ матерьялъ, по крайней мѣрѣ, отрывками, изъ народныхъ пѣсенъ *). Но если мы не можемъ уже знать, что было пред-

*) Когда это было написано въ текстъ, я получилъ послѣдній выпускъ (XI и XII) журнала „Периодическо Списание“, гдѣ почтенный болгарскій историкъ М. Дриновъ высказалъ ту же мысль о такъ наз. дуклянской хроникѣ. Онъ даже думаетъ, что хорошо извѣстный „Прелимиръ“ былъ болгарскій юнакъ народныхъ пѣсенъ и изъ пѣсенъ попалъ и въ хронику, и въ помянникъ болгарскихъ царей. Дриновъ нашелъ въ одномъ помянникѣ „Плѣнмира“ и думаетъ, что „Прелимиръ“ — лишь испорченная форма вмѣсто „Плѣнмира“. Г. Дриновъ могъ бы сослаться въ доказательство тождественности на

метомъ этихъ давнихъ пѣсенъ, этихъ κλέα ἀνδρῶν, я полагаю, что мы можемъ, по крайней мѣрѣ, сказать положительно, что тогдашнимъ пѣснямъ, еще болѣе, чѣмъ теперешнимъ, недоставало внутренняго единства, одного эпическаго круга и эпической связи, которыми содержаніе многихъ пѣсенъ связывается одно съ другимъ. Другими словами, тогдашнія эпическія пѣсни не создали еще своего Марка Краевича, и само собою понятно, почему нѣтъ: изъ исторіи извѣстно, что до турецкаго вторженія ни одна великая объединяющая идея не сдѣлалась настолько общою и настолько широко не завладѣла всѣмъ сербскимъ и болгарскимъ народомъ, какъ теперь идея борьбы противъ лютаго врага христіанства. Итакъ четырнадцатое и пятнадцатое столѣтіе дало новый сильный импульсъ народной эпикѣ: появленіе Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ и паденіе христіанскихъ державъ— эти два событія породили новый эпическій вѣкъ, новую эпическую поэзію. Сербы и Болгары были покорены раньше и тяжеле, чѣмъ Хорваты: потому и эпическая поэзія получила характеръ сербскій и болгарскій. Правда, ускоки и другіе переселенцы изъ Старой Сербіи, Герцеговины, Босны и другихъ внутреннихъ земель разнесли на западъ и сѣверъ, въ Далмацію, Приморье, Хорвацію и Славонию,— славу сербскихъ эпическихъ юнаковъ, какъ напр. Краевича Марка, во всѣ страны сербскаго и хорватскаго народа: и сербская эпика сдѣлалась въ то же время и хорватскою. Этимъ я не думаю сказать, что Хорваты не имѣли другой эпической поэзіи, кромѣ полученной съ востока, но только, что большая слава юнаковъ, вращающихся около косовской катастрофы и первыхъ турецкихъ войнъ, затмила многіе, менѣе значительные сюжеты.

§ 39. Еще древнѣе свидѣтельства, о которомъ шла только что рѣчь, было бы то упоминаніе эпическихъ пѣсенъ, (если бы нашлось какое-нибудь подлинное ему подтвержденіе), которое по Лукарию приводитъ Аппендини *).

форму „Plerimirus“ (ср. въ изданіи Чричича стр. 36), которая дѣйствительно отъ близка къ болгарскому „Плѣниміру“. Тѣмъ не менѣе это еще только предположенія (Пер. спис. XI--XII, 1876, 115).

*) Il Luccari parlando dei Narentani racconta, che un loro Principe già prima del 1.000 proteggeva molto i Ragusei, perchè con siffatte istorie eternavano le imprese dei principi slavi (Not. ist. crit. II. 256).

*

Лукарія подѣ рукою и не знаю, разумѣлъ ли онъ подѣ словами „siffatte istorie“ именно народныя пѣсни; но только изъ исторіи вообще извѣстно, что самый городъ Дубровникъ никогда не былъ колыбелью *) эпическихъ пѣсенъ, но получалъ ихъ изъ Герцеговины, Босны, Конавля и Приморья. И общенія Перечанъ съ Дубровничанами легко угадать причину: на это не надо никакой романтической любви.

И такими извѣстіями, гдѣ даже общё говорится о весельи и пѣвнн, не богаты лѣтописныя сказанія о югославянскихъ областяхъ. Конечно, несчастнымъ областямъ рѣдко и приходилось думать о пѣвнн. Когда въ 1344 г. дошла до жителей Задра вѣсть, что угро-хорватскій король идетъ къ нимъ на помощь, въ городъ была великая радость, о которой „anonimus“ пишетъ такъ (Schwandtner, III. 679): „Весь народъ веселится и наполненъ невыразимую радостію... Веселья пѣсни подѣ звуки колоколовъ и трубъ раздаются по всему городу“ **). И немного позже по тому же поводу: „На улицахъ происходятъ удивительныя сочетанія звуковъ гимновъ и сонетовъ; пріятныя мелодіи смѣшиваются съ звуками лиръ и трубъ, весь народъ веселится“ ***). Полвѣка спустя (1402 г.) было одинаковое веселье въ Задрѣ, когда вступилъ въ него намѣстникъ короля Ладислава, по имени Алоизій, о которомъ современникъ (Paulus de Paulo) говорить такъ: „послѣ завтрака начались танцы и хороводы въ домѣ сера Лудовика де Метафарисъ“ ****)..

§ 40. Когда въ 1531 г. изъ Вѣны было отправлено посольство въ Царьградъ, къ нему присоединенъ былъ, въ качествѣ секретаря, словенецъ Курипешичъ или Курипечичъ, который описалъ путешествіе это въ рѣдкой книгѣ: Itine-

*) Ср. объ этомъ Макушева, Исслѣдованія объ ист. памятникахъ Дубровника. Спб. 1867. 73.

**) Totus vulgus laetatur, inaestimabilem suscepit laetitiam, tripudia et choreas per vicos discurrere compellitur. Nam tota civitas ingenti exultat gaudio, nunc cantica suavia cum melodiis, campanis ac tubis totam urbem circummeundo discurrunt.

***) Fiunt per vicos mirabilia modulamina vocum, hymnorum et sonetorum, cum tubis et liris miscent suaves melodias, tota plebs laetatur (ib. 685).

****) Post prandium tripudia et chorea in domo ser Ludovici de Metafaris in logia et per plateam cum dominabus Jadrensiis (Schwandtner. III. 747).

garium, Wegraiss etc. Тамъ уже прямо упоминаются сербскія или хорватскія народныя пѣсни, даже имена нѣкоторыхъ юнаковъ: „1. О Малькошицѣ и подвигахъ его много поютъ въ Кроации и Босниі. 2. О подвигахъ вѣрнаго слуги воеводы Павловича изъ Радаселя поютъ еще много пѣсенъ Босняки и Кроаты; 3. О Кобиличѣ до настоящаго времени поютъ въ Кроации много пѣсенъ“. (1. von Malkoschitz thut man viel in Croatien und Bossen von seinen redlichen thaten singen, 2. von den ritterlichen thaten des treuen dieners des herzogs Pavlovitz von Radasel genannt singen die Bossner und Crabaten noch viel lieder, 3. von dem Khabilouitz werden noch jetzt in Krabaten und der ende viel lieder gesungen) *). Это свидѣтельство вдвойнѣ замѣчательно: изъ него видно, что въ началѣ 16 вѣка сюжеты пѣсенъ о Косовской катастрофѣ перешли тѣсныя сербскія границы, ибо о Кобиличѣ (Милошѣ Обиличѣ) много пѣлось „in Crabaten“. Но о двухъ другихъ юнакахъ, Радосавѣ Павловичѣ и Малкошичѣ, нѣтъ теперь народныхъ пѣсенъ, которыя бы это подтверждали. Правда, воевода Радосавъ упоминается (ср. у Миклошича Volkserik, вып. 1, стр. 8) однажды такъ, что подъ нимъ можно бы разумѣть Радосава Павловича, босанскаго воеводу, о которомъ говорятъ акты у Миклошича подъ 1420 и сл. г.; но, по словамъ Курипешича, слѣдовало бы ожидать какихъ-то пѣсенъ именно о славныхъ подвигахъ вѣрнаго слуги Радосава Павловича, — а такія пѣсни мнѣ неизвѣстны. О Малкошичѣ я не знаю также ничего. Такимъ образомъ оч. краткое извѣстіе наводитъ насъ на всевозможные вопросы, которыхъ теперь мы болѣе не въ силахъ рѣшить; итакъ мы снова убѣждаемся о большой переменчивости сюжетовъ народной эпикѣ, по крайней мѣрѣ, той ея части, которая не сформировалась еще въ болѣе прочный эпическій циклъ.

Омадьяренный сербъ, Антонъ Вранчичъ, описываетъ свое путешествіе изъ Буды въ Адрианополь въ 1553 г.: Въ его путешествіи есть довольно интересныя черты объ этихъ областяхъ, начиная отъ Бѣлграда, особенно о костюмахъ

* Я получилъ эти слова, благодаря проф. Миклошичу, въ нѣмецкомъ оригиналѣ; но изъ статьи Ч. Міатовича (Гласникъ, XXXVI, 159) я узнаю, что путешествіе Курипешича въ 1864 г. напечатано въ сербскомъ переводѣ въ *Видост Дань*.

болгарскихъ женщинъ и дѣвицъ (ср. въ изданіи Фортиса *) на стр. XXVII—XXIX). О народныхъ пѣсняхъ, правда, не говорится ничего, но, когда былъ онъ подѣ Балканомъ у мѣстечекъ Клисурѣ и Ветрена, говорить, что ему рассказывали жители этихъ странъ, что эту Клисурѣ (село называлось Суха-Клисурѣ) построилъ или *Новакъ Дебелякъ или Кралевичъ Марко* (Clyssuram alii Novak Debeglie vocant alii Marci Kraglievith regulorum Graeciae). Къ этому я тутъ же прибавлю, что также и чешскому путешественнику Вячеславу Вратиславу изъ Митровицъ (1592—1595) показывали развалины какого-то замка въ тѣснинахъ у Ихтимана, гдѣ обиталъ послѣдній болгарскій деспотъ *Марекъ Карловичъ* (т. е. Марко Кралевичъ); и Герлахъ, въ своемъ дневникѣ путешествія по Турціи 1573 и 1578 г., говорить, что ему недалеко отъ Пярога о развалинахъ одного замка рассказывали жители этой околицы, что это дворы *Милоша Обилича*, того самаго, что убилъ Мурата: „Кромѣ площади имѣлъ онъ (городъ) крѣпость, отъ которой еще уцѣлѣли четыре крѣпкія башни, окруженныя стѣною. Христіане говорятъ, что здѣсь жилъ Милошъ Кобиличъ, ко-

*) Это путешествіе впервые напечатано въ приложеніи къ изданію Фортиса *Viaggio in Dalmazia, vol. I, Venezia, 1774*, подъ заглавіемъ: *Iter Buda Hadrianopolim anno MDLIII exaratum ab Antonio Verantio*. Путешествіе совершенное изъ Буда въ Адрианополь Антоніемъ Вранчичемъ. Вранчицъ, хорошо знавшій сербскій языкъ, не испортилъ имена по обычаю другихъ путешественниковъ—иностраницевъ. Кромѣ упомянутыхъ чертъ упомяну изъ него еще одинъ эпизодъ „вражды“ въ Болгаріи (на стр. XXXIII, о „далматинской „враждѣ“ есть обширныя данныя въ соч. Луція: *Memorie die Trau*, стр. 514 сл.) и сказаніе о Траянѣ: „я удивился, что память о таковомъ императорѣ до сихъ поръ сохранилась у такихъ варваровъ“. (*Miratus sum tanti imperatoris memoriam adhuc apud tam rudes barbaros superesse*), прибавляетъ Вранчицъ (XXI) къ тому, что жители этихъ городовъ умѣли объяснить о Траяновомъ пути: „мы на мѣстѣ узнали изъ разсказа нашего хозяина, что дорога, по которой мы шли, проложена была по римскому способу и что она, называясь Траянскою, начинается у Бѣлграда и оканчивается у Константинополя“. *Hoc primum loco hospite nostro nobis referente didicimus viam qua pergebamus stratam esse in romanum morem et Trajanam appellari sumereque initium apud Belgradum et ad Constantinopolim desinere*). Ради извѣстной мнѣнности, которую одѣтъ Траянъ въ сказаніяхъ Югославянъ, это мѣсто замѣчательное.

торый убилъ турецкаго султана Мурата.*). Для топографіи народныхъ сагъ и эти два-три извѣстія не безынтересны.

Извѣстный ученый путешественникъ и австрійскій дипломатъ 16 вѣка Бусбекъ (Busbequius) даетъ въ своемъ путешествіи въ Царьградъ (Itinerarium) также нѣкоторыя черты изъ народной жизни Сербовъ и Болгарь. Дойдя до Ягодина на Моравѣ, говорятъ, что видѣлъ сербскій народный обычай при погребеніи и слышалъ *наричанье (заплачку)*. Вотъ его слова**): „Перейди рѣку, называемую у жителей Моравою. мы пришли въ сербскую деревню Ягодгу, гдѣ видѣли погребальные обычаи сербскаго народа, весьма отличные отъ нашихъ. Тѣло лежало въ церкви съ открытымъ лицомъ; возлѣ лежало хлѣбъ, мясо и вино; подлѣ стояли супруга и дочь, одѣтыя въ лучшее платье; головою уборъ дочери былъ изъ павлиньихъ перьевъ; послѣдній подарокъ, которымъ жена даряла мужа уже мертваго; шляпа ея была пурпуровая, какия тамъ носятъ знатныя дѣвицы. Послѣ этого мы слышали сѣтованія и печальныя пѣсни и рѣчи, съ которыми обращались къ мертвому: „чѣмъ мы тебѣ не услужили? чего тебѣ не доставало: какого утѣшенія? зачѣмъ ты однихъ насъ оставляешь въ бѣдѣ?“ и т. п. Священникъ былъ греческаго исповѣданія. На кладбищѣ возвышалось на кольяхъ и шестахъ много изображеній оленей, лошаковъ и подобныхъ животныхъ, сдѣланныхъ изъ дерева,—и когда мы спросили о значеніи этого, то получили въ отвѣтъ, что отцы хотѣли этими изображеніями выразить лютость и прилежаніе женъ и дочерей при отправленіи ихъ домашнихъ занятій. На нѣкоторыхъ могилахъ повѣшены были волосы, которые помѣстили тутъ женщины и дѣвицы, въ знакъ горя, при похоронахъ своихъ

*) Ausser dem Marck hat es ein Schloss gehabt, davon stehen noch 4 hohe feste Thyrmen mit einer Ringmauern umgeben. Die Christen sagen, dass *Milosch Coboli*, welcher den türkischen Kaiser Murat erstochen, da seine Wohnung gehabt habe (Tagebuch Stephan Gerlach des älteren, Frankfurt, 1674; fol. p. 522).

***) Это мѣсто изъ Бусбека по нѣмецкому изданію: Vier Sendschreiben, Nürnberg 1664, перевелъ на сербскій аз. Ч. Міяговичъ въ „Гласникъ“ кн. XXXVI, 200—201, откуда оно вошло и въ книгу Милчевича: *кнежевина Србија*, стр. 185—187.

родныхъ*). Изъ короткаго описанія, которое дѣлаетъ Бусбекъ, видно, что старинное *нарицанье* было одинаково съ нынѣшнимъ**): главная у него форма *рядъ вопросовъ* (ср. нынѣшніе примѣры у Вука I. 89—97, Ковчежець 98—117), чего

*) Transgressi fluvium ab incolis Moravam dictum devenimus in pagum Servianorum *Jagodnam*, ubi ejus gentis ritus funebres vidimus, multum a nostris abhorrentes. Erat cadaver in templo positum detecta facie, juxta erant apposita edulia panis et caro et vini caltharus, adstabant coniunx et filia melioribus ornata vestibus, filiae galerus erat ex plumis pavonis, supremum munus quo maritum iam conclamatum uxor donavit, pileolum fuit purpureum, cuius modi virgines nobiles illic gestare solent. Inde *lessum audivimus et naenias lamentabilesque voces, quibus mortuum precunctebantur: quid de eo tantum meruissent, quae res quod obsequium quod solatium ei defuisset? cur se solas et miseras relinqueret?* et huius generis alia. Sacerdotes muneri praeerant religionis graecae. Erant in coemeteriis *erectae in palos aut longurios pleraeque cervorum, hinnulorum et similibus ferarum de ligno dedolatae effigies*, earumque causam quaeremus, aiebant maritos vel patres eo monumento voluisse testari coniugum aut filiarum in abundis domesticis officiis celeritatem et diligentiam. Erant item ad plura sepulcra *arpensae comae* 1), quas mulieres aut puellae in funere necessariorum luctus indicium posuerant (въ Илуг. Sacr. VIII. 60).

1) Что о вѣшаньи косъ говорить Бусбекъ—подтверждаетъ и Герлахъ, какъ въ одномъ болгарскомъ селѣ видѣлъ онъ слѣдующее: „Могилъ съ оградой у изголовья былъ шесть и на немъ *женскіе волосы* и вѣночь изъ цвѣтовъ, изъ чего видно, что то была дѣвица“—(ein Grab mit einem Zaun umgeben, zu den Haupte steckte ein Pfahl und an demselben *Weiberhaar* und ein Kranz von Blumen, dass es muss ein Jungfer gewesen sein. (521).

**) Не имѣлось ли въ виду запретить оплакиваніе покойника, когда на шибенницкомъ соборѣ 1602 г. установлено: „Когда тѣло отнесутъ въ церковь, да не сообщаются съ нимъ женщины подь страхомъ отлученія“. (cum cadavera ad ecclesiam deferuntur, a mulieribus non associantur sub excommunicationis poena. Илуг. sacr. IV. 487)?

О *нарицаньи* и еще другихъ предметахъ при погребеніи есть также въ путешествіи Герлаха (Tagebuch. Frf. 1674, путешествіе относится ко времени императора Максимилиана и Рудольфа II, 1573, 1578) такое краткое извѣстіе: Буря и громъ побили за день предъ его приходомъ въ Паланку (на пути въ Смедерево) восемь человекъ. Онъ видѣлъ ихъ на другой день: „Лежали

нѣтъ въ русскихъ *причитаніяхъ*. Эти фигуры разныхъ животныхъ, какъ олени и пр., о которыхъ говоритъ Бусбекъ, наминаютъ намъ *надробные камни*, на которыхъ дѣйствительно олень встрѣчается часто (ср. Архивъ IV, снимки въ приложеніяхъ). Что говоритъ онъ о Болгарахъ (III гл. сасг. VIII. 247)—относится къ женскому костюму, и это здѣсь насъ не касается, подобно обычаю *подаванія* путникамъ *лепешекъ*

тамъ на зеленой травѣ одна женщина съ двумя дѣтьми, другая съ двумя дочерьми и сыномъ, всѣ въ своихъ обмывенныхъ костюмахъ, въ вышитыхъ рубахахъ, съ покрывалами и полураспущенными волосами. И были у нихъ головы убранны цвѣтами и пахучею зеленью. Кругомъ ихъ сидѣло много сербскихъ женщинъ, горевали и плакали надъ ними и пѣли свои жалобныя пѣсни, поочередно: двѣ или три одну строфу, и затѣмъ двѣ или три другія—другую. Потомъ пришли нѣсколько женщинъ, били себя въ грудь, рвали на себѣ волосъ, царапали себѣ щеки, такъ что кровь ихъ падала на покойниковъ, которыхъ они при этомъ цѣловали; и это дѣлалось при каждомъ порознь. Когда онѣ три часа кругомъ просидѣли, пѣли, горевали и плакали, имъ сдѣлали всѣмъ вмѣстѣ двѣ могильныя ямы, столь широкія, чтобы могли лежать въ одной трое, въ другой четверо на голой землѣ, въ одеждѣ и съ покрывкой бѣлыми покрываломъ. У изголовья и въ ногахъ, а также по обѣ стороны были поставлены доски и сверху тоже прикрыты досками, такъ что покойники т. обр. лежали въ ящикахъ. У каждаго подъ головою лежалъ кусокъ зеленого дерна. Когда покойники были положены, но еще не прикрыты, священникъ лилъ каждому на грудь красное вино и бросалъ на нихъ горстью землю во всѣ четыре страны свѣта. Я спрашивалъ о причинѣ этого, но получилъ въ отвѣтъ лишь то, что таковъ у нихъ обычай". *Lagen dorten auf einen grünen Platz ein Weib mit 2 Kindern, eine mit 2 Töchtern und einen Sohn alle in ihrer Kleidung wie sie zu gehen pflegen mit ihren ausgenäheten Hembdern, Schleyern und halb fliegenden Haaren. Und waren ihnen die Köpfe mit Blumen und wohlriechenden Kräutern besteckt. Umb sie herumb sassen viel servische Weiber, beklagten und beweinten sie und sangen ihre Klaglieder Rayhenweise ihrer 2 oder 3 ein Gesetzein und wieder 2 oder 3 andere auch eines. Darauf kamen etliche Weiber, schlugen an die Brust, rafften ihre Haar, zurrissen ihnen die Wangen, dass das Blut von ihnen auf die Todten fiel; die sie auch küssten. Also thaten sie bey einem jeden insonderheit. Und wie sie nun eine Stunde 3 umb sie herumb gesessen, gesungen, geklaget und geweynet, hat man ihnen allen 2 Gräber gemacht, so weit dass in dem einen 3 in dem andern 4 nebeneinander auf der blossen Erden, jedoch in ihren Kleidern und mit weissen Tüchern bedeckt gelegen. Oben zu den Häuptern und unten bei den Füßen auch zu beiden*

(погача) *). Упомянувъ о погребальныхъ обычаяхъ, Бусбекъ прибавляетъ еще короткое извѣстiе объ *умыкиванiи* (отмицъ) *дѣвицъ*, которое, по его словамъ, было еще въ общемъ употребленiи: „Мы слышали, будто въ этой странѣ существуетъ обычай, что, когда родители согласятся о бракѣ парня и дѣвицы, женихи похищаютъ дѣвицъ, и не считается безчестнымъ, если дѣвица соглашается быть въ связи до брака“ (**). Я полагаю, что тутъ особенно замѣчательна первая прибавка, которая не должна быть изъ головы Бусбека (ибо *oratio indirecta* это обозначаетъ), но какъ объясненiе самого народа. И дѣйствительно еще и теперь въ народѣ говорится: „сынъ по грѣху“, „ни по грѣху старе родители“ и т. д. ср. *Богишичевъ Сборникъ* 207.

Бусбекъ путешествовалъ въ 1564 г., а немного позже, именно въ 1573 и 1578 г.,—нѣмецъ Стефанъ Герлахъ, котораго дневникъ лишь въ 1674 г. увидѣлъ свѣтъ. И въ его разсказѣ есть для нашего предмета нѣсколько очень драгоценныхъ мѣстъ сверхъ того, что я привелъ нѣсколько раньше. Онъ касается *тнiя народныхъ пѣсенъ у Болгаръ*. Въ праздникъ св. Петра и Павла находился Герлахъ въ какомъ-то

Seiten waren Bretter aufgerichtet, und obenauff wieder mit Brettern zuge-
deckt, dass sie also in einer Druchen oder Kasten lagen. Ein jedes hatte
unter dem Haupt einen grünen Rasen. Nachdeme sie nun eingelegt aber
noch nicht bedecket waren, goss der Priester einem jeden rotten Wein auff
die Brust und warff nach den vier Theilen der Welt Erden auf sie. Ich fragte
nach der Ursache dessen aber bekam kein andere Antwort als: *Es sey bey
ihnen der Brauch also.* (528).

*) Болгарскiя *погачи*, вѣроятно, особенно понравились путникамъ, ибо Герлахъ ихъ упоминаетъ въ двухъ даже мѣстахъ своего дневника, на стр. 514, когда былъ близъ города Semisze (Земаште? на Килпертовой картѣ Semizde на юговостокѣ отъ Пловдива), и опять на сѣверѣ отъ Балкана у города Zaribrod (Царибродъ): „Царибродъ—болгарская деревня, которой не видно, но христiане приходятъ изъ нея и приносятъ для продажи, по болгарскому обычаю *погачи*, землянику, сыръ, молоко, масло и другiе продукты“. Zaribrod ein bulg. Dorf, das man nit siehet, allein die Christen kommen herfür und bringen nach ihrer Gewohnheit in der Bulgarey *Bogatschen*, Erdbeer, Käss, Milch, Butter und anders zu kauff. (522).

***) *Morem quosque esse in ea regione audiebamus, ut postquam inter majore de nuptiiss juvenis et puellae convenerat, sponsi puellas raperent, neque enim decorum videri consentire in primos concubitus virginem.*

сѣбъ „Guritzeseme“ и присутствовалъ при богослуженіи которое совершалъ пошъ съ дьякономъ, по православному обряду. Для нѣмца—протестанта это было ново, и потому онъ описываетъ службу довольно подробно. Церковь была маленькая—такъ что большинство народа стояли снаружи, подлѣ церкви, даже на скамьяхъ сидѣли и больше разговаривали, чѣмъ выказывали благочестія по строгимъ протестантскимъ понятіямъ. Когда кончилась служба, началъ народъ „die Zech“, т. е. ѣсть и пить: если вѣрять Герлаху, нѣкоторые даже въ церкви, другіе—подлѣ церкви. И попа одарилъ и далъ ему на дорогу нѣсколько хлѣбовъ. И послѣ встрѣчаемъ слѣдующее: „Послѣ ѣды дѣвицы плясали и пѣли хоровыя пѣсни по-парно, одна за другою обходили кругъ, и этимъ, говорятъ, занимаются цѣлый день“*). Это всѣмъ извѣстное коло или болгарскій „хоро“, безъ котораго и теперь не обходится ни одинъ церковно-народный праздникъ.

Нѣсколько дней спустя, т. е. именно перваго іюля, Герлахъ имѣлъ снова случай слушать болгарскія народныя пѣсни другого рода, въ городѣ Нишѣ. „Наканунѣ 1-го іюля и весь слѣдующій день мы здѣсь отдыхали; тогда приходили съ полей Болгары и пѣли свои обыкновенныя хоровыя пѣсни“ **). Итакъ, когда въ концѣ долгаго и знойнаго дня въ іюльскую жару трудолюбивые Болгары вернулись съ поля, съ жатвы, въ деревню,—они услаждали себѣ вечерній отдыхъ пѣніемъ пѣсенъ въ „хоро“, т. е. въ хороходѣ.

§ 41. Въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкѣ, во время турецкихъ войнъ, подвиги Хорватовъ и Сербовъ далеко стали извѣстны. Куда бы ихъ ни забросила судьба, вездѣ народная пѣсня какъ-бы сопутствовала храбрымъ воинамъ. Историкъ прошлаго вѣка Раичъ рассказываетъ, по Бранкогичевой хроникѣ, одинъ довольно жестокой способъ, какъ Павелъ Кнезь (Kinizsi) и Батори въ 1485 г. прославили побѣду надъ Турками въ Семиградіи. Сидя на мертвыхъ трупахъ, они стали пить и веселиться „и воставше начаша воинственно

*) Nach dem Essen haben die Jungfern in einem Reyhen getanzet und Chorweise gesungen, je 2 und 2 miteinander, die für und für in einem Ring herumgegangen, und das sollen sie einen ganzen halben Tag treiben (523—524).

***) Auf den Abend des 1 Juli oder Heumonats, dann diesen Tag blieben wir noch hier und rasteten etwas aus, kamen viel Bulgaren von der End aus dent Felde herein und sungen ihre gewöhnliche Rayhen Lieder (521).

хоро ирати припѣвающе различныя юначкия пѣсни“ (вн. X. гл. III § 8). Тогда Павелъ „въ скакательное игране понудивъ себе“, ухватилъ зубами одинъ мертвый непрятельскій трущъ и долго плясалъ, держа его зубами. Я не очень бы жалѣлъ, если бы кто доказалъ, что эта грозная картина громаднаго варварства не относится къ Хорватамъ и Сербамъ, но къ кому-нибудь другому, напр. къ „братьямъ“ Мадырамъ. Но что звукъ сербскихъ гуслей и голосъ сербскихъ пѣвцовъ подь конецъ XVI и XVII в. доходилъ и до Польши, на то есть прямыя свидѣтельства въ польской литературѣ того времени. Поэтъ Мясковский (1549—1622) упоминаетъ „serbskie skrzyрки“, а въ книжкѣ очень популярной „Swiatowa Roskosz“ (изданной въ 1606 г. Геронимомъ Морштиномъ) говоритъ „госпожа Музыка“:

„Другіе же, что проводили годы на войнѣ, ужъ забыли трубы и бубны: полюбили козлы, подлѣ ихъ грустный Сербъ тащить длинный смычекъ, наигрывая стародубскія думы—какъ давно Турокъ били Поляки и мужественные Хорваты“ *).

Наконецъ злой рокъ хотѣлъ, чтобы Хорватъ Юрко Крижаничъ Явганица въ 17 вѣкѣ даже изъ Сибири рассказывалъ русскому народу объ обычаяхъ своей родины (ср. Биографію Безсонова, в. 2. стр. 7): „У Кроатовъ и Сербовъ, еще во время нашего дѣтства, держалось желаніе подражать римскому обычаю. Ибо я видѣлъ, что позади знатныхъ и военныхъ людей, сидящихъ за пиромъ, стояли войны и пѣли восхваленія славнымъ предкамъ. Всѣ эти пѣсни заключаютъ прославленіе Марка Кралевича, Новака Дебелиака, Милоша Кобилича и другихъ героев“ **). Въ своей всеславянской грамматикѣ сохранилъ намъ Крижаничъ два стиха, которые запомнилъ:

„Još nauče besiditi dobri Marko Kraljeviću“

„A na to mu odgovori Radisave Siverinče“,

*) Druzzy zaś co to lata na zołdziech trawilli, trąb iuz y bębnow syei; kozła polubili: Przy nim *Serbin żalośny długi smyček wlecze, łeb skrzywiwszy do połciu a Rywułę siecze, grając im starodubskie dумы, iak przed laty Turkow bili Polacy y mężne Horwaty.*

***) Apud Croatos et Serbos adhuc nobis pueris vignet aliqua istius romanae consuetudinis imitatio. Vidi enim convivio assidentes nobiles ac militares viros et post terga ipsorum stantes milites qui canebant praedictas maiorum laudes. Omnia autem illa cantica continent laudes Marci Cralévitií, Novaci Debeliáci, Milossi Cobilitii et aliorum quorundam heroum.

отсюда мы получаемъ, правда, неполное представленіе хоть о внѣшней формѣ этихъ „maiorum laudes“, которыя онъ помнилъ съ дѣтства, изъ Хорватіи „подлѣ Купы рѣки, въ окрестности городовъ Дубовца, Озля и Рибника“. Замѣчательно, что и тутъ во второмъ стихѣ встрѣчается Радисавъ Сиверинацъ, чѣмъ нѣсколько подтверждается мое выше выраженное предположеніе, что подѣ этимъ Радославомъ или Радиславомъ Сиверинцемъ разумѣется тотъ Курипешичевъ „herzog Pavlovitz von Radasel genannt“.

§ 42. Можно надѣяться, что со временемъ еще много такихъ мелочей выступитъ наружу, когда станутъ больше изслѣдовать, и легко быть можетъ, что и теперь изъ югославянскихъ историковъ кому-либо придется въ голову какое-нибудь мѣсто, на которое я понѣмъ не набрелъ. Я буду радъ всякой новой прибавкѣ или дополненію, и здѣсь хочу еще добавить, что я обратилъ вниманіе также на югославянскія, далматинско-дубровницкія и босанскія проповѣди, но мои изысканія не увѣнчались успѣхомъ. Конечно, у меня были подѣ рукою лишь нѣкоторыя изъ этихъ книгъ. Привожу, что нашелъ въ единственной книгѣ, въ проповѣдяхъ Фра Степана Яйчанина, которыя въ 1708 г. вышли въ Венеціи, подѣ заглавіемъ „Fala ot sveti, alliti govorenja ot svetkovina zabiloženi priko godišća“ (напечатано боснякомъ). Тутъ на стр. 146—147 читаемъ: „На всякомъ банкетѣ и на угощеніи и на пирахъ, гдѣ должна быть большая трезвость, для чего на такомъ банкетѣ бываютъ *ири* и *пѣсни непочтенныя*, тутъ и дьяволъ съ своими воинами кругомъ тѣхъ, что *коло водятъ*... Такъ и теперь: какъ сойдутся пить, *тотчасъ пѣсни и прочія мерзости*...“ Вотъ и все, что я могъ найти о пѣсняхъ, но нѣсколько другихъ свидѣтельствъ не лишнимъ считаю привести изъ того, что нашлось въ этой рѣдкой книгѣ *). Знаменитый дубровницкій проповѣдникъ Ар-

*) Вотъ что есть о благочестивой жизни Босняковъ того времени!

На стр. 31 говоритъ о патронахъ Босніи: „Первый Илья пророкъ, второй св. Юрій, третій св. Видъ, четвертый св. Францискъ... Францискъ... обратитъ ко св. вѣрѣ чрезъ своихъ монаховъ Босну и Герцеговину... (Св. Виду кланяются) преимущественно въ босанскомъ королевствѣ не только христіане (т. е. католики), но и схизматики (т. е. православные) и отщепенцы отъ католической вѣры, но и не только они, но и Турки воздаютъ ему почтеніе и не работаютъ въ его день и называютъ его Видовъ день“. 31. Объ Ильѣ пророкѣ: что не только празднуется въ Босанскомъ королевствѣ... боится его и сами

делю дела Белла позволялъ себѣ въ своихъ проповѣдяхъ по временамъ апостроты на своихъ слушателей, но о пѣсняхъ я не нашелъ упоминанія; лишь вообще жалуется на Дубровничанъ, что они любятъ украшать себя („съ зеркаломъ совѣтуется большая часть съ утра, къ лицу ли ей такое-то платье, такой-то цвѣтокъ, такой локонь, такой вѣнокъ“, 158), сходиться и в пустякахъ разговаривать („разспрашивать, что въ городѣ, что во дворцѣ, по домамъ дѣлается и говорится: и вамъ не довольно половину дня потратить въ собраніяхъ, въ *посидѣнкахъ*, нужно и большую часть ночи

невѣрные, и воздаютъ ему почтеніе, такъ-какъ въ Босні Турки въ его праздникъ не смѣютъ взяться ни за какое дѣло, боясь огня съ неба, что часто бываетъ въ этотъ день, и называютъ его „*Огненнымъ Ильей*“ 42. О св. Николаѣ: „Нѣтъ надобности говорить: для всякаго очевидно, что сами Турки знаютъ и называютъ Николинъ день, Греки—схизматики и тѣ его славятъ... св. Николау не только призываютъ въ болѣзняхъ и въ мірскихъ нуждахъ, такъ дѣлаютъ наши Влахи—схизматики, когда отправляются въ путь и берутъ палку, тогда говорятъ: помоги, св. Никола, путнику...“ 108. Противъ людей своего времени такъ говорить проповѣдникъ: „Въ теперешнее время смотреть на церковь, какъ на конюшню, особливо женщины, купцы считаютъ рынокъ, молодежь за сборище, гдѣ собираются дѣлать глупости... иной бесѣдуетъ, другой смѣется, иной говоритъ о торговлѣ, другой смотритъ не довольно почтительно на женщинъ, иной сидитъ какъ въ корчмѣ, другой оборотилъ спяну къ алтарю...“ 144. И между дурными обычаями приводитъ: „многіе крестьяне идутъ къ лѣсарямъ, ходжатъ или цыганкамъ, какъ будто нѣтъ Бога въ христіанскомъ мірѣ“ 260.

Рефлекси о тогдашнемъ времени Босни: „Посмотримъ на время на Босанское поработенное королевство, сколько лѣтъ, какъ его загубили и оно стоитъ въ рукахъ своихъ неприятелей. Кто—изъ старыхъ господъ,—тотъ пасетъ теперь стадо, либо копааетъ землю. Изъ церкви и св. мѣстъ теперъ сдѣланы конюшни. Въ эту войну разрушено 20 церквей и монастырей, такихъ, въ которыхъ я самъ служилъ обѣдню и говорилъ проповѣди“. 142.

„Проходить всякій день и мы, простяки, думаемъ, что идетъ къ лучшему, а все становится хуже. Гдѣ были города, нынѣ пустыни, мы переходимъ изъ одной земли въ другую, надѣясь найти лучшее, и наталкиваемся на худшее, пока насъ не изведутъ вовсе. Видѣли мы воочию военные погромы и убійства тѣхъ, что пошлы въ усюки, надѣясь на спасеніе въ чужбинѣ, вотъ Турки охватили ихъ возвращали изъ Котара, Цетинья, изъ-за Савы. Перемерло столько тысячъ народа“. 169.

для такого труднаго дѣла посвятить“ и пр.), особенно много времени тратитъ на *посидѣнья*, что, конечно, преимущественно относится къ женщинамъ („по истинѣ это было сказано о той подругѣ, что должна бы смотрѣть за ветошью въ своей избѣ, а не критиковать другихъ на *посидѣнкахъ* 171, женщины были прежде постоянно схоронены, а не какъ теперь ночь и день на *посидѣнкахъ*“ 189). Но этотъ проповѣдникъ не имѣлъ въ виду простонародье, какъ выше упомянутый братеръ Маргетичъ, но родовитую знать дубровницкую (въ одномъ мѣстѣ ораторъ употребляетъ такую фигуру: „какъ пьяницы? полегче, отче, какъ говоришь съ нами, опомнись, ты говоришь божьи слова трезвому сословію, а не сброду мужиковъ“. Знаю, говоритъ ораторъ, что говорю предъ родовитую знатью“ (166), которая говорила: „такъ дѣлается во Франціи, въ Неаполѣ, въ Римѣ, таковъ венеціанскій обычай“ (186), которой хотѣлось имѣть красивые локоны, красивые волосы, золотые платки, обильное угощеніе, прислугу, по современному обычаю, (26), и даже женамъ, которымъ „мужъ надѣваетъ теперь башмаги, не *опанки*“, захотѣлось вѣнка, хочется кинжала, и чтобы предъ нею шла дѣвчонка“ (ibid). Къ такому *) положенію дѣла не пристала, конечно, народная пѣсня. Напро-

*) Можетъ быть я кое-кому угрозу, приведу изъ Деллабеллиныхъ проповѣдей этотъ прекрасный эпизодъ о Дубровникѣ: „Дубровниче, ты одинъ получилъ вѣнокъ свободы между столькими городами Далмаціи, но за что, скажи мнѣ? Я истой и очевидной причины этому не могу разгадать безъ тебя. Могу лишь сказать, что съ тѣхъ поръ какъ ты узналъ и принялъ св. вѣру христову, съ тѣхъ поръ ее чистою держишь и по *жаждущей турецкой землѣ* распространяешь мирнымъ путемъ. *Моги ли бы бѣдные христіане, разсыпанные по Албаніи, Босніи и Сербіи мирно чтить Бога и его святыхъ*, если бы ты не усмиралъ турецкаго гнѣва деньгами, и такимъ нелегкимъ образомъ не отерывалъ имъ способъ къ богопочтенію! Знаю горячее твое сердце къ Богу, вижу лѣлоту твоихъ деревьевъ, вижу величіе церковнаго пѣнія, вижу почтеніе, которое оказываешь божьимъ камѣстникамъ, твою милостыню, любовь къ бѣднымъ. Вотъ это тѣ дѣла, смѣю сказать, которыя доставили тебѣ прекрасный даръ, которымъ владѣешь. Если онъ лежитъ у тебя на сердцѣ, если не жаль его изгубить, продолжай держаться въ вѣрѣ, будь Богу добръ и вѣренъ, дѣлай правду со всякимъ, будь всегда милостивъ къ убогимъ. Пока будешь такъ держаться относительно Бога, дотолѣ Богъ будетъ твоей защитой и охраной твоей свободной короны. Чего тебѣ отъ сердца желаю“ (132).

тивъ славонскій сатирикъ прошлаго вѣка, Антонъ Рельевичъ, который любилъ клеймить грѣхи престонародной жизни, не умалчиваетъ о народныхъ пѣсняхъ, и именно о Кралевичѣ Маркѣ вотъ что пишетъ:

Но не въ *комъ* воспѣвать,
Кралевича, какъ святаго, прославлять,
который не заслужилъ славы,
напрасно про него люди бають.
Большой и сильный былъ упрямецъ,
много вдовъ онъ понадѣлалъ,
но и его подъ Никополемъ
въ бою кровь черная пролилась.
Тамъ его и *шарацъ* остался;
котораго онъ спаивалъ виномъ,
и за то его сильно народъ почитаетъ
и день деньской объ немъ поетъ.
До того уже дошло дѣло и
вошло въ обычай въ свѣтѣ—
пѣть пѣсни, кои не приличны,
и которыхъ добрые люди стыдятся.
Ибо дѣвушкамъ не въ стыдъ пѣть,
когда начнутъ хороводъ водить:
охъ, у Марка Кралевича сына
добрый коникъ есть въ спрату....

(Сатиры, изд. 3-е, Ессекъ, 1822, 38—39). *).

*) Ali nije u kolu pivati
Kraljevića ko svetca slaviti,
koji nije zaslužio slave,
zalud ljudi što se o njem bave.
Velik bio i jak jogunica
načinio dosta udovica,
al i njega izpod Nikopolja
baš u boju crna krvca pol'ja.
Ondi mu je i šarac ostao,
kojega je vinom napajao,
te za to ga vrlo ljudi štujaju
i dan danas od njega pivaju.
Na toliko da je veće došlo
u običaj i na svit izišlo

Сильно бы промахнулся, кто вздумалъ бы изъ этой укорины народному обычаю заключить, что Рельковичъ безусловно осуждалъ народную поэзію. Онъ, конечно, не умѣлъ еще обѣднить ея достоинствъ, но какая пѣсня подходила къ его принципамъ—чтобы такихъ и въ будущемъ не пѣть—онъ не запрещаетъ. Это всего яснѣе видно изъ того, что онъ и самъ помѣстилъ въ своихъ сатирахъ прекрасную народную пѣсню, какъ братья Якишичи испытываютъ своихъ возлюбленныхъ. Онъ говоритъ, что это „пѣсня, которая и теперь поется подь *тамбуръ*“⁴. Сравнивъ текстъ Рельковича съ Вуковымъ (въ II кн. № 100), мы убѣждаемся, что Рельковичъ хорошо помнилъ народную пѣсню и вѣрно ее напечаталъ. Такъ-какъ эта пѣсня была въ первомъ изданіи Сатиръ Рельковича, которыя, по словамъ библиографа Кукулевича, вышли въ Дрезденѣ въ 1761 году, то Рельковичъ предшествовалъ Фортису и занимаетъ поэтому первое мѣсто послѣ Качича, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Два нѣмецкіе натуралиста прошлаго вѣка, Пиллеръ и Миттерпахеръ, путешествовали по Пожегской жупаніи ради своихъ научныхъ цѣлей, о чемъ свидѣтельствуетъ книга, которую они издали въ 1783 г. въ Будимѣ подь заглавіемъ: „*Iter per Poseganam Sclavoniae provinciam*“⁴. Какія травы и камни они тамъ нашли, то давно знаютъ хорватскіе натуралисты, и это меня не касается; я хочу лишь напомнить, что кромѣ того говорятъ на 74 стр. о славянскомъ гостепримствѣ и хвалятъ славонскую *шишару* (лепешки), на 81 стр. о ремеслахъ славонскаго народа, на 117 сл. стр. объ общественной жизни, а на 130 стр. хотя кратко говорятъ о народныхъ пѣсняхъ такъ: „Они любятъ воспѣвать подвиги своихъ древнихъ царей и вождей, имѣя ихъ сложенными по законамъ стиха и ритма“^{*}).

pivat pisme koje ne valjaju,
ali dobre niki stid imadu.
Jer divojak nije stid pivati
kada po'nu u kolu igrati:
oh, u Marka kraljevića sina
dobar konjic u potaji ima.

^{*}) Res veteram suorum regum ducumque praeclare gestas canere amar t easque carminis et rhytmi legibus implicatas habent.

§ 43. Хорватская поэзія въ Далмаціи и Дубровникѣ, правда, не была вызвана народнымъ творчествомъ, однако о стѣны далматинскихъ городовъ, отражался голосъ народной пѣсни ближнихъ и дальнихъ селъ, въ которыхъ жилъ простой, чистый, съ латинскими элементами не смѣшанный народъ. Гласъ народной пѣсни не только проникалъ до городскихъ стѣнъ, но и въ городахъ слышался все чаще и чаще: какъ тихая вода подмывала „славянскій“, т. е. хорватскій и сербскій, элементъ старое латинское наслѣдіе, которое на послѣдокъ должно было капитулировать, хотя и подъ приличными условіями. Это благоустройство и порядочность въ жизни и обычаяхъ, которымъ Далмація прошлаго столѣтія отличалась предъ всѣмъ остальнымъ славянскимъ югомъ, есть плодъ старинной латинской цивилизаціи древнихъ свободныхъ далматинскихъ городовъ. Римско-итальянскія традиціи въ этихъ городахъ и та тѣсная связь, которая связывала ихъ съ духовною жизнью за моремъ, дали закваску, а народъ со своимъ языкомъ далъ муку, и изъ обоихъ произошелъ тотъ небудничный хлѣбъ, который мы называемъ далматинско-дубровницкой поэзіею. Что идеалы этой поэзіи были совсѣмъ иные, чѣмъ подражаніе народному творчеству, какъ въ содержаніи такъ и въ формѣ,—это теперь отчасти уже разъяснено, а отчасти еще разъясняется. Но именно новѣйшему времени принадлежитъ честь старыхъ и болѣе новыхъ доказательствъ, что многіе далматинско-дубровницкіе поэты не только признавали, но и уважали народную поэзію. Или развѣ не прекрасное доказательство уваженія къ народной поэзіи—что между пѣснями первыхъ дубровницкихъ лириковъ, Шишка Менчетича и Джоры Држича, находится нѣсколько отрывковъ или прямо народныхъ, или по народному, какъ очевидное подражаніе, построенныхъ пѣсенъ. Онѣ напечатаны въ изданіи моемъ (Ягича) ихъ пѣсенъ (*Стары писци* II. 505—512) и заслуживаютъ, чтобы на нихъ было обращено особое вниманіе. Ни одинъ славянскій народъ болѣе не имѣетъ изъ столь отдаленныхъ временъ несомнѣнныхъ примѣровъ обрядовыхъ пѣсенъ, какъ эти отрывки изъ 15 вѣка, въ которыхъ отзываются, по моему мнѣнію, отголоски *свадебныхъ* пѣсенъ. И какою стариною дышатъ эти пѣсни! Я напр. нѣсколько подобныхъ пѣсенъ изъ нынѣшней эпохи подъ № 8 помѣстилъ въ *Archiv für slav. Philologie*, (I. 306), и показалъ, какъ упоминаемый тамъ „Дунай“ отзывается вездѣ въ славянской народной поэзіи. Начало пѣсни подъ № 4: *Израсла је вѣта (гибкая) жѣла на бриѣ Дунаја*“ напоминаетъ не только одну нынѣшнюю истрийскую

пѣсню (ср. Archiv I. 319), но и разными южнорусскія пѣсни (ib. 318). Какую красоту и вмѣстѣ величественностью отличается пѣсня № 3, гдѣ дѣвушка зоветъ *облако* на помощь противъ *солнца*, чтобъ оно прикрыло ее, пока она будетъ „храбрецу“ вѣнокъ сплетать, но *солнце* беретъ *вихрь*, чтобъ прогнать облако и сжечь розу, и тѣмъ не менѣе дѣвушка оказалась сильнѣе. Я не особенно расположенъ къ миеологизаціи при помощи народныхъ пѣсень, и однако рекомендую эту пѣсню тѣмъ, которые занимаются такими изысканіями. Однимъ словомъ, эти пѣсни—истый бисеръ въ исторіи славянской народной поэзіи, и мы оч. благодарны Менчетичу и Држичу, что они намъ ихъ сохранили. Кажется, что и они въ свою раннюю пору не могли совладать съ чистой красотой народной поэзіи, хотя уже правила тогдашней лирики не позволяли имъ долго держаться этихъ самородныхъ цвѣтковъ. Но намъ и того достаточно, что мы видимъ, какъ оба самые ранніе дубровницкіе лирики не только признавали, но даже и брали за образцы народную лирику, находили достойнымъ—влести нѣсколько народныхъ лирическихъ пѣсень въ ту неестественную патологию человѣческаго сердца, которая тогда называлась пѣніемъ о любви.

§ 44. Повтовъ, у которыхъ сюжетомъ не являлась любовь, занималъ другой разрядъ народнаго творчества: образецъ этому мы имѣемъ въ Петрѣ Гекторовичѣ—Хвараницѣ (1487—1572). Онъ поетъ, по правиламъ итальянскихъ *egloghe pescatorie*, свои идиллическія картины—„Рибанѣ“—и въ свой чередъ не только не брезгуетъ случаемъ—въ букетъ рыбацкихъ разговоровъ влести нѣсколько народныхъ пѣсень, но въ одномъ, написанномъ прозой, посланіи оставилъ еще оч. важное свидѣтельство, какъ въ его время думали о народныхъ пѣсняхъ. Такъ какъ оно оч. замѣчательно въ исторіи юго-славянскихъ, собственно хорватско-сербскихъ, народныхъ пѣсень, то я приведу его цѣликомъ: „А о чемъ я въ немаломъ сомнѣннн, пишетъ пріятелю Пелегриновичу въ 1550 г., что тебѣ въ этомъ рыбацкомъ разсказѣ одна сторона—не будетъ нравиться, пока ея причины не узнаешь, *ибо можетъ быть и отъ другихъ слышалъ эти эпическія пѣсни, которыя мои рыбаки пѣли, и ту самую пѣсню, которую они пѣли вдвоемъ, и мнѣ кажется, что ты скажешь про себя: „почему не изъ своей головы ты придумалъ и сложилъ какую-угодно пѣсню, но предночелъ предметъ, который и другіе умѣюшь выразить“*—на это я скажу тебѣ, что и самъ я ставилъ себѣ трудную задачу—написать это на память вполне достойному витязю (тутъ разумѣется Вртучевичъ, которому *Рибанѣ* посвящено) и позна-

*

комить всёхъ съ моимъ рыболовствомъ и приемами при немъ, по истинной правдѣ какъ на дѣлѣ было, не прибавивъ ни словечка, ибо въ противномъ случаѣ не пристало бы ни тому, кому я писалъ, ни мнѣ, который писалъ, такъ-какъ мнѣ всегда дорога истина во всемъ и тѣмъ болѣе, *если бы кто читая узналъ, что слова вновь созданы и выдуманы*, могъ бы потомъ думать и заключать, что и все остальное должно составлено и вымышлено. Затѣмъ еще, пусть знаетъ твоя милость, какъ латины справедливо и достойно считаютъ исторію за истинное слово, и имя ея составлено отъ того слова, которое называется *histor*, означающее вѣдѣніе, познание, и потому-то никто не пишетъ объ этомъ предметѣ, кромѣ тѣхъ, кто его видѣлъ и узналъ. *Такъ-то и мы, и все люди нашего языка, который между всеми остальными на свѣтѣ считается самымъ многочисленнымъ, считаютъ „бугармиши“ безъ всякаго сомнѣнія, разказами истинными, а не ложными, какъ нѣкоторыя сказки и многія пѣсни.* Потому пусть будетъ отвѣтъ мой и тебѣ и *всѣмъ другимъ, что я самъ, насколько умѣлъ, описалъ все то, что Паскоје и Никола пѣли.* Меня не касается вопросъ о томъ, что изучили они отъ другихъ и что другіе отъ нихъ, но если ты желаешь знать мое объ этомъ мнѣніе, то я скажу, что правдоподобіе считать ихъ передатчиками, а не сочинителями этихъ пѣсенъ, ибо они рыбаки и люди морскіе, которые, бродя иногда съ тѣми, иногда съ другими, *иное отъ однихъ, другое отъ другихъ слышали и слушаю наизустъ выучили*^а. Итакъ Гекторовичъ объясняетъ пріятелю Пелегриновичу, почему помѣстилъ онъ въ свои стихи и народныя пѣсни, и при томъ не потому, чтобы боялся, что кто-нибудь станетъ пренебрегать этими пѣснями, какъ вульгарными, но потому, что можетъ показаться пріятелямъ излишнимъ говорить о вещахъ, и безъ того многимъ извѣстныхъ. Итакъ люди, подобные Гекторовичу и Пелегриновичу, люди образованные, литераторы и поэты, — въ тогдашней Далмаціи, въ Дубровникѣ, по островамъ, — знали хорошо народную поэзію, преимущественно эпическія пѣсни; лишь мысль, что поэту слѣдуетъ выпускать въ свѣтъ свое сочиненіе, а не такія общеизвѣстныя народныя произведенія, не допускала, кромѣ рѣдкихъ, необыкновенныхъ случаевъ, въ своихъ поэтическихъ трудахъ обращаться къ поэзіи народа. Что тогдашняя публика, а не только маленькіе пріятельскіе кружки въ нѣкоторыхъ городахъ, умѣла вѣрно понять, что народно и что — нѣтъ, доказываютъ въ свой чередъ слова Гекторовича, который говоритъ, что и потому не смѣлъ настоящихъ народныхъ пѣсенъ замѣнить своими выдуманными

композиціями, что скоро бы узнали, что это пѣсни не народныя, но его „слова вновь сложенныя и вымышленныя“. И такъ по общепринятому мнѣнію того времени могутъ и въ правѣ быть извѣстны такія пѣсни, какъ народныя, но нѣтъ основанія сообщать ихъ другимъ, которые ихъ также знаютъ. Что Гекторовичъ поступилъ противъ правилъ, не сдѣлалъ онъ, однако, потому, чтобы онъ тогда судилъ о значеніи народныхъ пѣсень, какъ теперь о нихъ думаютъ, но потому, что хотѣлъ Бртучевичу все по правдѣ рассказать о своемъ *рыболовствѣ*. И такъ въ концѣ концовъ мы его случайному расположенію къ истинѣ обязаны, что эти двѣ—три народныя пѣсни вѣжливы мѣсто въ его произведеніяхъ. Мало этого Гекторовичъ имѣлъ при этомъ „изо всѣхъ сторонъ нашего языка“ великое уваженіе къ *былинамъ* (бугарштица). Онъ вполне изъ души народа своего изрекъ тѣ знаменитыя слова, что *былины*, какъ исторія, *истинныя вещи*. Но еще кое-что другое въ этомъ посланіи достойно упоминанія. Гекторовичъ различаетъ „*бугарштице*“ отъ „пѣсень“, различаетъ „*бугарити*“ отъ „припѣвать“. Первымъ именемъ называются у него, какъ и у всѣхъ послѣдующихъ далмагинско-дубровницкихъ поэтовъ, юнацкія пѣсни серьезнаго содержанія; шутливыя пѣсни, затѣмъ лирическія или женскія, носятъ общее имя „пѣсень“. „Бугарштице“ не поются, судя по его различенію, никогда въ два голоса или съ припѣвомъ, но ихъ „бугарить“ всегда солисть, а когда ихъ больше—тогда они смѣняются, распѣвая по порядку каждый по одной „бугарштицѣ“. „Пѣсни“ напротивъ поются въ два голоса и съ припѣвомъ. По моему мнѣнію, относится къ этой разницѣ въ пѣніи еще и та замѣчательная прибавка въ текстѣ „Рибанѣ“, гдѣ рыбаки одинъ другому говорятъ: „скажемъ по одной *бугарштицѣ*... да по *сербскому порядку*... какъ среди дружины мы всегда *дѣлали*“. То есть, по моему, этому порядку *бугаренія* Гекторовичевы рыбаки, какъ и самимъ *бугарштицамъ*, научились отъ Сербовъ, т. е. отъ людей съ материка, изъ внутреннихъ земель. И дѣйствительно, въ одной *бугарштицѣ* поется о кравевичѣ Маркѣ и братѣ его Андрей, а въ другой дѣйствіе—въ Боснѣ. Но Гекторовичу, у котораго не было подъ рукой столько юнацкихъ пѣсень, какъ теперь у насъ, показалось приличнымъ истинѣ, чтобы его Паскоје и Никола выучили эти *бугарштицы* отъ другихъ. Такъ и есть. Въ ихъ устахъ приобрѣли онѣ нѣсколько измѣненную форму языка, будучи подогнаны, насколько можно, къ нарѣчію ихъ края, *чаканскому*. Примѣровъ такого вліянія одного нарѣчія на другое есть много, но преимущественно на отдѣльныхъ

словахъ или формахъ сильно замѣтны слѣды первоначальнаго языка.

У поэта Юрія Бараковича изъ Задра (1547—1628) встрѣчается въ свой чередъ одна народная пѣсня, въ книгѣ „*Вила Словинска*“. Нельзя навѣрно сказать, что здѣсь эта пѣсня насколько не переименована, можетъ быть съ малыми перемѣнами она подогнана къ ситуаціи „Вилы Словинской“, но далеко не отступаетъ отъ чисто народной. Для исторіи народной поэзіи и эта пѣсня есть драгоценный кладъ, она по своимъ чертамъ совершенно подходитъ къ Гекторовичевымъ *бугаршницамъ*. Содержаніе этой пѣсни серьезное, трагическое, размѣръ одинаковъ, названіе то же: слова *бугаршница* и *бугарити* и тутъ встрѣчаются, и *бугаритъ* одинъ, остальные слушаютъ и—плачутъ. Бараковичъ влагааетъ пѣсню въ уста *вмазу*, т. е. поселянину съ далматинскаго берега, который и самъ хвастается, что онъ родомъ изъ Остривицы, и пѣсню, говорить, слышалъ, какъ „бугаритъ“ юная молодежь, которая съла пѣть *бугаршницу*.

Очи закрыли слушатели,
И блѣднѣли, и вздыхали...

И у всѣхъ пѣсня извлекла рѣку изъ очей *).

§ 45. Всѣмъ талантливымъ дубровницкимъ поэтамъ были хорошо извѣстны народныя пѣсни, преимущественно же Гундуличу и Пальмотичу. Правда, это знакомство обыкновенно было ограниченное, заслонялось ихъ порывами къ чуждымъ идеаламъ, тѣмъ не менѣе тщательный анализъ ихъ поэзій откроетъ много народнаго матеріала въ ихъ композиціяхъ. Я не думаю только объ однихъ мелочахъ, которые не избѣгли вниманія Аппендина, когда онъ говоритъ: „Во всякомъ случаѣ, Дубровчане подражали сосѣднимъ народамъ въ чистотѣ языка, принимая ихъ обороты и нѣкоторые постоянные эпитеты, какъ напр. бѣлый дворъ, руйно вино, сине море, жарко солнце“ **) (II. 258)—хотя и это былъ бы оч. почтенный предметъ спеціального изслѣдованія,—но отъ цѣлыхъ пѣсней или отдѣльныхъ мѣстъ вѣдетъ народною по-

*) Bugarskicu peti sede.

okom sopre ki ga sliše

ta' problidi ta' nglise

svimi' z očiju riku' zvede.

**) Hanno tuttavia i Ragusei seguiti i vicini popoli nella parita della lingua adottando le loro espressioni ed alcuni epiteti perpetui, come per esempio.....

заією. Напр. между лирическими пѣснями Динка Раньины попадаются четыре подъ заглавіемъ: „пѣсни отъ кола“ (335—338), которыя и размѣромъ отличаются отъ всѣхъ другихъ: размѣръ у нихъ тотъ самый, что въ пѣсняхъ № 2 и 3 среди приведенныхъ изъ рукописи 1508 года, т. е. стихъ въ 14 слоговъ, раздѣляющійся на двѣ половины: одну въ 8, другую въ 6 слоговъ—и кромѣ того, во многомъ указываютъ, что они—умышленная имитация народныхъ пѣсней. Вотъ какъ начинается первая: *Ахъ, дѣвойко, душо моя* и пр. Или *Идуъ юром у прошту ја дѣвица млада*, или упоминанія Дунай: *скіени бистри, тихъ Дунаю!* или выраженія: *мома млада, хрбро, дика*—все это очевидныя доказательства, что Д. Раньина, создавая эти пѣсни *) „отъ кола“, имѣлъ въ умѣ народныя пѣсни, хотя и отступалъ отъ нихъ кое въ какихъ особенностяхъ. И о той пѣсенкѣ, которую поютъ Маруша и Милица въ Налѣшковичевой пятой комедіи (ср. *Стари писци* V. 241), я сказалъ бы, что хотя она и не чисто народная, въ свою очередь составлена по образцу народной. А кто можетъ усомниться, что Маринъ Држичъ хорошо зналъ народную поэзію своей родины, когда его комедіи кипятъ народною жизнью. Мы имѣемъ еще лишнее доказательство на это въ слѣд. отрывкѣ четвертой комедіи (*Стари писци*. VII. 144).

Храбрый молодець капусту садить,

дѣвушка ему обѣдъ нѣситъ.

Дѣвушку храбрець просить:

дай сюда, дѣва, быть бы тебѣ здоровою и живою!

*) Не хочу пропустить тутъ еще и тотъ примѣръ, который нѣсколько сюда относится. Между пѣснями Ганибала Лучича (*Стари писци* VI. 213) встрѣчается одна съ заглавіемъ „отъ кола“—въ содержаніи и словахъ пѣсни нѣтъ, правда, ничего народнаго, не ея размѣръ народный, т. е. стихъ въ 15 слоговъ, при томъ дѣлится на двѣ половины, первую въ 8, вторую въ 7 слоговъ. Такой же размѣръ въ народной пѣснѣ подъ № 7 во II книгѣ: *Стари писци* (стр. 509 только въ началѣ) и во многихъ пѣсняхъ сборника Миклошича. Итакъ я вывожу изъ заглавія „отъ кола“—въ содержаніи нѣтъ ничего, что бы оправдывало это названіе—что Ганибалъ Лучичъ хотѣлъ этимъ обозначить размѣръ своей пѣсни, какъ бы говоря: эту пѣсню я пѣлъ размѣромъ народныхъ пѣсней, которыя поются въ хоровахъ. Итакъ, вотъ опять доказательство, что и Г. Лучичъ не былъ незнакомъ съ народнымъ творчествомъ.

... Она говоритъ: и не ждай
чего не слѣдуетъ, быть бы тебѣ храбрецемъ.
Ср. еще ib. на стр. 227. **).

§ 46. Въ „Османъ“ Гундулича есть нѣсколько ясныхъ признаковъ, указывающихъ, что и этому славному корифею извѣстны были не только народныя пѣсни вообще, но именно сербскія юнацкія пѣсни. Не столько по собственной поэтической вольности, сколько придерживаясь тогдашняго историческаго вѣровапія, говоритъ въ III кн. 15—27, что Орфей былъ первый, начавшій сочинять „буаркинје“—Орфей былъ болгаринъ по тогдашнему мнѣнію—и онъ свой природный даръ оставилъ—

Славянскому своему языку,
чтобы славныя дѣла въ славѣ
воспѣвались у нихъ во вѣки *).

Далѣе Гундуличъ вычисляетъ, о чемъ поютъ сербскія народныя пѣсни: о Лесандрѣ Серблянинѣ, о Степанѣ, Урошѣ и остальныхъ „царяхъ Неманина дома“, объ Обиличѣ, Свиловичѣ и Маркѣ Кралевичѣ, о кралѣ Лаушѣ, Дубровникѣ, воеводѣ Янкѣ, королѣ Матиашѣ, Юриі Скендербегѣ и др. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ поэтъ съ поэтической вольностью кое-что выдумалъ свое, именно о Лесандрѣ Серблянинѣ; но меня никто не заставитъ легко повѣрить, что тотъ поэтъ не зналъ юнацкихъ пѣсенъ, который написалъ слѣдующее:

У нихъ живетъ великая слава,
что стяжалъ себѣ Кобиличъ мудрый,
какъ ятаганомъ сильнаго султана
на Косовѣ поразилъ на смерть.

*) Hrabar mladi kupus sadi
djevojka mu ručak nosi.

Djevojčicu hrabar prosi:
daj to dievo, zdravo t' živo.

Ona veli: i ne želi
što t' ne more, hrabro biti.

***) Slovinskomu svom jeziku,
djela od slave da u slavi
bugare se u njih viku“.

Прославляются у нихъ всюду,
гдѣ лишь свѣтитъ горячее солнце,
Свилюевичъ Дмитрій
и юнакъ Краевичъ Марко *).

Еще встрѣчается упоминаніе о *буларщинахъ* въ VIII кн. 76—87, гдѣ четыре молодыхъ поселенина на „посидѣлкахъ“ *буларятъ*, и тутъ снова одинъ за другимъ. И тутъ содержаніе *буларщины*, хотя и фактивно, но такъ придумано, что можно думать, будто поэтъ дѣйствительно зналъ много народныхъ пѣсенокъ. Обигрании *кола* и о другихъ народныхъ обычаяхъ говорится оч. часто не только у Гундулича, но и у другихъ тогдашнихъ поэтовъ. Кто не будетъ напр. въ Гундуличевой „*Дубравкѣ*“ въ слѣд. мѣстѣ видѣть подражаніе народнымъ пѣснямъ:

Ведите хороводъ, напрыгаемъ вѣласть,
всякъ отдайся доброй волѣ,
на пиръ готовься всякъ здорово,
исправь брюхо, прочисть горло,
пусть кушается, пусть и пьется **) и пр.,

съ которою можетъ сравниться и слѣд. у Джорджича, также по народному выдержанная:

Бабка въ бѣломъ чепчикѣ
по улицѣ хороводъ водить,

*) U njih žive slava obilna,
ku Kobilić steže mudri,
kad handžarom cara silna
na Kosovu smrtno udri.
Prosvietlit se j' u njih hajo,
kud god svietli sunce žarko,
Svilojević još Mihajo
i Kraljević junak Marko.

**) Igraj kolo, skoćmo bolje,
svak se kaži dobre volje,
na pir, na pir hod' svak hrlo,
spravi trbuh, čisti grlo,
da se ije, da se pije,
Heja Lero Dolerije и т. д.

въ томъ хороводѣ и босая Анка,
съ нею Катя ключоносая и пр. *).

§ 47. Нѣжный Гіонъ Пальмотичъ остался понинѣ какъ-то назади въ исторіи литературы: когда выйдутъ всѣ его творенія въ академическомъ изданіи, будетъ легче оцѣнить этого симпатичнаго поэта. Что Пальмотичъ зналъ народное творчество, видно изъ языка, который въ его поэзіи вышелъ значительно болѣе чистымъ, и изъ мѣстнаго дубровническаго, съ итальянскимъ складомъ, пригнанъ къ народному, босанскому пошибу. Объ этомъ говоритъ его біографъ Градичъ, мнѣ остается лишь добавить, что поэтъ преимущественно изъ народныхъ пѣсенъ черпалъ правильность и народность своего языка. Въ подтвержденіе могу сослаться на его пѣсню: „Гласове и хвале“ (во 2 вып. Дубровника 44—57), гдѣ, подлѣ славянскихъ людей дубровническаго мѣстнаго патриотизма,—для которыхъ одушевленіе его почеркнуто изъ Дуклянской хроники,—упоминаются въ большинствѣ юнаки сербскихъ народныхъ пѣсенъ, какъ-то: царь Степанъ (Душанъ), Лазарь, Милошъ Кобиличъ, Юрій Скендербегъ, Секула, Михайль Свиловичъ, Деспотъ Воевода Янко (Сибининъ). Объ этихъ юнакахъ, правда, могъ Пальмотичъ кое-что узнать и изъ книгъ, но что его главнымъ источникомъ была народная поэзія—доказываютъ слѣд. слова:

Князь Лазарь за нимъ (царемъ Степаномъ) первый,
жалобно его пѣсни прославляютъ;
онъ супротивъ турецкой крови
собиралъ сербскихъ витязей.
Рядомъ съ нимъ юнакъ быстрого дѣла
Кобиличъ доблестный Милошъ,
твердой рѣшимости, безъ страха,
не удерживаютъ его труды никакіе.
Чтобы доказать Лазарю,
что честь и вѣрность дружны—
жизнь у турецкаго султана отнялъ,
не заботясь, что свою погубилъ *).

*) Babko u bijeloj postelici
vodi kolo po ulici,
u tom kolu Anka bosa
i s njom Kate kukonosa и т. д.

**) Knez je Lazar za njim prvi,
žalosno ga pjesne slove;

Это по содержанию вполне передано по народной пѣснѣ. Но есть еще одно интересное указаніе, что Пальмотичъ нѣкоторыхъ юнаковъ узвávalъ дѣйствительно изъ народной пѣсни. Онъ называетъ Секулу—„сестричичемъ“ (племянникомъ), въ изданіи слово напечатано даже, какъ собственное имя:

А Секулы—племянника
кто забудеть имя славное *)?

Что навело поэта прозвать Секулу „племянникомъ“? Народная пѣсня, которая, упоминая о Секулѣ рядомъ съ Янкомъ Сибиняникомъ (Гуниадомъ) съ полнымъ правомъ называетъ его „племянникомъ“ (sestric, пеѣак. Ср. Вука II № 85, 86; Петрановича, Срп. пјесме 1867, № 34, 35 и особенно № 19 у Миклошича, гдѣ именно встрѣчается sestričić вм. нын. sestric), и Пальмотичъ, зная изъ народныхъ пѣсней этотъ постоянный эпитетъ Секулы, принялъ его за имя собственное. Что онъ ничего не зналъ о родственной связи между Секулою и Янкомъ Гуниади, легко вытекаетъ изъ того, что о воеводѣ Янкѣ говорить онъ особо, упомянувъ прежде „Секулу Сестричича“, и „Михайла Свиловича“ и „деспота Вука“. Полагаю, что ему и Михайло Свиловичъ былъ извѣстенъ какъ Szilágyi, и его еще почтенный Сим. Любичъ не замѣтилъ, по крайней мѣрѣ, называетъ его въ своей исторіи Силаговичемъ *) (Ogledalo II, 56, 57, 59), и

on je turskoj suproć krvi
kupio srbske vitezove.
Uza nj junak čina plaha
Kobilic je Miloš vriedni,
tvrde odluke jest, bez straha,
ne drže ga trudi niedni.
Za ukazat on Lazaru
kako čast se vjera ljubi
život uze turskom caru,
svoj ne mareć da izgubi.

*) Ko Sekula Sestričića
da zabude ime slavno?

**) О Свиловичѣ говорить Пальмотичъ:
„И у Михайла Свиловича на всѣ труды готовое сердце“,

я думаю, что я не согрѣшу противъ Пальмотича, если скажу, что Сим. Любичъ во всякомъ случаѣ больше зналъ славянскую исторію, чѣмъ Г. Пальмотичъ! Нѣтъ слѣд. никакого сомнѣнія, что Пальмотичъ, хотя былъ и не твердой памяти, зналъ множество юнацкихъ народныхъ пѣсенъ, и quo semel est imbuta recens. servabit odorem testa diu.

§ 48. Даже къ собиранію народныхъ пѣсенъ приступили Дубровничане уже въ 17 вѣкѣ, слѣд. въ ту пору, когда и на западѣ лишь такіе свѣтлые умы, какъ Лейбницъ, стали думать о такихъ предметахъ. Этихъ трудовъ ихъ сохранилось довольно, но донинѣ еще мало издано. Послѣ того, какъ Гильфердингъ первый обратилъ свое вниманіе на тотъ единственный сборникъ, который въ то время былъ извѣстенъ въ Дубровникѣ, и изъ него напечаталъ пѣсню о битвѣ на Косовѣ (въ книгѣ Босна, Сербія и Герцеговина, Записки Имп. геогр. общ. XIII. Спб. 1859, стр. 243—263), пришло о той же рукописи говорить проф. Богачичу въ „Дубровникѣ“, изданіи народной читальницы дубровницкой, за 1868 г. (стр. 279—192), и въ 1870 г. проф. Миклошичъ напечаталъ отчасти изъ этой, отчасти изъ нѣкоторыхъ другихъ рукописей 30 народныхъ пѣсенъ съ литературно-историческимъ введеніемъ, въ монографіи: Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volkspoesie I. Die Volksepik der Kroaten. Богатый матерьялъ двухъ рукописей изъ Пераста печатаетъ уже нѣсколько лѣтъ проф. Богачичъ въ Бѣлградѣ. Дубровницкому собранію основаніе положилъ Юрій Мат. Дубровничанинъ († 1728), который собралъ, какъ тамъ говорится, 14 „попѣвокъ“. Продолжателемъ

I Mihalja Sviloevića,
na sve trude srce spravno

а эта народная пѣсня въ сборникѣ Миклошича № 4 повѣствуетъ о его пѣнѣ въ Цареградѣ. Хотя Миклошичъ объяснилъ это совпаденіе народной пѣсни съ исторіей, я хочу только прибавить, что самое подробное изложеніе пѣсни и смерти Свиловевича въ Цареградѣ передаетъ средневѣковнй мадыарскій историкъ Юрій Сръмецъ, Georgius Sirmiensis, ср. его Epistola de perdicione regni Hungarorum, cap. VI: de Morte Zilagi quomodo vitam suam asperrime finivit (въ изданіи G. Wenzel'а. Пештъ. 1857. 13—17); ср. также Fessler-Klein. III. 24. Достойно замѣчанія, что сербскія лѣтописи „Свиловевичъ“ пишутъ такъ: Силагевичъ (чит. ичъ), Силогачевичъ (чит. ичъ), и даже Свилаевичъ (чит. ичъ). Эта послѣдняя форма приводитъ именно къ „Свиловевичъ“.

этого дѣла былъ поэтъ Іосифъ Бетондичъ († 1764) и др. Когда этотъ Дубровницкій сборникъ завершался, былъ уже въ славѣ трудъ Качича, ибо въ послѣсловіи даже приводится, какъ motto слова Качичева, но нельзя сказать, чтобы Дубровничане лишь примѣромъ Качичева разговора наведены были на собраніе, ибо Матей, первый собиратель, за полвѣка ранѣе жилъ и своихъ четырнадцать *помысловъ*, по всему вѣроятію, внесъ въ 1697 году въ дубровницкій сборникъ, когда Качичу было ровно семь лѣтъ.

§ 49. Почтенный францисканецъ и большой народолюбецъ Андрія Качичъ-Миошичъ будетъ всегда съ почтеніемъ воспоминагься, когда зайдетъ рѣчь о прошлыхъ судьбахъ хорватской и сербской народной поэзіи. Если бы были другія условія, онъ за сто лѣтъ раньше могъ бы стяжать ту же славу, которая впоследствии выпала на долю Вука. Ибо никто до Вука и, можетъ быть, никто и послѣ него, не обошелъ столько странъ сербо-хорватскаго народа съ специальною цѣлью—изучить его народныя пѣсни, какъ старикъ Милованъ, который говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ такъ: „считался съ гуслими отъ Скадра до Задра, отъ Мостара до Котара“. Но задача Качичева путешествія не была къ несчастью выполнена по нашимъ нынѣшнимъ желаніямъ и образцамъ. Онъ путешествовалъ въ народѣ, прислушивался къ его пѣснямъ и, по всей вѣроятности, и записывалъ кое-что. Но цѣлью его не было—собрать или описать, что онъ слышалъ и запомнилъ. Его изученіе имѣло свою особую заднюю мысль. Будучи и самъ одаренъ великимъ даромъ поэтическаго творчества—народный поэтъ и пѣвецъ, онъ сумѣлъ скоро и легко сблизиться съ народной вилою—поэзіею такъ, что искуснымъ подражаніемъ онъ успѣлъ подогнуть свои творенія подъ народный складъ и размѣръ. Этимъ счастливо приобретеннымъ искусствомъ воспользовался Андрей Качичъ съ двойною цѣлью: во первыхъ—пѣсни, которыя онъ слышалъ, что поются въ народѣ,—исправить нѣсколько въ формѣ и особенно въ содержаніи сообразно требованіямъ исторической истины, т. е. исправить ихъ по документамъ, чтобы были исторически-вѣрными, затѣмъ дополнить ихъ, чтобы были точнѣе въ упоминаніи людей и мѣстъ, въ исчисленіи годовъ, войска и пр. Во-вторыхъ важнѣйшая, почти главная цѣль была у него: при помощи историческихъ книгъ, частныхъ писемъ, грамотъ и другихъ не всегда чистыхъ источниковъ—наполнить пробѣлы народной поэзіи такъ, чтобы народъ имѣлъ цѣльную исторію своей славы, своего прошлаго, сложенную на мотивахъ и по складу народныхъ пѣсней. Правда, его по-

нтіе о народній исторіи было оч. узко: его занимали одни „короли, баны и славянскіе витязи“, послѣ королей и начальниковъ ему хотѣлось преимущественно „знать и указать свѣту, кто былъ юнакомъ, отсѣкалъ ли турецкія головы и сколько ихъ отсѣкъ“. Матерьялъ для такихъ пѣсенъ черпалъ опъ, какъ я сказалъ, изъ разныхъ источниковъ, преимущественно изъ старыхъ рукописей, которыя ему попадались пока онъ странствовалъ съ мѣста на мѣсто. Кажется, что не вездѣ онъ находилъ дружественную встрѣчу. Потому и говоритъ: если кому обидно, что нѣтъ упоминанія его рода и имени въ пѣсняхъ, „я въ томъ не виноватъ... ибо старцу Миловану не показали своихъ бумагъ съ печатью, утвержденныхъ государемъ... развѣ они думаютъ, что онъ съ шапкой въ рукѣ станетъ упрашивать, чтобы воспѣты ихъ старыхъ юнаковъ? Онъ вообще говорить такъ, что видно, что онъ имѣлъ въ своемъ собираніи и составленіи пѣсенъ довольно противниковъ, чему мы теперь не удивляемся, зная, какъ всякій новый предметъ сначала встрѣчаетъ отпоръ. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже угрожаетъ, что если бы кто противъ него зашѣлъ, бѣдняга Милованъ „отпоетъ ему по старо-черногорски“.

Въ „Razgovor ugodni“ Качича по изданію 1759 г. встрѣчаются всего двѣ такія пѣсни, о которыхъ онъ самъ говорить, что онѣ народныя, это на стр. 154—155 двѣ пѣсни о воеводѣ Янкѣ, которыя вообще поютъ Далматинцы, Босняки, Личане и остальной славянскій людъ. Пріятно ихъ слушать, *хотя и не возможно, чтобы были онѣ вполне правдивы*. Эта добавка оч. замѣчательна. Видно, съ какой однако точки зрѣнія смотрѣлъ Качичъ на народную поэзію. И въ свою очередь въ концѣ другой пѣсни онъ говоритъ: „Это поется нашимъ народомъ, кто хочетъ вѣрить, пусть вѣритъ, кто не хочетъ, пусть воздержится“. На стр. 305 того же изданія есть пѣсня „отъ града Задварья“, на который сдѣлалъ штурмъ босанскій и герцеговинскій паша. Эту пѣсню поэтъ исправилъ по исторіи, а въ предшествовавшемъ изданіи, судя по его словамъ, была чисто-народная пѣсня. Онъ говоритъ: „эта пѣсня и прежде мною была напечатана, но не вполне, какъ здѣсь, ибо я ее напечаталъ, какъ слышалъ что ее пѣли; но потомъ, читая исторію и иное узнавъ отъ умныхъ людей, я указываю свѣту такъ, какъ случилось на дѣлѣ“. Значеніе этого примѣчанія ясно для всякаго. Было бы оч. поучительно, если бы мы могли эту исправленную пѣсню сопоставить съ тою прежнею народною: тогда бы мы еще лучше

видѣли, въ чемъ состояла эта Качичева передѣлка. Къ сожалѣнью, понынѣ не попали на слѣдъ ни одного болѣе ранняго изданія, чѣмъ 1759 года.

§ 50. Пѣсенникъ Качича, хотя и не чисто-народный, имѣетъ въ исторіи народной поэзіи Хорватовъ и Сербовъ большое значеніе. Съ этой поры стало извѣстно не только то, что у нихъ есть множество народныхъ пѣсень, но, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени выработалось представленіе о народныхъ пѣсняхъ, представленіе, конечно, не вполне правильное,—такъ какъ Качичевы композиціи, по недоразумѣнью, иногда смѣшивались съ чисто-народными. Это выпало на долю итальянцу Альберту Фортису, первому иностранцу, обратившему вниманіе на народную поэзію далматинскихъ Хорватовъ, такъ что съ той поры стали о ней писать и на западѣ. Фортисъ имѣлъ, какъ очень ученый и широко-образованный человекъ своего времени, большія связи и знакомства со многими учеными людьми западной Европы, и его сочиненіе, говорившее о народной далматинской поэзіи, появилось какъ разъ въ удобный моментъ, именно тогда, когда (около 1765 г.) шотландскія народныя баллады обратили на себя вниманіе не только образованной Англій, но именно цѣлой Европы, и на устахъ всякаго читался вопросъ: нѣтъ ли еще и у другаго какаго-нибудь народа такой поэзіи, которая замѣняетъ для него писанную исторію? Въ книгѣ Фортиса любознательная Европа нашла одинъ отвѣтъ на такой вопросъ.

Въ 1771г. издалъ Альб. Фортисъ въ Венеціи книгу подъ заглавіемъ „Saggio d' Osservazioni sopra l' Isola di Cherso ed Osero“, къ которой присоединено открытое письмо къ англичанину Симондсу, гдѣ говорить о разныхъ народныхъ вѣрованіяхъ далматинскихъ островитянъ, и прибавляетъ: „я сначала печалился по поводу оч. многихъ суевѣрій простаго народа, а теперь думаю, пускай ихъ, ибо такъ сохраняются и многія хорошія вещи, какъ интересныя народныя пѣсни, которыя особенно добрую услугу окажутъ вашимъ кельтскимъ Шотландцамъ при изученіи народной поэзіи“. Итакъ, надѣясь, что заинтересуетъ Англичанина, сообщаетъ ему въ итальянскомъ переводѣ одну яко-бы народную далматинскую пѣсню, но она—не народная, а Качичева—о Кобилитѣ и Вукѣ Бранковичѣ.

Гораздо подробнѣе говорить Фортисъ о народныхъ обычаяхъ и слѣд. о народныхъ пѣсняхъ далматинскихъ „влаховъ“, т. е. поселянъ съ материка, извѣстныхъ подъ име-

немъ „Морлаковъ“, въ своемъ замѣчательномъ путешествіи, вышедшемъ въ 1774 г., въ двухъ частяхъ: *Viaggio in Dalmazia dell' abate Alberto Fortis*. (Венеція. 1774, 4°. I. 180. Н. 204). Тотъ главный трудъ, который говоритъ о морлацкихъ обычаяхъ (*de Costumi de Marlacchi*), въ свою очередь посвященъ одному Англичанину, милорду Стюарту. И въ этой книгѣ Фортисъ приводитъ еще отчасти примѣры изъ Качича, но въ счастливый часъ пришла ему мысль—приложить одну чисто-народную пѣсню къ этой главѣ въ оригиналѣ и переводѣ: это—знаменитая „жалобная пѣсня родовой Асанъ-агиницы“. Пѣсня эта дѣлаеть поворотъ въ исторіи сербо-хорватской народной поэзіи, въ ея сношеніяхъ съ западомъ Европы. Этотъ перлъ народнаго творчества нашелъ Гёте, читая Фортисово путешествіе, судя по его словамъ, во французскомъ *) переводѣ, если онъ не промахнулся,

*) Гёте говоритъ въ статьѣ „*Serbische Lieder*“, напечатанной въ 1825 г. въ V. 2. 35—60 изданія: „*Ueber Kunst und Alterthum*“ такъ: „Уже пятьдесятъ лѣтъ прошло, какъ я перевелъ жалобную пѣсню благородныхъ женъ Гасанъ—Аги, которая находилась въ запискахъ о путешествіи аббата Фортисъ, а оттуда попала въ Морлацкія записки графини Розенбергъ. Я ее перевелъ съ приложеннаго французскаго перевода ритмомъ и съ соблюденіемъ расположенія словъ въ оригиналѣ по догадкѣ“.

(*Schon sind es fünfzig Jahre, dass ich Klaggesang der edlen Frauen Asan Aga uebersetzte, der sich in des Abbate Fortis Reisen, auch von da in den Morlackischen Notizen der Gräfin Rosenberg finden liess. Ich übertrug ihn nach dem beigelegten französischen, mit Ahnung des Rhythmus und Beachtung der Wortstellung des Originals*“ (Goethes Werke, ed. Hempel, Heft 73. B. 29, s. 583).

Полагаю, что Гёте принадлежитъ только эпиграфъ, изъ того, что французскій переводъ вышелъ только въ 1778 г., а въ этомъ году и первый выпускъ изданъ „*Volkslieder*“ Гердера, гдѣ на послѣднемъ мѣстѣ, т. е. въ 3-й кн. № 24 находится переводъ Гёте „*Klaggesang von der edlen Frauen des Asan-Aga. Morlakisch*“ съ анонимнымъ добавленіемъ: „Переводъ этой благородной пѣсни не принадлежитъ собирателю“ (*Die Uebersetzung dieses edlen Gesanges ist nicht vom Sammler*). Слѣдуетъ знать, что и цѣлое изданіе „*Volkslieder*“, (2 ч. 1778—1779), изъ котораго впоследствии вышли извѣстныя „*Stimmen der Völker*“ не упоминають имени Гердера.

когда почти 50 лѣтъ спустя говорить объ этомъ, и вмѣсто итальянскаго ставить слово—французскій. Онъ уступилъ свой переводъ Гердеру, который съ давняго времени занимался народной поэзіею и приготовлялъ сборникъ различныхъ народныхъ пѣсень въ нѣмецкомъ переводѣ. Кромѣ перевода Гёте Гердеръ помѣстилъ въ своей книжкѣ еще слѣд. „морлацкія“ пѣсни:

Въ I части (Volkslieder 1778) кн. II. № 8 „Ein Gesang von Milos Cobilich und Vuko Brankovich. Morlakisch“ (заимствована изъ книги Фортиса: Osservazioni, 1771 стр. 162, а туда попала изъ Качичева перевода „Разговора“ 1759 стр. 59).

Во II части (Volkslieder 1779) кн. II № 28 „Radoslaus. Morlakisch“ (эту пѣсню приводитъ Гердеръ изъ рукописнаго перевода Фортиса, но и она—переводъ Качичевой пѣсни на стр. 27 вышеупомянутаго изданія).

Во II части кн. II. № 29 „Die Schöne Dolmetscherin. Morlakisch“ (и эту пѣсню приводитъ Гердеръ изъ рукописи Фортиса, и она—переводъ пѣсни, напечатанной у Качича на стр. 155 подъ заглавіемъ „Pisma od Sekule Jankoba ne-tjaka (племянника), divojke Dragomana i paše Mustajbega“, но объ этой пѣснѣ Качичъ говоритъ, что слышалъ, какъ пѣли ее въ народѣ).

Итакъ въ цѣломъ сборникъ Гердера заключаетъ четыре „морлацкія пѣсни“; кромѣ однимъ—одной „жалобной пѣсни благородныхъ женъ Асанъ—аги“, всѣ остальные сводятся на сборникъ Качича, откуда Фортисъ заимствовалъ свои переводы *).

Дѣйствительно иностранецъ Фортисъ пробудилъ интересъ къ Славянамъ у своихъ соотечественниковъ. Противъ него выступилъ, съ цѣлью поправить его, нѣкій Ловричъ въ книгѣ, изданной въ 1776 г. подъ заглавіемъ: Osservazioni sopra diversi pezzi del Viaggio in Dalmazia. Къ главѣ о морлацкихъ обычаяхъ прибавляетъ Ловричъ пѣсколько поправокъ и добав-

* Я долженъ былъ объ этомъ говорить подробно, чтобы видно было, что именно не было никакого основанія упрекать меня въ „Оттаджбинъ“ (III. 589), что будто я не видалъ сборника Гердера. Я радуюсь всякой поправкѣ, только жду, чтобы исправлялось, что можетъ или должно быть исправлено, bona fide.

лений. Тутъ пополняются данныя Фортиса разсказомъ о пѣннѣ народныхъ пѣсень, о музыкальныхъ инструментахъ и еще кое-чѣмъ. Еще внесены въ книгу слѣд. три стиха *):

Вдѣтъ на конѣ Королевичъ Марко,
одной змѣей коня взнуздавъ,
а другая ему служить кнутомъ **).

Извѣстный нѣмецкій историкъ, Иоганнъ Мюллеръ, который много занимался вопросомъ о народной поэзїи и послѣ Гердеровой смерти издалъ его сборникъ, подъ популярнымъ именемъ „*Stimmen der Völker*“, вызвалъ Дубровничанина Ферича, переведшаго ***) народныя пословицы на латинскій языкъ, чтобы еще что-нибудь изъ произведеній народной словесности перевести на латинскій языкъ, чтобы больше познакомить Европу съ великимъ народомъ, что живетъ къ югу отъ Дуная до греческихъ предѣловъ. Онъ говоритъ: „Такъ какъ въ обширной странѣ, простирающейся отъ Истра до предѣловъ собственной Греціи между двумя морями жило много народовъ въ одно или въ разное время, то въ языкѣ, нравахъ, воспоминанїяхъ ихъ остались слѣды о большей части изъ нихъ; и я думаю, что ты угодишь бы ученымъ, если бы, собирая ихъ, вкратцѣ отмѣтилъ, откуда

*) Феричъ упоминаетъ ихъ также: „Я помню, что я слышалъ поющего о царѣ Маркѣ (а его считаетъ молва первымъ между героями)“ и т. д. *Marco de rege canentem (nunc inter primos heroes fama reponit) audisse haec memini: „Rex ipse et regia Marcus progenies sedet altus equo, colubro utitur uno pro fraenis, alio ressentis terga flagellat“.* (Epist. ad I. Müller. 9).

**) *Iaše konja Marko Kraljeviću,
s jednom zmijom konja zauzdao
a druga mu za kandžiju služi.*

***) Переводъ вышелъ въ 1794 г. въ Дубровникѣ подъ заглавіемъ: *Georgii Ferrich Rhacusani Fabulae ab illyricis adagiis desumptae*. Ко всякой пословицѣ для объясненія прибавлена въ стихахъ маленькая басня. Не могу сказать, что въ нихъ много содержанія, слишкомъ онѣ общи, что и самъ авторъ признаетъ, говоря, что главная цѣль его была добрая—моральное правоученіе. Извѣстно, что хорватскій текстъ пословицъ вошелъ въ драгоценный сборникъ Даичича.

и отъ кого слѣды эти происходятъ⁴ *). Туземная мудрость жень и старцевъ, говоритъ образованный Нѣмецъ, лучше выражаетъ настоящую гуманность, чѣмъ рассказы о войнахъ; изъ нея отсвѣчиваетъ чистый характеръ народа; кто желаетъ добра своему народу—надо, чтобъ занялся изученіемъ подобныхъ предметовъ. Феричъ дѣйствительно отозвался на его вызовъ, но едва ли Мюллеръ былъ удовлетворенъ его отвѣтомъ. Къ сожалѣнію, для Ферича было больше хлопотъ о томъ, чтобы показать себя даровитымъ латинскимъ поэтомъ, чѣмъ вѣрнымъ истолкователемъ того, чего искалъ отъ него образованный иностранецъ. Въ коротенькомъ посланіи Ad clarissimum Virum Johannem Müller Georgii Ferrich Ragusini epistola (Рагуза 1798), написанномъ, конечно, въ стихахъ, Феричъ говоритъ довольно туманно. Обо всемъ по немногу: о пѣсняхъ, о гусяхъ, о колю и пр.; разсыпаясь въ латинскихъ фразахъ, которыя лишь портятъ вѣрную картину предмета. Напоследокъ приложенъ переводъ 38 народныхъ пѣсень, выбранныхъ безъ критики: народное смѣшано съ ненароднымъ, переводъ слишкомъ вольный, отступаетъ отъ оригинала безъ надобности, ибо для переводчика—выше эффектъ латинской элеганціи, чѣмъ вѣрность. Насколько выше его стоитъ въ этомъ Фортисъ! Если бы по счастью онъ приложилъ оригиналы, мы бы все ему простили; но и ихъ нѣтъ, какъ у Фортиса, но только одинъ-два стиха въ началѣ, изъ которыхъ при этомъ нельзя разобратъ ничего больше, кромѣ значительнаго его отступленія отъ славянскихъ текстовъ. Эту небрежность Ферича мы переносимъ тѣмъ съ большимъ трудомъ, что изъ перевода видно, что у него подъ рукою были настоящія народныя пѣсни, которыя онъ не черпалъ ни изъ Качича, ни изъ Фортиса, если не изъ этого послѣдняго онъ заимствовалъ Гасанагиницу, хотя въ посланіи ничего объ этомъ не упоминаетъ. Но начало такое же, какъ у Фортиса:

Что бѣлѣтся на зеленой горѣ?

*) Cum in latissima regione, quae ab Istro ad verae Graeciae fines inter duo maria patescit innumerae tribus ratio vel eodem tempore habitarent, plurimarum puto quaedam in lingua, moribus memoria vestigia remanserint, magnam in eis colligendis tum praecipue gratiam doctorum hominum inibis, cum quae optime cecineris, ea unde et a quibus habueris, brevi commentatione indigitare velis.

Спѣга ли то, иль лебеди...*)

Юнацкая пѣсня, кромѣ этой, еще одна о бановичѣ „*Страхиѣ*“ (Страхинѣ), которая въ Феричевомъ текстѣ начинается такъ:

Пьетъ вино бановичъ Страхиѣ
Въ Крушевѣ—градѣ бѣломъ—**)

если латинскій переводъ настолько вѣренъ, что по немъ можно судить о сборникѣ, то одинаковой пѣсни между нынѣшними о бановичѣ Страхиѣ я не нахожу.

Нѣкоторымъ женскимъ пѣснямъ я могу указать хотя и не источники, но оч. сродны параллели въ нынѣшнихъ извѣстныхъ сборникахъ. Напр. съ пѣснею на стр. 36, которая начинается такъ: „*Sjan mieseće, poćna vagavico* (обманщикъ) сравни въ сараевскомъ сборникѣ Петрановича № 190; съ пѣснею на стр. 38: „*Liepa je djevojka za gradom omrkla*“ у Вука I, № 609; съ пѣснею на стр. 47: „*Asan-aga na kuli s'djaše, na koljenu saruk zavijaše*“ въ Вуковыхъ герцегов. пѣсняхъ № 142, до извѣстной степени и Вука I. № 615; съ пѣснею на стр. 48 „*Hvalila se Asan-aginica u haremu medju kadunami*“ въ Вук. герцег. пѣсняхъ № 162 и отчасти Вука I, № 735, съ пѣснею на стр. 48 „*Mehmeda mila majka kagala: Memo sine ne bilo te u majke*“ въ Вук. герцег. пѣсняхъ № 171.

Заключу свидѣтельства изъ прошлаго о сербскихъ и хорватскихъ пѣсняхъ слѣд. словами историка Райча: „Многая о семъ королевичѣ (Маркѣ) помежду народомъ повѣствуются и въ пѣсняхъ поются, обаче множайшая отъ тѣхъ басни суть: зане суевѣрна и легкомыслена суть, якоже и оное еже о мечѣ его изъ земли исходящемъ баснословится. Аще ли же за истину почтется еже о немъ въ простихъ пѣсняхъ поется, обрѣтаемъ его быти продерзливымъ насилникомъ и подлимъ пѣяникомъ кромѣ прочихъ безстудій!“

Пер. Н. П. З—цкій. ¹⁾

*) Što se bieli u gori zelenoj? al'su sniezi al'su labudovi. 17.

**) Pije vino banović Strahija u Kruševu gradu bijelomu.

¹⁾ Переводчикъ долгомъ считаетъ выразить благодарность проф. Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института *Лит. Семья Будиловичу* и преподавателю Киевской 2-й Гимназій *Вяч. Ив. Петру* за помощь, радушно ему оказанную обими—первымъ при передачѣ хорватскаго текста, а вторымъ—греческихъ и латинскихъ цитатъ.

Францъ Ладиславъ Челяковскій.

(*Вмѣсто введенія къ письмамъ*).

Приготовляя для одного изъ слѣдующихъ выпусковъ „Славянскаго Ежегодника“ статью о чешскомъ литературномъ „возрожденіи“, въ которой видное мѣсто должна занять біографія Ф. Л. Челяковскаго, ограничиваемся на этотъ разъ коротенькимъ очеркомъ, составленнымъ по брошюрѣ Я. Малаго *).

Фр. Л. Челяковскій родился въ Страконицахъ 7 марта 1799 г. Отецъ его былъ небогатый мѣщанинъ, по словамъ однихъ—столяръ, по другимъ—сапожникъ. О дѣтскихъ годахъ его намъ извѣстно очень немногое: скорѣе всего, что первый фундаментъ образованія своего положилъ онъ въ мѣстной школѣ своей родины. Изъ этой поры его жизни извѣстно намъ единственно то обстоятельство, что отецъ его всѣми силами добивался сдѣлать изъ него музыканта, и принуждалъ его къ скрипкѣ, къ которой однако мальчикъ, вообще очень даровитый, не имѣлъ ни малѣйшей склонности.

Гимназическій курсъ проходилъ онъ отчасти въ Пискѣ, отчасти въ Будѣевичахъ; философскій—частію въ Линцѣ, частію въ Прагѣ, гдѣ рано связали его усы тѣсной дружбы съ Камаритомъ (ум. въ 1833 г.), Хмеленскимъ (ум. въ 1839) и Винаржицкимъ (ум. въ 1869 г.).

Когда и по какому поводу зародилась въ Челяковскомъ патріотическая идея—не знаемъ: всего скорѣе совершилось это подъ влияніемъ вышеупомянутыхъ его друзей. Одно извѣстно несомнѣнно, что первые поэтическіе и вообще литературные опыты Челяковскаго были на нѣмецкомъ языкѣ; но они никогда не вышли въ свѣтъ, и авторъ ихъ, когда выяснился предъ нимъ дальнѣйшій его путь, сжегъ всѣ свои нѣмецкія рукописи въ торжественномъ *авто-да-фе*.

Штливый умъ его стремился къ знаніямъ, прекрасныя дарованія легко удовлетворяли этимъ его стремленіямъ: онъ рано усвоилъ себѣ, вмѣстѣ съ основательнымъ общимъ и классическимъ образованіемъ, обширныя свѣдѣнія не толь-

*) Frant. Lad. Čelakovský. Životopisný nástin od J. Malého. (Прага. 1852).

во о Чехіи, но и о прочихъ славянскихъ земляхъ, изучилъ языки: итальянскій, французскій и англійскій. Филологическое изученіе иностранныхъ языковъ Челяковскій всегда велъ сравнительно со славянскими нарѣчіями.

Его склонность къ наукамъ, его пылкая любовь къ родинѣ не допустили избрать какую-либо такъ наз. *хлѣбную профессию*: онъ со всею душевною пылкостью, полный юношескаго огня, избралъ карьеру писателя, не пугаясь тѣхъ разнообразныхъ невзгодъ и лишеній, съ которыми соединена эта карьера. Въ независимости патриотическаго писателя Челяковскій искалъ той свободы, отъ которой онъ долженъ бы отказаться при всякой другой *службѣ* обществу.

Первый литературный дебютъ Челяковскаго относится къ 1822 году: онъ издалъ *сборникъ стихотвореній и славянскихъ народныхъ пѣсенъ*. Не пускаясь въ подробный анализъ этого труда, замѣтимъ здѣсь только одно, что для той поры слѣпного подражанія нѣмецкимъ образцамъ—стихотворенія Челяковскаго, какъ по глубинѣ идеи такъ и по изяществу формы, были многознаменательнымъ явленіемъ среди тогдашняго стихоплетнаго изобилія.

Въ слѣдующемъ году вышли Челяковскаго *Listové z dávnověkosti*, переводъ *Blätter der Vorzeit* Гердера. Если въ сборникѣ стихотвореній онъ показалъ, какъ искусно владѣть формою мѣрной рѣчи, то тутъ мы видимъ Челяковскаго вполне мастеромъ въ прозѣ. Тогда была переходная пора отъ слога стараго къ новому: въ произведеніяхъ, даже неисключая Юнгманна, замѣтна какая-то неувѣренность и колебаніе; Челяковскій же впервые представилъ классическій образецъ новаго чешскаго слога.

Въ 1825 г. Челяковскій съ участіемъ Хмели издалъ первый, насколько намъ извѣстно, чешскій альманахъ подъ названіемъ *Dennice neb Nororočenka*. Въ 1827 г. вышелъ его сборникъ *литовскихъ народныхъ пѣсенъ* и затѣмъ *Marinka*, переводъ драмы Гёте—*Die Geschwister*.

Доказательство тому, что мы сказали выше о колебаніи слога переходной эпохи, показалъ въ 1828 г. Челяковскій на себѣ самомъ. Онъ издалъ переводъ *Дня на озера (the Lady of the Lake)* Вальтеръ-Скотта, въ которомъ желалъ мѣрную рѣчь подлинника вознаградить страстнымъ высокопарнымъ прозаическимъ языкомъ. Это былъ уже не тотъ изящный, гладкій, отчеканенный слогъ прежнихъ прозаическихъ произведеній Челяковскаго: это слогъ совершенно иной, который, забывъ обыденный способъ выраженія, вращается въ новой обстановкѣ, ищетъ красоть въ неестественности,

выступает на ходуляхъ, слогъ, утомляющій душу вмѣсто того, чтобы развлекать мысль... *Днвою озера* оканчивается первая эпоха литературной дѣятельности Челяковскаго: главное отличіе ея то, что въ ней впервые проявляются силы его и способности, и лишь позднѣе появляются въ свѣтъ вполне достойные плоды этихъ силъ и способностей... На путь, начатый *Днвою озера*, Челяковскій никогда не выступалъ болѣе.

Въ 1829 году вышелъ *Ohlas písni ruských*—начало славы Челяковскаго. Изъ всей области славянства Челяковскій предпочиталъ русскую отрасль: русская исторія, русская литература, русская народная поэзія были любимыми предметами его изученія. И дѣйствительно, читая *Ohlas písni ruských*, не знаешь, чему больше удивляться—поэту ли или подражателю. Нелегко удастся кому либо другому такъ всецѣло погрузиться въ чуждую стихію, такъ полно проникнуться ею, чтобы такъ мастерски творить въ ея духѣ, какъ то дѣлаетъ Челяковскій. Отъ этого творенія такъ и вѣетъ духомъ русской народной поэзіи, идеализированнымъ поэтическою гениальностію... Кромѣ вышедшей первымъ изданіемъ въ 1824 году, *Дочери славы* (*Slávy dcera*—Коллара), ни одно произведеніе новой чешской литературы не встрѣчалъ такой блестящей успѣхъ, какъ *Ohlas písni ruských*... Довольно сказать, что, если бы Челяковскій не написалъ ничего больше, одного этого произведенія было бы достаточно для обезпеченія ему почетнаго мѣста среди лучшихъ поэтовъ Славянства.

Въ слѣдующемъ году Челяковскій сдѣлалъ второе изданіе своихъ стихотвореній, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Въ нихъ являются,—если только это возможно,—еще въ болѣшихъ размѣрахъ классически выработанное изящество, образцовая красота формы, чѣмъ какія далъ *Ohlas písni ruských*, въ которомъ чуждый типъ, до извѣстной, по крайней мѣрѣ, степени, долженъ былъ стѣснять поэтическую его свободу.

Уже имя Челяковскаго блистало среди первыхъ чешскихъ литературныхъ корифеевъ, но слава хлѣбомъ не кормить. И онъ долженъ былъ, изъ-за насущныхъ нуждъ, подчиниться необходимости посвятить себя черной работѣ, познакомиться съ ремесленной, такъ сказать, стороной профессіи писателя, подъ гнетомъ которой гибнуть многія дарованія, достойныя лучшей участи. Ему поручена была корректура *Журнала для католическаго духовенства*, начавшаго выходить въ свѣтъ въ 1828 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ пере-

водъ книгъ св. Августина о *градѣ Божіемъ*, по заказу Пражской архіепископской консяторіи, и эта работа занимала его съ 1829 по 1833 годъ. Переводъ Челяковскаго представляетъ образецъ изящества серьезнаго слога. Въ это время онъ сталъ получать отъ князя Рудольфа Кинскаго, благороднаго мецената, ежегодную субсидію въ 600 гульденовъ.

Литературная извѣстность Челяковскаго обратила на него вниманіе русскаго правительства, и ему предложена была кафедра славяновѣдѣнія въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Челяковскій колебался, но въ концѣ концовъ остался въ Чехіи, находя отовсюду увѣренія въ близкой переменѣ своей обстановки къ лучшему. И дѣйствительно, фортуна какъ-будто начала улыбаться Челяковскому, но и тутъ не обошлось безъ одного обстоятельства, которое выдвинулось на сцену вслѣдствіе того, что Челяковскій забылъ на время необходимую для общественнаго дѣятеля осторожность.

Тогдашній оберъ-бургграфъ Чехіи графъ Хотекъ, не оставлявшій безъ вниманія ни одного болѣе замѣтнаго явленія въ странѣ, ввѣренной его управленію, началъ ближе присматриваться къ разцвѣту новой чешской литературы. Всегда готовый поддержать всякое доброе дѣло, гр. Хотекъ стремился и тутъ оказать посильную поддержку. Обративъ вниманіе на бѣдное положеніе *Пражскихъ Новинъ*, онъ устроилъ реформу ихъ въ томъ отношеніи, что редакція ихъ ввѣрена Челяковскому на такихъ условіяхъ, что единственно отъ его дѣятельности зависѣло—получать больше или меньше отъ своей редакціи. вмѣстѣ съ тѣмъ *Rozmanitostі*, беллетристическое приложеніе газеты, превратились въ *Чешскую Пчелу* (*Česka Včela*).

Челяковскій принялъ редакцію въ 1834 году. Подлѣ него сгруппировался небольшой кружокъ сотрудниковъ, преимущественно личныхъ его друзей, а также молодыхъ читателей, которые, подъ его опытнымъ руководствомъ, пробовали свои силы на вновь открывшемся для нихъ литературномъ поприщѣ. И Челяковскому удалось въ короткое время—возвысить число подписчиковъ на *Noviny* и *Пчелу* до значительной, по тому времени, степени, такъ что доходъ отъ редакціи былъ немалый, если принять въ соображеніе, что весь гонораръ поступалъ редактору, и изъ него онъ платилъ только постоянному сотруднику, остальные же сотрудники работали по доброй волѣ безъ всякаго вознагражденія.

Въ этомъ же году, считая положеніе свое достаточно обезпеченнымъ, Челяковскій вступилъ въ бракъ съ дѣвушкой;

которую любилъ давно. Марія сдѣлалась основательницею его домашняго счастья.

Межъ тѣмъ журнальная дѣятельность Челяковскаго не удержалась на мирной дорогѣ. За годъ передъ *Пчелой* сталъ выходить у Поспишила другой еженедѣльный журналъ: *Jindy a Nyní*, который съ 1834 года превратился въ *České Květy*. Это былъ центръ молодыхъ, энергическихъ литературныхъ силъ, которыя, не вынося никакихъ ограниченій, силились проложить себѣ новую оригинальную дорогу. Напротивъ Челяковскій въ *Пчелѣ* поддерживалъ болѣе серьезное, болѣе выдержанное направленіе, стремился прежде всего къ солидности, тогда какъ *Květy* били прежде всего на оригинальность. Какъ писатель съ классически—выработаннымъ вкусомъ, Челяковскій всегда придавалъ большое значеніе совершенству формы, *Květy* же, неособенно придерживавшіеся классическихъ образцовъ, давали много поводовъ къ его нападкамъ. Представителемъ лагеря въ журналѣ *Květy* былъ литературный новичокъ посредственныхъ способностей, незначительнаго образованія и при томъ полный необыкновеннаго честолюбія, далеко невѣрно оцѣнивавшій свои силы, необыкновенно чувствительный къ каждой царапинѣ. Само собою разумѣется, Челяковскій—талантъ, слишкомъ, правда, сознающій себѣ цѣну и не терпящій никакихъ противорѣчій и при этомъ полный сатирическаго юмора—всегда долженъ былъ рассчитывать на успѣхъ въ литературной войнѣ. Но война не окончилась однимъ пораженіемъ слабѣйшей стороны: она тянулась еще долго, правда, не съ прежнею энергіей у позднѣйшихъ представителей одной и другой школы; споръ утихъ совершенно, когда партіи, сначала находившіяся другъ съ другомъ въ крайне-возбужденной распрѣ, мало-по-малу сблизились и смѣшались...

Въ эту пору Челяковскому былъ порученъ отъ правительства переводъ на чешскій языкъ вновь выпедшаго *Устава о наказаніяхъ по уголовнымъ дѣламъ*. Чтобы окончить трудъ въ опредѣленный срокъ, Челяковскому, при его многочисленныхъ занятіяхъ, приходилось работать сверхъ силъ. Челяковскій окончилъ переводъ „Устава“ въ полгода и сдѣлалъ его такимъ образцовымъ образомъ, что онъ вышелъ удобопонятнѣе оригинала.

Въ 1835 г., со смертію Неѣдлаго, каяедра чешскаго языка въ Пражскомъ университетѣ осталась вакантною. Его замѣстилъ, въ качествѣ адъюнкта, Челяковскій. Заброшенная много лѣтъ каяедра стала на высоту, на которую не могли возвысить ее дарованія Неѣдлаго. Имя Челяковскаго

привлекло множество студентовъ въ его аудиторію; благодаря ясному и интересному изложенію, онъ сталъ любимцемъ своихъ слушателей. Челяковскому предстояло занять кафедру эту въ качествѣ ординарнаго профессора... Но случилось обстоятельство, которое неожиданно разрушило всѣ его надежды на будущее.

Во время польскаго возстанія 1830—1831 года Челяковский открыто и усердно отстаивалъ сторону русскихъ въ спорахъ съ болѣе молодыми собратьями по литературѣ, которые смотрѣли на возстаніе иными глазами... Но несмотря на эти общіе взгляды, онъ многое не одобрялъ въ дѣйствіяхъ побѣдителей съ побѣжденными; сатирическое настроеніе повело его дальше, чѣмъ то позволяло благоразумію, и онъ сопоставилъ въ „*Пражскихъ Новинахъ*“ образъ дѣйствія императора Николая съ Поляками съ образомъ дѣйствій Татарскихъ хановъ съ Русскими покоренными князьями... Австрійская цензура не доглядѣлась до этого мѣста; не такъ поступило русское посольство въ Вѣнѣ. Вслѣдствіе настояній его предъ австрійскимъ правительствомъ, Челяковский былъ призванъ къ отвѣту и былъ уволенъ отъ профессуры и отъ редакціи. Это было ударомъ и для самого Челяковского, и для чешскаго народнаго дѣла. „*Чешская Пчела*“, при новомъ редакторѣ Щепанкѣ, упала въ короткое время ниже посредственности; какъ необходимое приложение къ „*Пражскимъ Новинамъ*“ она подорвала и ихъ, несмотря на исправное веденіе ихъ прежнимъ сотрудникомъ Челяковскаго, Томичкомъ. Немного прошло времени, и „*Пражскія Новины*“ имѣли всего 200 подписчиковъ, какъ было до 1834 года. Кафедра же чешскаго языка незамѣтно прозябала при различныхъ преемникахъ Челяковского.

Невзгода, постигшая Челяковского, сильно поразила его душу, и хотя должность бібліотекаря, предложенная ему вдовою, умершаго незадолго предъ тѣмъ, князя Кинскаго, избавила его, по крайней мѣрѣ, отъ болѣе насущныхъ быденныхъ заботъ, но она не могла дать ему такого обезпеченнаго положенія, которое, освободивъ его ото всѣхъ матеріальныхъ неудобствъ, предоставило бы ему нужныя минуты отдыха для его литературныхъ работъ. Горечь, наполнявшая его сердце и душу, искала изліянія въ эпиграммѣ и сатирѣ...

До 1840 года литературная дѣятельность Челяковского ограничивалась участіемъ въ журналахъ: „*Музейникъ*“, „*Денница*“, „*Вѣнецъ*“ и т. д. Все свободное время отнималъ у него подборъ для большого ученаго труда,—именно для этимоло-

гического словаря, въ чемъ онъ находилъ поддержку и со стороны Юнгманна, который какъ разъ въ то время занятъ былъ изданіемъ своего монументальнаго чешско-нѣмецкаго словаря. Но, и среди серьезныхъ и хлопотливыхъ ученыхъ занятій, Челяковскій находилъ минуты для поэтическаго отдыха, и въ 1840 году выступилъ съ произведеніями, которыя прибавили новые лучи къ его славъ.

Это были *Ohlas písní českých* и *Stolista ráže*. Чѣмъ болѣе были промежутки между появленіями въ свѣтъ двухъ различныхъ произведеній Челяковскаго, тѣмъ болѣе сочувствіе публики встрѣчало его новыя произведенія. Въ упомянутыхъ произведеніяхъ Челяковскій проявилъ прежнюю свѣжесть, достигъ большей зрѣлости, законченности и глубины, не утративъ при этомъ силы творчества... Въ этомъ же году онъ издалъ въ свѣтъ *Чешскую орфографію* и *Краткую грамматику Нѣмецкаго языка*,—оба труда, очевидно, были лишь средствомъ поправить скудные матеріальныя средства поэта. Одновременно съ этимъ Корол. Чешское общество Наукъ выбрало Челяковскаго въ свои члены за его литературныя заслуги.

Переходимъ къ вызову Челяковскаго на кафедру во Вратиславъ (Бреславль) и къ семилѣтнему его тамъ пребыванію. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ учрежденіи кафедры въ этомъ городѣ. Вратиславскій университетъ непродолжительное время имѣлъ, для Верхнихъ Силезцевъ, кафедру Польскаго языка, которая, съ подавленіемъ польской революціи 1831 года, была уничтожена. Хлопоты о возобновленіи ея и устройствѣ новой кафедры славянскаго языка не имѣли никакихъ результатовъ. Новый король Пруссскій оказалъ милостивѣе, и польская депутація, являвшаяся къ нему, была отпущена съ самыми блестящими обѣщаніями. Правительство вновь подвергло обсужденію вопросъ объ учрежденіи славянскихъ профессорскихъ кафедръ. Рѣшено учредить двѣ такія кафедры: одну—въ Берлинѣ, другую—во Вратиславѣ. Въ Берлинѣ приглашенъ былъ Шафарикъ, который, хотя и отправился туда на развѣдки, но, получивъ тѣмъ временемъ мѣсто *кустоса* (библіотекаря) бібліотеки Пражскаго университета, не принялъ приглашенія и на свое мѣсто предложилъ Челяковскаго. Одновременно съ этимъ философскій факультетъ Вратиславскаго университета обратился къ профессору Пуркинѣ, чтобы и для тамошней кафедры онъ указалъ нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ ему славянскихъ ученыхъ. Онъ указалъ на двухъ чеховъ: Челяковскаго и Коубка, и поляка Цыбульскаго. Челяковскій отправился въ Берлинъ и, ознако-

жившись съ тамошними обстоятельствами, послѣ длинныхъ переговоровъ съ прусскимъ министерствомъ, рѣшился принять кафедру во Вратиславѣ. Въ Берлинѣ приглашенъ тогда же Цыбульскій. Полный самыхъ радужныхъ надеждъ, Челяковскій въ 1842 году переѣхалъ во Вратиславъ.

Первое время пребыванія въ новомъ мѣстѣ дѣятельности Челяковскій исключительно посвящалъ своей профессорской службѣ. Онъ началъ лекціи о литературѣ Славянъ вообще, о польскомъ языкѣ и литературѣ и языкѣ древне-славянскомъ. Немалого труда требовалось отъ него составленіе этихъ лекцій. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ назначеніе въ члены испытательной комиссіи по польскому языку. Сначала лекція его посѣщались очень незначительнымъ числомъ слушателей, чему способствовала немало излишняя его природная робость... Лишь впоследствии аудиторію его посѣщали въ болѣе значительномъ числѣ преимущественно верхнесилезскіе студенты-богословы.

Въ службы онъ былъ въ сношеніяхъ постоянно только съ профессоромъ Пуркиней. Попеременно устраивали они другъ у друга воскресныя собранія, на которыя приглашали и нѣкоторыхъ изъ друзей. Если заворачивалъ по пути во Вратиславъ какой-нибудь извѣстный славянскій ученый, то это было для нихъ настоящимъ праздникомъ. Такъ со славянскимъ гостепримствомъ встрѣчены были ими наши соотечественники О. М. Бодянский и И. И. Срезневскій. Кромѣ того пользовались расположеніемъ Челяковского извѣстный астрономъ, Богуславскій, отмеченный потомокъ польской фамиліи, и профессоръ классической филологіи Амброжь, сынъ чешскаго эмигранта.

Время, свободное отъ служебныхъ занятій, Челяковскій употреблялъ на собраніе дальнѣйшихъ матеріаловъ для задуманнаго этимологическаго словаря; также занимался онъ уже издавна собраніемъ славянскихъ пословцацъ. О литературной дѣятельности ему и думать было некогда вслѣдствіе множества занятій. Жизнь его текла тихо въ безпрестанной дѣятельности, безъ всякихъ тревогъ и безъ борьбы съ матеріальными невзгодами—въ счастья мирнаго семейнаго очага... Бывало, конечно, не безъ того, чтобы не взгрустнулось Челяковскому иногда о Прагѣ и тамошнихъ друзьяхъ; но онъ вознаграждалъ себя за это во время вакаціи, не упуская никогда случая посѣтить родину и провести нѣсколько недѣль въ кругу близкихъ его сердцу людей... Въ такое время Челяковскій какъ бы перерождался: въ его глазахъ блестяло внутреннее удовольствіе, и въ дружескомъ кружкѣ струей

билъ его неисчерпаемый юморъ. Эти дни бывали лучшими въ его жизни.

Тихому и безмятежному счастью Челяковскаго не суждено было долго продолжаться: въ апрѣлѣ 1844 года онъ потерялъ свою нѣжно-любимую жену... Четверо маленькихъ дѣтокъ лишились матери... Нетрудно понять, что смерть супруги была для Челяковскаго громадною, почти незамѣнимою утратой. Вдругъ взвалилось на его плечи тяжелое бремя прежде неиспытанныхъ домашнихъ заботъ, отъ которыхъ въ бывшее время заботливо оберегала его нѣжно преданная жена, и хотя сердце его болѣзненно скорбѣло по умершей, хотя въ немъ не было мѣста для прежней пылкой любви, тѣмъ не менѣе Челяковскій скоро ощутилъ необходимость, выступавшую все настоятельнѣе, — дать заброшенному хозяйству новую госпожу, осиротѣвшимъ дѣтямъ — новую мать. Второй бракъ этотъ, конечно, никакъ не могъ быть бракомъ по любви: этому препятствовали какъ болѣе зрѣлый возрастъ, такъ и масса серьезныхъ занятій Челяковскаго; задачей являлось — найти женщину, какъ можно ближе по образу мыслей, которая бы изъ уваженія къ нему занялась дѣломъ хозяйки и матери въ домѣ его, вдовца — идеалиста. При ограниченномъ кругѣ семейныхъ знакомствъ, Челяковскому не представлялось обширнаго выбора: рѣшеніе его скоро было одѣлано... На этотъ разъ выборъ его палъ на дѣвушку пылкихъ чувствъ, горячую патріотку и почитательницу въ мужчинѣ, подобномъ Челяковскому, его знаній и талантовъ... Ровно годъ спустя послѣ смерти своей первой жены Челяковскій обвинчался съ Антоніей Рейсъ.

Бракъ этотъ не былъ такъ счастливъ, какъ первый, главнымъ образомъ вслѣдствіе слишкомъ большой разницы въ характерахъ обоихъ супруговъ. Каждый изъ нихъ искалъ въ этомъ супружествѣ нѣчто иное: Челяковскій, сраженный послѣднимъ ударомъ судьбы, могъ предложить женѣ своей разбитое сердце и искалъ въ ней одной лишь распорядительности по хозяйству; новая подруга его жизни, отдавши свою руку знаменитому дѣятелю своего народа, въ этомъ бракѣ думала найти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое осуществленіе своихъ высокихъ идеаловъ, надѣясь, что въ сознаніи ея „жертвы“ будетъ извѣстное вознагражденіе за отсутствіе личнаго счастья. Но дѣйствительность не оправдала этихъ ея фантазій: въ домашней жизни Челяковскій не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ являлся въ своихъ повѣстическихъ созданіяхъ; словомъ, онъ былъ, какъ говорится, слишкомъ прозаическимъ мужемъ. Къ этому присоединилась со временемъ та все уси-

ливающаяся болѣзнь, которая въ концѣ концовъ свела его въ гробъ; что жъ удивительнаго поэтому, если Челяковскій, разбитый душевно и тѣлесно, становился день ото дня неспособенъ въ своемъ отношеніи къ женѣ? Единственное развлеченіе его въ послѣдніе годы пребыванія въ Вратиславѣ состояло въ частыхъ ботаническихъ экскурсіяхъ со старшимъ сыномъ Ладиславомъ, вступившимъ уже въ юношескій возрастъ. Въ этомъ проявилась практически любовь его къ царству Флоры, которая нерѣдко бывала источникомъ его поэтическихъ порывовъ.

Такъ однообразно текла жизнь Челяковского до 1849 года, когда, вслѣдствіе политическихъ переменъ, онъ былъ вызванъ на родину совмѣстно съ пріятелемъ своимъ Пуркиней. Челяковскому предоставлена была незадолго предъ тѣмъ учрежденная въ Пражскомъ университетѣ кафедра Славянской филологіи, которую занималъ первоначально Шафаригъ, по болѣзни принужденный ее оставить.

По пріѣздѣ Челяковского въ іюль 1849 года въ Прагу для занятія своей новой должности, всѣ его давніе друзья были испуганы тою значительной переменой, которая произошла съ нимъ. Прежде здоровый, полнолицый и плотный, онъ въ послѣднее время оч. измѣнился и замѣтно похудѣлъ. И расположеніе духа его было видимо разстроено: въ обращеніи съ людьми онъ сталъ раздражителенъ, чего съ нимъ прежде не бывало. Это были явные признаки болѣзни, вызывавшей опасенія въ его друзьяхъ, хотя они и утѣшали себя надеждою, что болѣе привычный климатъ родины и пребываніе въ кругу всего того, что издавна было ему мило и дорого, поправятъ вновь его разстроенное здоровье и попрежнему возвратятъ душѣ его обычное настроеніе.

Въ октябрѣ Челяковскій началъ свои лекціи въ Пражскомъ университетѣ. Читалъ онъ сравнительную грамматику главнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій и кромѣ того въ особые часы занимался ими съ своими слушателями практически. Для послѣдней цѣли онъ взялся за составленіе славянской христоматіи и уже въ 1850 году издалъ первую часть *Все-славянскаго начальнаго чтенія* (*Vseslovanské počáteční čtení*), которая заключала въ себѣ образцы *польской словесности*.

Уже во Вратиславѣ Челяковскій создалъ себѣ оригинально странное воззрѣніе на славянскія числительныя имена, которое, въ качествѣ заставшей въ головѣ его великой идеи, не оставляло его. И онъ прочелъ (3 янв. 1850) эту филологическую свою поэмку подъ заглавіемъ: „*Откуда берутъ начало славянскія числительныя имена*“ въ филологическомъ от-

дѣленія кор. чешскаго ученаго Общества, а также помѣстивъ ее въ „Музейникъ“. Работа эта, полная, правда, необычайнаго остроумія, служить въ то же время печальнымъ доказательствомъ того, насколько могутъ заблуждаться даже гениальныя натуры. Челяковскій до послѣдней минуты своей жизни остался вѣренъ мнѣніямъ, высказаннымъ въ этомъ изслѣдованіи.

Изо всѣхъ своихъ товарищей по философскому факультету, — который, мимоходомъ сказать, по случаю пятистлѣтняго юбилея Пражскаго университета, почтилъ Челяковскаго степенью доктора, — онъ ближе всего сошелся съ профессоромъ Ганушемъ... Предъ нимъ-то нерѣдко высказывался Челяковскій, что пятидесятилѣтній возрастъ — а въ этомъ возрастѣ его и пригласили въ Прагу — представляется ему тѣмъ срокомъ, въ который писатель долженъ уже прекратить простое собираніе матеріала для литературныхъ трудовъ, такъ какъ у него убываютъ и силы, и время, а скорѣе долженъ помышлять о приведеніи въ порядокъ и объ изданіи того, что успѣлъ собрать. Руководясь этимъ, Челяковскій взялся за систематизацію своего собранія славянскихъ пословицъ, — предмета занятій цѣлой четверти вѣка, — и какъ-бы для образца помѣстилъ изъ него въ „Музейникъ“ полный остроумія „Календарь изъ славянскихъ пословицъ“.

Въ томъ же году Челяковскій былъ выбранъ однимъ изъ судей надъ театральными пьесами, конкуррировавшими на преміи, и приговоры его по этому предмету были блестящимъ доказательствомъ какъ эстетическаго образованія, такъ и критическаго ума рецензента.

Въ то же самое время Челяковскій былъ назначенъ министертвомъ въ члены экзаменаціонной комиссіи при испытаніи кандидатовъ въ учителя гимназій, и въ этой должности своей онъ выказалъ себя строгимъ, но справедливымъ дѣятелемъ. Въ ту эпоху, когда чешскій языкъ, бывшій въ забвеніи столь долгое время, долженъ былъ получить доступъ и въ высшія учебныя заведенія, нужно было, если желали успѣшнаго осуществленія этой высокой цѣли, главнымъ образомъ позаботиться о томъ, чтобы преподаватели чешскаго языка сами имѣли въ достаточной степени свѣдѣнія въ немъ, были бы при этомъ знакомы съ исторіею и литературой своего народа. Имѣя это въ виду, Челяковскій былъ строгимъ экзаменаторомъ кандидатовъ, желая воспрепятствовать, какъ часто онъ выражался, людямъ, недостаточно знакомымъ съ роднымъ языкомъ, — отбивать мѣста у людей съ болѣе основательными познаніями и съ лучшими стремленіями, которые

могли явиться нѣсколько позднѣе. Смотри съ этой точки зрѣнія на требовательность Челяковскаго при экзаменахъ, о которой скоро пронеслась молва во всѣ закоулки Чехіи, мы можемъ только симпатизировать ей. Самъ онъ на вопросы по этому дѣлу, обыкновенно выражался, что часто ему самому приходится въ голову—не слишкомъ ли много онъ требуетъ отъ молодыхъ людей и не кривить ли иногда душой относительно ихъ; но что, по обсужденіи всего, всякую вину снимаетъ съ него полное сознание своей правоты....

При многосложности профессорскихъ занятій, Челяковский въ то же время проявлялъ и неутомимую дѣятельность литературную. Имѣя порученіе отъ министерства составить чешскія книги для чтенія въ гимназіяхъ, Челяковский взялся за этотъ трудъ, не предвидя, какія большія трудности и непріятности придется ему испытать при этомъ. Онъ называлъ эту работу своимъ „крестнымъ путемъ“, по которому ему пришлось идти до гроба, такъ какъ еще на смертномъ одрѣ онъ занимался пересмотромъ третьяго изданія. Въ это же время Челяковский издалъ почти незаконное литературное дѣтище, подъ заглавіемъ *Malý výbor z veškeré literatury české*, безъ имени его появившееся на свѣтъ въ 1851 году.

Неудовлетворенный работою Вѣнской комиссіи по составленію юридической терминологіи,—многіе термины казались ему слишкомъ „дѣланными“ и ненародными,—Челяковский помѣстилъ въ „Музейникъ“ 1851 г., какъ противоположный образецъ *Slovanská právnická přísloví* (Славянскія юридическія пословицы), которыя казались ему естественнымъ источникомъ къ исправленію и усовершенствованію будущей юридической терминологіи.

О его пристрастіи къ ботаникѣ мы упомянули уже выше. И въ Прагѣ онъ не пропускалъ случая дѣлать частыя экскурсіи для увеличенія прекрасной ботанической коллекціи, основаніе которой положилъ во Вратиславѣ; но, понимая поэтически и эти нѣжныя дѣтища природы, онъ въ этой ботанизаціи нашелъ поводъ къ особому роду поэтическаго творчества: *ботаническимъ эпиграммамъ*, новый сборникъ которыхъ онъ помѣстилъ въ „Музейникъ“ въ началѣ 1852 г. Бѣдкій сарказмъ струей бьетъ въ эпиграммахъ противъ литературныхъ невѣждъ и аферистовъ...

Важнѣйшіе труды, изданные Челяковскимъ въ послѣдніе годы его жизни, были *Дополненія (Dodavky) къ словарю Іос. Юнмманна и Мудрослові národu slovanského v příslovích*. Всегда было любимую мыслью Челяковскаго—издать словарь не только чешскій, но всеславянскій, который, стоя на срав-

нительной почвѣ, такъ относился бы къ труду Юнгманна и подобнымъ славянскимъ словарямъ, какъ относился обработанный матерьялъ къ сырому. Онъ не рассчитывалъ лично осуществить подобный трудъ и останавливался на томъ, чтобы положить ему, по крайней мѣрѣ, фундаментъ. Онъ оставилъ обширный матерьялъ для этого, и изъ него-то составились упомянутыя *Dodavky*. При изданіи *Mudrosloví*, лишь послѣ выхода въ „Музейникъ“ критики своего друга Ганула, подъ заглавіемъ: „Исторія славянскихъ и преимущественно чешскихъ собраній пословицъ“, Челяковскій созналъ недостатки своего труда и задумалъ изданіе втораго, дополнительнаго тома, въ которомъ намѣренъ былъ представить разборъ очевидной разницы между *идиотизмомъ языка, поговоркой и пословицей*, и помѣстить исторію собранія пословицъ не только у Славянъ, но вообще въ Европѣ. Смерть помѣшала привести намѣреніе въ исполненіе...

Съ давняго уже времени собирались надъ головою Челяковскаго грозныя тучи. Утрата меньшаго ребенка и послѣдовавшая затѣмъ продолжительная болѣзнь жены окончательно потрясли основы его домашняго строя. Къ этому присоединились многія другія невзгоды и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе собственной болѣзни, которая чѣмъ дальше, тѣмъ замѣтнѣе сказывалась во всемъ его организмѣ. Челяковскій съ каждымъ днемъ мрачнѣе относился къ окружающему міру, сторонился своихъ лучшихъ пріятелей и дѣлался замкнутѣе; къ тѣлесной болѣзни явно присоединялась болѣзнь духа. Въ такомъ состояніи Челяковскій не могъ имѣть большой охоты къ новымъ трудамъ. Последнее, изданное имъ, сочиненіе была вторая часть книги *Všeslovanské počáteční čtení*, содержащая избранныя мѣста изъ русской словесности. Последнимъ трудомъ, занимавшимъ его на смертномъ одрѣ, былъ пересмотръ и поправка лекцій о Славянской литературѣ, которыя онъ написалъ еще во Вратиславѣ и теперь вновь готовилъ для университета... Болѣзнь и тутъ помѣшала ему, и онъ дошелъ только до культурнаго состоянія Славянъ въ IX—X вѣкѣ.

Между тѣмъ умерла вторая жена Челяковскаго (2 мая 1852), и хотя онъ давно долженъ былъ приготовиться къ этому неизбежному событію, тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній ударъ судьбы окончательно надломилъ силы его духа. Съ этихъ поръ онъ ходилъ, какъ живої мертвецъ, пока наконецъ 25 іюня не слегъ въ постель, съ которой не суждено было ему вставать больше. Запретивъ своимъ домашнимъ говорить кому бы то ни было о его болѣзни, онъ не при-

нималъ никого у себя, но лѣчился самъ по рецепту, привезенному изъ Вратислава. Такъ шло дѣло съ недѣлю, пока ближайшіе родственники не узнали объ опасномъ его положеніи и почти насильно навязали ему врачебную помощь. Съ сознаниемъ безнадежности своего положенія, Челяковскому представлялся длинный рядъ собственныхъ ошибокъ, и все это разорвало броню, недавно не допускавшую къ его сердцу даже близкихъ ему друзей. Дума о необезпеченной будущности шести несовершеннолѣтнихъ дѣтей вызывала у него горькія слезы уже на смертномъ одрѣ. Смерть положила конецъ страданіямъ Челяковскаго въ шестомъ часу вечера 5 августа 1852 года.

Со времени похоронъ Юнгманна въ 1847 году столь многочисленной толпа народа не провожала ни одинъ гробъ, какъ 8 августа смертные останки Челяковскаго, которые несены были на рукахъ патриотами новаго поколѣнія. За гробомъ шла необозримая толпа народа всѣхъ сословій, съ открытыми головами—знакъ уваженія въ Чехіи оч. необыкновенный.

Кромѣ изданія въ послѣдніе годы жизни выше поименованныхъ трудовъ, Челяковскій принималъ большое участіе въ изданіи трудовъ Оммы Щитнаго; участвовалъ въ трудахъ комиссіи по выработкѣ *чешской научной терминологіи*, въ заведеніяхъ *кор. чешскаго общества науки*, въ собраніяхъ *Общества Чешскаго Музея*; оставилъ большой матеріалъ для сравнительной грамматики, для этимологическаго словаря, для Славянскихъ Древностей.

Н. З—чкій. *)

*) Помѣщаемыя ниже восемь писемъ Ф. Л. Челяковскаго, насколько извѣстно, не были еще нигдѣ напечатаны, а между тѣмъ представляютъ интересъ для характеристики взглядовъ „руссофила“—Челяковскаго на кириллицу и русскій языкъ.

ПИСЬМА ЧЕЛЯКОВСКАГО.

(Съ оригинала у Шульца въ Прагѣ.)

1823. обдрж. в собот. прѣд Ангел стражц.м.

Nedbalci nedbalec s. d.

Dne 2 zářj 1823.

Geště gsem w dráze; ale za čtyři dny přes wrchy a doly. Gak gsem giž přtomenul, protaulám se trochu w Bydžow. a Králowé H. kragi. Wčera t. 1 zářj zde byla wečjr zase gednau česká Thalia nám se ukázala. Byl dán wečjr: „Diwotw (orný) Kl (obouk) a před njm: Wozka Petro 3, Oba kusy předobře hrány. Wášniwá spisowatelská ctižádost štěpánkowa sice mnoho škodila, aspoň chtěla;—propadené fintidlo, gakoby wše nebylo hezké, co z geho newylezlo péra. Aspoň dosaw'de se hrály bezpřítržně geho mazaniny, kdykoliw (na milostivé léto) se hrálo. А что робишь, гдѣ шетаешь, вакое удовольствие ослаждаеть жизнь твою, другъ мой? Возми дремлющую лиру свою, и налади ее, оживляя прелестными звуками горы и лѣсы Малицкіе, возбуди боговича своего, который уже бѣда! долгое время не воспламенилъ грудь мою. Съ нѣкотораго времени чуть не погаснулъ мой стихотворный огонь, и я лишенъ всей склонности и всего благопріятства Музы. Но нынѣ затрудить меня собираніе и переводъ народныхъ пѣсней; малое отдѣленіе подано въ сихъ дняхъ цензур. комитегу и безъ сомнѣнія будущаго года издана будетъ вторая часть пѣсней. Но жалѣ! českія счетомъ и качествомъ не заимствуютъ похвальное мѣсто; а мнѣ невозможно никакой помочи получить. Я занимаюсь нынѣ чтаньемъ сербскихъ богатырскихъ пѣсней, наслаждаюсь и дивлюсь красотамъ ихъ. Какъ дивнымъ путемъ идетъ духъ простолюдина, имѣя только дарованія природы. Языкъ въ сихъ стихотвореніяхъ простъ, не шумящій, но во своей простотѣ тѣмъ сильнѣйшій. Ты знаешь битву на Косовѣ, а знаешь Гердера переводъ нѣкоторыхъ, но многія еще превосходятъ поименованныхъ. Для того я намѣренъ, ежели время позволитъ, перевесть всѣхъ богат. серб. пѣсней на отечественный языкъ, и нѣкогда издать своимъ иждивеніемъ въ двухъ частяхъ на пренумерату. Ожидаю совѣта твоего. А буде поправится это намѣреніе мое, хочу приступить и къ переводу Древнихъ Россійскихъ стихотвореній. Кажется, что такое предпріятіе могло бѣ споспѣшествовать и у многихъ возбудить вкусъ тако иъ народной и романтической поэзіи,

яко пренебреганію всего, что правдивой поэзі противится, всѣхъ новѣйшихъ мелочей и стиховъ неестественныхъ.— Въ огородѣ нашей словесности уже долговременно ничего изящнаго не родится, и только тебя увѣдомляю, что здѣсь молодые студенты нѣмецкіе сдѣлали союзъ между собою, для того, чтобъ противоборствовать чешскимъ писателямъ; это издатели журнала: *Gsellschftle* (sic) — въ Прагѣ временемъ выходящаго; но вещь та чрезмѣрное дурачество и сумасбродство. Благоденствуй, милый другъ мой! на сторонѣ отечественной своей, и воспомянай на искренно тебя любящаго Ладислава.

Скажи отъ меня поклону вашему священнику г-ну Мархалу. Засылатъ можешь сего мѣсяца до меня письмо подъ симъ адресомъ...

(abzugeben im schlosse) [a Skřivan
Post: Königstadt... Bydžow. Kreis.

Въ Прагѣ 1 февраля 1824.

Единственный другъ мой!

Хотя я вознамѣрился за долговременное молчаніе твое же мѣрою наказать тебя; но трудно сопротивиться сердцу пылко повелѣвающему и предпріятіе уничтожающему. Того ради спѣшу отвѣчать на принятое твое письмо; первое писанное въ день св. Урузлы, было мнѣ вручено въ нѣсколько часахъ послѣ отосланнаго мною письма почтою. Заключение сжемудренное (софистическое) обрати, миленькой! на себя, и ежели мнѣ обѣщешь (sic) по чаще писать, карающъ меня симъ образомъ, то я даю увѣреніе, что друга своего ненакажешь лучше, какъ скороспѣшными дописками. Новостей не слишкомъ много; словесность наша погрузенна въ глубочайшей дремль. Пражскіе алманахи были воздушные замки; ожидать намъ только Градецкой. Въмѣсто алманаха сумасбродный Махачекъ рѣшился выдавать ежемѣсячной журналъ по 5 листовъ, подъ именемъ Свѣтовида, или Денницы. Но я предвѣщаю, что и это воздушный замокъ. Нѣчто смѣшнаго, что въ переди двухъ дней случилось, мнѣ кажется достойнымъ разсказывать тебѣ. Издатель нѣм. журн. Гормайеръ прислалъ письмо къ Циммерманну съ просьбою, чтобъ ему дать вѣдомость о новѣйшихъ писателяхъ чешскихъ. Для того онъ со-

рудилъ смѣшное и бѣдное составленіе писателей, которое я видѣлъ, н. п. Nanka, Kubelka, Dobrovský, Patřka, Dündr, тако-зачиналось. Напоследокъ онъ перенесъ сей трудъ на Махачка, который, какъ думаю, лучше ему составилъ имена нашихъ сочинителей. Дурныя вещи здѣсь приключаются. Я укрощенъ, укрощенъ! другъ мой! и погасла послѣдняя искорка досады: ибо сегодня вознаградилъ шарикъ полученный съ народными пѣснями всю мою хлопоту. Я не имѣлъ доселѣ досуга просматривать присланное; но заключаю изъ читаннаго, что много находится полезнаго и хорошаго, за который подарокъ я тебѣ, миленькой! и всѣмъ прочимъ собирателямъ искреннюю благодарность засвидѣтельствую. Аѣинская жизнь отослана будетъ въ Новороченку; жалѣю, что ты мнѣ для сравиванья не прислалъ подлинникъ съ переводомъ. О сихъ вещахъ поговоримъ съ собою въ будущемъ письмѣ пространнѣе. По деляжанціи пришлю остальное; а не болѣе какъ съ новымъ годомъ, гдѣ и Новороченка уложена будетъ. Что касается г. Кернера, чудный есть случай; я же отдалъ оба листочки съ деньгами точно по одержанію гсп. Линдови, сущему издателю чешской газеты, который мнѣ обѣщаль попеченіе о то. Особенно нечитаю ведомости ип нѣмец. ип чешскія; но хочу спрашивать его, и когда гдѣ издано оглашеніе. Временемъ увѣдомлю и тебя. Недавно въ Липску у Таухница былъ изданъ стереотипный Россійскій Словарь, полный и дешевый (laciny) (Рос. Нѣм. и Нѣм. Рос.) по 8 fr. wjd. њ. продаваемый въ Прагѣ у Краузе. А гдѣ же ты пѣсню малороссійскую захватилъ? Слишкомъ какъ съ ошибками писана, и по содержанію не много цѣнна.

За всякую пѣсню поцѣлуй Властимигу
отсылаетъ Ладиславъ,

Хмеленскій поздравляетъ тебя.

Въ Прагѣ дня 11 февраля 1824.

Любезный дружочикъ!

Теперь я готовъ съ перечитаніемъ и сравиваніемъ мнѣ тобою присланныхъ пѣсней; большая часть ихъ бесполезна; но многія не безъ прелестей и когда бы только одна а двѣ одобрительныя были, уже достаточно трудъ награжденъ. Пѣснь начинающа: *gak gsem na potose prala etc.*, которой надписано: *Ta se mi ljbj hezku*—и мнѣ нравилась вообще какъ пѣсня остроумная; но какъ пѣсня народная мнѣ не нравилась, хотя сдѣлана Властимиломъ моимъ. Не тако выдумывалъ

ваеъ народъ нашъ. Еще одна пѣсни мнѣ сомнительна, та-коже кажущаяся сочиненіемъ твоимъ, но та превосхѣднѣе. Первое изданіе стихотвореній моихъ вскорѣ раскупится (50 экземпляровъ еще въ книжной лавкѣ) для того и пригото-влю второе изданіе, и ежели казна дозволить, своимъ ижди-веніемъ. Я хочу всё сочиненія по частямъ дать напечатать, каждую часть по 7—8 листамъ, чтобы первая часть содер-жала стихи подлинныя; 2, Сербскія богатырскія пѣсни. 3. Идилли и прозаическія вещи и 4. и прочія... Пѣсни народ-ныя подъ титуломъ: Голосы славянскихъ народовъ въ пѣ-няхъ, тако чтобы раздѣленіе стало на 4 или 5 частей, и каждый языкъ удержалъ литеры свои. До сего времени я не издаю ничего, ниже въ стихахъ, ниже въ прозѣ, ниже про-стонароднаго, и сохраню все до лучшихъ временъ. Не знаю, для чего давать алчнымъ типографщикамъ въ кормъ кровь свою? Что тебѣ кажется до намѣренія моего? Къ пѣснямъ бы должно было присовокупить голоса музыкальные, доколѣ ихъ достать возможно.

Теперь я познаваю, что добро въ словесныхъ листахъ къ другамъ своимъ присылать труды свои. Не знаю какимъ образомъ я потерялъ стихи младаго пастыря, но нигдѣ ихъ отыскать не возможно, желаю, чтобы мнѣ ихъ описать и найскорѣе послать. Мнѣ ихъ надобно. Описывай только одъ стиха: *hned z gitra sem ti rokoge pedal*, и не надо выписать всё слова, только начальными буквами, и скращеніями. Третьяго дня получилъ я письмо отъ гос. Хмелы, въ кото-ромъ онъ благодаритъ тебя за сочиненія къ Алман., предпо-лагая просьбу, на будущій годъ споспѣшествовать опять сочи-нен. своими. То самое и я прошу: ибо Поспишилъ хо-четъ украшать 25 годичный алм. болѣ трехъ картинами, и приписать пражскому пурграфу, также и дать его портретъ. Съ концомъ Юнея, надлежитъ всё труды собранныя имѣть. Для того буди торопливъ, и обрадуй скоро друзей своихъ чѣмъ нибудь выспреннымъ. Мнѣ не казалось хорошимъ, что ты въ переводы Карамз. многія вмѣстилъ слова Рускія, и не сердися, что многія другъ твой перемѣнилъ, новостъ къ сему иногда тебѣ скажу. Обращай вѣчто прозаическаго под-линнаго. Новостей не много. Батюшка приготовляетъ пол-ное изданіе чешской литературы. Крокъ усыпленъ и не знаю какая ночь отъ сна пробудить его. Что же Бюргерова на-дежда? Когда будетъ окончана? Что Фарерова дочера изъ Таубенгейму? и пр.

Magé giž posud psanj psané přišlo twé poslem. Tedy z travest. Ch. sobě nic nedělej, widjš gak se mnau nakládal—

tak též s básněmi twými. Dobrá to čaka, když se báseň dá trav. Wyzwal bych tě, abychom my zas geho trav. когда бы уже самы собою по большей части не были травестацією.

Čechosl. bez nowin vycházeti nebude, aniž se prodáv. Máj též wjce k dostánj nenj, aniž se nadjti, by ze želez wjce wyšel. Chmela prof. tě srdečně pozdrawuge, měl nad duo. Low. welkau radost. Giž tištěn. Ondyno mi poslal archy. Za teyden bude Almanach.

Vale.

28 Zářj 1824.

Цеста наше, розмилý Властимиле мýй, се протáгла аж до 23 Зарý, идежто, як миле сем с возу слезл, мнѣ лист твѣй милý, ктерý ты на мене чекал, и гнед доручен был. Надъю се, же тѣ оглас тенто мýй Скриванскýй ештѣ ве Велешицѣ застигне. Пак вице псáти не буду, аж се од тебе дозвým, же се йиж в славнѣм Тáбору нахázíш. Ты вшак ниш до Праги дрýве, небо се ту венку длауго летос не здржýме, нейдеде до 15 Рýйна. Непохыбнѣ и мýй послѣднýй лист з Праги с Анакреонтыжем обдржен. Зде венку мáло и кнѣжку и пѣро прогáним, блаудým сем там яко блуднá душе. Гё-еѣв идеáл Филину сем ту налезл—а едва ми можнá смýхы се здржети, была то в летоннѣх летнѣх добáх мое миленка, о ктерѣ сем ти с таковým глумек псал. И таковá дѣвчáтка вшак се ми лóбý, ктерá гнед а гнел, абых так рѣкл, свое се срдече зпенѣжити умѣйý. Сау то творовѣ, ктерý се, як правý писень, так легко до лáски замигуйý. Бáсник але, звлáштѣ ческý, мусý гледати стáлейшѣх коханек. Новѣго ти не вйм чегó повѣдити; венку новины на лукáх не расту, але з Праги вшак ештѣ нѣякýй вейшкрабечек. Батюшка нáш здрав, а zase се тыто ферые хопил словнѣва. Срдече бых дал за того муже—а як позоруйи, обзвлáштѣ за тѣхто последнѣх часу велми прýхилен а лáскавке мнѣ се проказуйе. Сполу сме седавали целѣ години о вѣцех нашѣх розмлаувайýце. Нейрадѣи млувѣвá о свѣ вѣходвѣ прозоди, а литуйе, же у нас так мáло корѣны зарáжý. Тапец до колечка вáш спростý проти тавци умѣлецвѣму трѣба на провазе држáв, ест прý верш нáш досавáднýй проти верши Калидасы.

Вчера сем был у нашего Судимýра, стравил сем у вѣй скоро целý ден а жили сме по анакреонт. в сполечности пѣвнѣх женушек а дѣвушек зпѣвайýце а жертуйýце с

зпывайицими а жертуйицими. Годла выдати 2 дил свих бас-
ни, але гаулайи се му йиж прѣс рок по Виденск. а Пражск.
цензурах, не могауце милост обдржети. Хвалил велице прѣ-
ложеніи в Новор. Дивокѣго Ловце. Цож дѣлайи Кохановскѣ
Музы?— Басни аспонь нѣякау дидактыцау басень в нѣ-
колика зпѣвх о мухах, йса, як позоруйи, йейх пилным
позорователем— Пане Боже! и на маухи йей тѣжкомыслност
уваді а заваді— а вшак то ештѣ добрѣ знамені, еном се
стрѣж, абы тѣ на носітка а мары неприведла.— Краеосла-
ва сем в Празе йиж в лепшим ставу занехал, мам надѣйи,
же, навратив се до Праги, йей уздравенѣго налезну. Тиск
2-го дилу наших народних се йиж тискне, аж се приберу
назпѣтек пошлу ти на указку. Хтѣл сем тѣ побіднаути, ест-
либы нехтѣл удѣлати нѣякы посудек а поједнаніи до Крока
о народних писних посуд вышцлх ческих: был сем я к то-
му повзбузован, але мнѣ то тѣжко, ан бы пришло о собѣ
самѣм млувити. К мым бы се припојили Риттеровы а Сло-
вацкѣ; естли быс хтѣл о то се покусити, нѣктерѣ свѣ мыш-
лѣнкы а наглѣднутіи сдѣлил бых потом с тебау а припојил к
тѣму.— На лист словеснй ми невыстачуе, ан сам ничѣго
с себау вен невзал; вынаградим то подругѣ; якож и прото
литерау рускау пиши, абых смѣле могл лист на столе не-
хат лежети, брзо сем, брзо там одхазейе.

Затим тѣ ердечнѣ либам

Ладислав.

Ве Скриванех на ден св. Вацлава рано 1824.

Харьковѣ 8-ю дня Авг. 1827.

Сегодня съ утра меня шествующаго по покою занесли
сладкия мечты въ Россію, и потому не чудись, что я тебѣ,
любезный друг! изъ Харькова писать намѣреніе положилъ.
Можетъ быть желаніе мое нѣкогда совершится, и такія пись-
ма долгимъ путемъ присылать будетъ твой Славининъ; хо-
ти доселѣ ни Шишковъ, ниже кто иной не отвѣчалъ на во-
просы наши. Такъ ожидая добро и закушывая зло, тащимъ
жизнь свою въ тоскахъ. Читалъ ты уже произнесенный
судъ проф. Мюллера о нашихъ народныхъ пѣсняхъ? нра-
вятся? однакожъ пріятно для меня, что казнь достигнула
глупыхъ издателей, возбуждающихъ желчь твою; только же-
лательно, чтобъ онъ говорилъ лучше и справедливѣе о на-

шихъ чешскихъ. Больше удовлетворить ожиданію нашему обещанное сочиненіе Камарытемъ въ сейже матеріи. Смѣшно, когда Мюллеръ выставляетъ Шварценберга и другихъ нашихъ героевъ за предметъ народнаго богатырскаго пѣнья. Услуги ими сдѣланныя Австріи не касаются народа нашего. И какимъ дѣломъ ты теперь занимаешься? Г. Каменицкой, посѣтивъ меня, увѣряетъ, что приготовляешься къ переводамъ латинскихъ классиковъ и тѣмъ извѣстіемъ весьма обрадовалъ меня. Допечатались нынѣ двѣ части сочиненій извѣстнаго писателя романсовъ ван-дер Велде переводомъ Хмелы, и другія части вскорѣ выйдутъ будутъ. Кухарскій доселѣ въ Виенѣ, мнѣ еще не писалъ, но Ганка получилъ одинъ разъ отъ него письмо. Извѣстіе твое, что еще сего года хочешь посѣтить Прагу матушку, мнѣ очень мило, только въ этомъ остерегаю тебя чтобы не прѣзжать въ сентябрѣ, поелику меня здѣсь нѣтъ, о чемъ тебя еще предъ отъѣздомъ моимъ увѣщать хочу. Юнгманъ здоровъ и упражняется нынѣ литерою П. Колларъ окончилъ сочиненіе свое о Славянахъ и на сихъ дняхъ издаетъ, также и Шафар второе изданіе литературы умноженное. Палацкій угрожаетъ намъ, понеже лучшіе писатели ему пособствовать не хотятъ, отступить отъ издаванія чешскаго журнала. Какая ненаградимая потеря! Я получилъ отъ Бауригга пріязнищій подарокъ, его антологию россійскую, полскую и сербскую и томъ его стихотвореній собственныхъ. Прекрасные переводы! А чтожь, когда придетъ антологія чешская!

Здравствуй и прости!

Твой Ладиславъ.

У Прагѣ 16 Авг. по возвращеніи изъ Харькова.

Адресъ: *Welebnému Pánu
Panu Iosefovi Kamarýtovi pas-
týři duchownjmu w Klokotech.
Tábor.* Печать: *Sworně, Srde-
čně. Slowanský Ć.*

8 Leden 1828.

Такъ, любезный другъ! должно намъ меньшимъ послѣдовать особъ высокихъ; ибо безъ сомнѣнія извѣстно тебѣ, что за 20 в. не нужно добродѣять въ семь высокосиомъ

годъ никому. Однакожъ я сохраняю обычаевъ древности, и желаю тебѣ въ семь годъ здоровья, счастія и досуга, чтобъ болѣе могъ стараться о собственной славѣ, о ползѣ отечества нашего и объ удовольствіи друзей своихъ, какъ въ прежнемъ тебѣ по препятствіямъ обстоятельствъ возможно не было. Всего паче желательцо для меня, чтобъ почаще получать писемъ твоихъ. Словарикъ языка Славянъ Полабскихъ окончивъ и уже отослалъ къ посольству до Вѣны и надѣюсь, что оный благополучно дойдетъ рукъ пріязнаго Шишкова. Въ предисловіи я говорилъ о свойствахъ сего вымершаго нарѣчія, и о жестокости и тиранствѣ, какіе терпятъ славянскіе народы отъ нѣмецкихъ изъ найдавнѣйшихъ временъ доселѣ, поелику мощный и великій народъ Полабскій сіи коварные люди совсѣмъ истребили. Думаю, что адмиралъ доволенъ будетъ работою моею, будучи извѣстнымъ недругомъ издревле нѣмцевъ.

Точно доходитъ меня письмо любимаго Боуринга, въ которомъ увѣдомляетъ меня, что анеология чешская уже печатается. Трудолюбіе и прилежность сего мужа достойнѣе всего; въ журналѣ: *Quarterly Review* находится отъ него начертаніе нашей литературы, и на первыхъ онъ критяку или лучше слово похвальное нашей *Slávy Dceři* писать готовъ. Касательно ссоры о Судѣ Любуши я въ послѣднемъ письмѣ просилъ, чтобъ о семъ спору не припоминалъ ничего въ сочиненіи своемъ; но онъ мнѣ не отписуетъ: *I take one account of all yow say respecting the Dobrowsky's controversing in Libuša. My purpose is to quie what the Abbè says on his letter to me, and to contrast it with your and other opinions. The world must judge.*

Въ первой части Мусейнаго находятъ маловажнѣйшія дѣла, и такъ подлой до нынѣ не стало, для того не нужно, дабъ много ты трудился объ помноженіи пренумератовъ. Пріятнѣе видѣ на ееологическій, для котораго ежедневно и подписавшіеся и списки хорошіе умножаются.

О книгахъ желаемыхъ при первомъ случаѣ съ Винарицкимъ говорить хочу; и касательно чина духовнаго, знаешь, что я давно рѣшился, сколько мнѣ возможно, убѣгать оный; для моей особы большая былабъ потеря, нежели польза. Пускай всякій послѣдуетъ охотѣ и склонности своей; однакожъ не отрицаюсь, ежели дождусь сѣдыхъ волосовъ, быть пустыннымъ!

Проф. и ректоръ Кернеръ учитель твой прислалъ важный списокъ для ееологич. журнала и общаетъ быть сотрудникомъ на все время. Оду Ломонос. ябъ желалъ, чтобъ

ты ее поправленную отдалъ въ сей журналъ, пришлю оную къ тебѣ назадъ съ начертанными мѣстами; она превосходна и заслуживаетъ маленькой поправки.

Прости!

Твой Ладиславъ.

Января 8 дня 1828.

Знаешь ли ты остроумныя слова произнесенныя однимъ гвардіаномъ о государствѣ нашемъ: Нострум регнум ест мисса de реквиѣм; сине глоріѣ et сине кредо, ни сиине нулла бенедикціо.

Адресъ: Wysoce Wáženému welebnému Pánu Josefowi Kamarytowi

Pastýři duchownjmu

p. Tábor.

w Kllokotech.

Печать: Sworně Srdečně Slowanský.

11 Zářj 1827.

Пож ти mám, мой милы́й зе Скриван пса́ти? Зачал бых рáд од описов края нашего; але то сем юж еднау учинил, а тобѣ то без того ницъ новѣго нени́, ан без того по крк в красáх природы седѣш. Кдыбых был о 30 лѣт старшій, псал-бых ти, як ми на Крконоше погліжейицѣму, з кухинѣ под мѣм покойкем, пѣра под нос вступуе; але, шашки, kdo се о такы́х хатрностех буде змѣнѣвати. Теды о Русы́х. Брзо прѣд мѣм одходом з Праги пришло псані́ з Петрова с рускѣм адресем до Праги—почкей шпаку ештѣ ту в кансе mám обáлку, приложím ти йи на укáзку од ми́нистра Шишкова. Я му псал, але в мѣм првнѣм листу сем се незмѣнил ниц о вѣли до Рус се убрати, то мѣнѣм тепрв в будоуцѣх листех учинити; толико сем псал о мѣм полабскѣм словнику, а Шишков пи́ше, абых му го послал, же го академія свѣм наглядем хце выдати. Скрзе каеэдры ма́ въ допису на старости Ганка; твѣ, але досуд зпáвы не обдржел. О то се але сáм лѣпе постарати хли; небо на Ганку се нени́ цо сполегати, сем пресвѣдчен, же толико *ego* у нѣго платѣ, а на звѣшені́ свѣго ймѣна инѣхъ нешануе. Та спростацкá душе бы рáда дѣлала мистра а собѣ проселыты сбѣрала, але того сме далеко. Мне мези инѣми каусками то велице тѣшило, же мне за свѣго жáка при йистѣ прилежитости до Рус удавал; тотиж ве Словаццинѣ. Тен великы́й муж!

Тупім, же сем ти еднау послал пісень з Walt. Skot на панну Маріи: Здрáвась? Цо мыслиш, ели в нѣи нѣщо проти догмáм катола? Мнѣ то цензор вымазал в тѣ причишы, же при е проти католицкѣм засадам віры. Мое првнѣи буде аж се з краіе вратім, же поведу стѣжност проти блбѣму цензору. Барон Vernisz нá бѣти муж доконалі, троху скрбáлк, остатнѣ але поряднѣи муж. Вацек не похыбнѣ се ставял у тебе, а много ти ѣстнѣ повѣдѣл, цо ти писати не мусім. На венку се длауго не здржáme, а к сват. Вацлаву юж мне лист твѣй в Празе налезна. Неж але до мѣста се опѣт врагім, мыслим, же Палацк. юж буде женатѣ, небо уж дѣлали припрáвы к сватѣм. Часописы мусейнѣи при пустѣи, его богата женушка ест вѣноснѣиши часопис. Даушам тѣж, же при наврáценѣи нѣякѣ зправы од Bowringa мне очекá вати будуть. Летошнѣи быт вѣ краіи ми нени тузе милѣ, понѣвадж мѣй Полабскѣи Словник се тѣм тузе зпоздѣи, а йиж бых го рад мѣл готовѣи. Вчера сем навштѣвил Шнайдра, здрав а весел. Проф. Мюллер тѣ двá поздравоват, абыс в себѣрáни цирквнѣих зпѣвов собѣ попѣлал.

На остатнѣи остáки а неостáтки вице а обширнѣи при мѣм наврáценѣи.

Vale et fave

Твоѣи

Лад. Войтѣховичѣ.

Вѣ Сквиванехѣ 17 зáри 1827.

v. Chlúmetz

Адресѣ: S-ne Wohlgeboren Hochw. Herrn

Joseph Kamarýt

Seelsorger

Tábor. Klokot.

28 Rijen 1828.

Любезнѣи другѣ мой!

Вчера сме ештѣ сѣ еднѣмѣ добрѣмѣ знáмѣмѣ пили на здравѣи—гáдей кому?—Руссѣмѣ, на радостнѣи зпáву, же добыли Варну; ани вѣ Россіи радостнѣи ту новину свѣтити не могу, яко мы два то чинили. Якѣ ту поряде было радováние,—же Руссовѣ побити, же уже за Дунай се вратити мусили а т. д. Посудѣи вшакѣ нерадно, у насѣ се прогласити, же потѣшенѣи мамѣ надѣ проспѣхемѣ Руссѣмѣ, небо гнѣдѣ то ве злау стрáнку выкáдаѣи, а вубецѣи глѣпѣи ра-

күшти булицы вше съ радостнымъ ухомъ послушайя, цобы коли ке шкодѣ онымъ служило. Цо я се тебе до Праги начекалъ! Листъ не прихазель; снадѣ омы самъ прійде; а ту то маме—првнй то заястѣ листъ былъ, ктерѣ семъ одѣ тебе съ мразусты и отвѣрагъ. Не мамъ и ты мнѣ гнедѣ въ Клокотехъ видѣти; еномъ поважъ, йиж три лѣта въ Празе не былъ, а снадѣ и чтыри.

Твѣшимъ се на пѣснѣ вами себранѣ—такъ тежъ нѣ при словя. Тотъ вамъ были овшемъ радостивѣйшй цесты, пѣли ку Празе, ачбы сте и ту, естлы не пѣснѣ, прѣдцѣ нѣцо эпиграм.лѣ были назбѣрали. Минул; недѣли се грала зде опера ческа Владимѣръ—а за пѣтъ недѣль се граз пѣвѣднй опера ческа: Олдрихъ а Божена отъ Хмеленскаго, ктерѣ подлѣ чтенѣго обсагу се ми добрѣ лѣбѣ. Вѣмъ, жесъ съ прѣдѣланымъ оды въ часоп. Теоолог. неспокоенъ; нѣцо и промѣнилъ, остатнй такѣ Винарицкѣй. Еномъ засъ брзо насъ нѣчимъ пѣкнѣмъ заопатри. Съ новымъ рокемъ годламе се зѣ дому нашего выствѣговати, абыхъ йижъ еднау тѣхъ тѣготъ зниклѣ, а тежъ вѣтшй пѣзностъ на св. Аугустина обрѣтити могъ.

Въ краткѣмъ часу ты одешлу книги, ктерѣ мамъ у мнѣ, а вѣце пѣсати годла твуй

Ладиславъ.

29 Рѣйна 1828.

Наследуйици слованскѣ книги сѣ зде к достѣни, естлы бы нѣктерѣ хтѣль, мѣжешъ се подлѣ приложенѣ цены рѣдѣти.

a. Hallandowy wyklady na ewang. celého roku (horwatsky). 4 díly (asi 1000 stran) w Záhřebu... 4 zlaté.

b. Сербянка отъ Милутиновиѣа. Zpěwy národnih dle poesii, epická báseň. 4 dílcy 6 zl.

c) Čtvero ewangelistů, a skutkové apoštolůw, staroslowansky a rusky (biblické společnosti) 1820. 3 zl. 30 kr. Mám ge u sebe na prodey. Chcešli něco z nich, dey mi brzo zprávũ; sic: by a a b giný kaupil.

Адресъ: Welebnémъ pánu
Panu Iosefovi Kamarýtowi pas-
tyři duchownjmu w Klokotech
Tábor. Печать: Sworně, Srde-
čně Slowanský Č.

(Сообщ. А. С. Будиловичъ).

ЧЕРНОГОРІЯ.

Этюдъ по соч. архимандрита Н. Дучича:

„Црна Гора. Вилешике“. Изъ Гласника XL. Бѣлградъ. 1874. 120 стр. съ картою.

I. Имя и происхожденіе Черногоріи.

До XVI вѣка ничего не извѣстно было объ имени Черногоріи, теперешняя Катунская нахія (за исключеніемъ Цетинья) не была населена и слѣд. не имѣла никакого политическаго значенія. Всегда она была составною частью въ старину Превалы, позже—Дукли, а еще позже—Зеты.

Превала прозвана Дуклей въ честь римскаго императора Дукляна въ III в. по Р. Х. Дукля замѣнена именемъ Зеты въ началѣ VII в., благодаря переселенію Сербовъ въ эту окраину и смѣшенію ихъ со Славянами—туземцами. Кажется, что окраина эта прозвана Зетой по имени рѣки Зеты, которая течетъ чрезъ нын. Бѣлопавличи, или Превалу, и это древнѣйшее географическое имя всей окраины, которое помнитъ исторія.

Высокія и нѣкогда лѣсистыя, а теперь голыя гряды Катунской нахіи, которыя Адриатическое море съ западной стороны искони заливаетъ, всегда отдѣляли съ сѣвера старую Травунію и Оногостъ, или новую Герцеговину, отъ Зеты, и искони это была природная грань между этими двумя древнѣйшими княжествами на югѣ.

Катунская нахія искони вѣковъ была горно-зетская планина, въ которой Горно-Зетяне имѣли свои *катуны* (мѣсто, гдѣ лѣтомъ доятъ овецъ)*). Извѣстно, что и Черновици, прежде чѣмъ до нихъ дошла очередь—владѣть Зетою, имѣли свою часть въ планинѣ Ловченѣ выше Котора нын. Катунской нахіи. Такъ и нѣкоторыя другія племена въ нын. Лѣшанской нахіи имѣли свои удѣлы въ той же планинѣ и на нихъ свои *катуны* для лѣтованья скота. Потому-то нын. Катунская нахія и называлась тогда Зетскою планиной. А такъ какъ съ XVI—XVII вѣка ее населили Сербы въ большинствѣ изъ Герцеговины, то, благодаря *катунамъ*, и назвали ее Катунскою нахіей.

*) Въ восточной Сербіи—*бачи*; въ Герцеговинѣ и Далмаціи—*стани*.

Итакъ прежде чѣмъ воевода Иванъ Черноевичъ и другіе были побѣждены въ 1482 г. и наконецъ уступили турецкой силѣ свою резиденцію—Жаблякъ—и стали искать убѣжища въ своей скалистой планинѣ,—они устроились на рѣкѣ Ободѣ въ нын. Рѣцкой нахіи, гдѣ Черноевичъ имѣлъ свою землю, *кучу*, виноградники и мельницы. Тутъ онъ оставался около двухъ лѣтъ, пока былъ оконченъ для него въ Цетиньѣ дворъ и рядомъ съ нимъ монастырь; затѣмъ въ 1484 г. переселился съ Обода въ Цетинье,—небольшое планинское поле подъ самой планиной Ловченомъ.

Въ томъ же году подарилъ своей новой *задужбинѣ* (вкладъ на поминъ души)—Цетинскому монастырю—часть земли, нѣсколько виноградниковъ и мельницъ въ Рѣцкой и часть планины Ловчена въ Катунской нахіи, поставивъ въ немъ митрополитомъ Виссаріона съ монахами изъ монастыря Вранины и назвавъ его Зетскимъ митрополитомъ. Въ грамотѣ, которою подтвердилъ эти свои богатые вклады и которая писана на р. Ободѣ въ началѣ 1484 г. онъ подписался: „Воевода Иванъ Черноевичъ господарь Зетскы“.

Это—ясное доказательство, что Черногорія не называлась этимъ именемъ до переселенія въ нее воеводы Ивана Черноевича; даже и нѣсколько лѣтъ спустя ничего не было извѣстно объ этомъ имени, почему и послѣ смерти Ивана въ 1490 г. сынъ его воевода Юрій подписывался „господарь зетскы;“ а извѣстно, что въ то время всѣ зетскіе города, села и поля были въ турецкихъ рукахъ.

Въ дополненіе къ этому утвержденію идетъ и то, что имя Черногоріи, насколько мнѣ извѣстно, не упоминается ни у одного писателя древняго или средневѣковаго.

Иные писатели несправедливо помѣщаютъ имя Черногоріи среди сербскихъ окраинъ до XVI вѣка.

Въ концѣ XV вѣка, когда воевода Юрій Черноевичъ окончательно переселился изъ Цетинья въ Венецію и когда племенные главари стали собираться вокругъ церкви и тогдашняго митрополита Вавилы, впервые является въ народѣ, въ началѣ XVI в., новое имя Зетской планины: *Черноева Гора*, позже въ сокращеніи *Черна Гора*; черногорскіе сосѣди перевели это имя каждый по своему: венеціанцы—*Montenegro*, турки—*Караташ*. Такъ она называется и понинѣ.

Мнѣніе мое отчасти подтверждаетъ и тотъ фактъ, что рѣка Ободъ по переселеніи воеводы Ивана Черноевича въ Цетинье прозвана: Черноевича—рѣка, которая и понинѣ такъ называется. Старые Черногорцы, которыхъ я спрашивалъ, отчего Черногорія такъ прозвана, иные сразу мнѣ отвѣчали:

„отъ имени Черноевича Ивана.“ Такъ думаетъ и Д. Милаковичъ, авторъ „Исторіи Черногоріи“ (Задръ. 1856).

Неиспичнымъ считаю привести и другія мнѣнія: Александръ Поповъ, авторъ „Путешествія въ Черногорію“ (Спб. 1847) говоритъ: „И эти горы прослыли у турокъ ужасными, черными (Карадагъ). Это турецкое имя Черныхъ горъ распространилось и стало общимъ названіемъ „Черногоріи“. Ami Boué въ книгѣ *La Turquie d'Europe*, (т. I. Парижъ. 1840) говоритъ: „Il doit son nom de Montagne noire“ и пр.

Но оба эти мнѣнія не выдерживаютъ критики: когда Черногорія получила свое теперешнее имя, Турки не проникали еще въ ея горы, а ограничивались полями и равнинами кругомъ ихъ; имъ еще много приходилось бороться съ сосѣдними Черногоріи областями: Венеціанскою республикой, Албаніей и Герцеговиной...

Ея черныя вершины, по народнымъ сказаніямъ, были въ то время покрыты дубовымъ и буковымъ лѣсомъ; слѣд. горы больше зеленѣли, чѣмъ чернѣли.

Итакъ по этой аналогіи въ первомъ случаѣ она могла быть названа кровавою, въ другомъ—зеленою, а не Черною горою.

Въ концѣ концовъ остается самымъ прочнымъ утверждение, что Черногорія такъ прозвана по имени Черноевича.

II. Старыя и теперешнія границы Черногоріи.

Еще во время воеводы Юрія Черноевича въ концѣ XV вѣка стѣснили его землю очень малымъ пространствомъ съ одной стороны Турки, съ другой—Венеціанцы. Въ началѣ XVI вѣка, когда появилась Черногорія, какъ отдѣльное политическое пмя, ее составили нѣмнѣшнія нахій: Катунская, Рѣцкая, Цермницкая и Лѣшанская. Въ то же время, къ несчастію, отуречились съ Станишею Черноевичемъ многіе Черногорцы изо всѣхъ четырехъ упомянутыхъ нахій; и во второй же половинѣ XVI вѣка и особенно въ началѣ XVII потурченцы умножились, и почти по всей Черногоріи распространились, созидавая мечети. Извѣстно, что Турки тутъ въ это время были оч. могущественны, управление было въ рукахъ отуреченныхъ вельможъ сербской крови и языка. Тогда и всѣ христіанскія державы въ Азій и на Балканскомъ полуостровѣ были въ турецкихъ рукахъ. Даже въ славномъ Будимѣ въ Угріи (въ это время) сидѣлъ визирь, и кади судилъ по корану. Потурченцы мало-по-малу такъ утвердились и

усилились, что ихъ кади въ Цетиньѣ и другихъ городахъ почти совсѣмъ забрали власть въ свои руки. Это была печальнѣйшая эпоха въ Черногорской исторіи.

Но въ свой чередъ не все погибло. Многія семейства во всѣхъ четырехъ нахіяхъ, изъ непотурченцевъ, преимущественно же въ Катунской, всегда сопротивлялись турецкой администраціи и суду въ Черногоріи. Правда, Черногорцы не имѣли такого центра, около котораго бы они группировались, семейства и племена жили отдѣльно, потурченцы держались своихъ семействъ и племенъ; такъ и не могла надолго стать на дорогу ни ихъ власть, ни распространеніе по Черногоріи. Въ эти времена черногорскіе владыки бывали изъ разныхъ семействъ, но почти безо всякаго значенія относительно свѣтской власти; всякое племя жило отдѣльно и патриархально, управляясь традиціями и племенными обычаями. Племенная рознь, междоусобія и кровопролитія довели въ то время Черногорію до такого упадка, что нѣкоторые племена, наперекоръ другимъ, начали давать *харачъ* пашѣ въ Скадрѣ (Скутари). Такое несчастное положеніе продолжалось до конца XVII вѣка—до владыки Даниїла Щепчева Хераковича Нѣгуша. Этотъ мудрый богатырь—владыка, пострадавшій лично отъ Турокъ въ Подгорицѣ, сговорившись съ нѣсколькими отважнѣйшими племенными *маварями*, которые постоянно сопротивлялись Туркамъ, порѣшилъ истребить всѣхъ потурченцевъ въ Черногоріи въ 1707 году.

Тогда Черногорія снова вернулась въ свои прежнія границы. И съ тѣхъ поръ она одинаково была, до смерти двухъ юнаковъ-братьевъ князя Даниїла и потомъ воеводы Мирка, пугаломъ и истинной грозицей для Турокъ...

Владыки жили просто и скромно. Въ своей резиденціи—Цетинскомъ монастырѣ—занимали всего двѣ комнаты съ одною простою постелью, нѣсколькими деревянными стульями, нѣсколькими иконами на стѣнахъ. Одного имѣли они вдоволь—оружія... Свита ихъ состояла изъ архимандрита и дьякона; при нихъ былъ служитель и простой поварь-черногорецъ. Кухня у нихъ была простонародная черногорская: зимою вяленое мясо, капуста, сыръ, рыба и цермницкое вино; а лѣтомъ: свѣжее мясо, рыба, сыръ и молоко... Ни одного изъ этихъ продуктовъ не покупали за деньги. Съ монастырскихъ земель имѣли они хлѣбъ и вино; изъ монастырскаго скота—мясо, и изъ монастырскихъ садковъ въ Скадарскомъ озерѣ—рыбу. Словомъ, вели обычную монастырскую жизнь. Одежду носили иногда черную монашескую, иногда—народную; по

всегда простую и скромную. Держали для нужд своихъ одну, много—двѣ лошади...

Черногорія осталась въ упомянутыхъ границахъ до почтеннаго владыки Петра I Петровича, когда доблестные Бѣлопавличи подъ начальствомъ того же владыки, съ помощью черногорцевъ, одержали побѣду надъ Бушатлиевымъ войскомъ сначала при Мартиничахъ въ 1796 году, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ томъ же году Черногорцы въ Дѣшанской нахин почти совершенно разбили Бушатлиево войско, когда погибъ и Махмудъ-паша Бушатлія. Тогда добровольно присоединились къ Черногоріи Бѣлопавличи и Пиперы.

Затѣмъ въ 1820 году, когда босанскій визирь Джезидинъ послалъ своего делибашу съ войскомъ изъ Босны и Герцеговины—покорить герцеговинскія племена Морачанъ и Ровчанъ; Бѣлопавличи поспѣшили на помощь герцеговинцамъ, наголову разбили турецкое войско близъ Морачи, и Морачане съ Ровчанами присоединились по доброй волѣ къ Черногоріи, тѣмъ болѣе, что тогда въ Черногоріи не платилось никому никакихъ податей.

Владыка Петръ II Петровичъ, извѣстный поэтъ, не былъ настолько счастливъ, чтобы расширить предѣлы Черногоріи, при всемъ томъ, что имѣлъ нѣсколько битвъ съ Турками съ албанской и герцеговинской стороны; напротивъ Турки отняли два черногорскіе острова на Скадарскомъ озерѣ въ 1843 году. (Гласникъ XXVII). Рядомъ съ этимъ продалъ онъ Австріи черногорскія земли подъ Каттаро въ 1832 г. за 64.000 фл. А въ 1837 г. та же Австрія купила два черногорскіе монастыря въ Приморьѣ за 36.000 фл. Нѣкоторые оптимисты оправдывали эти продажи тѣмъ, что это-де были первые акты, которыми Австрія признала независимость Черногоріи!

Послѣ смерти владыки Петра II, началъ править въ Черногоріи съ 1851 года молодой и доблестный Даниилъ Петровичъ Нѣгушъ, котораго владыка Петръ въ завѣщаніи указалъ, какъ своего преемника. Но Даниилъ, не имѣя ни желанія, ни склонности къ духовному сану, заявилъ въ Петербургѣ, что не желаетъ быть владыкою; императоръ Николай Павловичъ призналъ его княземъ Черногоріи въ томъ же 1851 году. Отчасти это новое имя, а отчасти черногорскіе вызовы къ ссорѣ подлѣ Жабляка заставили Порту—сербскую исконную непріятельницу—послать Омеръ-пашу въ декабрь 1852 г. съ войсками въ Черногорію. Князь Даниилъ по-юнацки защищалъ Черногорію, а тѣмъ временемъ Россія

и Австрія съобща дѣйствовали на Порту (см. Е. П. Коза-левскаго Черногорію Спб. 1872), и она отозвала Омерь-пашу въ февраль 1853 года.

Въ годъ этой войны возстали нѣкоторыя герцеговинскія племена противъ турецкаго насилія и запрещенія держать оружіе, о чемъ распорядился Омерь-паша во всей Боснѣ и Герцеговинѣ въ 1852 году. Это обстоятельство примирило Герцеговинцевъ съ Черногорцами, съ которыми они издавна ссорились и дрались. Въ этомъ дѣлѣ больше всего помогъ кн. Даніиль, предвидѣвшій отъ этого хорошіе результаты. Онъ сталъ поддерживать герцеговинскія возставшія племена (Зубчанъ, Крушевичанъ и Драчевчанъ), добываясь опредѣленія границы между Турціей и Черногоріей, но Порта не хотѣла признать независимости княжества. По этому дѣлу онъ обращался къ Россіи и Франціи. По дружественному настоянію этихъ державъ, Порта согласилась, послѣ долгихъ колебаній, — признать границы въ томъ видѣ, какъ встали Турцію и Черногорію парижскій миръ 1856 года. Князь Даніиль изъявилъ согласіе, но споръ возникъ изъ-за Грахова. Порта усиливалась доказать, что Грахово было тогда подъ ея властью, а Граховляне и кн. Даніиль отвергали это. Въ продолженіе спора Порта надумалась — занять Грахово военною силой и тѣмъ прекратить споръ. Задуманное привело въ исполненіе. Гусейнъ-паша и Кадри-паша съ 8.000 войска 21 апрѣля 1858 г. перешли границу и три дня спустя стали лагеремъ между Граховымъ и Клобукомъ. Воевода баньинскій Иванъ Бачевичъ съ баньянцами и герцеговинскими *устанами* съ одной стороны, и попь Лука изъ Марковины съ своею четой съ другой — ударили на турокъ отъ Баньинъ и нанесли имъ довольно чувствительный вредъ. Пока Бачевичъ и попь Лука съ своими дружинами не допускали Турокъ до Грахова, князь Даніиль послалъ 5.000 Черногорцевъ, подъ начальствомъ воеводы Мирка, и они, какъ извѣстно, разбили и почти всѣхъ Турокъ истребили 1 мая 1858 г. Азубцовскій воевода Лука Вукаловичъ съ другою частью герцеговинскихъ *установъ* ударилъ на Кореничи изъ Клобука, зажегъ ихъ и разсѣялъ оттуда Турокъ.

Послѣ этой блестящей побѣды Черногорцевъ, по предложенію Россіи и Франціи, составилась международная коммиссія изъ европейскихъ державъ, подписавшихъ парижскій договоръ 1856 г., въ которой были черногорскій и турецкій комиссары, и утвердили границы между Черногоріей и Турціей въ 1859—60 году. Границы Черногоріи были нѣсколько расширены. Онѣ держатся и донныѣ. Хотя князь Николай и

покушался разширить черногорскіе предѣлы, вслѣдствіе чего и произошла извѣстная туренко-черногорская война 1862 г., но она для Черногоріи имѣла весьма неудачный исходъ: князь Николай вынужденъ былъ подписать весьма убыточный договоръ, продитованный Омеромъ-пашей...

III. Географія.

Черногорія лежитъ на западной сторонѣ Балканскаго полуострова выше Адриатическаго моря между 16° — 16° — $27''$ и 17° — $14'$ — $12''$ долготы и вся въ 42° широты отъ парижскаго меридіана. Граничить съ сѣвера съ Герцеговиною, съ Ю.—съ Албанією, съ З.—съ Бокію Которскою, съ В.—съ Старою Сербією. Пространство ея—76 кв. миль, по новѣйшему измѣренію топографа Павла Быкова, который съ 1859 по 1866 годъ измѣрялъ Черногорію и составилъ самую подробную карту, которая сохраняется въ русскомъ Генеральномъ Штабѣ. Земля Черногоріи больше въ длину, чѣмъ въ ширину, имѣетъ форму цифры 8.

Жителей въ Черногоріи 123.000. Извѣстно, что всѣ Черногорцы православной вѣры.

Климатъ мѣстами оч. теплый, мѣстами—суровый; но вообще здоровый, исключая нѣкоторыя лихорадочныя мѣста близъ Скутарскаго оз. Въ Бѣлопавличахъ, Лъшанской, Рѣцкой и Цермницкой нахіяхъ—климатъ тепель настолько, что растутъ всякіе южныя плоды, особенно въ Цермницкой нахії, гдѣ, рядомъ съ виноградомъ, растутъ: маслины, смоква, грашаты и проч. А въ Катунской нахії, у Дробняковъ, Морачей, Ровчанъ, Кучей и Васоевичей климатъ настолько суровъ, что не выносятъ его никакіе южныя плоды.

Черногорія въ политическомъ отношеніи дѣлится на собственную Черногорію и Берду.

Собственная Черногорія дѣлится на четыре нахії: Катунскую, Рѣцкую, Цермницкую и Лъшанскую.

Нахії дѣлятся на племена или, по новому, на *капетаии*; племена—на села.

Берда дѣлится на Бѣлопавличи, Пиперы, Братоножичи, Морачу, Ровцы, Ускоки, Кучи, Васоевичи и Дробняки (послѣдніе три не всѣ въ предѣлахъ Черногоріи).

Въ топографическомъ отношеніи Черногорія вся вообще скалиста и обильна крутизнами, особенно Катунская нахія, до которой повсюду вдоль-поперекъ вадываются голыя горы съ вершинами, упирающимися въ облака. Исключая четыре

маленькія поля: Цетинское, Нѣгушское, Граховское и Загарачское, во всей Катунской нахіи нѣтъ ни одной равнины, которая бы имѣла $\frac{1}{2}$ часа въ поперечницѣ. Если посмотрѣть съ Ловчена на Катунскую нахію, гдѣ представится, подобно морю, голыя отвѣсныя скалы, ужасъ охватить человѣка, невольно спросишь: возможно ли, чтобъ люди жили среди этихъ скалъ и обрывовъ?! Невольно припомнишь характерную народную сказку, которую можно услышать въ Черногоріи: „Когда Богъ сѣялъ камни по свѣту, у него прорвался мѣшокъ на мѣстѣ, гдѣ теперь Черная Гора, и тутъ высыпалось наиболѣе сѣменъ; потому-то Черногорія вся изъ камня“.

Значительнѣйшіе города въ Черногоріи: 1. Цетинье въ въ Катунской нахіи со 115 домами (*кучами*) и 500 жителей, резиденція черногорскаго князя и митрополита. Первый живеть въ своемъ *конакѣ*, второй—въ монастырѣ. Есть въ немъ одна богословская семинарія, одна женская (*пансіонъ*) и одна мужская элементарная школа. До 1847 г. не было ни одной *кучи* въ Цетиньѣ, кромѣ монастыря, въ которомъ жили черногорскіе владыки. А въ этомъ году владыка Петръ II построилъ себѣ *конакъ* отдѣльно отъ монастыря въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. *Конакъ* этотъ отличается отъ монастырскихъ келій тѣмъ, что на четырехъ углахъ ограды (кругомъ его) виднѣются четыре башни (*кумы*), напоминающія средне-вѣковыя замки... *Конакъ* прозванъ въ народѣ „*бильярдъ*“, потому, что владыка поставилъ въ немъ бильярдъ, и что съ тѣхъ поръ начали играть въ Цетиньѣ въ *конакѣ* на бильярдъ и въ карты *). Съ 1847 г. начали мало-по-малу строить малыя *кучи* и корчмы въ одинъ рядъ, по восточному направленію отъ *конака*, для ночлега Черногорцевъ, приходящихъ въ Цетинье по тяжбымъ и другимъ дѣламъ. Итакъ теперь въ Цетиньѣ, какъ сказано, до 115 *кучъ*. Князь Николай построилъ для себя новый *конакъ* въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ стараго. Своею внѣшностью онъ немногимъ отличается отъ стараго *конака*, при всемъ томъ, что онъ неде-

*) Карты и теперь въ Цетиньѣ—любимѣйшее развлеченіе, которое иногда переходитъ въ страсть. Игра начала распространяться и по Черногоріи. Во время кн. Даніиля нѣкоторые въ Церносевича-Рѣкѣ играли такъ страстно, что проиграли все сословіе, и кн. Даніаль запретилъ игру на деньги; но это запрещеніе недолго продержалось.

шево обошелся, ибо и плань чертили и по немъ строили са-моучки. Въ него князь переселился въ 1868 г.; а въ старомъ помѣстили семинарію и женское училище. Есть и одна го-стинница побольше, построенная въ 1864 г. на акціяхъ. Ак-ціи въ 50 фл. въ 5% куплены были Сербами изъ Боки Ко-торской. Гостинница обанкротилась и перешла въ казенную собственность; акціи и проценты не оплачены и понынѣ.

2. Черноевичева—Рѣка въ Рѣцкой нахіи съ 80 *кучами* и 300 жителей. Насупротивъ ея, на другой сторонѣ рѣки, былъ городъ Черноевича Ободъ на возвышенномъ берегу; въ немъ жили сначала Сербы, а потомъ потурченцы до 1707 года, но когда владыка Данииль съ Черногорцами освободилъ Черногорію отъ потурченцевъ, тогда и городъ Ободъ былъ разрушенъ. Позже опять нѣкоторые родичи изъ Рѣцкой на-хіи строятъ себѣ *кучи* на развалинахъ этого города, въ ко-торомъ живутъ и понынѣ. Посрединѣ города стоитъ доволь-но благолѣпная церковь св. Николая. Въ XIII в. тутъ стоялъ монастырь, позже во второй половинѣ XV вѣка—первая сербская типографія; затѣмъ во второй половинѣ XVII вѣка—турецкая мечеть; съ начала XVIII вѣка—опять церковь!

3. Даниловъ—градъ (Тьеранича-главица) съ 20 *кучами* и 80 жителями. Даниловъ-градъ построенъ по плану серб-скаго молодого паженера Д. Милутиновича; онъ же строилъ мостъ на р. Зетѣ.

Дороги въ Черногоріи оч. плохи: скорѣе это—тропинки, чѣмъ дороги; больше скачешь съ камня на камень, чѣмъ идешь. Ни по одной дорогѣ не могутъ двигаться телѣжки, по-тому ихъ и вовсе нѣтъ; все нужное переносятъ лошади и мулы, а еще чаще—мужчины и *жены* на плечахъ. Извѣстно, что французскій генераль Мармонъ, во время военнаго за-нятія Боки-Которской въ 1812 году, убѣждалъ Черногор-цевъ, что онъ построить имъ дорогу отъ Котора до Ник-шича; но они не согласились на томъ основаніи, чтобы Чер-ногорія и на будущее время была недоступна для неприя-тельской конницы и артиллеріи... А дорога обошлась бы Франціи больше 100 тысячъ флориновъ...

IV. Управление.

Одновременно съ происхожденіемъ Черногоріи, какъ от-дѣльнаго политическаго имени 1482—1500 г., форма правле-нія стала монархическою. Правда, Черноевичи правили па-триархально, иногда по договору съ племенными *маварями*, иногда самодержавно. Мѣстные народные обычаи, и воля, и обычаи владѣтелей—принимались, иногда отвергались держав-

ными распоряженіями. Владыки имѣли больше монархическаго значенія внѣ, чѣмъ внутри страны. Иностраннымъ посламъ представляли они державу монархически; а внутри, большею частію, дѣлили власть съ воеводами и кнезями. Можно съ удовольствіемъ констатировать фактъ, что въ новой Черноевича державѣ и помину не было ни о *крепостныхъ*, ни о *рабахъ*. Рабство и невольничество наступило въ Сербіи послѣ Косовской битвы: все непотурчившееся обратилось въ турецкую *райю*, и въ правахъ, или, лучше сказать, въ рабствѣ—объединилось.

Но съ тѣхъ поръ какъ воевода Юрій Черноевичъ въ концѣ XV вѣка совсѣмъ переселился изъ Черногоріи въ Венецію, передавши свѣтскую власть митрополиту Вавилѣ,—правленіе по необходимости, даже и по имени, сдѣлалось теократическимъ. Но какъ своеволие и самоуправствіе возобладало между племенными главарями еще во времена Юрія, скорѣе можно бы сказать, что Юрій передалъ Вавилѣ свое недвижимое имѣніе, присоединивъ его къ Цетинскому монастырю, чѣмъ свѣтскую власть, которая еще прежде его ухода расплылась по племенамъ. И это была, среди другихъ, одна изъ главныхъ причинъ удаленія Юрія изъ Черногоріи. Итакъ фактъ этотъ подтверждаетъ, что теократія въ Черногоріи не была на римскій образецъ: владыки имѣли лишь по имени свѣтскую власть, а племенные главари владѣли по старинному племенному обычаю самовольно и одинъ отъ другаго независимо, покоряясь владыкамъ лишь, какъ церковнымъ начальникамъ, насколько тѣ имѣли на нихъ религіозно-моральное вліяніе.

Всякій *кнезь*, или воевода въ своемъ племени владѣлъ, чинилъ судъ и водилъ свое племя на войну согласно традиціямъ, обычаю и волѣ племени. Изъ этого произошло, что сколько было племенъ, столько было отдѣльныхъ *державицъ*. Государственнаго устройства, въ настоящемъ смыслѣ слова, не имѣлось никакого. Ни податей никакихъ не вносили до временъ владыки Петра II, или до 1831 года. Изъ этой племенной розни почти безпрестанно рождались племенные междуусобія, племена между собою дрались не на животь, а на смерть... Усобицы были главною причиною, что нѣкоторыя племена по временамъ передавались пашѣ въ Скадрѣ, прямо противъ интересовъ Черногоріи...

Противъ этой недостойной черты черногорскихъ князей стоитъ другая—оч. свѣтлая и патриотическая черта: Лишь только Турки покушались, въ такомъ междуусобномъ раздорѣ—стереть и покорить Черногорію,—кровь проливаю-

щія племена сразу прекращали междоусобныя кровопролитія и выступали всё безъ различія въ бой противъ Турокъ на защиту своей родины. Владыки и въ этихъ случаяхъ служили лишь церковнымъ и морально-религиознымъ авторитетомъ: они выступали посредниками между воюющими племенами и заклинали народъ и главарей—примириться и съобща—оборонять родину. Въ этомъ они немедленно успѣвали.

Такая анархія продолжалась съ начала XVI вѣка до владыки Петра II и князя Данила, слишкомъ 300 лѣтъ. Отъ владыки Вавилы до владыки Данила Нѣгуша прошли 193 года. Въ теченіе этого времени владыки бывали изъ разныхъ племенъ и семействъ. Это время Черногорской исторіи—самое грустное, Черногорія была наиболее слабою. Внутри потурченцы и кровавыя междоусобія, а извнѣ—сильныя и настойчивыя враги довели было Черногорію до издыханія и гибели. Владыки съ главарями въ это время традиціонально крѣпко держались Венеціанской республики, бывшей съ ними въ сосѣдствѣ. Ея держались сначала Балшичи, а потомъ Черноевичи, принимая и одни, и другіе отъ нея, заурядъ съ нѣкоторыми племенными главарями, и денежную помощь. Но для нихъ эта республика никогда не была искреннимъ другомъ: она всегда употребляла ихъ противъ Турокъ въ свою пользу! Известно и то, какъ напослѣдокъ нѣсколько венеціанскихъ латинянъ пристроились въ монастырь въ Цетинь, во время владыки Виссаріона Баяцы, который съ Черногорцами помогалъ Венеціанской республикѣ разбить войско Топаль-паша близъ Нови. Но въ награду тотъ же владыка былъ отравленъ своими новыми гостями—венеціанскими латинами—въ Цетинь: они хотѣли здѣсь, въ качествѣ римской пропаганды, устроиться. Но всё планы ихъ разрушилъ Сулейманъ-паша скадрскій, который, дойдя съ войскомъ до Цетинья, латинъ истребилъ и разрушилъ монастырь до основанія. Такъ Цетинье избавилось отъ венеціанской и римской пропаганды и ея эгоистическихъ замысловъ...

По смерти владыки Савы Очинича въ 1697 г. былъ избранъ во владыки Данилъ Нѣгушъ, котораго хиротонисалъ въ 1700 г. патріархъ Арсеній Черноевичъ. Онъ былъ весьма разсудителенъ, отваженъ и истинный другъ своего народа и церкви. Онъ усердно старался оживить и поднять Черногорію. Ради этого онъ добивался и состоялъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ сосѣдней Венеціанской республикой. Въ его время императоръ Петръ В. отправилъ въ Черногорію пол-

ковника Милорадовича, по настоянію графа Саввы Влая-савлевича *), и тогда въ первый разъ Черногорія вступила въ сношенія и завязала дружбу съ Россією, что удержалось и понынѣ. Но наибольшая его заслуга та, что онъ, по договору съ племенными главарями, очистилъ Черногорію отъ потурченцевъ въ 1707 г. и возвратилъ ей прежнюю самостоятельность **). Напослѣдокъ, владыка Даниилъ, видя, что главари не признаютъ свѣтской власти за владыкой и что власть эта не подобаетъ церковному главѣ, даже не одобряется канонами православной церкви, отдѣлилъ ее отъ церковной, и, по совѣту сената Венеціанской республики, назначилъ въ 1718 г. Вукоту Озринича губернаторомъ Черногоріи, а еще двоихъ—сердарами ***), и имъ Венеціанская республика выдавала даже небольшое жалованье.

Но и этому новому губернаторству въ Черногоріи почастливилось не больше свѣтской владычной власти: племенные главари и при губернаторѣ удержали свою особую и независимую власть надъ племенами. Что это новое званіе въ Черногоріи не имѣло значенія—видно, по преимуществу, изъ того, что Вукота Озриничъ продалъ свое губернаторство Стану Радоничу за 100 дехиновъ въ замѣнъ за его сердарство. Этотъ фактъ говоритъ за то, что Черногорцы не были проникнуты высшей державной идеей, а равно не имѣли твердаго политическаго центра. Это подтверждается еще и тѣмъ, что они приняли въ свои господари проходима, Степана Малаго, который выдавалъ себя за русскаго царя, Петра III. Это было во время владыки Савы Петровича съ 1768 по 1774 годъ. Какую же свѣтскую власть имѣли владыки! Съ этой поры губернаторы въ Черногоріи были отъ времени Радонича до 1831 года.

Губернаторы хотя и не имѣли большого значенія въ Черногоріи, все таки занимали первое мѣсто по владыкѣ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ посуверенски поступали, что далеко не по сердцу было владыкамъ. Еще владыка Петръ I началъ стараться—уничтожить губернаторство, но не могъ успѣть, ибо Радоничи постоянно придерживались Венеціанской республики, а когда она пала, обратились къ Австріи

*) Оба—родомъ Сербы изъ Герцеговины.

***) Милаковичъ, Ист. Черногоріи. *Гласникъ* XVII.

***) До тѣхъ поръ не было въ Черногоріи сердарей, а только воеводы

и князья.

и вступили съ нею въ хорошія отношенія, а напослѣдокъ и въ тѣсную дружбу, которой и на будущее время твердо держались болѣе ради своей личной, чѣмъ общечерногорской пользы!

Напротивъ, владыки, придерживались Россіи, отъ которой постоянно имѣли моральную и матеріальную помощь еще со временъ Петра В.; они т. об. могли парализовать и губернаторство Радоница и австрійское вліяніе въ Черногоріи.

Владыкъ Петру II едва удалось отчасти лестью, отчасти обѣщаніями и подкупомъ черногорскихъ главарей—изгнать изъ Черногоріи губернатора Вука Радоница съ его семействомъ въ 1831 году; даже *кучу* его въ Нѣгушахъ сожгли Черногорцы. Остальные Радоници оставлены въ покоѣ. Потомки изгнанной фамиліи живутъ въ Которѣ и называются Губернаторовичи. Всякій членъ этой фамиліи имѣетъ и теперь по грошу въ день жалованья отъ Австріи!

Владыка Петръ II по уничтоженіи губернаторства въ Черногоріи, державшагося съ 1718 по 1831 г., задумалъ ослабить и наконецъ уничтожить власть племенныхъ главарей и ввести и въ Черногоріи твердую централизацию по австрійской системѣ. Онъ устроилъ ее т. обр.: Еще владыка Петръ I задумалъ устроить въ Черногоріи сенатъ, ради этого онъ вызвалъ Ивановича изъ Россіи *) въ Черногорію—пособить устроить въ ней сенатъ. Въ этомъ его застала смерть. Но его наслѣдникъ, владыка Петръ II, продолжалъ начатое имъ дѣло. Ивановичъ прибылъ въ Черногорію и принесъ деньги, какъ свои такъ и за нѣсколько лѣтъ субсидію, которую выдаетъ Россія Черногоріи. Онъ построилъ себѣ довольно красивую *кучу* въ цетинскомъ монастырѣ въ 1832 г., въ которой впослѣдствіи жилъ владыка, пока не построилъ себѣ отдѣльный *конакъ*. Ивановичъ сталъ усердно хлопотать о введеніи порядка въ Черногоріи по русской системѣ. Это ему удалось во 1) потому, что онъ имѣлъ въ рукахъ деньги, во 2) потому, что онъ прибылъ изъ Россіи, которую оч. уважаютъ Черногорцы и въ 3) потому, что за него былъ владыка со своими друзьями, задумывая впослѣдствіи воспользоваться его трудомъ и совѣтомъ, какъ онъ и сдѣлалъ. Ивановичъ, съ согласія владыки, учредилъ въ Цетинѣ первый черногорскій сенатъ въ 12 лицъ изъ племенныхъ глава-

*) Сербъ родомъ изъ Подгорицы, проживавшій въ Москвѣ.

рей изъ всей Черногоріи, опредѣливши имъ по 100 флор. сер. ежегоднаго жалованья Предсѣдательство владыка удержалъ за собою, а вице-предсѣдателемъ назначилъ своего дядю Юрія Петровича.

Рядомъ съ сенатомъ устроилъ онъ и меньшій судъ, такъ наз. *жардію* въ 150 человекъ изъ всѣхъ племенъ изъ самыхъ большихъ дворовъ и самыхъ почтенныхъ Черногорцевъ, которые обходили Черногорію, судили и удерживали порядковъ.

Владыка устроилъ себѣ придворную стражу въ 30 человекъ, такъ наз. *перьяниковъ* (султаноносцевъ). И *перьяники* набраны изъ самыхъ большихъ кучъ во всей Черногоріи, такъ набираются и теперь. Они везутъ ту же службу, что въ другихъ странахъ жандармы.

Пока все это устроилось, Ивановичъ издержалъ и свои, и черногорскія изъ русской субсидіи деньги: оставшись безъ денегъ, онъ постепенно былъ покинутъ Черногорцами, и они стали группироваться вокругъ владыки. Напослѣдокъ Ивановичъ принужденъ былъ оставить Черногорію и съ пустыми руками возвратиться въ Россію.

Владыка Петръ, имѣя въ рукахъ сенатъ, составленный изъ племенныхъ главарей, *жардію* и *перьяниковъ* въ полицейской формѣ, надумался—обложить данью черногорскій народъ, который до того времени никому ничего не платилъ. Раздѣливъ его на три класса, обложилъ первый 1, второй 2 и третій 3 флор. сер. Этотъ налогъ произвелъ въ Черногоріи въ простомъ народѣ неописанное огорченіе и недовольство. Ни одно племя не желало подчиниться этому новому и для бѣдныхъ Черногорцевъ необычному бременю. Народъ началъ въ слухъ роптать и на владыку и на сенатъ, называя ихъ своими *кровопійцами*, доказывая, что Черногорцы никогда никому не платили подати и что сотни лѣтъ борются со своими ружьями и на своемъ продовольствіи безъ чьей-либо помощи, именно ради того, что никому не платятъ податей. (Такъ Черногорцы думаютъ и теперь; но не смѣютъ этого высказать....) Владыка Петръ, настойчивый въ своемъ намѣреніи и рѣшимости, не желалъ слушать такихъ соображеній, но тотчасъ разослалъ *перьяниковъ* съ настоятельнымъ требованіемъ—собрать подать по всей Черногоріи. Вслѣдствіе этого Рѣцкая нахія возстала первая и сборщиковъ владыки прогнала отъ себя. Владыка Петръ собралъ нѣсколько сотенъ Катунянь и ударилъ на Рѣцкую нахію, и отчасти оружіемъ, отчасти обѣщаніями и подкупомъ главарей, разстрѣлявши

нѣсколькихъ зачинщиковъ, заставилъ народъ покориться. У Пиперовъ и остальныхъ племень повторилось тоже: податью обложена вся Черногорія...

Со смертію владыки Петра II въ 1851 г. прекратилось въ Черногоріи теократическое правленіе, которое больше было *de jure*, чѣмъ *de facto* (исключивъ владыку Петра II), и продолжалось 350 лѣтъ, т. е. отъ начала XVI в. до исхода первой половины XIX г. По смерти владыки Петра II, какъ сказано, Даніиль Петровичъ Нѣгушъ сталъ черногорскимъ княземъ въ 1851 году, и слабая теократія превратилась въ абсолютную монархію. Князь Даніиль уничтожилъ и послѣдній слѣдъ племеннаго патріархальнаго самоуправленія; отмѣнилъ племенныхъ *кнезовъ* и *кнежинь*, и замѣнилъ ихъ *капетанами* и *капетаніями*; устроилъ войско во всей Черногоріи, назначивъ въ немъ начальниковъ: *воеводъ*, *срдарей*, *капетановъ*, *сотинашей*, *барьяктарей* и *десетарей*. На послѣдокъ распорядился онъ измѣрять всю землю и сдѣлать перепись крупному и мелкому скоту, и на все наложилъ довольно тяжелую подать...

Но князь Даніиль былъ человекъ великой души и обладалъ замѣчательными качествами. Онъ при своей чрезвычайной отвагѣ и неутомимой дѣятельности относительно границъ и независимости Черногоріи, при твердости характера и готовности подчинить свои личные интересы общесербскимъ, оставилъ прекрасную, вѣчную память въ сербскомъ народѣ и въ сербской исторіи.

А то, что много варварскаго въ Черногоріи уничтожено, и что начали стремиться къ гуманизму и добру какъ въ обществѣ такъ и въ управленіи,—все это заслуга княгини Даринки, какъ образованной Сербки, имѣвшей рѣшительное вліяніе на князя Даніила, и она вспоминается каждымъ Черногорцемъ съ большимъ уваженіемъ.

Послѣ трагической смерти князя Даніила въ 1860 г. вдовствующая черногорская княгиня Даринка, не имѣя мужескаго потомства, объявила наслѣдникомъ Даніила и черногорскимъ княземъ, его племянника Николая Петровича, который съ отцомъ своимъ, воеводой Миркомъ, вступилъ въ управленіе Черногоріей....

V. Судъ.

Такъ какъ племена въ Черногоріи были самостоятельны и административно другъ отъ друга независимы, то и судъ у нихъ былъ по племенамъ собственный и независимый. Писан-

ныхъ законовъ не было. Судили по совѣсти и здравому смыслу гласно на основаніи патриархальныхъ и племенныхъ обычаевъ. Судьями были: князь, или воевода съ 6 или 12, а иногда и 24 выборными, которые назывались „добрыя люди“. Судили обыкновенно на сборномъ мѣстѣ подъ открытымъ небомъ, и мѣсто во всякомъ племени выбиралось и отгораживалось преимущественно предъ какою-нибудь церковью въ племени, или подъ какимъ-нибудь большимъ деревомъ, или на какомъ-нибудь холмѣ, если такой былъ въ удобномъ мѣстѣ; а зимою и въ дождливую погоду — въ княжеской кучѣ. „Добрыя люди“ изъ 6 или 12 лицъ судили, какъ меньшія такъ и большія ссоры и преступленія; а „добрыя люди“ изъ 24 лицъ обыкновенно судили уголовныя дѣла, съ цѣлю согласить родственниковъ погибшаго къ примиренію. На такой судъ избирали обѣ семьи (погибшаго и убійцы) по 12 „добрыхъ людей“. На приговоръ этого сборнаго суда всегда соглашались обѣ стороны, начавъ примиреніе кумовствомъ, которое представляется въ Сербскомъ народѣ священнѣйшимъ и возвышеннѣйшимъ актомъ перкви и вѣры. Малые споры и распри могъ судить каждый членъ племени, котораго спорящіе выберутъ сообща въ судьи, это простѣйшая форма третейскаго суда. Такого рода судъ совершался на всякомъ мѣстѣ—самымъ простѣйшимъ способомъ. Слѣды такой формы племеннаго (*третейскаго*) суда встрѣчаются у всѣхъ древнихъ Славянъ. Народъ изъ одного племени ни за что не шелъ на судъ другаго племени: всѣ видѣли въ этомъ униженіе и обиду. Наказаній другияхъ не было, кромѣ денежной пени въ гражданскихъ и „опремячи“ (шерстяного передника) въ военныхъ преступленіяхъ; напр. если какой-нибудь Черногорець струситъ и побѣжить съ поля битвы, ему надѣвалась „опремяча“ въ наказаніе и позрамленіе *). У кого не было денегъ, тотъ давалъ, по приговору также „добрыхъ людей“, пеню въ оружій, движимости и наконецъ въ землѣ. Завладѣ свой могъ получить обратно тотъ, кто внесетъ деньги за назначенную пеню. Пенею вознаграждался причиненный убытокъ истцу; остальное дѣлили между собою судьи. Другой платы не получали ни князья, ни воеводы, ни „добрыя люди“, ни присяжные. Темницы и тѣлесныхъ наказаній не

*) Дучичъ 29 іюня 1862 г. былъ очевидцемъ, какъ воевода Мирко надѣлъ „опремячу“ одеому черногорскому *главарю*, послѣ битвы на Плашницѣ.

было до владыки Петра II... Черногорцы вообще самолюбивы и къ тѣлесному наказанію оч. щекотливы. Охотнѣе всякій заплатить большую пеню и наконецъ отдастъ все имущество, чѣмъ подвергнется публичному наказанію... Личная свобода и обезпеченность имущества ничѣмъ не была гарантирована даже при владыкѣ Петрѣ II, до самого князя Данила.

Кровная месть самовольно совершалась не только надъ убійцей, но и надъ всякимъ другимъ членомъ изъ семьи убійцы. Кровная месть больше всего ослабляла племена и вообще мощь Черногоріи. Только кн. Даниилу удалось искоренить это зло въ народѣ, державшееся свыше 300 лѣтъ.

Рядомъ съ кровною местию оч. развита была кража: отъ нея движимое имущество было слишкомъ необезпечено. Ежедневно производились кража и грабежь, какъ внутри среди племенъ, такъ и внѣ Черногоріи, подъ предводительствомъ первыхъ племенныхъ главарей отдѣльными шайками („четми“). Но этому нисколько не надо удивляться, если вспомнить, что такіе „подвиги“ считались въ Черногоріи немногимъ меньше подвиговъ ратныхъ. Кн. Даниилу принадлежитъ честь уничтоженія въ Черногоріи воровства, изъ-за котораго втеченіе 300 лѣтъ пролито было много сербской крови.

Еще владыка Даниилъ (Хераковичъ) въ нач. XVIII в. сталъ заботиться о введеніи порядка и учрежденіи общаго суда для всей Черногоріи; но хлопоты и благія начинанія его успѣха не имѣли... Послѣ него мы видимъ владыку Василія (Петровича) хлопочущимъ о мирѣ и порядкѣ, устроившимъ общій судъ изъ *кнезовъ*, воеводъ и *сердарей* въ 1751 году. Но этотъ судъ не продержался и полугода: племена перессорились и начали кровопролитіе, и *лавари* изъ этого суда разошлись каждый къ своему племени ради драки и кровной мести. Степану (Малому) удалось во время своего чудакватаго управленія Черногоріею (1768—1774) усмирить племена и остановить воровство. Онъ держалъ при себѣ сначала въ Нѣгушахъ, позднѣе въ Цетиньѣ 12 *лаварей* изъ всей Черногоріи, съ которыми разбиралъ тяжбы и чинилъ приговоры. Онъ самъ своею быстротою и энергіею довелъ Черногорцевъ въ непродолжительное время до послушанія и порядка, разстрѣлявъ прѣ самомъ началѣ своего правленія двухъ разбойниковъ и повѣсивши одного за ударъ чубукомъ брата! Чтобы увѣриться, повинуется ли народъ его распоряженіямъ, онъ повѣсилъ 10 дукатовъ на Керсцѣ (на дорогѣ, по которой народъ ходитъ на базаръ изъ Черногоріи въ Кат-

таро), и понинѣ живетъ преданіе въ Черногоріи, какъ эти дукаты долго висѣли и какъ никто не смѣлъ до нихъ прикоснуться (Милаковича, ист. Черногоріи). Послѣ его смерти опять народъ избаловался, и кровная месть началась между племенами...

Владыка Петръ I (Петровичъ), у котораго были качества, давшія ему еще при жизни отъ народа имя „святого“, усердно хлопоталъ и трудился надъ тѣмъ, чтобы примирить семьи и племена, предававшіяся кровной мести, и ввести судъ въ народъ. Сначала ему умиротвореніе удалось; но вскорѣ опять племена перессорились и кровопролитіе возобновилось. Владыка не падалъ духомъ, но, обходя Черногорію; примирялъ семьи, въ кровной враждѣ состоявшія. По настоянію владыки, примиряющіяся племена должны были сходиться въ избранное мѣсто, гдѣ, одинаково подъ ружьемъ, останавливались въ извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи. Владыка появлялся среди племенъ съ крестомъ въ рукѣ, приглашая ихъ выбрать 5—10 представителей племени, которые, около него среди племенъ сойдясь, пересмотрѣли бы обиды и оскорбленія и, уговорившись, утвердили бы миръ. Пока *лавари* и выборные вели переговоры о примиреніи, прочіе на своихъ мѣстахъ спокойно ждали результатовъ переговоровъ... Бывали случаи, что племена, какъ случилось на Цетинскомъ полѣ, стрѣляли даже въ присутствіи владыки другъ въ друга. Владыка и молился, и проклиналъ тогда одновременно!

Тотъ же владыка, понимавшій потребность и значеніе государственнаго устройства и суда, рѣшилъ написать законникъ, по которому производился бы судъ въ Черногоріи. Итакъ, одержавъ блистательную побѣду надъ Махмудъ-пашей Бушатліемъ въ 1796 г., возвративши тогда же и двѣ отобравныя было пахіи: Рѣцкую и Црвинцкую, и соединивъ добровольно съ Черногоріей Бѣлопавличей и Пиперовъ, онъ собственноручно написалъ, по договору съ *лаварями* племенъ, XVI правилъ, какъ первый писанный законникъ Черногоріи въ 1796 году. Законникъ этотъ написанъ въ духѣ черногорскаго народа на основѣ его юридическихъ общачевъ... Позже въ 1803 г. опять по договору съ черногорскимъ и бердскимъ *лаварями* написалъ еще 17 правилъ и присоединилъ ихъ къ первымъ. И на одни и на другія правила *лавари* дали присягу, что будутъ ихъ держаться и по нимъ судить народъ.

Но народу не пришелся по душѣ весь законникъ изъ-за 20-го въ немъ правила, по которому назначена подать на всякую черногорскую и бердскую „кучу“ по 60 динаровъ

или сер. флорину: онъ отвергъ его, и снова началъ самовластно и самовольно жить и предаваться кровной мести...

Владыка и послѣ этого не терялъ надежды ввести судъ въ Черногоріи, ради этого, какъ сказано выше, онъ задумалъ организовать *сенатъ* какъ верховный судъ, въ которомъ были бы *мавари* изъ всѣхъ племенъ... Въ этомъ его застала смерть въ 1830 году. Какъ привелъ его мысль относительно „сената“ и *шардіи* (меньшаго суда) его преемникъ—сказано выше. И сенаторовъ и „шардіашей“ избиралъ и назначалъ владыка. Сенату отведено мѣсто въ Цетиньѣ, а „шардіи“—въ Черновиичевой Рѣкѣ, гдѣ народъ собирается на торгъ три раза въ недѣлю. Кромѣ того оба обязаны были объѣзжать и нахіи, чиня въ нихъ судъ и расправу, какъ было въ обычай изстари въ Сербской державѣ....

Народъ сначала никакъ не могъ свыкнуться съ этимъ новымъ судомъ... и Рѣцкая нахія возстала съ оружіемъ въ рукахъ и изгнала „шардію“ изъ Черновиичевой Рѣки, умоляя владыку—оставить ихъ, какъ они изстари привыкли... Владыка, видя въ этомъ дѣлѣ настоящій бунтъ противъ своей власти и желая удержать за собою центральный судъ въ Черногоріи, не уважилъ ихъ просьбы, но съ помощію Катунской нахіи похваталъ коноводовъ, разстрѣлялъ ихъ и судъ утвердилъ...

Во время владыки Петра II судъ производился съ нѣкоторыми малыми измѣненіями по законамъ Петра I-го. По смерти его князь Даниилъ издалъ новый законникъ 1855 года съ 95 правилами, куда вошли и правила владыки Петра I. И этотъ законникъ изъ 95 правилъ, въ который вошло понемногу изъ гражданскаго, уголовнаго и церковнаго законодательства, написанъ въ духъ, сообразно обычаямъ и степени умственнаго развитія черногорскаго народа—не смотря на то, что главная цѣль его—уничтожить послѣдній слѣдъ племеннаго самоуправленія; стать противъ междоусобицъ, разбоевъ и кражи; искоренить нѣкоторые старинные характерные народные обычаи; утвердить порядокъ и право; соединить наконецъ въ рукахъ владыки неограниченную власть надъ Черногоріею...

Эти два суда: меньшій и высшій,—установленные владыкою Петромъ II съ Ивановичемъ и нѣсколько дополненные и преобразованные княземъ Данииломъ,—и понынѣ въ силѣ въ Черногоріи; только малый судъ потерялъ свое первоначальное имя „шардіи“, оставшись подъ именемъ „суда.“ Меньшій судъ заведенъ по *капетаніямъ*, и судьи въ немъ—племенные *капетаны*, *стотинаши*, *барьяктари* и *десечари*.

Высшій судъ есть *сенатъ* въ *Цетиньѣ*, составленный изъ 12—16 *лазарей* изъ всей Черногоріи. Князь самъ выбираетъ и назначаетъ ихъ. Границы подсудности не опредѣлены закономъ ни для высшаго, ни для низшаго суда. Судьи одного и другого суда чинятъ судъ и расправу какъ по малымъ тяжбамъ, такъ и по самымъ крупнымъ преступленіямъ. *Капетами* ходятъ по *капетаніямъ*, судятъ и сами приводятъ въ исполненіе свои приговоры. Итакъ они одновременно представляютъ административную, судебную и исполнительную власть.

Судопроизводство совершается гласно и устно. Наказанія: денежная пеня, тюрьма, тѣлесное наказаніе (очень рѣдко), изгнаніе изъ страны, *отрѣзача* и смертная казнь. Изъ денежной пени три части поступаютъ въ княжью кассу, а четвертая—судьямъ. Недовольный судомъ малаго суда можетъ апеллировать въ *Цетиньѣ* въ сенатъ и къ князю.

Сенаторы вершатъ судопроизводство гласно и устно. Судятъ они зимою въ сенатъ, а лѣтомъ—подъ однимъ вязомъ на травѣ предъ княжимъ *конакомъ*, или подъ открытымъ небомъ на площади...

Въ сенатъ всего одинъ секретарь, который пишетъ купчія на проданныя земли, ведетъ протоколы и пишетъ письма административнаго, судебного и исполнительнаго характера со стороны сената къ *капетанамъ* Черногоріи.

Сенаторы не живутъ постоянно въ *Цетиньѣ* *), но въ своихъ племенахъ, по своимъ домамъ, занимаясь (пока дома), какъ и прочіе черногорцы, хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и нѣкоторые торговлей. Въ *Цетиньѣ* являютъся по 4 въ одинъ разъ, остаются мѣсяць и занимаются судопроизводствомъ.

Въ „маломъ“ судѣ въ протоколъ ничто не вносится, кромѣ пени; и въ высшемъ судѣ записываются лишь нѣкоторые приговоры; такъ—что, когда приходитъ очередь другихъ сенаторовъ, тѣ не знаютъ, какъ рѣшили прежніе, и случается, что, судя и рѣшая извѣстное дѣло, противъ желанія отменяютъ предыдущій приговоръ.

*) Въ 1873 г. князь распорядился, чтобы половина сенаторовъ переселилась въ *Цетиньѣ*, для чего возвысилъ жалованье для находящихся въ столицѣ до 300 талеровъ въ годъ. До тѣхъ поръ жалованье сенаторовъ было не одинаково: одни получали 100, другіе 150, иные и 200, а иные и 250 талеровъ въ годъ.

Князь иногда лично входитъ въ суды и судопроизводство, какъ по крупнымъ такъ и по мелкимъ дѣламъ, какъ въ сенатѣ такъ и внѣ его. Онъ можетъ по своей волѣ отмѣнить приговоръ меньшаго и высшаго суда.

И брачныя, и другія дѣла церковнаго и духовнаго характера судятъ князь и сенатъ; митрополиту не принадлежать и бракоразводныя дѣла...

Если наконецъ вспомнимъ, что въ Черногоріи и нынѣ нѣтъ ни одного лица, которое бы изучило юридическія и государственныя науки ни въ судахъ, ни въ княжеской дворцовой службѣ, а еще болѣе—мало кто изъ сенаторовъ и судей умѣетъ читать и писать, то легко понять, что въ писанныхъ законахъ нынѣ мало было и надобности....

VI. Племя, раздѣленіе земли и дворянство.

Черногорія населена разными „племенами.“ Племя произошло изъ родственниковъ, и имѣетъ два значенія: болѣе тѣсное—означая семью; болѣе широкое—извѣстное пространство, на которомъ живетъ нѣсколько различныхъ семействъ, происшедшихъ отъ одного родоначальника, либо населенное разными поселенцами, которые добились правъ племени, въ которомъ живутъ. Всякая семья имѣетъ своего родоначальника, отъ котораго ведетъ свое названіе. Такъ изъ семьи Хераковича *) произошелъ въ Черногоріи нынѣшній владѣтельный домъ Петровичей, прозванный этимъ именемъ послѣ владыки Даниїла, который до смерти своей подписывался: *Данило Шћепчев Хераковић Ньешуш*. Послѣ его смерти назвались его племянники (между которыми былъ и владыка Савва) Петровичами по отцу Петру. И какъ Петровичи изъ линіи Хераковича были наследственными владыками съ 1700 по 1851 годъ, такъ Радоничи изъ линіи Раичевичей были наследственными губернаторами съ 1718 по 1831 годъ.

Почти всю Катунскую нахію населили „ускоки“ герцеговинскіе XVI—XVII-го вѣка, именно въ ту смутную эпоху, когда потурченныя „великаши“ сербской крови и языка

*) Херакъ и Раичъ—родные братья, переселившіеся въ Черногорію изъ Герцеговины изъ—подъ мѣстныи Нѣгоша въ первой половинѣ XVI вѣка. Поселившись на маломъ холмѣ выше Котора, призвали его Нѣгуши въ память своей старой родины. Отъ Раича произошли Раичевичи.

управляли турецкими землями и стремились сербское христианство обратить въ сербскихъ магометанъ, но это имъ не удалось.

Каждое племя изстари имѣло своего князя или воеводу; нѣкоторыя имѣли—того и другого. Съ 1718 г., когда введено въ Черногорію, по вліянію венеціанскаго сената *сердарства*, всякое племя получило еще и своего *сердаря*. Съ 1831 г. съ учрежденіемъ сената, во всякомъ племени появился и сенаторъ. Въ 1851 г. князь Даниэль отмѣнилъ *кнезовъ* и *кнежины*, и замѣнилъ ихъ *капетанами* и *капетаніями*. Поэтому теперь всякое племя имѣетъ своего *воеводу*, *сенатора*, *сердаря* и *капетана*. Въ нѣкоторыхъ племенахъ одно и тоже лице—воевода и сенаторъ; а въ нѣкоторыхъ—воевода изъ одной, а сенаторъ—изъ другой семьи.

Воеводство и *сердарство* наследственно по прямой линіи отъ отца къ сыну, и если въ этой линіи мужское колѣно пресѣкается, то переходитъ въ боковую линію— въ той же семьѣ. Но одно и другое князь можетъ дать по своему усмотрѣнію. Сердарство по рангу среднее между воеводствомъ и капетанствомъ. *Капетанство* не наследственно, но его даетъ князь лицу изъ племени, которое ему наиболѣе предано, и о которомъ думаетъ, что оно всего полезнѣе для суда и военнаго дѣла. Меньшіе племенные начальники: *стотинаши*, *барьяктарь* и *десечари* *) поставляются княземъ по соглашенію съ воеводами и капетанами. Племена (исключивъ родство и военное устройство) не имѣютъ никакого общиннаго единства, никакой общинной автономіи.

Въ Черногоріи нѣтъ ни общинной, ни казенной земли. Вся земля подѣлена между племенами и *кучами*, и всякая *куча*—хозяинъ земли. Нигдѣ въ Черногоріи нѣтъ ни одного земельного владѣнія, которое смахивало бы на помѣстье и принадлежало бы одному дому. Самъ князь не имѣетъ больше десяти *ралъ* **) земли. Только нѣкоторыя *кучи* въ Рѣцкой нахіи, у Бѣлопавличей и Васоевичей имѣютъ отъ 20 до 50 *ралъ*, дойдя до этого количества своими трудами и покупкою. Остальные *кучи* имѣютъ неодинаково: отъ 1 до 10 *ралъ*. Одни Црвоевичи имѣли владѣнія, которые были малымъ помѣстьемъ (*спазилукъ*); но и они мало по-малу передали ихъ

*) *Періаники* несутъ придворную службу полицейскаго характера. Ихъ избираетъ и назначаетъ князь.

**) *Рало*—мѣра земли на два дня запашки.

цетинскому монастырю, которымъ владѣли черногорскіе владыки. Кое-что изъ ихъ владѣній и Турки присвоили себѣ...

А съ тѣхъ поръ, какъ свѣтская власть отдѣлилась отъ церковной въ 1851 году, когда князь произшелъ изъ фамилиі Петровичей, изъ которой и владыки были, въ руки его перешли владѣнія Цетинскаго монастыря... Князь Даниилъ продалъ монастырскую землю въ Рѣцкой нахіи за 20.000 талеровъ... Доходы съ монастырскихъ мельницъ на Црвиевичарѣкѣ и отъ рыбной ловли на Скадарскомъ озерѣ идутъ въ княжю кассу.

Послѣ Цривевича нѣтъ и слѣда помѣстій въ Черногоріи, да ихъ и не могло быть потому, что нѣтъ достаточно земли. А ту, какая была, поселенцы сразу при началѣ своего поселенія подѣлили по *кучамъ* на одинаковыя части. Если въ настоящее время однѣ *кучи* имѣютъ больше, другія меньше, то это произошло отъ того, что каждая *куча* можетъ свободно располагать своимъ добромъ и продавать его въ семьѣ и племени кому угодно; а кто поприлежниѣе и подвѣтливѣе, тотъ и покупалъ что хотѣлъ...

Изъ-за того, что членъ фамиліи или племени, желая продать свою землю, долженъ продать ее въ своей фамиліи или племени, могъ бы ктонибудь заключить, что земля—собственность племени. Но это совсѣмъ не такъ: каждая *куча* есть неограниченный хозяинъ принадлежащей ей земли. Только изстари уцѣлѣлъ обычай: кто желаетъ продать землю, долженъ стараться продать ее въ свою семью, если никто не хочетъ изъ семьи—продать *племени*; если жъ откажутся члены и семьи, и *племени*, тогда онъ можетъ продать кому ему угодно—чужому. Основанъ этотъ обычай на томъ, что семья и *племя* въ извѣстныхъ случаяхъ являются въ круговой поруцѣ за своего сочлена; основанъ отчасти и на томъ, чтобы не дать *племени* и семьѣ идти въ—рознь и распадаться. Если никто изъ семьи и *племени* не захочетъ иди не имѣетъ возможности купить землю, семья должна дать продавцу письменное удостовѣреніе, и онъ долженъ имѣть свидѣтелей, что предлагалъ ей—покупку. Это дѣлается ради того, чтобы впоследствии кто-нибудь изъ семьи или *племени* не началъ иска противъ продавца земли за поступокъ противъ *племенной* обычнаго права.. При всемъ томъ рѣдко случается, чтобы *кучи* изъ другаго племени имѣли свои земли въ другихъ семьяхъ. Всегда найдется кто-нибудь изъ той же семьи или племени и купить ихъ. Изъ этого видно, каковъ обычай, который является съ тѣмъ вмѣстѣ и закономъ при дѣленіи земли на *кучи* и семьи.

При жизни родителей, сыновья, если захотятъ отъ нихъ отдѣлиться, не могутъ получить части изъ родигельскаго имѣнія, если родители на то не согласны. Отецъ, который самъ приобрѣлъ что-нибудь кромѣ того, что досталось ему отъ отца, можетъ это по своей волѣ подѣлить между сыновьями на равныя или неравныя части; а можетъ и другимъ родственникамъ раздать изъ того же имѣнія, сколько захочетъ по усмотрѣнію. А то, что досталось ему отъ отца и дѣда—дѣлится между сыновьями на равныя части. Если отецъ соглашается на выдѣлъ сына, то онъ дѣлитъ все имѣніе между лицами мужескаго пола на одинаковыя части, одна изъ которыхъ отчисляется и на его, отца долю. Если мать жива по смерти отца, она пользуется частью своего мужа при жизни; по смерти ея, сыновья дѣлятъ и ту часть между собою. Когда умираетъ отецъ, если сыновья состоятъ въ *задружьи*, то обрабатываютъ землю и все остальное съобща; если же расходятся, то дѣлятъ и землю и все остальное на равныя части. Лишь старшему брату даютъ изъ отцовскаго оружія что-нибудь не въ зачекъ, въ знакъ его старшинства. Но это всегда зависитъ отъ доброй воли остальныхъ братьевъ. По окончаніи раздѣла, младшій братъ, по старинному славянскому обычаю, остается въ *кучь* отца.

Дочери не имѣютъ никакой доли въ наслѣдствѣ отца. Что получила каждая изъ дѣлжимости, при своемъ выходѣ замужъ, то и остается за нею. Но если умереть отецъ, у котораго нѣтъ мужскаго потомства, его дочери, если выданы замужъ, наслѣдуютъ движимое имущество и землю; а *куча* и оружіе остаются въ ближайшей по крови къ *кучь* семьѣ или племени. Если живы его сестры, то онѣ наслѣдуютъ одну часть, а дочери—двѣ части. Если дочь не выдана замужъ, когда умираетъ ея отецъ, она можетъ взять себѣ мужа, разумѣется, изъ другой семьи, который входитъ въ ея домъ и называется *домѣзетъ* (въ Сербіи: *ульѣзъ*). Въ такомъ случаѣ она имѣетъ право и на *кучу*, и на оружіе и пр., такъ-какъ *домѣзетъ* признается членомъ той же семьи. Если дочь, которая съ выходомъ замужъ получила отъ родителей какое-либо имущество, умереть бѣздѣтною, то наслѣдуютъ ея имѣніе братья, если ихъ нѣтъ—сестры, если нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ—ближайшіе родственники или семья. Вдова, оставшаяся молодою отъ мужа, пока не выйдетъ замужъ, пользуется частью своего мужа; выйдя замужъ, получаетъ по 10 талеровъ въ годъ. Выдается ей эта сумма столько лѣтъ, сколько была замужемъ, и сколько была вдовою послѣ смерти мужа.

Пастбища въ *планинахъ* язтари не были подѣлены по *кучамъ*, какъ пахатная земля, но по *племенамъ*, и всякое *племя* имѣетъ свое общее пастбище, на которомъ всякая *куча* того племени имѣетъ одинаковое право—пасти скотъ и рубить дрова. Но теперь и пастбища во многихъ мѣстахъ, большею частію, подѣлены. Ничего другого *племени* не имѣютъ общаго, даже не имѣютъ представленія объ общинѣ и ея правахъ и обязанностяхъ въ той формѣ, какъ существуетъ теперь община въ Сербіи. Упомянемъ еще и о томъ, что въ Черногоріи нѣтъ *задруи*. Рѣдкая *куча*, гдѣ живутъ въ *задруи* даже родные братья послѣ смерти отца; а тѣмъ болѣе—двоюродные братья и болѣе дальніе родственники.

Существуютъ ли въ Черногоріи дворяне? Если—да, то когда появились и съ какими правами? Общепринятое было мнѣніе, что многіе сербскіе дворяне ушли въ Черногорію, какъ только Турки завладѣли сербскими землями. Но это не такъ. Ясный историческій фактъ, что сербское дворянство, особливо высшее—феодалное—почти все отуречилось съ конца XIV до начала XVI вѣка, чтобы удержать свои *спахи* и господство. Были отдѣльные родовитые Сербы и цѣлыя *кучи* изъ этого нынѣшняго дворянства, которые ни за что не хотѣли отуречиться. Но такихъ было не много, да и они теряли и *спахи* и значеніе, и становились просто *райей*. Мало того, многіе изъ нихъ должны были отказаться и отъ своего стариннаго фамильнаго имени, такъ какъ ихъ родственники съ отуреченіемъ не могли никакъ терпѣть, чтобы неотуречившіеся носили съ ними общія фамильныя имена. Можетъ быть, такимъ образомъ они легче рассчитывали прикрыть собственный позоръ отступничества отъ вѣры предковъ.

Въ подтвержденіе этому приведу изъ многихъ примѣровъ одинъ. Сербская дворянская фамилія *Любовичей* въ Герцеговинѣ не вся отуречилась. Тѣ члены фамиліи, которые отуречились, удержали и въ послѣдствіи свою старинную фамилію *Любовичей*, какъ носятъ ее и понынѣ. Унежелавшихъ же принять исламъ отнята была земля и власть; имъ запретили именоваться своею старинною фамиліею, общою съ отуреченною отраслюю *Любовичей*; и присвоили имъ другую и, можно сказать, не фамилію, а презрительное прозвище: *Кашиковичи*. И по сей день одни и другіе признаютъ, что они—изъ одного дома; но *Любовичи*—беги, а *Кашиковичи*—нѣтъ *райя*. Такихъ примѣровъ много въ Герцеговинѣ; но можно ихъ пайти и въ Боснѣ, и въ Старой Сербіи.

Мелкое дворянство—*властеличичи*,—подручное высшей феодальной аристократіи—*властелямъ*,—не имѣвшее своихъ имѣній и власти съ тѣми правами, какія имѣли высшіе *властели*, большею частію, осталось вѣрнымъ православной вѣрѣ и охотѣе соглашалось съ народомъ заодно нести горькую судьбину, чѣмъ принять исламъ. *Властеличичей* осталось больше всего непотуреченныхъ въ Герцеговинѣ. Но и среди ихъ многіе, вслѣдствіе захвата своихъ имѣній, должны были промѣнить свои старинныя фамиліи, чтобы уменьшить насиліе и фанатическую вражду своихъ потуреченныхъ единоплеменниковъ, передавая огъ огда къ сыну, изъ какой кто фамиліи и почему не хотѣли отуречиться. Нѣкоторые не только удержали свои старинныя фамильиыя имена, но и *кучи*, и кое что изъ земли, какъ свою собственность. И, что еще замѣчательно, удержали и свои дворянскія званія—*князей* и *веводъ*.—которые подтверждены за ними султанскими *бератами*. Такъ мелкое дворянство — *властеличичи*—сдѣлались въ это печальное время посредниками между народомъ и турецкой властью, теряя мало-по-малу свое первоначальное значеніе, въ концѣ концовъ ихъ задача низшла въ общественномъ и государственномъ значеніи до степени сборщиковъ подати и *харача*, и передатчиковъ ея въ турецкія руки. При всемъ томъ нельзя отрицать, что они не имѣли хотя бы малаго значенія въ народѣ и фиктпвнаго признанія со стороны турецкихъ властей: тѣ, по крайней мѣрѣ, что были съ *бератами*, имѣли даже нѣкоторые почести и права, какъ-то: ѣздить на конѣ верхомъ, носить оружіе, не вносить податей и *харача*. Позже они потеряли эти привилегіи; но удержали: *кучи*, земли и пустыя званія. Правда, многіе со временемъ потеряли и это, оставшись просто турецкими арендаторами (*кметичи*).

Были и такіе, которые на долгое время удержали и свои помѣщичьи (*спахійскія*) права, напр. *Храбрены* въ нын. Столацкой *нахи* остались *спахія*ми (помѣщичьями) по султанскому *берату* до половины XVII вѣка. Напослѣдокъ, притѣсняемые многими отуречеными *властелями*, имѣвшими власть въ своихъ рукахъ, промѣняли свою старую фамилію Храбреновъ на фамилію *Милорадовичей*. Но имъ и это не помогло. Ихъ отуреченные соплеменники, именно одинъ ихъ близкій родственникъ, наиболѣе отуреченный, отъ котораго пошли нынѣшніе турки *Опіячи* въ Столацкой *нахи*, шли на то: или всѣхъ ихъ отуречить, или отнять у нихъ имѣнія и господство. Не будучи въ состояніи одолѣть турецкаго фанатизма и суровость отуреченныхъ пашей и *визчаровъ*,

Милисавъ (Храбрень) Милорадовичъ отправился въ Константинополь и ископоталъ *фирманъ* на право свободной постройки монастыря на своей землѣ. Построивъ монастырь Житомишлича, сохранившійся и понынѣ на лѣвомъ берегу рѣки Неретлы, онъ подарилъ ему и свою землю въ той окрестности. Вскорѣ затѣмъ его постигла смерть, и онъ похороненъ въ монастырской церкви—своей постройки. Сыновья его, не имѣя силъ сносить надменность и притѣсненія потурчечевцевъ, переселились въ Россію, гдѣ были приняты въ число русскаго дворянства, подъ фамиліей Милорадовичей, изъ которыхъ вышли извѣстные въ русской службѣ генералы. Изъ той же фамилии былъ и тотъ Милорадовичъ, котораго императоръ Петръ послалъ въ Черногорію съ порученіемъ къ черногорскому владыкѣ Даниилу—поднять черногорцевъ и герцеговинцевъ противъ турокъ въ 1711 году. Остальные Милорадовичи боковой линіи остались въ Столацкой нахіи, перемѣнивъ, по переселеніи родотвенниковъ своихъ въ Россію, и свою новую фамилію Милорадовичей въ *Дѣличей* и *Кузmani*, удержавъ и по сей день *кучи* и часть земли, какъ свою собственность.

Кромѣ Милорадовичей переселился въ Россію и *Влаисавъ Влаисавлевичъ*. Его внукъ, графъ Сава занималъ важное мѣсто при дворѣ Петра В. и Екатерины I. Онъ-то посоветовалъ Петру В. отправить Милорадовича въ Черногорію въ 1711 году для возбужденія противъ турокъ черногорцевъ и герцеговинцевъ.

Братья Влаисавлевича, Дува и Вукоманъ остались въ Герцеговинѣ и въ Гацѣѣ. Сыновья Дуки убили одного бега Ченгича; изъ-за этого переселились въ Требиньскую нахію подъ фамиліей *Дучичей*.

Петровичи, нынѣ владѣтельный домъ въ Черногоріи, переселились изъ Баньяна изъ-подъ планины Нѣгуша въ Герцеговинѣ въ Черногорію въ первой половинѣ XVI вѣка, о чемъ мы упоминали выше.

Нѣкоторыя фамиліи въ XVII вѣкѣ переселились въ Венеціанскую республику; другія—въ Хорватію, Славонію и Венгрію; изъ нихъ назовемъ: *Воиновичей*, *Лякбратичей*, *Витковичей* и др.

Многія остались въ своемъ страдальческомъ отечествѣ; удержавъ пустые титулы воеводъ и князей, и защищаясь отъ турецкаго насилія по временамъ возстанными и уходомъ въ *гайдуки*, по временамъ изъявленіемъ покорности подъ условіями нѣкоторыхъ льготъ. Изъ очень большого числа выбираемъ болѣе извѣстныя въ Россіи фамиліи изъ живу-

щихъ въ Герцеговинѣ: *Караджичи*, *Вукаловичи*, *Любигра-тичи* и др.

Только единственная фамилія въ Фочанской *нахи* въ Герцеговинѣ *Куянджичей* удержала и псдѣ турецкимиъ владычествомъ и по настоящій день свои *спайскія* права; ея *спайскіе* имѣетъ тѣ же права, что и владышія потурченцевъ. Про эту фамилію говорятъ въ Герцеговинѣ, что она измѣнила Сербамъ и оказала знатную услугу турецкому войску во время турецкаго нападенія на Герцеговину въ исходѣ XV вѣка; за эту услугу, говорятъ, Куянджичи и получили *спайскія* права.

Изъ многихъ феодальныхъ сербскихъ дворянъ одни *Прноевичи* успѣли занять мѣста въ прежней Зетской планинѣ, нынѣшней Черногоріи, и удержать тутъ сербскую политическую самостоятельность.

По переселеніи Прноевичей изъ Рѣцкой *нахи* въ Петинѣ въ 1484 году, стали переходить изъ Герцеговины въ Черногорію многія фамиліи со своими старшинами, избѣгая насилій отъ потурченныхъ *властелей*. Они заняли всѣ земли, годныя для обработки. Съ увеличеніемъ фамилій или семей, они подѣлили занятые земли на равныя части. Даже старшины—воеводы и *кнезы*—не получили больше земли, чѣмъ прочіе переселенцы: отъ простого народа они отличались только титулами *воеводы* или *кнеза*. Одинаковая степень умственнаго развитія, одинаковыя племенные права и обязанности у *властелей* (дворянъ) съ простымъ народомъ, наконецъ отсутствіе большого количества земли для захвата въ свои руки—вотъ причины, почему дворянство не имѣло въ Черногоріи того же историческаго развитія, которое оно имѣло въ Европѣ вообще и даже въ Сербіи въ частности.

Привиллегіи черногорскаго дворянства состояли единственно въ томъ, что въ общественныхъ собраніяхъ оно вездѣ занимало первое мѣсто; безъ него не могло обойтись судебное засѣданіе; во время войны дворяне предводительствовали своими *племенами*. Словомъ, дворяне Черногоріи имѣли политическія, но не имущественныя привиллегіи. При всемъ томъ они гордились пустыми титулами княжескаго и воеводскаго званія, тѣмъ болѣе, что званіе это было наслѣдственное. Воеводство и *сердарство* въ Черногоріи является наслѣдственнымъ и въ настоящее время. *Кучи*, которыхъ имѣли это званіе 200—300 лѣтъ назадъ, имѣютъ его и теперь. Правда, князь можетъ дать это званіе всякому черногорцу, который отличился на военномъ полѣ и лично ему преданъ; но это

выслуженное воеводство и *сердарство* не имѣть въ глазахъ Черногорца того значенія, какъ потомственное.

VII. Просвѣщеніе.

Черногорія обходилась безъ школъ 300 лѣтъ. Причинъ тому было много: кровопролитныя междоусобія, частыя войны съ Турками, бѣдность народа, а главное—простота представителей народа, не понимавшихъ важности просвѣщенія и его благотворнаго вліянія на прогрессъ въ развитіи народнаго духа.

И правда, первые владѣтели Черногоріи—Црноевичи не были люди безъ образованія. Имѣя владѣнія въ Италіи и будучи въ связяхъ съ Венеціанскою просвѣщенной республикой, они находили тамъ случаи убѣдиться въ необходимости въ воспитаніи и образованіи для самихъ—себя. Извѣстно, что еще первый владѣтель изъ этой фамиліи, воевода Стефанъ, жилъ въ Неаполѣ именно въ ту пору, когда Зетяне избрали его своимъ княземъ и пригласили прибыть въ Зету. Точно также и сынъ его, воевода Иванъ Црноевичъ, много времени провелъ въ Италіи въ своемъ имѣніи въ Анконѣ. А сынъ Ивана, воевода Юрій, получилъ систематическое образованіе въ Италіи, гдѣ и женился на Венеціанской дворянкѣ Елизаветѣ. Извѣстно, что воевода Иванъ приобрѣлъ въ Венеціи и первую сербскую типографію, устроивъ ее въ Ободѣ при монастырѣ св. Николая, гдѣ и стали раньше всего изъ сербскихъ областей печатать старыя сербскія книги (*Србулье*) въ 1493 году. Но съ прекращеніемъ власти Црноевича въ Черногоріи прекратилась и дѣятельность его типографіи.

Монастыри въ Черногоріи сдѣлались народными школами и расадниками сербскаго книжнаго образованія. Но не готовившій себя къ званію священника или монаха не ходилъ въ монастырь учиться. Черногорцы вообще думали, что только владыкамъ, монахамъ и священникамъ необходима грамотность и наука. Потому-то ученіе установлено было только для духовенства. Но и эта наука была въ очень ограниченномъ видѣ. Школы въ монастыряхъ не имѣли надлежащаго устройства. Ученые были прежде всего прислуживающими монаховъ. Учебные часы опредѣлены не были; ученики (*даки*) учились тогда, когда не имѣли другой работы. Зимой учились около огня въ кухнѣ, а лѣтомъ—въ садахъ и лѣсахъ подлѣ монастырей. О скамьяхъ и какомъ-нибудь

школьномъ методѣ и помину не было. Все шло самымъ простѣйшимъ способомъ. Ученикъ — *дьякъ*, знавшій псалтирь, часословъ, церковное правило и умѣвшій читать по печатному, — являлся окончившимъ школу и считался ученымъ. Онъ могъ сразу быть посвященнымъ въ священники или въ монахи. Въ какомъ монастырѣ монахи обладали большими знаніями, оттуда и ученики выходили болѣе искусными въ чтеніи и церковномъ правилѣ.

Многіе *дьяки* не умѣли читать по другимъ книгамъ, кромя какъ по тѣмъ, по которымъ учились; въ случаѣ надобности и такихъ посвящали въ священники.

Лучше всего охарактеризовалъ школу и просвѣщеніе въ Черногоріи владыка Петръ II въ своей повѣсти „*Горскіи сѣнаки*“ въ лицѣ попа Мити Цуцкаго, который не умѣлъ даже прочесть того, что самъ написалъ. А совершать литургію, крещеніе и вѣнчаніе выучился наизусть; и совершалъ все это безъ книги, и пѣлъ, какъ пѣсноу подь гусли.

Но и сами владыки не имѣли высшаго образованія; и они были простые монастырскіе *дьяки*.

Первый черногорскій владыка, который учился больше прочихъ, былъ Василій Петровичъ, прошедшій школу при патриархіи сербской въ Печѣ, и потомъ проведеншій довольно долгое время въ Петербургѣ. Онъ первый понялъ, что безъ школы не можетъ быть знанія и прогресса; ради этого отправилъ онъ учиться въ Россію 12 черногорскихъ юношей съ намѣреніемъ, по окончанія ими курса ученія, возвратити ихъ на родину. Но они не вынесли петербургскаго климата и почти всѣ умерли вдали отъ родины. Такимъ образомъ первое патріотическое предпріятіе осталось безъ успѣха. Тотъ же владыка написалъ первую краткую исторію Черногоріи, напечатанную въ Москвѣ въ 1754 году. И хотя эта „исторія“ едва ли заслуживаетъ этого имени, но опять фактъ этотъ является доказательствомъ, что владыка Василій сдѣлалъ шагъ впередъ сравнительно со своими предшественниками и понималъ важность науки.

Наслѣдникъ Василія, владыка Петръ I, учился нѣкоторое время въ Петербургѣ подъ его наблюденіемъ; онъ былъ очень быстрого и глубокаго ума; имѣлъ природное поэтическое дарованіе, какимъ владѣютъ и многіе Черногорцы, и написалъ, какъ уже упомянуто, первый кодексъ (*Законникъ*) для Черногоріи въ 1766 году. Онъ написалъ летопись Черногоріи, которою пользовались впоследствии авторы черногорской исторіи, и рядомъ съ нею — нѣсколько юнацкихъ и дидактическихъ пѣсень. При себѣ онъ держалъ людей обра-

зованныхъ: С. Милутиновича и въ качествѣ секретаря аббата Дольчиа изъ Дубровника. Но, къ удивленію, Петръ I не обращалъ никакого вниманія на школы.

Честь эта принадлежитъ его наслѣднику владыкѣ Петру II. Этотъ даровитый сербскій поэтъ, у котораго учителемъ былъ упомянутый навѣстный сербскій поэтъ С. Милутиновичъ, основалъ первую элементарную школу въ Цетиньѣ въ 1834 году, въ которой преподавались: сербская грамматика, священная исторія, ариѳметика и письмо. (*Грлица*. 1835). Онъ же первый отправилъ нѣсколькихъ черногорскихъ юношей для науки въ Сербію.

Владыка Петръ II, рядомъ со школой, учредилъ и сербскую типографію въ 1834 году, въ Цетиньѣ, въ которой печатались нѣкоторые церковныя и сербскія книги. Но во время войны съ Омеръ пашей въ 1852—53 году, при оскудѣніи олова, князь Даниилъ постановилъ перелить типографскія литеры въ пули для патроновъ. Сочиненія Петра II, вышедшія въ свѣтъ, были слѣдующія: *Лиѣк жарости турске* и *Путникъ цетиньски* (Цетинье. 1-35.); *Луца Микрокозма* (Бѣлградъ 1836); *Горски виѣнаи* (Вѣна. 1847); *Лажни цар Шѣпан* (Загребъ 1851); *Кум Дуршића* и *Чардак Алексића*, двѣ юнацкія пѣсни (Вѣна. 1851); *Слободѣјада* (Землинъ. 1854) и *Српскі омедало* (Бѣлградъ. 1854) *).

Князь Даниилъ, усердно стараясь превратить самовольную Черногорію въ благоустроенное государство, не упускалъ изъ виду и школьнаго дѣла. Онъ преобразовалъ цетинскую элементарную школу въ небольшой пансіонъ, учредивъ 30 стипендій для лучшихъ учениковъ изъ всѣхъ націй въ Черногоріи, и пригласивъ опытныхъ учителей.

Рядомъ съ этимъ онъ снова завелъ въ 1860 году типографію, получивъ безплатно изъ Сербіи типографскую машину новой системы.

Князь Даниилъ хотѣлъ завести элементарныя школы во всѣхъ націяхъ Черногоріи. Но это патріотическое предпріятіе ему не пришлось совершить: помѣшала трагическая преждевременная кончина!

Его наслѣдникъ, князь Николай, послѣ извѣстной турецко-черногорской войны 1862 года, обратилъ главное вниманіе на школы.

Еще въ 1863 г., по предложенію Дучича, учреждена богословская семинарія въ Цетиньѣ. Рядомъ съ нею учреждена цетинская школа изъ четырехъ классовъ. Проектомъ

*) Сравни. „Српска библиографіја“ Стояна Новаковича.

Дучича предлагалось, чтобы заведены были сразу въ Черногоріи 10 элементарныхъ школъ, изъ которыхъ лучшіе ученики принимались бы въ богословскую семинарію. Князь Николай, одобрявъ проектъ, открылъ 10 упомянутыхъ школъ, въ которыя были назначены учителями молодые Черногорцы, окончившіе съ наилучшимъ успѣхомъ курсъ въ элементарной цетинской школѣ. Элементарныя школы удержались, а семинарія черезъ годъ была закрыта вслѣдствіе большихъ расходовъ, которые въ одинъ годъ превысили 3000 гульденъ.

Съ закрытіемъ семинаріи, въ основную школу въ Цетиньѣ были приглашены въ 1865 г. два учителя изъ Далмаціи, воспитанники Задарской православной семинаріи. Въ 1867 г. и Дучичъ, смотритель школы, остающійся Черногорію, и оба упомянутые учителя, послѣдніе переселились въ Вѣнградъ.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ покровительственныхъ отношеній отъ правительства Наполеона, князь Николай сразу обратился въ Россію и отправился въ Петербургъ въ декабрь 1868 года. Въ Петербургѣ князь былъ хорошо принятъ, и между прочимъхлопоталъ субсидію на семинарію и женскую школу въ Цетиньѣ. На семинарію Св. Синодъ опредѣлилъ 8000 руб., а на женскую школу—Государыня Императрица—5.500 руб. ежегодно. На эти средства вновь основаны въ Цетиньѣ въ 1869 г. богословская семинарія и первая женская школа.

Миланъ Костицъ, уроженецъ Бачки, окончившій курсъ духовной академіи въ Кіевѣ, назначенъ ректоромъ духовной семинаріи въ Цетиньѣ; онъ же, при содѣйствіи протоіерея русскаго посольства въ Вѣнѣ М. Ф. Раевского, составилъ и программу курса семинаріи. Втеченіе трехъ лѣтъ М. Костицъ, кромѣ устройства новой семинаріи, былъ оч. усерднымъ наблюдателемъ за всеми народными школами въ Черногоріи, пока совсемъ не покинулъ княжества.

Начальницей женскаго пансіона въ Цетиньѣ назначена гжа Пацевичъ, уроженка Москвы, устроившая пансіонъ по системѣ русскихъ женскихъ институтовъ.

Рядомъ съ этими двумя заведеніями и десятию элементарными школами, которыя учреждены раньше, открыты еще около 30 элементарныхъ школъ въ Черногоріи въ періодъ съ 1869 по 1871 годъ.

Въ элементарныхъ школахъ преподаются: 1. сербское и славянское чтеніе, 2. псалтирь, 3. Ветхий Заветъ, 4. сербская грамматика, 5. арифметика, 6. географія, 7. сербская исторія, 8. свѣдѣнія о земледѣліи и 9. церковное пѣніе.

Въ женскомъ пансіонѣ изучаются слѣдующіе предметы: 1. катихизисъ, 2. свѣц. исторія, 3. сербская грамматика, 4. географія; 5. ариметика, 6. чистописание, 7. русскій яз., 8. французскій яз., 9. свѣдѣнія о шелководствѣ, 10. ружьбѣ и 11. пѣніе.

Въ богословской семинаріи преподаются: 1. пространнѣй катихизисъ Филарета, 2. исторія церкви, 3. сербская грамматика, 4. славянская грамматика, 5. рѣторика, 6. исторія сербской словесности, 7. русскій языкъ, 8. русская церковная словесность, 9. всеобщая исторія, 10. антропология съ физиологіей, 11. діатетика, 12. нравственное богословіе, 13. толкованіе св. Писанія, 14. герменевтика, 15. гомилетика, 16. психологія, 17. логика, 18. догматическое богословіе, 19. пастьерское богословіе, 20. литургика, 21. дидактика, 22. педагогія и 23. церковное правяло и пѣніе.

Учителямъ элементарныхъ школъ платятъ жалованье изъ дохода съ черногорскихъ монастырей, который достигаетъ 16.000 гульд.; на жалованье учителямъ идетъ 7.350 гульд. Ректоръ семинаріи получаетъ 1.500 гульд., 2 профессора по 600 гул. и квартиру; директриса пансіона 1.500 руб. и 2 учительницы по 300 гул., столъ, квартиру и отопленіе. Число учащихся въ Черногоріи превышаетъ 2000 чел., изъ которыхъ 100 дѣвочекъ. Грамотныхъ въ странѣ 2%.

VIII. Военная организація.

Всякій Черногорець, который можетъ носить оружіе, есть солдатъ, т. е. обязанъ защищать свою родину отъ нападенія непріятелей.

Для всемъ томъ военнаго устройства не было никакого почти до князя Данила.

Всякое племя шло въ бой за своимъ воеводой, княземъ, или сердаремъ скорѣе по своей волѣ и привычкѣ, чѣмъ по какому-либо военному распорядку, закону и дисциплинѣ. Военный духъ, въ значительной степени развитой у Черногорцевъ, любовь къ родинѣ и соревнованіе въ юначествѣ и въ отличіяхъ разжигали въ нихъ храбрость и страсть къ бою и водили ихъ всегда полныхъ воодушевленія на поле битвы. Довольно одного клича: „ударите Турки на Црну гору!“ чтобы все племена взяли за оружіе и стали противъ непріятеля, не щадя послѣдней капли крови для защиты своей родины.

Если узнавали раньше, что турецкія войска собираются съ Герцеговинской или Албанской стороны противъ Черногоріи; владыка всегда созывалъ племенные *мазарей* въ Це-

тинь, чтобы уговориться, гдѣ будутъ Черногорцы собираться и какъ отбивать турокъ.

Затѣмъ каждый *лаварь* велъ на указанное мѣсто свое *племя*, тамъ ужъ и владыка въ лагерь былъ и приободрялъ Черногорцевъ передъ боемъ.

Племена даже въ бою не смѣшивались въ одну массу, а равно не управлялись командою одного начальника; но одно подлѣ другого занимали со своими *лаварями* мѣста, желая при этомъ переспорить другъ друга, кто больше отличится и „*посъчетъ*“ турецкихъ головъ.

Черногорцы искони воевали со своими ружьями и на своемъ продовольствіи, которое имъ носятъ жены.

Только князь Даніилъ рѣшилъ преобразовать Черногорию и въ военномъ отношеніи. По его системѣ сдѣлана перепись войскамъ во всѣхъ племенахъ; поставлены военные старшины: воеводы, *сердари*, *капетаны*, на каждые 100 человекъ—*стотинаши* и *барбактары*, на всякіе 10 чел.—*десечары*. Въ нѣкоторыхъ *нахіяхъ* онъ назначилъ отдѣльнаго командира. Рядомъ съ этимъ устроилъ гвардію. Гвардія составлена изъ избранныхъ и лучшихъ юнаковъ изъ всѣхъ *племенъ*. И она имѣетъ своихъ *шефа*, *стотинаша*, *барбактара* и *десечара*.

Всякій военный старѣйшина получилъ серебряный гербъ на *капу* съ княжескимъ вензелемъ посреди герба, которымъ обозначается чинъ старшинства въ войскѣ. По старшинству и аванію измѣняется и форма герба.

Чтобы упрочить вновь введенную военную организацію, князь Даніилъ назначилъ ежегодное жалованье военнымъ старшинамъ, которое удержалось и понинѣ: воеводѣ, который состоитъ въ то же время и сенаторомъ 200 гульд., *капетану* 80 гульд., *стотинишу* 12 гульд., *барбактару* 12 гул. и *десечару* 5 гул. *Пержаникамъ*, которыхъ числится сто и которые составляютъ княжескую стражу, выдается по 80 гульд. ежегодно.

Такая военная организація держалась до 1866 года. Въ этомъ году, по желанію князя Николая, сербскій князь Михаилъ прислалъ изъ Сербіи артиллерійскаго офицера Милутина Іовановича съ другими лицами, для устройства черногорскаго войска по системѣ, практикуемой въ Сербіи. Всѣ войска подѣлены на *четы*, баталіоны, бригады и дивизіи. Во всякой *четѣ* 100 *войниковъ*, во всякомъ баталіонѣ—4—6 *четъ*, въ бригадѣ—4—6 баталіоновъ, а въ дивизіи по двѣ бригады.

Народнаго войска числится въ Черногоріи всего 16.700 человекъ; въ числѣ этомъ находятся всѣ мужчины 16—60 лѣтъ.

Вооруженіе черногорской арміи сдѣлано на деньги отчасти сербскаго правительства, отчасти на средства сербскаго патриота Лазо Трифковича, отчасти на субсидію изъ Россіи, отчасти на деньги, положенныя владыкою Петромъ II въ петербургскій банкъ. Порохъ и пули дѣлаются въ собственныхъ мастерскихъ, устроенныхъ офицерами, прибывшими изъ Сербіи съ М. Ювановичемъ.

Относительно численности и организаціи черногорской арміи въ послѣдней черногорско-турецкой войнѣ приводимъ отрывокъ корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ 10 апрѣля 1877 года, подписанный *Соколомъ Черногорскимъ*.

„Начну съ Катунской нахіи, которая содержитъ въ себѣ Цетинско-Нѣгушскій баталіонъ, состоящій изъ 750 хорошо вооруженныхъ воиновъ, Чекличко-Цуцкій изъ 700, Чевскій—изъ 800, Загарачко-Команскій—изъ 600. Командуетъ этимъ войскомъ дивизионеръ Вукотичъ, тестъ князя Николая.

Рѣчская нахіа состоитъ изъ двухъ баталіоновъ, Цеклинскаго и Люботинскаго; первый имѣетъ 900 воиновъ, а Люботинскій—850. Далѣе Цермничская нахіа состоитъ изъ горно-цермничскаго баталіона въ 700 и долино-цермничскаго въ 650 воиновъ. Лѣшанская нахіа содержитъ тоже два баталіона, которые вмѣстѣ состоятъ изъ 1,000 воиновъ. Берда раздѣлена на три баталіона, содержащіе около 2,500 воиновъ. Ихъ сосѣди имѣютъ два баталіона въ 1,600 воиновъ. Вассоевичей тоже два баталіона въ 1,550 воиновъ, Шаранцевъ 800, Морачанъ 600, Ровцевъ 400.

Артиллеристовъ въ Черногоріи считается 260 человекъ. Такое незначительное количество не должно удивлять, такъ какъ не въ духѣ черногорцевъ быть артиллеристами. Они считаютъ увизительнымъ для себя заниматься пушками и бросать свой ятаганъ. Только усиленныя старанія князя Николая заставили ихъ приняться за должность, которую они и теперь еще называютъ „женскимъ занятіемъ.“ И теперь не рѣдко во время сраженія можно видѣть черногорскаго артиллериста съ ятаганомъ въ рукахъ, сражающагося въ переднихъ рядахъ и занимающагося сниманіемъ турецкихъ головъ. Его нисколько не страшатъ ни выговоры, ни штрафы; на замѣчанія своихъ товарищей онъ отвѣчаетъ: „э, какая важность! турецкая голова дороже всего“. Начальникомъ артиллеріи, заключающей въ 18 пушкахъ старой и новой системы, состоитъ Джуза Вукотичъ, а его помощниками—два брата Мартиновичи, способные офицеры, окончившіе курсъ военныхъ наукъ въ Австріи.

Вспомогательныя войска Черногоріи состоятъ изъ слѣ-

дующихъ герцеговинскихъ племенъ: Пива, съ 800 воинами, которыми командуетъ Лазарь Сочица, Баняни изъ 450, Гачани—900 воиновъ подъ командою Мусича въ 700 человекъ, и Зубцы, которыми командуетъ Трифо Кокаловичъ изъ 400 воиновъ. Кромѣ того разбросанныхъ по Герцеговинѣ инсургентскихъ шаекъ наберется человекъ 400—500.

Въ Старой Сербіи вспомогательныя войска составляютъ возстанцы вассоевичи числомъ 1,500 человекъ, которыми командуетъ черногорскій воевода Вуковичъ. Въ Албаніи, наконецъ, войско Кучей, самыхъ отважныхъ храбрецовъ, числомъ 2,000, которымъ командуетъ лучшій и способнѣйшій черногорскій юнакъ Марко Милянвъ-Поповичъ

Слѣдовательно, по точномъ вычисленіи выходитъ, что Черногорія содержитъ собственнаго войска до 14,050 чел., а вспомогательнаго войска, исключая миридитовъ, 8,700 человекъ. Всѣ эти войска, состоящія подъ главною командою князя черногорскаго, вооружены чрезвычайно хорошо. Всѣ они имѣютъ ружья игольчатой системы; за поясомъ револьверъ и два пистолета съ любимымъ ятаганомъ; военныхъ запасовъ имѣется на одинъ годъ; провіанту, присланнаго изъ Россіи, тоже будетъ достаточно на одинъ годъ. Санитарныя отряды здѣсь замѣняютъ врачи-эмпирики, коротые пользуются въ здѣшнемъ населеніи гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ ученые врачи-раціоналисты. Отряды, доставляющіе провіантъ для войска, состоятъ изъ нашихъ мужественныхъ и отважныхъ женъ и дочерей, которыя на своихъ плечахъ могутъ нести въ продолженіе десяти дней по два пуда хлѣба. Онѣ у насъ считаются и резервомъ; онѣ защищаютъ пустыя деревни, воспитывая вмѣстѣ съ тѣмъ для родины будущихъ героевъ. Крѣпостей Черногорія не имѣетъ. Сама окружена со всѣхъ сторонъ турецкими крѣпостями: со стороны Албаніи Пужомъ, Малымъ и Великимъ Бердомъ, Сердаръ-Куломъ. Подгорицею, Жаблякомъ и еще одною на границѣ Цермницы; со стороны Герцеговины—Никшичемъ, у Пивы—Горанскомъ; въ Гацкѣ—Метохию, и далѣе Невесиньемъ, Билечемъ, Стоцемъ, Требиньемъ, Клобукомъ. Такимъ образомъ Черногорія совершенно опоясана турецкими крѣпостями, которыя снабжены хорошими англійскими пушками большаго калибра; наша артиллерія далеко уступаетъ турецкой, но это не мѣшаетъ намъ принять наступательный образъ дѣйствій. Для этого князь Николай сдѣлалъ такое распоряженіе: приказалъ воеводѣ Джуровичу съ 1 000 воиновъ занять Кернице и слѣдить за Жаблякомъ, гдѣ стоитъ гарнизонъ изъ 600 турокъ, и за Враниномъ островомъ, находящимся на Сна-

дарскомъ озерѣ. Князь строго приказалъ воеводѣ соблюдать оборонительное положеніе.

Прогнвъ Великаго и Малаго Берда и Сердарь-Кулы поставлены на Расину-Главицу войска, состоящія изъ дѣшанскихъ и команско-загарачскихъ батальоновъ въ числѣ 1,750 человекъ, которыми прошлаго года командовалъ такъ неудачно воевода Радоничъ. Со стороны Албаніи противъ Дервиша-паши около Служа и Подгорицы, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ самого князя, будетъ дѣйствовать главнокомандующій 7-ми тысячною арміею, двоюродный братъ князя Божо-Петровичъ. Армія эта состоитъ изъ 5,000 черногорцевъ и 2,000 кучей. Всѣ стычки предполагаются на турецкой землѣ. Противъ находящагося въ Колашинѣ 6-ти-тысячнаго турецкаго войска подъ командою Ферикъ-паши оставленъ воевода Милянъ Вуковичъ съ 2,000 чел., которому тоже приказано только держаться оборонительнаго положенія. У Пивы за крѣпостью Горанскомъ приказано наблюдать инсургентскому воеводѣ Лазарю Сочицѣ.

Что касается наступательной черногорской арміи, состоящей изъ 10,000 людей, то ею, кажется, будетъ командовать лично самъ князь Николай; теперь же главнокомандующимъ состоитъ Вукотичъ. Эта армія заняла по дорогѣ изъ Гацка въ Никшичъ проходъ Дугу и Керстацъ, который извѣстенъ въ нашей исторіи какъ мѣсто, гдѣ не одинъ разъ проливалась наша кровь за свободу и православіе. Продегая по скалистой мѣстности, дорога эта очень выгодна для черногорцевъ, чтобы не позволить пройти въ Никшичъ Сулейману-пашѣ, имѣющему у себя до 20,000 солдатъ, 6 полевыхъ и 8 горныхъ крупновскихъ баттарей. Никшичъ же снабдили турки продовольствіемъ только на два мѣсяца, послѣ чего онъ долженъ будетъ сдать, какъ прошлаго года сдался Медунъ.

Теперь не считаю лишнимъ сообщить вамъ также о численности и распредѣленіи турецкихъ войскъ. Сулейманъ-паша, какъ я уже сказалъ, командуетъ въ Герцеговинѣ 20,000 турокъ, которые сосредоточены въ Гацкѣ и Невесинѣ. Кромѣ того резервнаго войска въ Мостарѣ находится 3,000 чел., которыми командуетъ Мехметъ-Али-паша; гарнизонъ крѣпости Стоца состоитъ изъ 1,200 чел., Требицъ изъ 2,500, Фочи изъ 1,000, Билеча изъ 500, Клобука изъ 700, Невесинья изъ 2,000, Гацка-Метохи изъ 1,350 чел. Въ Горанскомъ, у Пивы, стоятъ 600 и въ Никшичѣ 2,500 чел. Слѣдовательно армія подъ командою Сулеймана-паши состоитъ изъ 33,200 чел., не считая 1,000 чел., въ Метковичѣ и 1,000 чел. въ

Любушкѣ. Провіантъ и военные снаряды Турція получаетъ по желѣзной дорогѣ чрезъ Митровицу.

Кромѣ того подѣ командою Ферикъ-паши въ Калашинѣ состоитъ 6,000 челов.; сюда же нужно прибавить 25-ти-тысячную армию въ Албави подѣ командою Дервиша-паши. Всего кругомъ нашей границы можно насчитать до 75000 турокъ.

Вотъ точныя свѣдѣнія относительно турецкой и черногорской армій, взятыя изъ достовѣрныхъ источниковъ. Что касается до союза съ миридитами, то объ этомъ напишу въ другой разъ, теперь же скажу только, что численность возставшихъ миридитовъ простирается до 5,000 чел. и что они уже начали военные дѣйствія противъ турокъ⁴.

IX. Источники дохода и этнографическія черты.

Земли въ Черногоріи мало, и та, которая сѣтъ. обрабатывается просто и примитивнымъ способомъ. Рѣдко который годъ даетъ урожай, способный удовлетворить и первыя потребности населенія. Вслѣдствіе этого, ежегодно, въ мѣрное время, 2 - 3000 черногорцевъ уходятъ въ Константинополь, Малую Азію и пр., чтобы заработками на сторонѣ удовлетворить свои домашнія нужды.

Жизнь черногорскаго народа вообще бѣдственна и мизерна. Но, несмотря на то, онъ горячо любитъ свою горную родину и не покидаетъ ея безъ крайней надобности. Если въ концѣ концовъ голодъ и нужда одолѣютъ, то нѣсколько семействъ выселяются изъ Черногоріи, изъ которой уходятъ съ большими сѣтованіями, охотнѣе всего въ Сербію, гдѣ находятъ среди своихъ братьевъ — Сербовъ помощь и облегченіе къ жизни.

Почва Черногоріи въ большинствѣ камениста и бесплодна, и климатъ въ *нахіяхъ* не одинаковъ, смотря по высотѣ положенія; потому и производительность почвы различна.

Въ Катунской *нахи*, наиболѣе каменистой, всего меньше производится жита и всего больше картофеля и капусты. На маленькихъ, камнями огороженныхъ долинахъ сѣютъ по немногу пшеницы, ячменя, ржи, овса и кукурузы. Но все это въ такомъ маломъ количествѣ, что урожай самаго плодороднаго года не можетъ удовлетворить первыхъ потребностей любой семьи. Картофель и капуста въ дождливое лѣто рождаются въ изобиліи. Имъ народъ въ Катунской *нахи* и содержится по преимуществу. Излишекъ онъ несетъ на продажу въ Црноевича — рѣку и въ Каттаро. Катунская *нахія* нѣкогда

*

производила много скота: козъ и овецъ, а мѣстами—и пчель; но теперь и этого съ каждымъ годомъ меньше; горы въ меньшей степени покрыты плодородной почвой—меньше пастбищъ. Изъ-за того же и въ деревъ для топки—большое оскудѣнїе. Народъ въ Катунской *naхи* кое-гдѣ занимается собиранїемъ травы (*виш*), которую щиплетъ между камнями и несетъ на базаръ, гдѣ продается по 1 и по 2 *динара* за око (20 *динаровъ* около 12 коп.). За деньги, получаемыя отъ продажи картофеля, капусты, травы и скота, покупается: жито, соль и другїе продукты на содержанїе семьи, равно какъ вино и *ракія* для имянинъ, уплачивается подать.

Въ Рѣдкой *нахи* производится нѣсколько больше жита, чѣмъ въ Катунской: земля до Скадарскаго озера тутъ очень плодородна. Больше всего производится кукурузы. Растетъ мѣстами виноградъ; кое-гдѣ народъ занимается и шелководствомъ. Есть мѣстами красильное дерево (*пуј*), но оно—подъ монополїей. Покупаютъ красильное дерево въ Каттаро и въ Будву. Значительный доходъ доставляетъ ловля въ Скадарскомъ озерѣ мелкой рыбы: *уклеи* (по итал. *scogance*). Мѣсть лова на черногорской границѣ шесть. Первые три даютъ доходъ въ княжью казну; вторыя—собственность Цеклинскаго племени. Въ обильный рыболовъ годъ бываетъ до 1000 *мильярв* улова. *Мильяръ* имѣетъ 333¹/₄ *ока*. *Мильяръ* продается по 12 *цеккиновъ*; *цеккинь* считается въ 4 гул. Доходъ съ этой рыбы простирается до 50.000 гул. Это немалая подмога населенїю Рѣдкой *нахи*. Но отъ нея имѣютъ доходъ и бѣдняки Катунской *нахи*: Цетивяне и Нѣгуши; они почти всю эту рыбу, за особую плату, переносятъ съ Рѣки въ Каттаро. Изъ Каттаро она расходуется по Италиі.

Интересенъ способъ, какъ сушится эта рыба. У каждаго мѣста лова находится по нѣсколько хижинъ (*колибъ*), крытыхъ соломой, въ которыхъ устроены каменные корыта, такъ наз. *копанье*; корыта наполняются рыбой и хорошо просоливаются; во всякое корыто можетъ помѣститься до 1.000 *окъ* (*ока* 2¹/₄ фунта) рыбы; просоленная такимъ образомъ рыба остается въ корытахъ два дня, потомъ она нанизывается на прутья изъ дикой вербы и развѣшивается въ хижинахъ въ два ряда одинъ выше другого, чтобы сначала хорошо закоптилась, а потомъ раскладываются въ хижинахъ небольшїе костры, и такимъ образомъ въ три дня рыба просушивается.

Цекливяне дѣлятъ эту рыбу на равныя доли по числу мужчинъ. Всякій мужчина, едва родится, имѣетъ свою долю въ уловѣ рыбы; также имѣютъ свою часть—всякая цеклин-

ская церковь и всякая женщина—сирота. Тѣ доли называются „*мертвами*“, когда изъ какой-нибудь *кучи* никто не являлся помогать въ ловлѣ рыбы. На „*мертвахъ*“ доли даютъ очень мало. При самомъ обильномъ уловѣ на „*мертвую*“ долю приходится 2 талера; а на долю тѣхъ, которые ловятъ и сушатъ рыбу, можетъ прійтись до 60 талеровъ.

Сѣти на *уклею* дѣлаются въ Италіи и стоятъ отъ 40 до 100 талеровъ. И за *уклею* вносится подать по 1 *цекину* отъ тысячи. Не каждый годъ бываетъ обильный уловъ, но иногда лишь второй, а то и третій годъ. Въ Скадарскомъ озерѣ есть въ изобиліи и другая разная рыба: угри, форели, карпы и т. д.

Цермницкая *нахія* еще богаче и плодороднѣе Рѣдкюй. Въ ней растутъ, помимо различнаго хлѣба, хорошіи виноградъ и шелковичное дерево.

Лѣшанская *нахія*, большею частію, скалиста, подобно Катунской. Земля, соприкасающаяся съ Зетской равниной, очень плодородна. Тутъ сѣется и винограда; и народъ кое-гдѣ занимается разведеніемъ шелковичныхъ червей и табаку.

Бѣлопавлицкое поле—самое обширное и плодородное подобно Цермницкому. Тутъ сѣютъ въ большомъ количествѣ: пшеницу, ячмень, рожь, овесъ, кукурузу, картофель, капусту и всевозможныя овощи. Здѣсь растетъ хорошіи виноградъ, и есть довольно луговъ.

Въ Бѣлопавличахъ, у монастыря Ждрсбаника, Вуканъ Неманичъ держалъ свой конскій заводъ, и имѣлъ свои обширные луга надъ рѣкою Зетой; потому-то, по словамъ народа, и самый монастырь получилъ свое имя.

Если бы въ Бѣлопавличахъ развилась агрикультура, какъ требуетъ того земледѣльческая наука, то Бѣлопавлицкія поля могли бы производить хлѣба—достаточно для всей Черногоріи; для этого на Зетѣ должны быть приспособленія для искусственнаго орошенія, хотя бы такіа, какія находятся на Требишницѣ въ Герцеговинѣ.

И у Васоевичей земли очень плодородны, именно около рѣки Лима. Горные Васоевичи преимущественно занимаются скотоводствомъ, имѣютъ вдоволь скота, овецъ и лошадей. Дольние Васоевичи въ большомъ изобиліи производятъ пшеницу, кукурузу и сѣно.

Ровчанѣ, Братоножичи, Кучи, Морачане и Дробняки преимущественно живутъ скотоводствомъ. Изъ нихъ особенно богаты овцами, лошадьми и пчелами восточные Дробняки.

Вездѣ въ Черногоріи разводять понемногу луку и чесноку, фасоли, арбузовъ и тыквъ. Сѣютъ кое-гдѣ понемногу и коноплю, изъ которой женщины выдѣлываютъ грубое полотно. Свиной и муловъ держатъ въ Катунской, Рѣцкой и Цермницкой *нахіялх*.

Гдѣ столь незначительная производительность, само собою разумѣется, тамъ торговля еще незначительнѣе. Изъ всѣхъ продуктовъ изъ Черногоріи больше всего вывозится сушеной рыбы, и то, когда выпадетъ обильный на нее годъ, какъ упомянуто выше. Предметами вывоза служатъ: красильное дерево, шелковичные коконы, сыръ, масло, вяленое мясо, капуста, картофель, козы, овцы. Привозятся въ страну слѣдующіе товары: сукно, холстъ, сѣтецъ, кофе, сахаръ, спиртъ и стеклярусъ, которые продаются въ Цетиньѣ, Приевичарѣкъ, Вирѣ и Даниловѣ-градѣ; но больше всего привозится соли и кукурузы. Соль подѣ монополіей; а жито берутъ въ Триестѣ отдѣльные *лавари*, съ рѣдома князя, и даютъ народу по цѣнѣ, которую назначить князь съ сенатомъ, въ кредитъ на 8 или 10 мѣсяцевъ. Во время уплаты долга за хлѣбъ, у кого нѣтъ денегъ, у того можетъ кредиторъ взять за долгъ, если нѣтъ домашней скотины, посуду или домашнюю утварь. Стѣсненный должникъ достаетъ деньги, подѣ какіе угодно проценты... Въ Черногоріи еще и теперь займы дѣлаются на честное слово, и рѣдкій Черногорецъ откажется отъ слова и не заплатитъ долга. Черногорцы вообще тверды въ своемъ словѣ, прекрасные плательщики; но бѣдность съ каждымъ годомъ преслѣдуетъ ихъ больше, и утрачивается даже и эта почтенная черта. Ради этого кредиторы берутъ уже кое-гдѣ съ должниковъ заклады. Черногорцы, торгующіе житомъ, солью, скотомъ и т. п., берутъ деньги въ заемъ на проценты, или у князя, или у какого-нибудь коммерсанта изъ Приморья. Во всей Черногоріи очень мало монеты, какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ народѣ вообще. Исключивъ княжью кассу, едва найдется во всей Черногоріи 100.000 гульд. монеты!...

Вѣроятно, нѣтъ народа въ Европѣ, который жилъ бы бѣднѣе Черногорца. Ни Ирландецъ, ни Шотландецъ не могутъ съ нимъ въ этомъ сравниться. Нетрудно представить себѣ эту мизерную жизнь, если припомнить что есть Черногорцы, которые въ неурожайный годъ проводятъ цѣлый день на одномъ вареномъ или печеномъ картофелѣ!

Пищей въ Черногоріи вообще служатъ: картофель, капуста, сыръ, кукурузный хлѣбъ и лѣтомъ молоко. Рѣдки *кучи*, въ которыхъ ѣдятъ мясо, кромѣ праздниковъ Рождест-

ва, Пасхи, ижиянъ и под. двей. То же можно сказать про вино и про *ракию*. Того и другаго Черногорцы пьютъ очень мало. При всемъ томъ, что вездѣ въ Черногоріи есть корчмы и что въ воскресные и праздничные дни Черногорцы охотно идутъ въ нихъ; тѣмъ не менѣе никого не увидишь пьянымъ. Можно положительно сказать, что нѣтъ ни одной славянской страны, гдѣ бы меньше было пьянства, чѣмъ въ Черногоріи.

Кучи въ Черногоріи построены, большею частію, безъ цемента. *Главарскія кучи* и вообще Черногорцевъ побогаче—построены съ известью, а, большею частію, приспособлены къ бою: ибо на многихъ видны бойницы, чрезъ которыя можно, въ крайности, защищаться изъ *кучи*. *Кучи* въ Катунской *нахи* покрыты ржамою соломой; а въ Цермницкой и Рѣдской *нахияхъ*—черепицей. *Главарскія кучи*—въ одинъ этажъ, и при томъ жилое помещеніе въ одной половинѣ *кучи*, а въ другой, гдѣ нѣтъ пола, горитъ посрединѣ огонь, вокругъ котораго сидятъ семьи и грѣются. Печей нѣтъ нигдѣ, кромѣ Цетинья. Богѣе зажиточныя *кучи* имѣютъ дворикъ изъ загорода безъ цемента; внутри дворика находится: конюшня, овчарня и сарайчики. Бѣдныя *кучи*, построенныя безъ цемента, очень низки и покрыты соломой, безъ оконъ и трубъ съ одною низкою дверью. Но нечего бояться, чтобы воздухъ въ нихъ былъ спертый: отверстія въ стѣнахъ находятся со всѣхъ сторонъ! Многія бѣдныя *кучи* не имѣютъ двора; но если у нихъ заведася какая овца, коза, теленокъ или поросенокъ—все это зямою собираютъ въ *кучу*, и въ одной половинѣ ночуетъ семья, въ другой—домашній скотъ!

Устройство *кучи* (исключая Цермницкую и Рѣдкую *нахи* и нѣкоторыя *главарскія кучи*) такое, что хуже и придумать трудно; равнымъ образомъ и домашняя обстановка не можетъ быть проще и бѣднѣе. *Кучи* въ большинствѣ имѣютъ видъ пастушьей хижины; передѣланы онѣ посрединѣ перегородкою изъ прутьевъ, гдѣ на одной перекладинѣ въ перегородкѣ виситъ оружіе; а въ передней половинѣ *кучи*—обыкновенно очагъ. Надъ очагомъ во всякой *кучѣ* находится корзина, сплетенная изъ прутьевъ,—*чержанъ*; на *чержанѣ* стоятъ корзины изъ прутьевъ и въ нихъ жито. Въ углахъ *кучи* стоятъ одинъ или два сундука, въ которыхъ сохраняется праздничная одежда мужская и женская, и держится вяленая говядина, гдѣ такая есть; бываетъ и по одной кадѣ для кислой капусты, большей или меньшей, смотря по величинѣ *кучи*; бываютъ и чаны, или мѣхи, въ которыхъ сохраняется сыръ, соль и мука. Изъ посуды всегда есть одинъ или два

мѣдныхъ котла, нѣскольکو блюдъ и деревянныхъ ложекъ, очень грубой работы, которыя Черногорцы сами дѣлають. О тарелкахъ, ножахъ и вилкахъ нѣтъ и помину. Семья все ѣсть изъ одного деревяннаго блюда, которое ставится на одну подставку подлѣ очага по вечерамъ, чтобы виднѣе было ужинать. Рѣдкая *куча*, въ которой найдется свѣча. Для гостя, во время ужина, свѣтять лучиной.

Въ Черногоріи—лучшее угощеніе: жареная баранина, которую хозяинъ разрѣзываетъ при гостяхъ ножемъ, который онъ всегда носитъ за поясомъ и которымъ приходилось ему снимать съ Турокъ головы; но это никого тамъ не смущаетъ. Если бываетъ много гостей, мясо раздѣляется такъ, что хозяинъ кладетъ предъ каждымъ по отдѣльному куску... Обыкновенно ѣдятъ руками; ради этого все умываютъ руки предъ ѣдой и послѣ нея, но безъ мыла; ибо рѣдка такая *куча*, въ которой найдется мыло. Даже рубахи не моются мыломъ, но пепломъ... Этому не слѣдуетъ нисколько удивляться, если припомнимъ, что ни одинъ Черногорець не только не умывается мыломъ, но и не расчесываетъ волосъ. Кто сдѣлалъ бы это, тотъ предалъ бы себя на поруганье въ обществѣ, и все смотрѣли бы на него, не какъ на *юнака*; ибо умываться, расчесываться и помадиться, по ихъ мнѣнію, прилично однѣмъ женщинамъ... Но теперь и это общее воззрѣніе измѣнилось. Воеводы, проживающіе въ Цетинѣ, не только тщательно причесываются, умываются мыломъ, но и помазываютъ волосы.

Одѣяла и ковры у нихъ очень мизерны. Самыя богатая *куча*, исключая нѣкоторыя нынѣшнихъ *лаварей*, имѣють вмѣсто ковровъ войлоки, которые сами дѣлають, а вмѣсто одѣялъ—тѣ, что продаются въ Каттаро. А въ бѣдныхъ *кучахъ* подстилають мѣшки, а покрываются *струками* (родъ шали), подъ которыми всю ночь зимою дрожать отъ холода.

Гдѣ достаточно топлива, если холодно, горитъ огонь всю ночь, преимущественно въ бѣдныхъ хижинахъ, гдѣ нѣтъ довольно теплой одежды для укрыванья; подлѣ огня сидитъ, дремая, семья; пока ее такъ и заря застанетъ.

И вообще Черногорцы всего больше зимою лежатъ подлѣ огня, обернувши къ нему спину или ноги. Такъ они и лѣчатся, если который простудится. И это неудивительно: въдь во всей Черногоріи—всего одинъ докторъ-иностранецъ при князѣ въ Цетинѣ; бабъ, лѣчащихъ травами, довольно; доморощенныхъ хирурговъ для ранъ—тоже.

Черногорцы вообще очень гоняются за хорошимъ оружіемъ и костюмомъ. Искони у нихъ въ модѣ украшать зо-

лотною и серебромъ *юни* (верхнее платье), *долами* (нижнее длинное платье), *желеки* (родъ жилета), *джамаданы* (куртки).

Что касается ремеслъ, то Черногорцы имѣютъ о нихъ весьма скверное понятіе. Они думаютъ, что ремесло *юмаку* не прилично: потому-то рѣдкій Черногорецъ занимается какимъ нибудь ремесломъ, исключая развѣ деревяннаго производства для собственныхъ потребностей въ *кучѣ*. Кузнецы обыкновенно въ Черногоріи Цыганы; а портные—Сербы изъ Подгорицы; дома съ извѣстію строить Приморцы и Герцеговинцы. Одни Цермичане дѣлаютъ черепицу.

Х. Каталогъ сочиненій о Черногоріи на Сербскомъ и другихъ языкахъ.

1614 года:

Mariano Belizo. Relazione e descrizione del Sangiacato di Scutari. Venezia.

1754 года:

Исторія Црне горе владіе Василя Петровића Ньегума. Москва.

1790 года:

Lussari Copioso ustreto degli annali di Ragusa.

1818 года:

Записки морскаго офицера и пр.

1820 года:

Wialla de Someries voyage 2 vol. Paris.

Voyage historique et politique au Montenegro par Colonel S. C. Wialla-

1833 года:

Пжеванија пригорска и херцеговачка Симе Милутиновића. Будим.

1835 года:

Исторія Црне горе С. Милутиновића Биоград. Грлица Д-Милаковића. Петинье 1835—1839 года:

1837 года:

Djev при. и херц. С. М. Лајциг. Montenegro et Montenegrin по изложенію Вука Ст. Караджича. Stuttgart.

1838 года:

Reise Sr. Majestät des Königs Friedrich August von Sachsen durch Istrien, Dalmatien und Montenegro im Frühjahr.

1840 года:

Ami Boué. La Turquie d' Europe. Tome premier. Paris.

1841 года:

Српска пчела. Сегедин.

1842 года:

Казиванье стар. Требжеман. Биоград. Ein Versuch auf Montenegro Стрлица. Časopis Českého Museum.

1844 года:

Albanien, Rumelien und k. k. österreichisch—montenegrinische Militärgrenze дра Миллера.

1845 года:

Москитлиниъ. Москва. Српско огледало—крајгорске јуначке пјеске владке Петра II. Биоград.

1847 года:

Путешествие въ Черногорію А. Попова. Петербургъ. Гласникъ I друштва с. с. Биоград.

1849 года:

A. A. Patan Highlands and Islands of the adriatic. vol. 2. Chaman. London.

1850 года:

Исторја Црне горе М. Медаковића. Земун. Časopis českého Museum. XXIV ročník svazek čtvrtý.

1853 года:

Geschichte des Fürstenthum Montenegro von A. Andrić. Wien.

1855 года:

Bibliographia della Dalmazia e del Montenegro etc G. Valentinelli. Zagabria. Законикъ кн. Данила I. Петровића Негуша. Нови Сад.

1856 года:

Provinces Danubiennes et Roumaines, Bosnie, Servie, Herzegovine, Bulgarie, Slavonie, Illirie, Croatie, Dalmatie, Montenegro, Albanie par M. Chopin. Paris.

Kohl G. J. Reise nach Istrien, Dalmatien und Montenegro I. und II Ausgabe. Dresden. Arnold'sche Buchhandlung. Исторја Црне горе Џ. Милаковића. Задар.

1857 года:

Mémoires du maréchal Marmont Duc de Raguse de 1792 à 1841. imprimés sur le manuscrit originel de l'auteur Paris Tome I.—IX. Roumainie, Moldavie, Valachie et Transylvanie, la Serbie, le Monténégro etc par S. M. Querard. Paris.

1858 года:

La souveraineté du Monténégro etc. Ваџинка, Лейпцигъ. Revue contemporaine. 31 Decembre.

1859 года:

Библиотека для чтения. Томъ CLIV. Сиб.

W. F. Wingfield a Tour in Dalmatia, Albania und Montenegro, a historical sketch of the republic of Ragusa. London. Bentley.

1860 года:

Животъ и обичај Црногораца М. Медаковића. Нови Сад.

1862 года:

Le Monténégro, histoire, description, moeurs etc. par M.

Delarue secretaire du prince Daniel I. (de 1856 à 1859) Paris

Cenni sul Montenegro del dotore Timoleone Vedovi Gremona.

1864 года:

V. Stangford the Eastern shores of the Adriatic in 1863. with a visit to Montenegro. London Bentley. Јуначки споменик од М. Петровића.

Написа и на свијет издао архимандритъ Н. Дучић Цетинье.

1865 года:

Les Serbes de Turquie. Etudes historiques, statistiques et politiques sur la principauté de Serbie, le Monténégro et les pays serbes adjacents—

per U bicini. Paris, Dentu Народне пјесме 4 и 5 книга Вука Ст. Караџића. Беч. 1863 и 1865 г. Орић црногорски годишњак.

1866 года:

F. Lenormant, Turcs et Monténégrins, Paris. W. Dentor a Ride through Monténégro (Посербски Христичаџ Вилћ). Орић црногорски годишњакъ.

1867 года:

Travels in the Slavonie, provinces of Turkey in Europe by G. M Mackenzie and A. P. Jrbu: London (Посербски Мијаковића 1868 г).

Задунанске Славине Матушџа. Српскодалматински магацин. У Задру. Орић црногорски годишњак.

1868 года:

Црна гора од М. Медаковића. Београд.

1869 года:

Czarnağóra pod względem geograficznym, statystycznym i historycznym Skreslil K. P. Z. Lwów. Researches in the Highlands of Turkey. .

By the Rev. Henry Fanshawe Fezer. M. A. F. R. G. S. in two volume with map and illustrations. London. John Murray, Albem. Нг. Cenni

sul Montenegro de Timoleone Vedovi. Mantova tip. Erdi Segna, Bologne A.

Le Monténégro, le pays et ses habitans, Paris. Гласник срп. ученог друштва XXVII книга. Београд.

1870 года:

Штешан мали, Симо Лубић Београд.

Noë Heinrich. Dalmatien und seine Inselwelt, nebst Wauderungen

durch die schwarzen Berge, Wien, Pesth, Leipzig.
Celé jihoslovanské bojštje.

Strategie pomjery Dalmatska, Bosny, Herzegoviny a Černe
Hory. Kúff. Ed. v Praze.

1871 года:

Бесѣда XI. Москва.

1872 года:

Черногорія и Славянскія земли соч. Е. П. Ковалевскаго Спб.

Revue de deux mondes. Tome quatre—vingt—dix—huitième 1-er Avril.

1874 года:

Die Türken in Europa von G. Rasch. Verlag S. Skrejšovsky, Prag.
Adnotationes ad Floram et Faunam Herzegovinae, Crnagora et Dalma-
tie auctore Josepho Pantoscek Posonii.

Неизвестныхъ годовъ:

Campidoglio Veneto—Verdizzotti Fatti Veneti. Laugier t. VII.

Küffer Eduard. Die Balkanhalbinsel und über Völker vor der
Lösung der orientalischen Frage, Bautzen.

Sir Gardner Wilkinson. Dalmatia and Montenegro. London.

Turquey. London.

Count Crasinsky Montenegro and the Slavonians of Turquey. London.

Записки К. Долгорукаго .

Histoire et description de la Haute Albanie... Par H. Hecquard. Paris,

1876 года:

Фрнлей и Влохити, Современная Черногорія.

Водовозовой, Жизнь Европейскихъ народовъ. Жители Юга. т. I.

1877 года:

Петковичъ К., Черногорія и черногорцы. Очерки. Спб.

Gorsecvic Spiridon. Montenegro und die Montenegroiner.

Н. З—цкий.

ОСИПЪ МАКСИМОВИЧЪ БОДЯНСКІЙ.

(Историко-библиографическая поминка.)

О. М. Бодянский род. въ 1808 г., въ м. Варвѣ, воспитывался въ переяславской духовной семинаріи. Подъ чьимъ влияніемъ въ немъ выросла и укрѣпилась любовь къ наукѣ и литературѣ—я не знаю; но, по свидѣтельству одного школьного товарища своего, еще тогда онъ отличался особенною любовью къ упражненіямъ по словесности, игралъ—въ „комедійныхъ дѣйствіяхъ“—роль Наполеона. „Малороссійскія пѣсни“ Максимовича (М. 1827 г.) и въ особенности одушевленное „введеніе“ къ нимъ—возбудили въ немъ благородную охоту къ занятіямъ языкомъ, исторіей и поэзіей его родины. Едва ли онъ могъ удовлетворить этому стремленію „у себя“.. Его влекъ славный Московскій университетъ и съ 1831 года мы видимъ его тамъ бодрымъ, дѣятельнымъ, остроумныхъ участникомъ ученыхъ занятій въ Университетѣ и литературныхъ внѣ его. К. С. Аксаковъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ (въ „Днѣ“) отзываясь о немъ, какъ о добромъ товарищѣ и членѣ кружка Станкевича. Въ „словесномъ факультетѣ“ Московскаго университета господствовала тогда историческая школа Каченовскаго, который, обладая обширнымъ, многостороннимъ образованіемъ и ученостью, умѣлъ привлекать молодые умы къ серьезному труду. Подъ руководствомъ Каченовскаго, Бодянский довершилъ свое образованіе и началъ учено-литературную дѣятельность. Въ 1835 г. онъ написалъ кандидатскую диссертацию „*О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси*“ (впоследствии напечатанную въ 37, 38 и 39 номерахъ „Сына Отечества“ и „Сѣвернаго Архива“ 1835 г.) Въ ней онъ далъ полное выраженіе ученію Каченовскаго о началѣ русской исторіи: Русь и Варяги не норманны и не скандинавы, а балтійскіе славяне; Варяги—Славяне съ балтійскаго поморья, колонизовавшіе Новгородъ; Русь—турское племя, смѣшавшееся со славянами и давшее имя южно-русскому и русскому народу; топографія подтверждаетъ—де достовѣрность такого вывода. Сочиненіе это—одна глава изъ исторіи русской исторической науки; оно—ясное и полное выраженіе мнѣній тогдашней скептической школы о происхожденіи Руси. Въ сочиненіи „*О древнемъ языкѣ юж-*

мысль и северных Руссов“ (помѣщ. въ „Ученыхъ запискахъ Московскаго университета“ 1839, № 3) Бодянский рѣшалъ вопросъ не на основаніи фактовъ филологическихъ, а на основаніи историческихъ соображеній. Здѣсь едва ли не въ первый разъ высказана мысль о сравнительномъ изученіи славянскихъ нарѣчій и сравнительной славянской грамматикѣ. Нѣкоторыя сужденія молодого ученаго уже и тогда были запоздалыми, напр. утверженіе, что древне-церковно-славянский языкъ—отецъ остальныхъ славянскихъ языковъ и что онъ тождественъ съ древне-русскимъ; не видно также, чтобы будущій профессоръ славянскихъ нарѣчій былъ знакомъ съ изслѣдованіями Востокова, но многое въ статьѣ угадано вѣрно... „Скептическое“ и „славянское“ направленіе Каченовскаго, постоянно и неустанно проводимое имъ на лекціяхъ, въ „Ученыхъ Запискахъ Университета“ и въ „Вѣстникѣ Европы“—не могло не отразиться и на ученикѣ его: въ журналѣ „Московскій Наблюдатель“ 1831 г. (№ 15 и 16) онъ помѣщаетъ статью о сборникѣ Коллара „Народныя спѣванки, или пѣсни словаковъ въ Урші.“ Первая половина статьи была посвящена этнографическому очерку Словацкаго племени, вторая—его народной поэзіи сравнительно съ поэзіей другихъ славянскихъ племенъ. Эта критическая статья послужила основой его будущей магистерской диссертации. Бодянский состоялъ въ это время учителемъ гимназіи и обратилъ уже на себя вниманіе попечителя гр. Строганова *). Въ 1837 г. онъ представилъ, для полученія степени магистра словесныхъ наукъ, диссертацию: „О народной поэзіи славянскихъ племенъ.“ Теперь эта книга имѣетъ только историческую цѣну, но въ то время она имѣла и научное, и даже общественное значеніе. Теперь можно замѣтить въ ней слабость фактическаго содержанія, устарѣлыя школьныя воззрѣнія на сущность народной поэзіи, но въ 1837 году это былъ живой, исполненный воодушевленія манифестъ о славянскомъ народномъ характерѣ, раскрывающемся въ его поэзіи. Еще большее чѣмъ у насъ значеніе имѣла эта книга у западныхъ Сла-

*) Ходилъ рассказъ, что гр. С. Г. Строгановъ, пришедши однажды въ классъ (латыни) къ Бодянскому и нѣсколько пораженный его украинско-семинарскимъ произношеніемъ, замѣтилъ ему: „Какъ дурно вы читаете по латыни“. „А вы почему знаете, что я дурно читаю—отвѣчалъ Бодянский:—быть можетъ, Рязане читали еще хуже меня!“ Любителю смѣлыхъ и оригинальныхъ отвѣтовъ этотъ отвѣтъ понравился и съ этихъ поръ началось ихъ сближеніе.

внѣ: она была переведена на языки сербскій и итальянскій (гр. Медо Пучичемъ) и въ извлеченіи—на чешскій (Штуромъ). Еще и 1831 г. (въ Молвѣ, издаваемой Надеждинымъ при Телескопѣ) Бодянскій пробовалъ свой талантъ въ сочиненіи стиховъ на родномъ нарѣчїи. Въ 1835 еще году онъ издалъ небольшую книжку подъ заглавіемъ: „*Насыкы украинскы казкы*“—опытъ стихотворной передачи по-малорусски трехъ малорусскихъ народныхъ сказокъ. „Казки“ принадлежатъ къ немногимъ произведеніямъ малорусской письменности, отличающимся необыкновенною чистотою языка. Такъ писали только немногіе... Стихотворная форма, конечно, отняла много привной прелести у сказокъ, но содержаніе ихъ осталось нетронутымъ *).

Въ это время, по мысли Императора Николая, должны были устроиться при университетахъ кафедры „исторїи и литературы славянскихъ нарѣчїй.“ Графъ Уваровъ предложилъ отправить за границу Прейса для Петербургскаго университета, гр. Строгановъ указалъ на Бодянскаго для Москвы. Интересно, что выдвинуло и доставило ему кафедру? Судя по рассказамъ современниковъ, неотвѣраемымъ и самимъ Бодянскимъ,—это была критика, помѣщенная въ „*Московскомъ Наблюдателѣ*“ на книгу Ѡ. Булгарина „Россїи въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношенїяхъ.“ Общество съ своими лучшими представителями въ литературѣ съ негодованїемъ относилось къ направленїю Булгарина. Выразителемъ этого взгляда въ поэзїи являлся Пушкинъ.. Статья Бодянскаго въ „*Московскомъ Наблюдателѣ*“ [1837, апрѣль, кн. I] была полнѣйшимъ, остроумнѣйшимъ и убійственно-безпощаднымъ выраженїемъ этого взгляда со стороны науки и литературной критики. Какъ образецъ умѣнья О. М. Бодянскаго побивать противника юморомъ ѣдкаго анализа, позволяемъ себѣ привести слѣдующїи строки, составляющїи начало вышеупомянутой статьи въ „*Московскомъ Наблюдателѣ*“, журналѣ рѣдко попадавшемся, вѣроятно, большинству читателей.

„Горе глаголющимъ лукавое доброе и доброе лукавое, полагающимъ тму свѣтъ, и свѣтъ тму, полагающимъ горькое сладкое и сладкое горькое“. Прор. Исаи, V. 26. (Эпиграфъ Булгарина).

„Читая этотъ эпиграфъ и, особенно, слѣдующее за нимъ въ книгѣ *Введенїе*, вы ждете чего-то рѣшительнаго, окончательнаго, торжественнаго. И, дѣй-

*) Малороссійскїя стихотворенїя, подъ псевдонимомъ *Боды Варвинца*, Бодянскій помѣщалъ въ „*Молву*“ 1833 г.

ствительно, какъ нашъ вѣкъ ни недоувѣрчивъ, какъ ни мало расположенъ онъ вѣрить кому бы то ни было на слово, но все еще мы не дошли до той степени отчаяннаго скептицизма въ содѣльствіе человѣка, чтобы сколько-нибудь не повѣрить ему, когда онъ, такъ какъ г. Бугаринъ, станетъ твердить вамъ: „Я составляю собственную свою систему или методу изложенія;—я ввелъ въ мою Русскую Исторію всѣ *важнѣйшія* всемірныя событія;—я представилъ *полныя* очерки вѣры, законодательства, правленія, управленія, нравовъ и обычаевъ различныхъ народовъ, бывшихъ въ прямыхъ или косвенныхъ сношеніяхъ съ нашими предками... Я сдѣлалъ то, что въ моей книгѣ *каждая* эпоха представляется въ своемъ подлинномъ характерѣ; причины объясняются *сами собою*, а послѣдствія ведутъ *всякаго* къ собственнымъ заключеніямъ. Читатель *по неволѣ* долженъ думать, разсуждать и поучаться.—Я открылъ въ историческихъ источникахъ *новыя стихи, новыя качества* и свойства. Много, что *до меня* почиталось истиннымъ, кажется мнѣ ложнымъ, или сомнительнымъ, многое, что считалось ложнымъ или сомнительнымъ, незаслуживающимъ вниманія принято мною или за истинное, или за важное вспомогательное, или за достойное особеннаго вниманія.—Для отысканія истины, я употреблялъ *все* извѣстныя средства и *все* системы, призвавъ *здравый смыслъ* на помощь памяти и наукѣ.—Я старался открыть, что *вѣроятно*, что *правдоподобно*, что *истинно*, что *ложно*, что *сомнительно*, что *быть могло*, чего *быть не могло*, чему *быть надлежало* и что *было неизбѣжно*.—Я ввожу въ мою Исторію преданія, сказки, повѣрья и мненія не только наши собственные, но и сосѣднихъ народовъ. Я истолковалъ *важнѣйшія* Славянскія преданія, имѣющія смыслъ историческій и нравоописательный, потому что этотъ предметъ *у насъ* мало извѣстенъ и представленъ въ *ложномъ цѣпкѣ* писателями, пользующимися довѣренностію публики... *Моя* главная цѣль распространить какъ можно болѣе полезныхъ свѣдѣній между моими соотечественниками... Я желалъ, чтобы читатели *мои* знали предковъ нашихъ Славянъ и народъ Русскій не по наружности, но чтобы знали ихъ нравственно, то есть знали *умъ, душу и сердце* народа... Я пользовался при своей работѣ множествомъ источниковъ... не осмѣлился сдѣлать ни одного предположенія, не дерзнулъ представить ни одной мысли, *не изучивъ* прежде предмета и *не справясь* съ источниками... Я отыскивалъ истину во всей ея полнотѣ, для извлеченія изъ Исторіи *всѣхъ возможныхъ наставленій*. Я тѣмъ мою историческую ткань такимъ образомъ, что всѣ нити приходятъ къ одному центру и расходятся изъ него. При этой методѣ (т. е. при методѣ *тканья*) объясняется въ нашей исторіи весьма многое, что *при самомъ краснорѣчивомъ объясненіи* казалось до сихъ поръ темнымъ и непонятнымъ... Я устраняю всѣ безхарактерныя событія, и избираю только тѣ, которыя имѣли вліяніе на судьбу народа и государства. *Дѣло велъ я совѣстно*“.

„Хотя въ послѣднемъ никто не сомнѣвается; но если бы авторъ „*Rossien*“ могъ выполнить и десятую долю того, что обѣщаетъ во введеніи, то все книга его была бы первенствующею между историческими сочиненіями не только въ нашей, недовольно еще богатой самостоятельными трудами, литературѣ, но и во всѣхъ древнихъ, новыхъ и допотопныхъ. Пусть намъ укажутъ другое какое-нибудь историческое твореніе, которое бы въ одно время представляло *всѣ важнѣйшія всемірныя событія*, полныя очерки вѣръ, законодательства, правленій, управленій и открывало что *вѣроятно*, что *правдоподобно*, что *истинно*, что *сомнительно*, что *быть могло*, чего *быть не могло*, чему *быть надлежало*, и что *было неизбѣжно*! Пусть кто-нибудь приметъ на себя трудъ поискать тако-го дива, гдѣ ему будетъ угодно: смѣемъ увѣрить, что поиски его будутъ напрасны: умъ человѣческой *не сыскалъ еще истинны во всей ея полнотѣ*. Но рѣшимся на невозможное: допустимъ даже, что гдѣ-нибудь въ забытомъ архивѣ человѣческой мысли и нашлось такое сокровище, и мы узнали, напримѣръ, что въ минувшихъ дѣлахъ вѣроятно, что правдоподобно, что истинно, что сомнительно, что быть могло, постигли и то, чего быть не могло, чему быть надлежало и что было неизбѣжно: положимъ, что мы открыли наконецъ Сивиллиныя книги. Все это еще не „*Rossia*“ г. Булгарина: узнавши все, читатель не станетъ, можетъ быть, думать, рассуждать, тогда какъ при чтеніи книги г. Булгарина, онъ *по неволѣ долженъ думать, рассуждать и поучаться*. Вотъ чего нигдѣ уже не сыщемъ. Теперь вѣковыя задачи ума рѣшены. „Я не хотѣлъ, говорить почтенный авторъ, чтобъ мои читатели, занимаясь *моєю* Русскою исторіею, заглядывали въ другія книги, чтобы они припоминали читанное, справлялись или научались въ другихъ авторѣхъ“⁴. Альфа в омега человѣческаго разумнѣія! Имѣя такую книгу, мы можемъ уже безъ всякой потери оставить въ угоду всѣ другія книги и замѣнить ихъ однимъ сочиненіемъ г. Булгарина: читатели *по неволѣ должны будутъ думать, рассуждать и поучаться*, за что не брались ни логика, ни математика. Такова-то наша Ручная книга для Русскихъ всѣхъ сословій!!!“

„Но оставимъ шутки. Скажите, ради Бога, случилось ли кому-нибудь на Руси читать подобныя объявленія? За кого насъ принимаютъ, думая увѣрить, что мы... но пусть говоритъ самъ г. Булгаринъ: „прежде нежели я принимаю показанія писателей *древнихъ, среднихъ вѣковъ и новаго времени*, я разсматриваю: 1) кто онъ былъ; 2) какъ былъ образованъ; 3) къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи; 4) гдѣ писалъ и подъ какими условіями, или вліяніемъ; 5) въ какихъ отношеніяхъ выходилъ къ народу, котораго событія описывалъ; 6) какими источниками пользовался; 7) былъ ли самовидцемъ или писалъ по слухамъ; 8) въ чьихъ рукахъ хранилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея“⁴. Неужели думаютъ, что изъ Русскихъ читателей *всѣхъ сословій* никто и трехъ перечестъ не сумѣетъ,

предлагая имъ такія вещи. Однихъ *меньшинствъ* иностранныхъ писателей г. Булгаринъ выставилъ *сто двадцать восемь*; положимъ, что на изученіе каждаго, особенно съ его осторожностью, когда онъ „не осмѣлился сдѣлать ни одного предположенія, не дерзнулъ представить ни одной мысли, не изучивъ прежде предмета“ употребилъ по меньшей мѣрѣ онъ годъ: выходитъ, что ему одни источники стоили *сто двадцать восемь лѣтъ* работы, не влючая сюда *одинадцати* писателей русскихъ, имъ упомянутыхъ, и еще двухъ-трехъ, о которыхъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, умолчано. Какъ это ни покажется съ перваго взгляда страннымъ, но оно иначе быть не могло. Г. Булгаринъ основывается, на примѣръ, на Геродотѣ, Страбонѣ, Тацитѣ, Птоломеевѣ, Цесарѣ: легко ли жь ему было доисаться о каждомъ изъ нихъ: кто онъ былъ? какъ былъ образованъ? къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи, и въ чьихъ рукахъ находилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея? когда этого не могли привести въ ясность и всѣ совоупныя усилія европейскихскихъ филологовъ! Удобно ли ему было заниматься византийскими историками и западными латинскими лѣтописцами, когда въ одно и то же время онъ писалъ и издавалъ Выжигинныхъ, Чухинныхъ и еще кое-что въ этомъ же родѣ! — Обращаясь съ этимъ вопросомъ до всѣмъ 2656 подписчикамъ, выставленнымъ въ концѣ I-й части? И потому, прежде нежели начать читать г. Булгарина, пусть они сами послѣдуютъ его благоразумному примѣру и разберутъ его собственные вопросы: 1) кто онъ былъ; 2) какъ былъ образованъ; 3) къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической партіи; 4) гдѣ писалъ и подъ какими условіями, или вліяніемъ; 5) въ какихъ отношеніяхъ находился къ народу, котораго событія описывалъ; 6) какими источниками пользовался; 7) былъ ли самовидцемъ, или писалъ по слухамъ; 8) въ чьихъ рукахъ хранилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея. Просмотрѣвъ такимъ образомъ сочиненіе, каждый уже будетъ знать, какое мѣсто дать ему въ ряду историческихъ сочиненій“.

Статья произвела сильное впечатлѣніе и въ литературѣ, и въ такъ называемомъ высшемъ обществѣ... Бодяскій былъ отправленъ за границу въ 1837 году. Еще въ чужихъ краяхъ началъ онъ переводъ „*Славянскихъ древностей*“ Шафарика, но Погодинъ издалъ первыя книги этого сочиненія такъ небрежно, что въ 1848 г. Бодяскій долженъ былъ вновь перепечатать книгу. О заграничномъ пребываніи своемъ Бодяскій на мѣстѣ оставилъ добрыя воспоминанія, какъ основательный ученый и хорошо усвоившій себѣ живыя нарѣчія (чешское и сербское по преимуществу). Подробности о занятіяхъ Бодяскаго за границею извѣстны. Въ „Журналѣ м. и н. просвѣщенія“ помѣщены только два небольшіе его отчета (1838,

№ 5 и 1839, № 8); но известно, что въ этомъ журналѣ и позднѣе въ „Чтеніяхъ,“ какъ результатъ его занятій за-границею, напечатаны: „О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковный языкъ есть славяно-болгарскій“ (1840, № 6) „О по-искахъ въ познанской публичной библіотекѣ“ (1846, № 1). Въ Славянскихъ земляхъ Бодянской оставался почти пять лѣтъ. Къ этому времени его занятій относится—кажется—переводъ „Славянскаго Народописанія“ Шафарика, отпечатанный сначала въ „Москвитянинѣ“ а потомъ отдѣльно въ Москвѣ, 1843 г. Немного спустя имъ была также переведена „Исторія Галицкой Руси“ Зубрицкаго. Выбранный въ секретари Московскаго Общества исторіи и древностей руссійскихъ, Бодянской въ три года издалъ 23 книги „Чтеній“ (съ 1846 по нач. 1849), въ которыхъ пытался соединить интересы общей славянской и частной отечественной науки. Если не ошибаюсь, „Чтенія“ были первымъ изданіемъ, открывшимъ систематическое печатаніе памятниковъ древне-славянскій и древне-русской письменности. Эти памятники всегда сопровождались вводными изслѣдованіями, объяснявшими особенности языка и историко-литературное значеніе памятниковъ. Много такихъ драгоценныхъ произведеній издано Бодянскимъ—[Паралипоменъ Зоаринъ, Славяно-русскія сочиненія въ сбор. Царскаго, Слово Кпризла Философа и т. д.]; но еще болѣе приготовлено къ изданію, даже отпечатано, но невыпущено въ свѣтъ по неизвѣстнымъ причинамъ [Творенія Іоанна Екзарха Болгарскаго, Пандекты Антіоха, Творенія Константина болгарскаго, Житія Бориса и Глѣба, Θεодосія, Временникъ Амартола и т. д.], но особенно богаты „Чтенія“ этого періода матеріалами по исторіи южной Руси: заслуги Бодянскаго въ этомъ отношеніи—очень велики. Есть въ „Чтеніяхъ“ нѣсколько его отдѣльныхъ замѣчательныхъ изслѣдованій, таковы: Объ одномъ прологѣ московской духовной типографіи и о тождествѣ славянскихъ божествъ Хорса и Дажьбога [1846, № 2], о Всеславѣ Бричиславичѣ Полодкомъ [1847, № 9] и множество переводовъ славянскихъ изслѣдованій Шафарика, Палацкаго и др. Подъ покровительствомъ гр. Строганова, Бодянской печаталъ вещи, которыя тогда не рискнулъ бы издать въ свѣтъ никто, напр. „Исторію Руссовъ,“ припис. Конисскому и переводъ книги Флетчера (въ 1849 г.). Но тогдашній министръ гр. Уваровъ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ гр. Строгановымъ, и это отразилось на Бодянскомъ: за помѣщеніе въ „Чтеніяхъ“ перевода Флетчера Бодянской былъ переведенъ въ Казань, а Григоровичъ на его мѣсто—въ Москву. Не считая себя обязаннымъ повиноваться прихоти министра, Бодянской

подалъ въ отставку, министр ея не принявъ, дѣло дошло до Государя, и только чрезъ годъ Бодянской возвращенъ на прежнюю кафедру. Тогда же гр. Строгановъ, на свой счетъ, поручилъ Бодянскому изданіе знаменитаго „Святослава Сборника“ 1073 г. Бодянской очень тянулъ изданіе, печатая по листу въ годъ, а иногда и менѣе; житейскія ли тревоги отвлекали его, нелегкость ли работы?—сказать трудно. Работа дѣйствительно была кропотливая: „Изборникъ“ 1073 года весь основанъ на греческихъ источникахъ, но нѣкоторые источники неизвѣстны въ подлинникѣ, и Бодянской искалъ ихъ у древнихъ авторовъ. Труда это стоило ему не мало: будучи отъ природы очень расчетливъ, Бодянской однако предлагалъ значительную денежную премію тому, кто отыщетъ нѣкоторые мѣста въ сочиненіи Кирилла Іерусалимскаго, находящагося въ „Изборникѣ“, конечно, предварительно онъ самъ тщательно перечиталъ всего Кирилла Іерусалимскаго... „Изборникъ“ въ 1875 году былъ почти оконченъ въ изданіи: помѣщенъ славянской переводъ съ греческимъ и иногда латинскимъ подлинникомъ; Бодянской хотѣлъ присоединить къ нему длинное введеніе: о развитіи литературы въ древней Болгаріи, словарь и атласъ рисунковъ. Почему трудъ не вышущенъ въ свѣтъ—неизвѣстно.

Съ 1849 по 1858 годъ наступилъ перерывъ въ редакторской дѣятельности Бодянскаго; онъ занимался только профессурою. Курсъ Бодянскаго состоялъ изъ отдѣла практическаго, гдѣ послѣ краткаго грамматическаго введенія шло чтеніе памятниковъ: Краледворской рукописи, сербскихъ пѣсенъ, „Маріи“ Мальчевскаго. Этотъ курсъ велъ онъ очень успѣшно; другіе же предметы предлагалъ лишь въ отрывкахъ, такъ, прослушавъ его даже пять лѣтъ, приходилось выслушать одни кусочки, напр. изъ грамматики: о двойственномъ и множественномъ числѣ, изъ исторіи—конецъ исторіи балтійскихъ Славянъ и начало исторіи Чеховъ..... Бодянской утверждалъ, что, при подобной системѣ чтенія, онъ легче приучалъ своихъ слушателей къ спеціальному изученію предмета.

Въ 1858 г. умеръ Чертковъ, бывшій послѣ графа С. Г. Строганова предсѣвателемъ Московскаго Общества исторіи и древностей. Снова былъ выбранъ, по предложенію Бодянскаго, гр. Строгановъ, тогда же вновь былъ выбранъ въ секретари и Бодянской, и снова начали выходить „Чтенія“ періодически по четыре объемистые тома въ годъ. Въ 1877-мъ году издана была Бодянскимъ *сотая* книга „Чтеній.“ Дѣятельность Бодянскаго по составленію и редакціи „Чтеній“

не требуетъ комментаріевъ. Кромѣ памятниковъ онъ помѣстилъ въ „Чтеніяхъ“ много объяснительныхъ и полемическихъ статей.

Въ „Чтеніяхъ“ съ 1858 г. помѣщены преимущественно труды по древнимъ памятникамъ: житія Θεодосія, Кирилла и Меодія и проч., малороссійская часть матеріаловъ замѣтно рѣдѣеть.

Въ 1855 г. приходилось праздновать юбилей московскаго университета; Шевыревъ, руководя всѣмъ дѣломъ, хотѣлъ совмѣстить три юбилея: два тысячелѣтніе: основанія Русскаго государства и изобрѣтенія славянскихъ письменъ, и столѣтній — Московскаго университета. Когда въ юбилейномъ изданіи, по вопросу о письменахъ Бодянской пришелъ къ выводу, что письмена изобрѣтены были не въ 855, а въ 862 г., то, по распоряженію Шевырева, печатаніе приостановлено и отпечатанные листы уничтожены. Тогда Бодянской издалъ свое изслѣдованіе „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“ (Москва 1855) отдѣльною книгою. Онъ хотѣлъ представить его на степень доктора, но все откладывалъ... Шевыревъ пустилъ слухъ, что Бодянской боится диспута, и только это обстоятельство ускорило диспутъ, на который, кстати сказать, Шевыревъ не явился...

Изслѣдованіе о времени происхожденія славянскихъ письменъ доселѣ — настольная книга у всѣхъ, кто предается занятіямъ старо-славянскою письменностью. Заглавіе ея далеко не выражаетъ всего богатства содержанія: это огромный сборникъ всякаго рода историко-литературныхъ и палеографическихъ замѣтокъ и изслѣдованій по различнымъ вопросамъ, относящимся къ произведеніямъ древне славянской литературы. Таковъ напр. мастерской разборъ сказанія о св. Вячеславѣ. Нѣкоторое дополненіе къ этому сочиненію представляетъ разборъ сочиненія г. Лавровскаго о Кириллѣ и Меодіѣ, написанный Бодянской по приглашенію Академіи Наукъ [въ 7-мъ Присужденіи Наградъ гр. Уварова 1864 г.]

Въ 1870 году Бодянскому суждено было перенести ударъ — удаленіе изъ университета вслѣдствіе забаллотировки. Исторія въ послѣдствіи разъяснить это дѣло и произнесеть надъ нимъ свой судъ, но и теперь можно уже сказать, что съ удаленіемъ Бодянскаго изъ Московскаго университета славянская наука упала въ немъ низко, очень низко...

Бодянской образовалъ если не школу, то многіе ученые представители славяновѣднія ему обязаны многимъ, назовемъ: Е. П. Новикова, А. Ѳ. Гильфердинга, А. А. Майкова,

А. А. Дювернуа, А. А. Кочубинскаго и самого автора этой замѣтки.

Характера Бодянской былъ разсчетливо-обдуманнаго и сдержаннаго; послѣдняя черта нерѣдко скрывалась у него подъ видомъ простодушія; но это былъ твердый и стойкій характеръ, это былъ человѣкъ убѣжденій, не уступавшій ни пяди земли безъ боя и не входившій ни въ какія сдѣлки съ совѣстью. Такими чертами отмѣчена и его дѣятельность послѣдняго времени, когда помѣщена имъ въ „Чтеніяхъ“ статья „Трилогія на трилогію,“ едва не вызвавшая разрушеніе стараго московскаго историческаго общества.

О. М. Бодянской—былъ образецъ ученаго трудолюбія, и какъ профессоръ и какъ секретарь ученаго общества—редакторъ его журнала: онъ исполнѣ „подвигомъ добрымъ подви-
земъ, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ.“ (Второе посланіе ап. Павла къ Тимоѣю, гл. 4, ст. 7).

Александръ Котляревскій.

Взглядъ Мадьярскаго этнографа на Славянъ. *)

Ethnographie von Ungarn. Von Paul Hunfalvy. Uebertragen von Prof. I. H. Schwicker. Budapest. 1877. Drittes Capitel. §§ 61—62. Стр. 298—333. Die Slaven.

Состояніе Славянъ при приходѣ Мадьяръ. а) Словаки. Ихъ имя, распространеніе, число, литературныя отношенія. Шафарикъ. Г. Колларъ. б) Поляки. в) Русины. Число, имя, распространеніе, время поселенія, промышленность. г) Болгары. е) Сербы. Раннія сербскія поселенія въ Угріи; освобожденіе отъ „десятины;“ первые слѣды сербской іерархіи; большое сербское переселеніе; сербскія привилегіи; государственныя гражданскія отношенія; названія; церковное состояніе; распространеніе; число; характеръ; литературныя отношенія; Обрадовичъ; Шокичъ и Буньевци. ф) Хорваты. г) Хорутане.

Во франко-нѣмецкомъ періодѣ, т. е. во время послѣ Аварь и до прибытія Мадьяръ, обитали въ древней Панноніи Нѣмцы и Славяне; между ними также еще мирно и незамѣтно жили Авары, если они еще тогда не успѣли ослабиться. На рѣчкѣ Сагъ и въ области Блатенскаго озера, подъ Франко-нѣмецкою верховною властью, недолго просуществовало княжество Привины и Коцела съ главнымъ городомъ Мошапуркомъ; позднѣе частью этого княжества обладалъ втеченіе восьми лѣтъ (884—892) моравскій князь Святополкъ, въ качествѣ нѣмецкаго ленника. Къ сѣверу отъ Дуная, въ нынѣшней Моравіи и въ западной части Угріи около Нитры, добывались моравскіе Славяне церковной и государствен-

*) Помѣщая изъ сочиненія Гунфальви „Ethnographie von Ungarn“ (1877) главу о славянскихъ обитателяхъ Угріи—мы естественно устранимся отъ всякой отвѣтственности за вѣрность сообщеній и заключеній мадьярскаго этнографа. Причина, побудившая насъ передать эту главу порусски, заключается не столько въ желаніи сообщить новыя и вѣрныя данныя о предметѣ, сколько въ желаніи ознакомить читателей съ возрѣвшами мадьярскою наукою на Славянъ, въ особенности со стороны ученаго, многими признаваемаго за образцово—безпристрастнаго. Въ практическомъ отношеніи такое знаніе намъ необходимо.

ной независимости, но съ малымъ успѣхомъ,—отчасти по причинѣ предательства и неединодушія своихъ начальниковъ, которые то искали верховной власти Нѣмцевъ, то отказывались отъ нея, и также то преслѣдовали славянскихъ священниковъ, то покровительствовали имъ. Противъ этихъ послѣднихъ также возстало тогда съ запальчивою яростью баварское духовенство. Намъ не извѣстна даже столица моравскаго князя, въ то время какъ она извѣстна намъ въ маленькомъ княжествѣ на Салъ; словомъ положеніе вещей въ Моравіи было подвержено измѣненіямъ и постояннымъ переворотамъ. Также мало извѣстно, какъ далеко простиралось Моравское царство, до Эйпели ли или до рѣки Шаю.

Полоса земли между Дунаемъ и Тиссой, равно какъ восточныя части по ту сторону Тиссы и древнія Дакія были во времена владычества Франковъ въ Панноніи такъ же неизвѣстны, какъ во дни Геродота. На этихъ обширныхъ равнинахъ и въ горахъ Седмиградіи не встрѣчается никакой государственной формации; но населеніе было также и здѣсь, исключая постепенно исчезающихъ Аваръ, славянское, что свидѣтельствуяютъ имена рѣкъ и другія географическія названія.

Это славянское населеніе было однако у подножія Карпатъ рѣке, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; это доказываютъ не только два столѣтія позже поселившіеся нѣмецкіе колонисты, но также другія обстоятельства. Внутренній—Солнокъ (въ Седмиградіи) и внѣшній Солнокъ (въ Угріи) были, по свидѣтельству своихъ именъ, уже извѣстны со временъ своихъ славянскихъ обитателей,—тогда какъ о Шоварѣ (Sóvár)—Salzburg въ Шарошскомъ комитатѣ никто-ничего еще не зналъ, иначе и онъ также (какъ мѣсто по богатству соли значительное) удержалъ бы славянское имя. Мадырское имя „Sóvár“ есть безошибочное указаніе на то, что въ 9 и 10 вѣкѣ ни одному человѣку существованіе тутъ соли не было извѣстно; поэтому не могло также здѣсь быть никакого значительнаго славянскаго населенія. *)

Мадыры занимаютъ страну. Упорнаго сопротивленія не находятъ они собственно нигдѣ; ибо тѣ, которые имъ могли

*) Ладиславъ Фуманій подарилъ въ 1285 г. магистру Георгу Sóvár, Sópatak (Salz-Bach) и Delne съ соляными копами и соляными источниками (quasdam villas nostras regales Soovar, Soopatak et Delne vocatas in Comitatu Sarnus existentes cum fodina seu puteo salis ibidem existente). Katona VI. 914. Годъ „Soos de Sóvár“ происходитъ отъ этого magister Georgius.

бы противостать, (именно на правомъ берегу Дуная—Нѣмцы и на лѣвомъ—сыновья Святиполка),—сами состояли другъ съ другомъ въ борьбѣ. Остальная же часть страны находилась въ такомъ состояніи, что тотъ либо другой вблизи обитающій народъ могъ тутъ поселиться.

Славяне, которые въ Угрии негусто обитали, были преимущественно Словенцы, что видно изъ удѣлѣвшихъ въ мадьярскомъ языкѣ славянскихъ словъ, и они не видѣли, очевидно, въ поселеніи Мадьяръ никакого собеннаго несчастья, ибо соединились со вновь прибывшими пришельцами, какъ обвиняетъ за это ихъ нѣмецкое духовенство въ своихъ обвинительныхъ писаніяхъ и какъ это утверждается общимъ ходомъ исторіи. Нигдѣ не встрѣчаются даже самыя незначительныя слѣды сопротивленія Славянъ Мадьярамъ. Это обстоятельство нельзя никакъ объяснить тѣмъ, что послѣдніе истребили первыхъ; ибо число Славянъ постоянно увеличивалось. Несомнѣнно, во время первыхъ королей появились Вышеградъ, Чонградъ, Новоградъ и другіе ихъ грады съ славянскими именами. Но также плѣнные, захватываемые и приводимые Мадьярами во время ихъ набѣговъ по всей Европѣ, были навѣрно въ малой части Славяне, ибо и набѣги эти, и нападенія касались не славянской области, но, большею частью, нѣмецкихъ, франкскихъ, итальянскихъ и греческихъ земель. Еще никто не могъ читать о Мадьярахъ, что *Бюдингеръ* исторически вѣрно пишетъ о Нѣмцахъ: „Не одно славянское племя, которое попадало въ продолжительную зависимость отъ нѣмецкой державы, не имѣло силы, за исключеніемъ чешскаго, сохранить свою самостоятельность; всѣ должны были подпасть подъ тяжкую руку нѣмецкихъ воителей... Мадьярамъ, какъ и Славянамъ они не давали пощады“ *). Равнымъ образомъ стояло далеко отъ стремленій и обычаевъ Мадьяръ—держать какую-нибудь національность въ рабствѣ, какъ это имѣло примѣненіе у Нѣмцевъ относительно Славянъ; ибо тутъ Slave=Sklave. Уже законъ короля Коломана разумѣетъ подъ „гостями“ также и Славянъ **), и они были равноправны съ другими „гостями“. Въ угорскомъ политическомъ правѣ выработалось большое различіе между дворя-

*) Büdinger, Oesterr. Geschichte. I. p. 300—301.

***) Liberi quique ac hospites, sicut Slavi vel ceteri sunt extranei, qui in terris laborant aliorum, pro libertate tantum denarios dent....

нами и не-дворянами; но между *Мадьярами* и *не-Мадьярами* никогда не существовало ни малѣйшей политической разницы. Дворяне могли хвастаться чрезмѣрными привилегіями; но эти дворяне никоимъ образомъ не были исключительно Мадьяры, но также и Славяне, Нѣмцы, Румыны, словомъ—могли принадлежать къ самымъ разнообразнымъ племенамъ страны. Также и крестьянствѣ, одно несущее государственныя тягости и одно не имѣющее удѣла въ правахъ гражданина государства; „*misera contribuens plebs*“, состояло, равнымъ образомъ, изъ Мадьяръ, Нѣмцевъ, Славянъ, Румынъ, словомъ—изъ всѣхъ національностей страны. И этого не знаетъ или не замѣчаетъ такой историкъ, какъ *Бюдинеръ*, ибо говорить, что, при завладѣніи страной Мадьярами, Словаки были обращены въ самое низкое рабство, изъ оковъ котораго они, какъ низко упавшій народъ, „едва по прошествіи тысячелѣтія“ были освобождены *). Какъ будто *Бюдинеръ* изучалъ исторію и государственное право Угріи по пражскимъ нѣмецкимъ и чешскимъ газетамъ 1848 и 1849 годовъ! **).

А. Словаки.

Мадьяры называютъ *Словаковъ* по неизвѣстной мнѣ причинѣ „*tótok*“ (sing. *tót*). Какъ кажется, это было у нихъ общимъ обозначеніемъ для Славянъ; ибо этимъ именемъ у нихъ назывались не только сѣверозападные, но и южные Славяне между Дравою и Савою. Потому и понынѣ называется

*) „*Oesterr. Geschichte*“. I. 208. *Бюдинеръ* не знаетъ или забываетъ умышленно, что было время, когда религиозное убѣжденіе было драгоценнѣйшимъ сокровищемъ народа, и что въ это время большая часть этого „низко упавшаго“ словацкаго народа могла чтить своего Бога по протестантскому обряду, тогда какъ „нѣмецкіе мужи“ выгнали протестантскихъ Зальцбургцевъ изъ домовъ, дворовъ и страны. Потому-то серьезный историкъ не долженъ допускать себя до пустой болтовни.

**) Я очень хорошо помню тогдашніе пражскіе журналы. „Если всякій народъ на земномъ шарѣ заслуживаетъ свободы, то одни только Мадьяры не достойны ея“, такъ писали тогда эти листки и усердно раздували возстаніе въ то время, какъ Мадьяры радовались, что создадутъ законнымъ путемъ въ Пресбургѣ права крестьянамъ равныя съ дворянствомъ.

Славоніи помадьярски „Tót—ország“ т. е. земля Словаковъ *). И такъ древніе Словенцы были у Мадьяръ „tótok“ т. е. Словаки. Но эти Словенцы на правомъ какъ и на лѣвомъ берегу Дуная слились, большею частію, съ Мадьярами; теперешняя *Словакія* въ Угріи есть народный элементъ новаго происхожденія; она чрезъ Гуситовъ (моравскихъ братьевъ) и чешскихъ партизановъ (1442—1460) уже значительно усилилась, прежде чѣмъ противуреформація въ Верхней Угріи начала сокращать въ числѣ протестантскихъ Нѣмцевъ. Съ тѣхъ поръ славянизация этой части страны продолжается и дѣлаетъ постоянно новыя завоеванія. Теперь Словаки начиная отъ Пресбурга до Спиша (Ципса) и за Шарошемъ такъ распространены, что вполне владѣютъ стѣлицами—комитатами: Тренчинскимъ, Оравскимъ, Зволенскимъ (Соль) и Липтовскимъ; въ комитатахъ Турчанскомъ, Тековскомъ (Барсѣ), Нитранскомъ (Нейтръ), Гонтинскомъ, Гемѣрскомъ, Спишскомъ, Шаришскомъ и Абауйскомъ составляютъ большинство; въ Пресбургскомъ и Новградскомъ—все таки значительную часть народонаселенія. Въ какой мѣрѣ нѣмецкій элементъ по какимъ-нибудь причинамъ исчезалъ,—словацкій элементъ въ той же степени усиливался. Мадьяры убили въ сравненіи со Словаками **. Словаки обитаютъ не только въ названныхъ комитатахъ, ихъ можно найти также въ среднихъ и южныхъ частяхъ страны: въ Земплинѣ, Боршодѣ, Забодотѣ (Сабольчѣ), Бекешѣ, Пештѣ-Пилишѣ-Шольтѣ, въ Торонталѣ и др. м.: и при этомъ иногда въ значительномъ числѣ; такъ напр. Словаки составляютъ въ Бекешскомъ комитатѣ 25% населенія ***).

Пребываніе этого племени констатируется многочисленными мѣстными именами съ прибавленіемъ — „Tót“ „словацкій“, такъ напр. мы находимъ Tótfalu (=Словацкое село)

*) Можетъ быть, что мадьярское названіе „tót“ (—Словакъ) происходитъ отъ словацкаго „to—to“ (das ist); ибо эти слова слышатъ незнакомый съ языкомъ Словаковъ чаще всего въ ихъ рѣчи. Подобнымъ образомъ произошло также французское „languedoc“, т. е. тотъ французскій диалектъ, который произносить *oui—oc* (=hoc est—to—to=das ist).

**) Въ комитатѣ Нейгскомъ именно случилось, что словакизация, не смотря на мѣстами удачное прогнѣвдѣствіе римско-католическаго духовенства, все таки дѣлаетъ быстрые успѣхи.

***) Schwicker, Statistik des Königreiches Ungarn, p. 156.

въ Сатмарскомъ и Бихарскомъ, Тót—Aradacz въ Торонтальскомъ, Тót—Bánhegyesвъ Чанадскомъ, Тót—Kég и Тót—Készi въ Толнавскомъ, Тót—Falu въ Салацкомъ и Желѣзной столицѣ (Эйзенбургѣ) и т. д. Не во всѣхъ этихъ мѣстахъ еще и теперь живутъ Словаки; но имя доказываетъ, по меньшей мѣрѣ, ихъ прежнее тутъ пребываніе. Деревни съ „словацкими“ эпитетами встрѣчаются также и въ Седмиградіи, напр. Тót—Falu въ комитатахъ Средне-Сольноцкомъ, Колошскомъ, Добоцкомъ и Краснавскомъ; Тót—falud въ Нижне-Бѣлградскомъ (Вейссенбургѣ), Тót—háza въ Колошскомъ комитатѣ и т. д.

Сасинекъ насчитываетъ число нынѣшнихъ сплошь живущихъ Словаковъ въ 2¹/₂ милліона, —разбросанно живущихъ до полумилліона, всѣхъ вмѣстѣ до 3 мил. душъ *). Это чи-

*) *Sasinek*, Die Slovaken, 2 Aufl. (Prag. 1875) стр. 13. „Die Zahl der Slovaken kann man mit gutem Gewissen auf 3.000.000 veranschlagen, so dass 2.500.000 auf die compact, 500.000 auf die zerstreut lebenden fallen“. Въ 1875 г. появилась въ Петербургѣ этнографическая карта *Мирковича*, къ которой г. *Будиловичъ* присоединилъ статистическія данныя. По ней общее число всѣхъ Славявъ простирается до 90.365.683 душъ, а именно:

по <i>юсударствамъ</i>	по <i>этногр. отличіямъ</i>
въ Россіи... 63.651,110.	Русскіе... - 61.199,590.
„ Пруссіи... 2.661,333	Поляки. . - - 9.492,162
„ Саксоніи... 52.000	Нижне-лужицкіе Сербы.. 40.000.
„ Австріи... 16. 921,140	Верхне - - 96,000
„ Сербіи... 1.150,000	Кашубы... - - 111,416.
„ Румыніи... 520,000	Чехо-Мораване. - 4.851,154.
„ Турціи. 6.260,000	Словаки. - 2.223,820.
„ Черногоріи. 123,000	Словенцы - 1.287,000.
„ Италіи. 27,000	Сербо-Хорваты. 5.940,539.
	Болгары. - 5.123,952.

по *вѣроисповѣданіямъ*:

Православные	-	-	-	62.179,635.
Раскольники	-	-	-	3.074,127.
Уніаты	-	-	-	3.147,429.
Римско-католики	-	-	-	19.628,442.
Протестанты	-	-	-	1.436,000.
Мусульмане	-	-	-	900,000

Кажется, *Сасинекъ* и *Будиловичъ* число Словаковъ заимствовали изъ *одной* источника.

сло, во всякомъ случаѣ, преувеличено въ виду тѣхъ 1.629.737 Словаковъ, которыхъ 25 лѣтъ назадъ дала австрійская народная перепись *), а о ней однако нельзя сказать, чтобы она умышленно уменьшила число Словаковъ, Мадьяръ же увеличила.

Но *Сасинець* извращаетъ также и исторію. Онъ и только онъ (ни *Палацкій*, ни *Шафарикъ*, ни *Дудикъ*, на труды которыхъ мы ссылаемся) знаетъ что-нибудь о томъ, что „Словакія“—*tertia pars regni* (такъ говоритъ *Сасинець* латинской фразой, какъ будто она стоитъ гдѣ-нибудь въ документахъ),— что „Словакія“ составляла отдѣльное герцогство до *Матвѣя Тренчинскаго*, „последняго словацкаго герцога“.

По нарѣчію Словаки стоятъ очень близко къ Чехо-Мораванамъ; поэтому словацкіе протестанты употребляютъ чешскіе переводы библіи и чешскія молитвенныя книги. Католическіе Словаки естественно не держатся языка чешской библіи. Впрочемъ всѣмъ извѣстно, что словацкій языкъ, подобно нѣмецкому, распадается на многочисленныя мѣстныя нарѣчія. Въ новѣйшее время трудится надъ утвержденіемъ словацкаго литературнаго языка. Первую сюда относящуюся попытку устроить съ католической стороны *Антонъ Бернолакъ* (1762—1813). Новый полетъ далъ словацкому языку въ 1845 г. *Людевитъ Штура*—съ евангелической стороны. Словацкая учащаяся молодежь поставила этотъ новословацкій языкъ на мѣсто чешскаго. Межъ тѣмъ какъ ни словацкій языкъ *Бернолака*, ни *Штура* не опирали на филологической основѣ, проф. славяновѣднія въ Пражскомъ университетѣ, *Мартинъ Гаттала*, издалъ въ 1850 г. словацкую грамматику на началахъ языковѣднія, и по ней говорить и писать теперь каждый словацкій писатель, каждый образованный Словакъ **). Для распространенія словацкаго языка и литературы было въ 1863 г. въ *Туроць-Сентъ-Мартинѣ* основано литературное общество „*Матица Словенска*“. (Нынѣ правительствомъ закрыта).

Изъ періода словацкаго литературнаго языка до *Штура* и *Гатталы* упомянемъ здѣсь подробнѣе о двухъ дѣятеляхъ.

*) *Statistisches Handbüchlein für die österreichische Monarchie*, 4 Aufl., Wien, 1861.—*Ficker* считаетъ 2.210.000 сѣверо-славянъ (куда причислены и Русины); *Schwicker* „*Statistik*“ р. 153, полагаетъ число Словаковъ въ 1.835.334 души, или 11,9% всего населенія королевства.

**) *Sasinek*, I. с. стр. 82.

Павелъ Иосифъ Шафарикъ *) родился 13 мая 1795 г. въ Кобеляровѣ (по венгерски „Fekete-Patak“ — черный потокъ), словацкой деревнѣ въ Гёмёрскомъ комитатѣ, гдѣ его отецъ былъ евангелическимъ проповѣдникомъ. Гимназическій курсъ Шафарикъ въ 1805 г. проходилъ въ Рожновѣ (Rosenau), въ 1808 въ Добшовѣ (Добшау), перешелъ въ 1812 въ евангелическую лицей въ Кѣжмаркѣ, гдѣ до 1815 г. изучалъ философію, богословіе и венгерское право. Профессора—историкъ *Генерцихъ* и философъ *Д. Михаликъ* имѣли на молодого Шафарика самое большое и прочное влияние. Здѣсь впервые пробудился и поэтической талантъ Шафарика. Въ 1815—1817 г. Шафарикъ изучалъ въ Іенскомъ университетѣ богословіе, философію, исторію, филологію и естественныя науки, и занимался уже различными литературными трудами. Въ Іенѣ Шафарикъ познакомился также съ *Колларомъ* и, приобрѣти степень доктора, возвратился въ Пресбургъ, гдѣ до 1819 г. былъ воспитателемъ сына одного мадьярскаго магната. Въ Пресбургѣ сошелся онъ съ славянскимъ писателемъ *Палковичемъ* для изданія стихотворнаго сборника; также занимался здѣсь пѣснями словацкаго племени, которыя впослѣдствіи также издалъ. Осенью 1819 г. послѣдовалъ вызовъ его въ Новый Садъ (Нейзатцъ) учителемъ Humaniora въ тамошнюю сербскую гимназію, съ этимъ же мѣстомъ было соединено и званіе директора ея. Но такъ-какъ Офенскій градоправительный совѣтъ не могъ терпѣть протестантскаго директора, Шафарикъ сложилъ съ себя въ 1825 г. званіе директора, удержалъ каеедру учителя до 1833 г., отъ которой добровольно отказался, чтобы имѣть возможность жить въ Прагѣ ради своихъ славянскихъ изслѣдованій и изысканій. Въ 1837 г. Шафарикъ былъ назначенъ и. д. цензора по отдѣленію беллетристики и смѣси; съ 1838 по 1842 г. редактировалъ „Временникъ Чешскаго Музея“; съ 1841 г. Шафарикъ вступилъ въ бібліотеку Пражскаго университета, а въ 1860 г. вышелъ въ званіи бібліотекаря съ полной пенсіей въ отставку. Смерть его послѣдовала 26 іюня 1861 г. Шафарикъ былъ дѣятелемъ въ области славянской филологіи, литературы, археологіи, этнографіи и исторіи. Его важнѣйшіе труды: *Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten* (Ofen. 1826). „Славянскія древности“, историческая часть (Пр. 1837) на чеш. яз., перев. по нѣм. (Mosig v. Aehrenfeld u. Wuttke.

*) Wurzbach, Biogr. Lexikon, Bd. 28; 53 сл.

Лейпц. 1843. 2 В.). Очень важны работы Шафарика по Чешской грамматикѣ, по древней письменности Югославянъ и др. По смерти его напечатана „Geschichte der südslavischen Literatur“ Юс. Иречкомъ (Пр. 1864—1865, въ 3 ч.). Шафарикъ былъ несомнѣнно человекъ высокаго научнаго значенія.

Янъ Колларъ *) родился въ Мошовцѣ въ Турчанскомъ комитатѣ отъ протестантскихъ родителей. Его отецъ былъ многою годы судьей, потомъ общиннымъ нотариусомъ. Колларъ кончилъ гимназическій курсъ въ Кремницѣ и Банской Быстрицѣ (Нейзолѣ), а въ Пресбургѣ—богословскій курсъ. Потомъ перешелъ онъ въ университетъ въ Іену, гдѣ полтора года пробылъ и возвратился, послѣ путешествія по Германіи, въ 1819 г. въ Угрію. Здѣсь выбрала его славянско-нѣмецкая церковная община въ Пештѣ—капелланомъ, а потомъ—проповѣдникомъ. Когда позже между Нѣмцами и Славянами возникли споры, Колларъ сложилъ съ себя свою должность добровольно. Славяне однако его не отпустили, и, оставшись, онъ отстаивалъ энергически за своихъ земляковъ самостоятельность прихода и равныя ихъ права на церковь, приходскій домъ и школу. Колларъ оставался въ своей должности до 1849 года. Въ мартѣ 1849 г. австрійское правительство вызвало его, какъ надежнаго человека въ Вѣну, гдѣ онъ былъ назначенъ профессоромъ славянской археологіи; 24 января 1852 г. онъ умеръ. Изъ его многочисленныхъ трудовъ мы упомянемъ только важнѣйшіе. Сюда мы причисляемъ прежде всего его стихотворенія, которыхъ первое изданіе появилось въ 1811 году; второе и слѣдующія изданія носили заглавіе „Slávy dcega“ [Дочь Славы. Будимъ (Офенъ) 1824. 1832 и 1845 г.]. Эти стихотворенія отмѣчаютъ новый періодъ въ чехо-славянской литературѣ. Его сочиненіе „Ueber die literarische Wechselfeitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der Slavischen Nation“ на нѣмецкій съ славянскаго переведено и умножено самимъ издателемъ (Пештѣ. 1837; 2 испр. изд. Лейпц.; въ 1840 въ „От. Зап.“ рус. пер. Бакунина); оно возбудило общее вниманіе. Паг-славистская тенденція выступила здѣсь въ открытомъ видѣ.

Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи Словаки принадлежатъ, большею частію, къ католической церкви, въ меньшинствѣ — къ протестантской аугсб. исп. Нѣкоторыя реформатскія словацкія общины попадаютъ въ Тековскомъ (Баршскомъ) и

*) Wurzbach, Biogr. Lexikon. Bd. 12, S. 325 ff.

Нитранскомъ комитатахъ. Откуда почерпнуть Сасинекъ свѣдѣннй, что десятая часть Словаковъ—католики, десятая—евангелики и десятая—іудейскаго закона, мнѣ неизвѣстно; равно мало извѣстно мнѣ, куда принадлежать тогда остальные семь десятыхъ Словаковъ *).

Б. Поляки.

Поляки тоже нашли себѣ родину въ комитатахъ у подножія Карпатъ, преимущественно въ Шаршскомъ и Спишскомъ, когда началась антиреформація. Равно какъ въ верхнеугорскихъ городахъ, именно въ Сибинѣ, Бардѣвѣ, (Барфельдѣ,) Пряптевѣ, (Эперіесѣ), Старо-Люблявѣ, Подолинцѣ (Пудлинѣ) и др., на мѣсто протестантскихъ Нѣмцевъ пришли католическіе Поляки; равнымъ образомъ ревностными къ вѣрѣ помѣщиками охотно принимались въ деревни католическіе польскіе крестьяне **). Теперь статистика не различаетъ болѣе католическихъ Поляковъ отъ католическихъ Словаковъ, по крайней мѣрѣ, этого не дѣлаетъ ни Февіешъ (Fényes), ни народная перепись 1851 года. У Славянскихъ племенъ вѣроисповѣдная принадлежность составляетъ вообще гораздо большее различіе, чѣмъ особенность языка. Католическій Полякъ и Словакъ чувствуютъ себя другъ къ другу гораздо ближе, чѣмъ напр. протестантскій и католическій Словакъ.

*) Sasinek, I. с. р. 23: „Что касается религіи, то принадлежать почти $\frac{3}{10}$ населенія Словакіи къ католической церкви, $\frac{1}{10}$ къ аугебургскому исповѣданію, $\frac{1}{10}$ —къ іудейству. Евреи, за оч. малыми исключеніями, никакого не имѣютъ національнаго характера, и должны менѣ всего занимать нѣмецко-національную позицію“. Едва ли Сасинекъ не причисляетъ остальныхъ $\frac{7}{10}$ къ греко-восточной церкви? Что русская церковь у славянскихъ писателей и „вождей“—*prim desiderium*, проявляется во многихъ фактахъ. Но въ этой церкви не стремится ни католическій, ни протестантскій Словакъ; ибо „религія у Словаковъ сильна“, говоритъ самъ Сасинекъ.

**.) Въ Пудлейнѣ въ 1645 г. въ воскресенье послѣ Троицы говорилъ одинъ віаристъ первую польскую проповѣдь; въ Барфельдѣ передалъ Стефанъ Колосвари, каноникъ изъ Эрау, въ 1672 г. польскимъ ткачамъ отнятыя у протестантовъ—церковный домъ и школу.—Ср. Ignaz Bidermann, Die Ungarischen Ruthenen, Innsbruck, 1862, I. р. 10.

В. Русняки.

На основаніи вѣроисповѣднаго различія Русняки между сѣверо-угорскими Славянами выступаютъ гораздо отчетливѣе, чѣмъ Поляки. По народной переписи 1851 г. число Русняковъ (Малороссовъ, Ruthenen) простиралось до 422.713 душъ, а именно: въ Спшскомъ (Ципсѣ) 20.770, въ Шаршскомъ 42.798, въ Земплинскомъ 71.819, въ Ужанскомъ 50.976, въ Бережанскомъ и Угочанскомъ 94.999, въ Мармарошскомъ 97.378, въ Сатмарскомъ 13.020, въ Забототскомъ (Сабольчѣ) 5430, въ Абауйскомъ и Торнавскомъ 13.000, въ Боршодскомъ 2800 душъ; маленькіе русняцкіе острова кромѣ того разбросаны по странѣ *). Carl Keleti полагаетъ число Русняковъ въ Угріи въ 469.420 душъ.

Эти Русняки—одного племени съ Русскими въ Галиціи и Малороссіи, откуда они пришли въ Угрію. Мадыры называютъ ихъ „oroszk“ т. е. Русскіе; Турки—„uguszk“; въ угорскихъ хроникахъ и въ латыни угорскихъ законовъ фигурируютъ они какъ „Rutheni“, „gens Ruthenorum“. Возникнетъ вопросъ: когда появляются Русины въ первый разъ въ Угріи? Были ли они здѣсь уже до прибытія Мадыръ, переселились ли они совмѣстно съ ними, или позже ихъ?

До поселенія Мадыръ не было въ Угріи никакого „русскаго“ народа, ибо это имя „Русь“ (Ruots) могло появиться между Славянами только послѣ 864 года;—вѣдь Рюрикъ и его товарищи были этими „Русскими“ (Ruots). Но также съ мадырскимъ вождемъ Альмошемъ не могли сюда переселиться Русскіе; ибо Мадыры въ 885 г. прошли мимо Кіева, слѣд.

*) Videmann, I. с. стр. 2, 3. Бидерманнъ въ своемъ сочиненіи (первая часть появилась въ 1862 г., вторая въ 1867) съ большимъ стараніемъ собралъ и обработалъ всѣ данныя о Руснякахъ; только впадаетъ онъ постоянно въ ошибку, желая объяснить отдѣльныя расхожденія угорскаго правительства или постановленія угорскихъ законовъ съ точки зрѣнія тогдашняго націонализма. Безъ сомнѣнія, въ угорской исторіи и въ угорскомъ правѣ можно встрѣтить мотивы благородной привилегіи и господствующаго вѣроисповѣданія, однако національнаго принципа до конца 18 вѣка нигдѣ не встрѣтишь; даже первыя десятилѣтія нашего столѣтія почти свободны отъ вліянія этого принципа.—Кромѣ труда Видерманна упомяну еще Ж. Mézáros, Magyarországi oroszok—Угорскіе Русняки (Пешт. 1850).

въ то время, когда русское имя не могло еще прикрывать прочія отдѣльныя названія Славянъ; различать въдъ Константина Порфирородный отчетливо *Русскихъ* отъ Славянъ еще въ 950 г. Если бы Русины дѣйствительно пришли въ Угрю съ Альшемъ*), то они удержали бы еще скандинавскій (германскій) языкъ. Итакъ Русины могли только какъ „Русь“, т. е. какъ русскіе Славяне, придти сюда во время угорскихъ кородей, когда тѣ вступили въ сношенія съ русскими князьями, и имя *Русиновъ* уже обозначало всѣхъ русскихъ Славянъ. Еще нужно замѣтить, что во время Анонима (потариуса Бельи) Русняки у подножія Карпатъ жили не сплошными массами, но разбросанно въ разныхъ мѣстахъ (*per diversa loca*, ср. предъид. прим.). Это показываютъ также мѣстныя имена съ опредѣлительнымъ словомъ „*orosz*“ (=русскій или русняцкій), напр. въ Семиградіи: *Alsó—Felső—Orosz—Falu*, *Orosz—Mező* (во внутренно-Сольноцкомъ), *Alsó—Oroszi*, (въ Тордскомъ), *Orosz—fája* (въ Колошскомъ), *Orosz-jelens* (въ Гуниадскомъ), *Orosz-hegy* (въ столичн-Удваргельской) и т. д. У семиградскихъ Саксонцевъ „*Reuss*“ означаетъ „Русскаго“ или „Русняка“. Поэтому мы находимъ: *Reussdorf*, *Reuss-Dörfel*, *Reussmarkt* (по мадырскіи *Szerdahely*) и т. д. Въ Угрии есть *Oroszvár* (= *Russenburg* въ Вивольбургскомъ комитатѣ), *Nagy—и Kis—Oroszi* (въ Новоградскомъ), *Nemes-Oroszi* (въ Баршѣ), *Orosz* (въ Цештинскомъ и Стольно-Бѣлградскомъ = Штудвейсенбургскомъ комитатахъ) и т. д. Какъ Анонимъ, такъ и *Simonis de Kéza* переносятъ этнографическую картину своихъ дней на время мадырскаго поселенія, фактъ, съ которымъ мы часто встречаемся у средневѣковыхъ хронистовъ.

*) Какъ это Анонимъ (сар. X) слѣдующимъ образомъ докладываетъ: *Similiter et multi de Ruthenis Alme duci adhaerentes secun. in Pannoniam venerunt, quorum posteritas usque in hodiernum diem per diversa loca in Hungaria habitat* (у *Endlicher* а) р. 12) *Simonis de Kéza*, который представляетъ имъ прйдій не съ Альшемъ, но съ Арпадомъ, разказываетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: *Hic igitur Arpad cum gente sua Ruthenorum Alpes prior perforavit, et in fluvio Ung primus fixit sua castra* (*Endlicher* l. c. d. 193). Итакъ *Kéza* называетъ уже восточныя Карпаты, а Русини: „Альшани“.

Вдоль Карпатъ, гдѣ мы встрѣчаемъ теперь Русняковъ, были въ 12 вѣкѣ еще оч. немногія заселенныя мѣста; источники упоминаютъ здѣсь только лѣса, заповѣдныя лѣса королей и королевскія мѣста охоты (*lota venationis postrae*). Андрей дасть торжественную клятву въ 1232 г. „въ Берескомъ лѣсу“ (*in silva Bereg*)—реформировать страну; стражи этого лѣса обращаются съ прошеніемъ въ Вел. Барадинъ (Гросвардейнъ) къ „суду Божию“ раскаленнымъ желѣзомъ. Эти стражи имѣютъ также естественно жупана (гишпана) или графа *). Въ области отъ Татры до конца Мармароша, въ лѣсной странѣ въ 30 миль длиною, жили разбросанно псари (?) (*caniferi*), какъ Спашскіе „бешнуки“ **), затѣмъ сокольничіе и другіе принимающіе участіе въ охотѣ служители. Спашскій, Шарипскій и Мукачевскій замки, далѣе крѣпость *Királyháza* (= королевскій замокъ) въ Угочскомъ и замокъ Густъ въ Мармарошскомъ комитатѣ были пограничными пунктами. Кругомъ этихъ бурговъ группировалось населеніе этой страны.

Въ правленіе короля Лудвига I пришелъ въ 1340 г. литовскій князь Теодоръ Коріатовичъ со своими Русняками изъ Новіаго Городка въ Угрію и, сдѣлавшись въ 1360 г. владѣтелемъ Мукачева, основалъ для русинскихъ монаховъ монастырь св. Николая ***). Изъ этого монастыря назначались

*) *Vadu de custodibus silvae Beregu impetiit convillanum quum Valsamum pro occisione filiae suae per potionem; iudice Mexu Comite de Beregu, pristaldo Andrea.—Regestrum de Várad, 324; ap. Endlicher. p. 718.*

***) Грамота Андреа III отъ 1293 г. говоритъ: *Caniferis nostris de Somogy, de districtu de Sceerna, quos vulgaris locutio besnucis appellat.—Бешнуки (bessnükien) были королевскіе псари.*

***) Литовцы выступаютъ въ 12 вѣкѣ; въ 1235 г. Рингольдъ былъ первымъ в. княземъ Литовцевъ, Гедиминъ завоевалъ въ 1320 г. у Русскихъ Волынь, Кіевъ, Сѣверію, Черниговъ и Ново-Городокъ или Черно-Русь. Синобья Гедимина раздѣлили м. с. государство: одинъ синь, *Коріатъ*, былъ княземъ Ново-Городка и Волковиска, другой *Ольгердъ*—в. княземъ Свѣя Ольгерда, *Яелло*, соединилъ въ 1386 г., какъ король Польши, Литву съ Польшею.—Синобья Коріата, Коріатовичи, были преслѣдуемы своимъ дядей; трое изъ нихъ искали защиты у польскаго короля Казимира, четвертый, Теодоръ, прибылъ къ угорскому королю Лудвигу V.—Послѣ Казимира на польскій престолъ взомель Лудвигъ V, котораго сынъ, Яелла, былъ женою *Яелла*. Такимъ образомъ сложились сношенія Угріи съ Польшею.

мукачевскіе епископы, изъ которыхъ первый, по историкъ Прау'ю, извѣстенъ съ 1491 г. *). Эти епископы были православнаго исповѣданія и не были униатами до 1640 г.; въ этомъ году Мукачевская епископія сдѣлалась униатскою и подчинена Остригомскому (Гранскому) архіепископству, которому подвѣдомственна и поныѣ.

Подлѣ Мукачева явилась также „Крайна“, — изъ десяти деревень состоящая область въ Бережанскомъ комитатѣ, которой жители обязаны были въ случаѣ нужды защищать Мукачевскій замокъ, за что они пользовались нѣкоторыми привиллегіями. Но Русняки вели еще, большею частію, въ 16 вѣкѣ пастушескій образъ жизни, занимались скотоводствомъ и не имѣли нужды въ прочныхъ жилищахъ, какъ это даже доказываютъ правительственныя распоряженія, вслѣдствіе которыхъ русинскіе и валашскіе пастухи, обитающіе не въ прочныхъ домахъ, но въ шалашахъ и хижинахъ, и владѣющіе многочисленными стадами, обязаны были уплатою лозовины подати. Ужанскій комитатъ въ 1729 г. еще заноситъ жалобу, что бродячій русинскій народъ трудно приучается къ осѣдлымъ жилищамъ **). Можно принять, что большинство русинскихъ селъ явилось 150—200 лѣтъ назадъ ***). Но коль скоро Русняки принялись за земледѣліе, заняли они въ Спишскомъ, Шарипскомъ, Угочскомъ и Мармарошскомъ комитатахъ мѣста Нѣмцевъ, къ чему, конечно, способствовали также религіозныя смуты. Когда многіе (нѣмецкіе) протестанты были вынуждены оставить свое вѣроисповѣданіе, обращались они охотнѣе къ греческой, чѣмъ къ римско-католической церкви, ибо въ первой они могли получать причащеніе подъ обоими видами. Съ исповѣданіемъ приняли они мало-по-малу также и языкъ новыхъ своихъ русинскихъ еднновѣрцевъ и такъ Нѣмцы дѣлались Русняками. Въ Плавницѣ и Берзевидѣ говорили еще въ прошломъ вѣкѣ по-нѣмецки ****).

*) *Pray Specimen Hierarchiae*, подъ *Episcopatus Muncacsienis*. О судьбѣ Мукачевской епископіи и церковныхъ отношеніяхъ Русиновъ вообще ср. *Fiedler Beiträge zur Geschichte der Union der Ruthenen in Nordungarn* въ *Sitzungsberichte der Wiener Academie*. Bd. 39. 1862. стр. 483 ss. и *Kronas Ungarn unter Maria Theresia und Josef II. 1740—1790*. (Graz. 1871. p. 79 ss.).

**) *Bidermann*, I. c. II. 74.

***) *Ibid.* 55.

****) *Bidermann*, (I. c. II. 75) называетъ слѣдующія нѣмецкія деревни: Koisso, Helzmanocz, Poracs, Szlovinna, Brutocz, Hodermark (Hundertmark),

Въ другихъ мѣстахъ, именно въ Заболотьѣ (Сабольтчѣ), Сатмарѣ и въ гайдуцкихъ городахъ, Русняки пристали къ Мадьярамъ, и они-то просили—совершать у нихъ службу на мадьярскомъ языкѣ, такъ что у нихъ даже могла быть учреждена епархія *). Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи принадлежать всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большая часть Русняковъ къ греко-католической церкви, въ которой, какъ извѣстно, литургія совершается на народномъ языкѣ; итакъ представлялась возможность, чтобъ рядомъ съ румынскимъ, рутенскимъ и сербскимъ языкомъ, могъ служить языкомъ церкви и мадьярскій. — Греко-католическіе Русины принадлежать въ церковномъ отношеніи къ двумъ епархіямъ: Мукачевской, существующей издавна, и Пришевской (Эперіешъ), учрежденной въ 1816 году. Прежде Мукачевская епархія распространялась на 13 комитатовъ. Въ 1816 г. была область Пришевской епархія отсюда выдѣлена и вмѣстѣ съ тѣмъ другая часть присоединена къ Велико-Варадинской (Гросвардейнъ) греко-католической епархія. Мукачевская епархія имѣла въ 1840 году 399, Эперіешская 142 церковныя общины. Обѣ епархія въ церковномъ отношеніи подчинены Остригомскому (Гранскому) архіепископу **).

Съ сѣвернаго склона Карпатъ въ 634—636 г. потянулись Хорваты и Сербы въ земли по ту сторону Савы; Хорваты заняли прибрежныя страны Адриатики, Сербы поселились восточнѣе ихъ на рѣкахъ Дринъ, Боснъ и Вербащъ, такъ что Тимокъ составляетъ границу между ними и поднѣе переселившимися въ Мизию Болгарами. Когда Мадьяры поселились въ своемъ новомъ отечествѣ, Хорваты жили, кромѣ адриатическихъ приморскихъ странъ, еще въ полосѣ земли между Дравой и Савой; Сербы сидѣли по ту сторону Савы

Szulin, Krempach, Ressow, Klydso, Gabolto, Lenarto, Hervarto, Hosszuret, Richwald, Stellbach, Hönig, Klemberk и т. д.

*) Шесть гайдуцкихъ городовъ суть: Bösörmeny (19.308 жит.), Dorog (8216 ж.), Hadház (7024 ж.), Nánás (13.198 ж.), Szoboszló (12.289 ж.), Vámos—Pécs (2999 ж.); всѣхъ 63.014 ж. Ихъ область, нынѣшній Гайдуцкій округъ, занимаетъ 19 кв. миль; на одну кв. милю приходится 3316 душъ. Тутъ едва 10.000 мадьяризованныхъ Русняковъ найдется православнаго исповѣданія.

**) Fényes, Magyarország statistikája—статистика в Угрин. Пешг. 1842. I. 101—102.

въ нынѣшней Босніи и Сербіи; власть же Болгаръ прости-
ралась до Бѣлграда, который тогда былъ болгарскимъ горо-
домъ.

Г. Болгары.

Исторія Сербовъ и Болгаръ часто находилась въ со-
прикосновеніи съ исторіей Угрии, что доказывается уже ти-
туломъ угорскихъ королей изъ рода Арпада. Но въ этно-
графіи Угрии, которая беретъ во вниманіе нынѣшнихъ жи-
телей страны, могутъ не идти въ соображеніе эти ранніе
историческія отношенія.

Древнихъ Болгаръ давно уже въ Угрии нѣтъ никакихъ
слѣдовъ. Тѣмъ не менѣе живутъ еще и теперь въ Угрии,
именно въ Банатѣ, Болгары, которые переселились впер-
вые послѣ вторженія турокъ изъ Болгаріи по сѣю сторону
Дуная. Въ 1723 г. поселились въ Вингѣ (Темешскаго коми-
тата) три болгарскія семейства; за ними въ 1739 г. послѣ-
довали многочисленныя католическія Болгары. Тогдашній епи-
скопъ Чанада, *Станиславичъ*, самъ болгаринъ, вызвалъ ихъ
изъ „Малой Валахія“, и ихъ прибыло около 300 семействъ,
изъ которыхъ 172 семьи въ 2000 душъ поселились въ O
Bessenö (Старо Бѣшенова въ Торонтальскомъ комитатѣ) и
прочіе въ Вингѣ. Винга получила въ 1740 г. права и воль-
ности привилегированнаго мѣстечка. Третье болгарское пе-
реселеніе послѣдовало въ 1740 г. въ мѣстечки Módos, по-
томъ въ Krassova, Lurpák; Nermeth, Jabalska, Klokodies
и Rafnik. Эти послѣдніе Болгары (народомъ прозванные
„Крассованцы“) признаютъ себя, наравнѣ съ Болгарами въ
Вингѣ, Бѣшеновѣ и Модошѣ, римско-католиками; но въ ру-
мынскомъ соедствѣ почти сплошь румынизованы. Болгары
въ тѣлесномъ отношеніи отличаются ростомъ и дюжестью,
отчасти сохранили особый костюмъ и извѣстны съ выгод-
ной стороны; какъ прилежный, опрятный и нравственный
народъ. Число ихъ доходитъ до 12.000; *) конскрипція 1851
г. насчитала ихъ въ Угрии 22.000, въ Седмиградіи 820 **).
Carl Celetî, по причинѣ ихъ малочисленности, совсѣмъ оста-
вляетъ ихъ безъ вниманія.

*) Sp. Schwicker, Geschichte des Temeser Banats, p. 452.—Fényes, I.
c. I. 73.

**) Statistisches Handbùchlein, Wien. 1861.

Д. Сербм.

Сербм занимають въ этнографіи Угріи далеко болѣе выдающееся мѣсто, чѣмъ Болгаріи. Отдѣльныя сербскія семейства были въ Угріи во всѣ времена, но численность сербскаго племени увеличилась въ значительной степени съ той поры, какъ турки направили свои нападенія сначала на Сербское царство, потомъ на Угрію. Въ особенности послѣ несчастной битвы на Косовѣ полѣ (1389) бѣжали многіе сербскіе подданные въ Угрію; уже въ гуситскія войны (1420—1421) называются въ войскахъ короля Сигизмунда „Сербм и Рациа“ *).

Первую сербенную колонію встрѣчаемъ мы при томъ же королѣ на островѣ Чепель подлѣ Будима; гдѣ Сербамъ предоставлено было село св. Авраамъ, которое въ воспоминаніе покинутаго Кувина (Kövin), получило имя Kis-Kevi (Мало-Кеви), позже Rasz-Kevi (Раць-Кеви). Сербскіе колонисты получили отъ короля Сигизмунда и его преемниковъ различныя вольныя грамоты. Тутъ особенно интересна та привилегирующая грамота короля Ладислава V, отъ 1455 г., гдѣ этотъ король утверждаетъ за Сербами въ Кеви, бѣжавшими сюда изъ пограничнаго города Нёвина изъ страха турокъ, ихъ вольности и привилегіи, которыми они владѣли, прибавляя, „пока по прекращеніи страха турокъ они не возвратятся на свое прежнее мѣсто жительства“ **). Изъ Кеви распространились Сербм въ Текелі, Ст. Мартинъ, Чепель и даже въ Будимъ, гдѣ они уже появляются въ 1412 году. Предмѣстье Будима называется еще и теперь „Райденъ-городъ“ и образуютъ Сербм тамъ и теперь еще отдѣльный приходъ ***).

Въ 1427 г. передалъ деспотъ Сербіи, Юрій Бранковичъ, крѣпость Бѣлградъ и другія укрѣпленныя мѣста по договору Угріи и призналъ сюзеренство угорскихъ королей. Поэтому былъ онъ и его законные наследники со стороны короля и чиновъ Угріи утверждены какъ вассальные деспоты Сербіи и приняты въ число государственныхъ бароновъ Угріи. За уступленныя Угріи укрѣпленныя мѣста (Бѣл-

*) Czoczernig (Hauffler), Ethnographie II, 152.

***) Szalay, A magyarországi szerb telepek viszonyai az államhoz — юридическія отношенія сербскихъ поселеній въ Угріи. Пешт. 1861, стр. 5.

***) Ethnographie. II. 153.

градъ, Маховъ, Соколъ, Смедерево, Голубецъ и др. всѣхъ 17) получили Бранковичъ и его наслѣдники многіе имѣнія и замки въ Угрии, какъ то: Славнамень, Вилагошь, Токай, Мукачево, Бече, Кульпинъ, Большую Квиниду (Echenida), Бечкерекъ, Арачь (Арака) и др. и домъ въ Будимѣ (pro descensu et hospitio.) *).

Въ этихъ владѣніяхъ сербскаго деспота, которые лежали, большею частію, въ южной Угрии, гдѣ народонаселеніе, вслѣдствіе частыхъ вторженій турокъ, чуть не на десятую долю уменьшилось, поселилось большее число Сербовъ; преимущественно со времени полного подчиненія Сербіи Туркамъ, и деспотъ получивъ въ Угрии свое постоянное мѣстопробываніе. Тогда построили сербскіе переселенцы Янополь (нын. Bogos Jenö) въ Арадскомъ комитатѣ, гдѣ они, послѣ паденія Смедерева (1438), получили освѣдость и особую привиллегію отъ короля Владислава I. **).

Подъ предводительствомъ Степана Бранковича, сына Юрія Бранковича, также прибыли многочисленныя Сербы въ Сръмъ и въ тогдашніе комитаты Кевскій и Горомскій (нын. южныя части Тортальяскаго и Темещкаго комитатовъ). Эти переселенія постоянно продолжались. Угорскіе короли покровительствовали имъ; это видно изъ того, что сербскимъ переселенцамъ были предоставлены терпимость ихъ церковныхъ обрядовъ, освобожденіе отъ казенныхъ пошлинъ и скидка казенныхъ доходовъ (при размытіи денегъ), рядомъ съ другими правами и вольностями ***).

Цѣнили въ этихъ сербскихъ переселенцахъ преимущественно ихъ способность къ военной службѣ; такъ составили напр. сръмскіе Сербы ядро знаменитаго войска короля Матвѣя (Корвина), такъ наз. „черный легионъ“. ****)

*) Szafay, Geschichte von Ungarn 2 изд. (помадьярски), т. II. 386—387. Къ значительны были эти имѣнія, видно изъ того, что деспотъ изъ нихъ получалъ годового дохода 50,000 дукатовъ. По „Regestrum Sigismundi imper. et reg. Hungariae“ у Ковачича Supplem. ad vestigia comitorum, I, p. 374, деспотъ Сербіи долженъ былъ поставить 8,000 конницы въ лагерь при Озорѣ (Баранскій комитатъ). Законъ 1498 установилъ его banderium въ 1000 гусаръ; по 1507 долженъ былъ онъ еще содержать пограничныя укрѣпленія. Жалованья изъ государственной казны получалъ онъ 3.600 фл. деньгами и 1,200 фл. солью.

**) Ethnographie, II, 154.

***) Schwicker, Geschichte des Temeser Banats, 98.

****) Ethnographie, II, 154.

Значительное сербское переселение послѣдовало въ 1481 году подъ предводительствомъ достославнаго героя Павла Князя—Kipizyu, (котораго Сербы, подъ именемъ „князя Павла“ причисляютъ къ своимъ), который въ союзѣ съ сербскими деспотомъ Вукомъ Бранковичемъ (внукъ Юрія I Бранковича) предпринялъ набѣгъ на старшую турецкую Сербію и оттуда, говорятъ, привелъ съ собою больше 50,000 душъ, которые были поселены отчасти въ Сръмъ, отчасти въ Банатъ.*)

Римско-Католическое духовенство съ неудовольствіемъ смотрѣло на это значительное увеличеніе Сербовъ, которые всѣ принадлежали къ греческой церкви и обложило ихъ требованіемъ церковной десятины. Этотъ умыселъ предумотрѣли 3 и 4 §§ закона 1481 года.

Такъ говорится: Райцы (rasciani) и другіе схизматики этого рода должны быть свободны отъ взноса десятины; поэтому вицегешпаны не должны ни ихъ, ни другихъ къ тому понуждать. Тѣ хрістіане, которые живутъ совместно съ схизматическими, не должны за это подвергаться церковному запрещенію. Если хрістіане съ Райцами заключили договоръ по найму, то они ко взносу десятины съ отшедшей къ нимъ части (грунта) обязаны; но Райцы однако отъ нея свободны. Отъ этой десятины должны Райцы быть потому свободными, чтобы больше ихъ сюда перебѣгало изъ турецкаго государства.“

Эту волю отъ взноса десятины для Сербовъ и „другихъ схизматиковъ“, („Rasciani, Walachi et alii Schismatici in terris Christianorum“) при король Владиславъ II законъ 1495 вторично подтвердилъ; ибо католическіе прелаты часто нарушали предписанія закона 1481 года. Новый законъ мотивируетъ освобожденіе отъ духовной десятины не только тѣмъ, что эта десятина мѣняетъ быть требуема только отъ „вѣрныхъ Христу“, а не отъ „схизматиковъ“; но онъ прямо поясняетъ, что это освобожденіе для „схизматиковъ“ и тогда имѣетъ силу, „когда они живутъ среди римско-католиковъ“. **)

*) Szalay, Szerb telepek. p. 8.—*Столяковичъ*, Ueber die staatsrechtlichen Verhältnisse der Serben in der Wojwodina. (Темешваръ, 1860), стр. 8.

**) Ср. Kurzer Bericht von der Beschaffenheit der zerstreuten zahlreichen illyrischen Nation in k. k. Erblanden. (Издатель этой книжки австрійскій министръ баронъ Ф. *Бартенштейнъ*. Ср. Arneth, Johann Christoph Bartenstein und seine Zeit in Archiv für oesterreichische Geschichte т. 46 стр. 1 и Schwicker, Zur Geschichte der kirchlichen Union in der croatischen Militar-

Несмотря на эти повторительныя и ясныя постановленія закона, угорское духовенство не желало препрятить свои домогательства; и Колошскій архіепископъ, Паведаъ Varday, съумѣлъ довести до того, что слабый король Владиславъ поручилъ графу Темеша, Іосіѳу Сош'у, высылать съ Сербовъ въ Нижней Угрии духовную десятину на Колошскаго архіепископа. И когда изъ за этого сербскій деспотъ, Иванъ Бранковичъ, вѣнесь жалобу, Varday ему отвѣтилъ: „Ты врагъ; мы требовали *нашей церкви, принадлежащую* десятину, какъ отъ тебя, такъ и отъ другихъ, и дѣлаемъ это теперь тоже. Мы не дозволимъ, насколько то въ нашей власти, ни тебѣ, ни другимъ грабить или нарушать права нашей церкви. Такъ-какъ самъ Богъ поставилъ это государство *христианскимъ*, а не „схизматическимъ;“ та, навѣрно, не въ твоей власти—„сдѣлать Сербію изъ него.“*).

Изъ этого документа, видно, какая великая пражда существовала между католиками и „схизматиками“ въ Угрии; даже самые законы отказывали Сербамъ и „другимъ схизматикамъ“ въ христианскомъ имени и противопоставляли ихъ „христианамъ.“ Исповѣдники греческой церкви оставались вообще тамъ только въ покоѣ, гдѣ они жили въ-селошную; это было преимущественно въ Сръмѣ. Здѣсь находимъ мы также мѣсто образованія *сербской іерархіи* въ Угрии, которая имѣетъ важное значеніе не только въ церковномъ, но и въ національномъ отношеніи.

Первымъ сербскимъ епископомъ въ Угрии былъ Максимъ, прежде называвшійся деспотомъ Юріемъ Бранковичемъ, въ 1499 г. вступившій въ монахи, и впоследствии посвященный митрополитомъ изъ Софіи въ греческіе епископы для Сръма. На синодѣ въ Ардшидѣ выбрали его въ митрополиты Балахин; но, такъ-какъ съ нимъ валашскій воевода Миква (Михайль) неблагоклонно обращался, онъ вернулся назадъ въ Сръмъ, гдѣ устроилъ свое мѣстопребываніе (1509) въ Крушедольскомъ монастырѣ, построенномъ имъ и его родственниками, здѣсь же и умеръ (18 янв. 1526) **).

grenze, ib. 52, 2 половина, стр. 275, особенно стр. 312 сл.). Сочиненіе Барташейна было назначено для назиданія наследнаго принца (потомъ имп. Іосафа II) и появилось въ 1802 (Фрф. и Лейпц.). Съ текстомъ ср. стр. 6—7, 9.

*) Szalay, Szerb. telepek, 35.

***) Szuplovics, Slivon ер. II. 185 Feszler, Geschichte der Ungarn, (1 изд., т. 5. 595. Czoernig, Ethnographie, II. 156.

Но сербская иерархія не могла безостановочно развиваться. Постепенно ближе и грознее наступающая опасность отъ Турокъ гнула, конечно, Сербовъ изъ ихъ отечества въ Угрю, гдѣ они принимали дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ «наслѣдственнаго врага христіанства»; также ратоборствовали они на сторонѣ Угрии въ кровавой битвѣ при Могачѣ (1526) *) и затруднили обратный походъ султану Сулейману тоже сербскіе войны подъ начальствомъ Радовича **). Но объ упроченіи этнографическаго и церковнаго состоянія Сербскаго племени, при только что устраненномъ искомомъ господствѣ Турокъ, и рѣчи не могло быть въ собственной Угрии.

Напротивъ встрѣчаемъ мы у Сербовъ въ Славоніи интересное политическое и церковное развитіе, которому мы здѣсь уже потому должны посвятить некоторое вниманіе, что результаты этого развитія отчасти удерживаются и до сей поры.

Тогдашняя «Славонія» означаетъ собственно область бывшей «Хроація». Эта полоса земли, особенно подвержена была нападеніямъ Турокъ. Съ 1463 г. турецкія шайки расходились повсюду изъ Босніи, грабили, опустошали и дѣлали безлюдными пограничныя страны ***). Чтобы обезпечить это пограничье и пограничную страну отъ опасныхъ разбойничьихъ и веровскихъ турецкихъ шаекъ, была устроена, какъ сильное орудіе защиты — *Confines* (Военная Граница). Отдѣляясь отъ ближайшей обрисовки зарожденія этого учрежденія ****), замѣтимъ только, что великая заслуга Габсбургскаго правленія — не только во всевозможномъ охраненіи отъ опустошительныхъ турецкихъ нападений, но также въ употребленіи на пользу, благодаря устройству Военной Границы, большого числа бѣлградскихъ осюда Сербовъ и Хорватовъ, — которые вслѣдствіе безпрестанныхъ войнъ съ Турками одичали, — и въ вріученіи ихъ въ порядокъ и культуру.

*) Stojackovic, p. 9.

***) Hammer—Purgstall, Geschichte des Osmanischen Reiches. 2. Ausg., Bd. II. 56.

****) Такіе турецкіе набѣги описываются въ 1463, 1467, 1469, 1478, 1484, 1493, 1512, 1514, 1527 и 1528 гг. Czoernig. Ethnographie. II. 163.

*****) Ср. объ этомъ Hietzinger, Statistik der Militärgrenze. I. 15 сл.

Жители Военной Границы получили от государей двѣ-
тый рядъ покровительственныхъ привилегій, которыя по-
стоянно привлекали больше бѣглецовъ изъ Босніи, Сербіи
турецкой Хорватіи, вслѣдствіе чего сильно обрѣдѣвшее на-
селеніе между Савою и Дравою вновь возрасло. Особая при-
вилегія состояла въ дозволеніи *свободнаго въроисповѣданія*,
ибо большинство Сербовъ и Босняковъ принадлежало къ
православной церкви; одни Хорваты были католики.

Въ Славоніи развилось потомъ впервые греко-восточ-
ное церковное устройство сербской національности на проч-
ныхъ началахъ. При Максимилианѣ II прибыли въ 1572 г.
нѣкоторые монахи изъ монастыря Хермеля („Хермля“ или
„Шермля“), лежащаго на рѣкѣ Зермайнъ близъ Бихача,
и получили позволеніе — построить монастырь въ опусто-
шенномъ тогдашнемъ Вараждинскомъ генералатѣ, близъ
горы Калинки (Кальника); послѣ того какъ они и ихъ со-
племенники прогнали сперва Турокъ и Татаръ изъ этой
страны, равно и изъ Ценича, и овладѣли „железными во-
ротами“ (проходъ на дорогѣ изъ Крижевца въ Вараждинъ).
За первыми переселенцами въ 1600 г. слѣдовали подъ вред-
водительствомъ Вуковича и Пьясонича (тоже „*Viassonovics*“)
многія тысячи сербскихъ семействъ изъ Босніи и Македо-
ніи; между ними находился и митрополитъ Гаврилъ съ боль-
шимъ числомъ (по словамъ Чапловича около 70) монаховъ.
Нѣкоторые изъ этихъ семействъ поселились по ту и дру-
гую сторону большого болота, образуемаго рѣкою Глого-
ницею, по близости отъ монастыря Марчи (тоже Мархи),
другія во многихъ имѣніяхъ Загребскаго епископа и графа
Зринскаго, чтобы ихъ обезпечить отъ нападений Турокъ.
Въ числѣ данныхъ имъ привилегій была имъ подарена въ
собственность не только отъ Турокъ отнятая область, но
рядомъ съ свободнымъ отправленіемъ ихъ религіи, имъ так-
же назначена на содержаніе ихъ епископа въ Марчѣ еже-
годная сумма въ 300 фл. *). Въ Марчѣ держался до конца
17 вѣка непрерывный рядъ сербскихъ епископовъ, и былъ
этотъ монастырь до большаго переселенія Сербовъ въ 1690
г. центральнымъ пунктомъ греко-восточной іерархіи. Съ
Марчей же связаны печальныя воспоминанія о насиліяхъ, —
которыя дѣлались въ 18 вѣкѣ въ угоду уніи греко-восточ-

*) Cf. Csaplovics, II, 29. Hietsinger, I. 25. Czoernig, Ethnographie,
II, 269.

ной церкви съ католическою, — со стороны духовной и свѣтской *).

Въ то время какъ въ Славоніи и въ соприкасающихся съ нею областяхъ сербскій элементъ, благодаря постояннымъ переселеніямъ, укрѣплялся, и въ южныхъ частяхъ Угрии сильно пускало корни сербское народонаселеніе. Уже во времени спора за престолъ между Фердинандомъ I и Иваномъ Запольскимъ (Szapolya) выдвинувшійся партизанъ „даръ Иванъ“ (szár Iván), также называемый „чернымъ человекомъ“, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 12.000 Сербовъ и его то старались привлечь на свою сторону оба претендента на корону **). За короля Ивана Запольскаго стоялъ тогда его одноплемянникъ, боснякъ Петръ Петровичъ, имѣлъ сильную поддержку отъ своихъ единоплеменниковъ и единоверцевъ въ Темешъ и Торонталъ и повелѣвая при этомъ Румынами, которые въ церковномъ отношеніи были зависимы отъ Сербовъ ***). Сербы умножились вообще въ южной Угрии настолько, что одинъ современникъ середины 16 вѣка сообщаетъ, что жители Темешварской области были исключительно „Ratzen“, которые исповѣдываютъ „греческую

*) Ср. Fiedler, Beiträge zur Union der Walachen (Vlachen) in Slavonien und Syrmien. Wien. 1867.—Schwicker, Zur Geschichte der kirchlichen Union. Wien. 1874, 15—16, 18.

**) Ср. Schwicker, Geschichte der Temeser Banats, 142—143.—Szalay, Szerb telepek, 10—11.—Mailáth, Geschichte der Magyaren, IV. 11—12.—Stojaszkovics, стр. 10. дѣлаетъ „чернаго человека“, въ качествѣ „Ивана Чернолица“, седьмымъ сербскимъ деспотомъ въ Угрии. Это воззрѣніе не выдерживаетъ критики. О партизанѣ, между прочимъ, еще сравните интересныя сообщенія придворнаго капеллана короля Іоанна (Szapolya), Георгія изъ Сръма (Georgius Syrmienensis epistolae de perdicione regni Hungarorum), Пешта, 1860. Извѣщеніе отсюда въ „Budapesti Szemle“ (Будапештское обозрѣніе) 1860, т. X, 180, 182. Также Buchholtz „Geschichte Ferdinand I. т. III, стр. 219 и хроникъ Heinrich Ostérmaier' а у Kemény, Deutsche Fundgruben der siebenbürgischen Geschichte, I. 11—13, содержатъ интересныя данныя о возстаніи этого сербскаго партизана. См. также „Les Serbes de Hongrie“ (Прага и Паризъ 1873) стр. 48—50.

***) Szalay, Szerb telepek, 11.

или павлову вѣру“ и „свою церковную службу соблюдаютъ строго и твердо; молятся и постятся долго и много.. *).

Эти Сербы (и Румыны) имѣли также своихъ епископовъ, о которыхъ впрочемъ до насъ дошло лишь мало свѣдѣній. Какъ мѣстопробываніе сербскаго епископа можно указать съ достовѣрностью Ienopolis (Янополь, нын. Воголенъ въ Арадскомъ комитатѣ). Равнымъ образомъ знаемъ мы объ одной сербской епископской резиденціи въ Темешварѣ:

О епископѣ въ Янопольѣ есть у насъ извѣстіе отъ 1594 г., когда Темешскіе Сербы (и Румыны) вступили въ сношенія съ седмиградскимъ княземъ Сигизмундомъ Баторіемъ и подняли кровавое возстаніе противъ турецкаго господства. Во главѣ возставшихъ стоялъ владыка (епископъ) *Todorъ* (Теодоръ), вѣроятно епископъ изъ Янополя, который послѣ неудачъ сербо-румынскаго возстанія бѣжалъ въ Седмиградію къ Баторію и былъ имъ дружественно принятъ. Баторій назначилъ бѣглецамъ мѣстопробываніе въ Карсбургъ и Тевишъ. **).

О Темешварскомъ сербскомъ епископатѣ получаемъ мы свѣдѣнія по случаю вторичнаго завоеванія этого мѣста австрійскими войсками, подъ предводительствомъ принца Евгенія Савойскаго. Именно во время осады сербскій (sajzische) епископъ Владиславевичъ. (Janicius) и тогдашній сербскій судья, Никола Мунча, пробрались изъ осажденной крѣпости въ лагерь принца и привесли ему свѣдѣнія о по-

*). Ср. докладъ королевскаго придворнаго чиновника отъ 1551 г. въ Monumenta Hungariae historica. Diplomataria, II, 258—259 (Пешть 1858). Эти данныя о преобладающей сербскомъ населеніи Темешскаго графства подтверждаются и другими документами 1551 г. ibi 276—278. Также густо жили Сербы въ Торонтальскомъ комитатѣ, который съ конца 16 вѣка и до первой половины прошедшаго столѣтія на обиденномъ языкѣ назывался Rascien (Rascia). Szepnig. II, 161.

**). Szalay, Szerb telepek, 15.—Szalay, утверждаетъ при этомъ случаѣ, что этотъ Теодоръ былъ „первый греко-восточный епископъ въ Седмиградіи“. Это утвержденіе такъ же неѣрно, какъ то, съ которымъ выступаетъ сочиненіе „Les Serbes de Hongrie“ стр. 56, что тотъ же Теодоръ „основалъ въ Германштатѣ сербское епископство, которое мал-по-малу распространило власть свою и на весь румынскій клиръ“.

ложени Темешвара *). Этому присоединенію къ австрійскому дѣлу слѣдуетъ, конечно, приписать, что не только осада Темешвара имѣла благоприятный ходъ, но въ документѣ о сдачѣ крѣпости постановлено было о свободномъ уходѣ Сербовъ и Румынъ со всѣмъ имуществомъ или о правѣ пребыванія ихъ въ городѣ, ставшемъ австрійскимъ **). Янопольское епископство было позже перенесено въ Арадъ; сербское епископство въ Темешварѣ осталось тамъ-же до нашихъ дней.

Всѣ прежнія поселенія и переселенія сербскаго народа были превзойдены по числу и значенію тѣмъ переселеніемъ, которое совершилось въ 1690 г. при исполнѣ необыкновенныхъ условій и съ значительными результатами. Необходимо предшествовавшія и совмѣстныя этому переселенію событія передать нѣскольکو подробно.

Осенью 1689 года австрійское побѣдовосное оружіе покорило Сербію, Боснію, Румелию и Герцеговину до Балканскаго хребта, и часть австрійскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Пикколомини, перезимовала въ Албаніи и Македоніи. Турція, казалось, погибла, тѣмъ болѣе, что всѣ ея христіанскіе подданные не только снабжали жизненными припасами наступающія австрійскія войска, но предлагали всеобщее возстаніе и присоединеніе къ австрійскимъ войскамъ. Во главѣ этихъ христіанъ стоялъ сербскій архіепископъ *Арсеній Черноевичъ* (также „*Szerpovicsz*“), патріархъ изъ Печа (Ипека), на р. Вистрицѣ.

Уже предшественникъ Арсенія Черноевича, патріархъ Максимъ, доказавъ, что онъ примкнулъ къ австрійскимъ интересамъ; онъ, во главѣ сербскаго народа, въ 1663 г., въ церкви въ Адрианополѣ, объявилъ деспотомъ *Юрія Бранковича*, брата румынскаго епископа въ Седжидградѣ; тотъ въ это время начальствовалъ Сербами противъ Турокъ и также со стороны австрійскаго правительства находилъ поддержку и покровительство ***). Патріархъ Арсеній Черноевичъ слѣдовалъ политикѣ своего предшественника въ еще болѣе рѣшительной формѣ. Преимущественно сосредоточивались соплеменники вокругъ Юрія Бранковича, который принялъ

*) Preyer, Monographie der königlichen Freistadt Temeswar, 56.

**) Agapiti, Prinz Eugen v. Savoyen, II, 106.

***) О Юрія Бранковичѣ и его братѣ *Маврополитѣ Савѣ* изъ Карлоубура въ Семиградѣ ср. Szalay, Szerb telepek, 16—19 и Les Serbes de Hon-

титулъ „наслѣдственнаго деспота Сербіи, Босніи, Мизіи, Эракіи, Болгаріи и Сръма“ и пользовался такимъ большимъ вліяніемъ на Сербовъ, что разбудилъ противъ себя подозрѣніе тогдашняго австрійскаго оберкоменданта, маркграфа *Людвига Баденскаго*. Послѣдній заманилъ его, по порученію императора, ласкою и взялъ при этомъ въ плѣнъ. Въ относящемся сюда донесеніи маркграфъ обвиняетъ деспота, что онъ пренебрегаетъ императорскимъ дипломомъ и, подъ прикрытіемъ его, хочетъ насильственно, какъ наслѣдній государь, встудить во владѣніе вышеназванными землями. Войско деспота состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ воиновъ *), которые теперь повиновались преимущественно распоряженіямъ патріарха. Безъ сомнѣнія, маркграфъ Людвигъ Баденскій былъ не особенно обрадованъ присоединеніемъ нестройныхъ народныхъ массъ; онъ рѣшилъ вообще еще въ началѣ 1690 г. обратный походъ австрійскихъ войскъ изъ этихъ отдаленныхъ областей за Дунаемъ и Савой, и полагалъ, что нужно, прежде этихъ диковинныхъ завоеваній, раньше попробовать вновь завоевать Темешваръ и Великовараждинъ. Но его совѣты не находили поддержки, тѣмъ болѣе, что не только преемникъ Пикколомини, австрійскій генераль *Ветерани*, высказался за продолженіе похода по турецкимъ областямъ, но именно даже руководящіе австрійскіе государственные люди, королевско-чешскій верховный канцлеръ *графъ Ульрихъ Кунскій* и австрійскій гофканцлеръ *графъ Штрадтманъ* преслѣдовали идею „преимущественно съ Угрією соприкасающіяся и прежде къ этому королевству принадлежавшія провинціи, равно какъ и другихъ, подъ турецкимъ господствомъ находящихся христіанскихъ обитателей—увѣщевать трогательными, хорошо-составленными, 6 апрѣля 1690 г. изданными и публично, печатью, оповѣщенными пригласительными посланіями, чтобы они могли поднять оружіе противъ наслѣдственнаго врага христіанскаго имени и т. обр. освободиться отъ его господства и съ имп. войсками соединиться“ **).

grie, 61 сл. Последнее пользуется также, безъ сомнѣнія, донинѣ не вполне выясненными судьбами Юрія Бранковича, для горячихъ нападокъ на австрійскій домъ, на вѣденье и мажаръ.

*) Ср. Röder, Des Markgrafen Ludwig von Baden Feldzüge wider die Türken. Karlsruhe. 1842, II, 76, 78, 176.

***) Ср. Bartenstein, 14—15.

Въ этомъ воззваніи Леопольдъ I общаетъ „всѣмъ народамъ во всей Албаніи, Сербіи, Мизіи, Волгаріи, Иллиріи, Македоніи и Радціи,“ если они послѣдуютъ его призыву, прежде всего религіозную свободу и свободный выборъ ихъ воеводъ, сохраненіе привиллегій и правъ, и освобожденіе ото всѣхъ общественныхъ налоговъ и податей (за исключеніемъ тѣхъ, которыя они обыкновенно платили королямъ и господамъ своихъ до турецкаго вторженія); лишь въ военное время должны они, для собственнаго блага и защиты, по мѣрѣ силъ своихъ, способствовать поддержкѣ военнаго дѣла. Но по изгнаніи Турокъ все должно быть приведено въ соответственный порядокъ, согласно желанію и къ удовольствію народовъ. При этомъ общаетъ императоръ вторично свободу религіи, выборъ воеводъ, защиту привиллегій; далѣе каждый долженъ пользоваться покровительствомъ закона и владѣть, какъ своей свободной собственностью тѣмъ, что онъ приобрѣлъ въ землѣ Турокъ, движимаго или недвижимаго *).

Отдѣльное императорское посланіе, отъ того же числа (6 апрѣля 1690 г.), отправлено сербскому патриарху, *Арсенію Черноевичу*, которому императоръ прежде всего выражаетъ удовольствіе свое за то, что онъ шелъ рука объ руку съ генераломъ Пякколомини. Того же ждалъ императоръ и въ будущемъ отъ вѣрности и энергіи патриарха, при чемъ монархъ еще особенно выражаетъ надежду, что архіепископъ съ его значеніемъ, которымъ пользуется у тѣхъ народовъ, именно у „Албанцевъ и Райцозъ,“ будетъ сильно способствовать тому, чтобы сбросить турецкое иго, подъ которымъ христіане понынѣ жалкимъ образомъ гибнутъ. Пусть народы соединятся съ имп. оружіемъ и т. обр. повсемѣстно уничтожатъ и искоренятъ турецкую тиранію. Леопольдъ I обнадеживаетъ при этомъ патриарха своею имп. и кор. милостію, которую при удобномъ случаѣ докажетъ самымъ дѣломъ **).

Этотъ случай представился ранѣе, чѣмъ ожидали монархъ и его совѣтники. Походъ 1690 г. имѣлъ позорный исходъ: со стороны австрійскихъ войскъ не только не дѣялось въ Турціи никакихъ дальнѣйшихъ завоеваній, но даже завоеванное ранѣе, даже крѣпости Смедерво и Бѣлградъ были вновь потеряны. При такихъ обстоятельствахъ указанный

* См. текстъ воззванія у Uzoentig'a, Ethnographie, II, стр. 69—70.

** Ibid. стр. 68.

имп. воззванія и письма не сопровождалось никакими цѣнными результатами.

Изъ греко-восточныхъ христіанъ въ Турціи присоединились къ имп. войску преимущественно *Сербы* со своимъ патріархомъ Черноевичемъ; но это присоединеніе не могло сдѣлать никакой задержки побѣдному движению, дѣятельнаго государственнаго челоука, визиря и турецкаго главнокомандующаго, *Кѣпримъ Мустафа*. Для Сербовъ, слѣдовавшихъ за австрійскими войсками въ этомъ злополучномъ походѣ, онъ имѣлъ еще и дальнѣйшіе результаты: эти *христіане потеряли свою родину*. Какимъ образомъ обходились Турки съ тѣми изъ своихъ христіанскихъ подданныхъ, которые присоединились къ австрійскимъ войскамъ, это Сербы могли видѣть на участи тѣхъ, которая постигла плѣнныхъ Албанцевъ въ 1689 г. вмѣстѣ плѣненными Нѣмцамъ и Мадьярамъ Турки дали свободный пропускъ, Албанцы, какъ вѣроломные подданные, были изрублены *).

На этомъ основаніи Сербы послали уже прежде, подъ предводительствомъ патріарха Черноевича, своихъ женъ и дѣтей со всѣмъ движимымъ имуществомъ къ границамъ Угрии. Уже мѣсяць спустя послѣ выступленія великаго визиря изъ Константинополя (18 мая 1690 г.) видимъ мы сербскихъ бѣглецовъ въ Бѣлградѣ, гдѣ они 18 іюня держали собраніе и посылали въ Вѣну къ имп. Леопольду I епископа Янопольскаго, *Исаію Дьяковича*, съ прошеніемъ отъ „общины греческихъ Райцевъ.“ Въ этомъ прошеніи просили Сербы при своемъ переходѣ на австрійскую почву о свободѣ религіи, объ употребленіи стараго (юліанскаго) календаря, о продолженіи свободнаго выбора архіепископа чрезъ духовные и свѣтскіе чины, о правѣ свободной власти архіепископа надъ всѣми церквами греческаго исповѣданія и о другихъ церковныхъ правахъ и вольностяхъ **).

Леопольдъ I, желавшій поощрить преданность Сербовъ австрійскому дѣлу и осуществить данное имъ обѣщаніе защиты, далъ имъ 21 августа 1690 г. торжественную привилегію, въ которой обѣщала имъ просимые ими пункты въ прошеніи отъ 18 іюня, и эти обѣщанія повторилъ съ убѣждающею опредѣленностію два дня спустя въ пожалованной грамотѣ сербскимъ нотаблямъ *Павлу, Антону и Якову Бранковичу*, при

*) Hammer—Purgstall, Geschichte des osmanischen Reiches. III. 839.

**) Czoernig, III (прилож. 93 с.р.) „Regesten zur Geschichte der Serben“.

чемъ въ особенности выставлены были неограниченныя духовныя права архіепископа *).

Эти императорскія грамоты не застали уже Сербовъ по ту сторону Дуная и Савы; ибо шагъ за шагомъ слѣдовали пораженія австрійскихъ войскъ: 8 сентября палъ Нишъ (Нисса), затѣмъ Смедерево и 27 сентября явились турецкія осадныя войска предъ Бѣлградомъ. Сербскіе бѣглецы вслѣдствіе этого увидѣли себя вынужденными перейти угорскую границу.

Это былъ *цѣлый народъ*, который вступилъ теперь на почву Угріи; 36.000, по другимъ 37.000—40.000 семействъ Сербовъ **), подъ предводительствомъ патріарха со всеми своими туземными воеводами и кнезами, прибыли сюда и были поселены отчасти въ Военной Границѣ, отчасти внутри страны, именно въ крѣпостяхъ и городахъ. Такъ прибыли отдѣльныя части этихъ сербскихъ бѣглецовъ въ Арадъ, Сегединъ, Пять-Церквей (Фююкирхенъ), Могачъ, Стольный Бѣлградъ (Штульвейсенбургъ), Будимъ, св. Андрей, Егеръ (Эрлау), Вел. Варадинъ (Гросвардейнъ), Остригомъ (Гранъ), Коморнъ, Раабъ и др. мѣста ***).

Бѣглецы проживали частію въ шатрахъ внѣ названныхъ городовъ.

Уже это обстоятельство указываетъ на то, что поселеніе сербскихъ эмигрантовъ должно было быть лишь *временное*. Въ этомъ смыслѣ сказано также въ имп. охранной грамотѣ отъ 21 августа 1690 г., что вромѣ императора верховное управленіе сербскимъ народомъ принадлежитъ одному архіепископу; ибо на бѣглецовъ смотрѣли какъ на временныхъ *юстей*, у которыхъ внутренній порядокъ долженъ быть сохраненъ, по ихъ туземнымъ законамъ и обычаямъ, посредствомъ ихъ духовнаго главы. Равнымъ образомъ времен-

*) Ibid. 93—94.

**) Stojascowics, стр. 14. счтаетъ число переселившихся Сербовъ въ 500.000 душъ, при чемъ онъ ссылается на то, что Сербы еще и теперь живутъ общинами, въ нѣсколько дворовъ, при чемъ семьи доходятъ до 15—20 душъ. Но мы сомнѣваемся, можетъ ли быть допущено обратное заключеніе по вышнему состоянію къ отношеніямъ того времени.—Комбинація въ книгѣ „Les Serbes de Hongrie“ (р. 75), что въ 1690 г. съ патріархомъ Черноовичемъ лишь „малое число сербскихъ фамилій“ переселилось, большинство же Сербовъ прибыло въ Угрію въ 1694 г., не основано ни на какихъ прочныхъ данныхъ.

***) Ср. Századok („Столѣтія“) Пештъ, 1868, стр. 537.

ность этой остановки Сербовъ въ Угрии подтверждается указомъ угорской дворцовой канцелярии отъ 11 декабря 1690 г., въ которомъ рекомендовалось сословіямъ, городамъ, общинамъ и отдѣльнымъ лицамъ—оставить за Сербами и защищать „остановившихся“ въ разныхъ мѣстахъ страны Сербовъ греческаго исповѣданія въ имъ данныхъ правахъ и привилегіяхъ. Но такъ какъ муниципій и общины страны по причинѣ расходовъ на содержаніе, которыми „гости“ удовлетворялись *) , много разъ были недовольны; то императоръ возобновилъ на прошенія сербскаго патриарха отъ 11 апрѣля 1691 г. данныя Сербамъ привилегіи, при чемъ на отдѣльную просьбу архіепископа онъ присоединилъ важную фразу: „Мы будемъ по возможности стремиться, чтобы, при посредствѣ нашего побѣдоноснаго оружія *достославный сербскій народъ въ ея прежнія владѣнія какъ можно скорѣе возвратитъ.*“ Кроме того императоръ соизволялъ въ томъ же декретѣ, чтобы Сербы подъ собственнымъ управленіемъ (*eigenen Magistrate*) остались; дадѣе, чтобы наслѣдство Сербъ, умершаго безъ потомства, поступало бы къ архіепископу и на церковь; что архіепископство наслѣдуетъ архіепископу и прочимъ епископамъ, и наконецъ, что все вообще Сербы должны зависѣть въ „церковныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ“ отъ своего архіепископа, какъ верховнаго духовнаго главы. (Въ подлинникѣ: *Denique, ut omnes ab Archi—Episcopo, tamquam capite suo Ecclesiastico, tam in spiritalibus quam saecularibus dependeant, clementissime volumus et jubemus* **).

Это послѣднее объясненіе указа отъ 11 декабря 1691 г. даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ доказательство къ тому, что австрійское правительство видѣло въ Сербяхъ, пришедшихъ съ архіепископомъ Черноевичемъ отдѣльный „государственный“ народъ, какъ поясняетъ объ этихъ Сербяхъ также позднѣйшій австрійскій государственный человѣкъ, баронъ фонъ Бартемштейнъ, въ своей памятной запискѣ, назначенной для изданія будущему императору Іосифу II ***): „Не къ тому слѣдовало стремиться, чтобы изгнанныхъ бѣглецовъ прини-

*) Указъ Вѣнскаго придворнаго военнаго совѣта отъ 11 марта 1691 г. предядетъ, что Сербы, какъ не подчиненные комитатскимъ судамъ, такъ должны быть изъяты отъ поставки зиннаго фуража (для арміи). Czoernig, III, 2, стр. 91.

**) Текстъ привилегіи см. у Csaplovics, Slavonien, II, 30—34. Ср. кроме того Szalay, стр. 34 и Czoernig, 94.

***) Ср. выше прим.

мать или имъ уступать какія-нибудь незаселенныя мѣста, но чтобы поселить вполне осѣдлыхъ и зажиточныхъ людей, которые отправили бы свою религію безъ препятствій, чтобы они съ опасностью потерять жизнь, имущество и состояние, изъ-подъ турецкой власти перешли подъ здѣшнюю*. Поэтому этихъ Сербовъ съ самаго начала обозначали, какъ „народъ“ съ своими отдѣльными духовными и свѣтскими „чинами“, который сюда перешелъ „per modum pacti“ путемъ договора*). Что все таки ихъ пребываніе здѣсь рассматривалось какъ временное, вытекаетъ уже изъ того обстоятельства, что иначе невозможно, чтобы архіепископъ назначенъ былъ и „свѣтскимъ“ верховнымъ главою надъ Сербамъ, освобожденными отъ всякой другой подсудности въ странѣ. Мы увидимъ, какъ впоследствии старались постепенно отобразить назадъ эти уступки, которыя составили дѣйствительно „status in statu“.

Между тѣмъ жалобы муниципальныхъ властей на сербскихъ „гостей“ не прекращались**), поэтому въ вѣнскомъ придворномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было, — переселить разсѣянно живущихъ Сербовъ въ Бачку, опустѣлую и ставшую безлюдною вслѣдствіе турецкихъ опустошеній. Для этой цѣли патриархъ архіепископъ Черноевичъ и сербскій вице-воевода, Иванъ Моластерли***), песною 1694 г. были призваны въ Вѣну и послѣ новаго совѣта обоимъ названнымъ лицамъ выданъ былъ 11 мая 1694 г. указъ верх. воен. совѣта, въ которомъ „ясное, безусловное распоряженіе Его имп. кор. Величества доводилось до ихъ свѣдѣній, въ томъ смыслѣ, что Сербскій народъ, какъ въ интересъ Угрии такъ и самихъ Сербовъ, долженъ переселиться въ лежащую между Дунаемъ и Тиссою и ему законнымъ образомъ передаваемую полосу земли“; и при томъ это переселеніе должно быть совершенно „тотчасъ“ и безъ „замедленія“. Генераль-кригсратъ и генераль отъ кавалеріи, графъ Донатъ Гейслеръ фонъ Гейдерсгеймъ

*) Ср. подлинникъ сербской привилегіи 21 августа 1690 в Bartenstein, стр. 35. Все таки не можетъ это „per modum pacti“ значить то, что Сербы и послѣ ихъ окончательнаго поселенія въ Угрію и на будущее время должны будутъ составлять „status in statu“.

**) Czoernig, 94—95.

***) Моластерли былъ выбранъ „сербскимъ обществомъ“ въ вице-воеводу и императорскимъ указомъ отъ 11 апрѣля 1691 г. утверждёнъ въ сказанномъ званіи. Czoernig, 76.

былъ назначенъ императорскимъ комиссаромъ по переселенію Сербовъ *).

Придв. воен. совѣтъ надѣялся, что Сербы встрѣтятъ тѣмъ радостнѣе переселеніе и примуть его, что предложенная имъ страна всюду плодородна и обширна, такъ что въ отношеніи житія, какъ и сельскаго хозяйства оч. удобна. Сверхъ того Сербамъ при добровольномъ переселеніи и при дальнѣйшемъ сохраненіи вѣрности еще были выставлены на видъ другія высокія льготы.

Тѣмъ не менѣе переселеніе въ Бачку пришлось не поутру Сербамъ; они просили о предоставленіи мѣстъ для поселенія въ Куманіи и въ той части Славоніи, которая называлась „малою Валахіею“ и гдѣ, какъ мы видѣли выше, многочисленное сербское народонаселеніе уже гашло новыя жилища. Бачка не могла быть оч. привлекательна и безопасна для Сербовъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе непосредственной близости съ Турками, которые владѣли еще Темешскимъ Банатомъ и крѣпостями Темешварсмъ, Петроварадиномъ и съ недавняго времени—Бѣлградомъ. Но именно этотъ пунктъ и стоялъ въ Вѣнѣ на первомъ планѣ: Сербы должны были составить оплотъ противъ Турокъ. По этому просьбы ихъ о другихъ мѣстахъ поселенія не были уважены, о чемъ верх. воен. совѣтъ отъ 31 мая 1694 г. увѣдомилъ архіепископа и вице-воеводу Монастерли, съ добавленіемъ, что „служба его величеству требуетъ немедленнаго переселенія Сербовъ въ отведенныя земли“ (т. е. въ Бачку). Было, правда, Сербамъ дозволено, чтобы они могли еще снять жатву на теперешнихъ мѣстахъ жительства; и все таки должны были снз избрать опредѣленное число выборныхъ, которые приняли бы передаваемые имъ земельные участки и могли ихъ снабдить постройками настолько, чтобы по окончаніи жатвы *все сербское населеніе* въ будущемъ октябрѣ непременно могло туда переселиться и найти тамъ удобныя жилища. Чтобы Сербовъ съ разныхъ сторонъ успокоить, было имъ вторично дано обезпеченіе, что они подчиняются только императору—королю и свободны отъ повиновенія муниципіямъ и начальству землевладѣльческому; наконецъ повторено имъ обѣщаніе, что „въ случаѣ, если въ странѣ, которую Сербы населили раньше, съ Божіею помощію миръ и безопасность будутъ водворены, они *должны быть отправлены* въ свое прежнее отечество“ **).

*) Czoernig, 82.

**) Czoernig, 83.

Такимъ образомъ были Сербы въ большомъ числѣ и сплошной массой поселены отчасти въ Бачкѣ, отчасти въ комитатахъ Чонградскомъ, Заранскомъ, Арадскомъ и Чанадскомъ, и изъ этихъ вновь населенныхъ областей, противъ Турокъ, еще властвовавшихъ по ту сторону Тиссы и Мориша, образована такъ наз. „Тисская“ и „Моришская“ Военная Граница *).

Что сами Сербы видѣли даже въ своихъ новыхъ поселеніяхъ новое временное жилище и постоянно надѣялись на возвратъ въ свое прежнее отечество—вытекаетъ изъ того обстоятельства, что они долгое время медлили строить прочные дома. Впрочемъ пребываніе ихъ въ Угрии было неудобно чрезъ постоянные споры и враждебность, которымъ они подвергались со стороны католическаго духовенства и свѣтскихъ муниципій. Католическое духовенство требовало отъ нихъ, несмотря на ихъ привилегіи и несмотря на старый угорскій законъ (см. выше), церковной десятины, а свѣтскія власти желали ихъ подчинить своей юрисдикціи. Даже осталному народу въ Угрии не могли быть пріятными сосѣдями привычныя къ боямъ и войнѣ, суровые сербскіе воины. Поступали со стороны муниципій неоднократныя жалобы на насилія Сербовъ; но и архіепископъ Черноевичъ сыпалъ ко Двору жалобу за жалобой; потому-то Леопольдъ I отъ 4 марта и въ іюнь 1695 г. вторично подтвердилъ за архіепископомъ и за Сербамъ вообще ихъ вольности, особенно же свободу отъ пошлинъ, и кромѣ того издалъ для отдѣльныхъ, Сербамъ населенныхъ, округовъ еще спеціальныя покровительственныя грамоты **).

Съ Карловицкимъ миромъ (26 января 1699) окончательно рушились надежды и планы Сербовъ на возвращеніе въ прежнее отечество, такъ-какъ мирный трактатъ оставлялъ за Турками сербскую область по ту сторону Дуная и Савы, и бѣглые Сербы не могли рисковать возвратиться въ свое старое отечество подъ иго турецкой власти. Впервые теперь должны были сами Сербы, какъ и Двѣрь, и угорское мѣст-

*) Полная организація этой Границы послѣдовала лишь позднѣе Ср. Hietzinger, I. 29 сл.

**) Такъ напр. Сербамъ въ Пештѣ-Пилишскомъ комитатѣ 11 іюля 1695 г., Будимскимъ Сербамъ 16 іюня 1698 г., Сербамъ въ Границѣ 1 іюля 1698 г., Сербамъ Срѣцкаго комитата 2 іюня 1699 г. Ср. Czoernig 95—96,

нее управление серьезно задаться мыслью, чтобы тѣмъ временемъ чрезъ переселеніе 40,000 семействъ возросшее число сербскихъ эмигрантовъ на почвѣ Угрии и сосѣднихъ съ нею областей *хорошо* устроить и сдѣлать гражданами страны.

Это была не легкая задача, и тинутся сюда относящиеся переговоры правительства съ Сербіями, равно какъ распоряженія и повелѣнія тогдашнихъ правителей почти чрезъ цѣлое столѣтіе, пока не удалось наконецъ втиснуть церковь и національность Сербовъ въ рамки государственнаго порядка Угрии. Мы не можемъ здѣсь долѣе слѣдить за этимъ интереснымъ и поучительнымъ развитіемъ, но должны ограничиться указаніемъ на главные моменты.

Сербскія привилегіи впоследствии были еще подтверждены императоромъ Іосифомъ I 7 августа и 29 сентября 1706 г., императоромъ Карломъ VI (какъ король Венгріи Карлъ III) 2 августа 1713 г. и 10 апрѣля 1715 г. и Маріей Терезіей 24 апрѣля и 18 мая 1743 г. Уже императоръ Іосифъ I прибавилъ къ подтвержденію добавку: „Мы сохраняемъ полное право—эти вольности по обстоятельствамъ времени (*pro temporum conditione*) далѣе распродранять и въ другую форму преобразовывать, лишь только это будетъ на пользу иллирскому народу“. И эта прибавка встрѣчается во всѣхъ слѣдующихъ подтвержденіяхъ сербскихъ привилегій *).

Что это не осталось пустымъ словомъ—показываетъ дальнѣйшее развитіе сербскихъ національныхъ и церковныхъ отношеній. Такъ напр. въ циркулярномъ рескриптѣ отъ января 1729 г. была уничтожена та статья привилегій, которая предоставляла архіепископу управленіе „духовными и свѣтскими“ дѣлами Сербскаго народа, съ опредѣленной мотивировкой: „Такъ-какъ это управленіе (свѣтскими дѣлами) принадлежитъ императору, какъ непосредственному государю, то архіепископу не подобаетъ вмѣшиваться во временныя (*temporalia*) дѣла. Высшее завѣдываніе духовными дѣлами остается за нимъ по прежнему“. **) Точно также въ томъ же году, въ слѣдъ за циркулярнымъ рескриптомъ отъ 7 ноября, было отнято у архіепископа право на свѣтскія выморочныя имѣнія безпотомно умершихъ Сербовъ; это отнятіе могло лишь въ 1796 г. войти въ свою силу, какъ поясняетъ высочайшій рескриптъ отъ 24 іюля, что

*) Czoernig, 100—101.

**) Czoernig, 101.

(сербской) „надія въ домогательствѣ на свѣтскія вымороченія владѣнія совершенно отпадаетъ“ *).

Утомительная процедура понадобилась также при устройствѣ управления сербскою церковью. Опредѣленіе о правахъ и кругѣ дѣйствія обѣихъ церковныхъ корпорацій, епископскаго синода и національнаго конгресса, послѣдовало впервые при Маріи Терезіи и Іосифѣ II (въ *Benignum Rescriptum Declaratorium Nationis Illyricae* отъ 16 іюля 1779 г. и въ *Systema consistoriale*, 5 апрѣля 1782 г.)

Для управления свѣтскими дѣлами Сербовъ въ 1746 г. была учреждена „*Hofdeputation in Transsyvanicis, Banaticis et Illyricis*“ (обыкновенно „Иллирская дворцовая депутація“) какъ „независимый придворный органъ“. До сихъ поръ вѣдать свѣдѣнія дѣла Сербовъ придв. воен. совѣтъ. Ибо они рассматривались до тѣхъ поръ, какъ-бы привилегированный народный элементъ, состоящий подъ властью одного лишь императора **). Сербы до конца прошлаго вѣка не были угорскими гражданами. Много разъ, пытались еще въ 1790 г., чрезъ вторичное учрежденіе закрытой въ 1779 г. „Иллирской гёдепутации“, удержать ато привилегированное положеніе Сербовъ. Тогда (въ 1790 г.) сербскій національно-церковный конгрессъ, какъ политическое *представительство* Сербскаго народа, былъ созванъ въ Темешварѣ и, казалось, что изолированность Сербовъ должна удержаться. Тутъ случилось, что сеймъ даровалъ православнымъ *права гражданства* (*jus civitatis*) въ Угріи; наравнѣ съ прочими жителями право приобретать и владѣть имѣніями, равнымъ образомъ дозволялъ занимать всѣ должностныя мѣста въ Угріи, и присоединенныхъ земляхъ съ прекращеніемъ всѣхъ запретительныхъ законовъ; оставилъ право за е. к. в. на дѣла клира, церкви, религіи — которой вполнѣ свободное отъ правленіе за ними утверждено, — „фундацій“, обученія и воспитанія юношества, не менѣе ихъ *привилегій*, не противорѣчащихъ государственному строю (*fundamentali regni constitutioni*), какъ е. в. эти права принять отъ своихъ высшихъ предковъ“

Это подлинныя слова того закона, по которому, до тѣхъ поръ въ исключительномъ положеніи находившіеся, Сербы,

(*) Cp. Schwieker, Zur Geschichte der kirchlichen Union in der croatischen Militärgrenze. (отракъ). 88.

(**) Cp. Actenmäßige Darstellung der Verhältnisse der gr. nichtunierten Hierarchy in Oesterreich. Wien. 1860. 15.

100 лѣтъ спустя послѣ переселенія и житія въ Угріи, получили гражданскія права наравнѣ съ прочими обитателями страны. Сербь были все таки этимъ мало довольны, преимущественно потому, что включеніе ихъ въ права гражданства выгодно отличало только ихъ вѣроисповѣданіе, а не національность. Тѣмъ не менѣе вслѣдствіе этого параграфа закона и настояній угорскаго сейма (*desideratum a Statibus et Ordinibus Cancellariae Illyricae Sublationem*), сербская или иллирская гофканцелярія 30 іюня 1792 г. закрыта и ея дѣла переданы въ угорскую гофканцелярію. Какъ родъ удовлетворенія за это поясняетъ § закона, что митрополитъ и епископы греческаго исповѣданія должны имѣть мѣсто и голосъ за угорскимъ магнатскимъ столомъ, и было опредѣлено далѣе, что, вмѣстѣ съ послѣдующимъ закрытіемъ иллирской гофканцелярії, нѣкоторые изъ Сербовъ, обладающіе необходимыми данными, будутъ замѣщены какъ въ угорскую гофканцелярію, такъ равно и въ королевское угорское намѣстничество.

Принципъ національности находилъ у Сербовъ постоянно плодотворную почву, и потому понятно, что въ духѣ принципа начатая агитація съ начала сороковыхъ годовъ и затѣмъ возстаніе 1848 г. нашли среди Сербскаго народа многихъ приверженцевъ и живое сочувствіе. Сербская народность тѣснѣйшимъ образомъ связана съ своимъ національнымъ церковнымъ устройствомъ и потому и въ національной борьбѣ выступала постоянно, какъ могущественный факторъ, на авансцену. Не можетъ входить въ нашу задачу—воспроизводить здѣсь событія 1848/9 годовъ; равнымъ образомъ мы должны отказаться отъ изображенія исторіи Сербскаго народа и церкви въ новѣйшія времена; одно лишь укажемъ, что этотъ церковный строй по прежнему обыкновенно связывался съ политическими мотивами и цѣлями.

Переходя къ состоянію Сербскаго народа въ настоящее время, предпошлемъ кое-что о его названіяхъ. Сами Сербь называютъ себя „Србли“. Это имя толкуется различно и является общимъ у всѣхъ Югославянъ *). Въ грамо-

*) Ср. Иречка, *Entstehen christlicher Reiche im Gebiete des heutigen oesterreichischen Kaiserstaates* (второй томъ „*Oesterreichische Geschichte für des Volk*“) 71—72 стр.—Относительно имени „Rascier, Rascien“ замѣчаетъ Rösler, *Römianische Studien* 209 стр., что имя происходитъ отъ города Раша на рѣкѣ Рашѣ и обозначеніе „raicisch“ въ первый разъ встрѣчается въ грамотѣ Стефана II Радослава 1234 года.

тахъ и параграфахъ закона Угріи называются они „Rasciani“ (Расціи): народъ называетъ ихъ „Raiczen“ (Raczen, по-мадьярски *rácz*, мн. *ráczok*). Это названіе происходитъ отъ города Рача (тоже *Racha* въ старой Сербіи, нын. Нозый-Базаръ). Въ 18 столѣтіи является въ официальномъ языкѣ вмѣсто *patio Rasciani*—*patio Illyrica*, Илирійскій народъ, и еще и теперь можно читать въ католическихъ епархіальныхъ схематизмахъ—*lingua illyrica, l. serbica*. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія д-ръ *Людевитъ Гай* составилъ планъ—соединить всѣхъ Югославянъ, какъ „Иллирировъ“, въ одну національно-политическую партію. Этотъ „Иллиризмъ“ нашелъ своихъ величайшихъ противниковъ въ національномъ самосознаніи самихъ Сербовъ и Кроатовъ.—Наконецъ выступаютъ греко-восточные Сербы въ южной Угріи и Славоніи еще подъ именемъ „Влаховъ“ (Валаховъ), и называется поэтому, какъ мы видѣли выше, позднѣйшій Вараждинскій генералатъ также „малой Валахіей“. Въ Бачкѣ называетъ католическій Сербъ (Шокаць) своего греко-восточнаго соотечественника еще и теперь „Валахомъ“ и его церковь—„Валашскою“.

Что касается устройства этой церкви Сербовъ, то оно было узаконено, какъ мы видѣли выше, 27 главою закона 1790 г. Потомъ была признана 20 главою закона 1847/8 г. автономія этихъ „неуниатскихъ Грековъ“ въ отношеніи ихъ религіозныхъ и школьныхъ дѣлъ и неизмѣнность „церковнаго конгресса, избраннаго всею религіозною партіею“, котораго члены, относительно различныхъ языковъ населенія, должны быть выбраны въ такомъ отношеніи, чтобы посылались изъ Военной Границы 25 депутатовъ, отправляемыхъ въ числѣ 25 духовнаго сословія и 50 свѣтскаго *).

„Вниманіе къ различнымъ языкамъ населенія“ имѣло свое основаніе въ томъ, что прежде подчинялись юрисдикціи греко-восточнаго епископа не только Сербы, но и Румыны.

Въ привиллегіи Леопольда I отъ 21 августа 1690 г. указаны были патріарху Черноевичу всѣ вѣрующіе греческаго исповѣданія *in tota Graecia, Rascia, Bulgaria, Dal-*

* Только при національномъ конгрессѣ 1790 г. былъ допущенъ въ видѣ исключенія призвъ 25 представителей сербскаго дворянства, такъ что конгрессъ, кромѣ епископовъ, имѣлъ 100 членовъ. Ср. *Actemässige Darstellung*, стр. 24.

matia, Bosnia, Lepopolia et Hersegowina, nec non in Hungaria et Croatia, ubi de facto existunt. Въ привилегіи 1695 г. приводятся кромѣ митрополита еще слѣдующіе семь епископовъ не-уніатовъ: епископы Янопольскій и Темешварскій, Карлштадтскій и Зринпольскій, Сегединскій, Будимскій и Стольнобългарскій, Могачскій и Сиготскій, Вершецкій, Великовараждинскій и Егерскій. Епархіи Сегединская, Стольнобългарская, Могачская и Сиготская, Вершецкая, Великовараждинская и Эгерская теперь не существуютъ болѣе; также и сербское населеніе въ нихъ или совсѣмъ исчезло, или очень сократилось въ числѣ. Янопольское епископство перенесено въ Арадъ. Распределение сербскихъ епархій послѣдовало на церковномъ соборѣ 1748 и 1769 годовъ. Дѣльнѣе дѣйствующее раздѣленіе этихъ церковныхъ епархій существуетъ съ отдѣленія Румынъ изъ союза сербскаго архіепископства и послѣдовавшаго изъ за этого устройства отдѣльной румынской митрополіи въ Германштадтѣ. Это отдѣленіе обѣихъ національныхъ церквей было установлено 9 главою закона 1868 г. и при этомъ гарантированы обѣимъ церквамъ одинакія автономныя права до веденію ихъ церковныхъ и школьныхъ дѣлъ.

Карловицкій архіепископъ, который съ 15 декабря 1848 г. носитъ титулъ „сербскаго патріарха“, управляетъ въ качествѣ „митрополита“ „греко-восточною церковью сербской національности“ во всей Угрии, и ему подчинены, въ качествѣ викарныхъ епископовъ, въ собственной Угрии: епископы *Будимскій*, *Темешварскій*, *Вершецкій* и *Новосадскій* (Bács); въ Крото-Славоніи: епископы *Пакрачкій* и *Карловецкій*.

При томъ митрополитъ управляетъ церковью не по прежнему исключительно одною своею властью, но въ духовныхъ дѣлахъ ему приданъ *Епископскій синодъ*, въ свѣтскихъ — *національно-церковный конгрессъ*.

Созывать и распускать епископскій синодъ до 1760 г. было предоставлено на волю митрополита. Въ этомъ году явился отъ 16 сентября высочайшій рескриптъ, въ которомъ предписывалось „на будущее время синоды сербскаго клира безъ высочайшаго соизволенія не держать и ждать особаго высочайшаго распоряженія по этому вопросу“*). Это распоряженіе было повторено рескриптомъ отъ 14 февраля 1763 года и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно отправлять на синодъ имп.

*) Actenmäßige Darstellung, стр. 8.

коммиссара. Постановленія объяснительной записки 1779 г. относительно епископских синодов понынѣ въ силѣ. По ней митрополитъ можетъ созывать синодъ лишь по испрошеніи предварительно высочайшаго соизволенія; принедогматическихъ синодальныхъ занятіяхъ присутствуетъ имп. коммиссаръ. Одна изъ важнѣйшихъ функцій синода состоитъ въ замѣщеніи вакантныхъ епископій по выбору присутствующихъ епископовъ; выбранный подвергается впрочемъ еще высочайшему утвержденію императора.

Национально-церковный конгрессъ состоитъ по 9 главѣ закона 1868 г., кромѣ епископовъ, которые суть „прирожденные“ члены конгресса, изъ 25 духовныхъ и 50 свѣтскихъ, т. е. всего изъ 75 выборныхъ депутатовъ, которые выбираются народомъ опредѣленнымъ избирательнымъ порядкомъ (1871 г.). Составъ и кругъ дѣйствія этого конгресса утверждены 14 мая 1875 года высочайше одобреннымъ „организаціоннымъ статутомъ греко-восточнаго сербскаго національнаго церковнаго конгресса“. Этотъ конгрессъ выбираетъ равнымъ образомъ и сербскаго патріарха, но его выборъ точно также подлежитъ высочайшему утвержденію монарха. Равнымъ образомъ присутствуетъ при конгрессѣ имп. коммиссаръ. Предсѣдательствуетъ патріархъ, вице-президента выбираетъ конгрессъ изъ среды своихъ свѣтскихъ депутатовъ. Обыкновенно собирается конгрессъ лишь каждыя три года. Между тѣмъ завѣдываетъ текущими дѣлами, какъ его отвѣтственный исполнительный органъ, „конгрессная коммиссія“. Патріархъ есть также предсѣдатель „конгрессной коммиссіи“, которая, кромѣ того, состоитъ изъ одного епископа, двухъ духовныхъ и пяти свѣтскихъ членовъ, всего изъ девяти лицъ. Все заключенія конгресса должны до введенія ихъ быть подтверждены со стороны императора.

Сербская церковь имѣетъ въ своихъ семи епархіяхъ 32 благочинія съ 627 приходами; число священниковъ 729 и 38 викарныхъ. Сербскіе монастыри прежде были многочисленнѣе; теперь ихъ — 30 (исключительно мужскіе), изъ которыхъ четыре присоединены къ ближайшимъ большимъ мужскыямъ. Число монаховъ доходило въ 1871 г. до 84 и должно быть теперь еще меньше. Сербское монашество, по видимому, стоитъ на пути принципа вымиранія. Общее имущество этихъ монастырей достигаетъ до трехъ милліоновъ гульд., (болѣе 2 мил. руб.), съ годовымъ доходомъ въ 200—250 тысячъ флор. Кромѣ того сербская національная церковь владѣетъ въ Угріи богатыми церковными и школьными

ми фондами, которыхъ наличность въ 1868 г. достигала 3.476,000 флор. Церковное, монастырское и школьное имущество Сербовъ доходить т. обр., по крайней мѣрѣ, до 5 $\frac{1}{2}$ мил. флориновъ—разумѣется сумма значительная для культурныхъ потребностей численно не оч. значительнаго племени.

Сербы живутъ въ сплошную въ Темешскомъ, Торонтальскомъ и Бачскомъ комитатахъ; затѣмъ въ Кроато-Славоніи, именно въ Срѣмскомъ комитатѣ и въ кроато-славонской Военной Границѣ. Какъ граница говора для этихъ Сербовъ идетъ линія, тянущаяся отъ границы Св.-Георгіевскаго—Пограничнаго полка и Пожегскаго комитата вдоль Дравы прямо до Шомодьскаго комитата и побережной полосы отъ Потони до границы Вараньскаго комитата. Отсюда слѣдуетъ она по Дравѣ, которой она, за исключеніемъ въ некоторыхъ выступовъ до Дравека ниже Осѣка, остается вѣрна. Отсюда тянется линія на югъ къ Дунаю, идетъ потомъ немного сѣвернѣе отъ Францова-канала на востокъ къ Тиссѣ, откуда она направляется чрезъ Мокринъ и Башагидъ до Беги Дальнѣйшую сербскую границу говора обозначаетъ Темешъ къ югу до Алибунаръ-канала подлѣ Гайдучицы; затѣмъ идетъ эта граница въ различныхъ направленіяхъ до Ватины на Моравицѣ, откуда она простирается чрезъ Велико-Средище и Вершецъ къ „Римскимъ шанцамъ“ и въ дальнѣйшемъ продолженіи къ Дунаю соответствуетъ сѣверной и восточной границѣ прежняго Иллирскаго (или Сербскаго) Ванатскаго полка *).

Въ такъ обозначенной области граничатъ Сербы съ Мадьярами, Нѣмцами, Румынами, Хорватами и Итальянцами; живутъ же не несмѣшанно на обозначенномъ пространствѣ земли, но находятся подлѣ нихъ и между ними многочисленныя этнографическія перерывы мадьярскимъ, нѣмецкимъ, румынскимъ, словацкимъ, болгарскимъ и др. народными элементами. Въ собственной Угріи живетъ всего больше Сербовъ въ комитатахъ Бачскомъ (15, 38% населенія), Торонтальскомъ (19, 45%); въ Велико-Кикиндскомъ уѣздѣ этого комитата они образуютъ абсолютное большинство (88, 9%) и въ Темешскомъ (6, 99% **). Далѣе ихъ числен-

*) Czoernig. I. 51 сл.

**) Keleti: *Hazánk és népe*—Наше отечество и его народъ. I-е изд.

ность болѣе въ частяхъ нѣмецко-и Сербско-Банатскаго граничарскаго полка и въ прежнемъ Тительскомъ баталіонѣ. Кромѣ этихъ сплошныхъ сербскихъ областей говора есть еще многіе разбросанно лежащіе сербскіе острова: въ Бараньскомъ комитатѣ (къ югу и къ востоку отъ Пяти Церквей), затѣмъ въ Тольнавскомъ, Стольнобѣлградскомъ, Шомодьскомъ и Пештянскомъ комитатахъ *).

Общее число Сербовъ полагаетъ Csaplovics **) въ 1797 году въ 676,613 душъ; Fenyes ***) даетъ цифру ихъ въ 828.365 душъ въ 834 селеніяхъ. Перепись 1859 г. нашла 979,952 Серба ****). Но въ этомъ числѣ одинаково сосчитаны римско-католическіе и православные Сербы. По официальномъ счету Сербскаго національно-церковнаго конгресса 1870 года, число греко-восточныхъ Сербовъ во всей Угріи и прилежащихъ земляхъ простирается до 942,713 душъ; если присчитать сюда около 70.000 католическихъ Сербовъ (и Буньведовъ) *****), то Сербское племя въ цѣломъ дойдетъ до 1.020,000 душъ *****)).

*) Coernig, I, 61.

**) Csaplovics, Slavonien, II, 70.

***) Fenyes, Statiztika, I. 71—72.

****) Czoernig, I. 78. Въ собственной Угріи Сербское племя наглядно все болѣе и болѣе исчезаетъ. Это доказываютъ не только почти полное исчезновеніе Сербовъ въ Эгерѣ, Стольнобѣлградѣ, Сегединѣ, Кечкеметѣ и постоянное уменьшеніе ихъ въ Пештѣ, Будимѣ и др. округахъ; но также статистическія данныя относительно населенныхъ Сербами мѣстъ вообще. На это вполне надежная книга „Les Serbes de Hongrie“ сообщаетъ на 363 стр., что въ комитатахъ Угріи число Сербовъ въ 1797 г. было 314,332, въ 1847 г. едва достигло 415,579 душъ; но это число въ 1867 г. понизилось до 413,262. Все таки смѣшно, когда помянутая тенденціозная книга ставитъ въ упрекъ этотъ регрессъ въ Сербскомъ народонаселеніи „гегемоніи Мадырь“. Въ тѣхъ частяхъ Угріи, гдѣ Сербы живутъ наиболѣе, Мадыры никоимъ образомъ не составляютъ большинства населенія: въ Велико-Кикиндскомъ у. (Сербовъ 88,9%, Мадырь 6,64%) въ Торонтальскомъ (Сербовъ 19,45%, Мадырь 17,58%), Бацкомъ (Сербовъ 15 38%, Мадырь 41,95%), Темешскомъ (Сербовъ 6,9%, Мадырь 7%). Причинъ такого регресса слѣдуетъ искать въ самомъ Сербскомъ народѣ. Это пронциательные люди изъ средъ самихъ Сербовъ тоже признали и указали.

*****) Les Serbes de Hongrie 368—369.

*****) Schwicker, Statistik des Königreichs Ungarn, 153 и Les Serbes de Hongrie, 369—370.

Сербы въ духовномъ отношеніи значительнѣйшая югославянская народная единица. Храбрые, полные самаго выкаго національнаго чувства, они чрезъ это нерѣдко исключительны, относительно другихъ племенъ круты и несправедливы. Для собственной національности они готовы на великія жертвы: это доказываютъ ихъ богатые фонды и учрежденія для цѣлей церкви и школы. Такъ у нихъ среди всѣхъ Югославянъ литература получила самый ранній и блестящій полетъ. Сербы богаты фантазіей; ихъ народная поэзія содержитъ драгоцѣнныя перлы, особенно съ любовью обрабатывается національная героическая пѣсня. Сербы имѣютъ прошедшее, но съ печальнымъ концомъ. Потому поютъ и сѣтуютъ сербскія пѣсни на самыя трогательныя мотивы объ упадкѣ своего царства и народа. Это странствующее народное пѣснотворчество, которое прославляетъ героевъ народа, держится здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ искусство народныхъ разсказчиковъ, которые передаютъ внимающему народу древнія саги и сказки, и такимъ образомъ бодро и живо поддерживаютъ въ немъ національное сознаніе, національную гордость и ненависть противъ „наслѣдственнаго врага“ (противъ Турокъ).

Значительнѣйшее литературное учрежденіе у угорскихъ Сербовъ „*Матица Србска*“ (Сербская Пчела), основанная въ 1826 г., но официально признанная лишь въ 1836 году. До 1864 г. мѣстопробываніемъ этого общества былъ Пештъ; съ этого же года переселилось оно съ высочайшаго разрѣшенія въ Новый Садъ (Нейзатцъ), гдѣ и теперь находится. Оно владѣетъ имуществомъ во 105.000 фл. Кроме того съ 1860 г. существуетъ „Общество Сербскаго народнаго театра“ въ Ново-Садѣ, и городъ этотъ вообще есть духовный центръ Сербщины въ Угріи.

Сербская литература считаетъ въ Угріи многочисленныхъ представителей. Угорскій Сербъ, *Обрадовичъ*, былъ писатель, возвысившій сербское нарѣчіе до высоты литературнаго языка и освободившій послѣднее отъ путъ церковно-славянскаго языка. Это сербское нарѣчіе нынѣ служитъ также литературнымъ языкомъ Хорватамъ; которые при этомъ употребляютъ латинскій алфавитъ, тогда какъ греко-восточныя Сербы упорно держатся кириллицы.

Досицей (Димитрій) *Обрадовичъ* родился въ 1739 г. въ Чаковѣ въ Темешскомъ Банатѣ. Отецъ его былъ спорникъ; онъ рано умеръ, и Димитрій перешелъ на житье къ одному родственнику, который, несмотря на то, что мальчикъ обнаруживалъ большія способности и любознательность, отдалъ

его въ ученіе къ одному одьяльщику въ Темешварѣ. Когда онъ здѣсь наслушался разсказовъ о сръмскихъ монастыряхъ, имъ овладѣло такое стремленіе къ этому „убѣжищу знанія“, что онъ тайно бѣжалъ и былъ принятъ въ качествѣ „ѡака“ (ученика) въ Оповскій монастырь. Обрадовичу было въ то время 14 лѣтъ отъ роду. Онъ изучалъ всѣ наличныя книги и рукописи съ большимъ усердіемъ, и велъ жизнь столь строго аскетическую, что настоятель монастыря (игуменъ) долженъ былъ сдѣлать ему строгія внушенія. Постриженный въ диаконы въ Карловцы, онъ остался еще нѣкоторое время въ Оповѣ; бѣжалъ впрочемъ потомъ въ Загребъ, гдѣ занялся изученіемъ латинской грамматики. Отсюда впервые перешелъ онъ въ Далмацію, гдѣ былъ три года учителемъ, и оттуда въ Каттаро. Здѣсь принялъ онъ священническій санъ. Возвратясь въ Далмацію, перевелъ онъ бесѣды на дѣянія Апостоловъ съ церковно-славянскаго на сербскій яз. Это былъ *первый* удачный опытъ—сдѣлать сербскій языкъ книжнымъ. Обрадовичъ началъ тогда свою странническую жизнь. Сначала увлекла его жажда къ знанію на юру Аеонъ, оттуда въ Смирну, гдѣ онъ три года учился. Черезъ Корфу пришелъ онъ въ Албанію, Венецію, Далмацію, Триестъ и Вѣну. Здѣсь остался онъ шесть лѣтъ. Отсюда предпринялъ онъ второе путешествіе на Востокъ, прибывъ черезъ Константинополь въ Молдавію, затѣмъ черезъ Львовъ въ Лейпцигъ и Галле. Здѣсь нашло его стремленіе къ знанію богатую пищу. Въ 1783 г. появилась въ Лейпцигѣ и понынѣ читаемая многими книга: „Жизнь и судьбы Дмитрія Обрадовича, въ монастырѣ названнаго Досіеоемъ, имъ самимъ написанная и изданная.“ За нею слѣдовала „Совѣтъ разума.“ Обрадовичъ хлопоталъ о просвѣщеніи своего народа: вмѣсто многихъ монастырей должно-де лучше учреждать учебныя заведенія и т. д. Изъ Германіи Обрадовичъ перебрался во Францію и въ Англію. Возвратясь оттуда, онъ нѣкоторое время провелъ въ Вѣнѣ, отправился въ Лифляндію, затѣмъ опять видимъ его въ Вѣнѣ; потомъ въ Венеціи, Карловцахъ и Бѣлградѣ, гдѣ назначенный въ сенаторы и главные школьныя наблюдатели, окончилъ въ 1809 г. свою многоподвижническую жизнь. Обрадовичъ для своей націи—человѣкъ великаго значенія: сербская литература начинается съ него. Его сочиненія до нынѣ весьма распространены среди Сербскаго народа и будутъ долго еще находить читателей *).

*) Wurzbach, Biogr. Lexikon, Bd. 20, 5. 466.

Кромѣ Обрадовича дѣйствовали еще на поприщѣ сербскаго языка и литературы: *Лукіанъ Мушицкій*, епископъ Баршгѣдскій, даровитый лирическій поэтъ; *Милованъ Видиковичъ* († 1841), очень любимый сочинитель повѣстей и романовъ; *Григорій Дерлаичъ*, народный писатель и др. „Исторія Славянскихъ народовъ“ *И. Раича* (1726—1801)—донынѣ неперечисляемый источникъ для исторіи Югославянъ.

Отъ греко-восточныхъ Сербовъ различаются по вѣроисповѣданію католическіе, называемые *Шокцами* или *Буньевцами* *), и встрѣчаются разбросанно въ комитатахъ Верѣцкомъ, Пожежкомъ, Срѣмскомъ, Бачскомъ, Темешскомъ, Бараньскомъ, Стольно-бѣлградскомъ и Пештянскомъ—въ отдѣльныхъ селеніяхъ. Вслѣдствіе религіозной общности съ Мадырами, Нѣмцами, Словаками и пр. примкнули эти Шокцы или Буньевцы къ этимъ своимъ несербскимъ единовѣрцамъ гораздо легче; доказательство, какую защиту для своей народности находятъ греко-восточные Сербы въ своей національной церкви. Общее число этихъ католическихъ Сербовъ едва достигаетъ 70.000 душъ **).

Е. Хорваты.

Исторія *Хорватовъ* распадается на три отдѣла. Ихъ *праисторія* продолжается отъ 636 до 1091 года, когда угорскій король Ладиславъ I соединилъ съ Угріею область между Дравой и Савой, и учредилъ Загребское епископство, и до 1102 г., когда король Коломанъ приобрѣлъ для Угріи

*) Караджичъ предлагаетъ для слова „Шваецъ“ происхожденіе отъ итальянскаго „scioeso“ —слабій (ибо они могли оставить старую вѣру)? Ср. Les Serbes de Hongrie, 368.—Другое производство отъ *шака*, т. е. ладонь кисть руки, ибо католическіе Сербы дѣлаютъ крестное знаменіе за молитвой съ выпрявленной ладонью, на лобъ, грудь и оба плеча, тогда какъ греко-восточные ихъ единоплеменики—трехперстно. Ср. Schwicker, Geschichte der Temeser Banata, 374.—Для этимологіи слова *Буньевецъ* Les Serbes de Hongrie (368—369) представляетъ словопроизводство отъ сербскаго *бунак*—соръ, вслѣдъ драги, или отъ *бунитар*—бранное слово на вера.

Скорѣе отъ рѣки Буны въ Босніи, впад. въ Вардаръ.

**) Fényes считаетъ этихъ Шокцевъ въ 661 селѣ 429.268 душъ, что очевидно невѣрно и происходитъ отъ того, что онъ, по видимому, также хоруталскія и хорватскія общины въ западной Угріи сюда же причисляетъ.

Приморье или Далмацию. Отсюда слѣдовалъ періодъ *совмѣстной хорватско-угорской исторіи* отъ 1091 г., точнѣе отъ 1102 г. до 1848 г., слѣд. втеченіе семисотъ лѣтъ. *Новѣйшая исторія* Хорватовъ начинается 1849 годомъ, т. е. съ того времени, когда Хорваты, вмѣсто того, чтобы вѣрять на угорскую родину, обратили свои взоры, большею частью, въ другомъ направленіи.

Угорскіе короли до Владислава II (кромѣ королей Угріи) были только королями *Далмаціи и Хорватіи*; ибо область между Савой и Дравой принадлежала непосредственно къ Угріи. Первый Владиславъ II сталъ называться, „королемъ Далмаціи и Хорватіи и Славоніи“ (rex Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae). Титулы увеличились, но владѣніе стало меньше. Еще по смыслу Зак. 1573 Загребъ былъ столицей Славоніи; вскорѣ затѣмъ комитаты Аграмскій, Вараждинскій и Крижевецкій обозначала Хорватія, которой провинціальный сеймъ посылалъ на угорскій сословный сеймъ двоихъ депутатовъ, въ палату магнатовъ—одного; другіе три комитата; (Vegöcse) Веровитицкій, Срѣмскій и Пожегскій отправляли на угорскій государственннй сеймъ тоже по два депутата, наравнѣ со всеми прочими комитатами Угріи.

„Одинъ Богъ знаетъ, зачѣмъ“ *), выступили событія 1848 и 1849 годовъ. Вслѣдствіе ихъ загребскій епископъ въ 1853 г. былъ возведенъ въ архіепископы, и ему были подчинены римско-католическіе епископы Діаковаро-Срѣмскій и Сеньско-Модрушскій, и православный Крижевецкій. Черезъ это прервана церковная связь между Угріей и Хорватіей. Съ тѣхъ поръ Загребъ выступилъ въ качествѣ духовнаго центра Югославіи. Въ 1867 г. была учреждена „Югославянская Академія Наукъ“, которая издала многочисленныя и основательныя сочиненія, а въ 1874 г. прежняя юридическая академія, обращена въ университетъ, чтобы такимъ образомъ освободить научное образованіе не только отъ мадыарскаго вліянія, которое между прочимъ оч. мало замѣчается въ Загребѣ, но гораздо больше отъ вліянія Нѣмцевъ, котораго сильно опасаются. Одинъ французскій писатель характеризуетъ хорватское настоящее и будущее слѣдующимъ образомъ:—Загребъ—естъ идеальная столица (равнымъ образомъ мнимаго) югославянскаго государства, которое составитъ на берегахъ Адріатики изъ Далмаціи,

*) Слова Франца Дсака въ статьѣ: „Циркулярное посланіе Загребскаго комитата в уніа“ въ „Pesti Naplo“ 1861.

Хорватии и Славонии; Загребъ есть центръ противодѣйствія Нѣмцамъ, Итальянцамъ и Мадьярамъ. Главы „Омладинъ“*) находятся, — съ тѣхъ поръ какъ въ Землинѣ выродились они въ коммунистовъ — въ Загребѣ, Прагѣ и Бѣлградѣ; все-таки лозунги идутъ изъ Загреба и понимаются вездѣ; гдѣ только есть ихъ книготорговцы, отъ Праги до Дуная. Президентъ Академiи Наукъ въ Загребѣ выразился кратко: „между Сербами, Хорватами, Словенцами и Болгарами нѣтъ теперь ни горь, ни рѣкъ. На основѣ того языка, которымъ говорятъ миллионы отъ береговъ Адриатики до устьевъ Дуная, мы создали общую литературу. Цѣль этой духовной борьбы есть — Триединое королевство и Сербiя. Это — настоящее и будущее Югославянъ“ **).

Превосходный славянскiй ученый Шафарикъ раздѣлялъ литературу Югославянъ въ своей „Geschichte der südslavischen Literatur“, изданной др. Юсифомъ Иречкомъ въ Прагѣ (1864—65), на три части: 1) на славянскую или глагольскую; 2) на иллирскую и хорватскую и 3) на сербскую литературу. Трудъ Шафарика доходитъ только до 1830 года, но упоминаетъ уже *Людвигъ Гай*, род. въ 1809 г. въ Крапинѣ и прошедшемъ въ 1829—31 гл. курсъ юриспруденци въ Пештѣ, гдѣ онъ былъ въ сношенiяхъ съ *Яномъ Колларомъ*. Въ Загребѣ Гай началъ потомъ „*Иллирское движенiе*“, цѣль котораго состояла въ созданiи самостоятельнаго литературнаго языка. Что сдѣлали Штуръ и Гаттала для Словачковъ, то сдѣлалъ уже раньше ихъ Гай для Югославянъ.

Число Хорватовъ по народной переписи 1880 г. было:

въ Угрии	120,092
„ Хорвато-Славонiи	537,880
„ Военной Границѣ	540,992
всего	1,198,964 души.

По численiю Келети въ Хорвато-Славонiи 954,451, въ Военной Границѣ 1,206,206; всего 2,160,717 Сербо-Хорватовъ. Фиккеръ ***) насчитываетъ Югославянъ:

въ Угрии	600,000
„ Семиградiи	1,000
„ Хорвато-Славонiи	908,000
„ Военной Границѣ	932,000
всего	2,441,000 душъ.

*) *Омладини* (молодежь) составила собственно „младо-сербскiй“ союзъ съ политико-національными тенденціями.

**) Revue des deux Mondes. 1876 I. Мартъ: La Bosnie et l'Herzégovine

отъ ***) Ficker, die Völkerstämme der österr.—ung. Monarchie, стр. 90.

Гунфальви *) полагаетъ для всей Угрии число Сербовъ и Хорватовъ 2.380,709 душъ, или 15.6% общаго числа; среднее число обозначаетъ количество этихъ Югославянъ въ 2.380,985 или 15.5% населения. Отсчитавъ отсюда 1.020,000 Сербовъ, останется Хорватовъ 1.260,600 душъ или около 8% всего населения Угорскаго королевства **).

Л. Хорутане-Словенцы. ***)

Хорутане или Словенцы живутъ въ жезъзничномъ и въ другихъ комитатахъ по ту сторону Дуная; особенно многочисленны они въ селахъ Тарани, Гаромфъ, Агаревъ и Аратъ Велико-Атадскаго округа въ Шомодьскомъ комитатѣ. Въ Велико-Атадѣ самою и въ соединенныхъ съ ними общинахъ Генечъ и Бодвицъ они уже мадьяризованы. Общее число незначительно: при счетѣ народонаселенія не обращаютъ на нихъ особаго вниманія, но причисляютъ ихъ, гдѣ они еще встрѣчаются, къ Хорватамъ. Ихъ относительное число въ цѣломъ по ту сторону Дуная, по Фидкеру, достигаетъ едва 2.49% тамошняго населенія.

Славяне въ Угрии суть римскіе католики (Словаки, Хорваты, Шокцы или Буньевцы, Болгары, Хорутане), евангелики Аугсбургскаго исповѣданія (Словаки, Хорваты или Хорутане), греко-католики — униаты (Русины, Сербы въ Крижевецкой епархіи, именно въ „Зихельбургскомъ округѣ“ ****), наконецъ православные (собственно Сербы или Райцы.)

Пер. Н. П. З-цкий.

*) Ср. Dr. Joh. Hunfalvy, „A magyar-osztrák monarchia rövid statisztikája — краткая статистика австро-венг. монархіи, Будапештъ. 1874, стр. 27.

**) Schwicker, Statistik, 153.

***) У Гунфальви — Винды или Венды. Пер.

****) Ср. о церковной судьбѣ „Зихельбургскаго округа“ соот. Schwicker'a: zur Geschichte der kirchlichen Union. in der croatischen Militärgrenze. Wien. 1874.

Славянскія учено-литературныя извѣстія за 1877 г.

а. Чешскій отдѣлъ.

Исторія и вспомогательныя науки

1) *Bartošova kronika Pražská* отъ 1524 до 1530 г. *Пр.* № 24, VIII и 376 стр. ц. 1 г. 50 кр.

2) *Cestopisná Bibliotéka*. В. VII. Проводникъ по Берношамъ. *Пр.* 139 и 80 стр. ц. 1 г. и 60 кр.

3) *Novočeská bibliotéka*. В. XXI. Фр. Л. Челяковскаго: Čtení o počátcích dějin vzdělanosti a literatury národův slovan-
ských, *Пр.* № 230 стр. ц. 2 г.

4) *Borový*, Martin Medek, arcibiskup Pražský. Историко-критическое описаніе религиозныхъ отношеній въ Чехіи отъ 1581 до 1590 г. *Пр.* № VI и 220 стр. ц. 1 г. 20 кр.

5) *Čermák*, Premonstráti v Cechách a na Moravě. *Пр.* № 573 стр. ц. 2. 50 кр.

6) *Dudík* V. Dějiny Moravy. *Пр.* Т. III. (отъ 1125 до 1173). № 295 стр. ц. 2 г. и т. IV. до 1197 г. 335 стр. 2 г. 20 кр.

7) *Epistolý Svobody*. *Пр.* Вып. 12. Турецкія жестокости въ Болгаріи (32 стр.) 13 Политическія условія народной партіи въ Моравіи (30 стр.) 14. Обь Османской имперіи (32 стр.) 15. Злодѣяніе 2 декабря (32 стр.) ц. по 10 кр. за вып.

8) *Česko-americká domácí bibliotéka*. Т. III. Ч. I. Иерархія и аристократія или вліяніе Іезуитовъ на частную и общественную жизнь. *Чикаго*. 214 стр. ц. 40 с.

9) *Gindely*, Dějiny českého povstání léta 1618. *Пр.* Т. II. (336 стр.) ц. 2 г. 80 кр.

10) *Horak*, Topografický popis okrugovъ Крапоградскаго, Горицкаго и Неханицкаго. *Кр. Гр.* 146 стр. 8°.

11) *Hurban*, Viliam Pauliny-Tóth a jeho doba. Биографія и характеристика. *Т. С. М.* 82 стр. 12°.

12) *Hyroš Zámok* Luskava a jeho páni. *Т. С. М.* 8° 552 стр. ц. 3 г. 20 кр.

13) *Kačirek*, Statistické a topografické vypsání panství Vorlíka. *Пр.* 64 стр.

14) *Klecanský*, Jezovité. *Пр.* 55 стр. ц. 20 кр.

15) *Kod'ousek*, Monografie Doudleb nad Orlicí. Стр. 178. *Кр. Гр.* 8°.

15 a) Učebna kniha statistiki říše Rakousko—Uherské
Пр. 8° 176 стр. ц. 92 кр.

16) *Malý*, Vlastenecký slovník historický 962 стр. Пр. 8°
ц. 6 г. 24 кр.

17) *Malice lidu*. Годъ XII. Вып. 5 и 6. Vyravování dějin
domácích. Отъ Премысла Отакара II 1197 г. до 1306 г. (320
стр.) Ц. за 6 вып. 1 г.

18) *Mayerhofer*, Ilustrovaná kronika války východní. Co
100 рис. 4°. (224 стр.) Пр. 2 г. 50 кр.

18 a) *Mezník*, Politika Moravanův v roce 1848. Пр. 8°.
51 стр. ц. 25 кр.

19) *Miltner*, Kašpar Zděnek hrabě Karlíř svobodný pán
ze Sulevic, защитникъ Вѣны противъ Турокъ въ 1683 г. Пр.
8°. 39 стр. 40 кр.

20) *Navrátil*, Paměti kostela Panny Marie... цнн. боль-
ницы на Карловой горѣ въ Нов. городѣ Пражскомъ. Съ 16
рис. и многими грамотами. Пр. 8° (XII и 259 стр.) ц. 2 г.

20 a) О нынѣjší politické situaci národa českého. Пр. 8°.
34 стр. ц. 30 кр.

21) *Palacký Fr.* Dějiny národa českého. ч. I. в. II. (отъ
1125 до 1253) 518 стр. 8°. ц. 2 г. 70 кр. Ч. II. в. 1 и 2. до
1403 г. (стр. 523+437) ц. 5 г. 40. Ч. III. В. 1, 2 и 3. до
1439 г. (стр. 442+402+322) ц. 7. г. 30 кр. Ч. IV. до 1457.
(492 стр.) ц. 2 г. 70 кр.

22) *Pauliny-Tóth*, Slovenské bájeslovie. I. Т. С. М. 8°.
109 стр. 1 г.

23) Pozůstatky desk zemských království Českého r. 1541
pohořelých. Ч. II в. 4. Reliquiae tabularum terrae regni Bo-
hemiae anno 1541 igne consumptarum. Подъ ред. Эллера Пр.
(424 стр.)

24. Прамесау dějin českých, изд. по почину Палацкаго.
Ч. II. Козмы лѣтопись Чешская съ продолжателями. Ред.
Эллера. Пер. Томка. Fontes Regum Bohemicarum. 4°. Пр.
Стр. 570. ц. 4 г. 80 кр.

25) *Prašek*, Dějiny města Turnova nad Jizerou v Bole-
slavě 8°. Стр. 96. ц. 30 кр.

26) *Prašek*, Dějiny mocnářství rakouského. Ч. I. Разви-
тие австрийскихъ земель до смерти Максимилиана I. Пр. 8°.
110 стр. ц. 70 кр.

27) *Rerek*, Zvolení a korunování Ferdinanda Iza krále Če-
ského (1526 и 1527). Оттискъ изъ „Ч. Ч. М.“ 1876—77. Пр.
8°. 128 стр. ц. 1 г. 20 кр.

28) *Rüffer*, Válka rusko-turecká. 23 вып. Пр. 366 стр.
4°. ц. 20 кр. за вып.

- 29) *Oně-že, Válka slovansko-turecká.* 25 вып. Пр. 400 стр. ц. 20 кр. вып
- 30) *Sasinek, Dejiny kral'ovstva uhorského.* T. C. M. 8°. 408 стр. ц. 1 г.
- 31) *Sedláček, Jak se měnily a ustály meze Čech a Rakous Dolních.*
- 32) *Oně-že. Příbenice.* 8°. Tab. 34 стр. 15 кр.
- 33) *Sněmy české od léta 1526 až po naši dobu.* Изд. кор. зем. Архива. Вып. I. 4°. Пр. 645 стр. ц. 6 г.
- 34) *Studnička, Karel Bedřich Gauss.* Къ столѣтнему юбилею его, Съ портр. Пр. 8°. 52 стр. ц. 64 кр.
- 35) *Valečka, Nikolaj Alexejevič Kirjejev.* Съ портр. Пла. 8°. 8 стр.
- 36) *Weinbrenner, Morava a biskupství brněnské.* Брио 8°. 86 стр. ц. 80 кр.
- 37) *Veselský, Průvodce po Kutné Hoře.* 8°. K. T. 96 стр. ц. 1 г.
- 38) *Zap a Kořan, Česko-Moravská kronika.* Вып. 54—57. Пр. 4°. (стр. 721—1040) по 74 кр. за вып.
- 39) *Zukał, Zápiscky Opravských Dominikánův.* Он. 8°. 36 стр.

Лыкознаніе

- 40) *Brus jazyka českého,* составленный комиссіей, учрежденной собраніемъ Чешской Матицы. Пр. 8°. 198 стр. ц. 1 г. 36 кр.
- 41) *Gebauer, Hláskosloví jazyka českého.* Пр. 8°. 166 стр. ц. 1 г. 20 кр.
- 42) *Hattala, Brus jazyka českého.* Къ исторіи просвѣщенія вообще, а славянскаго и чешскаго въ особенности. Пр. 8°. 304 стр. ц. 1 г. 80 кр.
- 43) *Památky staré literatury české, I—III.* Пр. 8°. I. Nová Rada. ред. Gebauer. 175 стр. ц. 1 г. 20 кр. II. Rýmovaná kronika česká tak řečeného Dalimila, ред. Ios. Пречка. 208 стр. ц. 1 г. 40 кр. III. Staročeské divadelní hry, ред. Ios. Пречка. 168 стр. ц. 1 г.
- 44) *Prasek, Čeština v Opravsku.* Истр.—грам. послѣдованіе. Олм. 8°. 31 стр.
- 45) *Prušik, Příspěvky k nauce o tvoření kmenův v sлавянщинѣ и въ особенности въ чешскомъ нарѣчїи.* Пр. 8°. 41 стр. ц. 30 кр.
- 46) *Oně-že. Studie o dativě.* Пр. 8°. 13 стр. ц. 20 кр.
- 47) *Váňa, Chrestomatie ruského jazyka.* Пр. 8°. 146 стр. ц. 1 г. 20 кр.

Исторія литературы:

- 48) *Almanach*, въ честь 70-лѣтняго юбилея Ах. В. Шенберы, изд. Академ. обществомъ въ Вѣнѣ. Съ портр. Вѣна. 12°. 214 стр. ц. 1 г. 30 кр.
- 49) *Blažek*, Spůsobové básnictví a jejíoh literatura/ Введение въ исторію литературы. Пр. 8°. Стр. 225.
- 50) *Krásnohorská*, Obyraz povejšiho básnictví českého. Опытъ характеристики поэтическаго искусства за послѣднюю четверть вѣка. Оттискъ изъ „Ч. Ч. М.“ Пр. 40 стр. ц. 20 кр.
- 51) *Národní pohádky a pověsti*, изд. „коммиссией“ общества „Славія“ Пр. 12°. I. 1. 138 стр. ц. 65 кр. и II. 2. 147 стр. ц. 60 кр.
- 52) *Slovanská poezije*, составилъ *Vymagal*. II вып.: Польская и лужицко-сербская поэзія. Врно. 8°. (стр. 177—256) ц. 70 кр.
- 53) *Vztek*, Rukověť české literatury a básnictví. Пр. 8°. 73 стр. 50 кр.
- 54) *Karel Havlíček a ultramontani*. Пр. 8°. 24 стр. ц. 15 кр.

Журналистика:

- 1) *Album Slovanských listův* — *Ицмъ*. 2) *Amerikan*. Чикаго; 2 дод. 50 цент. 3) *Archiv matematiki a fysiky*. Пр. 4 г. 4) *Bazar*. 2 раза въ м. ц. 4 г. 5) *Beseda učitel'ska*. ежемед. г. IX. Пр. ц. 3 г. 6) *Blahověst*. г. XXVII. 3 р. въ м. ц. 3 г. 7) *Brousek*. 6 р. въ нед. г. IV. Пр. ц. 9 г. 8) *Budivoj*. г. XIII. Буд. 2 р. въ н. ц. 6 г. 9) *Budoucnost*. IV. Пр. 2 р. въ м. ц. 1 г. 68 кр. 10) *Cecilie*. IV. Пр. 1 р. въ м. ц. 2 г. 11) *Evanjelický církevník*. VIII. Турн. 1 р. въ м. ц. 1 г. 30 кр. 12) *Časopis katolického duchovenstva*. XVIII. Пр. 8 р. въ годъ. ц. 3 г. 13) *Č. lékařův českých*. XVI. Пр. ежем. ц. 6 г. 14) *Č. Matice Měrauské*. IX. 4 р. въ г. ц. 2 г. 15) *Č. Musea království českého*. LI. Пр. ц. 3 г. 16) *Pražský časopis pro obuvníky*. I. 2 р. въ м-цѣ. ц. 4 г. 17) *Č. pro pěstování matematiky a fysiky*. VII. Пр. 4 р. въ г. ц. 5 г. 18) *Čech*. IX. Пр. 5 р. въ н. ц. 10 г. 8 кр. 19) *Cernakňazník*. II. T. G. M. ежем. ц. 2 г. 20) *Deníček novověku*. I. ежем. Клевеландъ (Огю). 2 дод. 50 ц. 21) *Pražský deník*. XII. ежедн. ц. 3 г. 22) *Dotčenost*. II Пард. ц. 1 г. 23) *Drak*. ежем. Код. ц. 1 г. 24) *Drůběžník*. I. ежем. ц. 1 г. 25) *Duch času*. Ил. Чик. (Ил.) 2 д. 50 ц. 26) *Háj*. VI. Пр. ежем. ц. 5 г. 27) *Hlas*. V. 3

- дол. 28) *Hlas. Noviny pro lid.* XXIX. Брно. 2 р. въ н. ц. 4 г.
- 29) *Česko-bratrský hlas.* VII. Пр. 2 р. въ м-ць. ц. 2 г. 30) *Hlas jednoty svobodomyšlných.* V. 2 р. въ м-ць. Пр. ц. 2 г. 31) *Národní hlasník.* X. T. C. M. ежем. ц. 1 г. 32) *Hlasý ze Si-ona.* XVII. Пард. 2 р. въ м-ць. ц. 3 г. 33) *Horový.* Еже-нед. VII. Прибр. 3 г. 60 кр. 34) *Hospodář.* ежем. VII. Пр. ц. 4 г. 40 кр. 35) *Český Jih.* Ежем. VI. Таб. ц. 4 г. 36) *Kazatel' IV.* Голицъ. ежем. ц. 4 г. 37) *Posvátná Kazatelna.* XIV. Олм. ц. 4 г. 38) *Koleda.* II. Олм. 3 р. въ м-ць. ц. 3 г. 20 кр. 39) *Komenský.* II. Пр. ежем. ц. 5 г. 20 кр. 40) *Ko-ruňa Česká VI.* Бол. 2 р. въ н. ц. 7 г. 41) *Kvas.* V. Пр. 2 р. въ м. ц. 6 г. 42) *Slovenský letopis pre historiu, topografiu, ar-chaeologiu a ethnografiu.* II. 4 вып. въ г. ц. 3 г. 43) *Českoslo- vanský hospodarský list.* Хруд. III. 2 р. въ м-ць. ц. 2 г. 60 кр. 44) *Uřední list.* I. Пр. 45) *Uřední list Pražských novin.* 46) *České zahraničné listy.* Ил. I. Дрвд. 2 р. въ м-ць. 4 м. 50 пр. 47) *Dělnické listy.* Ежем. III. Клев. (Огю). ц. 2 дол. 48) *To-ské.* Пр. I. 2 р. въ м-ць. ц. 1 г. 49) *Listy filologické a paed-agogické.* III. Пр. 4 р. въ г. ц. 3 г. 50 кр. 50) *Humoristické listy.* XIX. ежем. ц. 5 г. 51) *Listy chemické.* ц. 5 г. 52) *Mi- sionářské listy.* VI. ежем. ц. 20 кр. 53) *Národní listy.* ежедн. Пр. 14 г. 40 кр. 54) *New-Jorské listy.* Ежедн. I. Нью-Йоркъ. 7 дол. 20 ц. 55) *Přezenské listy.* 2 р. въ н. Пыз. ц. 7 г. 20 кр. 56) *Listy průmyslové.* III. Пр. 2 р. въ м-ць. ц. 4 г. 57) *Slo- vanské listy.* 2 р. въ м-ць. Ичиць. ц. 6 г. 58) *Těsnopisné listy.* XV. ежем. ц. 2 г. 59) *Učitelské listy.* XI. Брно. ежем. ц. 4 г. 40 кр. 60) *Včelařské listy.* I. Пр. ежем. ц. 1 г. 50 кр. 61) *Listy zahradnické.* Ил. Пр. ежем. ц. 3 г. 62) *Ženské listy.* V. Пр. ежем. ц. 1 г. 80 кр. 63) *Pražský Lloyd.* XI. Пр. 2 р. въ н. ц. 7 г. 20 кр. 64) *Ludmila.* II. Бдв. ц. 1 г. 65) *Lumír.* V. Пр. 3 р. въ м-ць. ц. 6 г. 66) *Lyra Moravská.* I. Трб. 2 р. въ м-ць. ц. 4 г. 50 кр. 67) *Mělničan.* VII. 2 р. въ м-ць. Млн. ц. 4 г. 68) *Method.* III. Пр. 1 р. въ м-ць. ц. 2 г. 69) *Moravan.* IX. ежедн. ц. 6 г. 60 кр. 70) *Naši mládeži.* IV. ц. 2 г. 80 кр. 71) *Nášinec.* IX. Олм. 3 р. въ н. ц. 8 г. 72) *Ka- tolické noviny.* VIII. Трн. 2 р. въ м-ць. ц. 1 г. 73) *Kolnské noviny.* 2 р. въ н. ц. 6 г. 90 кр. 74) *Narodnie noviny.* VIII. T. C. M. 3 р. въ н. ц. 12 г. 75) *Občan.* VIII. Брно. 2 р. въ н. ц. 6 г. 76) *Svobodný občan.* VI. ежем. ц. 5 г. 77) *Česko- moravský obyvnlk.* I. 2 р. въ м-ць. ц. 4 г. 78) *Ohzor.* Уг. Снад. 3 р. въ м-ць. ц. 3 г. 79) *Ohlas od Nežárky.* VII. Индр.

- Гр. ежен. ц. 3 г. 20 кр. 80) *Moravská Orlice*. VI. Брно. ежен. ц. 12 г. 81) *Oroł*. (ил.) VIII. Т. С. М. ежем. ц. 4 г. 82) *Osvěta*. VII. ежем. Пр. ц. 6 г. 83) *Paleček*. V. Пр. (ил.) ц. 5 г. 84) *Pzorný pivovar*. II. Пр. ежем. ц. 4 г. 85) *Podřipán*. VIII. Пр. 2 р. въ м-ць. ц. 2 г. 86) *Pokrok*. Пр. ежен. ц. 13 г. 20 кр. 87) *Pokrok záradu*. Ежен. VI. Омага Небрас. ц. 2 дол. 88) *Posel od Čerchova*. Ежен. VI. Дмжл. ц. 4 г. 89) *Posel z Budče*. Ежен. VIII. Пр. ц. 3 г. 50 кр. 90) *Posel z Prahy*. Пр. ежен. ц. 13 г. 60 кр. 91) *Posel z východních Čech*. VI. Прдб. ц. 2 г. 24 кр. 92) *Pozor*. VI. Олм. 2 р. въ н. ц. 6 г. 93) *Pravda*. II. Пр. 2 р. въ м-ць. ц. 2 г. 75 кр. 94) *Právník*. XVI. 2 р. въ м-ць. ц. 6 г. 95) *Přemysl*. II. Ичинъ. Ежем. ц. 1 г. 20 кр. 96) *Přítel dětí*. IV. Пр. ежем. ц. 50 кр. 97) *Průmyslník* IX. ежем. ц. 5 г. 98) *Pšován*. VII. 2 р. въ м-ць. ц. 4 г. 99) *Řip*. VIII. 2 р. въ м-ць. ц. 2 г. 100) *Česká rodina*. III. Пр. ежем. ц. 2 г. 101) *Ročník*. XIV. Брно. 2 р. въ м-ць. ц. 2 г. 102) *Český ročník*. Ичинъ. 3 р. въ м-ць. ц. 2 г. 103) *Satan* (юмор.). Ичинъ. 2 р. въ м-ць. ц. 2 г. 104) *Slavia*. III. Пр. 26 вып. по 25 кр. 105) *Slavia*. Ежен. XVII. Рас. (Виск.) ц. 3 дол. 106) *Slovan Americký* IX. ежен. (Iova City) ц. 3 дол. 107) *Stráž na Sionu*. V. Крбчц. 2 р. въ м-ць. ц. 2 г. 108) *Světogor*. (ил.) XI. Пр. ежен. ц. 8 г. 109) *Svornost* III. Чикаго. ежен. ц. 9 дол. 50 ц. 110) *Svornost*. Сдане. 2 р. въ н. ц. 6 г. 111) *Škola a život*. XXIII. Пр. 8 р. въ годъ. ц. 4 г. 112) *Škola Božského Srdce Páně*, ежем. XI. Брно. ц. 2 г. 113) *Evanjeličká Škola*. I. Ван. Быстрица. ц. 2 г. 114) *Školník*. Пр. 2 р. въ м-ць. ц. 2 г. 115) *Štěpnice* (ил.), 8 р. въ годъ. ц. 60 кр. 116) *Sumavan*. Ежен. X. Блатовы. ц. 4 г. 30 кр. 117) *Tábor*, ежен. XIV. Таборъ. ц. 3 г. 40 кр. 118) *Telegraf a finanční noviny*. IV. Пр. 3 р. въ м-ць. ц. 4 г. 119) *Opavský týdeník*, ежен. VIII. Опана. ц. 3 г. 80 кр. 120) *Včela Brněnská*. XI. Брно. ежем. 121) *Včela Česká* (ил.) II. Пр. 2 р. въ м-ць. ц. 4 г. 60 кр. 122) *Včela Ghru-dimská*. I. Хрудимъ. 6 р. въ годъ. ц. 50 кр. 123) *Český včelař*. Пр. XI. ежем. ц. 1 г. 50 кр. 124) *Včelstvin*. VI. Пр. 2 р. въ м-ць. ц. 2 г. 40 кр. 125) *Vesmír* (ил.) VII. Пр. 2 р. въ м-ць. ц. 6 г. 126) *Věstník bibliografický*. III. Пр. ежем. ц. 1 г. 40 кр. 127) *Věstník hospodářského spolku pardubického*. 128) *V. h. s. v okolí Hradce Králové*. IV. ежем. ц. 1 г. 129) *Hudební a divadelní věstník*. Пр. I. 3 р. въ м-ць. ц. 4 г. 130) *Chicagský věstník*. V. Чикаго. ц. 2 дол. 131) *Věstník Stansko-*

Kladenský II, Слане, 2 р. въ м-цѣ: / ц. 2 г. 132) *Čestník úřední rady zemědělské pro království Česká*. Ежем. ц. 1 г. 50 кр. 133) *Čestník vládní u těcch škol*: ц. 1 г. 134) *Vlast*. II. ч. 1 г. 20 кр. ежем. 135) *Volnost*. I. Пр. 2 р. въ м-цѣ: ц. 2 г. 75 кр. 136) *Česky východ*. I. Хрудимъ. ежем. ц. 4 г. 137) *Buděčská zahrada* (м.) IX. ежем. ц. 1 г. 60 кр. 138) *Ríšský zákonník*. Вѣна. ц. 3 г. 50 кр. 139) *Zákonník zemsk. kr. Českého*. Пр. ц. 1 г. 140) *Zasmějme se!* (юм.) Т. С. М. I. 3 р. въ м-цѣ: ц. 3 г. 20 кр. 141) *Zprávy evanjelické*. 4—6 р. въ годъ: и рѣ 1 кр. 142) *Zprávy spolku architektů a inženýrů*. XII. Пр. 4 р. въ годъ: ц. 6 г. 143) *Zprávy spolku chemiků českých*. II. 4 р. въ годъ. Пр. ц. 3 г.

6. Польскій отавль.

Исторія:

- 1) *Acta Tomisiana... Sigismundi, I... per St. Górski...* (.) IX. Poznań. 14. мар.
- 2) *Barcz. Pamiętki miasta Żółkwi. Lwów.* (247 стр.) 1 г. 50 к.
- 3) *Bartoszewicz Jul., Dzieła*, (т. I. и II, История польской литературы, 2-е изд., Крк. 400 + 376 стр. бид, на 3-й т. ц. 9 г.
- 4) *Bierzyński Rom., Symbolika historyi Wrs.* (70 стр.)
- 5) *Codex epistolaris saeculi decimi quinti. 1384—1492.* 2-й томъ. Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Изд. Крк. Ак. Н. (LXX. 158, 368 стр.)
- 6) *Dembiński H. Pamiętniki o powstaniu w Polsce r. 1830—31* Т. I. (355 стр.) и II (480) Оттискъ изъ „Czasa“ ц. 4 г. Крк.
- 7) *Długossii Historiae Polonicae libri XII* Редакция Игн. Ж. Паули. Т. IV. кн. XI, XII. Крк. 4-о. (733 стр.)
- 8) *Dzięduszycki W. Ateny.* Льв. 8-о (VII и 304.) 2 г. 60 к.
- 9) *Emigracja polska od 1831 do 1863 roku* (Гельтманна). Лпц.
- 10) *Estraicher K. Bibliografia polska XIX. stolecia.* Изд. Ак. Н. Крк. 8-о (I 160 стр.), II (161—320), III (321—480). IV (481+560) ц. по 2 г. за томъ.
- 11) *Falkowski J., Obrazy z życia kłdku ostatnich pokoleń w Polsce.* I. Пан. 8-о 344 стр. ц. 6 м.
- 12) *Feldmannowski H. Wykoralsko Pawłowickie.* Съ 8 обл. Пан. fol. 9 стр. ц. 8 м.
- 13) *Forster K. Epizod z eroki sejmcy austriackiego w Kromieyżu w roku 18 1/9.* (Къ биогр. кн. Ад. Чарторыскаго и гр. Ад. Потоцкаго). Брл. 8-о. (XV и 52 стр.) ц. 1 м. 30 ф.

- 14) *Gloger* и *Radziwiński* — *Libr.* Poszukiwania archeologiczne w powiecie Ostrogskim we wrześniu r. 1876. (Отгискъ изъ Sprawozdań komisji antropol. Ark. H.) Крк. 8-о: 4 стр.
- 15) *Glossa super epistolas per annum dominicales*, кодексъ латино—польскій XV вѣка, изд. *Вислоцкимъ*. Крк. 8-о 141 стр. ц. I г. 50 кр.
- 16) *Górski*. Conciones in maximo totius regni Poloniæ conventu apud Leopolum de republica habitæ a. d. 1537. Изд. *Kętrzyński*. Отгискъ изъ Архива ком. ист. Крк. 87 стр.
- 17) *Gozrkowski*. O rusińskiej i rosyjskiej szlachcie. Крк. 8. 220 стр. ц. I г. 30 кр.
- 18) *Онъ—же*. Przegląd kwestyj spornych o Rusi. Крк. 8-о: 135 стр. ц. I г. 20 кр.
- 19) *Hagen*. Dzieje czasów najnowszych. I. 791. стр. 8-о: Льв. ц. за оба т. 7 г. 50 кр.
- 20) *Hirszberg*. Kronika klasztoru Trzemeszyńskiego i spominiki o Łaskich. (Отгизъ III т. Mon. Pol. historica) Льв. 4-о 13 стр.
- 21) *Jablonowski*. Lustracye królewskiej ziem ruskich, Wołynia, Pódola i Ukrainy — изъ первой пол. XVII вѣка. (Зрѣдла dziejowe t. V.). Врш. 8-о С и 226 стр. ц. 3 руб.
- 22) *Онъ—же*. Rewizya zamków w ziemi Wołyńskiej w pol. XVI вѣка, (Зр. dz. t. VI) Врш. CIX, 159 и VII стр.) 8-о: ц. 3 р.
- 23) *Jarochowski*. Opowiadania i studia historyczne. Врш. 8-о 183 стр. ц. I р. 20 к.
- 24) *Jelowicki*. Moje wspomnienia. Пзн. 8-о 434 стр. ц. 7 м.
- 25) *Kętrzyński*. Katalogi biskupów krakowskich. (Отгизъ III т. Mon. Pol. hist.) Льв. 4-о 64 стр.
- 26) *Kirkor*. Badania archeologiczne 1876 roku (Отгизъ Sprawozdań antropol. Ark. H., т. I). Крк. 8-о: 32 стр.
- 27) *Kopernicki*. Kongres międzynarodowy antropologii i archeologii przedhistorycznej w Pevzie Врш. 16-о: 28 стр.
- 28) *Kościuszki* listy do Mokronowskiego i innych Изд. *Siemiński*. Льв. 8-о 234 стр. ц. 2 г. 80 кр.
- 29) *Kosiński*. Przewodnik heraldyczny, монографія многихъ знаменитыхъ фамилий, списокъ сенаторскихъ семей и пр.: 2-е изд. Крк. 16-о: 722 стр. ц. 3 г. 20 кр.
- 30) *Онъ—же*. Odpowiedź na broszurę p. t.: „Kilka słów o Prz. her.“ Крк. 13 стр.
- 31) *Онъ—же*. Amilkar Kosiński we Włoszech 1795—1803. (Материалы) Пзн. 8-о: 446 стр. ц. 12 м.
- 32) *Kossakowski*. Monografie historyczno-genealogiczne niektórychъ rodzin polskich z przypisami Juliana Bieszczynskiego. I. 4 таб. ген. изд. 2-е. Врш. 8-о: XVI и 220 стр. ц. 7 р. 50 к.
- 33) *Krasinski*. Pamiętniki od r. 1790—1831, skrócone przez dra Rentowicza. Пзн. 8-о: VIII и 285 стр. ц. 5 м.

34) *Krasuski*. Rozbrat myśli i ujemne strony naszego piśmiennictwa. Льв. 8-о. 63 стр. 70 кр.

35) *Krzyżanowski*. Katedra płocka i jej biskupi. Плц. 8-о. 189 стр. ц. 1 р.

36) *Kuliczkowski*, Zarys dziejów literatury polskiej 2-e wyd. Льв. 8-о. 2 г. 10 кр.

37) *Kunasiwicz*. Lwów w roku 1809. Отт. изъ Рух'a literackiego. Льв. 8-о. 236 стр. ц. 1 р.

38) *Leuestam*. Alexander Fredro. Врш. 8-о. ц. 50 к.

39) *Liske*. Два dyaryusze kongresu wiedeńskiego z г. 1815. (Отт. изъ I т. Архива ком. ист.). Крк. 8-о. XCIV стр.

40) *Онъ-же*. Katalogi arcybiskupów gnieźnieńskich. (Отт. изъ III т. Мор. Pol. historica). Льв. 4-о. 34 стр.

41) *Łuszczkiewicz*. Kościoła i rzeźby Duninowskie w Strzelnie na Kujawach. Z Рам. А. U. Крк. 4-о. 20 стр. и табл.

42) Listy o Galicyi do Gazety polskiej, 1875—1876. Крк. 8-о. 268 стр. I г. 50 кр.

43.) *Łukowski*. Urszulanki w Wielkopolsce. Гнзн. 8-о. 41 стр. 32 кр.

44) *Maciejowski*, Antoni Zygmunt Helcel jako prawnik historyk (Отт. изъ VI т. Sprawozdań филос. отд. Ан. Наукъ) Крк. 8-о. 206 стр.

45) *Mann*. Pamiętnik dla przyjaciół. Крк. 8-о. 28 стр.

46) *Matuszewicz* (каштеляна Брестъ—Литовскаго) pamiętniki 1714—1765. Изд. Равиński. 4 тома. Врш. 8-о. ц. 5 р. 10 к.

47) *Mickiewicz Ad*. Współdział ... w sprawie Andrzeja Towiańskiego. I. II, Врш. 8-о. 313 и 342 стр. ц. 20 фр.

48) *Morawski Ad*. Po za krajem. I. Крк. 8-о. 292 стр. ц. 2 г.

49) *Morawski Teod*. Dzieje narodu polskiego w krótkości zebrane. Изд. 2-е. III—VI т. (608+345+492+481 стр.) Пзн. 8-о. ц. 6 м. за томъ.

50) *Mosbach*. Słówko o dziełku: Amilkar Kosinski we Włoszech 1795—1803 г. Врш. 8-о. 78 стр.

51) *Moszyński*. Kronika kolegium lubieszowskiego X. X. Pijarów. Крк. 8-о. 174 стр. I г. 65 кр.

52) *Онъ-же*. Monografia kolegium i szkoły pijarskiej w Międzywodziu—Koreckim. Крк. 8-о. 98 стр. ц. 1 р.

53) *Nakęski*. Sąsiedzi narodów słowiańskich (очеркы ист. одного). Врш. 16-о. 128 стр. ц. 40 к.

54) *Nehring*. Pan Tadeusz Mickiewicza. (Отт. изъ Atenium 1877) Врш. 8-о. (225—290 стр.)

55) *Niemcewicz*. Pamiętniki (Дневникъ пребывания за границей отъ 1831 до 1841 т. II (1833—1834). Пзн. 8-о. 521 стр. ц. 10 м.

- 56) *Nówina*. Przyczyny i skutki nierządu Polski. Льв. 8-o. 64 стр. ц. 50 кр.
- 57) Powstanie polskie nad Bajkałem i sprawa kazańska. Льв. 8-o. 137 стр. ц. 60 кр.
- 58) *Oettinger*. Kilka rysów zdjętych z życia F. K. Skobla. Крк. 8-o. 16 стр. ц. 20 кр.
- 59) *Passek*. Pamiętniki 1656—1688. Льв. 8-o. 408 стр. ц. I г. 80 кр.
- 60) *Pawński*. Stefan Batory pod Gdańskiem w r. 1576 (материалы). Врш. 8-o. 360 стр. ц. 3 р.
- 61) *Онь-же*. Początek panowania w Polsce St. Batorego 1575—77. (мат.). Врш. 8-o. 292 стр. ц. 2 р. 50 к.
- 62) *Piekosiński*. Liber actorum resignationum nec non ordinationum civitatis ab a. 1300 ad a. 1375. (Отт. изъ Mon. hist. med. aevi res. g. Pol. ill. t. IV). Крк. 4-o. 247 стр.
- 63) *Poczobut*. Pamiętnik (1640—1684). Отт. изъ III. т. Biblioteki ordynacyi Krasieńskich Muz. K. Swidzińskiego. Врш. 4-o. 212. стр. ц. 3 р.
- 64) *Polkowski*. Historia majątności Łabiszyńskiej ob r. 1326—1876. Пзн. 8-o. 19 стр.
- 65) *Онь-же*. Opis starożytnych ruin na wyspie jeziora Lednickiego Гнзн. 8-o. 47 стр.
- 66) *Prochaska Ant.* Polska i Czechy w czasach husyckich aż do odwołania Korybuta z Czech. I. Изъ VII т. Rozpraw. Wydz. hist—filoz. Ak. Um. Крк. 8-o. 137 стр.
- 67) *Purk*. Luźne karty pamiętnika zbiega z Sybiru. Лцц. 8-o. I. 317 стр. II. 299 стр. ц. 7 м.
- 68) *Rozbitek*. Adam Medeksza 1820—1876. Льв. 8-o. 33 стр. ц. 30 кр.
- 69) *Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału historyczno—filozoficznego Akademii Umiejętności*, т. VI. 8-o. 353 стр. и VII, Крк. 357 стр. ц. 3 г. за томъ.
- 70) *Rzuchowski*. Kilka słów o Alexandrze Grozie i jego pismach. Льв. 8-o. 28 стр. ц. 40 кр.
- 71) *Sas*. Dwie babki, I Трoцкая кастелянша. II. Горodelьская старостина. (Пам.) Врш. 8-o. I 253 стр. и II. 328 стр. ц. 2 р.
- 72) *Sawicki*. Ksenofont polski. Льв. 8-o. 93 стр. ц. 40 кр.
- 73) *Siewicz*. Zbiór krytyk z dzieł polskich wyszłych od 1850—1877 г. Пзн. 8-o. 80 стр.
- 74) *Skarbek*. Dzieje Polski. II. 314 стр. III. 232 стр. 8-o. Цан. ц. 6 м. за томъ.
- 75) Słow kilka o „Przewodniku heraldycznym”. Пзн. 8-o. 31 стр. ц. 1 м.
- 76) *Smolka*. Tradycja o Kazimierzu Mnichu. Къ исто-

- риографіи Польской XIII вѣка. Изъ Rozpraw ист—ошос.
Отд. Ак. Н. т. IV. Крк. 8-о. 31 стр.
- 77) *Sowiński L.* Rys dziejów literatury polskiej. IV.
Влн. 8-о. 837 стр. ц. 10 р.
- 78) *Stadnicki.* Koryjat Gedyminowicz i Koryjatowicze. Изъ
VII т. Rozpraw W: fil—hist. Ак. Um. Крк. 8-о. 146 стр. ц. 60 р.
- 79) *Stebelski.* Ostatnie... prace wyd. Seredyński. Изъ
I т. Archiwum kom. historycznej. Крк. 8-о. 263—394 стр.
- 80) *Sutowicz.* Walka Kazimierza Jagiellończyka z Maciejem
Korwinem o koronę czeska. Изъ Przeglądu polskiego. Крк.
8 о. 165 стр. I г. 20 р.
- 81) *Szajnocha,* dzieła: Jadwiga i Jagiello, V—VIII: Dwa
lata dziejów naszych. IX. Врш. 8-о. 349+356+322+312+305
стр., ц. 2 р. за томъ.
- 82) *Szujski.* O fałszywej historyi jako mistrzyni fałszywej
polityki. Крк. 8-о. 31 стр.
- 83) *Онъ-же.* Relacye posłów austriackich podczas Sejmu
Unii w r. 1569. Изъ секретнаго архива Вѣнскаго двора. Крк.
8-о. 169 стр.
- 84) *Онъ-же.* Sprawozdanie z ruchu naukowego Akademii
Umiejętności w Krakowie za rok 1876. Крк. 8-о. 20 стр.
- 85) *Онъ-же.* Statuta antiqua Collegii majoris. Изъ Archi-
wum kom. hist. lit. i oświaty w Polsce. I. Крк. 8-о. 20 стр.
- 86) *Онъ-же.* Trzecia żona Zygmunta Augusta. (Публ. лекція)
Изъ Przeglądu Polskiego. Крк. 8-о. 33 стр.
- 87) *Wałkowski.* Wspomnienia o kościele metropolitalnim
w Gnieźnie. Гнзн.. 8-о. 256 стр. ц. 6 к.
- 88) *Weinert.* O starostwach w Polsce do końca XVIII
wieku. Врш. 16-о. 137 стр. ц. 75 к.
- 89) *Werđum.* Dyaryusz wyprawy Jana Sobieskiego z r.
1671. Отт. изъ Arch. kom. historycznej. Крк. 8-о. LXXIX стр.
- 90) *Wisłocki.* Katalog rękopisów biblioteki Uniwersytetu
Jagiellońskiego, Крк. вып. I. 8-о. 104 стр. ц. I г. 30 р.
- 91) *Онъ-же.* Urszula Ochmistrzyni Łabedianka i jej korespo-
dencya polska z Piotrem Dębickim w r. 1627. Крк. 8-о. 29 стр.
- 92) *Wójcicki.* Społeczność Warszawy w początkach nasze-
go stolecia, 1800 do 1830. Врш. 8-о. 238 стр. ц. 1 р. 80 к.
- 93) *Онъ-же.* Z rodzinnej zagrody (Биографіа). Врш.
8-о. 230 стр. съ рис. ц. 1 р. 25 к.
- 94) *Wojna* wschodnia (Илл. 1877, вып. I. № 1—12.
Врш 8-о. 190 стр. ц. 10 к. за №.
- 95) *Wypis* treściowy z dokumentów rodziny Sarneckich.
Льв. 8-о. 16 стр.
- 96) *Zabytki sztuki drukarskiej w Polsce z XVI i XVII*
wieku, fotodruki z dzieł rzadkich. I. Крк. fol. 10 стр. ц. 8 р.

97) *Zakrzewski*. Jak należy wydawać zbiory listów i aktów historycznych z wieku XVI-go lub późniejszych. Къ VII т. Rozpraw Wydz. hist.—fil. 8-o. XXX стр.

98) *Zeissberg*. Dziejopisarstwo polskie wieków średnich. (съ вѣм.) 2 т. Врш. ц. 4. р.

99) *Żeleńska*. Znakomite niewiasty. Врш. 8-o. 239 стр. ц. 1 р. 50 к.

100) *Zeltt i Beyer*. Nowy skorowidz monet polskich. Врш. 8-o. 85 стр.

101) *Żukowski*. Stosunki Bolesława Chrobrego ze stolicą apostołską. Крк. 8-o. 58 стр.

102) *Żuliński*. Nowe studyum nad Syrokomlą. Льв. 8-o. 66 стр. ц. 40 кр.

103) *Żychliński*. Kronika żałobna rodzin wielkopolskich od 1863—1876 г. Пзн. 8-o. 616 стр. ц. 9 м.

104) *Онъ-же*. Żywot Tadeusza Kościuszki. Пзн. 8-o. ц. 60 цо.

Географія, этнографія, и пр.

105) *Dziędzielewicz*. Wycieczka po wschodnich Karpatach. Крк. 4-o. 40 стр.

106) *Gloger*. Nazwy weselne, wyrażenia i przedmioty używane przy godowych obrzędach ludu, na przestrzeni byłej Rzeczypospolitej. Крк. 8-o. 17 стр. (Отт. изъ Sprawozdań Ak. Umiejętności).

107) *Gralewski*. Kaukaz, wspomnienia z 12 letniej niewoli. Льв. 560 стр. ц. 5 г.

108) *Jaworski*. Wspomnienia Kaukazu. I. 142 стр. II. 107 стр. III. 105 стр. Пзн. 8-o. 6 м.

109) *Kolberg*. Lud, jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłówia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Serya XI. W. ks. Poznańskie. cz. III. Крк. 8-o. 248 стр. ц. 2 г. 50 кр.

110) *Müldner*. Przejazdźka koleją Tarnowsko—lełuchowską. Крк. 8-o. 39 стр.

111) *Онъ-же*. Szkice z podróży po Słowacyi, z dodatkiem krótkiego przewodnika. Крк. 8-o. 108 стр. ц. 80 кр.

110) *Niemcewicz*. Śpiewy historyczne. Лпц. 32-o. 166 стр. ц. 1 м. 20 цо.

112) *Odyniec*. Listy z podróży. 3 т. 8-o. ц. 3 р. 90 к.

113) *Orda*. Album widoków губерній Гродненской, Виленской, Минской, Ковенской, Волынской, Подольской, Киевской, Витебской и Могилевской. Серия III. Врш. fol. ц. за все изд. 24 р.

114) *Podlewski*. Wspomnienia z podróży po Kaukazie. Врш. 8-o. 40 стр. ц. 25 к.

115) *Strojnowski*. Ziemia i jej mieszkańcy. Врш. 8-o. 302 стр. ц. 1 р. 25 в.

115) *Tatomir*. Obrazki geograficzne. (съ 23 рис). Льв. 8-о. XII и 302 стр. ц. 2 г. 50 кр.

116) *Wild* (Kunasiewicz). Przewodnik po Lwowie z zarysem historii miasta. Льв. 8-о. 160 стр. ц. 90 кр.

117) *Wójcicki*. Klechdy, starożytnie podania i powieści ludowe (съ рис.) изд. 3-е. Врш. 4-о. XXVI и 237 стр. ц. 3 р. 60 к.

118) *Zarysy charakteru Germanów i Słowian*. Врш. 8-о. 14 стр. ц. 40 к.

Языкознание.

119) *Chomętowski*. Zabytki języka polskiego z XV wieku, w rękopisach biblioteki Krasieńskich. Ze Sprawozdań kom. jęz. Ak. Umiejętności. Крк. 8-о. 13 стр.

120) *Dubrowski*. Dokładny słownik języka polskiego i ruskiego. Врш. 8-о. 869 стр. ц. за два т. 5 р.

121) *Gramlewicz*. Quaestiones Claudianae. Врш. 8-о. 34 стр.

122) *Karłowicz*. Przyczynki do projektu wielkiego Słownika polskiego. Ze Sprawozdań Ak. Umiejętności. Крк. 8-о. 82 стр.

123) *Kosiński W.* Słowniczek prowincjalizmów w okolicach Krakowa, Bochni i Wadowic. Ze Sprawozdań A. U. Крк. 8-о. 20 стр.

124) *Materiały do Słownika prowincjalizmów polskich. I.* Крк. 8-о. 96 стр. ц. 1 г.

125) *Mecherzyński*. Uwagi w przedmiocie języka. Z Rozpraw Wydz. filolog. A. U. Крк. 8-о. 23 стр.

126) *Ogonowski*. O przyimkach w językach starosłowiańskim, ruskim i polskim. Z tomu V-go Rozpraw Wydz. filolog. A. U. Крк. 8-о. 206 стр.

127) *Parylak*. Prowincjonalizmy mowy polskiej w Drohobyczu. Ze Sprawozdań A. U. Крк. 8-о. 23 стр.

128) *Peschek*. Grosses Wörterbuch der modernen Europäischen Sprachen. (20—язычный словарь). Бернъ, Выйдетъ въ 60 выпускахъ. ц. по 50 кр. 4-о. В. I. 1—8 стр. II 8-16 стр.

130) *Potocki*. Słownik polskiego i rosyjskiego języka. часть 1-я. 2-е изд. Лпц. 8-о. 177 стр. ц. 10 м. 50 нб.

131) *Rozprawę i sprawozdania z posiedzeń Wydziału filologicznego Akademii Umiejętności. т. IV.* Крк. 8-о. 362 во CXVII стр.

132) *Seredyński*. Trzy zabytki języka polskiego z drugiej połowy XV wieku. Z 1 tomu Sprawozdań komisji językowej. Крк. 8-о. 6 стр.

133) *Sierociński*. Gramatyka polska, Изд. 28-е. Врш. 16-о. 48 стр. ц. 80 к.

134) *Skobel*. O skażeniu języka polskiego w dziełnikach

i innych pismach, osobliwie w Galicyi. III. Крк. 8-о. VI и 175 стр. ц. 1. г.

135) *Stawiński*. O budowie zdania pojedynczego. Врш. 8-о. 108 стр. ц. 1 р.

136) *Smidt*. Nowy kieszonkowy polsko—ros. i ros.—pol-ski słownik. Лпц. 16-о. 772 стр. ц. 3 м. 50 по.

137) *Walicki*. Błędy nasze w mowie i piśmie ku szkodzie języka polskiego popełniane oraz prowincjonalizmu. Врш. 8-о. 103 стр. ц. 30 в.

Право, политика, статистика и т. п.

139) *Banita*. Obrazki kulturkampfu pruskiego. Крк. 8-о. 74 стр.

140) *Bobrzyński*. Historia prawa niemieckiego w zarysie w raz z historyą prawa tego w Polsce. I. Крк. 8-о. 184 и LXXIX стр. ц. 2 г.

141) *Maurer*. Urzędnicy kancelaryjni Władysława Jagieł-ły. Врш. ц. 50 к.

142) *Merunowicz*. Rozwój miasta Lwowa. Льв. 8-о. 150 стр. ц. 1 г.

143) Prawa polskie Kazimierza W. i Władysława Jagieł-ły, пер. на пол. яз. С. Войцъшиномъ въ 1449. Пзн. 4-о. 40 гомогр. стр. ц. 20 м.

144) *Co robic?* Rzecz o kwestyi: Neutralność czy udział w wojnie wschodniej przystoi Polakom? Трн. 8-о. 26 стр. ц. 60 по.

145) *Niepoprawni*, Uwagi o legionie polskim w Turcyi. Пзн. 8-о.

146) Słowo o stanowisku Polaków w obec sprawу wschod-niej. Вѣна 8-о. 25 стр. ц. 30 кр.

Періодическія изданія, журналы и т. п.

1) *Album Muzeum narodowego w Rapperswyl*. Льв. 1 кн. въ г. 2) *Ateneum*. II. Врш. 12 кн. въ г. ц. 12 р. 3) *Bzrtnik postepowy* г. III. Льв. 2 р. въ м—ць. 1 г. 75 кр. 4) *Polska-bibliografia* г. П. Льв. ц. 1 г. 20 кр. 5) *Biblioteka najcelniej-szych utworów leteratury europejskiej*, г. IV. 12 кн. въ г. Врш. ц. 7 р. 20 в. 6) *Biblioteka najciekawszych Powieści i Roman-sów*. г. VП. Льв. 36 в. въ г. ц. 10 г. 7) *Biblioteka Powieści, opowiadań historycznych Pamietników i Podróży*. г. I. Льв. 36 в. въ г. ц. 10 г. 8) *Biblioteka rolnicza*. Врш. 9) *Biblioteka romansów i powieści*. г. VI. 4-о. 52 н—ра въ г. ц. 4 р. 10) *Biblioteka umiejętności lekarskich*. Врш. 200 листовъ въ г. ц. за все изданіе 208 р. въ годъ ц. 20 р. 11) *Biblioteka umiejętności prawnych*. г. V. Врш. 24 кн. въ г. ц. 12 р. 12) *Bi bli-*

- oteka warszawska.* г. XXXVI. Врш. 12 кн. въ г. ц. 10 р. 13) *Biesiada literacka.* (илл.) Врш. 52 н—ра въ г. ц. 5 р. 14) *Bluszcz.* (илл.) г. XII. Врш. ежен. ц. 10 р. 15) *Chata.* XIV г. Льв. 24 н—ра въ г. ц. 1 г. 50 кр. 16) *Czas,* ежедн. Крк. ц. 24 г. 17) *Nowy czas.* г. I. Цшн. ежен. ц. 4 г. 18) *Czasopismo towarzystwa aptekarskiego.* г. VI. Льв. 2 р. въ м—ць. ц. 6 г. 30 кр. 19) *Czasopismo towarzystwa technicznego we Lwowie.* г. IV. 6 н—ровъ въ г. 20) *Djabeł* г. IX. Крк. 2 раза въ м—ць. 4 г. 60 кр. 21) *Dwutygodnik medycyny publicznej* Крк. 24 н—ра въ г. ц. 3 г. 30 кр. 22) *Dwutygodnik polski* г. I. 2 н—ра въ м—ць. ц. 5 г. 23) *Dziennik polski.* г. X. Льв. ежедн. ц. 24 г. 24) *Dziennik Poznański.* г. XIX. Пзн. г. 36 м. 60 ф. 25) *Dziennik warszawski.* г. XIV. Врш. (на рус. и пол. яз). 26) *Dźwignia.* (технич.) г. I. Льв. ежен. ц. 3 г. 30 кр. 27) *Echo.* г. I. Врш. ежедн. ц. 9 р. 28) *Echo.* г. I. Крк. ежен. ц. 5 г. 29) *Echo muzyczne.* Врш. 2 н—ра въ м—ць. ц. 5 р. 30) *Ekonomista.* г. I. Льв. ежен. ц. 8 г. 31) *Ewangielik,* г. II. Цшн. 2 н—ра въ м—ць. ц. 1 г. 80 кр. 32) *Gazeta anonsowa.* Врш. 33) *Gazeta górnośląska,* г. IV. Бтм. 2 н—ра въ нед. ц. 4 м. 34) *Gazeta handlowa.* г. XIV Врш. ежедн. ц. 8 р. 40 к. 45) *Gazeta kielecka.* г. VIII. Клц. 2 н—ра въ н. ц. 5 р. 40 к. 36) *Gazeta lekarska.* г. XII. Врш. ежедн. ц. 6 р. 37) *Gazeta lwowska.* г. XCVII. Льв. ежедн. 38) *Gazeta narodowa.* г. XVI. Льв. ежедн. ц. 24 г. 39) *Gazeta polska.* Врш. еждн. ц. 10 р. 40) *Gazeta polska w Chicago.* г. V. ежен. ц. 3 дол. 41) *Gazeta polska katolicka,* г. VII. Чрк. ежен. ц. 3 дол. 42) *Gazeta przemysłowo—rzemieśnicza,* г. VI. Врш. ежен. ц. 5 р. 20 к. 43) *Gazeta rolnicza.* г. XVII, Врш. ц. 6 р. ежен. 44) *Gazeta sądowa warszawska.* г. IV. Врш. ежен. ц. 8 р. 45) *Gazeta toruńska.* г. XI. Трн. ежедн. ц. 17. м. 46) *Gazeta warszawska.* г. 104—й. ежедн. Врш. ц. 12 р. 47) *Gazeta wiejska.* г. IX. Льв. 2 н—ра въ м—ць. ц. 2 г. 48) *Goniec wielkopolski.* Пзн. еждн. ц. 8 м. 49) *Gospodarz.* г. VI. Трн. ежен. ц. 2 м. 50) *Gospodyni wiejska.* (илл.) Врш. ц. 6 р. 51) *Gwiazda.* г. II. Пзн. ежен. ц. 4 м. 52) *Gwiazka cieszyńska.* г. XXIX. Цшн. еженд. ц. 4 г. 60 кр. 53) *Harap.* г. II. Крк. 2 н—ра въ м—ць. ц. 4 г. 54) *Izraelita* г. XII Врш. ц. 7 р. 55) *Kaliszanin,* г. VIII. Клш. 2 н—ра въ н. ц. 6 р. 40 к. 56) *Katalog nowych książek, nut, map, atlasów. rycin i t. p.* г. II. Врш. (Czapnowski). ежем. ц. съ пер. 1 р. 80 к. 57) *Katolik.* г. X. Мкль. ежен. ц. 4 м. 58) *Kaznodzieja polski.* г. I. 2 н—ра въ м—ць. Льв. 59) *Kłosa.* (илл.) ежен. г. XII. Врш. ц. 12 р. 60) *Kolce.* илл. сат. г. VII. Врш. ежен. ц. 8 р. 61) *Korrespondent płocki,* г. II. Пяцк. ц. 6 р. 60 к. 62) *Korrespondent rolniczy, handlowy i przemysłowy.* Прибавл.

- въ „Gaz. Warsz.“. ежен. 63) *Kosmos*. г. II. Льв. ежем. ц. 6 г. 64) *Kronika codzienna*. ежендн. Льв. ц. 16 г. 65) *Kronika rodzinna*. г. II. Врш. 24 н—ра въ г. ц. 5 р. 66) *Krynica*. г. V. Крк. ежен. ц. 1 г. 20 кр. 67) *Kuryer codzienny*. г. XIII. Врш. ежендн. ц. 4 р. 80 в. 68) *Kuryer lubelski*. Лбл. 3 н—ра. въ н. ц. 4 р 80 в. 69) *Kuryer nowojorski*. 70) *Kuryer poznajski*. г. VI. ежендн. Пзн. ц. 36 м. 60 пф. 71) *Kuryer rolniczy*, г. IV. ежен. Врш. 72) *Kuryer swięteczny*. г. IV. Врш. ежен. ц. 4 р. 73) *Kuryer warszawski* г. 57—й. Врш. ежендн. ц. 8 р. 74) *Medycyna*. г. V. ежен. Врш. ц. 6 р. 75) *Miesięcznik galicyjskiego towarzystwa ochrony zwierząt*. г. II. Льв. ежем. ц. 1 г. 20 кр. 76) *Monika*. г. II. Мкльв. ежен. ц. 1 г. 60 кр. 77) *Mucha*. ежен. (илл. юм.). Врш. ежен. ц. 4 р. 78) *Muzeum sztuki europejskiej*. г. III. Врш. 16 н—ровъ въ годъ ц. 6 р. 40 в. 79) *Nadwiślanin*, Трн. 80) *Niedziela*. ежен. г. IV. Пзн. ц. 5 м. 81) *Niwa*. 24 н—ра въ г. Врш. г. V. ц. 9 р. 82) *Nowiny*. ежен. Врш. ц. 4 р. 83) *Nowiny* г. VIII. Льв. 24 н—ра. въ г. ц. 2 г. 50 вр. 84) *Ogniwo*. г. I. 24 н—ра въ годъ. Клм. ц. 5. г. 85) *Orędownik*. г. VII. Пзн. 3 н—ра въ нед. ц. 8 м. 86) *Oświata*. II. ежен. Пзн. ц. 6 м. 87) *Pamiętnik towarzystwa lekarskiego warszawskiego*. г. 72—й. Врш. 4 вн. въ г. ц. 5 р. 88) *Pamiętnik towarzystwa tatrzańskiego*. Крк. 89) *Pamiętnik zastużonych w Polsce ludzi*. ежен. 90) *Pastor Bonus*. г. I. Льв. 24 н—ра въ г. ц. 3 г. 91) *Piast*, г. I. 24 н—ра. Льв. ц. 4 г. 92) *Pielgrzym*. г. IX. Пелплинь. 3 н—ра въ нед. ц. 6 м. 93) *Poradnik przemysłowo—rolniczy ilustrowany*. г. IV. Крк. 24 н—ра, ц. 3 г. 25 кр. 94) *Posłaniec serca Pana Jezusa do narodu polskiego*. ежен. Льв. 95) *Postęp rolniczy*, г. I. 24 н—ра. Бытомь. ц. 2 р. 40 в. 96) *Prawnik*, г. VIII. ежен. ц. 6 г. 97) *Przegląd archeologiczny* г. II. Льв. ц. 5 р. 98) *Przegląd katolicki*. г. XV. Врш. ежен. ц. 6 р. 99) *Przegląd krytyczny*, г. III. ежен. Крк. ц. 4 р. 100) *Przegląd lekarski*. г. XVI. Крк. ежен. ц. 6 г. 60 кр. 101) *Przegląd leśniczy*. г. III. Пзн. ежен. ц. 4 р. 102) *Przegląd lwowski*, г. VII. Льв. 24 н—ра. ц. 10 г. 103) *Przegląd muzyczny*. г. I. Льв. ежем. ц. 1 г. 75 кр. 104) *Przegląd polski*, г. XII. Крк. ежем. ц. 16 г. 105) *Przegląd postępu nauk lekarskich we wszystkich gałęziach we wszystkich krajach*. г. VI. Врш. ц. 8 р. 106) *Przegląd sądowy i administracyjny*. г. II. Льв. ежен. ц. 7 г. 107) *Przegląd techniczny* г. III. Врш. ежем. ц. 8 р. 108) *Przegląd tygodniowy, literatury i sztuk pięknych*. г. XII. Врш. ежен. ц. 8 р. 109) *Przewodnik gospodarski* Льв. ежем. 110) *Przewodnik naukowy i literacki*. г. V. ежем. 111) *Przyjaciel*. Трн. ежен. ц. 3 м. 112) *Przyjaciel domowy*. XXVII. Льв. 24 н—ра. ц.

- 2 г. 50 кр. 113) *Przyjaciel dzieci* г. XVII. Врш. ежен. ц. 4 р. 114) *Przyjaciel ludu* г. XVII. Хелмнъ (Culm) Ежен. ц. 8 м. 115) *Przyjaciel ludu*. Чикаго (Am). 116) *Przyroda i przemysł*. г. IV. Врш. ежен. ц. 8 р. 117) *Pszczółka*. г. III. Льв. 54 н—ра. ц. 3 г. 118) *Warszawski rocznik adresowy*. 119) *Warszawski rocznik literacki* г. V. Врш. ц. 1 р. 120) *Rocznik towarzystwa osad rolnych i przytulków rzemieślniczych*. Врш. 121) *Rocznik zarządu Akademii umiejętności w Krakowie* Крк. 122) *Rolnik*. г. X. Льв. 24 н—ра. ц. 4 г. 123) *Biewuch literacki*. г. IV. Льв. ежен. ц. 14 г. 124) *Ruch społecz.* *Ro ekonomiczny*. г. III. Пзн. 24 н—ра. ц. 12 м. 125) *Sprózntrzeżenia meteorologiczne we Lwowie*. 126) *Sprawozdanie lwowskiej Izby handlowej*. 2 н—ра. въ нед. 127) *Świat*. 24 н—ра. срш. ц. 6 р. 128) *Świat, muzykalny*. Врш. 129) *Szczutek*. Всаг.) г. IX. Льв. ежен. ц. 10 г. 130) *Szkoła*. г. X. Льв. (ежен. ц. 4 г. 131) *Szłazak*. 132) *Towarzysz piłnychy dzieci*, г. II. Льв. 36 н—ра. ц. 4 г. 80 кр. 133) *Tydzień literacki, artystyczny, naukowy i społeczny*. г. IV. ежен. ц. 17 г. 134) *Tygodnik illustrowany*. Врш. ежен. ц. 12 р. 135) *Tygodnik mód i powieści*. Врш. ежен. ц. 10 р. 136) *Tygodnik niedzielny*. г. IX. 137) *Tygodnik powszechny*. г. I. Врш. ежен. ц. 10 р. 128) *Tygodnik rolniczy*. г. IV. ежен. ц. 6 р. 130) *Tygodnik romansów i powieści*. г. XVII. 140) *Warta*. г. II. Пзн. ежен. ц. 5 г. 40 кр. 141) *Wędrowiec* г. XV. Врш. ежен. ц. 6 р. 142) *Wiadomości farmaceutyczne*. Врш. ежен. ц. 3 р. 143) *W. kościelne*. V. Льв. 24 н—ра. ц. 3 г. 144) *W. statystyczne o mieście Lwowie*, г. III. 145) *Wiek*. г. V. Врш. ц. 12 р. 146) *Wieniec*, г. III. Льв. 24 н—ра. ц. 3 г. 147) *Zgoda*. г. I. 24 н—ра. ц. 6 г. 148) *Ziemiańin*. г. XXVII. ежен. Пзн. 6 руб. 149) *Zorza*. илл. г. XII. Врш. ц. 3 р. 150) *Zwiastun ewangeliczny*. г. XIV. Врш. ежен. ц. 3 г. 10 кр. 151) *Związek*. г. IV. ежен. Льв. ц. 5 г.

в. Галицко-русскій отаѣль.

1) *Бълоусь Оед. Из.* Церкви русскія въ Галичинѣ и на Буковинѣ въ сравненіи съ храмами у другихъ, преимущественно у древнихъ народовъ. Съ 85 рис. Коломыя 8°. 184 стр. ц. 2 г.

2) *Верхратскій Из.* Знадобы до словаря южнорусского. Льв. 8°. 88 стр. ц. 80 кр.

3) *Дулишковичъ I.* Историческія черты Угро-Русскихъ. III. Унгарь. 8°. 236 стр. ц. 1 г.

4) *Изданія общества имени Михаила Качковскаго*. Вып. 9—12: Якія були права и суды на Руси въ старину; Исторія Руси (Евг. Згарского). 8°. Льв. ц. за 8 вып. 1 г.

5) *Литературный языкъ и простонародное нарѣчіе* (Отт. изъ „Слова“). Льв 16°. 8 стр.

6) *Памяти Димитрія Головацкаю*. Отт. изъ „Слова“ Льв. 8°. 29 стр. ц. 10 кр.

7) *Партыцкій Омелянъ*. Граматика языка руск о ддя ужитку въ школахъ людовыхъ. Льв. 8°. 172 стр. ц. 28 кр.

8) *Петрушевичъ Ант.* Акты относящіися ко исторіи южно—западной Руси. Льв. 8-о. 10 стр.

Онъ-же. Бронзовые памятники египетского культа Озириса и Изиды въ Галицкой Подоліи. 16-о. 8 стр.

Онъ-же. Кто были Болоховскіи князья? Льв. 16°. 16 стр.

9) *Статуты рус. народнаго Института „Народный домъ“ во Львовѣ*. Льв. 8°. 16 стр.

Періодическія изданія:

10) *Временникъ института Ставропигійскаго съ мѣсяцесловомъ на годъ 1878*. Годъ изд. XV. 8°. XXVII и 180 стр. Льв. ц. 50 кр.

11) *Газета школьна*. г. Ш. въ л. in 4°. 1-го и 15 числа ежем. (ред. Партыцкій). ц. 2 г. 50 кр.

12) *Другъ*. Письмо литературне. г. IV. Льв. ежем. въ 3 л. ц. (прекр. на 6 н—рѣ).

13) *Календарь, буковинско-русскій на г. 1878*. г. V. Черновцы. 8°. 112 стр. ц. 50 кр.

14) *Карпатъ*. Общ., церк., науковая, литерат. и економ. газета. V г. Унгваръ. Ежемед. ц. 7 г. (Ред. Николай Гомичковъ).

15) *Ластовка*. Письмо для русской молодежи. г. IX. Льв. Вых. 1 и 13. ч. ежем. въ л. 4°. ц. 2 г. 50 кр. (Ред. Мих. Клемертовичъ).

16) *Млака, Данило*. Руська хата. Буковинскій альманахъ на 1877 г. Льв. 8°. 220 стр. ц. 1 г. 20 кр.

17) *Мѣсяцословъ, маленькій коломыйскій на г. 1877*. Коломыя. 8°. 56 стр. ц. 26 кр.

Мѣсяцословъ, на г. 1878, изд. Общ. Св. Василя Вел. Унгваръ. ц. 30 кр.

Мѣсяцословъ, народный русскій на годъ 1878. Коломыя. 4°. 72 стр. ц. 45 кр.

18) *Наука*. Письмо для народа. г. VI. Льв. Вых. въ 3 л. 4° 1-го числа ц. 4 г. (Ред. *Ив. Наумовичъ*).

29) *Письмо зъ Просвѣты*. г. I. Льв. ежем. 4°. (Ред. *Партицкій*) ц. 1 г.

20) *Правда*. Письмо литературно-политичне. г. X. Льв. 8-о. 2 н-ра въ м-цъ въ 2½ л. ц. 6 г. (Ред. *Вл. Барвинскій*).

21) *Русская Рада*. Газета для народа г. VII. Коломыя. 2 н-ра въ м-цъ 4°. ц. 3 в. (Ред. *Мих. Блюусъ*).

22) *Рускій Сіонъ*. г. VII. Льв. 2 н-ра въ м-цъ въ 2 л. ц. 4 г. (Ред. *д-ръ Сильв. Сембратовичъ*).

23) *Слово*. г. XVII. Льв. 3 н-ра въ нед. fol. ц. 14 г. (Ред. *Венед. Мих. Площанскій*).

24) *Справоздане зъ дѣятельностей выдѣлу товариства „Просвѣта“ за рокъ 1876—7*. Льв. 8°. 13 стр.

г. Хорватскій отаѣлъ.

1) *Daničić Gj.* Korijeni s riječima od njih postalijem u hrvatskom ili srpskom jeziku. Изд. Югосл. Ак. Н. Згрб. б. 8-о. IV и 370 стр. ц. 4 г.

2) *Gaj Velimir.* Knjižnica Gajeva, обзоръ библиографическій съ историческимъ введеніемъ. Згрб. б. 8-о. XXXII и 210 стр. ц. 1 г. 50 кр.

3) *Geitler.* Etimologija imena Hrvat, изъ „*Rada*“. Згрб. 8-о. 80 стр. 28 кр.

4) *Gruber.* Poviest rusko—turskih ratovah. Згрб. IV. и 141 стр. 60 кр.

5) *Pliašević.* Izabrane pjesme. Згрб. 8-о. 189 стр. 80 кр.

6) *Kalifon.* Život Petra velikoga cara Rosije. Пер. *Томиковича*. б. 8-о. 194 стр. Бдшт. ц. 1 г. 50 кр.

7) *Korajac.* Filozofija hrvatsko—srpskih narodnih posloviceh. Оск. 8-о. 134 стр. ц. 70 кр.

8) *Kosovo srpske narodne pjesme o boju na Kosovu.* 3-е изд. Згрб. 8-о. 80 стр. ц. 30 кр.

9) *Kukulević Sakeinski.* Hrvati za nasljednoga rata. Отт. изъ „*Rada*“ кн. 38—я. Згрб. 8-о. 100 стр. ц. 60 кр.

10) *Ijetopis jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti.* Вып. I. 1867—1877. Згрб. 8-о. 145 стр. ц. 60 кр.

11) *Ljubić.* Popis predmeta iz predhistoričke dobe u narod. zemaljsk. muzejum u Zagrebu. Съ 4 таб. Згрб. 8-о. 56 стр. ц. 1 г.

12) *Magdić.* Topografija i poviest grada Senja. Сн. 8-о. 160 стр. ц. 80 кр.

13) *Mašik.* Slike iz povjesti hrvatske za mladež i naš puk. Згрб. 84 стр. ц. 30 кр.

14) *Онъ-же.* Zemljopis trojedne kraljevine sa zemljovidom. 4-е изд. Згрб. 8-о. 96 стр. ц. 60 кр.

15) *Marković. Zvonimir kralj hrvatski, dalmatinski. Историјч. драма въ 5 актаъ. Згрб. 8-о. 200 стр. ц. 1 г.*

16) *Monumenta historico juridica slavorum merionalium. par. vol. I. „Statuta et leges civitatis et insulae Curzulae“ 1214—1558 “.* Изд. Югосл. Ак. Н. Ред. проф. *Я. И. Ганеля.* 8-о. XV и 306 стр. ц. 3 г.

17) *Monumenta spectantia historiam slavorum. vol. VI.. „Commissiones et relationes Venetae“.* Т. I. 1433. 1527 г. Ред. *С. Любича.* Изд. Югосл. Ак. Н. Згрб. 8-о. 242 стр. ц. 2 г.

18) *То—же. vol. VIII.* 8-о. 302 стр. ц. 2 г. 50 кр.

19) *Novotni. Slovnica jezika staroslovenskoga.* Згрб. 8-о. 68 стр. ц. 40 кр.

20) *Pavić. Narodne pjesme o boju na Kовову, godine 1389.* Згрб. 8-о. 110 стр. ц. 1 г.

20) *Pisci, stari hrvatski.* Кн. IX. Соч. *Ив. Ф. Гундулича.* Изд. Югосл. Ак. Н. Згрб. 8-о. XVIII. и 616 стр. ц. 5 г.

22) *Rački. Osmrtnica M. P. Pogodina.* Отг. изъ „*Rada*“.

кн. 38—я. Згрб. 8-о. 27 стр. ц. 20 кр.

23) *Belković. Djela.* 10 вып. съ портр. Вивец. 8-о. XVI и 459 стр. ц. 4 г.

24) *Svrljuga. O koljevci ili domovini staroslovenskoga jezika.* Згрб. 8-о. 20 стр. ц. 15 кр.

25) *Vraz Stanko. Djela peti dio.* Згрб. Изд. Матицы хорватской. 8-о. XXXII и 432 стр. ц. 1 г. 80 кр.

Періодическія изданія:

26) *Cecilia.* Журналъ церковной музыки. Згрб. ежем. ц. 4. г.

27) *Danica.* Календарь и лѣтопись Общества Св. Иеронима на 1878 г. съ 5 рис. Згрб. 8-о. 160 стр. ц. 25 кр.

28) *Dom hrvatski.* Альманахъ г. II. Згрб. 8-о. 333 стр. ц. г. 20 кр.

29) Кнѣжница beletristička „*Matice hrvatske*“. Выходить выпусками и состоитъ изъ переводныхъ романовъ и повѣстей. XI вып.

30) Кнѣжница poučna „*Matice hrvatske*“. *Prirodni zemljopis Hrvatske.* Сост. *Klaić.* Съ 42 рис. и карт. Згрб. 8-о. XV и 406 стр. ц. 3 г.

31) Кнѣжница zabavna. Состоитъ изъ переводныхъ романовъ.

32) *Koledar narodni—novi i stari* на 1878 г. изд. „*Matice dalmatinska*“. XVI г. Згрб. 8-о. 170 стр. ц. 50 кр.

33) *Koledar novi zagrebački* на 1878. г. XII. Згрб. 12-о. 48 стр. ц. 15 кр.

- 34) *Koledar učiteljski* на 1878 г. II. Згрб. 8-о. 204 стр. ц. 1 г. 20 кр.
- 35) *List gospodarski*. Згрб. 2 н—ра въ м—ць. ц. 3 г.
- 36) *List humoristički*. Згрб. 1 и 15 ежем. ц. 4 г.
- 37) *List katolicki*. Згрб. 2 н—ра въ нед. ц. 10 г.
- 38) *List narodni*. Здр. еженед. ц. 5 г.
- 39) *List šumarski*. Згрб. 4 н—ра въ годъ. ц. 4 г.
- 40) *Ljetopis statistički* за 1874 г. Statistisches Jahrbuch für das Jahr 1874. Изд. статистич. бюро. Згрб. 6. 8-о. LXVII и 585 стр. ц. 3 г.
- 41) *Mjesečnik*. Юридический журналъ, изд. „Хорв. юрид. Общ.“. Згрб. Ред. Ганель и Лорковичъ. ежем. ц. 8 г.
- 42) *Napredak*. Педагогич. журналъ. Изд. „Хорв. педаг.—Лит. Общества“. Згрб. 3 н—ра въ м—ць. ц. 5 г.
- 43) *Narodnjak*. Уч.—лит. и нар.—хоз. журналъ. Внквц. 2 н—ра въ нед. ц. 4 г.
- 44) *Novine narodne*. Згрб. Ежедн. ц. 12 г.
- 45) *Novine pučke*. Нар.—хоз. вых. ежен. Згрб. ц. 4 г.
- 46) *Obsor*. Згрб. ежедн. ц. 14 г.
- 47) *Prijatelj pučki*. Нар.—хоз. Вржд. ежен. ц. 3 г.
- 48) *Primorac*. Крлвц. 3 н—ра въ нед. ц. 12 г.
- 49) *Rad jugoslav. akademije znanosti i umjetnosti*. Кн. 38-я. Згрб. 8-о. 240 стр. ц. 1 г. 50 кр.
- 50) *To—же*. Кн. 39—я. 251 стр. ц. 1 г. 50 кр.
- 51) *To—же*. Кн. 40—я. 236 стр. ц. 1 г. 50 кр.
- 52) *To—же*. Кн. 41—я. 244 стр. ц. 1 г. 50 кр.
- 53) *Smilje*. Уч.—лит. съ рис. для юн. изд. Хорв. педаг. Общ. 8-о. 192 стр. г. V. Згрб. ц. 60 кр.
- 54) *Starine*. Изд. Ак. Н. Кн. IX. Згрб. 8-о. 256 стр. ц. 1 г. 50 кр.
- 55) *Stenograf jugoslavencki*. Ежем. ц. 2 г. 50 кр.
- 56) *Svjetozor hrvatski*. Уч.—лит. газ. Згрб. ежен. ц. 3 г.
- 57) *Ucitelj hrvatski*. Педаг. ж. Згрб. 1 и 15 ежем. ц. 3 г.
- 58) *Uredovnik*. Календарь на 1878. г. III. Згрб. 4-о. 228 стр. ц. 1 г. 20 кр.
- 59) *Vienac*. Уч.—лит. Згрб. Ежен. ц. 6 г.
- 60) *Viestnik liečnički*. -Згрб. ежем. 5 г.
- 61) *Viestnik narodnoga zemaljskoga muzeja u Zagrebu*. Кн. II. 8-о. 162 стр. Згрб. ц. 1 г. 50 кр.

А. Сербскій отаѣлъ.

- 1) *Босна је српска* или одговор на „Разговоре“ Павлиновића. Нов. Сад. 8-о. 15 кр.
- 2) *Вујић*. Историја као наука. Блгрд. 8-о. 92 стр. ц. 1 г.
- 3) *Даничић*. Историја српског народа. пер. съ рус. соч. А. Майкова. 2—е изд. Блгрд. 8-о. 347 стр. ц. 85 кр.
- 4) *Живановић*. Извод из старословенске граматике. 2—е изд. Нови Сад. 8-о. 74 стр. ц. 45 кр.
- 5) *Новаковић Ст.* Примери книжевности и језика старог и српско—славенскога. Блгр. 8-о. 380 стр. ц. 1 г. 70 кр.
- 6) *Омъ—же*. Српске народне загонетке. Блгр. 8-о. 283 стр. ц. 1 г.
- 7) *Петровић Њеши*. Горски вијенац. Н. Сад. 16-о. 124 стр. ц. 50 кр.
- 8) *Радичевић*. Песме.. 5—е изд. съ портр. Н. Сад. 8-о. 298 стр. ц. 1 г.
- 9) *Спасић*. Српско—турски рат. Боевня воспоминанія добровољца. Н. Сад. 8-о. 64 стр. ц. 30 кр.
- 10) *Шапчанин*. Приповетке. кн. I. Панчево. 16-о. 335 стр. ц. 1 г.

Периодическія издавія:

- 11) *Гласник српског ученог друштва*. II отд. кн. VII. Домаћи извори за српску историју, ред. Павловича. Блгрд. б. 8-о. 292 стр. ц. 50 гр.
- 12) *То—же*. Кн. XLIV. 454 стр. ц. 1 г.
- 13) *То—же*. Кн. XLIII. 379 стр. ц. 1 г.
- 14) *Годишњица Николе Чутића*. VIII изд. г. I. Блгрд. 8-о. 347 стр. ц. 1 г.
- 15) *Застава*, полит. газ. г. XII. Нови Сад. 4 н—ра въ нед. ц. 14 г.
- 16) *Јавор*. Газ. лит. и науч. г. IV. Нови Сад. б. 8-о. ежен. ц. 5 г.
- 17) *Календар*, шалвиви Абуказемов за годину 1878. Нови Сад. 8-о. 80 стр. ц. 40 кр.
- 18) *Кроника*, илл. военная. Вып. 1—4. Н. Сад. 4-о. 61 стр. вып. по 35 кр.
- 19) *Летопис Матице Српске*. Н. Сад. б. 8-о. 210 стр. ц. 1 г.
- 20) *Нова ружица*, српски народни календар за год. 1878. г. I. Н. Сад. 16-о. ц. 20 кр.
- 21) *Нова Србија*, газ. лит., пол. и торг. Блгр. fol. ежедн. Ц. 16 г.

22) *Новосадѣанин*. Српски календар за народ на 1878 г. I. Н. Сад. 16-о. ц. 20 кр.

23) *Орао*, Илл. календарь. г. IV. Н. Сад. б. 8-о. 71 стр. ц. 50 кр.

24) *Панчевац*. Календарь народный на 1878. г. VII. 8-о. 88 стр. ц. 30 кр.

25) *Србин*. Календарь съ рис. на 1878. г. VII. Змн. 60 стр. ц. 25 кр.

26) *Српска зора*, илл. газ. лит. и науч. г. II. Ежем. Вѣна. б. 4-о. ц. 6 г.

27) *Српски соко*. Илл. календарь. г. I. Н. Сад. 8-о. 76 стр. ц. 50 кр.

е) Русскій отаѣлъ.

Книги и статьи по славяновѣдѣнію, вышедшія въ 1877 году:

1) *Анненковъ Ю.* Чешскія сочиненія Гуса и время ихъ написанія. Въ „Ж. М. Нар. Пр.“. 1877. авг.

2) *Онъ—же.* Связаніе о чешскомъ святомъ Іоаннѣ Непомукѣ. Спб. 8-о. 30 стр.

3) *Анучинъ Д.* Этнографическіе очерки Балканскаго полуострова. Ст. въ „Природѣ“ 1877 кн. 1.

4) *Балицкийъ Ив. Ив.* Матеріалы для исторіи славянскаго языкознанія. Кіевъ. 1876. XX+83 стр. 8-о.

5) *Бацетичъ Ѡ.* Старая Сербія. Ея прошлое и настоящее. М. 1876. ц. 1 р. 25 в.

6) *Бережковъ М.* Рецензія на книгу *Ѡ. Я. Фортинскаю* Приморскіе Вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 года. Въ „Ж. М. Н. Пр.“. 1877. № 4.

7) *Березинъ Л. В.* О мифологическихъ вѣрованіяхъ австрійскихъ южныхъ Славянъ. Въ „Знаніи“ 1877. № 3.

8) *Библиографія*, Русская историческая. г. 9-й. 1863. Спб. 1877. 8-о. IV+370 стр. ц. 1 р.

9) *Бодуэнъ—де—Куртене И.* Baudouin—de—Courtenay Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки. Вып. I. Изд. „Фил. Зап.“. Врнж. 8-о. 53 стр.

10) *Онъ—же.* Отчетъ о занятіяхъ по языковѣдѣнію. Въ „Изв. и учен. Зап. Казан. У—та“. 1877. № 2.

11) *Онъ—же.* Резья и Резьяне въ „Слав. Сборникѣ“. т. 2.

12) *Онъ—же.* Фонетика кашебскаго языка. Изсл. П. Стремлера. въ „Ж. М. Н. Пр.“. 1877. № 8.

13) *Онъ—же.* Рецензія на книгу: Beiträge zur slavischen dialectologie von *Lucian Malinowski* I. Ueber die Oppelnsche mundart in Oberschlesien. I Heft. Laut— und Formenlehre. Лпц. 1873. Въ „Ж. М. Н. Пр.“. 1877. № 10.

14) *Бодянский О. М.* Въ память М. П. Погодина. Въ „Чт. И, О. И. и Д. Р.“. 1877 кн. 3.

15) *Онъ—же.* Богословіе святаго Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна ексарха Болгарскаго, По харатейному списку Моск. синод. бібліотеки буква въ букву и слово въ слово. *тамъ-же.* 1877. кн. 4. Съ предисл. *Анд. Н. Попова,*

16) Болгарія, старая и новая. *А. П.* Въ „Вѣстн. Европы“. 1877. май.

17) *Будиловичъ А. С.* Очерки изъ Сербской исторіи. Три публичныя лекціи. Спб. 8-о. 55 стр.

18) *Онъ—же.* О литературномъ единствѣ народовъ славянскаго племени. Спб. 8-о. 15 стр. Отт. изъ „Слав. Сборника“. П.

19) *Онъ—же.* Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія. Изъ Изв. Ист.—Филог. Инст. кн. Безбородко за 1877. Кіевъ. 8-о. 106 стр.

20) Буквица языка словенскаго. Рукописный свитокъ Имп. Публ. Бібліотеки. О. Л. Д. П. XIV. Спб. въ л. 22 стр.

21) *Буслаевъ Ѡ.* Русская хрестоматія. Памятники древне—рус. литературы и народн. словесности. Изд. 2-е испр. М. 8-в. II + 426 стр. ц. 1 р. 50 к.

22) *Б—ъ. И.* Родные Славяне. Чтеніе для народныхъ учителей и народа. ц. 35 к. Спб. 1876. 62 стр. въ 8 д.

23) *Бьленькій Т.* Сербская грамматика по восточному говору. 1877. 69 стр. Кмц—Под. ц. 50 к.

24) *Бьловъ Е. А.* Результаты войнъ Россіи съ Турціей. XVIII вѣкъ. Въ „Др. и Н. Рос.“ 1877. № 8.

25) Важнѣйшія явленія польской исторической литературы въ Познани и Галиціи въ 1876 году. Въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1877. № 11.

26) *Ветоковъ М.* Россія и Востокъ. Собраніе географ. и полит. статей. Спб. 8-о. II + 296 стр. ц. 2 р.

27) *Владиміровъ В. А.* Самоотверженіе Сербянки. Драмат. эпизодъ въ 3 д. и 5 карт. Хркв. 44 стр. 6-о. ц. 50 к.

28) *Водовозова Е. Н.* Жизнь Европейскихъ народовъ. т. I. Жители Юга. Съ 26 рис. 8-о. XXII и 552 стр. ц. 3 р. 75 к.

29) *Волянъ, Г. А. де—* Сербскій вопросъ передъ судомъ русскаго общества. Спб. 12-о. 30 стр.

30) *Онъ—же.* Мадьяры и національная борьба въ Венгріи съ этнограф. картою. б. 8-о. 45 стр. ц. 50 к.

31) *Вороновъ А. Д.* Кириллъ и Мееодій. Главнѣйшіе источники для исторіи Свв. Кирилла и Мееодія. Кіевъ. 8-о. 331 + XII и II стр. ц. 2 р.

32) *Вышгородскій А.* Краткое сказаніе о Славянахъ, особенно о Болгарахъ т. е. объ ихъ происхожденіи и проч. и о при-тѣсненіяхъ отъ Турокъ. Для народа. *Рязань.* 8-о. 82 + II стр.

- 33) *Гиляровъ Ѡ.* Царство Сербское. Очеркъ изъ газ. „Современныя извѣстiя“. М. 8-о. V†194 стр. ц. 45 к.
- 34) *Головацкiй Я. Ѡ.* О народной одеждѣ и убранствѣ русиновъ или русскихъ въ Галици и сѣверо—восточной Венгрии. Спб. 8-о. 85 стр.
- 35) *Онъ—же.* Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси.. Послѣсловiе. Стр. 1—24. Въ „Чт. И. М. О. И. и Др. Р.“. 1877. кн. II.
- 36) *Г—кiй Я.* Попытки и старанiя римской курiи ввести грегорианскiй календарь у Славянъ православныхъ и Унiатовъ. Въ „Ж. М. Н. Пр.“. 1877 № 9.
- 37) *Григоровичъ В. И.* Очеркъ путешествiя по Европейской Турци. Изд. 2—е. М. 8-о. 181 стр. и 1 карта. ц. 1 р.
- 38) *Онъ—же.* Объ участii Сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношенiяхъ. Одс. 1876. ц. 40 к.
- 39) *Давидъ въ В. Д.* Самаринъ—ополченецъ. Изъ воспоминанiй его дружиннаго начальника поополченiю 1855 г. Въ „Рус. Арх.“. 1877. кн. II.
- 40) *Демеличъ Ѡ.* Обычное право южныхъ Славянъ по изслѣдованiямъ д-ра *Бошича*. Пер. съ фр. *В. Гецевича*. 1876. 8-о. 130 стр.
- 41) *Дунинъ К.* О мазовецкомъ правѣ (Магистерская диссертациа). ч. I. Врш. IV и 246 стр. 8-о.
- 42) *Духновичъ А. В.* Исторiя Пряшевской епархiи. Пер. съ вензд. лат. рук. *прот. Кустодiева*. Спб. 8-о. 102 стр.
- 43) *Житецкiй П. И.* Очеркъ исторiи малорусскаго нарѣчiя. Киевъ. 373стр. 8-о. ц. 2 р. 25 к.
- 44) *Забѣлинъ И. Е.* Посольскiя путешествiя въ Турцию въ XVII стол. Въ „Рус. Ст.“. 1877. 3 т.
- 45) *Задерацкiй Н. П.* Славянскiй Ежегодникъ. Сборникъ статей по славяновѣдѣнiю. Годъ изд. 2—й. Киевъ. 8-о. 328 стр. †4 стр. нотъ. ц. 60 к.
- 46) *Зарница.* Современная болгарская повѣсть. Пер. съ пол. А. I. Корвинъ—Круковской. Спб. 273 стр. 8-о. ц. 1 р.
- 47) *Иванъ Гусь,* мужъ свободы, правды, свѣта... Спб. 8-о. 21 стр.
- 47) *Извѣстiя Имп. Рус. Археологическаго Общества.* т. IX. в. 1. Спб. 4-о. 135 стр. съ 8 рис.
- 49) *Измайловъ Е.* Замятка къ „Правдѣ о Сербiи“. 8-о. 4 стр.
- 50) *Иречекъ К.* Исторiя болгаръ. Пер. съ нѣм В.А. Яковлева. Врш. 4-о. 541†VI стр. ц. 2 р.
- 51) *Исторiя 1000—лѣтней борьбы христанъ съ Магометанами и какъ въ этой борьбѣ поборницей одна православно—христанская Россiя.* М. 8-о. 2† 70 стр.
- 52) *К. А.* Какъ живутъ Сербы теперь и какъ жили прежде. Сртв. 31 стр. 8-о. ц. 15 к.

53) *Калужнякѣй Е. I* Обзоръ Славяно-Русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ. Кіевъ. 4-о. 109 стр. Изъ "Трудовъ" III—го Археолог. съѣзда.

54) *Канитцъ*. (Библіотека путешествій). Дунайская Болгарія и Балканскій полуостровъ. Съ картою. Спб. 1876. 362 стр. 8-о. ц. 2 р.

55) *Качановскій В.* Балканскіе Славяне въ эпоху покоренія ихъ Турками. Ст. въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1877. № 1.

56) *Клевановъ*. Очеркъ исторіи чешскаго вѣроисповѣднаго движенія, съ предисловіемъ *Бодянскаю*. 2 ч. М. 1876. ц. 5 р.

57) *Колосовъ М. А.* Забѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверо-великорусскаго нарѣчія. Спб. 8°. 343 стр.

58) *Онъ-же*. Старо-славянская грамматика. Изд. 5 (испр. и доп.). Ври. IV+71+20 стр. 8°. ц. 75 к.

59) *Коменскій Янъ Амосъ*. Великая дидактика. Изд. ред. ж. „Семья и школа.“ Спб. 8°. 292 стр.

60) *Корженіовскій I.* Карпатскіе горы. Траг. въ 3 д. Пер. съ пол. В. А.—ій. Спб. 8°. 50 стр. ц. 50 к.

61) *Кочубинскій А.* Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній: конс. +л, р+ъ—ь+конс. т. I. вып. 1. *Одесса*. Изъ XXV т. Зап. Имп. Новор. у-та. 8°. 90 стр. То-же. т. I. 8°. IV+222+1+1 стр. ц. 2 р.

62) *Онъ-же*. Отчетъ о занятіяхъ славянскими нарѣчіями съ 1 авг. 1874 по 1 февр. 1875. *Одс.* 1876. 8°. 76 стр.

63) *Красовскій А.* Исторія салонск. и сплѣтск. епископовъ, Ѳомы архидіакона сплѣтскаго. Ст. въ „Тр. Кіев. Дух. Ак.“ 1877. кн. 3 и сл.

64) *Кудрявцевъ А.* Рождественскій вечеръ у Славянъ. Въ „Христ. Чтеніи.“ 1877 г. Май-іюнь.

65) *Купчанко Г.* Нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ. *Кіевъ*. 1875. ц. 50 к.

66) *Лаговскій Ф.* Народныя пѣсни Костромской, Вологодской, Нижегородской и Ярославской губерній, собранныя и положенныя на ноты. Вып. I. Пѣсни посидѣлочныя, хоропроводныя и плясовыя. Череповець. 4°. V+591 стр. ц. 1 р. 25 к.

67) *Ламбинъ Н. П.* Славяне на Сѣверномъ Черноморіи. Ст. въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1877 іюнь.

68) *Леонтьевъ К.* Изъ жизни христіанъ въ Турціи. Повѣсти и рассказы. М. 1876. 442 стр. 8°. ц. 1 р.

69) *Липранди И. П.* Изъ записокъ. (Театръ войны на Дунаѣ; пути въ Болгаріи; состояніе турецкой арміи и пр.). Стр. 1—80. Въ „Чт. М. О. И. и Др. Р.“ 1877. кн. 3.

70) *Онъ-же.* Болгарія. Изъ записокъ—1—61 стр. Въ „Чт. М. О. И. и Др. Рос.“ 1877. кн. I (сотая).

71) *Онъ-же.* Климатъ Европейской Турціи. Стр. 1—32, (ib. кн. II).

72) *Онъ-же.* Народное врачеваніе Славянъ въ Европейской Турціи. Стр. 1—47. (ib. кн. II).

73) *Доначевскій А. И.* Сборникъ пѣсень буковинскаго народа. Киевъ. 1875. ц. 75 к.

74) Лѣтопись восточной войны 1877 г. Событія со времени объявленія войны до перехода черезъ Дунай. Изд. кн. В. В. Оболенскаго. 8°. XXVII+126 стр. ц. 40 к.

75) Магометане и христіане или Турецкія трущобы. (Современный очеркъ). М. 12°. 31 стр.

76) *Мажураичъ Ив.* Черногорцы или смерть Смаилъ-аги Ченгича. Поэма. Пер. съ сербо-хорв. А. Лукьяновскаго. Псковъ. 8°. 61 стр. ц. 35 к.

77) *Майковъ А.* Изъ русской исторіи два разсказа: 1) начало Москвы, 2) начало восточнаго вопроса. Спб. 79 стр. 8°. ц. 50 к.

78) *Максимовичъ М. А.* Собраніе сочиненій. Т. II. Отдѣлы: историко-топографическій, археологическій и этнографическій. Киевъ. 8°. VII+524 стр. ц. 3 р.

79) *Макушевъ В. В.* Изъ чтеній о старо-Чешской письменности. II. Згорѣльскіе отрывки Еванг. отъ Іоанна. Ст. въ „Филол. Зап.“ 1877.

80) *Онъ-же.* Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ (по неизданнымъ Итальянскимъ памятникамъ). Въ „Слав. Сборн.“ т. III, 1—27 стр.

81) *Онъ-же.* Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ XVI вѣка. тамъ же; стр. 27—122.

82) *Онъ-же.* Слѣды Русскаго вліянія на старо-польскую письменность. Пб. 166—182 стр.

83) *Маркевичъ.* Арсеній Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность. Историко-литературный очеркъ. Вриш. 1876. ц. 1 р. 50 к.

84) *Мацневскій В. А.* Древне-польская сельская община. Вриш. 8°. 24 стр.

85) *Межовъ В. И.* Литература русской географіи, статистики и этнографіи за 1873 и 1874 гг. т. VI. (10299 книгъ и статей). Спб. (Вып. 2). 8°. V + 276 стр.

- 86) *Мельниковъ Н.* Славянская звѣзда. Литературный альманахъ. Киевъ. 8°. 84 стр.
- 87) *Мещерскій кн. В.* Правда о Сербіи. 8°. 378 стр. ц. 2 р.
- 88) *Миллеръ Вс. Ѳ.* Забѣтки по поводу сборника Верковича. Въ „Ж. М. Н. Пр.“ окт. и въ „В. Ев.“ іюль.
- 89) *Миллеръ О. Ѳ.* Европа и Россія въ восточномъ вопросѣ. Ст. въ „Др. и Н. Рос.“ 1877. № 1.
- 90) *Онъ-же.* Славянство и Европа. Статьи и рѣчи. 1865—77 г. Спб. 8°. XVI+417 стр. ц. 1 р. 50 к.
- 91) *Н. А.* Наша печать и болгарскія дѣла. „Вѣстн. Ев.“ № 10.
- 92) *Онъ-же.* Къ вопросу о „славянской идеѣ“: Братячехи. „В. Е.“ № 11.
- 93) *Онъ-же.* Будущность славянства. „В. Е.“ № 12.
- 94) *Невзоровъ Н.* Этимологія и синтаксисъ церковно-славянскаго и русскаго языка въ связи съ элементарной логикой и съ приложеніемъ филологическаго указателя. Казань. 8°. VIII+146+XXIV+1 стр. ц. 1 р.
- 95) *Невѣста.* (Черта изъ народной жизни). Пов. пер. съ серб. М. Л. Марковичъ. Одесса. 8°. 95 стр. ц. 35 к.
- 96) *Неклюдовъ В.* Славянскій вопросъ. М. 1876. ц. 1 р. 25 к.
- 97) *Некрасовъ Н.* Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ на спряженія. Ст. въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1877. № 2.
- 98) *Николаи баронъ Л. П.* Дневникъ, веденный во время венгерской войны 1849 года. Въ „Рус. Стар.“ 1877, томъ 3. (т. 20-й).
- 99) *Овсянній Н. Р.* Современная Турція. Историко-этнографическій очеркъ. Спб. 8°. XII+158 стр. ц. 1 р.
- 100) *Отъ Дуная до Балканъ.* Лѣтопись Восточной войны 1877 г. Спб. 8°. 176 стр. ц. 40 к.
- 101) *П. А.* Нѣмецкій журналъ по славянской наукѣ: Archiv für slavische Philologie, von V. Jagić. Забѣтка. „Вѣст. Евр.“ № 1.
- 102) *Онъ-же.* Еще нѣсколько словъ по поводу южно-славянскаго вопроса. „В. Е.“ № 3.
- 103) *Онъ-же.* Старая и новая Болгарія. „В. Е.“ № 5.
- 104) *Павинскій А.* Полабскіе Славяне. Историческое изслѣдованіе. Спб. 1877. ц. 1 р. 50 к.
- 105) *Павловъ А. С.* Грамота Константинопольскаго патріарха Іереміи I о присоединеніи Сербскаго патріархата къ

Охридской архіепископіи. Изд. „И. О. И. и Др. Р.“ М. 8°. IV+4 стр.

106) *Первоульфъ I. I.* Варяги-Русь и Балтійскіе Славяне. Въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1877 г. іюль.

107) *Онъ-же.* Мадыяры и восточный вопросъ. Въ „В. Евр.“ сент. и окт.

108) *Онъ-же.* Германизація балтійскихъ Славянъ. Спб. 1876. п. 2 р.

109) *Петерсонъ.* (Библиотека путешествій). Венгрія и ея жители. Спб. 1876. 8°. 460 стр. ц. 1 р. 50 к.

110) *Петковичъ К.* Черногорія и Черногорцы. Очерки. 8°. 1+118 стр. Спб. ц. 60 к.

111) *Петровъ Н. И.* Историческій взглядъ на взаимныя отношенія между Сербами и Русскими въ образованіи и литературѣ. Киевъ. 1876. ц. 60 к.

112) *Петровъ Петръ.* Очерки Герцеговинскаго возстанія. „Рус. В.“ 1877. № 11 и 12.

113) Письма *Θаддея Булгарина* къ *Іоакиму Делевелю*. Изъ Варш. губ. Вѣд. № 16 и 17. Ври. 8°. 29 стр.

114) *Побѣдомосцевъ К. П.* Привлеченія чешскаго дворянина *Вратислава* въ Константинополь въ тяжкой неволѣ у Турокъ, съ австрійскимъ посольствомъ 1591 года. Пер. съ чеш. Спб. 16°. XX+252 стр. ц. 50 к.

115) *П—овъ Н.* Воспоминанія добровольца. Въ „Рус. Вѣстн.“ № 5 и 6.

116) *Поповъ Н. А.* Археологическое Общество при Ченскомъ музеѣ и его журналъ. М. 4°. 31 стр. Изъ „Трудовъ“ Москов. Арх. Общ.

117) *Поповъ Р. С.* Народныя чтенія въ Солиномъ городкѣ. О Сербяхъ. Спб. 28 стр. 8°. ц. 10 к.

118) *Онъ-же.* О Черногорцахъ. 24 стр. 8°. ц. 10 к.

119) *Поршнковъ А.* Славяне въ Турціи. Спб. 8°. 16 стр. ц. 5 к.

120) *Прохоровъ В. А.* О древнихъ сабляхъ съ греч., славянск. и др. надписями. 4°. Спб. 8 стр.

121) *Пташкинъ С.* Слѣды русскаго вліянія на старопольскую письменность. Замѣтка по поводу ст. *В. В. Макушева* въ Славянскомъ Сборникѣ. „Ж. М. Н. Пр.“ 1877. № 5.

122) *Онъ-же.* О литературной и ученой дѣятельности *Августа Бѣлевскаго*. Въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1877. № 12.

123) *Пяткинъ А. М.* Герцеговинскіе гайдуки сто лѣтъ назадъ. Ст. въ „Вѣст. Евр.“ 1877. нояб.

124) *Онъ-же.* Замѣтка къ статьѣ г. *Всеволода Миллера* о пѣсняхъ *манедоменихъ болгаръ*. „В. Евр.“ 1877. іюль.

125) *Онь-же.* Путешествіе г-жъ Меккензи и Ирби въ славянскихъ земляхъ Турціи. Въ „Вѣстн. Европы“ 1877. № 9, 10 и 11.

126) *У.* Въ исторіи Восточнаго вопроса. „Рус. Вѣстн.“ 1877. № 1.

127) *Онь-же.* Россія и Европа на Востокъ предъ Адрианопольскимъ миромъ. „Р. В.“ № 5.

128) *Онь-же.* Оппозиціонная литература въ Англіи по Восточному вопросу. „Р. В.“ іюнь.

129) *Ранке Л.* Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ, пер. П. Бартенева. Изд. 2-е. Спб. 1876. 8°. XII+452 стр. ц. 1 р.

129 а) *Ржша Ф. В.* Сравнительныя этимологическія таблицы Славянскихъ языковъ: древнеславянскаго, русскаго, польскаго, лужицко-сербскаго, чешскаго, словенскаго, сербскаго и болгарскаго. Спб. 4°. Вып. I. 1 р. 50 к.

130) *Раишъ Густавъ.* Черногорія. Очерки, картины и рассказы. Пер. съ нѣм. М. 8°. IV и 171 стр. ц. 1 р.

131) *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая географія, т. I. Греція, Европ. Турція, Румынія, Сербія, Черногорія и Италія. Спб. 1876. ц. 8 р.

132) *Родное племя.* Сборникъ, изд. Дамскимъ Отд. Слав. Комитета въ Москвѣ. кн. I. М. 1876. 8°. 247 стр. и II, изд. Слав. Комитетомъ въ Москвѣ. М. 1877. 8°. 312 стр. ц. за обѣ книги 2 р. 50 к.

133) *Рюстовъ В.* Война въ Турціи. Положеніе дѣлъ и событія на Балканскомъ полуостровѣ въ 1875 и 1876 гг. Спб. Пер. съ нѣм. 8. 107 стр. и 1 карта (Герцеговины). ц. 80 к.

134) *Садвиць Д.* Хекимъ-баши. Привлеченія доктора Джузеппо Антонелли въ турецкой службѣ. Пер. съ серб. М. 8. 515 стр. ц. 1 р. 50 к.

135) *Самаринъ Ю. Ѡ.* Сочиненія. т. I. Статьи разнороднаго содержанія и по польскому вопросу. М. 8°. X + 404 стр. ц. 1 р. 75 к.

136) *Онь-же.* Изъ посмертныхъ сочиненій. Объ отношеніи церкви къ свободѣ. М. 8°. 8 стр.

135 *Онь-же.* Письма къ кн. I. А. Мещерскому. Въ „Р. Арх.“. 1877 № 5.

137) *Онь-же.* Изъ дневника... въ 1850 г. (тамъ-же. № 6).

138) Сербскіе рассказы Капитана Кирилдыча. Милица (повѣсть). Странный случай. Боевые очерки. Кап.-лейтен. П.-ъ. Рядовой Харитонычъ. Спб. 8°. 279 стр.

139) *Славянскій сборникъ*, т. 2, изд. Спб. Отд. Слав. комитета. Спб. 8°. Съ этногр. картою Галиціи, Угрии и Буковины. VIII, 404, 98, 64, 149, X стр. ц. 3 руб.

- 140) *Славянство*. Сборникъ. Изд. 2. Спб. 8°. VI+131+58 стр. ц. 30 к.
- 141) Славяне. Сборникъ стихотвореній съ портретомъ М. Г. Черняева. Вып. II. ц. 20 к. Спб. 1876. VI и 52 стр. въ 8 д.
- 142) Славяне Балканскаго полуострова. Болгары, Сербы, Босняки, Герцоговинцы и Черногорцы. 1876. Спб. 8°. 32 стр. ц. 20 к.
- 143) Славянская война за независимость. Свѣтопечатный сборникъ. 2 вып. 4°. ц. по 50 к. за вып.
- 144) *Словарь*, краткій болгарско-русскій и русско-болгарскій Спб. Тип. Безобразова, 8°. 41 стр.
- 145) *Снегуревъ И.* Новый Заветъ на сербскомъ нарѣчїи. Очеркъ изъ эпохи возрожденія письменности у православныхъ Сербовъ. Кзн. 8-о. 45 стр.
- 146) *Соловьевъ С. С.* Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг. Въ „Рус. Старинѣ“ 1877. ноябрь.
- 147) Спасеніе Русскими Христіанки или восточная война (современный очеркъ) М. 16-о 39 стр.
- 148) *Стоюнинъ В. Я.* Александръ Семеновичъ Шипковъ. Въ „Вѣстн. Евр.“. 1877. № 9. 10. 11 и 12.
- 149) *Студитскій В. А.* Матеріалы для санитарнаго очерка Сербїи во время войны 1876 года. М. 8-о, 56 стр.
- 150) *Тепловъ В.* Адрианополь въ 1874 г. Изъ воспоминаній путешественника, 8-о. 44 стр.
- 151) *Турба В. В.* Славянскій міръ. Иллюстр. сборникъ. т. I. Спб. 4-о. Вып. IX. 288 стр. ц. 25 за вып.
- 152) *Убичини и де-Куртеймъ.* Современное состояніе Оттоманской имперїи. Статистика, правленіе, администрація, финансы, армія, общины не мусульманскія и пр. Пер. и изд. *Бакстъ*. Спб. 8°. XI + 240 стр. ц. 1 р. 75 к.
- 153) *Ульяницкій В.* Турція, Россія и Европа съ точки зрѣнія международнаго права. Ст. въ „Русск. Вѣстн.“ 1877. № 2 № 3 и № 6.
- 154) *Успенскій епископъ Порфирій.* О святомъ Кириллѣ, просвѣтителѣ Славянъ Моравскихъ (Отрывокъ изъ путешествія въ Аѳонскіе монастыри и скиты въ 1846 г.) Кіевъ. 8°. 32 стр.
- 155) *Утинъ Евг. П.* Болгарія во время войны. Въ „Вѣстн. Евр.“ 1877 кн. XI и XII.
- 156) *Фелькнеръ А.* Славянская борьба 1875—1876. Историческій очеркъ возстанія Балканскихъ Славянъ, Черногорско-Сербско-Турецкой войны и дипломатическихъ сношеній съ іюля 1875 по январь 1877. Спб. 8°. 322+VII стр. ц. 1р.

157) *Фриллей и Влохити*. Современная Черногорія, съ рис. и карт. Черногоріи, Герцеговины и Босніи. *Сиб.* 1876. ц. 1 р. 20.

158) *Фримэнъ А.* Восточный вопросъ съ географической точки зрѣнія. Ст. въ „Знаніи“ 1877. № 1.

159) *Отъ-же*. Искренность прошлогодняго народнаго движенія въ Англіи въ пользу турецкихъ славянъ. Въ „Христ. Чтенія“. 1877 май-іюнь.

160) *Фримэнъ Эд.* Раса и языкъ. Въ „Знаніи“ 1877 № 3.

161) *Хвольсонъ Д. А.* Возможны ли въ Турціи реформы въ отношеніи христіанскихъ подданныхъ. Спб. 12°. 42 стр.

162) *Хвостовъ А. Н.* Русскіе и Сербы въ войну 1876 года за независимость христіанъ. Общій критическій обзоръ. Спб. 8°. 79 стр. ц. 60 к.

163) *Хомяковъ* и славянское дѣло. Спб. 8°. 16 стр. ц. 5 коп.

164) *Хроника войны*. Сводъ корреспонденцій англійской газеты „Daily News“ т. I. Огъ февраля до половины іюня 1877. Пер. *В. Сарычевой*. Спб. 12°. 476 стр. ц. 1 р.

165) *Черногорія* (С. Дроссарда) Спб. 8°. 108 стр.

166) *Черногорія*. Статья Гладстона. Изд. въ пользу Черногорцевъ. 12°. 39 стр.

167) *Шмаринъ Н. Д.* Освобожденіе Русскими Славянскихъ братьевъ. Сцены изъ соврем. войны въ 2 д. Сиб. 8°. 47 стр.

168) *Юъ*. Историческіе рассказы изъ временъ 500-лѣтней борьбы сербовъ, черногорцевъ и болгаръ противъ турокъ. По чеш. оригиналу обработали Цитовъ и Сомевицкій. 8°. 64 стр. ц. 20 к.

Н. 3—цкій. *)

*) Для полноты обзора нелишнимъ считаемъ напомнить кое-что изъ исторіи журнальной болгарской дѣятельности. Основаніе ей положилъ *Фотиновъ* своимъ „*Любословіемъ*“ въ періодъ 1844—46 г. а. Политическую газету „*Болгарскій Орелъ*“ (схвѣншій „*Бомарскій народный вѣстникъ*“) издавалъ въ Лейпцигѣ въ 1846 г. *Богоровъ*. Въ 1849 г. въ Константинополѣ основанъ „*Цариградскій Вѣстникъ*“, который просуществовалъ до 1861 г. Періодъ борьбы и за національной церкви далъ толкъ къ большому оживленію болгарской публицистики. Въ самомъ Константинополѣ на этомъ полѣ трудились, гromя фанариотовъ и, въ вѣдѣстныхъ границахъ, д. ж. самихъ го, подъ своихъ Турокъ: *Цанковъ*, *Михайловскій*, *Найденовъ*, *Олавейковъ*, *Раковскій*, *Каравеловъ* и др. Въ 1875 г. на болгарскомъ языкѣ выходили 14 периодическихъ изданій. Въ Константинополѣ издаваемы были 4 газеты: „*Напредокъ*“ подъ ред. *Найденова*, „*Источно время*“ подъ ред. англичанина *Гемлея* (Hemley), „*Вѣкъ*“ и „*Детъ*“ — *Балабанова*; подъ ред. *Цанкова* выходилъ ежемѣсячный беллегригистичскій журналъ „*Читалище*“, и кромѣ того издавался духовный журналъ „*Вскресеникъ*.“ Въ Бузурешѣ выходили политическая газета „*Знамя*“, беллетристическая — „*Знаніе*“, сельско-хозяйственная „*Ступанъ*“ и педагогическая „*Училище*.“ На

СОДЕРЖАНІЕ

„Славянскаго Ежегодника“ 1876 года.

	СТР.
I Календарныя свѣдѣнія (святцы православныя и католическіе и пр.)	1.
II Успѣхи славяновѣдѣнія въ Россіи до 1872 года, по А. А. Майкову, П. А. Лавровскому и А. А. Котляревскому.	1.
III О славянской взаимности въ XVIII и XIX вѣкѣх проф. I. Первольфа.	49.
IV Славянская мѣологія, проф. Г. Крека (съ нѣм.).	91.
V Славянскія имена мѣсяцевъ. К. Я. Эрбена.	114.
VI Бѣлградъ. Изъ путешествія по Сербіи. К. Иречка.	150.
VII Краткій очеркъ библіографіи чешской литературы съ 1860 по 1873 годъ.	167.
VIII Черногорія. Очеркъ современнаго положенія, проф. А. С. Будиловича.	172.
XI Боснія и Герцеговина. Статистико географическій очеркъ.	182.
X Смѣсь и мелочи изъ области славяновѣдѣнія: а) Лужицкіе сербы; б) Болгарія и болгары (по поводу книгъ Канитца и Иречка); в) русская печать за	

самымъ важнымъ изданіемъ должно считать учено-литературный органъ въ Бразилѣ, подъ именемъ „*Периодическо списаніе*“, въ редакціи коего оч. дѣятельное участіе принималъ проф. Харьковскаго университета *Маринъ Степановичъ Дриновъ*, (нын. организаторъ учебнаго дѣла въ Болгаріи). Были на болгарскомъ языкѣ и чисто официальные изданія, таковы были Русскаго „*Дунавъ*“, Одринскій „*Одринъ*“ и Солунскій „*Солунъ*.“ Какъ продолженіе прекратившагося еженедѣльника „*Возрожденіе*“ выходила еженедѣльно „*Дунавска Зора*.“ Въ Бухарестѣ, подъ ред. *Хр. Г. Вичеварова* и *Д. К. Попова*, два раза въ недѣлю выходилъ „*Вѣстникъ*.“ Въ настоящее время издаются: въ Тырново научно-литературный журналъ „*Знаніе*“, подъ ред. Каравазова; въ Русуцѣ — „*Славянско Братство*.“ Политическая газета „*Матица*“ выходитъ въ Филиппополь, подъ ред. Хри. та Данова.

Для ознакомленія съ языкомъ болгарскимъ надо, конечно, въ недалекомъ будущемъ ожидать появленія многочисленныхъ пособій; по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ вполне надежными лицами, нѣсколько трудовъ по лексикографіи ждутъ только своихъ издателей, а именно: болгарско-русскій словарь бывшаго русскаго филиппопольскаго вице-консула *Герова*, который напечаталъ нѣсколько буквъ своего словаря въ „Извѣстіяхъ Академіи Наукъ“, и болгарско-греческо-русскій словарь архіепископскаго монастыря *Неофита*, который начиналъ печатать словарь въ Константинополь, но война помѣшала. Болгарско-русскій словарь, составленный *Тесхаровымъ*, долженъ, повидимому, увидѣть свѣтъ раньше другихъ.

По этнографіи обширный трудъ, въ видѣ географическаго словаря, приготовилъ *Славейковъ*, и мы въ особенности теперь ждемъ появленія его труда.

предѣлами Россіи; г) воеводство Буковина; д) черногорскій князь; е) сербскій князь Миланъ IV Обреновичъ; ж) содержаніе „Славянскаго сборника“, изд. петербургскимъ отд. славянскаго комитета; з) славянскіе журналы, на которые принимается подписка въ почтовыхъ конторахъ; и) славяне и славянки, воспитывающіеся въ Москвѣ и въ Кіевѣ; і) находка колоколовъ въ Сербіи; к) находка короны Душана тамъ-же; л) пражскій университетъ въ 1875 г.; м) печеная біблія; н) къ исторіи чешской грамматики; о) общества въ Прагѣ; п) курьезы изъ жизни князя Милоша сербскаго. . . . 207.

XI Статистическія таблицы распредѣленія славянъ А) по государствамъ и народностямъ, Б) по вѣроисповѣданіямъ, азбукамъ и литературнымъ языкамъ (нарѣчіямъ) проф. А. С. Будиловича 237.

Содержаніе „Славянскаго Ежегодника“ 1877 года.

I. Воспоминанія и замѣтки стараго Чешскаго патриота.	
<i>Як. Малаю</i> (I—XXVII гл.).	1.
II. Современные Болгары. Этнографическій очеркъ.	
<i>Канитца</i>	110.
III. Два письма К. Гавличка изъ Москвы.	177.
IV. Школа и жизнь въ Черногоріи. <i>М. Костича</i>	191.
V. О современной борьбѣ Черногорцевъ съ Турками и о бѣдственномъ положеніи Черной Горы. <i>Веселитскаго-Божидаровича</i>	224.
VI. Чешскій историографъ Францъ Палацкій	237.
VII. Боснія. (Изъ записокъ Англичанки).	256.
VIII. О будущности и всемірно-исторической роли Славянъ. <i>Графа Я. Гарраха</i>	280.
IX. Успѣхи славяновѣдѣнія за послѣднее время	295.
X. Янко Шафарикъ (неврологъ).	305.
XI. Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Рѣчь проф. <i>А. А. Котляревскаго</i>	308.
XII. О Борисѣ-Михаилѣ Болгарскомъ, праотцѣ Славянскаго просвѣщенія. <i>В. И. Гршоровича</i>	316.
XIII. О Библии на Славянскихъ нарѣчіяхъ. <i>Н. А. Виноградова</i>	325.
XIV. Славянскій маршъ <i>Г. Н. Аристова</i>	326.
XV. Содержаніе „Славянскаго Ежегодника“ 1876 г.	327.
XVI. Оглавленіе.	328.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
I. Австрійская публицистика предъ введеніемъ дуализма <i>проф. Н. А. Попова</i> - - - -	1.
II. Забытый польскій поэтъ <i>проф. В. В. Макушева</i>	51.
III. Народныя пѣсни Хорватовъ, записанныя въ XVIв.	
1) Марко Королевичъ и Андриашъ. 2) Радосавъ и Владисавъ.	
3) Мать—сестра <i>М. П—аго</i> - - - -	63.
IV. Очерки изъ новой польской литературы.	
1) Разборъ поэмы Мицкевича „Pan Tadeusz“ съ исторической точки зрѣнія. I—VIII гл. <i>Э. Н. Каля</i> - - - -	70.
2) О поэмѣ Залъскаго: „Духъ степи“ <i>ею же</i> - - - -	115.
V. О Славянской народной поэзии. Историческія свидѣтельства о пѣнн и пѣсняхъ Славянскихъ народовъ.	
1) Идея пѣсни. Древнѣйшія славянскія пѣсни были духовныя и обрядовыя. Сила народнаго пѣснопѣнія у Славявъ. (140). 2) Старыя церкви замѣнить народныя пѣсни церковными. Киріэлейсонъ. Запрещеніе народныхъ забавъ и пѣнія. Смѣшеніе церковныхъ текстовъ съ народными мотивами. Исчезновеніе разныхъ народныхъ обычаевъ и чрезъ то и пѣсень. (149). 3) Свидѣтельства о поэзии славянской изъ 7, 9 и 10 вѣка. Какова была давняя поэзія въ Польшѣ. Доказательства изъ лѣтописцевъ: Мартина, Кадлубка, Длугоша. Слѣды народной поэзии въ литературѣ 16 столѣтія. (168). 4) Чешскія свидѣтельства о пѣнн пѣсень. Слѣды народной лирики въ рукописяхъ. Историческія пѣсни вообще до народной эпки. Вліяніе нѣмецкое въ Чехіи. Jocular'ы и Vagant'ы. (179). 5) Свидѣтельства о пѣнн пѣсень у Русскихъ. Церковь воетъ противъ разныхъ обычаевъ. Лѣтописи упоминаютъ Алешу Поповича, Добрыню, но молчатъ объ Ильѣ Муромцѣ. Упоминаніе объ Ильѣ въ 16 и 17 столѣтіи. Слѣды въ нѣмецкой сагѣ. (193). 6) Старыя киевскія воспоминаванія, сохранившіяся только у Великоруссовъ. Почему въ южной Руси нѣтъ былинъ. Слово о полку Игоревѣ. Вліяніе на Задонщину. Думы. (221). 7) Югославянскія лѣтописи либо не говорятъ о пѣнн, либо очень мало. Свидѣтельства изъ 14, 16, 17 и 18 столѣтія. Далматинско-дубровницкая письменность молчаніемъ одобряетъ народную поэзію у старѣйшихъ лириковъ, у Гекторовича, Гумдулича, Пальмотича. Первые собиратели въ 16 вѣкѣ. Качичъ. (233).	
Соч. <i>проф. В. В. Ямча</i> , перев. съ хорватскаго <i>Н. З—икаго</i> - - - -	140.

VI.	Франць Ладиславъ Челяковскій <i>Н. З—цаю</i>	271.
VII.	Письма Челяковского, сообщ. <i>проф. А. С. Будиловичъ</i>	285.
VIII.	Черногорія. 1) Имя и происхождение Черногоріи. 2) Стара и теперешнія границы Черногоріи. 3) Географія. 4) Управленіе. 5) Судъ. 6) Племя, раздѣленіе земли и дворянство. 7) Просвѣщеніе. 8) Военная организація. 9) Источники дохода и этнографическія черты. 10) Сочиненія о Черногоріи на сербскомъ и др. языкахъ. Этюдъ по соч. архим. <i>Н. Дучича. Н. П. З—цаю.</i>	296.
IX.	Осипъ Максимовичъ Бодянскій, <i>проф. А. А. Котляревскаю</i>	343.
X.	Взглядъ Мадьярскаго этнографа на Славянъ соч. <i>П. Гунфальви</i> . Пер. съ вѣм. <i>Н. З—цаю</i>	353.
XI.	Славянскія учено-литературныя извѣстія за 1877 годъ <i>Н. З—цаю.</i>	
	а) Чешскій отдѣлъ	400.
	б) Польскій	406.
	в) Галицко-русскій	416.
	г) Хорватскій	418.
	д) Сербскій	421.
	е) Русскій	422.
XII.	Содержаніе „Славянскаго Ежегодника“ 1876 и 1877 годовъ. Оглавленіе	430.

